This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 147.2

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

5283

Отд. XVII № 12571 Шк.

БЕСѢДА

28272

VIII

БИБЛІОТЕКА КОНСТАНТИНОВСКАГО МЕЖЕВАГО ИНСТИТУТА

МОСКВА

1871.

Digitized by Google

КНИГА VIII-я.—АВГУСТЪ. 1871 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ОТДѢЛЪ I.

Стран.

I.—БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ.—Драма. **Н. В. Маклакова** . . . 5

II.—ОПЯТЬ НА РОДИНѢ.—Стихотвореніе. **И. Н. Якушина** . . 146

III.—ВЪ ЧЕМЪ МЫ ВСЕГО БОЛѢЕ НУЖДАЕМСЯ?—**А. И. Кошелева** 147

IV.—О ПОДУШНОЙ ПОДАТИ.—С. А. Л-го. 175

V.—КОЛОНИЗАЦІЯ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНІИ И РАСПРОСТРАНЕНІЕ ГОРНАГО ПРОМЫСЛА.—IV.—**Н. П. Колюпанова** . . 189

VI.—АВСТРІЯ И СЛАВЯНЕ.—**Н. И. Сливова**. 214

VII.—СЕРБІЯ ПОСЛѢ ПАРИЖСКАГО МИРА.—Гл. II.—**Н. А. Попова** 247

ОТДѢЛЪ II.

VIII.—МЕКСИКА И ИМПЕРАТОРЪ МАКСИМИЛІАНЪ. — Романъ **Герштекера**.—V—VI. . . . . .

IX.—НОВЫЯ КНИГИ.—Наше отчизновѣдѣніе: О наводненіи арало-каспійской низменности—Я. Демченка.—**А. К. Завадскаго-Краснопольскаго** 1

Военная библіотека, т. I—IV.—Отчетъ о посѣщеніи военно-санитарныхъ учрежденій въ Германіи, Лотарингіи и Эльзасѣ въ 1870 году—Пирогова.—X. 10

Иностранная литература: La [illegible]
ris — M. Delachenalle. —
nelle—Ed. Laboulaye.—Je
paysans — M. L. Gagneu
Prevost-Paradol.—Ulrich vc
—Lieder des Hasses . . .

X.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Дв
тельства за первую половину

XI.—ИЗЪ СУДЕБНОЙ ЛѢТОПИСИ.—С
нѣйшія дѣла, производившіяся
Два дѣла о клеветѣ въ печат

Digitized by Google

БЕСѢДА

1871

Digitized by Google

Digitized by Google

БЕСѢДА

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

Книга VIII.—Августъ

МОСКВА
И. Г. Соловьевъ. Страстной бульваръ
главная контора журнала

ВѢНА
C. Gerold u. Sohn

БЕРЛИНЪ, ЛОНДОНЪ
A. Ascher & C°

НЬЮ-ІОРКЪ
E. Steiger

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
А. Ѳ. Базуновъ. Невскій проспектъ
главная контора журнала

58-5

Digitized by Google

Pzz 147.2 (1871 no. 8)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
28 JUL 1965

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°.
Большая Дмитровка, д. № 7.

Digitized by Google

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ.

Драма въ 6 дѣйствіяхъ.

Opus aggredior opimum casibus, atrox praeliis, discors seditionibus, ipsa etiam pace saevum.
Tacit. Histor. Lib. I. 1.

То не черныи хморы ясне сонце заступали,
Не буйныи вѣтры въ темнимъ лузѣ бушовали.
Козаки Хмельницького ховали,
Батька свого оплакали.

ПРОЛОГЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Богданъ Зиновій Хмельницкій, 45-ти лѣтъ, украинскій старшина.
Странникъ-богомолецъ, изъ чешскихъ братьевъ, 60 лѣтъ.
Казачка.
Сынъ ея, 7 лѣтъ.
Дорошъ, джура Хмельницкаго.
Остапъ, молодой казакъ.
Украинскіе казаки и казачки всѣхъ возрастовъ.

Дѣйствіе происходитъ въ половинѣ XVII вѣка, на Украйнѣ, въ чигиринскомъ староствѣ, недалеко отъ хутора Суботова, принадлежащаго Хмельницкому.

Вечеръ. Красивая степная мѣстность; впереди лугъ и край лѣса; народъ убираетъ сѣно; женщины разговариваютъ между собою, либо поютъ, не покидая работы; дѣти играютъ и рѣзвятся; грудныя дѣти сидятъ близъ матерей въ коробахъ и плетушкахъ. Остапъ оправляетъ стогъ, а молодыя женщины подаютъ ему на вилахъ сѣно; чешскій братъ отдыхаетъ въ сторонкѣ на повалившемся деревѣ, полдничая хлѣбомъ и запивая его водою изъ походной кружки.

Казачка (своему сыну, повздорившему съ товарищемъ).

...Цыцъ, бѣсеня! Вотъ я отдамъ
Тебя татарамъ!

Digitized by Google

Мальчикъ.

Э, да ну, отдай!
Скажу: «Татаринъ, съѣшь свиное ухо»,
Да тутъ ему—и голову долой!

Казачка.

Каковъ завзятый? Погоди-жь... ляхамъ
Отдамъ тебя!

1-й казакъ.

А онъ еще не знаетъ,
Какъ сынъ кричалъ отцу: «Ой тату, тату!
Глянь, тату: я татарина поймалъ».
—Поймалъ? Тащи! «Нейдетъ».—Вяжи! «Да не дается».
—Пусти-жь его! «Ни, тату, онъ дерется!»

Мальчикъ (подбѣжавъ къ говорящему и уставя на него глаза).

Ляхи-то что?

1-й казакъ.

У матери спроси.

Мальчикъ (перебѣжавъ отъ него къ матери).

Ляхи-то, мамо?

Казачка.

А ляхи-то, дурень,
Ни дать, ни взять,—какъ пьявки, что въ болотѣ:
Наскочутъ на тебя, да присосутся,
Да кровь твою, толстѣя, будутъ пить.

Мальчикъ (струся).

Ой мамо, цуръ имъ, не хочу къ ляхамъ!

Казачка (усмѣхаясь).

Ну такъ отдамъ жиду.

Мальчикъ (сквозь слезы).

А жидъ-то, мамо?

Казачка.

А жидъ-то? Да и жидъ такая-жь пьявка.
Одно вотъ, что о двухъ онъ хоботахъ:
Однимъ вопьется въ хлопа, а другимъ—
Изъ пана тянетъ кровь.

Digitized by Google

Остапъ (на стогу, оробѣвшему мальчику, который усиливается спрятать голову къ матери въ колѣна).

А ты бы, хлопецъ:
«Погодь, молъ, мамо! Выросту большой—
Куплю себѣ козацкую шаблюку,
То и ляховъ твоихъ, жидовъ и татарву
Всѣхъ зарублю, да и вернусь до хаты
Съ гульбы козацкой—съ полною кисой!»

Казачка (приласкавъ сына).

Скажи ему, дѣтинко: «Гдѣ, молъ, намъ
Въ войну соваться? Нѣтъ такихъ людей,
Что были прежде! У меня, молъ, дядя,
Повѣсили ляхи отца родного,
А братика сварили въ кипяткѣ;
Ну, и меня сварятъ. Вотъ такъ, молъ, дядя!»

Остапъ (осердясь).

Чего вы брешете? А панъ Хмельницкій
У насъ на что?

Казачка.

Хмельницкій-то? Да онъ
Сосватанъ на ляховкѣ! Гдѣ ужь вѣрить
Хмельницкому!

Остапъ.

Такъ отъ чего-жь не вѣрить?

(Увидавъ Хмельницкаго, который изъ лѣса выѣзжаетъ на конѣ, въ сопровожденіи вооруженнаго Дороша)

Про волка молвь, а волкъ и самъ на дворъ.
Здоровъ будь, батечьку!

Народъ кланяется Хмельницкому и мало по малу собирается вокругъ него.

Хмельницкій (бодро соскочивъ съ коня).

Здоровы, братцы!
Постой Дорошъ... дай запалить мнѣ люльку.

(Достаетъ у Дороша огонь изъ трубки)

Богъ въ помощь вамъ!

(Замѣтя, что Остапъ заигрываетъ съ дѣвчатами)

Digitized by Google

А ну, Остапъ, ты мастеръ
Возиться съ плахтами... А такъ ли, хлопецъ, будешь
Работать въ чистомъ полѣ? А пора,
Давно пора намъ—ворогамъ сказаться
И крѣпко за отчизну нашу стать!

(Ударяя по саблѣ)

Не умерла козацкая въ насъ маты—
И вольный людъ отвсюду соберетъ.
А ну-те, братцы! Дѣло не уйдетъ:
Бросайте-ка работу, да сейчасъ же
Ко мнѣ на хуторъ—доброй пить горилки!
Э! только-бъ поскорѣй сыграть мнѣ свадьбу,
А вамъ бы хлѣбъ убрать: вотъ и простимся,
Кто съ маткою, кто съ жинкой, кто съ коханой,
Да и въ походъ—до шляхты и до пана!

Остапъ (соскочивъ на землю).

Веди насъ, батьку!

2-й казакъ.

Да не худо-бъ, батьку,
Встряхнуть жидовъ! Они—враги Христовы
И пуще лядщины заѣли божій людъ.

3-й казакъ.

А вотъ пожмемъ ихъ, такъ пойдетъ не сало,
А може грошики!

Чешскій братъ (громко, но не относясь ни къ кому).

Когда бы песъ
Забылъ дремать, словилъ бы онъ и зайца.

Хмельницкій (увидавъ его).

Куда бредешь, старикъ?

Чешскій братъ.

Куда и всякій.
Бреду, пока дойду до домовища,
Да спать улягусь.

Хмельницкій (подавая ему).

Ты дойдешь не скоро:
Возми себѣ!

Digitized by Google

Чешскій братъ (не принимая подаянія).

Нѣтъ, нѣтъ! Спасибо, пане!
Куда мнѣ съ деньгами! Мнѣ не веселье *)
Справлять.

Хмельницкій.

Такъ будь же ласковъ, приходи
Ко мнѣ на отдыхъ! Нашимъ гостемъ будешь.
Ты божій человѣкъ, такъ принесешь
Благословенье въ домъ.

Чешскій братъ.

Его для всѣхъ
Равно Отецъ небесный посылаетъ;
Да входъ къ себѣ даетъ ему не каждый.
(Помолчавъ)
Мнѣ дѣлать нечего въ твоемъ дому.

Хмельницкій.

Не ласковъ ты, старикъ.
(Обращаясь къ народу)
А нуте-жь, хлопцы,
Идите всѣ ко мнѣ! Вотъ мой Дорошъ
Васъ доведетъ, а тутъ и я за вами.

Всѣ уходятъ, кромѣ Хмельницкаго и чешскаго брата.

Хмельницкій (медленно приближаясь къ чешскому брату).

За что̀, старикъ, ты такъ суровъ со мною?
Кто ты таковъ? Что сдѣлалъ я тебѣ?
Ты не шпіонъ-ли?

Чешскій братъ (не перемѣняя положенія).

Что-жь, убей меня!
Кровь русскую прольешь ты не впервые.
Быть можетъ, чѣмъ пожалуетъ король,
И саблю золотую дастъ въ придачу,
Какъ подъ Смоленскомъ, гдѣ о кости русскихъ
Ты русскую же саблю иззубрилъ,

*) Веселье—свадьба.

Digitized by Google

И плѣнныхъ братьевъ, какъ степныхъ барановъ,
Велѣлъ погнать въ подарокъ Владиславу.

Хмельницкій.

Старикъ!
Ты все живешь въ прошедшемъ, а ему
Теперь ужь никогда не воротиться.
Самъ Петръ Могила, нашъ святый владыка,
Во имя Божье отпустилъ мой грѣхъ,—
А память людская въ себѣ его хранитъ
И нагло мнѣ его бросаетъ въ очи!
Смотри: отъ Кіева до Черноморья,
Отъ Каспія до Буга и Днѣстра —
Встаютъ ужь волны русскаго народа....
Кто движетъ эти волны? Кто Украйнѣ
Моститъ къ свободѣ путь, и чье же имя
Здѣсь каждый поминаетъ на молитвѣ?

Чешскій братъ (встаетъ).

Постой, безумецъ.... Еслибъ ты услышалъ,
Что про тебя народъ теперь толкуетъ,
Не сталъ бы ты собою такъ хвалиться.
Когда рабомъ Египта былъ Израиль,
Имъ Богъ освободителя послалъ:
Но чуждъ былъ Моисей египетскихъ соблазновъ,
Не взялъ себѣ женою египтянку.
Вотъ-такъ и наши чехи: Жижка Янъ,
Прокопій Голый—оба жили правдой
И честно отъ враговъ насъ боронили.
Таковъ ли ты, Хмельницкій? Отвѣчай!
Всего-ль себя приносишь ты Украйнѣ?
Иль для себя Украйну бережешь?...
Молчишь ты! Гдѣ-жь твой славный подвигъ?
Ты льстишь ляхамъ! У матери родной
Твоихъ дѣтей—тепла еще могила,
А ты свою ужь забываешь мать —
И самъ же ты, Украйны сынъ свободный,
Какъ будто въ смѣхъ любви къ тебѣ народной —
У вороговъ жену себѣ берешь!

Digitized by Google

Хмельницкій (строго).

Довольно! Мнѣ давно такія рѣчи
Наскучили. Кто наверху стоитъ,
Тотъ дальше видитъ. Мнѣ люба Юзефа—
И я женюсь.

Чешскій братъ.

Когда-бъ такъ говорилъ
Твой сынъ Тимошъ, оно понятно-бъ было;
Безумна юность: молодая кровь
Бьетъ въ голову. Но ты, Богданъ Хмельницкій,—
Мужъ опыта, и сѣдинѣ твоей
Приличнѣе разсудокъ, чѣмъ безумье.
Двумъ господамъ нельзя служить, и грѣхъ
Съ нечистымъ сердцемъ приступать къ святынѣ!
Кого гражданскій долгъ зоветъ на подвигъ,
Тотъ все оставь! И глупо, и негоже
Ему тогда въ мальчишество играть
И тратить жизнь надъ красотой лукавой.
Повѣрь, Богданъ, тебя не любитъ полька,
Да и любить не можетъ. Между вами
Залегъ пустырь—и женская лишь хитрость
Могла тебя на удочку поймать.
Кинь польку! Время не ушло! Не будетъ
Изъ вашей свадьбы толку! Вспомянешь
Мои слова, да только будетъ поздно
Поправить дѣло....
Не гнѣвись, Богданъ....
Я все сказалъ! Прощай!... Иду заутра
На православный Сѣверъ вашей Руси,
И тамъ, въ Москвѣ, подлѣ святынь народныхъ,
Молиться стану я о южныхъ братьяхъ —
И о тебѣ, Хмельницкій, да Господь
Тобой спасетъ страдалицу Украйну.

Уходитъ по лѣсной тропинкѣ; Хмельницкій остается въ глубокомъ раздумьи.

Хмельницкій (одинъ).

Идетъ на сѣверъ Руси! Видно, Русь
Одна на свѣтѣ?... Знать и вправду
Москва и Кіевъ, Галичъ и Волынь,

Digitized by Google

Хоть врознь живутъ—все братья дорогіе....
Эхъ воля, воля! Гдѣ-бъ тебя добыть?
Гуляешь ты, какъ вѣтеръ въ чистомъ полѣ
Туда, сюда, а въ руки не даешься!
Увидимъ; пусть само покажетъ дѣло,
Что надо дѣлать; а теперь, старикъ,
Неясно ты въ душѣ моей читаешь;
Напрасенъ же и страхъ твой за меня.

Уходитъ, уводя въ поводу лошадь.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Матѳій Лубенскій, архіепископъ гнѣзненскій, примасъ польскаго королевства; езуитъ.
Патеръ Черневичъ, пріоръ католическаго монастыря въ Прилукахъ; езуитъ.
Чаплинскій, молодой шляхтичъ, дозорца у гетмана Конецпольскаго въ Чигиринѣ.
Юзефа, молодая полька.
Дорошъ, джура Хмельницкаго.
Монастырскіе слуги и стражники.

ЕЗУИТЫ.

Дѣйствіе происходитъ въ Прилукахъ.

Рабочій кабинетъ патера Черневича въ зданіи прилуцкаго монастыря; шкапы съ книгами, глобусы, физическіе инструменты; передъ распятіемъ горитъ лампада. Комната эта со сводами, витою лѣстницею, подъемными дверьми и нѣсколькими скрытыми выходами. Сквозь окна, выдающіяся на хоры освѣщеннаго монастырскаго храма, видны молящіеся, и доносятся время отъ времени звуки органа и церковнаго пѣнія. На столѣ, въ углубленіи алькова, остатки роскошнаго завтрака. Примасъ польскаго королевства Матѳій Лубенскій сидитъ за рабочимъ столомъ, въ одеждѣ капуцина; патеръ Черневичъ, стоя, помогаетъ ему разбирать бумаги.

Лубенскій (насмѣшливо).

Вы, мудрый патеръ, все еще боитесь,
Чтобы намъ эти хлопы изъ Украйны—

Digitized by Google

Въ Варшавѣ не надѣлали хлопотъ?
Неужто ласки паньи молодой,
Красавицы—полячки не сумѣли
Медвѣдю вашему надѣть намордникъ?
Нельзя-ль вамъ поподробнѣй расказать
Хмельницкаго исторію, чтобъ съ вами
И мнѣ въ немъ разглядѣть опаснаго врага!
Не то, простите, хочется все думать,
Что просто вы... къ красавицѣ женѣ
Его ревнуете.

Патеръ Черневичъ.

Да нѣтъ же, ваша свѣтлость!
Тутъ правомъ ревновать владѣетъ ужь Чаплинскій!
Исторія-жь Хмельницкаго проста:
Еще и въ школѣ нашихъ езуитовъ
Онъ мастеръ былъ глаза всѣмъ отводить;
Дружитъ, бывало, нашимъ—вашимъ; самъ же
Такую штуку смажетъ втихомолку,
Что вдругъ и не поймешь. Покойникъ Конецпольскій,
Отецъ того, что правитъ въ Чигиринѣ,
И тотъ уже ни въ чемъ ему не вѣрилъ.
Охъ! Много-жь загубилъ я съ нимъ ищеекъ!
Да все не въ прокъ. Одна лишь удалась.
Красавицъ паней много есть у насъ—
Да какъ-то... головой онѣ слабеньки;
И прежде чѣмъ самимъ имъ въ цѣль попасть,
Глядишь—другіе въ нихъ, какъ въ цѣль, попали.
Въ итогѣ-жь, что и умъ и красота
Тутъ ни по чемъ: тутъ—ловкость!

Лубенскій (лукаво).

Мастеръ вы
Соединять пріятное съ полезнымъ.

П. Черневичъ.

Безъ этого какъ жить-то, ваша свѣтлость?
И какъ же Бога-то мы стали бы хвалить?

Лубенскій.

Конечно такъ. А кто, скажите, эта
Прекрасная и ловкая ищейка?

Digitized by Google

П. Черневичъ.

А та-жь жена Хмельницкаго. Вѣдь прежде
Онъ былъ женатъ на русской, такъ у ней
Какой-то родственникъ держалъ женою польку:
И оба умерли, и послѣ нихъ осталась,
Такъ, лѣтъ пятнадцати,—малютка дочь.
Мы разрѣшили ей для вида схизму,
И ловко въ домъ къ Хмельницкому ввели.

Лубенскій.

А дальше что?

П. Черневичъ.

А дальше... что же дальше?
Въ сироточкѣ, голубоглазой Юзѣ,
Жена Хмельницкаго души не стала слышать;
А я за нимъ лихихъ пустилъ довудцевъ,
Почти пять лѣтъ считалъ за нимъ слѣды
И наконецъ узналъ....

Лубенскій (зѣвая и потягиваясь).

Что Юзя хорошѣетъ?

П. Черневичъ.

Нѣтъ, ваша свѣтлость... что Украйна
Давно ужь приготовлена къ возстанью,
И хлопы только ждутъ, чтобы Хмельницкій
Условный знакъ имъ подалъ къ избіенью
Ксендзовъ и панства. Я пишу въ Варшаву,
И онъ туда-жь, да только все другое,
И въ письмахъ надъ моимъ глумится страхомъ;
А уличить его—и мнѣ ужь не подъ силу!

Лубенскій.

Я вижу, крѣпко вы сердиты на него.
А почему вы, отче, не прибѣгли къ средству,
Всегда полезному—

(Дѣлая выразительный знакъ).

гдѣ правосудье
Задумаетъ дремать?

П. Черневичъ.

А что тутъ дѣлать?
Хотѣлось, да нельзя! Случись-ка что съ Хмельницкимъ—

Digitized by Google

Намъ первымъ бы досталось на орѣхи.
Тутъ вышло, да не то. У Юзи на рукахъ
Жена Хмельницкаго негаданно скончалась.
Старикъ грустилъ, грустилъ...

Лубенскій.

И за усердье Юзи
Къ покойницѣ — женился на Юзефѣ.
Не это ли?

П. Черневичъ.

Такъ точно, ваша свѣтлость!
Да изъ того намъ пользы вышло мало.
Хмельницкій Юзю крѣпко полюбилъ,
Да самъ-то ей ни въ чемъ не поддавался.
А главное... о женская природа!
Знать вправду «на землѣ здѣсь совершенства нѣтъ»:—
Съ нимъ Юзя заодно лукавить стала,
И козаки сошлись еще съ нимъ ближе.
А тутъ еще бѣда: имъ помогаетъ тайно
Оружьемъ и казной... вы думали бы кто?—
Его величество, король!

Лубенскій (поспѣшно вставая).

Возможно-ль?

П. Черневичъ.

Да, да! Король—и канцлеръ Оссолинскій!

Лубенскій.

Но это клевета!

П. Черневичъ.

Къ несчастью, правда!
Ужь козаки въ лѣсахъ сбираютъ рады,
Куютъ оружіе, святятъ ножи,
Всѣ хлопы разбѣжались отъ пановъ,
И смѣлыя повсюду ходятъ рѣчи,
И шибко пахнетъ кровью: а въ Варшавѣ
Никто себѣ и ухомъ не ведетъ.
Хмельницкаго мы джуру подцѣпили:
—У васъ измѣна? «Та яка-жъ измина?»
—Такъ на кого-жь вы строите ладьи?

Digitized by Google

«Ось воювать Турейчину идемо!»
И дурень проболтался, что король
Прислалъ имъ съ Оссолинскимъ возъ червонцевъ,
Да приказалъ шестьсотъ ладей построить,
И козаковъ числомъ ушестерить.

(Съ тонкою ироніей)

Я знаю,—это новость для Варшавы;
Но согласитесь же, что это фактъ.

Лубенскій.

Да, признаюсь, все это такъ мнѣ ново,
Что я ушамъ своимъ боюся вѣрить!
Во всякомъ случаѣ, примите благодарность
За ваши дѣйствія. А гдѣ козакъ?
Нельзя ли намъ его.... спросить немножко?

П. Черневичъ.

Слегка-то я ужь спрашивалъ его....
Да къ стали и огню они ужь попривыкли;
Молчитъ себѣ,—смекнулъ, что проболтался.
Когда дѣла покончимъ, не угодно-ль
Съ нимъ побесѣдовать построже, а теперь
Дозвольте досказать вамъ остальное.

Лубенскій (садясь и рукою приглашая сѣсть Черневича).

Пожалуйста! Я слушаю.

П. Черневичъ.

Змѣю
Всегда бьютъ въ голову. Всего казалось лучше,
Хмельницкаго запутать, чтобъ ему
Не шли на умъ безумныя затѣи.

Лубенскій (съ тонкою усмѣшкою).

Вы, патеръ,—геній!

П. Черневичъ.

Это, ваша свѣтлость,
Въ насъ Орденъ развиваетъ геніальность;
Онъ движитъ къ просвѣщенью родъ людской...
У Конецпольскаго въ дозорцахъ служитъ
Одинъ изъ нашихъ: нѣкто панъ Чаплинскій,

Digitized by Google

Повѣса изъ повѣсъ и плутъ изъ плутовъ.
Хмельницкій у него отбилъ Юзефу,
И тотъ ему теперь заклятый врагъ;
А Юзя, какъ была еще дѣвчонкой,—
Надъ первымъ имъ училась дѣлать глазки.
Мы за Чаплинскаго: и что-жь?—влюбилась Юзя!
Натура женщины всегда себѣ вѣрна.
Увидите, сейчасъ придетъ она
За справкой: грѣхъ иль нѣтъ, покинувъ мужа,
Съ Чаплинскимъ ей уйти и обвѣнчаться.
Да прибѣжитъ и этотъ толковать:
Нельзя-ль бы такъ подъ мужа подобраться,
Чтобъ отъ него съ женой—ужь и имѣнье взять.
А что тогда заговоритъ Хмельницкій?
Пословица не даромъ учитъ насъ,
Что каждому своя рубашка къ тѣлу ближе;
И врядъ ли крышу кто сосѣду крыть захочетъ,
Коль у него своя разорена.....

Слышны три легкіе удара въ дверь.

Лубенскій (въ полголоса).

Вотъ ваши гости! Дѣйствуйте смѣлѣй.
Меня же спрячьте, чтобъ мнѣ можно было
Все видѣть, слышать—и у васъ учиться.

П. Черневичъ (указывая на альковъ и опуская за Лубенскимъ драпировку).

Сюда! А больше негдѣ, извините!

Отпираетъ скрытую дверь, принявъ благочестивое выраженіе лица.

Тѣ же и **Юзефа Хмельницкая**.

Юзефа (снимая съ себя покрывало).

Простите грѣшницѣ, отецъ святой,
Что, приходя въ часы священной службы,
Я отвлекаю васъ, быть можетъ, отъ молитвъ.
(Снявъ съ себя ожерелье, подаетъ его Черневичу)
Пусть будетъ этотъ даръ Пречистой Дѣвѣ
Свидѣтелемъ предъ вами, что и я
Желала-бъ ей молиться—да не смѣю
Къ Ея стопамъ мою повергнуть скорбь.

Digitized by Google

П. Черниевичъ (принявъ ожерелье, кладетъ его на столъ).

Пречистая мольбы не отвергаетъ—
И сердце скорбное всегда къ ней близко.

(Подавая Юзефѣ въ четверо сложенную бумагу)

Я вашу исповѣдь читалъ и понялъ
Весь трудъ борьбы, что вы съ собой ведете,
И подвигъ тяжкаго души страданья,
И нѣжность чувствъ, и пылкость женской страсти,
И все, чѣмъ такъ бываетъ сладокъ грѣхъ,
Что такъ влечетъ къ невидимой напасти.
Да! Все теперь понятно стало мнѣ!
Вы видите, скользка грѣховная дорога,
Но вѣдь за тѣмъ и милость есть у Бога,
Что человѣкъ не можетъ не грѣшить;
И церкви власть дана вязать, рѣшить,
Смиренью въ помощь—гордымъ въ обузданье.
Когда вступили вы къ Хмельницкимъ въ домъ,
Вы предразсудокъ тотъ, что совѣстью зовемъ,
Всецѣло покорили послушанью,
И вѣра въ Господа прославилася въ васъ.
Но въ правдѣ вы недолго устояли,
И славу Божію безумно промѣняли
На грѣшный поцѣлуй еретика;
И обратились вамъ, по дѣйствію врага,
Во вредъ ея святыя предписанья.
Но Промыслъ Божій васъ невидимо хранитъ
И отъ погибели премудро избавляетъ.
Господь для васъ иной назначилъ путь,
Да обратится грѣхъ вамъ во спасенье.
Я властью церкви разрѣшаю вамъ
Еретика отвергнуть—и вступить въ замужство,
Что вамъ давно указывало сердце.
Какъ общая и нѣжная всѣмъ мать,
Васъ церковь съ радостью пріемлетъ снова
И требуетъ отъ васъ одной лишь жертвы:
Чтобъ вы любовью ей платили за любовь;
Въ душѣ всегда ей оставались вѣрны
И помнили.... что польская въ васъ кровь.

Digitized by Google

Юзефа (сильно взволнованная).

Нѣтъ! Нѣтъ, отецъ! О томъ я не забыла,
Что полька я! Увидите.... Прощайте!

Поспѣшно уходитъ въ другую дверь.

П. Черневичъ (внимательно запирая за нею и осматривая дверь).

Какая прыть! Вотъ только-что про Польшу
Словечко выкинулъ—схватить за горло рада.
Истерика, иль къ родинѣ любовь?
Самъ не пойму. И кто васъ знаетъ, бабы?
На сдѣлки съ совѣстью вы больно ужь умны!

(Прислушивается и говоритъ, подойдя къ алькову)

Я, ваша свѣтлость, слышу тамъ шаги:
Должно быть, это удалецъ нашъ польскій.

Сильный стукъ въ потайную дверь противуположной стороны; Черневичъ отпираетъ.

Тѣ же и **Чаплинскій** (щеголевато одѣтый и навеселѣ).

П. Черневичъ (оглядѣвъ его, строго).

Позвольте, панъ! Такъ громко не стучатся.
Входите вѣжливо. Что новаго у васъ?
Поздравить что ли?

Чаплинскій (съ досадою).

Полноте шутить!
Иль, запираясь здѣсь анахоретомъ,
И вправду вы разсталися со свѣтомъ?
Не знаете, что скоро ужь паны
Не будутъ даже смѣть ударить хлопа,
Не то чтобъ ужь повѣсить!

П. Черневичъ.

Я не спорю;
Паны теперь здоровьемъ какъ-то плохи:
Что день, то голова у нихъ болитъ,
Хилѣютъ руки, не владѣютъ ноги,
И въ дѣло годны лишь—желудокъ да языкъ.

Чаплинскій (про себя).

Ужь не на мой ли счетъ наплелъ онъ это?

*

Digitized by Google

П. Черневичъ (настойчиво).

О Конецпольскомъ я прошу у васъ отвѣта.

Чаплинскій.

Конечно, Конецпольскій отказалъ.
Суботовъ, вишь, отцомъ его былъ отданъ
Хмельницкому. Напрасно я твердилъ,
Что ежели кому что гетманъ присудилъ,
То онъ и отсудить имѣетъ право.
Не слушаетъ! Ай староста! Ай гетманъ!
Ай польскій панъ! Не смѣетъ гетманъ
У казака, у смерда, чуть не хлопа,—
Отнять клочокъ земли и дать въ награду,
За службу вѣрную, такому-жь пану,
Каковъ онъ самъ? И вотъ вамъ, отче,
Столпы отечества и Рѣчи Посполитой!

П. Черневичъ.

Не будьте строги. Гетманъ Конецпольскій
Изъ тѣхъ уже немножко вышелъ лѣтъ,
Чтобъ безъ толку кричать и горячиться.

Чаплинсій (про себя).

Опять!

(Къ Черневичу)

Вы правы: вѣдь онъ глупъ и сѣдъ,
Такъ на него грѣшно ужь и сердиться.

П. Черневичъ.

Конечно! Только острыя слова,
Минуя цѣль, не замѣняютъ дѣла.
Скажите лучше, что вы предпринять
Намѣрены?

Чаплинскій.

Вопросъ мнѣ непонятенъ.
Вѣдь я не гетманъ, не примасъ и не король.
Мнѣ что предпринимать? Я сдѣлалъ все,
Что могъ.... Юзефу буду ссорить съ мужемъ,
Видаться съ ней въ знакомомъ павильонѣ—
И только. Если сынъ у ней родится,
Пойду въ схизматики—и стану кумомъ.

Digitized by Google

П. Черневичъ.

Сперва изволили-бъ у насъ спроситься.
Вотъ видите, Чаплинскій, вы не глупы,
Не робки, а порою даже смѣлы,
И тонкостью ума васъ не обидѣлъ Богъ:
Но пусты вы, задорны и хвастливы,
Самонадѣянны, нетерпѣливы,
Непостоянны—и слабеньки на языкъ,
А потому и толкъ въ васъ не великъ.
И поляковъ такихъ—не перечтете:
Не хлопы, а они опасны Польшѣ.
Хоть въ орденъ-то давно вступили вы,
А разсудительнѣй не сдѣлались ни мало;
Такъ вамъ.... куда ершиться не пристало!
Смотрите! Не сносить вамъ головы.
На сколько умъ далекъ отъ глупой болтовни,
И дѣло не похоже на бездѣлье,—
На опытѣ увидите.

(Доставъ изъ потайнаго шкапа бумагу, подаетъ ее Чаплинскому)

Читайте!

Чаплинскій (всматриваясь).

Возможно ли? Могу-ль глазамъ повѣрить?
Вѣдь это-жь документъ на подаренье
Хмельницкому Суботова? Такъ какъ же?
Коли бумагу эту изорвать,
Спалить ее, а послѣ взять да пепелъ
Пустить въ четыре стороны на вѣтеръ,
Тогда Хмельницкій....

(Злобно захохотавъ)

Нѣтъ, позвольте, не могу!
Хмельницкій доказать тогда не можетъ,
Что у себя хозяинъ онъ въ дому.
И пса сѣдатаго могу я выгнать—
И по міру, съ семьей его проклятой,
Могу пустить.... почти въ одной рубашкѣ!

П. Черневичъ.

Конечно, такъ—коли за это дѣло
Умно возметесь. Не всегда же, панъ,
Другимъ на васъ работать.

Digitized by Google

Чаплинскій (съ увлеченіемъ).

Дайте, патеръ,
Мнѣ вашъ совѣтъ!

П. Черневичъ (съ расчитаннымъ пренебреженіемъ).

Совѣтъ?... И панъ Чаплинскій,
Въ когтяхъ держа врага чуть не за горло,
Къ монаху обратился за совѣтомъ?
Когда-бъ я не жилъ въ кельѣ одинокой,
Не посвятилъ себя служенью Бога,
И заживо, подъ черною одеждой,
Земныхъ страстей семью не схоронилъ,
И ненавистный врагъ нанесъ мнѣ оскорбленье,
И отнялъ у меня любовницу, и самъ же,
При всѣхъ, въ глаза, мнѣ дерзко насмѣялся,—
Ни у кого бы я совѣта не просилъ.
Возьмите-ка бумагу-то, сожгите!
Хмельницкаго искусно удалите,
И съ стаей удальцовъ къ нему нагряньте въ домъ;
Et caetera. И дѣлайтесь владѣльцемъ
Суботова! Пускай хозяинъ прежній
Начнетъ процесъ. Вѣдь онъ передъ судомъ
Теперь свои права ужь не докажетъ
И словно звѣрь въ капканѣ станетъ биться,
Пока ноги себѣ не оторветъ.
А если что *особое* случится,
То Конецпольскій первый намъ поможетъ
И свалитъ все на случай, иль ошибку.

Чаплинскій.

Совѣтъ не дуренъ.... За совѣтъ спасибо,
А также за бумагу. Только, патеръ...
Вы знаете ли что? Напрасно вы
Со мною, какъ со школьникомъ, мудрите
И всякій разъ кусаете меня.
Здѣсь не конклавъ, а вы еще не папа,
И вашей святости я право не боюсь.
Смотрите-жь вы.... до васъ я доберусь!

(Увидавъ ожерелье, беретъ и разсматриваетъ его)

Digitized by Google

Ге! Это что? Не по такимъ ли четкамъ,
Честный отецъ, стучите вы поклоны?
(Обнюхивая)
И пахнетъ ладаномъ.
(Оглядывая комнату)
Держу закладъ,
Что гдѣ нибудь хозяйка ихъ у васъ
Здѣсь спрятана! А ну-те же, взгляните
Мнѣ попрямѣй въ глаза! Ну что?... Боитесь?
Постойте-ка.... не тамъ ли?
(Показываетъ на альковъ; за драпировкою слышъ стукъ)
Такъ и есть!
Представьте.... я Америку открылъ!

Бросается къ алькову; патеръ Черневичъ старается удержать его.

П. Черневичъ.

Остановись, безумецъ!

Чаплинскій (вырываясь у него).

Нѣтъ, пустите!
Я магдалинъ до бѣшенства люблю!

Бѣжитъ къ алькову; но Лубенскій, въ одеждѣ примаса польскаго королевства, выходитъ къ нему на встрѣчу; Чаплинскій пятится отъ него въ испугѣ.

Лубенскій.

Что значитъ это, сударь? Какъ вы смѣли
Къ служителю Христова алтаря
Нарушить уваженье? Какъ могли
Вы позабыть святую близость храма,
И дерзкими, грѣховными словами
Нарушить миръ почтеннаго отца?
Скажите, вы съ двумя что-ль головами?
Или законъ ужь силу потерялъ?
Иль мечъ духовный вамъ уже не страшенъ?
Такъ вспомните, что есть еще у церкви
Иныя средства!

Чаплинскій (сильно испуганный).

Знаю, ваша свѣтлость,
И умоляю васъ помиловать меня!
Кто-бъ ожидалъ?... Я и теперь отъ страха

Digitized by Google

Едва могу опомниться! Съ рожденья
Языкъ мой былъ всегда моимъ врагомъ.
Я каюсь, что я глупо васъ прогнѣвалъ
И оскорбилъ достойнаго отца;
Обоихъ васъ молю я о прощеньи!
Я тысячу обѣденъ закажу,
Отдамся самой строгой дисциплинѣ,
Строжайшій постъ на тѣло наложу,
Богатый вкладъ пожертвую для церкви:

(Становясь на колѣни)

Но только васъ молю—меня простите!
Какъ благъ Господь—и вы такъ будьте благи,
И грѣхъ мой предъ собой не помяните!

Припадаетъ къ ногамъ Лубенскаго.

Лубенскій.

Довольно, встаньте! Властью Князя церкви
Я разрѣшаю васъ отъ вашего грѣха,
И патеръ также васъ пока прощаетъ.
Пусть этотъ случай служитъ вамъ урокомъ,
Не все то говорить, что въ умъ приходитъ,
Не все то дѣлать, что взбредетъ на умъ.
А впрочемъ церковь, васъ прощая, вправѣ
Отъ васъ самихъ потребовать услугъ.
Исполните, что патеръ говорилъ,
Да къ славѣ Божіей, отъ вашихъ рукъ
Еретиковъ постигнетъ злоключенье.
Теперь идите съ миромъ, да впередъ
Имѣйте, панъ, къ намъ больше уваженья!

Чаплинскій цѣлуетъ полу мантіи у Лубенскаго и уходитъ въ другую дверь, униженно кланяясь.

Лубенскій (по уходѣ Чаплинскаго).

Какъ вамъ покажется? Безумецъ этотъ
Со временемъ намъ можетъ быть опасенъ;
Задоренъ онъ, а трусъ; притомъ продаженъ,
Себя за деньги всякому продастъ,
И подъ ножомъ—что хочешь, разболтаетъ.

П. Черневичъ.

Вы правы. Пусть его—пока съ Хмельницкимъ

Digitized by Google

Повозится; теперь же, ваша свѣтлость,
Вамъ не угодно ли взглянуть на казака?

(Зажигая потайной фонарь)

Онъ недалеко здѣсь—подъ нижнимъ сводомъ.
Я даже могъ разслышать, какъ сегодня,
Вотъ точно мышь въ подпольѣ, онъ возился
Послѣ вчерашнихъ спросовъ.

Лубенскій.

Мы допросимъ
Его опять. Ступайте же, свѣтите!

Сходятъ чрезъ подъемную дверь и опускаютъ ее за собою. По уходѣ ихъ, Дорошъ осторожно вылѣзаетъ изъ другой, рядомъ устроенной подъемной двери; платье на немъ изорвано и окровавлено, руки и лицо изранены, въ рукѣ отломленная полоса желѣза.

Дорошъ (осмотрѣвшись кругомъ).

'Га, бисово отродье! Вражье племя!
Вотъ такъ-то вы? Умилосердись, Боже,
Надъ нашимъ батькомъ!

(Осматривая двери)

А куда дѣваться?
Нѣтъ выхода! У каждаго порога—
Засовы да замки!

(Пробуетъ сломать дверь)

Злодѣи!... Душегубы!...
Зась, ляхъ! Тебѣ меня не допытать!
Умѣлъ уйти—уйду отъ васъ опять,
Иль унесу отъ васъ я душу къ Богу!

Заслыша шаги, прячетъ желѣзную полосу подъ платье. Входятъ Лубенскій, Черневичъ и за ними толпа монастырскихъ слугъ.

Дорошъ (скрестивъ руки на груди и бодро выступая на встрѣчу).

А ну-те, панычи, кажите мнѣ дорогу!

Дороша уводятъ.

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Богданъ Хмельницкій.
Юзефа, вторая жена его,
Тимошъ, 20-ти лѣтъ,
Екатерина, 12-ти лѣтъ,
Юрій, 8-ми лѣтъ,
Андрій, 7-ми лѣтъ,
} Дѣти Богдана Хмельницкаго отъ перваго брака.
Ѳеся, горничная Юзефы, 17-ти лѣтъ; уніатка.
Чаплинскій.
Золотаренко, казацкій полковникъ.
Ганна, сестра его, 18-ти лѣтъ; впослѣдствіи третья жена Хмельницкаго.
Комаровскій, зять Чаплинскаго.
Жолнеръ, изъ хохловъ и отряда Іереміи Вишневскаго.
Эсаулъ, крѣпкій старикъ.
Пятидесятникъ.
Десятникъ.
Казаки; **женщины** изъ прислуги Хмельницкаго; **народъ** и **поляки.**

Дѣйствіе происходитъ годъ спустя у Хмельницкаго на хуторѣ близъ Чигирина.

ЮЗЕФА.

Комната въ домѣ Хмельницкаго; сквозь растворенныя двери открытой галлереи видна часть сада, а за рѣшеткою, что вокругъ дома, видны вдали: съ одной стороны—церковь, а съ другой—обширный лугъ, спускающійся къ рѣкѣ, за которою видны мельница и поселокъ; въ одно изъ открытыхъ оконъ врывается солнце и зелень. Юзефа, одна, уложивъ въ баулъ нѣсколько цѣнныхъ предметовъ, запираетъ его на ключъ и садится къ окну.

Юзефа.

Какъ время тянется! Какая скука!
Дѣваться некуда! Вотъ и не злись,
Сиди тутъ день—отъ жару задохнись,
Ѣшь, пей, да спи; отъ мухъ совсѣмъ умри,

Digitized by Google

И просто, нечѣмъ душу отвести.
А тутъ пріѣдетъ мужъ—изволь съ нимъ обниматься!
Вотъ жизнь-то! Ахъ проклятая сторонка!
Сиди вотъ, нюхай тутъ черемуху одну!
Я часто думаю, да не пойму:
Что какъ Сомковна-то *) здѣсь вѣковала—
Да вывела еще гнѣздо волчатъ.
Невѣжество да женское холопство,
Варенники да сало!

(Увидавъ въ окно проходящую и что-то напѣвающую Ѳесю)

Ѳеся! Ѳеся!...
Не слышитъ!...

(Помолчавъ)

А вѣдь грѣхъ мнѣ лаять мужа!
Умѐнъ какъ пробощъ—и на взглядъ не дуренъ,
И любитъ, любитъ! Только въ томъ бѣда:
Хоть тресни, а ни въ чемъ съ нимъ не столкуешь;
Ты скажешь *да*, а онъ вотъ *нѣтъ* да *нѣтъ*!
Упрямъ какъ волъ, хитеръ какъ кошка,
На этихъ гадкихъ волченятъ своихъ
Глядитъ не наглядится, а и лжетъ же
Безсовѣстно.... Голубчикъ—берегись!
Уйдешь къ покойницѣ! И такъ ужь долго
Щадила я тебя. Не притворяйся:

(Топнувъ ногою и съ выраженіемъ ненависти)

Ты недругъ Польши, еретикъ проклятый!
Не сдобровать тебѣ со всѣмъ твоимъ
Гнѣздомъ змѣинымъ!... Ѳеся! Ѳеся!

(Въ окно упадаетъ камень съ привязанною къ нему запискою)

Ахъ!

(Поднявъ записку)

Письмо Чаплинскаго!

(Читаетъ вслухъ)

«Вашъ мужъ сегодня
Отъ васъ уѣдетъ; будьте наготовѣ
И отоприте входъ намъ потайной.
Семью оставьте дома; лишь стемнѣетъ,

*) Анна Сомковна—имя первой жены Хмельницкаго.

Digitized by Google

Я прилечу у милыхъ вашихъ ножекъ
Молить васъ о любви; божокъ крылатый—
Сегодня-жь намъ укажетъ къ счастью путь».

(Прячетъ письмо)

«Молить васъ о любви! Божокъ крылатый»!
Какъ это мило! Вотъ такъ истый шляхтичъ!
Не то что русскій хлопъ. Ахъ Польша, Польша!
Отечество любви, веселья и свободы!
Постойте же, мой ясный панъ Хмельницкій,
Я по себѣ оставлю память вамъ.
Когда-бъ скорѣе вечеръ.... Ѳеся! Ѳеся!
Да что же ты, негодница, нейдешь?

Входитъ Ѳеся.

Ѳеся (беззаботно).

Что надо, панночко?

Юзефа.

А гдѣ у васъ
Тимошъ Хмельницкій?

Ѳеся.

Да вѣдь панъ куда-то
Вчера еще послалъ его съ утра.

Юзефа.

Вотъ это жаль. А впрочемъ не бѣда;
Пусть подождетъ покуда. Юрій гдѣ?

Ѳеся.

Уѣхалъ на баштанъ.

Юзефа.

А гдѣ Андрій?

Ѳеся.

А онъ въ саду.

Юзефа.

Ты и не чуешь, Ѳеся,
Каковъ у насъ сегодня будетъ праздникъ?

Ѳеся.

Ужь не Чаплинскій ли?

Digitized by Google

Юзефа.

Вотъ то и есть, Чаплинскій!
Достанется-жь вамъ хлопамъ на орѣхи...
Суботовъ заберемъ—да и сейчасъ же
Прямехонько въ Варшаву!

Ѳеся (испугавшись).

Какъ же это
Такъ скоро, панночко? Я не опомнюсь!
Вотъ страшно-то! Я и теперь дрожу;
Я до-смерти покойниковъ боюсь.

Юзефа.

Трусиха! Вѣдь они еретики?
Спроси у ксендза! Нечего бояться,
Да и жалѣть о нихъ грѣшно. Ты лучше
Напомнила-бъ о мужниной шкатулѣ....
А гдѣ Золотаренко? Я ее
Давно не вижу.

Ѳеся (захохотавъ).

Да она, небого,—
Съ тѣхъ поръ какъ я изрѣзала ей плахту,
Совсѣмъ прогнѣвалась! Писала къ брату,
Онъ и прислалъ за нею лошадей.
(Увидавъ Ганну въ окно)
Да вотъ она! Идетъ прощаться съ вами.

Юзефа.

Что-жь? Просимъ милости!

Тѣ же и **Ганна Золотаренко** (входитъ черезъ галлерею въ сопровожденіи старой няни; обѣ одѣты по дорожному).

Юзефа (Ганнѣ насмѣшливо).

Я рада, панно,
Что братъ вашъ не совсѣмъ о васъ забылъ;
Давно пора бы вспомнить. Правда, въ Польшѣ
Живутъ въ семействахъ бѣдныя шляхтянки,
Но то прислуга; а вѣдь вы—другое!
Вашъ братъ и самъ надъ хлопами полковникъ,

Digitized by Google

Такъ по домамъ ходить—вамъ не пристало;
Да вѣдь и я же васъ... не приглашала!

Ганна.

Такъ что-жь тутъ, пани? Мы вѣдь здѣсь ѣдимъ—
Не польскій хлѣбъ, и здѣсь я не чужачка;
Росла и выросла, большая стала,
Такъ въ польскую науку негожусь,
И никому не дамъ себя въ обиду.

Юзефа.

Скажите!... Не о плахтѣ ль эта рѣчь?
Такъ вамъ грѣшно на Ѳесю-то сердиться;
Богъ ей внушилъ къ уніи обратиться,
Она ужь не холопка, не народъ,
И вашихъ хлопскихъ правъ не признаетъ.

Ганна (съ трудомъ удерживаясь отъ гнѣва и завидя идущаго Хмельницкаго).

Послушайте... да замолчите-жь, пани!
Вашъ мужъ пріѣхалъ.

Тѣ же и **Богданъ Хмельницкій** (входитъ черезъ галлерею. Видно, что онъ только-что возвратился съ пути).

Юзефа (бросаясь на шею къ Хмельницкому).

Ахъ, мой милый батьку!
Насилу я могла тебя дождаться!

Хмельницкій (стараясь потихоньку отъ нея освободиться).

Да стой же, люба, погоди минутку!
(Снимаетъ шапку и обтираетъ съ лица пыль)
Вотъ такъ! Теперь ужь дай обнять тебя
Покрѣпче!
(Обнимаетъ Юзефу и видитъ Золотаренку)
Добрый день вамъ, панно!
Простите старику, что мой привѣтъ
Не къ первымъ вамъ.

Юзефа (съ видомъ простодушія).

Не ласкова къ намъ панна:
Не хочетъ даже и гостить у насъ;

Digitized by Google

Вдругъ собралась, пришла сюда прощаться,
Да и тебя не стала дожидаться.

Ганна (Хмельницкому).

Все это правда, панъ, да не отъ сердца
Оно подѣялось. Зоветъ къ себѣ
Старушка мать—и все таки-жь я помню,
Что здѣсь другая мать взлелѣяла меня,
И всякому добру меня учила.
А ну-ка вспомните! Вѣдь вотъ и вы,
Какъ я еще была совсѣмъ ребенкомъ,
И мы съ покойницей сидимъ бывало вмѣстѣ,
И я учу Катрусю няньчить куклу,
Бывало къ намъ присядете туда же
И насъ ласкаете и шутите съ дѣтьми,
И мы у васъ любить учились Украину.
А ваша пѣсня-то «о бѣдной чайкѣ»?
Ужь сколько я по ней сгадала думокъ—
И сколько-жь утекло воды съ тѣхъ поръ!....
А будьте-же здоровéньки, панъ мой любый,
И насъ таки, сиротъ, не забывайте!

Уходитъ; за нею няня и Ѳеся.

Юзефа (помолчавъ).

Негодная дѣвчонка! Надоѣла!
Отъ болтовни такой, что отъ угара,
Вотъ такъ все и зѣвалось бы.

Хочетъ рукою остановить зѣвоту.

Хмельницкій (выходя изъ задумчивости).

Напрасно!
То Ангелъ ей навѣялъ эти рѣчи.
Она напомнила мнѣ, какъ однажды
Въ глухой степи меня застигла ночь.
Спокойно мѣсяцъ плылъ въ сѣдомъ туманѣ,
И вѣтеръ по травѣ не шелестилъ,—
А мнѣ все чудилось, что вотъ-вотъ близко,
Не знаю гдѣ—тоскливой вереницей
Летаютъ души загубленныхъ братій;
И крѣпко взгорѣвалъ объ Украинѣ,
И про нее тогда сложилъ я стихъ:

Digitized by Google

«Какъ чайка бѣдная у торнаго пути,
Она сберечь дѣтей своихъ не можетъ;
И жнецъ-сосѣдъ сѣчетъ ее косой,
И въ голову куликъ бьетъ полевой,
А къ ночи выпь ее подстерегаетъ,
И некуда ей дѣтокъ подѣвать».
Родная-жь ты моя!..

(Садится и задумывается)

Да! дѣло дрянь...

(Обращаясь къ Юзефѣ)

Скажи-ка, долечко! Меня ты любишь?

Юзефа (обнявъ его, крѣпко цѣлуетъ).

А-вотъ же какъ!.... Кого-жь мнѣ и любить,
Что не тебя, мой батько ненаглядный!
Такъ вѣдь и я-жь—такая-жь дочь Украйны;
Ѣмъ сало и метѐлицу пляшу.
Одно, что я ревнива! А вѣдь ревность
Все та-жь любовь. Я видѣть не могу,
Коль на кого ты ласково посмотришь;
Да и за дѣло! Любишь видно ты
Золотаренку? А признайся, сколько разъ
Коса-то черная да черный глазъ
Тебѣ во снѣ покоя не давали?

Хмельницкій (усмѣхаясь).

Казакъ-то, пани, я и самъ чубатый;
Признаться, такъ, бывалъ такой грѣшокъ.

Юзефа.

Вотъ видишь ли, негодный? Погоди-жь ты!
Я отобью въ тебѣ охоту волочиться.
За дѣло, видно, я ее сегодня
Приревновала, что она отъ насъ—
Сердитая уѣхала. Вотъ станутъ
Меня бранить! Я развѣ виновата,
Что полькою родилась? И тебѣ
Вотъ такъ-то на меня наговорятъ.

Хмельницкій.

Ребенокъ! Ты подумай, кто же смѣетъ
Мнѣ про тебя хоть словомъ заикнуться?

Digitized by Google

Юзефа.

Наговорятъ, пожалуй. Да вѣдь ты
И самъ не любишь Польшу?

Хмельницкій.

Нѣтъ же, жинко!
Не врагъ я королю. Мнѣ Украина—мать,
А Польша—хата, гдѣ живемъ мы съ нею,
Что лѣтомъ насъ отъ зноя бережетъ,
Зимой отъ холода. Да только въ этой хатѣ,
Отъ жадныхъ крысъ—жидовъ, панковъ, да ксендзовъ—
Совсѣмъ житья не стало.

Юзефа.

То-то, милый,
Ты слишкомъ строгъ. Къ чему пановъ да ксендзовъ
Ты трогаешь?
(Съ притворнымъ простодушіемъ)
Не знаю отчего —
А вотъ и мнѣ ужь стало что-то грустно;
И плакать хочется —
(Протирая себѣ глаза)
да не могу!...
Ты не повѣришь: сонъ какой-то странный
Я видѣла сегодня. Будто мы
Вдвоемъ съ тобой стояли на утесѣ;
И было все такъ тихо и свѣтло,
Какъ вдругъ—откуда только взялся.... съ поля
На насъ нежданно вихорь налетѣлъ
И, подхвативъ меня, умчалъ далеко.
Я все тебя звала, звала на помощь,
А ты таки не слышишь—и безпечно
Стоишь себѣ. Да мало-ль что приснится....
Теперь ужь не прогнѣвайся: сегодня
Я ни за что не отпущу тебя!

Хмельницкій.

Меня не пустишь? Мнѣ и такъ, голубко,
Отъ оченятъ твоихъ теперь не оторваться.
Подумаешь, что словно за тебя
Я чорту душу продалъ! Э, да что тутъ....

Digitized by Google

Коли ужь такъ—цѣлуй!

(Привлекаетъ къ себѣ Юзефу; у боковой двери раздается сильный стукъ; Хмельницкій вздрагиваетъ)

Кто-тамъ? Взойдите!

Казакъ (подавая Хмельницкому запечатанный пакетъ).

Письмо Кречовскаго изъ Чигирина.

Уходитъ по знаку Хмельницкаго.

Хмельницкій (распечатавъ, читаетъ вслухъ).

«Спѣшите, панъ, не тратя время!
Чаплинскій къ вамъ не далѣе, какъ завтра
Нагрянетъ съ пятьюстами сорванцовъ.
Готовьтесь дать отпоръ. Онъ говоритъ,
Что не по праву вы присвоили Суботовъ,
И выпросилъ его себѣ въ награду
У Конецпольскаго».

(Судорожно рветъ письмо въ клочья)

Не можетъ статься,
Чтобъ негодяй осмѣлился! Навѣрно
Кречовскій самъ обманутъ.

Стукъ въ дверь.

Кто-еще?

Тѣ же и другой казакъ (подаетъ Хмельницкому письмо и по знаку удаляется).

Хмельницкій (распечатавъ письмо и взглянувъ на подпись).

Письмо Золотаренка.

(Читаетъ вслухъ)

«Другъ Хмельницкій!
Чаплинскій на тебя идетъ съ отрядомъ.
Я съ сотнею загородилъ дорогу,
Да мало насъ: продержимся до завтра,
А тамъ ужь ты насъ выручи, какъ знаешь».

(Громко)

Гей, хлопче!

(Входящему казаку)

Много-ль козаковъ у насъ?

Казакъ.

Съ полсотню будетъ.

Digitized by Google

Хмельницкій.

Такъ бѣги же, братикъ!
Вели сейчасъ трубить всѣмъ общій сборъ,
А мнѣ прислать троихъ коней походныхъ
Да двухъ урядниковъ; да снарядить скорѣй
Рыдванъ въ дорогу и къ крыльцу придвинуть.
Вели ко мнѣ явиться эсаулу,
И всѣхъ дѣтей ко мнѣ сюда пошли.
Да живо-жь, братикъ милый!

Казакъ.

Заразъ, пане.

Уходитъ.

Хмельницкій (осматривая и надѣвая оружіе).

Э, чортовы ляхи! Что дѣлать, жинко—
Всѣмъ надо ѣхать!

Юзефа.

Нѣтъ, Богданъ,
Ступай одинъ. Тебя мы только свяжемъ,
А воинъ долженъ быть—что вѣтеръ въ полѣ.
Оставь намъ здѣсь полсотню козаковъ,
А къ утру самъ вернешься.

За сценой трубятъ сборъ; входятъ Катруся, Юрій и Андрій.

Хмельницкій (увидавъ входящихъ дѣтей, смягчаетъ голосъ).

Ну да ладно!
Юрась со мной поѣдетъ; вѣдь ужь онъ —
Гляди-ка, выросъ—такъ пора и въ поле.
Катрусю я возьму къ Золотаренкѣ,
Одинъ Андрій—еще мала дѣтина;
Такъ мы за то его оставимъ дома.

(Ласкаетъ Андрія)

А нутко, сердце! Ты ляшковъ-панковъ
Боишься?

Андрій (бодро).

Нѣтъ же, тату! Подавай
Коня да саблю—вотъ тогда увидишь!

*

Digitized by Google

Хмельницкій

Козачья кровь! Ну такъ останься, хлопче,
Нашъ хуторъ боронить!

(Разсѣянно)

Да на Суботовъ
Мнѣ выдано свидѣтельство: оно
Вѣдь у меня?

(Отпираетъ въ стѣнѣ потайной ящикъ и ищетъ въ немъ)

Что-жь это значитъ?

(Рѣзко)

Э, пани! Гдѣ оно?

Юзефа.

Почемъ я знаю?
Ты прятать мнѣ его не отдавалъ....
Вѣдь вотъ козакъ у насъ куда-то сгинулъ.

Хмельницкій (осердясь).

Брехня! Дорошъ нашъ былъ не конь продажный;
Его не купишь.

(Подумавъ)

Можетъ отдалъ я
Золотаренку.

Тѣ же и эсаулъ, пятидесятникъ и десятникъ.

Хмельницкій (эсаулу).

Пане эсауле!
Сегодня ждемъ недобрыхъ мы гостей:
Встрѣчайте ихъ, пока меня нѣтъ дома;
А мы къ вамъ съ Юрьемъ завтра на разсвѣтѣ
Съ подмогою нагрянемъ, да и вмѣстѣ
Имъ зададимъ козацкой варенухи!

Эсаулъ.

Ступай, отаманъ, съ Богомъ! Будь въ спокоѣ;
Не выдадимъ.

Пятидесятникъ.

Пусть лучше головой
Всѣмъ пропадать!

Десятникъ.

Ты, батьку, самъ увидишь!

Digitized by Google

Хмельницкій.

Спасибо, соколы!

Слышенъ стукъ подъѣзжающаго рыдвана.

Тѣ же и **казакъ**

Казакъ.

Рыдванъ ужь поданъ.

Хмельницкій берется за шапку, Андрій ловитъ его за руку.

Андрій.

А ну, перекрести!

Хмельницкій (смотря на него съ нѣжностью).

Изволь, мой голубе!

Андрій.

Возьми съ собой!

Хмельницкій.

Ни, сынку, оставайся!
Нельзя-жь намъ бросить ихъ. Прощай, Юзефа!

(Обращаясь къ казакамъ)

Ну, молодцы! Пошли Господь вамъ долю!
Да помните—ляховъ чтобъ не жалѣть!

Надѣвъ шапку, направляется къ выходу.

Юзефа (про себя).

Ляховъ чтобъ не жалѣть?

(Уходящему Хмельницкому, громко)

До завтра, милый!

Всѣ уходятъ, кромѣ Юзефы. Слышенъ стукъ отъѣзжающаго рыдвана и конскій топотъ.

Юзефа (выждавъ когда рыдванъ уже далеко, со взрывомъ подавленнаго бѣшенства).

Чтобъ не жалѣть ляховъ? Ахъ хлопъ проклятый!
Постой!.. отвѣдай-ка, что за ляхи!

Выдвигаетъ скрыню и начинаетъ проворно убирать въ нее съ полокъ золотую и серебряную посуду.

РАЗОРЕНІЕ СУБОТОВА.

Тамъ же. Темная ночь; отворены галлерея и окна; комната безъ огня. Юзефа, одѣтая по дорожному, стоитъ притаившись у дверей галлереи; Чаплинскій показывается въ окнѣ съ потайнымъ фонаремъ и обнаженною саблею.

Digitized by Google

Юзефа (увидавъ Чаплинскаго.)

Чаплинскій, вы-ли?

Чаплинскій (влѣзая въ окно, въ полголоса).

Я, моя богиня!

Готовы-ль вы?

Юзефа.

Васъ только дожидалась.

Чаплинскій.

Ну, а семья Хмельницкаго?

Юзефа.

Да всѣхъ
Съ собой забралъ; оставилъ мнѣ, Андрія.

Чаплинскій.

А догадался же! Лукавъ, собака!
Конечно вы, Юзефа, обо всемъ
Подумали? Намъ будутъ нужны деньги.

Юзефа.

Подумала. Съ полсотни козаковъ
Насъ стерегутъ.

Чаплинскій.

А нашихъ здѣсь ужь триста,
Да тридцать черезъ выходъ потайной
Пробрались въ садъ. Безъ шума овладѣли
Мы мельницей, схватили караульныхъ,
Кругомъ вездѣ поставили засады,
И козачьё, какъ крысы въ мышеловку,
Туда до одного всѣ попадутъ.
Ужь только стойте смирно—да глядите!

Чаплинскій, осторожно осмотрѣвъ галлерею, возвращается въ комнату и открываетъ фонарь въ направленіи къ мельницѣ. Мельница и поселокъ загораются.

Голосъ

Гей, эсаулъ! На мельницѣ пожаръ!

Другой голосъ.

Ни, то на пасекѣ!

Digitized by Google

Голосъ эсаула.

Проворнѣй всѣ туда!
Здѣсь шестерыхъ оставить съ Мардаренкомъ;
Коней не брать; живѣй, живѣе, хлопцы!

Пожаръ усиливается, ударяютъ въ набатъ; при свѣтѣ зарева и сквозь клубы дыма, видны бѣгущіе на пожаръ урядники и народъ; за рѣшеткою дома пустѣетъ. Изъ-за набата выдѣляются въ отдаленіи крикъ, вопли. стоны и звукъ оружія.

Юзефа (про себя).

Теперь-то вы попались, панъ Хмельницкій!
Цѣлуйтесь же съ своей Золотаренкой;
А вѣдь за нищаго она и не пойдетъ.

Набатъ умолкаетъ, но звукъ оружія и стоны дѣлаются слышнѣе; поляки влѣзаютъ въ окна; другіе разсыпаются по двору, и убиваютъ захваченныхъ ими караульныхъ. Чаплинскій, отворивъ фонарь, освѣщаетъ имъ комнату.

Чаплинскій (показывая на окно).

Чу, слышите, какая тамъ потѣха!
(Выставляясь въ окно, громко)
Ай молодцы! Вотъ такъ собачьихъ хлоповъ!
Смѣлѣй, товарищи! Крошите караульныхъ,
Всѣ двери на замокъ—и никому пощады!
Вотъ такъ! Вотъ такъ!
(Отойдя отъ окна и хлопая въ ладони)
Vivat Polonia!
Виватъ Юзефа—и да здравствуетъ шляхетство!

Голосъ Андрія.

Гей, эсаулъ! Сюда!.. Ляхи здѣсь!.. Помогите!..

Андрій выбѣгаетъ изъ противуположной выходу боковой двери; за нимъ гонится полякъ.

Чаплинскій (схвативъ Андрія за руку).

Куда, волченокъ? Погоди бѣжать!

Андрій (усиливаясь вырваться).

Пусти! Я не волченокъ! Врешь! Я сынъ
Хмельницкаго! Не польской шляхтичъ!
Я говорю, пусти меня! Не то
Отецъ тебѣ пощечинъ надаетъ!

Digitized by Google

Чаплинскій (бѣшено).

Молчать, щенокъ!

Бьетъ его рукояткою сабли по головѣ; Андрій, вскрикнувъ, падаетъ замертво.

Велите, Комаровскій, поскорѣе,
Пока не умеръ, угостить вепренка
Тройчаткою, чтобъ онъ ужь не вставалъ;
Чтобъ до костей его прошибло, и отецъ
По немъ узналъ Чаплинскаго гостинецъ!

(Юзефѣ грубо)

Ужь входитъ мѣсяцъ, пани! Въ путь пора.

Уходитъ съ Юзефою въ сопровожденіи поляковъ. Андрія уносятъ.

ВОЗЛѢ РѢКИ.

Ночь; глухая мѣстность на пути изъ Чигирина въ Прилуки. Лѣсъ и берегъ рѣки, поросшій густымъ очеретомъ, сквозь который мѣстами просвѣчиваетъ вода; Тимошъ въѣзжаетъ на конѣ вооруженный; впереди его кустъ, за которымъ лежитъ тѣло убитаго казака, освѣщаемое съ противуположной стороны мѣсяцемъ. Конь упирается.

Тимошъ (слегка стегнувъ коня по шеѣ концомъ повода).

Э, волчья сыть! Чего ты испугался?
Русалки что-ли? Погоди, косматый,
Дай разглядѣть мнѣ ближе.

(Соскочивъ съ коня, осторожно пробирается къ кусту и подходитъ къ убитому)

Это что?
Никакъ, козакъ убитый? Да не живъ ли?

(Наклонясь къ убитому)

Ого, какъ онъ израненъ! А постойте-жь...
Лицо знакомое!... Неужто вправду?
Да это нашъ Дорошъ? Ахъ ты, сердега!
Да какъ же-жь ты попалъ сюда, безсчастный?

(Ощупывая его)

И не остылъ еще! А можетъ статься,
Не умеръ, а сомлѣлъ... Позволь, мой любый,
Я зачерпну воды.

Привязавъ коня, идетъ къ рѣкѣ; изъ-за очерета (тростника) на встрѣчу ему выходитъ старуха украинка. Тимошъ останавливается въ недоумѣніи.

Digitized by Google

Старуха.

Напрасно, пане!
Онъ мертвый. Я вѣдь мать ему. Ужь негдѣ
Мнѣ взять теперь Дороша. Умеръ онъ.

Старикъ (вылѣзая изъ очерета).

Молчи, старуха! Ты не сможешь пану
Такъ расказать. Тому четвертый день,
Какъ саранчой ляхивъ къ намъ навалило;
Искали вишь Дороша. Изъ тюрьмы
У нихъ ушелъ онъ, а у насъ въ селѣ
Никто не зналъ, куда Дорошъ дѣвался.
Проклятые ограбили село,
Спалили церковь—и давай народъ
Пытать да мучить.

Молодая украинка и за ней другія украинки, одна по одной, выбираются изъ очерета.

1-я украинка.

Съ моего Василя
Содрали кожу!

2-я украинка.

У меня отца
Зарѣзали!

3-я украинка.

А у меня дѣтей
Въ огонь всѣхъ побросали! Одного
Мы спрятали, такъ вотъ и онъ у насъ
Два дня не ѣвши. Лучше бы ужь камень
На шею—да и въ воду!

1-й мальчикъ (лѣтъ 8, показываясь изъ очерета и дрожа отъ холода).

Мамо, мамо!
Озябъ я! Холодно! Одѣнь-ка, мамо!

4-я украинка (мать).

А чѣмъ же мнѣ одѣть тебя, небого?
Ляхи все отняли!

Тимошъ (скинувъ съ себя свитку и отдавая ее женщинѣ).

Держи-ка, матко,
Укрой его хоть этимъ!

Digitized by Google

2-й мальчикъ (робко показывается изъ очерета и, шатаясь отъ слабости, подходитъ къ матери).

Мамо, мамо!
Я ѣсть хочу! А дай же мнѣ, родная,
(Показавъ рукою)
Хоть столечько бы хлѣбца!

3-я украинка (схвативъ себя за голову).

Хлѣба! хлѣба!
Гдѣ взять его?

Тимошъ (вынувъ изъ-подъ сѣдельной подушки, подаетъ ей сумку).

А вотъ ему, голубко,
Козацкій ужинъ!
(Матери одѣляютъ дѣтей, а Тимошъ обращается къ старику)
А скажи мнѣ, диду,
Какъ вы сюда попали и зачѣмъ
Дорошъ здѣсь очутился?

Старикъ.

Какъ попали?...
Извѣстно—спрятались! Кругомъ ляхи,
А здѣсь—козакъ да развѣ воронъ черный
Отыщутъ. А Дороша мы застали
Еще живого. Шибко былъ изломанъ!
Все говорить хотѣлъ, да не поймешь;
А только слышали, что толковалъ
Про мачиху твою; а въ чемъ тутъ дѣло,
Не разобрали. Я ему ужь началъ
Копать могилку. Да и всѣмъ, пожалуй,
Придется здѣсь другъ друга хоронить.

Тимошъ (отвязавъ коня и взявъ на поводъ).

Ни, диду! Батько мой пришлетъ за вами.
Идите къ намъ въ Суботовъ, да селитесь
У мельницы. Земли у насъ привольно,
Угодьевъ много, а ляхи не смѣютъ
Кругомъ нигдѣ и носа показать;
Построимъ васъ, дадимъ вамъ животинокъ;
У насъ ты, молодица, замужъ выйдешь,

Digitized by Google

И добрыхъ козаковъ намъ принесешь;
А ты, бабусю, будешь внуковъ няньчить,
А старый дидъ имъ сказки говорить.
Немного подождать вамъ; завтра я
Пришлю вамъ стравы и всего что надо.

(Садясь на коня)

Прощайте, други!

Старикъ (кланяясь Тимошу).

А спасибо-жь, пане,
На вашей ласкѣ! А бывайте-жь вы
Здоровы, да и съ милымъ вашимъ батькомъ,
Что бѣдныхъ изъ бѣды насъ вызволяетъ.

Тимошъ скрывается за лѣсомъ.

РАЗСВѢТЪ.

Садъ передъ домомъ Хмельницкаго; на правой сторонѣ часть дома съ выдающеюся открытою галлереею; на полу галлереи и по дорожкамъ разбросаны выбитыя окна и двери, разломаныя скрыни, поломаная мебель и другіе признаки убійства, грабежа и разрушенья; вдали продолжается пожаръ; нѣсколько убитыхъ; въ сторонѣ, подъ кустомъ сирени, умирающій Андрій. Изъ дома пробирается въ садъ вооруженный жолнеръ изъ хлоповъ и отряда кн. Іереміи Вишневецкаго, обвѣшанный всякаго рода пожитками и немного навеселѣ. Разсвѣтаетъ; на небѣ блѣднѣющій мѣсяцъ.

Жолнеръ (осматривая, нѣтъ ли еще чего).

Чтобъ дьяблы всѣ побрали нашихъ пановъ...
Ѣдятъ себѣ да пьютъ! Что день, то пиръ;
Играютъ въ кости, дѣвушекъ ласкаютъ,
На вепря ходятъ, съ ястребами рыщутъ
И портятъ дорогихъ аргамаковъ.
Вотъ—это жизнь, и умирать не надо!
Коль денегъ нѣтъ—къ жиду; а жидъ не дастъ—
Иди себѣ, садись на воеводство,
А то въ дозорцы, иль куда нибудь
Ступай на хлѣбы къ вашей мосци-пану:
Все—свой же братъ. А тутъ гляди—
Наклюнется само собою дѣльцо,
Что изъ яйца цыпленокъ. Да вотъ хлопу
Не выгадать женѣ тутъ даже юнки:
Панамъ—цыплята, намъ однѣ скорлупки,

Digitized by Google

Съ придачею хлопотъ; и нѣтъ же намъ отъ нихъ,
Какъ отъ козла, ни молока, ни шерсти.
Ой паны, ужь дождетесь вы бѣды!

(Наклоняясь къ убитому казаку)

Постой, камрадъ! Слыхалъ я отъ кого-то,
Что будто изъ козачьихъ поясовъ,
Ино бываетъ, сыплются дукаты.

(Разрѣзавъ на убитомъ поясъ, снимаетъ и осматриваетъ его)

Нѣтъ, пусто! Былъ и ты бѣднякъ такой же,
Какъ вотъ и я! Давай сюда хоть люльку!

(Срываетъ съ пояса убитаго люльку и, продолжая осматривать его, вытаскиваетъ у него цвѣтной женскій платокъ)

А это что? Кажись, оно у васъ
Зовется хусткою? *)

(Вытаскивая широкую цвѣтную ленту)

А это стричкой? **).
А злой ты былъ охотникъ на дѣвчатъ,
Коль ужь съ собой таскалъ на нихъ приманки.

(Прячетъ къ себѣ то и другое)

Спасибо, другъ! Я ихъ отдамъ Сусаннѣ—
И магарычъ лихой за нихъ сорву!

(Прислушивается)

Что мнѣ послышалось? Панъ Езусъ!
Не козаки-ль?

Бросается въ садъ, но три казака заслоняютъ ему дорогу; вслѣдъ за ними выходятъ ихъ товарищи.

Казакъ.

Стой, ляхъ, не торопись!

Жолнеръ (выступаетъ впередъ заломивъ шапку и покручивая усы).

А почему-жь бы мнѣ не торопиться?
Иду, какъ вздумаю! Не русскій хлопъ,
А Вишневецкаго!

Золотаренко.

А вотъ увидишь!...

Въ это время изъ дома выходитъ Хмельницкій, блѣдный.

---

*) Хустка—цвѣтной женскій платокъ.
**) Стричка—лента.

Digitized by Google

Хмельницкій (подходя прямо къ жолнеру).

Гдѣ пани?

Жолнеръ.

Э, когда хватиться вздумалъ!
Уѣхала!

Хмельницкій.

Куда?

Жолнеръ (съ наглостью).

Почемъ я знаю?
Красавицамъ вездѣ широкій шляхъ!

Хмельницкій.

Убейте хлопа! Пусть готовитъ пану
Дорогу въ пекло!

Жолнеръ выхватываетъ саблю; казаки окружаютъ его, но онъ ловко отмахивается и потомъ борется съ ними.

Жолнеръ (отражая и нанося удары).

Нѣтъ!.. Постой!.. Шалишь!..
Пождите! Всѣхъ по столбикамъ васъ вздернемъ!
Товарищи! Да гдѣ-жь вы? Помогите!
Скорѣй! Вѣдь рѣжутъ! Ну-те!

Въ это время одинъ изъ казаковъ выбиваетъ у него саблю, а другой смертельно ранитъ его ножомъ, и онъ падаетъ.

Га, злодѣи!
Чтобъ вамъ... Подите къ чорту! Ты, Хмельницкій,
Не хвастай, что сейчасъ меня зарѣзалъ;
Вчера я... твоего щенка засѣкъ...
Тамъ... подъ кустомъ...

Умираетъ.

Хмельницкій (бросившись было на него).

Лжешь! Схвасталъ ты, собака!

Торопливо обходитъ садъ; слышенъ голосъ Андрія.

Андрій.

Отецъ!

Хмельницкій (увидавъ его).

Андрій! Дитя мое! Мой соколъ!
Голубоньку мой!

Ставъ на колѣни, осторожно беретъ его на руки.

Digitized by Google

Андрій.

Батьку, умираю!
Чаплинскій... мачиха... они... они...
Я не могу... прощай!

Умираетъ.

Хмельницкій.

Андрій! Андрій!
Не дышетъ? Блѣденъ! Умеръ!...

Осторожно опускаетъ его на землю, а самъ встаетъ.

Злой старикъ,
Сбылись твои слова!...

(Указывая на Андрія)

Онъ мученикъ.
Возьмемъ его и похоронимъ честно.

(Золотаренку)

Свези его къ себѣ, товарищъ.

(Своимъ казакамъ)

Мы же, братья,
Всѣ на коней—и за врагомъ въ погоню!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Кошевой атаманъ Войска Запорожскаго.
Перебійносъ, куренный атаманъ.
Клюга, **Голота**, **Бубликъ**, **Витрякъ**, **Молодь**, **Гилка**, недавній изъ москалей, **Ольшевскій**, изъ польской шляхты, } запорожцы.
Богданъ Хмельницкій.
Тимошъ, старшій сынъ его.
Ганжа, украинскій казакъ изъ свиты Хмельницкаго.
Сторожевой запорожецъ.
Старый кобзарь съ его **джурою.**
Жидъ-маркитантъ.
Старый жидъ.
Украинскіе и запорожскіе **казаки**, **джура** съ кошевымъ, **довбишъ**, **жиды—музыканты.**

Дѣйствіе происходитъ въ Запорожьи.

Digitized by Google

ЗАПОРОЖСКАЯ СѢЧЬ.

Открытый берегъ Днѣпра въ Микитиномъ урочищѣ Запорожской Сѣчи (гдѣ нынѣ Никополь); съ правой стороны казацкая слободка или предмѣстье; лѣвая же сторона поросла лѣсомъ, изъ котораго выбѣгаетъ дорога. Вдали по Днѣпру виднѣются камыши и пороги и вдающійся въ него, каменною косою, Микитинъ Рогъ, съ пушками на земляномъ и деревяномъ укрѣпленіи и разбросанными по немъ войлочными куренями. На дальнемъ утесѣ видѣнъ сторожевой запорожецъ; другой же сторожитъ у самой слободки съ ближайшаго къ рѣкѣ кургана. На берегу и на рѣкѣ подлѣ берега нѣсколько чаекъ и дубовъ *) и срубленныхъ деревьевъ. Кучки запорожцевъ въ алыхъ шальварахъ и испачканныхъ дегтемъ рубахахъ, а иные въ цвѣтныхъ жупанахъ, расположены въ разныхъ мѣстахъ. Одни спятъ или лежатъ на голой землѣ, другіе сидятъ въ разныхъ положеніяхъ; одинъ, сидя на опрокинутой бочкѣ, починиваетъ себѣ платье. Кружокъ запорожцевъ расположился съ люльками впереди другихъ; подлѣ него старикъ—кобзарь съ его джурою; въ сторонѣ два жидка-маркитанта съ нагруженнымъ возомъ. Слышенъ наигрышъ кобзаря на кобзѣ **).

Кобзарь (тихо напѣваетъ, подыгрывая себѣ на бандурѣ).

Ой волохи, волохи,
Васъ осталося трохи;
И вы, молдаваны,
Теперь вы не паны;
Ваши господари
Наймиты татарамъ,
Турецкимъ султанамъ—
Въ кайданахъ, въ кайданахъ!
Годи жь, не журитця,
Гарно помолитця.
Братайтеся съ нами,
Съ нами, козаками,
Будете панами.

Голота.

Вотъ-то правду спѣваешь волоха! Коли бы захотѣли, то бы и сами пановали.

Кобзарь.

Овва! Волохъ! Бывать-то я, пане, бывалъ съ Волощинѣ, да и

*) Козацкія лодки.
**) Кобза — бандура.

Digitized by Google

волохи хорошіе люди, а все-жь-таки гусь свиньѣ не товарищъ. То Якимъ, а то Яковъ; то жидъ, а то *дидъ*, а то и запорожскій козакъ!

Перебійносъ (отмахиваясь отъ комаровъ).

А ну-те-ка, соколики, отгадайте загадку!

Вубликъ.

Ты знай выкладывай, дядя, а то отгадаемъ. Отгадать можно. На то Богъ человѣку смекалку уродилъ, чтобы знала свинья, что перецъ.

Витрякъ (Перебійносу).

Только слушай, отаманъ! Уговоръ таковъ, чтобы и тебѣ до утра гулять съ нами. А завтра на муштру—дарма! Было бы сказано!

Перебійносъ.

Э, дурню! Жидъ что ли я, прости Господи, а не запорожецъ, чтобы сталъ торговаться? Гулять, такъ гулять! А коли кто на муштру не придетъ, его на то воля! Только послѣ ужь пускай не прогнѣвается. А что же бы это и былъ за козакъ, коли бы да отъ одной ночи козацкаго веселья скарлюжился? Тащи, жидъ, венгерскаго, горилку на заидку. Да крутись швидче, поганець!

Жидъ (съ поклонами).

Заразъ, пане, заразъ.

Приноситъ вино; каждый наливаетъ себѣ и пьетъ; Витрякъ съ поклономъ подноситъ кобзарю; Перебійносъ разомъ опоражниваетъ огромный кухоль (кружку).

Вубликъ.

А что-жь, пане, загадку-то?

Перебійносъ.

Прилипъ, якъ до Ганны Пилипъ! Дай промочить горло. (Еще выпиваетъ.) Вотъ, слушайте! (Отмахивается) Летѣлъ птахъ — о семи ногахъ; пищитъ надъ могилой: Боже мой милый! А вотъ же послалъ Ты мнѣ долю, что далъ мнѣ надъ всѣми волю, и надъ панами, и надъ царями; только не далъ ты мнѣ воли надъ вѣтромъ въ полѣ, да щукою въ морѣ. (Убивъ комара, разсматриваетъ у себя ладонь) А что же это, хлопцы?

Digitized by Google

Гилка.

Эка важно!
Что у кого болитъ, о томъ онъ и толкуетъ;
Вишь старшину заѣли комары!

Перебійносъ (весело).

Москаль, а не сбрехалъ же! Recte, frater!
Случалось, что комаръ и кесаря кусалъ.

Ольшевскій.

А ты, панъ пробощъ, запалилъ бы люльку;
Чай, въ Кіевѣ чему нибудь учился?

Перебійносъ (простодушно).

А гдѣ тютюнъ? Вотъ тѣмъ оно и лихо,
Что захотѣлъ курить—такъ люльку набивай!
(Продолжая отмахиваться)
Вишь обозлились псы! Погано племя!
А ну ихъ къ дидку-лысому въ болото!
(Протягивается во весь ростъ, подложа руку подъ голову)
Эй, старшина! Ты что-жь тутъ? Спать залегъ?
Кой биса спать теперь! Гуляй же съ нами!
Давай-ка, жидъ, вина.
(Наливъ, подноситъ кобзарю)
Будь ласковъ, батьку!
Не отставай отъ насъ!
(Всѣ пьютъ)
Здоровы будьте!

Ольшевскій.

И вы!

Молодъ.

И вы!

Клюга.

Велика русска маты!
Любитесь, братики!

Гилка.

За вѣру русскую!

Кобзарь.

За правду Божію!

Digitized by Google

Голота.

За матерь—Украину!

Клюга.

За честь козацкую!

Витрякъ.

А пусть во вѣкъ не сгинетъ!

Клюга (расталкивая заснувшаго Перебійноса).

Вставай же кумъ! Нельзя тебѣ не пить!
Заснулъ? Сопитъ себѣ, какъ лысый-дидко!
О, Господи! Да слѣзь же, подивися,
Якъ спитъ козакъ! Съ чего такой онъ гладкій?
Поѣстъ, попьетъ, а тамъ—хоть не рости трава!

(Старается разбудить Перебійноса; этотъ обороняется)

Смотрите-ка: вѣдь спитъ, а самъ дерется!

Вубликъ.

На то козакъ: коли не пьетъ, такъ бьетъ,
А все же не гуляетъ.

Перебійносъ (очнувшись).

Брешешь, frater!
Когда-жь козакъ не пьетъ? Давай горилки!

(Взявъ чарку)

За Сѣчу, други! За Великій Лугъ!

(Выпивъ, ударяетъ чарою о землю)

Чтобъ нашимъ ворогамъ такъ тяжко было!

(Замѣтя, что Гилка призадумался и не пьетъ, подаетъ ему чарку)

Пей, братъ москалику! Не потѣшай кручины,
Не вѣшай молодецкой головы!
Коль смутно на сердцѣ, такъ лучше лайся,
Иль бейся грудью съ вражьими сынами.

(Набиваетъ люльку)

Заѣлъ тебя стрѣлецкій волкодавъ?
Отбилъ дивчину, да еще тебя же
Въ колодку посадилъ? Бываетъ хуже!
За то теперь у насъ козакъ ты вольный;
А что дивчина-то, такъ этого ты цвѣту

Digitized by Google

Не оберешься въ полѣ. А по мнѣ—
Милѣе всѣхъ дивчатъ твоихъ на свѣтѣ—

(Закуривъ люльку)

Вотъ эта люлька! Нѣтъ у ней обмана;
Коль закурю—горитъ; а загашу—погаснетъ.
Всего же ближе къ сердцу—наша Сѣчь,
Да вѣрное товарищство—козацтво,
Да мать—святая русская земля!
Не хныкать же, паньку, что не разгрызъ оришки;
Вотъ, пей горилку, да братайся съ нами;
На ворога-жь—наплюй! Свиньѣ и честь свинячья!

Гилка.

Чортъ съ нимъ! Да пуще то вѣдь больно,
Что отродясь у насъ порядка не бываетъ;
И царь хорошъ, а толку нѣтъ, какъ нѣтъ!
Скрутили насъ окольничьи да дьяки,
И мясо рвутъ изъ насъ по клочьямъ, словно псы;
Хоть утопиться впору!

Перебійносъ (сплевывая).

Э, мой любый друже!
Не по вѣкъ въ людяхъ будетъ жить неправда;
Что было—видѣли, что будетъ—то увидимъ:
Споютъ и намъ: «прійдите поклонимся».
Ты пей горилку, да и будь веселый—
Что сынъ при матери! Бо здѣсь мы—братья.

Голота (Ольшевскому).

Вотъ такъ бывало ты кручинился, ляшокъ,
Пока съ себя не сбросилъ польской дури,
Да не пришелъ къ намъ вольнымъ козакомъ.

Ольшевскій.

Что толковать.... Всего бывало, пане!

Пребійносъ (Кобзарю).

А что на Украинѣ, батьку? Ты
Оттоль вернулся?

Кобзарь.

Плохо тамъ.

Digitized by Google

Увидѣли, что Барабашъ *)—измѣнщикъ
И заодно съ панами, только поздно;
Ужь и помочь нельзя. И близокъ локоть,
Да не ухватишь зубомъ.

Перебійносъ (съ досадою).

Цуръ имъ дурнямъ,
Когда ужь спохватились! Дѣло дрянь!
Прійти на нихъ бѣдѣ.

(кобзарю)

А ну, мой любый!
Повесели! Утни какую знаешь!

Кобзарь.

Извольте, пане! Я спою хоть эту,
Какъ на селѣ у насъ журилась молодица.

(Играетъ и поетъ)

«Отъ села до села,
Танцы да музыки;
Курку, яйца продала,
Маю черевики.
Отъ села до села,
Хочу танцюваты,
Ни корови, ни вола,
Не осталось въ хаты.
Я отдамъ, я продамъ
Кумови хатину,
Я куплю, я зроблю,
Яточку пидъ тиномъ;
Торговать, шинкувать
Буду чарочками,
Танцювать, да гулять
Таки съ паробками.
Охъ вы дитки мои,
Мои голубята!
Не журитця, подивитця,
Якъ танцюе маты.
Сама въ наймы пійду,

*) Барабашъ, главный украинскій старшина того времени.

Digitized by Google

Дитокъ въ школу отдамъ,
А червоннымъ черевичкамъ,
Таки дамъ, таки дамъ!»

Вубликъ.

Что-жь хлопцы? Коль до танцевъ, такъ до танцевъ;
А ну же, батьку, распотѣшь козацтво!

Кобзарь (поетъ; кругъ казаковъ раздается, и запорожцы пускаются въ плясъ, иные подпѣваютъ. Кобзарю подыгрываютъ, точно будто изъ земли выросшіе, четыре жидка-музыканта съ цимбалами, гудкомъ, басомъ и бубномъ).

«Чукъ, чукъ, чумандра!
Чумандрихо молода,
Наварила буряка,
Та вкинула чабака
Годувала козака.
Сыпь, сыпь цибули,
И все те що добули,
И квасоли, и барболи
Було бъ всёго щобъ вдоволи.
Чукъ, чукъ, чумандра! И т. д.
Трвай зась, не змогайсь—
Чумандрихо не жахайсь!
Вари жь страву зъ буряка,
Мы жь на вкруги гопака!
Чукъ, чукъ, чумандра!» И т. д.

(Переставъ играть)

Довольно съ васъ!

Голоса.

А ну еще! Еще!
Пой, батьку, пой! Еще одну ушкварь! *),
Хоть дрянную, да спой!

Сторожевой (вглядываясь изъ-подъ руки по направленію къ дорогѣ).

Эге! Къ намъ ѣдутъ тридцать конныхъ;
Кажись, что съ Украины козаки.

---

*) Ударь, затяни.

Digitized by Google

Вубликъ.

А козаки, такъ одного же поля
Та ягода.

Витрякъ.

Они еще не близко;
Эхъ, соколы.... еще отхватимъ, други!

Молодь (притопывая съ дѣтскимъ увлеченіемъ).

Ой гопъ, таки такъ!
Ой гопъ, таки такъ!

Кобзарь (поетъ).

«Ой гопъ, того дива!
Наварили ляхи пива,
А мы будемъ шинкувать,
Ляшкивъ-панкивъ частувать.
Ляшкивъ-панкивъ почастуемъ,
Съ панянками пожартуемъ,
Ой гопъ, таки такъ!
Кличе панну козакъ:
Панно, пташко моя!
Панно, доле моя!
Не соромся, дай рученьку,
Ходимъ погуляймо,
Нехай людямъ лихо снитця,
А мы заспиваймо:
Панно, пташко моя!
Панно, доле моя!»

Перестаетъ играть.

Голоса.

Еще! Еще!

Кобзарь (поетъ, жестикулируя и передергиваясь).

«Якъ би таки або такъ, або сякъ,
Якъ би таки запорозьскій козакъ!
Якъ би таки молодій, молодій;
Хочь по хатѣ бъ поводивъ, поводивъ.
Страхъ мини не хочетця,
Съ старымъ дидомъ морочитця.
Якъ би таки або такъ, або сякъ,
Якъ би таки запорозьскій козакъ!»

Продолжаетъ потихоньку играть.

Digitized by Google

Сторожевой (про себя).

Экъ розобрало ихъ!

(Громко)

Да слушайте-жь, панове!
Въ двухъ выстрѣлахъ они остановились
И шлютъ сюда передового пѣшимъ.

Молодь.

Пока дотащится, а мы еще отхватимъ.
Вѣрь Богу, ногъ не можно удержать,—
Танцуютъ сами!

Витрякъ (кобзарю).

Стой-ка, батьку!
Я видѣлъ, какъ тебя перебирало.
Дай кобзу: я спою, а ты себѣ танцуй!

Кругъ широко раздается; Витрякъ, взявши у кобзаря бандуру, играетъ и поетъ; кобзарь, а съ нимъ и другіе пускаются въ присядку. Одушевленіе достигаетъ высшей степени; слышны присвистыванія и крики одобренія.

Витрякъ (играетъ и поетъ).

Ой гопъ, гопака!
Полюбила козака,
Та рудого, та старого,
Лиха доля така.
Иди жь, доля, за журьбою,
А ты старій за водою,
А я таки до шинку:
Выпью чарку, выпью другу,
Выпью третю на потуху,
Пяту, шосту, та й кинець.
Пишла баба у танець,
А за нею горобець,
Викрутасомъ, вихилясомъ....
Молодець, горобець!
Старій рудій бабу кличе,
А та ёму дулю тыче:
Ожинився, сатано,
Заробляй же на пшоно,
Треба дитокъ годувать,
Треба дитокъ одягать.

Digitized by Google

А я буду добувать,
А ты, старій, не гриши,
Та колиску колиши,
Та мовчи, не диши!

Послѣдніе четыре стиха поются чуть не шепотомъ; пляска останавливается и каждый старается по своему выразить мимикой содержаніе стиховъ. Сторожевой, прицѣливаясь изъ ружницы по направленію дороги, подражаетъ крику пугача (филина); игра и пѣніе мгновенно прекращаются.

Сторожевой.

Пугу! Пугу!

Голосъ Ганжи (въ отдаленіи).

Козакъ изъ Луга!

Сторожевой (опуская ружье).

Кто съ козакомъ?

Голосъ Ганжи.

То братья съ Украины—
Пришли къ панамъ и братьямъ запорожцамъ.

Сторожевой.

Иди, козакъ; скажись сперва громадѣ,
Да прикажи коней въ лѣсу оставить.

Перебійносъ (жидамъ).

Жиды назадъ! Не суйтесь сами въ петлю!

Жиды торопливо уходятъ въ лѣсъ.

Раздайтесь, братцы, шире дайте кругъ!
Сдается, что не даромъ эти гости.

(Витряку)

Бѣги-ка, панъ, скорѣй за кошевымъ;
Онъ недалеко здѣсь.

Витрякъ уходитъ.

Молодь (заглядывая на дорогу).

Лицо знакомое: видалъ его я гдѣ-то!

Ганжа, взойдя быстрыми шагами и съ непокрытою головою, кланяется на всѣ четыре стороны.

Перебійносъ (узнавъ Ганжу).

Да это же Ганжа! Здоровъ будь, пане!

Digitized by Google

Ганжа.

Богъ въ помочь вамъ, панове запорожцы!
(Перебійносу)
Спасибо, пане мой!
(Клюгѣ)
Клюга, здорово!

Перебійносъ.

Откуда ты?

Ганжа.

Съ гетманщины. Позвольте,
Панове запорожцы, рѣчь держать.

Перебійносъ.

А ну, мой любый!

Ганжа.

Знаете-ль, панове,
Что на гетманщинѣ теперь творится?

Клюга.

Почемъ намъ знать!

Ганжа.

Такъ, такъ и не слыхали?
Не за горами-жь вы отъ насъ живете!

Голота.

А что такое?

Сзади незамѣтно подходятъ кошевой и Витрякъ.

Ганжа.

Да дѣла, дѣла,
Что расказать—такъ волосъ дыбомъ станетъ,
И съ туги сердце кровью обольется,
И въ ужасѣ начнетъ креститься каждый!

Кошевой (выступая впередъ).

Не говори, козакъ, загадками съ громадой!
Слова какъ марево; они сбиваютъ съ толку
И прячутъ правду Божію отъ глазъ:
Скажи намъ лучше просто, что у васъ.

Ганжа.

Изволь, панъ кошевой, бери всю правду.
У насъ теперь нашло на Украину,

Digitized by Google

На козака по два ляха. Загибла наша воля;
Ляхи себѣ забрали наши земли,
И лыцарство на панщинѣ у нихъ
За псами ходитъ да конюшни чиститъ,
Пасетъ воловъ и шляхтѣ печи топитъ.
Куда ни обернись, все ляхъ, да жидъ!
Они тащатъ у насъ послѣднихъ животовъ,
Безчестятъ нашихъ женъ и дочерей,
И къ уніи петлёй за шею тянутъ.
Поругано у насъ честное духовенство,
Поповъ по улицамъ волочатъ и, въ забаву,
Мучительно уродуютъ имъ лица;
Ксендзы-жь по селамъ въ таратайкахъ ѣздятъ,
А возятъ ихъ не кони, а дивчата.
Вишь мы еретики! Вишь Богъ-то нашъ—не Богъ!
«Схизматики!»—другаго нѣтъ названья.
Коль на селѣ никто въ унію не пойдетъ,
Сожгутъ село и сроютъ; стариковъ
Повѣсятъ; исколѣчатъ бабъ и дѣвокъ,
И съ паробковъ живыхъ сдираютъ кожу;
А ребятишекъ—въ кипяткѣ варятъ.

Глубокое молчаніе; потомъ глухой говоръ.

Кошевой.

Козакъ, остерегись неправдой насъ морочить;
Нельзя съ огнемъ шутить неосторожно.
Ты о неслыханныхъ злодѣйствахъ говоришь,—
Не вѣрится! И вправду что-ль ляхи
Дошли до этого? Чего-жь вы короля
Не просите?

Ганжа.

Король!... А что онъ значитъ?
Онъ самъ какъ хлопъ у панства да у шляхты.

Кошевой.

Чѣмъ отвѣчаешь ты, что не со вздоромъ
Пришелъ ты къ намъ?

Ганжа.

Своею головою!
Клянусь въ томъ нашей вѣрою святой,
И честью лыцарской передъ громадой!...

Digitized by Google

Еще не все успѣлъ я расказать;
Дослушайте! Съ ребенка, что родится,
Съ ульевъ, съ воловъ, овецъ, зерна, помола,
Мы платимъ пошлину проклятому жиду;
Тащитъ онъ съ насъ послѣднюю копѣйку,
И козака убить—имѣетъ право!

Голота (засучивая рукава).

Собаки! Нехристи! Вотъ еслибъ мнѣ сейчасъ
Какой попался!...

Ганжа.

Потерпи, землякъ!
Дай расказать—ужь мнѣ хоть напослѣдкахъ,
Чего еще не смѣлъ мой высказать языкъ,
Что страшно и теперь мнѣ вымолвить предъ вами.
Да, братья, не за чѣмъ таить отъ васъ!
Въ конецъ поругана святая наша вѣра!
Ляхи жидамъ отдали наши церкви
Со всею утварью! Святыхъ сосудовъ
Касаются нечистыя ихъ руки;
Жидовки шьютъ себѣ изъ ризъ парчевыхъ юпки;
И пасхой въ Свѣтлый день нельзя намъ разговѣться,
Коль жидъ на ней не положилъ печати!
Всѣ церкви подъ замками у жидовъ,
Не отопрутъ безъ денегъ. Ну, а денегъ—
Да гдѣ-жь ихъ взять, коль скоро ужь самимъ
Отъ голода придется погибать!
Не окрещены мрутъ у насъ младенцы,
А дѣвки лишь рожаютъ байстрюковъ *),
И неотпѣтыми хоронятъ стариковъ.

Кошевой (гнѣвно).

А вы чего-жь молчали, вражьи дѣти?
Бабье что-ль вы? Аль вы не козаки?
Нѣтъ что ли рукъ у васъ да сабель? Какъ могли вы
Дозволить псамъ ругаться надъ святыней
И кандалы надѣть себѣ на шею?
Къ чему-жь у васъ полковники и гетманъ?

*) **Байстрюкъ**—незаконнорожденный.

Digitized by Google

Ганжа.

Э, гетманъ-то? Ты видно позабылъ.
Что гетмановъ давно нѣтъ и въ завѣтѣ....
Кого повѣсили, аль пыткой доконали,
Кого сожгли, кого четвертовали,
И правитъ нами польскій комисаръ!...
Полковники?... А что тутъ станешь дѣлать,
Коль на носу у насъ сто тысячъ войска,
И насъ же старшина имъ продаетъ?
Вы помните Хмельницкаго, что прежде
Войсковымъ писаремъ у васъ служилъ?
Паны почуяли, что этотъ волкъ зубатый,
Хочь ластится лисой, а на приманку
Къ нимъ не пойдетъ и родины не выдастъ:
Такъ что же? Забрались къ нему на хуторъ,
Сторожевыхъ порѣзали, сожгли село,
Ограбили весь скарбъ, засѣкли сына
И увезли къ себѣ его хозяйку.
Хмельницкій прямо съ жалобой въ Варшаву,
А трибуналъ надъ нимъ же насмѣялся
И присудилъ его отдать имѣнье
Ляху, что у него жену укралъ
И до-смерти его замучилъ сына.
Чудно вамъ это? А не все же тутъ.
Ляха на бой онъ вызвалъ, тотъ подставилъ
Ему засаду; и когда-бъ не чортомъ
Хмельницкій бился, то совсѣмъ пропалъ бы!
А послѣ, все же дьявольскимъ обманомъ,
Проклятымъ удалось схватить Богдана,
И приказалъ казнить его Потоцкій....
И онъ теперь—едва къ вамъ голову донесъ!

Кошевой (съ живостью).

Хмельницкій здѣсь?

Перебійносъ.

Богданъ Хмельницкій въ Сѣчѣ?

Клюга.

Да гдѣ же онъ?

Digitized by Google

Голота.

Чего-жь нейдетъ онъ къ намъ?

Въ продолженіи этого разговора показываются Хмельницкій съ Тимошемъ и товарищами.

Хмельницкій (подходя и привѣтствуя громаду).

Онъ здѣсь, товарищи! Онъ передъ вами!
Прошелъ Великій Лугъ онъ съ молодцами
И Сѣчѣ-матери принесъ поклонъ!
Здорово, братики! Здорово, господарство!
Здорово, кошевой! Здорово, други!
Къ вамъ уношу—и тѣло я и душу:
Укройте стараго товарища, орлята,
Да бить ляховъ, панове, пособите,
А то безъ васъ пришлось ужь плохо намъ!
И то сказать: помимо Запорожья,
Помимо родныхъ, кровныхъ нашихъ братьевъ,
Куда намъ кинуться? Со шведомъ Польша въ мирѣ,
А русскій царь за насъ бы и вступился,
Да самъ съ ляхомъ недавно воевалъ
И за войну Смоленскомъ поплатился.
Вотъ съ крымцами—оно-бъ и можно было,
Хоть часто мы и больно ихъ бивали,
И крѣпко злы на насъ теперь татары,
Да какъ-то совѣстно,—они поганы,
Такъ гоже-ль ихъ вести на христіанъ?

Кошевой.

Ты, панъ Хмельницкій, не болтай намъ вздора:
Что католикъ, что жидъ, и что собака,—
Извѣстно, вся ихъ вѣра одинака! *)
Скажи намъ лучше, какъ сойтись съ ордой,
А о другомъ ужь мы разсудимъ сами,—
Грѣшно оно, иль нѣтъ.

Хмельницкій.

А если-жь такъ,
То съ ханомъ помириться намъ не трудно.

(Вынимая пергаментный свитокъ за королевскою печатью)

*) Поговорка старой гетманщины.

Digitized by Google

Вотъ грамота: ее князь Оссолинскій
Привезъ козачеству отъ короля—
Съ поклономъ, лаской, золотой казной,
Да съ просьбой поскорѣй настроить чаекъ,
И наскочить войной на крымцевъ съ моря;
Нашъ Барабашъ ее подъ юпкой спряталъ,
Да штучно-жь я таки ее досталъ!

Подаетъ свитокъ кошевому, который, посмотрѣвъ, возвращаетъ его.

Кошевой.

Ой молодецъ!

Хмельницкій (принимая свитокъ).

Такъ видите-жь, панове:
Король дружитъ козачеству не спроста;
Онъ хочетъ Польшу затянуть въ войну,
Чтобъ послѣ-то панковъ скрутить козацкой силой;
Не врагъ онъ намъ—да другъ-то ненадежный,
И милостивъ, пока ему мы нужны.
Прислалъ и мнѣ онъ булаву да знамя,
Да я не принялъ ихъ; не козакамъ—
Быть лакомымъ до королевской ласки,
Иль продавать отечество за власть.
Два года крымцамъ не вносилъ онъ дани;
И ханъ давно-бъ ему о томъ напомнилъ,
Когда бы нашихъ сабель не боялся.
Отправимте въ Бакчисарай пословъ,
Да хану эту грамоту покажемъ,
Чтобъ видѣлъ онъ, что затѣваетъ Польша,
И выбиралъ себѣ одно изъ двухъ:
Войну-ль съ обоими, иль дружбу съ козаками—
И противъ Польши общую войну.

Кошевой.

Эге! Чего еще? Чего-жь тутъ думать?
По мнѣ татаринъ лучше поляка?
Уменъ ты, брате, и козакъ ты добрый.

(Принимая булаву изъ рукъ джуры)

Вы слышали, панове запорожцы,
Что говорилъ Хмельницкій? Какъ теперь
Посудите? Принять его—иль нѣтъ?

Digitized by Google

Идти ли намъ на гаспидскихъ ляховъ?
Не будетъ ли зазорно побрататься
Съ ордой поганой, и не лучше-ль вправду
Смолчать, какъ дурнямъ, чтобы подъ-носъ намъ
Они другой себѣ построили Кодакъ?
А тутъ жиды съ латинскими попами
Топтали въ грязь и вѣру и козацтво,
Да и ляхи изъ сердца Украины
Сосали кровь, губили наше братство,
А послѣ ужь и намъ скрутили чубъ?
Какъ волите?

Запорожцы собираются всѣ въ кучу; изъ-за общаго говора выдаются голоса дѣйствующихъ лицъ.

Голота.

Да что тебѣ сказать?
А не сидѣть же намъ, сложивши руки!
Не истуканы мы!

Клюга.

Всего бы лучше—
Хмельницкаго-то къ хану намъ послать.

Перебійносъ.

Онъ тамъ бывалъ, селямъ-алейкюмъ знаетъ,
Хоть и муллу—такъ за-поясъ заткнетъ.

Вубликъ.

Да онъ же насъ пускай и поведетъ,
Отвѣдать саблей косточки шляхетской.

Клюга.

Вѣдь кошевому же идти не можно;
Кто-жь будетъ Сѣчью править!

Голоса.

Дѣло! дѣло!
Давай Хмельницкаго! Хмельницкаго хотимъ!
Пусть ѣдетъ къ хану! Пусть ведетъ полки!

Шумъ и говоръ усиливаются; но когда кошевой подаетъ булавою знакъ, все умолкаетъ.

Кошевой (къ запорожцамъ).

Дозвольте мнѣ, громадо, рѣчь держать.

Digitized by Google

Голоса.

Тсъ! Разступитесь-ка!... Молчите!... Тише!...
А ну-же, ну! Что скажетъ кошевой?

Кошевой.

Вотъ что скажу я, братцы! Мнѣ сдается,
Что всѣ вы за войну съ ляхомъ и дружбу съ ханомъ,
И за Хмельницкаго.

Голота.

А то и есть!
Поладить съ крымцами, а тутъ съ Богданомъ
Ляхамъ такого пару закатить,
Что и покойничкамъ бы жутко стало!

Кошевой.

Такъ что же? Выходи на голоса!
Кто не согласенъ—руку съ шапкой вверхъ!

Клюга.

Съ чего-жь ты взялъ, чтобъ кто нибудь изъ насъ
За вѣру грудью стать не согласился—
И братиковъ покинулъ бы въ бѣдѣ?

Кошевой.

А коли такъ, благослови же, Боже,
Намъ одолѣть враговъ! Креститесь, дѣтки!
Дай Господи теперь намъ добрый часъ,
Чтобъ былъ у насъ во всемъ совѣтъ, да разумъ,
И чтобъ пришло все къ доброму концу;
А коль войны бояться козаку—
Такъ, знаетъ бисъ, чего ужь не бояться!

(Подходя къ Хмельницкому, съ поклономъ)

Всѣ рады мы тебѣ, Хмельницкій пане,
И съ хлѣбомъ-солью, съ вѣрнымъ братскимъ сердцемъ,
Встрѣчаемъ мы тебя. А о другомъ о прочемъ
Какъ Рада порѣшитъ.

(Обнимая Хмельницкаго)

А ну-тко, Хмеле,
Свари-тко, братъ, ляхамъ хмельного пива!
Разсыпься, Хмеле, ворогамъ на лихо!
Ну, довбишъ, пріударь теперь въ литавры;

Digitized by Google

Подай сигналъ, чтобъ съ утренней зарей
На Раду шли. Здоровы будьте, дитки!
Прощай, Хмельницкій!

(Перебійносу шутливо).

Ну-тко, старшина,
Пойдемъ, да потолкуемъ.

Всѣ, поснявъ шапки кланяются кошевому, который тихо удаляется въ сопровожденіи Перебійноса и джуры. Въ это время довбишъ въ три пріема ударяетъ въ литавры; спустя нѣкоторое время ему отвѣчаютъ съ Микитина Рога тремя сигнальными пушечными выстрѣлами. По удаленіи кошеваго, Голота и съ нимъ нѣсколько другихъ запорожцевъ ускользаютъ въ лѣсъ.

Хмельницкій (выступивъ впередъ).

Ой, спасибо-жь
Вамъ, соколы! О, еслибъ въ вашей силѣ—
Богъ, въ этотъ часъ, создалъ Свой судъ народамъ,
А русскимъ братьямъ славу и спасенье!

Изъ лѣса доносятся голоса.

Голоса жидовъ.

Ай, ай, веймиръ! Помилуйте, панове!
За что же такъ? Да змилуйтесь, пустите!

(Голота тащитъ изъ лѣсу жида-маркитанта и выталкиваетъ его впередъ. Вслѣдъ за нимъ и другіе запорожцы приводятъ захваченныхъ ими жидовъ).

Голота.

Держите, братцы! Жидъ ногами прытокъ!

Жидъ-маркитантъ (падая предъ Голотою на колѣни).

Да змилуйтесь! За что-жь, мой ясный пане?
Я бѣдный жидъ, я-жь ничего не знаю!
Что я такое передъ паномъ? Тьфу!
Жидокъ—собака! Хуже червяка!
Вожу панамъ горилку; коль панамъ угодно,
Пусть кушаютъ! Я грошей не возьму.

Кланяется.

Голота (вынувъ изъ-за сапога ножъ, приближается къ нему съ товарищами).

Такъ ты, жидовская собака, вздумалъ
На деньги честь козацкую купить?

Digitized by Google

Жидъ-маркитантъ (проворно вскочивъ на ноги и поминутно кланяясь).

Ни, пане, ни! Да какже-жь можно?
Мы знаемъ пана! Вотъ же-жь добрый панъ!
Такой ужь панъ, какихъ и не бывало!
Жидкамъ всегда богато грошей платитъ;
Дай Богъ здоровья пану, что жидковъ
Насъ бѣдныхъ милуетъ. А мы съ ляшками
Не водимся; у нихъ жидки другіе;
Совсѣмъ, совсѣмъ не мы. Плевать на нихъ!
А цуръ имъ! Пекъ имъ! Чтобъ ихъ лысый-дидко
Во снѣ передавилъ!

Витрякъ (товарищамъ).

А вотъ что, братцы!
Что станемъ дѣлать съ этими шутами?
Отпустимъ ихъ! Пускай себѣ идутъ!
Жаль ножъ о нихъ поганить.

Клюга (строго).

Дѣлать что?
Въ Днѣпрѣ топить ихъ! Вотъ что дѣлать!
Кто выплыветъ—стрѣлять, а тутъ же кстати
Спалить все ихъ проклятое кагальство
Съ змѣинымъ выводкомъ! Вотъ что намъ дѣлать!
Грѣхъ, пане, этихъ нехристевъ жалѣть —
Да съ ними разводить турусы на колесахъ!
Берите ихъ!

Запорожцы окружаютъ жидовъ.

Старый жидъ.

О, Богъ отцовъ! Услышь
Молитву нашу.... отомсти злодѣямъ!

Клюга.

Ой, ты собака! Ты еще и зубы
Намъ кажешь? Въ Днѣпръ ихъ, братцы, въ Днѣпръ!

Жидовъ хватаютъ и тащатъ; шумъ, говоръ, восклицанія и вопли, по мѣрѣ удаленія толпы, доносятся тише, переходя въ отдаленный говоръ. Остаются Богданъ и Тимошъ Хмельницкіе

Тимошъ.

Вотъ это, добре!
Отъ нихъ вѣдь, батьку, некуда дѣваться,

Digitized by Google

И праведенъ надъ ними Божій гнѣвъ.
И у меня не дрогнули бы руки
Жидовское изъ груди вырвать сердце,
Да бросить въ поле чернымъ вороньямъ.
А пуще ихъ ляховъ я ненавижу:
Они, проклятые, не только что отчизну,
Да и тебя, мой батьку, загубили,
Не силою, а дьявольскимъ лукавствомъ,
Быть можетъ, колдовствомъ; и ясность взгляда,
Какъ маревомъ, тебѣ заволокли;
И видишь ты, въ друзьяхъ твоихъ—враговъ.
А въ ворогахъ—друзей.

Хмельницкій (подумавъ).

Не худо, пане,
Что сердца ты отъ батьки не таишь;
Съ чужими же быть надо осторожну,
И лишнихъ словъ дуромъ не выпускать.

(Подаетъ Тимошу письмо, которое этотъ прочитываетъ)

Вотъ прочитай письмо: Юзефа пишетъ,
Что силою увезъ ее Чаплинскій,
И проситъ, чтобъ ее изъ рукъ злодѣя
Скорѣе вырвать.

Тимошъ (возвращая письмо).

Что-жь ты хочешь сдѣлать?

Хмельницкій.

А то, въ чемъ честная душа по правдѣ
Ей отказать не можетъ. Я Юзефу
Опять возьму.

Тимошъ.

Пусть будетъ такъ, отецъ.
А что сказалъ бы ты, когда бы правда
Предстала въ очію, и ты-бъ увидѣлъ,
Что умерла родная наша мать —
Отъ мачихи; что заодно съ Чаплинскимъ
Она замучила сердегу—брата;
Что подвела Чаплинскаго па хуторъ,
Что на Суботовъ нашъ свидѣтельство украла,
Дороша твоего сдала монахамъ,

Digitized by Google

Объ насъ ляхамъ передавала вѣсти,
Сожгла у насъ гнѣздо, имѣнье наше
Ограбила; въ засадѣ перебила
Всѣхъ нашихъ хлопцевъ, въ Чигиринъ на площадь
Подъ батоги меня сложила, а тебя —
Что звѣря краснаго, гоняла по Вкраинѣ? —
Ты что сказалъ бы, батьку?

Хмельницкій (въ волненіи).

Я-бъ сказалъ —
Повѣсь ее! Замучь ее, какъ брата
Она замучила! Пусть затомится
И двадцатью смертями умираетъ,
Какъ умирала мать твоя. Эге, казакъ!
Ты повернулъ мнѣ сердце!
Бросимъ это.
И такъ ужь много словъ. За Лугъ Великій
Съ тобой перебрались мы не за этимъ;
И помощи прошу я въ Запорожьи —
Не для себя. Передъ бѣдой народной,
Блѣднѣетъ всякое иное горе;
И предъ великою отечества семьей —
Ни жинки нѣтъ, ни брата, ни отца,
А есть одна намъ матерь—Украина.
Со мной, сынокъ, отправишься ты къ хану,
И у него побудешь аманатомъ.
Узнай порядки, изучай языкъ,
Оказывай къ ихъ вѣрѣ уваженье,
И заготовишь ты у нихъ себѣ друзей.
Свѣтло, мой сынъ, горитъ твоя звѣзда....
Отечество да ты—вотъ кто мнѣ всѣхъ дороже!

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Князь Оссолинскій, канцлеръ польскаго королевства.
Матѳій Лубенскій, примасъ польскаго королевства.
Гнѣвошъ, архіепископъ куяльскій.
Пріоръ Черневичъ, подъ именемъ ксендза Лентовскаго.
Адамъ Кисель, брацлавскій воевода и сенаторъ, изъ православныхъ.
Князь Доминикъ Заславскій,
Александръ Конецпольскій,
Остророгъ, } гетманы польскихъ войскъ.
Фирлей, древній, глухой старикъ, каштелянъ бельзскій.
Князь Іеремія Вишневецкій, извѣстный у казаковъ подъ именемъ *Еремки*.
Князь Четвертинскій, изъ православныхъ.
Мястковскій,
Позовскій, } польскіе паны.
Сисель, хорунжій новгородъ-сѣверскій, изъ православныхъ.
Квицынскій, скарбникъ у Оссолинскаго.
Оржинскій, шляхтичъ, резидентъ (приживалка) у Оссолинскаго.
Богданъ Хмельницкій, гетманъ Малороссіи.
Юзефа, жена его.
Тимошъ, сынъ его.
Иванъ Виговскій, изъ польскихъ шляхтичей, войсковой писарь.
Иванъ Чорнота, войсковой обозный.
Степко,
Вешнякъ,
Джеджалыкъ, } казацкіе полковники.
Ларіонъ Дмитріевичъ Лопухинъ, думный дьякъ, посолъ отъ царя московскаго.

Польскіе **паны**, **послы** молдавскіе, валахскіе, трансильванскіе, турецкіе, крымскіе, польскіе **комисары** и **шляхтичи** со свитою; **казацкіе полковники** и **старшины**; **казаки**, **джуры**, **хорунжій**, **народъ**.

Дѣйствіе происходитъ сначала въ Варшавѣ у канцлера Оссолинскаго, а потомъ въ Переяславлѣ у Богдана Хмельницкаго.

Digitized by Google

СОВѢТЪ У КАНЦЛЕРА.

Богатоубранный залъ въ домѣ канцлера Оссолинскаго, отдѣланный и меблированный во французскомъ вкусѣ XVII-го вѣка; надъ входными дверями большіе часы съ римскими цифрами и какими-то эмблематическими фигурами, а надъ ними гербъ рода князей Оссолинскихъ; на стѣнѣ большой портретъ кардинала Ришелье; посреди зала длинный столъ, и вокругъ него стулья съ высокими спинками; въ верхнемъ концѣ стола рядомъ поставлены два большихъ кресла; у входной двери два гайдука; Квицынскій съ Оржинскимъ осматриваютъ, все ли въ порядкѣ.

Оржинскій.

А что, панъ Квицынскій! Опять приходится намъ съ вами гостей принимать безъ маршалка?

Квицынскій.

А вѣдь я-жь за него! Развѣ я хуже его понимаю дѣло?

Оржинскій.

Езусъ Марія! Не расчитываетъ ли панъ сдѣлаться маршалкомъ?

Квицынскій.

Да и буду. Я—родовитый шляхтичъ: такъ ужь другимъ-то тутъ (мотая пальцемъ передъ носомъ Оржинскаго) — ни-ни-ни! А ему не усидѣть на такомъ мѣстѣ. Слабъ головою. Выпьетъ чарки три, четыре—и совсѣмъ готовъ. Когда король Владиславъ у насъ скончался, такъ онъ безъ просыпи пилъ три нѣдели.

Оржинскій.

А теперь?

Квицынскій.

Тогда онъ напивался съ горя, а теперь, видно, съ радости, что милостивому патрону нашему, пану князю Оссолинскому, удалось таки провести на бобахъ принца Карла.

Оржинскій.

Какъ же это?

Квицынскій.

Да такъ, что никто изъ насъ не хотѣлъ посадить королемъ Яна Казимира, а хотѣли брата его, Карла; а нашъ-то панокъ возьми да и подговори этого ротозѣя—отказаться отъ престола! Русскимъ вишь хлопамъ неугоденъ. А хлопы что? Извѣстно,—скотина!

Оржинскій (съ видомъ таинственности).

А не изволите ли знать, ваша мосць, для какой цѣли сюда къ двѣнадцати часамъ соберется панство?

Digitized by Google

Квицынскій..

А за тѣмъ, что наши умники сумѣли послать на Хмельницкаго-то, замѣсто гетмановъ,—трехъ чистѣйшихъ дурней. Не даромъ Хмельницкій говорилъ про нихъ, что одинъ—перина, другой—дитина, а третій—латина, хоть сейчасъ въ попы. А и задалъ же онъ всѣмъ имъ жару, что и сейчасъ не опомнятся. А то куда какъ важно: мы дескать этихъ чортовыхъ хлоповъ нагайками загоняемъ! Поѣхали паны наши на войну какъ на свадьбу, въ блаватныхъ да алыхъ кунтушахъ бархатныхъ, въ серебрѣ да въ золотѣ, чепраки съ шитьемъ, сабли съ насѣчкою, стремена съ позолотою, сбруя—литого серебра. Закрутятъ себѣ усы да заломятъ шапку, такъ и чортъ имъ не братъ. «Не помогай, говорятъ, Боже, ни нашимъ, ни хлопамъ, а только смотри, какъ мы станемъ имъ отсчитывать!» А тутъ какъ пошли на утекъ, такъ ужь только бы до коня, а дороги и не разглядывали; половина перетонула въ болотѣ. А вѣдь есть же и у насъ человѣкъ, Іеремія Вишневецкій, такъ того и Хмельницкій побаивается. Не замирюсь, говоритъ, пока не выдадите мнѣ князя Іеремію.

Оржинскій.

Я удивляюсь, панъ, откуда вы все это знаете!

Квицынскій (самодовольно).

Между плѣнными есть пріятели: слухомъ земля полна. Впрочемъ, и то сказать, что Хмельницкій-то молодецъ. Однимъ слабенекъ: вѣритъ бабамъ. Говорятъ, опять принялъ къ себѣ жену; а она-то изъ нашихъ, да и такая, что въ одно ухо взойдетъ, а въ другое вылезетъ.... А разъ попался было въ лапы къ Хмельницкому и Вишневецкій! Плохо приходилось нашему Іереміи! Обступили его козаки, какъ трехгодовалаго кабана, да и кричатъ своимъ: «А ну, Половьяне! А ну, Остапе! А ну, Демко! Отъ теперь-то маемо Еремку!» Такъ что-жь бы вы подумали? И тутъ сумѣлъ вывернуться, да ужь послѣ и задалъ же онъ имъ трепку! Вотъ этого-то въ гетманы не выбрали, и опять таки-жь все напуталъ нашъ ясновельможный!

Оржинскій (посмотрѣвъ на часы).

А знаете ли, панъ Квицынскій, что я скажу вамъ? Далебугъ, маршалкомъ вамъ не бывать! Вы, мой любезный панъ, опасный человѣкъ въ этомъ домѣ. Вмѣсто того, чтобы исполнять вашу обязанность и отзываться съ уваженіемъ о милостивомъ нашемъ покровителѣ и канцлерѣ королевства, вы только и знаете, что

Digitized by Google

водитесь съ украинскими хлопами, да еще лѣзете въ политику. Первымъ долгомъ сочту сейчасъ же отъ васъ уйти и обо всемъ подробно доложить духовнику супруги его мосци, благочестивому отцу Кассьяну. Счастливо оставаться, панъ! Да не соблазняйтесь же идти за мною! (Показывая на часы) Вонъ видите, сейчасъ забьетъ двѣнадцать, такъ вы не смѣете оставить вашего поста. Принимайте-ка гостей, панъ,—принимайте-ка гостей: а ужь маршалкомъ-то вамъ (мотая пальцемъ передъ носомъ Квицынскому) ни-ни-ни-ни!...

Бьетъ 12 часовъ, Оржинскій уходитъ въ боковую дверь, Квицынскій стоитъ, разинувъ ротъ отъ удивленія. Гости входятъ, одинъ по одному, привѣтствуя другъ друга и усаживаясь вокругъ стола. Опомнившійся Квицынскій показываетъ каждому его мѣсто. Послѣ всѣхъ входятъ изъ противуположной боковой двери Матѳій Лубенскій, за нимъ канцлеръ Оссолинскій и позади ихъ пріоръ Черневичъ; при входѣ ихъ, всѣ встаютъ. Примасъ и канцлеръ садятся рядомъ, приглашая и прочихъ занять свои мѣста. Квицынскій и гайдуки, по данному имъ знаку, выходятъ.

Кн. Оссолинскій.

Я пригласилъ къ себѣ пановъ ясновельможныхъ
По высочайшей волѣ короля.
Его величество мнѣ повелѣть изволилъ—
Предъ вами изложить всю сущность дѣла,
И выслушавъ подробно ваши мнѣнья,
Между собой ихъ послѣ согласить.
Нелегкій это трудъ, вельможные паны!
Свобода нашей Рѣчи Посполитой,
Въ избыткѣ силъ, какъ добрая земля,
Пока не вспахана,—плодящая репейникъ.
Родитъ нерѣдко смѣлыя лишь мысли,
Внѣ мудрой цѣли, логики и средствъ,

Кн. Вишневецкій (про себя).

Какая наглость!

Остророгъ (про себя).

Heu loquendi modus!

Кн. Оссолинскій (обращаясь къ Лубенскому).

Васъ, ваша свѣтлость, князя церкви
И перваго сановника, король
Мнѣ приказалъ просить, чтобъ вашей властью

Digitized by Google

Вы преклонять старались непреклонныхъ
И убѣждали насъ къ единодушью.

Лубенскій (съ ѣдкостью).

Помилуйте! Что-жь послѣ вашихъ словъ,
Скрѣпленныхъ королевскою печатью,
Сказать могу я? Здѣсь не сеймъ.

Кн. Оссолинскій (холодно).

Какъ вамъ угодно. А теперь позвольте
Его величества исполнить волю.
Извѣстно вамъ, яснѣйшіе паны,
Что съ сотню лѣтъ тому, при Сигизмундѣ,
Югъ Руси начиналъ сливаться съ Польшей.
И ловко это дѣло повелось,
И мудро продолжать его старались
Три нашихъ короля. Умно и тихо
Вводиться начала унія на Украйнѣ;
И русскій людъ, съ соединеньемъ вѣры,—
Рѣчь Посполитую считалъ уже отчизной.
Но поразилъ Господь насъ слѣпотой,
Или успѣхъ навелъ на насъ безумье,—
Паны у насъ ворвались въ Украину,
А тутъ кзендзы.... Чему-жь и удивляться,
Что козаки бунтуютъ? Мы ихъ волю,
Ихъ земли, семью, вѣру, даже жизнь
Безчестно продаемъ жидамъ за деньги:
Ихъ гетмановъ—то жжемъ, то четвертуемъ,
Сквернимъ ихъ храмы, да и мало-ль что?
Гдѣ тѣ мученія, которымъ мы
Не подвергали бы несчастныхъ хлоповъ?
Не строгость мѣръ скрѣпляетъ государство,
Но правосудье и народная любовь....
Пора одуматься. Ошибки наши
Несчастья много Польшѣ приносили...
Такъ думаетъ король.

Кн. Вишневецкій.

Вы также, канцлеръ,
Отъ этой филантропіи не прочь?
Пускай, дескать, растутъ у хлоповъ когти:
Когда нибудь вѣдь намъ же пригодятся!

Digitized by Google

Кн. Оссолинскій (сдержанно).

Вы слишкомъ смѣлы, князь.

Кн. Вишневецкій (вспыхнувъ).

Чего тутъ смѣть?
Свободно мнѣнье въ Рѣчи Посполитой!
Угодно-ль? Я съ оружіемъ въ рукахъ
Вамъ докажу, что тотъ, кто позволяетъ
Врагу завѣдомо точить оружье,—
Отечества предатель, иль безумецъ!

Кн. Оссолинскій (помолчавъ, спокойно).

Потише князь. Мы здѣсь собрались
Не для турнировъ.

Архіеп. Гнѣвошъ.

Не за тѣмъ же, князь,
Чтобы какъ школьникамъ, въ молчаньи и смиреньи,
Здѣсь слушать только ваши поученья.
Вѣдь въ королевствѣ есть еще иная власть:
То церковь наша! Кто сказать посмѣетъ,
Что мы должны схизматиковъ щадить,
Что дружба съ ними—не вражда на Бога,
Что мы спокойно имъ позволить можемъ
Церквей настроить—да плодить поповъ?
И безъ того не счесть еретиковъ!
Гуситы, реформаты, аріане,
И мало-ль кто теперь приходитъ въ Польшу
И къ нашимъ подбирается правамъ?
Всѣмъ этимъ, князь, одолжены мы вамъ.

Кн. Оссолинскій (съ ироніей).

Представьте... Я совсѣмъ не зналъ объ этомъ!
И хорошо, что вы, достойнѣйшій отецъ,
Изволили подать намъ наставленье,
Чтобъ ревность въ насъ по Богѣ пробудить.
Ужь научите кстати, что тутъ дѣлать?
Я думаю, схизматиковъ бы всѣхъ—
Во славу Божью и душамъ въ спасенье,
Поставивши огромные костры
И освятивши ихъ кропленіемъ воды,
Предать у насъ, огульно, всесожженью?

Digitized by Google

Да вотъ бѣда: что станемъ дѣлать мы
Съ ясновельможнымъ бельзскимъ каштеляномъ,
(Усиливъ голосъ)
Достойнымъ изъ достойнѣйшихъ пановъ,
Высокоуважаемымъ Фирлеемъ?

(Фирлей, услыша, что его назвали по имени, подставляетъ ухо съ приложенною къ нему рукою, чтобы лучше разслышать).

Куда дѣваться намъ съ брацлавскимъ воеводой,
Вельможнѣйшимъ Адамомъ Киселемъ?

(Адамъ Кисель съ безпокойствомъ повертывается на стулѣ).

Тотъ реформатской, этотъ—русской вѣры:
Не ставить ли ужь и для нихъ костры?
А надобно! За ихъ заслуги, стòитъ
Подумать о спасеньи ихъ души.

Архіеп. Гнѣвошъ (сильно раздраженный).

Я вижу, князь, что вашей ясной мосци
Шутить угодно. Но сановникъ церкви
У канцлера не долженъ быть шутомъ.

Кн. Вишневецкій.

Подобный разговоръ съ святымъ отцомъ
И намъ самимъ наноситъ оскорбленье,
Князь канцлеръ!

Ал. Конецпольскій (еще очень молодой).

Вамъ не снится-ль, князь,
Что вы сильнѣе сейма?

Одинъ изъ пановъ.

Вы забыли, канцлеръ,
Что сеймъ васъ обвинялъ уже въ измѣнѣ!...

Голоса.

Мы знаемъ васъ. Ищите дураковъ!
Насъ не обманете. Не проведете!
Ну что-жь, что заодно вы съ королемъ?
Король да вы—и только! Мы вѣдь—omnes!

Кн. Ссолинскій (поднимаясь съ мѣста и приглашая знакомъ къ молчанію).

Позвольте, дайте кончить. Съ этой бурей
Мнѣ въ жизни воевать ужь не впервые,

Digitized by Google

Такъ я ея нисколько не боюсь....

(Садится)

Извольте слушать. Чтобъ не длить намъ споровъ,
Я изложу вопросъ для васъ короче.
Послѣдній сеймъ у насъ опредѣлилъ
Послать въ казацкій лагерь комисаровъ.
Туда назначены: Брацлавскій воевода
Съ племянникомъ; князь Четвертинскій,
Да панъ Мястковскій, да на помощь имъ
Семь польскихъ шляхтичей, а съ ними,
Подъ именемъ Лентовскаго, за ксендза,
По назначенію свѣтлѣйшаго примаса,
Пріоръ прилуцкаго монастыря—
Отецъ Черневичъ. Нашъ примасъ свѣтлѣйшій
Отъ патера особой ждетъ услуги,
Въ которой я, признаться, не знатокъ.
Теперь вопросъ нашъ въ томъ, какъ сдѣлать,
Чтобъ намъ, коли захочемъ, можно было,

(Относясь къ Вишневецкому)

Не говорю—давить, иль мучить хлоповъ,

(Относясь къ Гнѣвошу)

Иль для спасенья душъ костры готовить:—
А помириться съ ними и на дѣлѣ
Ихъ изъ враговъ въ друзей преобразить?
Брацлавскій воевода, говорите!

Адамъ Кисель (вставъ съ мѣста и откашлянувшись, съ витіеватостью).

Я стану рѣчь держать—какъ вѣстникъ мира,
А не поклонникъ Марса и Беллоны.
Судьба войны измѣнчива—и намъ
На опытѣ случалось убѣдиться,
Какъ смерть для тартара отъ насъ сбирала дани.
Я—польскій панъ, Свѣнтольдичей потомокъ,
Что роксоланское дворянство слить умѣли
Въ единый помыслъ съ Рѣчью Посполитой,
По вѣрѣ—русскій, по душѣ—полякъ:
А все-жь и я скажу: не надобно войны,
А надобно съ Хмельницкимъ помириться!
Пора намъ слѣдовать разсудку, не страстямъ;
Мы можемъ воевать, но безъ сраженья.

Digitized by Google

Пусть наши раны уврачуетъ время:
Война наскучитъ, козаки вернутся
Къ своимъ любезнымъ ларамъ и пенатамъ;
Врожденна каждому любовь къ семьѣ,
И милость побѣждаетъ на судѣ.
Иль мало съ насъ тѣхъ страшныхъ пораженій,
Гдѣ парки злобно пресѣкали жизнь
Столповъ отечества, ясновельможныхъ пановъ
И славной, благородной нашей шляхты?
Иль мало Желтыхъ Водъ, Корсуня, Бродъ
И Константинова? И вышло наконецъ,
Что намъ не обойтись безъ мирныхъ средствъ.
Spes patriae—на васъ, паны, ложится:
Пусть вашъ judicium—мое украситъ мнѣнье,
А я ужь все сказалъ; jam omne dixi.

Поклонившись собранію, опять садится.

Одинъ изъ пановъ (съ важностью).

Я съ милостью его согласенъ; не оружіемъ,
А лаской должно намъ склонять враговъ.
Конечно, мы теперь побѣждены:
Но если вновь они передъ собой увидятъ
Могучіе шляхетскіе полки,
Отчаянье придать имъ можетъ силы—
Съ тѣмъ вмѣстѣ и упорства.

Другой панъ.

Да къ тому-жь
Оно внушитъ имъ мысль идти въ подданство
Къ султану, иль Москвѣ. Тогда имѣнья наши
Всѣ отойдутъ.

Кн. Вишневецкій (во все это время показывавшій сильные знаки нетерпѣнія и досады).

Да полно-жь, паны, слушать
Совѣтовъ этихъ, хоть и больше въ нихъ
Цвѣтистыхъ фразъ, чѣмъ совѣсти у хлоповъ!
Какъ можете Хмельницкому вы вѣрить?
Какъ можете вы вѣрить козакамъ?
Вы слѣпы, паны; вы не видите, въ чемъ дѣло;
У васъ не разсужденья, а мечты.
Пора вамъ понимать, что нѣтъ тутъ примиренья;

Digitized by Google

Что здѣсь одинъ изъ двухъ погибнуть долженъ:
Иль хлопу панъ затянетъ шею въ ôселъ,
Иль выгонятъ пановъ изъ панства—хлопы
И по клокамъ всю Польшу разнесутъ.
Намъ говорятъ: «Воюй, а не сражайся!»
Послушайте-жь, да какъ же можно?
Намъ загородятъ путь, угонятъ лошадей,
Безъ пастбищъ и безъ хлѣба насъ оставятъ,
И станутъ выморять голодной смертью,—
Да сами же и нападутъ на насъ:
А мы сиди, молчи, сложивши руки;
А тутъ въ войскахъ болѣзни, да побѣги;
Придетъ пора съ жолнерствомъ расчитаться,
А денегъ нѣтъ; а тутъ и сеймъ назначатъ,
И сеймъ у насъ потребуетъ отвѣта,—
И что же мы тогда ему отвѣтимъ?

Третій панъ.

Все это правда: сколько разъ Хмельницкій
У всѣхъ въ глазахъ умѣлъ дурачить насъ!
Прикинется тихоней, мира проситъ;
Манитъ къ себѣ покорностью и службой,
За насъ, какъ волкъ, накинется на хлоповъ,—
Нашъ братъ тому и радъ: развѣситъ уши,
А тотъ гляди—ужь что нибудь подвелъ,
И вышелъ сухъ, а мы—платись боками.

Еще панъ.

Князь Еремія дѣло говоритъ.
Ему давно бы надо поручить
Начальствовать надъ польскими полками:
Онъ далъ бы знать себя!...

Кн. Заславскій (въ костюмѣ записнаго парижскаго щеголя).

Я не согласенъ съ паномъ.
Такъ разсуждать легко, какъ нѣтъ на Украинѣ
Ни одного помѣстья. А вотъ я—
Пожалуй, и всего могу лишиться.
Что-жь дѣлать-то?

(Показывая на свои красивыя руки, украшенныя драгоцѣнными кольцами)

Digitized by Google

Пахать я не умѣю,
А христарадничать—такъ честь не позволяетъ.
А гдѣ ужь князь пройдетъ—все будетъ гладко!

Кн. Вишневецкій (какъ будто говоря самъ съ собою).

Я признаюсь, что для меня загадка,
Чего-бъ могла.... бояться ваша честь?

Кн. Заславскій (запальчиво).

Что вы сказать хотите?

Кн. Вишневецкій (съ выраженіемъ глубочайшаго презрѣнія).

Ничего!

Ад. Кисель.

Э, полноте, князья, не ссорьтесь!
Не мѣсто ссориться!

Кн. Вишневецкій.

Я, кажется, молчу;
Но голосъ не подамъ я въ пользу мира.

Ал. Конецпольскій (вызывающимъ тономъ).

Мы всѣ хотимъ войны!

Какой-то панъ (съ рѣзкостію).

Ну, такъ, пожалуй,
Одни воюйте!

Другой панъ (вставая).

Намъ вы—не укащикъ.

Ал. Конецпольскій (вставая и приходя въ задоръ).

Война!

Ад. Кисель, (вставая).

Что жь это?

Всѣ паны встаютъ одинъ по одному, кричатъ, заводятъ шумъ и ссорятся. Кн. Оссолинскій, незамѣтно для присутствующихъ, подходитъ къ стѣнѣ и, дернувъ за шнурокъ колокольчика, возвращается на свое мѣсто; Адамъ Кисель затыкаетъ себѣ уши, а Фирлей, подъ вліяніемъ глухоты и старости, продолжаетъ спать и просыпается отъ крика только къ концу сцены.

Голоса пановъ.

Полноте кричать!—
послушайте!—Чего тутъ слушать?

Digitized by Google

Не надо мира!—Ну васъ!... Къ чорту хлоповъ!—
Давайте войска!—Деньги гдѣ?—Пустое!—
Мы не позволимъ!—Всѣхъ васъ къ дябламъ!—
Вотъ, ваша свѣтлость...—Не кричити!—
Вы не больной!—Подите къ чорту!—
Ну замолчите же.—Э, нѣтъ! Не станемъ!—
Вы пьяны что-ль?—А вы?—А вы?
Князь канцлеръ... да чего вы ждете?—
Да разведемте-жь ихъ!—Э, полно, господа!—
Да полноте!...

Въ эту минуту два гайдука растворяютъ двери и становятся по мѣстамъ. Входитъ Оржинскій.

Оржинскій (торопливо и громко).

Посолъ отъ короля.

Всеобщее удивленіе—кромѣ кн. Оссолинскаго—и молчаніе; входитъ королевскій посланный.

Посланный.

Его величество, черезъ меня,
Васъ приглашаетъ всѣхъ немедленно явиться
И сообщить ему, на чемъ вы порѣшили.

Паны, озадаченные и смущенные неожиданностью, упорно молчатъ.

Кн. Оссолинскій (окинувъ глазами собраніе, спокойно, но съ оттѣнкомъ ироніи, отвѣчаетъ посланному).

Извольте доложить, что мы сейчасъ прибудемъ,
И кажется... отъ мира мы не прочь.

Королевскій посланный поспѣшно уходитъ, а вслѣдъ за нимъ, поклонившись гостямъ, выходитъ и кн. Оссолинскій. Собраніе поспѣшно расходится и послѣдними на сценѣ остаются примасъ Лубенскій и патеръ Черневичъ.

Лубенскій.

Какъ думается вамъ объ этомъ, патеръ?

П. Черневичъ.

Да плохо, ваша свѣтлость! Тутъ у всѣхъ
Идетъ хаосъ какой-то. Панъ Хмельницкій
Прижметъ врага къ стѣнѣ—и чѣмъ бы тутъ же
По рукоятку ножъ въ него всадить—

Digitized by Google

Съ поклономъ отойдетъ, чтобъ извиниться;
А тотъ стоитъ, да хлопаетъ ушами....
По-моему, все это очень глупо,
А по Хмельницкому—пожалуй, что умно!
Онъ, видно, разжевалъ давно,
Что новенькій мірокъ тутъ можетъ сотвориться,
Гдѣ самъ онъ будетъ... первый человѣкъ!
Во всякомъ случаѣ для Польши это скверно,
А и того сквернѣй оно для насъ,
Коль такъ дѣла пойдутъ...

Лубенскій (вполголоса, выразительно).

А что-жь тутъ дѣлать?

Черневичъ.

Что дѣлать?.. Ось сломить? Тогда машина
Сама собой должна остановиться.

Лубенскій (дружески подавая руку Черневичу).

Я, мудрый патеръ, поручаю вамъ—
Быть въ этомъ дѣлѣ машинистомъ.

Уходитъ, опираясь на Черневича.

СОНЪ.

Утро. Комната у Хмельницкаго въ Переяславлѣ.

Хмельницкій (стремительно входитъ, взволнованный).

Проклятый сонъ... Откуда дрянь такая
Полѣзетъ въ голову! Вотъ будто съ кѣмъ-то
Сидѣли мы за чарой; только вдругъ
Съ моей руки вѣнчальное кольцо
Скатилось на земь. Я хочу поднять—
И вижу, что оно не золотое,
Кругомъ поломано и распаялось
И какъ свинецъ насквозь все прогорѣло.
Ужь не Юзефа ли? И вправду надо мной
Не шутку-ль шутитъ чортова ляховка?
Э, берегись тогда! Хмельницкій много
Терпѣлъ обидъ, а ужь не стерпитъ этой.
Да гдѣ-жь она?

(Хочетъ войти въ боковую дверь, но видя, что она изнутри заперта)

Digitized by Google

Ге! гдѣ вы, пани?
Аукнитесь!

Юзефа (за дверью).

Да здѣсь же я, серденько!
Сейчасъ приду.

Хмельницкій (возвращаясь).

Съ тѣхъ поръ, какъ къ намъ ляховъ
Нагрянуло,—я точно самъ не свой.
Да, правъ старикъ; не надо было мнѣ
Жениться на дѣвчонкѣ, чтобы послѣ
За нею бѣгать, словно псу за звѣремъ,
Да грезами бѣсовскими себя
Тревожить попусту... Да и въ какой же часъ?—
Когда великое творится дѣло,
И Божій судъ вершится надъ неправдой!
Да, Господи, возможно ль было думать?
Давно ль заговорила Украина—
А ляхъ у насъ ужь мѣста не находитъ?
И Кіевъ православный насъ встрѣчалъ,
Какъ избавителей, съ молитвой и слезами
И падалъ ницъ народъ передо мной?
Да полно правда ли? Ужь я ли это?
Нѣтъ, Господи! Твое то было дѣло!
Ты Самъ къ тому намъ помощь подавалъ
И отъ ярма постыднаго избавилъ.
Очищена отъ вороговъ Вкраина,
Сосѣди къ намъ посольства присылаютъ,
И всѣ могучей дружбы нашей ищутъ;
И шутъ султанъ, и повелитель Крыма,
И седмиградскій князь, и господарь молдавскій,
Князекъ Валахіи, и гордая Москва,—
И тутъ же ляхъ, придавленный побѣдой....
О, сколько славы! Да не дымъ ли это?
Надолго-ль ты свободенъ, мой народъ?
Куда-бъ мнѣ пріютить тебя, орленка?
Могучи у тебя и клювъ и когти,
Да молодъ ты, не оперились крылья;
Могла-бъ тебѣ Москва быть доброй маткой—
Да дики намъ московскіе порядки;
Пожалуй, съ ней не наживешь добра.

Digitized by Google

Останься съ Польшею. Богъ дастъ, король
Теперь уроковъ нашихъ не забудетъ
И станетъ крѣпче королевствомъ править,
И спѣсь собьетъ съ панковъ-католиковъ.

Входитъ Юзефа, кокетливо одѣтая по французскимъ обычаямъ того времени; она потупляетъ глаза, но замѣтно желаетъ нравиться Хмельницкому.

Хмельницкій.

А ну-те, пани! Мнѣ васъ нужно видѣть.
Садитесь ближе.

(Пытливо смотритъ на нее. Юзефа садится)

Вы теперь спокойны,—
Не правда ли?... Спокойны вы теперь?

Юзефа (ловя его за руку).

Ты мнѣ—отецъ, и другъ, и благодѣтель!

Хмельницкій.

Я мужъ тебѣ. Не станемъ помнить лиха,
А старый соръ размечемъ по дворамъ.

(Любуясь ею)

Плутуютъ у тебя сегодня глазки;
Ты смотришь словно жаркая весна.
А все-таки перемѣни одежду:
Ты—гетмана Хмельницкаго жена,
А не французская маркиза,—и гостей
Негоже такъ встрѣчать. Въ козацкомъ станѣ
Ты быть должна козачкой; нарядись
Какъ жены наши ходятъ. А еще—
Увидишь здѣсь ты польскихъ комисаровъ,
Что у Чаплинскаго не разъ тебя встрѣчали,
И глазомъ не моргни, что ты ихъ знаешь;
Да помни навсегда отнынѣ, жинко,
Что съ Польшей ты покончила совсѣмъ.
И честь моя и зоркій глазъ народа—
Пускай тебѣ всегда о томъ напоминаютъ.
Ты поняла меня? Неправда-ль, вѣдь со мной
Ты не лукавишь, жинко?

Юзефа.

Батько милый!
Зачѣмъ и въ шутку этакъ говорить?

*

Digitized by Google

Что свѣтъ въ глазу—ты мнѣ одинъ на свѣтѣ;
Богъ съ нею, съ Польшею! Отъ земляковъ
Довольно я обиды натерпѣлась!
Теперь русачка я, а тѣ мнѣ—всѣ чужіе.
Все сдѣлаю, какъ ты мнѣ приказалъ.

Поцѣловавъ Хмельницкаго, направляется къ двери.

Хмельницкій (вслѣдъ уходящей Юзефѣ).

Постой-ка, пани! Подойди поближе.
А нутко, сердце? Гдѣ твое кольцо!

Юзефа (нѣсколько смущенная).

Кольцо? Вѣнчальное? А вотъ за перстнемъ
Невидно что-то. Да на что тебѣ?

Снявъ кольцо, подаетъ Хмельницкому.

Хмельницкій (посмотрѣвъ на кольцо, останавливаетъ ее за руку).

На что? Хочу чтобъ за него дала
Ты выкупу.

Юзефа (поддаваясь съ кокетствомъ).

Не часто-ль будетъ, пане?
Бери пока процентъ!

(цѣлуетъ его)

А выкупъ—послѣ...

Уходитъ.

Хмельницкій (одинъ).

Вертлявая бабенка. Нѣтъ! Не даромъ
Мнѣ красота ея лукавая досталась,
И крѣпко-жь, крѣпко я ее люблю!

Входитъ Тимошъ, а за нимъ два шляхтича изъ свиты польскихъ комисаровъ.

Тимошъ.

Вотъ, батьку, заортачились ляхи:
Нейдутъ къ намъ на площадь! Какъ приказать изволишь?

1-й шляхтичъ.

Такъ есть оно, панъ гетманъ! Комисары
Сказать тебѣ велѣли, что не можно
На площади посольство принимать.

2-й шляхтичъ.

То былъ бы стыдъ для Рѣчи Посполитой;
Туда приглашены послы чужіе,

Digitized by Google

И ты при нихъ унизить хочешь насъ.
Ты принималъ же ихъ, какъ слѣдуетъ, съ почетомъ,
А на площадь не смѣлъ ихъ приглашать.

Хмельницкій.

Такъ что-жь? Они чужіе! Ну, а вы—
Свои Хмельницкому! Другъ друга знаемъ
На угощеньи—просимъ не взыскать...
Поди, ляшокъ, скажи своимъ панамъ,
Что обѣдняли мы; что тѣсны наши хаты,
И кромѣ улицы ломаться здѣсь имъ негдѣ.
А не любо, пускай ихъ не приходятъ!
Я завтра-жь двину войско на Варшаву
И тамъ займу любой для нихъ палацъ.
Чего тутъ стали? Слышали?.. Ступайте!

Шляхтичи, поклонившись, уходятъ; ихъ выпроваживаетъ Тимошъ и запираетъ за ними дверь.

Хмельницкій (имъ вслѣдъ).

Га, вороги! Нѣтъ, полно,
Вамъ пановать!

Тимошъ (возвращаясь).

Къ тебѣ я, любый батьку,
Съ вѣстьми не добрыми. Урядникъ нашъ—
Въ Лентовскомъ, что пріѣхалъ въ комисарахъ,
Призналъ Черневича, прилуцкаго пріора.
Ты знаешь, батьку, что не больно вѣрю
Я мачихѣ.

Хмельницкій (стараясь скрыть безпокойство).

Такъ что-жь? Промежь-себя
Вы не поладили—и все тутъ. Въ хатѣ
Горшки—и тѣ гремыхчутъ другъ объ дружку.

Тимошъ.

Не то, отецъ. Подъ утро отпустилъ
Я караульнаго, и завернувшись въ свитку,
Прилегъ, закрылъ глаза и будто сплю;
А стало ужь свѣтать... И вдругъ я вижу,
Тихонько крадется, закрывъ лицо намиткой,
Точь въ точь какъ махича. Такая-жь поступь,
Такой же станъ. Съ крыльца на встрѣчу ей—

Digitized by Google

Монахъ, и оба отошли и стали
Тихонько говорить между собой,
И будто бы совѣтъ о чемъ держали.
Тутъ голосъ мачихи мнѣ удалось разслушать...
И рядомъ съ славнымъ именемъ твоимъ,
Убійцы брата повторялось имя,
И у нея въ рѣчахъ былъ слышенъ наглый смѣхъ,
Когда она монаху на прощаньи—
Къ Чаплинскому письмо передавала.
Увидишь, батьку, насъ она погубитъ.

Хмельницкій (голосъ у него дрожитъ).

Гмъ! Гмъ! Все можетъ статься. Больно хитры
Ужь стали люди. Родъ такой лукавый.
И на Руси—такъ нѣтъ уже спасенья!
Коли не жидъ—такъ панъ, не панъ—такъ ксендзъ,
А то юриста, либо баба. Съ ними
И самъ сплутуешься, иль влезешь въ дурни.
Всѣхъ взять бы ихъ, да... Полно такъ ли, хлопецъ?
Ты не ошибся ли? Не сновидѣнье-ль
Ввело тебя въ обманъ?

Тимошъ.

Ни, милый батьку,
Мнѣ было не до сна. Я чутко слушалъ,
У козака слухъ тонкій; я хотѣлъ
Пойти за ней, но прежде смѣны
Не могъ я поста своего оставить;
И занялъ я его, чтобъ кто другой
Не подсмотрѣлъ ночного похожденья.

Хмельницкій.

А ну, спасибо! Добрый ты козакъ!
Пождемъ теперь, что дальше съ этимъ будетъ,
А сердце замолчать теперь заставимъ,
Чтобъ безъ вины кого не загубить.
Черневича же трогать мы не властны;
Онъ короля посолъ—и вѣстникъ мира;
И то народъ, какъ море, расходился,
И не легко его уставить въ берега.
Когда пословъ отпустимъ, ты, молодчикъ,
Ступай въ Молдавію и сватай дочь

Digitized by Google

Господаря молдавскаго, Липулы,
И породнись съ владѣтельной семьей;
А не отдастъ—такъ саблей завоюемъ,
А красота сама тебѣ поддастся!

(Слышна отдаленная игра на трубахъ; Хмельницкій, приглядываясь въ окна и одушевляясь)

Гей вы, панове! Двинулись въ походъ!
Одумались проворно, вражьи дѣти!
Сюда, ляхи! На площадь! Свѣтло всходитъ
Заря освобожденья Украины!
Тимошъ, за мной! состряпаемъ имъ встрѣчу!

Поспѣшно уходитъ въ сопровожденіи Тимоша.

КОМИСАРЫ.

Дѣйствіе происходитъ тамъ же.

Ясный февральскій день. Вдали видны часть города и городская стѣна съ пушками; на заднемъ планѣ городская площадь, обставленная мелкими домами, съ проулками между ними. Впереди улица; по правую сторону домъ Хмельницкаго съ открытою галлереею, въ связи съ которою устроенъ, изъ дорогихъ тканей, большой навѣсъ на подобіе военнаго шатра съ украшеніями изъ отбитыхъ польскихъ знаменъ и дорогого оружія. Въ задней половинѣ галлереи видна дверь, ведущая во внутренность дома; эта часть галлереи отдѣляется сбоку полою ткани, служа временнымъ помѣщеніемъ для разныхъ принадлежностей стола, какъ-то: стопъ, кубковъ и т. п. Подъ навѣсомъ небольшіе столы и ослоны (скамьи), покрытые дорогими коврами. Нѣсколько хлопцевъ и дивчатъ убираютъ и суетятся вокругъ столовъ. Они входятъ и выходятъ въ двери противулежащаго дома, занимаемаго на этотъ разъ прислугою и кухнею. Вдали слышны постепенно приближающіеся звуки трубъ. Обширное пространство впереди дома отгорожено отъ площади рогатками, съ оставленными между нихъ входомъ и выходомъ. За рогатками толпа народа.

Хлопецъ (дернувъ за рукавъ украинскую дѣвушку, засмотрѣвшуюся на московскаго парня).

Смотри у меня, Гапко! Полно тебѣ лупы-то распускать! Али мало тебѣ своихъ хлопцевъ? Такъ вотъ нѣтъ же—москалика подавай!

Дѣвушка (кокетничая).

Такъ что-жь? Таки что-жь? А ну что-жь? Гляжу, да гляжу! На то глаза Богъ далъ!

Digitized by Google

Хлопецъ.

Эхъ ты, дивчино! Невелика-жь тебѣ корысть, что москаль у царскихъ конюшенъ въ кацапахъ ходитъ!

Дѣвушка.

Такъ что-жь, что въ кацапахъ? А ну что-жь, что кацапъ? Не твой огородъ щипать будетъ.

2-я дѣвушка.

Да у сего москалика еще и бородынька не выросла.

3-я дѣвушка.

Такъ что-жь, что не выросла? А пошли Богъ вѣку! Пускай ростетъ себѣ, чтобы послѣ-то жинкѣ цѣловать мягко было!

Старый казакъ.

Полно вамъ гомонить, стрекотухи! Смотрите-ка вотъ и послы идутъ!

Народъ раздается за рогатками, чтобы пропустить пословъ московскихъ, молдаванскихъ, валахскихъ, трансильванскихъ, турецкихъ и крымскихъ, которые располагаются со всею свитою подъ шатромъ и около; послы турецкіе и крымскіе усаживаются, по азіатскому обычаю, на диванахъ; имъ подаютъ кальянъ и кофе. Вдали показывается шествіе польскихъ комисаровъ въ сопровожденіи играющихъ на трубахъ казацкихъ трубачей, а также почетнаго караула; съ городскихъ стѣнъ салютуютъ пушечными выстрѣлами. Изъ дома черезъ галлерею выходитъ Богданъ Хмельницкій въ сопровожденіи Тимоша, казацкихъ полковниковъ съ булавами въ рукахъ и украинскихъ старшинъ; одѣтъ онъ въ соболій кобенякъ, покрытый матеріею кирпичнаго цвѣта; онъ держитъ гетманскую булаву; за нимъ выносятъ бунчуки и осѣняютъ его большимъ краснымъ знаменемъ Запорожскаго Войска; онъ дѣлаетъ на встрѣчу комисарамъ три шага и потомъ останавливается, дожидаясь приближенія къ нему, впереди прочихъ, брацлавскаго воеводы.

Адамъ Кисель (стараясь, подъ испытующимъ взглядомъ Хмельницкаго, сохранить самоувѣренность).

Его величество, король нашъ благодушный,
Ясновельможному, преславному гетману,
И Войску Запорожскому всему—

Digitized by Google

Желаетъ здравія и отъ щедротъ великихъ
Шлетъ милость королевскую свою.

Вручаетъ Хмельницкому королевскую грамоту и гетманскую булаву, осыпанную сапфирами, которую Хмельницкій, принявъ, передаетъ джурѣ; а грамоту прочитываетъ про себя.

Степко (неожиданно выступивъ впередъ и крѣпко стукнувъ булавою о землю).

Брехня! Король-то пускай и будетъ король, а вы-то, королевенята, чего тутъ путаете? Да и ты, Киселю, кость отъ костей нашихъ, туда-жь отщепился и гавкаешь заодно съ ляхами!

Хмельницкій (шутливо Степку).

Зачѣмъ теперь говорить намъ такое, пане полковнику! Его милость намъ приготовилъ рѣчь, а вы его столку сбиваете!

Степко возвращается на свое мѣсто, помахивая булавою.

Хмельницкій (передавъ королевскую грамоту Виговскому, который принимаетъ ее съ подобострастіемъ).

Благодаримъ его королевское величество за милость, а только переговоры теперь начинать не время. Войска у насъ въ разбродѣ, полковники и старшина не собраны, а безъ нихъ я не могу и не смѣю ничего сдѣлать.

Принимаетъ отъ молодого Киселя присланное ему королемъ красное знамя съ изображеніемъ бѣлаго орла и надписью: Iohannes Casimirus Rex, и передаетъ его казацкому хорунжему, который, понявъ сдѣланный ему знакъ, водружаетъ знамя у рогатки подлѣ выхода и за тѣмъ возвращается на свое мѣсто.

Голосъ изъ толпы (за рогатками).

А на что вы, ляхи, принесли намъ сіи цацки? Опять хочете затянуть насъ въ неволю?

Джеджалыкъ (выступаетъ впередъ и замахавъ булавою).

Эге! Уловить насъ хочутъ! Ни! Теперь не взнуздаете! Не словами, а шаблями расправимся, коли хочете! Возитесь себѣ, ляхи, съ вашею Польшею, а нехай же Украина намъ козакамъ зостается!

Хмельницкій (усмѣхнувшись).

Э, пане полковнику! Когда-то было я надумался, что сказать его милости, а вы вотъ точно будто изъ моей головы и отвѣтъ выбили.

Digitized by Google

Джеджалыкъ (самодовольно возвращается на мѣсто).

А что сталось, то сталось, панове комисарове! Все это слѣдуетъ злому часу приписати (обозному Ивану Чорнотѣ). А ну-те, пане обозный, прикажите выкатить для нашихъ хлопцевъ шесть барилевъ горилки: пусть себѣ кушаютъ да потѣшаются! (Комисарамъ) А васъ, гости мои дорогіе, просимъ съ нами откушать нашей козацкой хлѣба-соли. Не взыщите, панове, коли не вкусна покажется. Наша ссора—семейная; а дастъ же Богъ, такъ со временемъ все можетъ уладиться. Просимъ садиться. Моя жинка наварила намъ борщу, такъ мы заѣдимъ и запьемъ наши прежнія дрязги!

Комисары садятся у столовъ; Черневичъ съ краю стола и почти противъ Хмельницкаго. Выходитъ Юзефа, богато одѣтая по-украински; за нею дивчата устанавливаютъ кушанье и подносятъ гостямъ горилку и венгерское, наливая ихъ въ золотые и серебряные кубки изъ носачей и жбановъ. Тимошъ становится позади и въ сторонѣ отъ Хмельницкаго и время отъ времени цотчуетъ гостей.

Юзефа (поднося Адаму Киселю кубокъ и низко кланяясь).

А будьте ласковы, выкушайте, пане, горилки!

Хмельницкій (зорко наблюдая и въ полголоса. Голосъ у него дрожитъ).

Поднеси, жинко, и пану Лентовскому, котораго ты знавала въ Прилукахъ.

Черневичъ въ безпокойствѣ дѣлаетъ движеніе, а Юзефа въ испугѣ роняетъ кубокъ.

Хмельницкій (Юзефѣ громко и рѣзко).

Э, пани! У васъ руки задрожали? Недобрый знакъ! (Взглянувъ на Тимоша) А ну, молодь?

Тимошъ.

Я здѣсь, батьку!

Хмельницкій (взявъ со стола кубокъ съ венгерскимъ и ударяя имъ по столу, громко).

Здоровье его королевскаго величества, короля Яна Казимира!

При этомъ тостѣ и послѣдующихъ, всѣ пьютъ; а Чорнота, не довольствуясь этимъ, подвигаетъ къ себѣ цѣлый жбанъ и въ нѣсколько пріемовъ прямо изъ него

Digitized by Google

напивается; затѣмъ, положа руки на столъ, кладетъ на нихъ голову и засыпаетъ).

Адамъ Киселъ (вставая съ кубкомъ въ рукѣ).

Здоровье нашего ясновельможнаго гетмана! Здоровье славнаго Войска Запорожскаго и всего украинскаго козацтва!

Голосъ подгулявшаго изъ толпы.

Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха —
Задалъ Хмеле батога,
Научилъ тя, ляшуга,
Какъ шапку доматы,
«Помогай Богъ»—сказаты!

Хмельницкій (вставъ съ кубкомъ въ рукѣ).

Здоровье его царскаго величества, православнаго царя Алексѣя Михайловича! Ему бы государю на здоровье, а ворогамъ его на лихо!

Опять садится.

Лопухинъ (вставъ съ кубкомъ въ рукѣ).

Приносимъ благодарность ясновельможному гетману, и если дѣло его правое, то желаемъ ему успѣха.

Голосъ изъ толпы.

Вотъ, гляди, куме! Хочь и добрый человѣвъ, а все-жь москаль!

Другой голосъ.

Эге! Москаль какъ ворона, а хитрійшій чорта!

Адамъ Киселъ (нѣсколько охмелевшій, стараясь попасть въ тонъ предначатой имъ рѣчи).

Ясновельможный гетманъ! Вы теперь
Отъ благостнаго Яна Казимира,
Великой нашей Польши короля,
Изволили принять черезъ меня —
Великіе благоволенья знаки.
Во первыхъ, благодушный нашъ король
Вину *своимъ* прощаетъ запорожцамъ
И козакамъ всѣмъ объявляетъ милость.

Хмельницкій (что-то замѣтившій за женою, съ шумомъ и злостью перебиваетъ его, а самъ проворно набиваетъ и закуриваетъ люльку).

А ну полно вамъ путать, воевода брацлавскій! Какая же на запорожцахъ вина? Вотъ ужь и самъ король ко мнѣ пишетъ,

Digitized by Google

что запорожцы не виноваты,—такъ вы-то чего на бобахъ тутъ разводите? Нечего вамъ толковать, нечего васъ и слушать! (Смягчая голосъ) И охота же вамъ *сказывать рѣчи*, любый пане! Кушали бы вы лучше борщъ съ саломъ или вареники со сметаной, а не то колбасы, либо маковники, да и запивали бы себѣ варенухою, альбо горилкою! А сыты—подадимъ вамъ люльку. Вотъ, берите, поцмокайте; только-что запалилъ. (Подаетъ трубку). А курите-жь себѣ на здоровье; не побрезгайте нашимъ тютюномъ козацкимъ!

Голосъ изъ толпы.

Такъ, такъ, батьку! Пусть его люльки пососетъ! Вѣдь все-жь таки онъ русской человѣкъ. Журьба журьбой, а ласка лаской!

Другой голосъ.

Цуръ ему! Русскія кости—да обросли польскимъ мясомъ!

Хмельницкій (подвигая къ панамъ горилку).

А кушайте горилку, панове! Кушайте горилку! А вотъ же что скажу я тебѣ, Киселю! Отступитесь-ка всѣ вы отъ ляховъ, паны добрые, православные, да и оставайтесь съ нами! Загинетъ, загинетъ земля ляцкая, а Русь-маты будетъ пановаты!

Голоса изъ толпы.

Кончай ляхивъ, батьку! Кончай ляхивъ!

Позовскій (боязливо оглянувшись).

Да растолкуйте же, наконецъ, панъ гетманъ, отчего у васъ къ полякамъ такая ненависть?

Хмельницкій (опять замѣтивъ что-то за женою и Черневичемъ).

А ты, панъ, до того не додумавшись, въ послы затесался? А кто лютымъ звѣремъ пьетъ кровь козацкую? Кто у насъ мучаетъ Украину? (Злобно взглянувъ на Черневича) Чьи попы—вносятъ къ намъ всякіе смуты, соблазны и непорядки? А вѣдь всѣ мы, козаки, единоутробные братья, зерна одного и того же здороваго колоса, сыны одной великой матери, дорогой нашей земли русской! Одинъ мы, свободолюбивый, честный козацкій народъ, вѣрное товарищество, горячее сердце! Развѣ и теперь не льется кровь христіанская? Литовское войско захватило Мозырь и Туровъ, а Янушъ Радзивилъ—русскихъ на колъ сажаетъ!

Мястковскій.

Но позвольте же, яснѣйшій гетманъ! Нельзя сказать, чтобы

Digitized by Google

и ваши молодцы щеголяли голубиною кротостью! Пусть такъ, что князь Радзивилъ русскихъ сажаетъ на колъ: ну, а гайдамаки-то что у васъ дѣлаютъ?

П. Черневичъ (вкрадчиво).

Притомъ, ваша вельможность, можетъ, вѣсти изъ Литвы не совсѣмъ вѣрны. Ваши полковники могли вамъ доставить неточныя свѣдѣнія.

Вешнякъ (замахиваясь на Черневича булавою).

Молчи, попъ! Твое ли тутъ дѣло харахориться? Выходи, попъ, на дворъ: тамъ научу я тебя, какъ долженъ ты уважать козацкихъ полковниковъ!

Встаетъ изъ-за стола и уходитъ сильно разгнѣваннымъ.

Голосъ въ толпѣ.

Такъ его, ляха! Съ паршивою головою, да въ тынъ лѣзетъ!

Мястковскій.

Но что же это значитъ, ваша вельможность? Мы приходимъ къ вамъ для переговоровъ о мирѣ, а между тѣмъ все, что мы здѣсь видимъ, дышитъ враждою! Судьба войны измѣнчива, панъ гетманъ: вспомните, что и у поляковъ есть оружіе.

Хмельницкій.

Эге, чѣмъ стращать вздумалъ! Минулъ тотъ часъ, ляше, когда вы сѣдлали намъ хребты нашими-жь молодцами, да пугали насъ драгунами. Еще подъ Пилявцами объявилось намъ, что вы уже не тѣ ляхи, какіе бывали прежде, да бивали турковъ, татаръ, да нѣмцевъ. Это уже не Жолкѣвскіе, не Хмелецкіе, а это *Трусовскіе* да *Заіончковскіе!* Несмѣлый народъ! Дѣти, въ желѣзо поубраны! Отъ страха поумерли, увидавши насъ, да и всѣ разбѣжались, хоть и татаръ не было, а и нашихъ-то всего было три тысячи!

Въ толпѣ слышенъ смѣхъ.

Голосъ изъ толпы.

Блудливы они, батьку, какъ кошки, а потяни на расправу, то ихъ и куцому не догнать!

Мястковскій.

Не всегда же и мы, панъ гетманъ, бѣгаемъ отъ запорожцевъ. Далебугъ, можно бы и намъ съ вами посчитаться!

Хмельницкій (болѣе и болѣе оживляясь).

Такъ что-жь такое? Быль молодцамъ не укора! Только ужь теперь-то, паны, опрокину я всѣхъ васъ ляховъ вверхъ нога-

Digitized by Google

ми; притопчу такъ, что всѣ вы подъ моими ногами будете, да и отдамъ васъ турецкому царю въ неволю! А на что это похоже? Ласковый нашъ король надъ вами вольнымъ королемъ быть не хочетъ? Закабалилъ что ли онъ себя вашимъ князьямъ, дукамъ, да шляхтѣ! Согрѣшитъ князь, урѣжь ему шею; согрѣшитъ козакъ— и надъ нимъ то-жь учини: вотъ то будетъ правда! А что вы стращаете меня шведами, такъ и тѣ-жь мои будутъ! Да хоть бы и ихъ было пять сотъ тысячъ, не одолѣть имъ русской запорожской силы! (Юзефѣ) Э, жинко! Ступай да потри мнѣ табаку въ черепочкѣ.

Юзефа исполняетъ, но для этого становится за полою галлереи, стараясь быть видимою только для Черневича; Хмельницкій не перестаетъ осторожно наблюдать за нею.

Адамъ Кисель.

За что же такъ, ваша вельможность, готовитесь вы отдать туркамъ польскую и литовскую земли? Если вы ужь непремѣнно воевать хотите, то ужь лучше воюйте съ басурманами, а не съ христіанами; король первый вамъ будетъ благодаренъ, если вы двинетесь за границу.

Хмельницкій.

Такъ ты теперь еще вотъ о чемъ толковать вздумалъ? Былъ такой часъ, когда вамъ можно было поладить со мною, когда за Днѣпромъ гонялъ меня Потоцкій; и на Днѣпрѣ было время, послѣ желтоводской и послѣ корсунской играшки, и послѣ Пилявцевъ, и подъ Константиновымъ, и подъ Замосцемъ, когда я шесть недѣль шелъ до Кіева,—а теперь, враже, нѣтъ тебѣ часу! *Мой*—Кіевъ. Что захочу, то съ нимъ и сдѣлаю! *Мнѣ* Богъ далъ его во владѣніе, коли попустилъ саблею добыть его! Нечего пустое болтать, нечего пустое и слушать. Доказалъ я то, о чемъ не думалъ; докажу и то, о чемъ умыслилъ: выбью изъ ляцкой неволи народъ русскій весь! Воевалъ я прежде за свою обиду да кривду, а теперь воевать буду за вѣру православную! А пойдетъ со мной весь народъ по Люблинъ и по Краковъ; не отступлюсь отъ него—такова порука наша! Двѣсти, триста тысячъ своихъ будетъ у меня; орда стоитъ на Іогаби, ногаи на Саврани, со мною Тугай-бей, (иронически) братъ мой, душа моя, единый соколъ на свѣтѣ; все сдѣлаетъ, что захочу! Есть у насъ высшая козацкая пріязнь, которой свѣтъ разорвать не можетъ. За границу войною не пойду, на турокъ и татаръ саблю не под-

Digitized by Google

ниму; будетъ съ меня Украины, Подола и Волыни; сытно земли въ княжествѣ нашемъ по Хелмъ, Львовъ и Галичъ! (Вставая) А какъ, стану надъ Вислою, то и закричу дальнимъ ляхамъ: «Сидите, ляхи! Молчите, ляхи»! Дуковъ да князьковъ вашихъ всѣхъ туда загоню; а коли за Вислою загомозятся, то и тамъ отыщу ихъ! А на Украинѣ не останется у меня ни одного вашего шляхтюка, ни князя. А хорошо ли вы это теперь разумѣете, панове?

Взглядываетъ на Юзефу и увидавъ, что она въ эту минуту изъ-за полы шатра передается съ Черневичемъ знаками и грозится на него, чтобы онъ молчалъ;—вдругъ разражается бѣшенымъ хохотомъ; Юзефа же, догадавшись, что поймана мужемъ, въ испугѣ бросается къ дверямъ, и застонавъ, падаетъ безъ чувствъ.

Ха, ха, ха, ха!.... Да что-жь это у насъ за комедія? Кой чорта тратить слова по пустому. Сказано — вражье племя! (Тимошу) Э, хлопецъ! Запорожскую Сѣчь помнишь? Повѣсить—та й годы! А чуешь ли, пане?

Тимошъ (не выпуская изъ виду мачиху).

Чую, батьку!

Хмельницкій (съ подавленною злобою).

Хвастунишко!

Тимошъ.

Эге!

Поспѣшно и съ угрожающимъ видомъ уходитъ за рогатки.

Одна изъ прибѣжавшихъ прислужницъ.

Ой, лишечько! Вѣдь сомлѣла пани-то наша!

Уносятъ Юзефу въ домъ.

Хмельницкій (Черневичу, съ трудомъ сдерживая себя).

Не ломайте своей головы, патеръ! Не вашего это ума дѣло!...

(Ухвативъ со стола жбанъ, прямо изъ него пьетъ горѣлку; комисары, исключая Черневича, не понявъ въ чемъ дѣло, въ страшномъ переполохѣ).

Теперь, ляхи, до свиданья! Завтра справа и расправа! Слышите ли? Завтра!

Хочетъ уходить; польскіе комисары, а за ними и другіе встаютъ; Мястковскій покушается удержать его.

Мястковскій.

Да что же, наконецъ, все это значитъ, панъ гетманъ? Въ плѣну что ли мы у васъ? Насъ этимъ не запугаете; пословъ вы не смѣете тронуть; ихъ уважаютъ и невѣрные. Прикажите хоть

Digitized by Google

плѣнныхъ-то намъ выдать! Да хоть насъ-то отпустите! Скажите просто—войнѣ, или миру быть между нами?

Хмельницкій бросаетъ на Мястковскаго взглядъ ненависти, отъ котораго тотъ подается назадъ, и медленно вынимая изъ-подъ килима, которымъ покрытъ столъ, исписанную бумагу, молча подаетъ ее Мястковскому.

Мястковскій (торопливо просматривая бумагу).

«Истребить память и слѣдъ уніи.... Не быть въ Украйнѣ польскимъ костеламъ.... Полякамъ па Руси не пановать.... Возвратить прежнія вольности.... Изгнать изъ Украины жидовъ.... Не давать въ войскахъ службы Вишневецкому».... Да помилуйте-жь, благородный панъ гетманъ! Далебугъ, этихъ условій принять не можно! А вотъ позвольте-ка, нельзя ли согласить ихъ съ нашими.

Молодой шляхтичъ изъ свиты подаетъ ему готовое перо и онъ проворно пишетъ.

Народъ начинаетъ волноваться.

Отдѣльные голоса изъ толпы.

Кончай ляхивъ, батьку! Кончай нашихъ вороговъ! Засосали, заѣли насъ эти ироды! Отъ нихъ скоро на бѣломъ свѣтѣ житья не станетъ! Кончай! Кончай ляхивъ, любый батьку!

Хмельницкій (грозно взглянувъ на комисаровъ, громко откликается народу).

Такъ, такъ, мои дѣтки! Такъ, такъ, мои сизые орлята!

Мястковскій возвращаетъ бумагу; Хмельницкій беретъ у него и перо, и бѣгло посмотрѣвъ на бумагу, кладетъ ее на столъ и зачеркиваетъ ее сверху до низу, а самъ молча направляется къ дому. За нимъ же уходятъ старшины и полковники и запираютъ за собою двери. Прочіе также расходятся, кромѣ волнующагося народа; затѣмъ остаются только комисары со свитою, Виговскій и спящій Чорнота. Волненіе въ народѣ становится оживленнѣе, и комисары болѣе и болѣе поддаются вліянію страха.

Мястковскій.

Однако-жь, паны, каково вамъ все это покажется?

Трансильванскій посолъ (въ полголоса обращаясь къ прочимъ и торопясь уйти).

Poenitet me ad istas bestias crudeles venisse.

Digitized by Google

Адамъ Кисель (въ отвѣтъ ему).

Per Jovem.... Въ фурію какую-то взошелъ! Не понимаетъ ни раціи, ни персуазій!

Кн. Четвертинскій.

Да и накормилъ скверным обѣдомъ.

Мястковскій (Виговскому, не скрывая своего безпокойства).

Панъ войсковой писарь! Кажется, что гетманъ у васъ совсѣмъ ума рехнулся! Вѣдь вы намъ *свой* по шляхетству и рожденію; такъ подите же уговорите его, чтобъ онъ насъ принялъ. О чемъ имъ тамъ толковать? И здѣсь-то полковники ваши шипѣли на насъ, какъ змѣи. Сами посудите, нельзя же этому такъ кончиться.

Виговскій (вкрадчиво).

Съ охотою, любезные паны! Пойду и постараюсь уговорить.

Уходитъ.

Голосъ изъ толпы.

А что, коли бы да этихъ пановъ облупить, да въ Кодакъ послать?

Молодой Кисель (своимъ товарищамъ, высказывая ихъ общую мысль).

О чемъ это они тамъ толкуютъ? Увидитѐ, паны, если они въ самомъ дѣлѣ не повѣсятъ насъ, не утопятъ, или не отошлютъ въ Кодакъ.

Черневичъ.

Да полноте-жь; паны! Какъ вамъ не стыдно? Посмотрите, какъ у васъ побѣлѣли лица!

Виговскій (торопливо выходя изъ дома и махнувъ рукою).

Ничего слышать не хочетъ! Заладилъ одно, да таки такъ и прогналъ меня. Самъ не пойму, что у нихъ тамъ такое. Завтра, говоритъ, справа и расправа—да и все тутъ!

Мястковскій (въ полголоса и большомъ страхѣ).

Послушайте, мой дорогой панъ! Можетъ статься, еще не все потеряно. (Будитъ Чорноту) Панѐ обозный! А пане обозный! А ну, будьте ласковы, перестаньте спать! Вотъ возьмите, выкушайте горилки! (Подаетъ ему налитую чару, которую очнувшійся Чорнота выпиваетъ) Встаньте-ка, пане, да уговорите гетмана, чтобы онъ поскорѣй отпустилъ насъ, да выдалъ бы намъ плѣнныхъ!

Digitized by Google

Чорнота.

Не можно, брате! Не пойду, бо я теперь хворый, несдужаю! А я-жь ему не указывалъ, да и теперь не укажу тѣхъ птахъ выпущать изъ клѣтки. А коли бы я здоровъ былъ, то врядъ ли бы и вы отсель унесли свои ноги.

Опять засыпаетъ.

Шумъ въ народѣ усиливается.

Виговскій (оглянувшись на толпу, комисарамъ).

Уходите-ка лучше, паны, по добру да по здорову! Я проведу васъ домой и дамъ вамъ караулъ. (Обращаясь къ народу, не безъ иронія) А ну-те раздайтесь, православные! Панове комисарове на покой идутъ!

Народъ провожаетъ ихъ съ гуканьемъ и криками.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Богданъ Хмельницкій, гетманъ Малороссіи.
Екатерина, 16-ти лѣтъ, } дѣти Хмельницкаго отъ перваго
Юрій, 14-ти лѣтъ, } брака.
Ганна, урожденная Золотаренко, третья жена его.
Иванъ Виговскій, войсковой писарь.
Иванъ Чорнота, войсковой обозный.
Вешнякъ, **Джеджалыкъ,** **Степко,** } казацкіе полковники.
Загойскій, польскій панъ, сватающійся за Екатерину.
Патеръ Черневичъ.
Маруся, 30 лѣтъ, чаровница.
Казаки, украинскіе и запорожскіе и **домашніе** Хмельницкаго.

ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ.

Въ польскомъ лагерѣ близъ Каменца.

П. Черневичъ и Виговскій.

П. Черневичъ (съ преднамѣреннымъ цинизмомъ).

Нѣтъ, добрый панъ, я не согласенъ съ вами.
Лукавство—умъ! Вѣдь чѣмъ беретъ змѣя?

Digitized by Google

А тѣмъ, что у нея не видно жала,
Что подъ травой скользитъ она безслѣдно,
Безъ шума нападаетъ на врага,
А жалитъ на-смерть. Вотъ хоть вы теперь:
Не любите Хмельницкаго?—Признайтесь!
А самъ-то онъ вѣдь этого не видитъ,
И вѣритъ вамъ, а вы себѣ тихонько
Лазейки строите, какъ мудрая лиса,
Что на селѣ, очистивши курятникъ,
Въ нору забьется, гдѣ кудлатый песъ
Достать ее не можетъ; да оттуда,
Сама же на него и зубы щеритъ.
А глупый песъ стоитъ себѣ да лаетъ,
Покамѣстъ волкъ его не унесетъ!

Виговскій.

Я, патеръ, не пойму, съ чего вы взяли,
Чтобъ пану гетману я не былъ другомъ?...
Онъ благодѣтель мой.

П. Черневичъ.

Да полно-жь, панъ!
Не въ этомъ сила. Благодѣтель самъ—
Того гляди—повиснетъ на веревкѣ;
Такъ помощи оттуда не подастъ.

Виговскій.

Не знаю, какъ вамъ это въ мысль приходитъ.
Забыли вы, что мы теперь опять
Васъ на смерть бьемъ?

П. Черневичъ (потрепавъ Виговскаго по плечу).

Не притворяйтесь, панъ!
Къ чему же намъ хитрить другъ передъ другомъ?
Вы—умный человѣкъ, а умными людьми
Дѣла рѣшаться могутъ и простѣе.
Конечно, вы батогскою рѣзней
Насъ озадачили: да дальше-то что будетъ?
Друзья-то ваши гдѣ?... Гдѣ крымскій ханъ?
Ясыръ съ обоихъ тащитъ? Вотъ ужь другъ!...
Да и султанъ теперь на васъ косится;
Волохи-жь, молдаване и венгерцы,

*

Digitized by Google

Давнымъ-давно ужь измѣнили вамъ
И бьются между польскими рядами.
Ну, и Тимошъ-то вашъ?—Завоевалъ
Себѣ козакъ молдавскую красотку
И думаетъ, что цезарю онъ братъ?
Сорвался словно съ цѣпи и давай
Косить, косить направо и налѣво
Покамѣстъ ногъ себѣ не подкосилъ
И въ западню въ Сочавѣ не попался!
Такъ съ кѣмъ же вы?..Одинъ не воинъ въ полѣ!
Застряли вы, какъ въ тинѣ караси,
И подъ посъ вамъ судьба теперь хохочетъ.
А въ лагерѣ-то что у васъ творится?
Ну, а въ народѣ-то какіе ходятъ толки?
Вѣдь это тоже fatum, панъ Виговскій.
Не такъ ли? А что сдѣлалось съ Хмельницкимъ?
Вѣдь, говорятъ, его никто не узнаетъ:

(Насмѣшливо)

Состарѣлся, здоровье не въ порядкѣ;
То молится, то безъ просыпу пьетъ;
То дверь на ключъ—и сочиняетъ вирши;
То возится съ какою-то колдуньей,
Да вздумаетъ полковниковъ казнить.
Вѣдь это-жь васъ не можетъ веселить?
Случись-ка что! Васъ обвинятъ въ измѣнѣ;
Не отвертитесь, панъ. Вы—польскій шляхтичъ,
Служили въ польскомъ войскѣ, а потомъ,
Отдавшись въ плѣнъ, къ врагамъ вступили въ службу!
Берите-ка вы насъ ужь лучше въ дружбу:
Такъ въ гетманы пролѣзете скорѣй!
А съ васъ—и мы не прочь сорвать услугу.

Виговскій.

Какую именно?

П. Черневичъ (играя четками).

Бездѣлица!... Я слышалъ,
Что есть у васъ какой-то дивный конь.
Скажите, правда ли?

Виговскій (съ какою-то недовѣрчивостью).

Я васъ не понимаю.
Есть, точно, конь арабскій у меня

Digitized by Google

Быстрѣе вѣтра. Нѣтъ коня у насъ,
Чтобъ онъ не обогналъ на полдороги.
Я за него далъ тысячу дукатовъ;
Да что жь изъ этого?

П. Черневичъ.

Я десять заплачу!
Не помните-ль? Давалъ вѣдь ровно десять—
За голову Хмельницкаго король?
Да соглашайтесь же!

Виговскій.

И въ этомъ вся услуга?

П. Черневичъ.

Ну, не совсѣмъ. Вы съ насъ возьмите деньги,
А конь пускай останется въ конюшнѣ
Да ждетъ хозяина: но только такъ,
Чтобъ онъ всегда съ полночи былъ осѣдланъ
И подъ замкомъ. Одинъ пусть ключъ у васъ,
Другой ко мнѣ пришлите. Что, согласны?

Виговскій (въ раздумьи).

Не знаю, право. Мудрено предвидѣть,
Каковъ конецъ.

П. Черневичъ.

Я облегчу вамъ выборъ.
Я знаю, вы Хмельницкаго боитесь,
Да и не даромъ; онъ шутить не любитъ:
И если въ чемъ кого подстережетъ,
Тотъ берегись. А вы, любезный панъ,
Мнѣ кажется, объ этомъ позабыли
И посылаете отъ гетмана тайкомъ
Къ путивльскимъ воеводамъ челобитье
И на Хмельницкаго безсовѣстно тамъ лжете?
(Показывая свернутую бумагу)
Смотрите-ка, оно вѣдь у меня!
Я также за него далъ пятьдесятъ червоныхъ.
Что, еслибъ вздумалъ я послать его къ гетману?
Что скажете?

Виговскій.

Но я и такъ согласенъ,
Все сдѣлать я готовъ для вашей мосци,—

Digitized by Google

Конечно, съ тѣмъ, чтобъ вы не выдали меня,
И послѣ-бъ мы другъ другу помогали.
Пойдемте, патеръ, мнѣ давно пора;
Дорогой скажете, чего не досказали.

Уходятъ.

УТРО ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Походная квартира Хмельницкаго въ украинскомъ городкѣ на пути изъ Тарнополя въ Молдавію. Хмельницкій одинъ; онъ постарѣлъ и блѣденъ.

Хмельницкій:

Я, кажется, спокойнѣе сегодня;
Не мучало меня бѣсовское мечтанье
О прежней любѣ. Можетъ, тихій ангелъ
Благословилъ ее въ могилѣ неотпѣтой
И упокоилъ сномъ до страшнаго суда.
Вотъ чудо: сколько-жь сотъ людей
Отъ собственной руки моей погибло,
И сколькихъ на вѣку на казнь я осудилъ,
А вѣдь никто оттуда не явился,
И ни одинъ изъ нихъ меня не укорилъ!
Теперь же.... Боже! Для чего не могъ
Я перенесть своей обиды горькой?
Зачѣмъ къ Тебѣ съ мольбой не обратился,
Чтобъ самъ Ты это бѣдное дитя
На правый путь возвелъ отъ преступленья?
Такъ! Лучше-бъ мнѣ не предаваться мщенью,
И судъ Любви божественной оставить,
Что грѣшницу на смерть не осудила
И за враговъ молилась со креста.
И вотъ теперь безумная тоска,
И день и ночь, съ тѣхъ поръ мнѣ сердце давитъ;
Я чувствую, что я ее люблю,
И воротить хотѣлось бы на землю,
И слово ей любви и всепрощенья
Хоть разъ бы вымолвить!

(Подходя къ столу и лѣниво заглянувъ въ бумаги)

А вѣдь усталъ я!
Вотъ ужь прошли четыре длинныхъ года,

Digitized by Google

Какъ надо мной обрушилось несчастье.
Что ни начну, во всемъ мнѣ неудача,
Какъ будто врагъ мои читаетъ мысли
И злобно обращаетъ ихъ въ ничто.
Родная ты бездомница моя,
Голубко Украина! Да когда же
Тебя минуетъ тяжкая недоля?
Что станется съ тобой, моя родная?
Ищу, молюсь—и нѣтъ, какъ нѣтъ отвѣта!...
Бурьяномъ заросли твои поля,
Печаленъ видъ, осиротѣли семьи,
Повыжжены и города и села,
И кровью пропиталася земля;
По степи рыщутъ крымскіе загоны,
И грабежомъ въ соблазнъ и нашихъ вводятъ,
А въ будущемъ и мнѣ грозятъ бѣдой;...
Нѣтъ, что-то я рассорился съ судьбой.
Вокругъ меня то буйство, то измѣна;
Союзники покинули меня,
И ходятъ обо мнѣ въ народѣ небылицы,
И каждый ихъ другому повторяетъ,
А горе-то мое для нихъ не видно,
Душа въ себѣ его глубоко бережетъ.

(Распечатывая и просматривая бумаги)

А что Тимошъ? Ты полно живъ ли, сынку?
Давно ужь о тебѣ мнѣ слуху нѣтъ.
А! Вотъ стучится кто-то!

Ганна (шутя, кричитъ ему въ полуотворенную дверь).

Это я,
Панъ-гетмана—домашній эсаулъ,
Пришла съ докладами!

Хмельницкій.

Э, цокотуха!
Хорошъ докладчикъ!

Садится.

Ганна (входя).

Скажешь, не хорошъ?
Смотри-тко, брови-то! Чѣмъ не казачка?

(Ласкаясь къ нему)

А ну же, чѣмъ докладчикъ не хорошъ?

Digitized by Google

Хмельницкій.

Всѣмъ, Ганночко! Всѣмъ хороша ты, люба!
Да вотъ, къ чему пойти за старика?
На облетѣвшій дубъ глядѣть не любитъ солнце;
А поглядитъ, такъ тутъ же зажурится—
И спрячется за тучу и посыплетъ
На желтый листъ ледяною крупой.

Ганна.

Да это что жь? Не я ли?... А не грѣхъ ли?
Да какъ мнѣ не любить тебя, богатыря,
Бойца за вѣру и за Божью правду,
За волю и земли козацкой честь?
Всѣмъ любъ ты мнѣ: одно въ тебѣ не ладно,
Что все еще ты вѣришь полякамъ.
Я и теперь пришла къ тебѣ за тѣмъ же:
Ужь какъ ты хочешь, а женихъ Катруси,
Твой польскій панъ—плутяга, да и только!
Повѣрь, Богданъ, онъ не съ добромъ пріѣхалъ
Катрусю сватать. Этотъ хитрый ляхъ
О ней не думаетъ; онъ держитъ на умѣ
Другое что-то.

Хмельницкій.

Такъ и мнѣ-жь онъ нелюбъ;
Я отпущу его; не вѣрю я ляхамъ.
Король, что мнѣ обязанъ королевствомъ,—
И тотъ мнѣ врагъ. Скорѣе синій Днѣпръ
Вверхъ побѣжитъ и заплыветъ весь кровью,
Чѣмъ сызнова брататься намъ съ ляхомъ!

Входитъ Маруся чаровница; черныя пряди волосъ выбиваются у нея изъ-подъ очипка; шея и грудь обвѣшаны монистами, а на поясѣ и въ рукѣ пучки травъ).

Маруся (входя, рѣзко).

Кто помянулъ про кровь? Не надо крови!
Довольно крови! Мертвецамъ отъ ней
Въ гробахъ покоя нѣтъ: она сквозь землю
Горячимъ капаетъ на нихъ дождемъ
И не даетъ имъ спать подъ желтыми песками;
Они средь бѣла дня теперь выходятъ
И руки выдираютъ изъ земли,
Да молятъ Господа: «Создай же, Боже,

Digitized by Google

Живымъ людямъ Ты лихо, что они
Намъ не даютъ сотлѣть въ своихъ могилахъ,
И къ намъ жильцовъ до срока присылаютъ;
И тѣсно намъ отъ нихъ ужь подъ землей?»

Ганна (ласково).

Зачѣмъ все про такое говорить?
Сегодня ты невесела, Маруся.
Ты не устала ли?

Маруся.

Чего устала!
Нѣтъ, любко, крѣпки ноги у меня.
Болитъ вотъ сердце! Всѣхъ-то васъ мнѣ жаль!
Жаль Украину мнѣ!

(Показывая на Хмельницкаго)

Его вотъ жалко,
Съ нимъ и тебя.

(Перебирая травы и подавая ей)

Постой, перепеличко;
На вотъ барвиночку! Она не вянетъ,
Равно красна при холодѣ и зноѣ,
Какъ честныхъ, вѣрныхъ женъ святыя душки.
Вотъ болдырьянъ! Коль ты его съ молитвой
Оставишь въ домѣ,—долго не засохнетъ;
Покамѣстъ же не высохъ, не посмѣетъ
Въ тотъ домъ взойти лукавый: только будетъ
Кругомъ ходить, и половина худа
Отъ дома откачнется. Это вотъ
Пострѣлъ змѣиный, отъ змѣиной раны
Да отъ ломоты; это—крестъ Петровъ;
А этотъ алый цвѣтъ,—цвѣтамъ всѣмъ голова,
За тѣмъ что бережетъ онъ отъ напрасной смерти:
Какая хошь отрава будь въ питьѣ,
Коли захватишь, то рукою сниметъ....
Такъ много зла на свѣтѣ! Такъ-то много,
Что еслибъ не Господь насъ охранялъ,
То и землѣ, кажись, не устоять бы!
Данъ намъ и смыслъ, а мы его на лихо тратимъ:
Такъ Богъ ужь умудряетъ простецовъ.

(Подходя къ Хмельницкому)

Digitized by Google

Къ тебѣ, землякъ, зашла я не безъ дѣла:
Стучится въ дверь къ тебѣ какая-то бѣда.
Не спрашивай какая—я не знаю!
Гадала и по птицамъ—все темно.
Эхъ, горе—ты козакъ? Не попусти же, Боже,
Свершится злому дѣлу! Дай Богдану
Совсѣмъ насъ выбить изъ неволи ляцкой!
Молись, Богданъ, смекай, гляди, братъ, въ оба:
Мой голосъ былъ всегда тебѣ правдивъ.
Прощай!

(Уходя, въ дверяхъ сталкивается съ Виговскимъ и кричитъ на него съ выраженіемъ отвращенія и ужаса)

Ге! Тоже гетманъ, ваша мосць?
Гадюка! И не коршунъ ты, а воронъ,
Что каркать прилетѣлъ передъ бѣдой!

Уходитъ. Ганна садится за работу.

Тѣ же и **Иванъ Виговскій**.

Хмельницкій (Виговскому).

Не осердись, Иване, что Маруся
Съ тобой не ласкова. На чаривницъ,
Ты знаешь самъ, находитъ; и со мною
Она всегда бранится.... Съ чѣмъ пришелъ?

Виговскій.

Сказать, что изготовилъ челобитье
Къ московскому царю, точь въ точь какъ ваша милость
Мнѣ приказала. А царя мы просимъ,
Чтобъ принялъ насъ подъ царскую защиту
И нашу Русь соединилъ съ Москвой
Союзомъ братскимъ. А ему служить
Мы всѣ готовы не щадя имѣнья,
Ни головы: на томъ цѣлуемъ крестъ.
И онъ бы, государь, намъ обѣщался,
Что вольности онъ наши сохранитъ.

(Подавая Хмельницкому бумагу, которую тотъ беретъ и прочитываетъ про себя)

Вотъ челобитье. Да чтобъ царь изволилъ
Прислать бояръ въ Переяславль на раду
И приказалъ отъ насъ принять присягу,
А имъ бы присягать ужь за Москву.

(Помолчавъ)

Digitized by Google

Послы совсѣмъ готовы, ждутъ приказа,
А челобитье—подписи гетмана.

Хмельницкій (прочитавъ челобитье, встаетъ въ волненіи и, посмотрѣвъ пристально на Виговскаго, возвращаетъ ему бумагу.)

Ты думаешь, пріятель, что со мной
Все можно сдѣлать, что ни скажетъ писарь?
Постой-ка: ты давно дружишь Москвѣ?
Да не хитри... пожалуй, не обманешь!

Виговскій.

Я, пане гетманъ, не таюсь отъ васъ,
Не спроста поспѣшилъ я челобитьемъ.
Я и хочу, чтобъ вы Москвѣ отдались,
И чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Вѣдь у насъ
Теперь дѣла совсѣмъ изъ рукъ вонъ плохи.
Козачеству въ борьбѣ не устоять,
И каждый часъ грозитъ для насъ бѣдою.
А вѣдь ляховъ... кому, какъ мнѣ ужь, знать?
Пожалуй, пропадемъ всѣ головою.

Хмельницкій.

Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Мы съ тобой, ляшокъ.
За наши шкурки пестрыя боимся,
А не боимся мы за нашъ Великій Лугъ,
За нашу чудную красавицу—Вкраину,
За мать, что и тебя съ любовью воскормила
У полной груди, какъ дитя родное?
И сталъ съ тѣхъ поръ ты новый человѣкъ,
Сынъ вольной матери и вольнаго народа!...
«Москвѣ отдаться?» Нравъ у насъ не тотъ!
И царь хотѣлъ бы, да не стерпитъ онъ
Козацкой удали. И гдѣ-жь порука
За наши вольности? Ну гдѣ же? говори!

Виговскій.

Народъ московскій намъ единовѣренъ,
И на Москвѣ нѣтъ ксендзовъ и жидовъ.

Хмельницкій (запальчиво).

Такъ есть у нихъ застѣнки, да приказы,
Окольничьи, да головы, да дьяки.

(Вырываетъ у Виговскаго бумагу и прячетъ ее къ себѣ)

Digitized by Google

Подай сюда!.. Надѣть на шею ѐселъ
Всегда успѣемъ. Знаю, что Москва
Когда нибудь сама запроситъ воли...
Да скоро ли? Ты, ляхъ, мнѣ растревожилъ
Больную рану... Тысячу смертей
Мнѣ-бъ легче перенесть, чѣмъ разъ помыслить,
Чтобъ Украину намъ отдать въ чужія руки,
Какъ дочь любимую, въ лихую семью,
Гдѣ матери она ужь не увидитъ
И стараго не разъ вспомянетъ батьку...

(Утирая глаза)

Довольно словъ. Не сказывай, что ты
У Хмеля стараго подмѣтилъ слезы.
Я челобитье не пошлю. Увидимъ,
Что тутъ придется дѣлать. Станемъ биться!

Виговскій.

А съ чѣмъ мы станемъ биться, ваша милость?
У насъ и пушекъ нѣтъ.

Хмельницкій (настойчиво).

Возьмемъ ихъ съ бою!

Виговскій.

А войско гдѣ?

Хмельницкій.

Что ни козакъ—то воинъ
Одинъ на четверыхъ!

Виговскій.

Всѣ козаки у насъ
Бѣгутъ на Слободщину *).

Хмельницкій (потирая руки.)

Молодцы!
Наставятъ хатъ, такъ и земля ужь будетъ
Тогда козачья!

Виговскій.

Да у насъ измѣна.

---

*) Такъ вообще называлась вся обширная мѣстность, куда царь Алексѣй Михайловичъ позволилъ переселяться украинскимъ казакамъ, съ сохраненіемъ ихъ обычаевъ и правъ свободнаго (слободнаго или слободскаго) самоуправленія.

Digitized by Google

Хмельницкій (начиная горячиться).

Измѣнниковъ всѣхъ къ чорту!

Виговскій.

Денегъ нѣтъ.

Хмельницкій.

Всѣ головой пойдемъ къ татарамъ внаймы!
И женъ, и дочерей имъ продадимъ!

Виговскій.

Они и такъ берутъ ихъ на ясыръ.
Полковники бунтуютъ...

Хмельницкій (остановясь противъ Виговскаго).

Э, Виговскій!
Вы, кажется, взбѣсить меня хотите?

Виговскій (спокойно).

Нѣтъ, ваша честь, я правду говорю;
Не мало новостей у насъ печальныхъ.
Извольте выслушать.

(Отворивъ дверь, впускаетъ двухъ казацкихъ урядниковъ)

Скажите, братцы,
Его вельможности, что тамъ такое.

1-й урядникъ.

А больно, батьку, тамъ у насъ неладно,
Бѣсъ побери съ поганымъ побратимство!
Журится крѣпко наша Украина;
Увидѣла, что некуда ей дѣться.
Насквозь по ней разсыпалась орда!
Конями ребятишекъ нашихъ топчетъ,
Въ плѣнъ тащитъ молодыхъ и рубитъ стариковъ.

2-й урядникъ.

И шибко гомонитъ теперь народъ:
Что-ль эту, говоритъ, намъ дали вольность?
Пропали ни за цапову мы душу.
А первая-жь бы пуля не минула
Хмельницкаго, что напустилъ татаръ.

1-й урядникъ.

Бывало, намъ Еремка *) сядетъ въ горлѣ,

*) Князь Іеремія Вишневецкій.

Digitized by Google

Теперь Чарпецкій: и лиса-Богунъ
Не сладитъ съ нимъ. Брацлавщину заѣлъ,
Побралъ Прилуки, Липовецъ, Ягубецъ,
Погребище повырѣзалъ насквозь
И въ ярмаркѣ пограбилъ всѣ товары.

2-й урядникъ.

А больше все за миръ бѣлоцерковскій
Сердитъ народъ, и объ одномъ толкуетъ,
Что будто ты братаешься съ ляхами,
Насъ позабылъ, одинъ себѣ трактуешь,
Да стаціи даешь имъ на Руси.

1-й урядникъ.

Не добре, говорятъ, чинитъ панъ гетманъ:
Себя да старшину онъ вызволяетъ,
А насъ не хочетъ знать; самъ первый
Насъ поднялъ на пановъ: теперь же, бѣдныхъ,
На муку отдаетъ подъ батоги,
На палы, на кіи да на веревки.

2-й урядникъ.

Такъ нѣтъ же, говорятъ, тому не быть!
Скорѣй ему же голову сломить,
Чѣмъ насъ запречь теперь къ ляхамъ въ неволю.

Хмельницкій.

Довольно, братики. Народъ, что море:
Стоитъ оно спокойно и свѣтло,
А какъ расходится, свои-жь ломаетъ чайки,
И топитъ у себя же корабли.
Ну вы-то, братцы, что себѣ сгадали
О старомъ Хмелѣ?

1-й урядникъ.

Брешутъ, вражьи дѣти!
Ты батько нашъ,—кому же намъ и вѣрить?
А Богъ же вѣсть, что у тебя на думкѣ!
А все таки-жь мы знаемъ, что ляхамъ
Ты насъ не выдашь.

Хмельницкій (съ одушевленіемъ).

Слышали, Виговскій?
Народъ порочитъ стараго Богдана,

Digitized by Google

Да духъ-то тотъ же! А вотъ кликну кличъ,
И Украина поголовно встанетъ
И палачей настигнетъ, какъ гроза,
И взглянетъ гибелью.

(казакамъ)

Спасибо, дѣтки,
На вашей ласкѣ да на добромъ словѣ!
Скажите же народу, что Богданъ
Имъ не измѣнщикъ: что по Божьей правдѣ,
Доколѣ живъ—слуга онъ Украинѣ;
И ворогамъ не выдастъ ихъ въ обиду.

Тѣ же и **Иванъ Чорнота, Вешнякъ, Джеджалыкъ и Степко.**

Ив. Чорнота (врываясь въ дверь съ шумомъ).

Чего тутъ ждать? Мы всѣ къ нему пойдемъ!
Не мы виной, что старшина у насъ
Имъ недовольна. Слышишь ли, гетмане?
Всѣ недовольны мы! Коль попъ надѣлъ ужь ризу,
Такъ будь попомъ: не то сейчасъ въ дьячки,
Иль вонъ изъ церкви! Шутишь что-ль ты съ нами?
Народу вызволяешь, старшину—
Не ставишь въ грошъ! Не доложившись радѣ,
Въ чужія самъ вступаешься дѣла,
Своихъ же знать не хочешь? Боронишь
Чужія земли, а свои татарамъ
На разграбленье отдалъ? Самъ на радѣ
Въ Тарнополѣ московскому царю
Насъ подущалъ отдаться, а теперь
Опять двоишь, да въ стороны виляешь....
Не добре такъ!

Хмельницкій (грозно).

Такъ съ этимъ вы, панове,
Ко мнѣ сюда осмѣлились явиться?
Крамольники! Иль позабыли вы,
Что вы у гетмана? Иванъ Чорнота,
Тебѣ, знать, надоѣла голова?

(Взявъ въ руку гетманскую булаву и показавъ ею урядникамъ на Чорноту)

Схватить его! Пускай увидитъ каждый,
Какъ за мятежъ казнитъ у насъ законъ.

(Урядники исполняютъ приказаніе гетмана)

Digitized by Google

Теперь я къ вамъ, панове. Сами-жь вы
Мнѣ присудили булаву,—такъ знайте,
Что я держать ее умѣю крѣпко.
Коль есть на мнѣ вина,—сберите раду:
Но къ гетману блюдите уваженье!
А въ чемъ вина? Что Яна Казимира
Я помѣшалъ вамъ выдать басурманамъ?
Такъ онъ вѣдь былъ нашъ государь законный,
И онъ же—христіанскій государь!
Теперь иное дѣло: онъ—намъ врагъ.
Волчица, да и та своихъ волчатъ
Не дастъ въ обиду,—ну, а этотъ вздумалъ
Отдать насъ подъ татарскіе ножи,
Чтобы съ земли стереть и наше имя,
Чтобъ было некому и стать за Украину!...
Отецъ дѣтей своихъ бросаетъ на съѣденье
Псамъ лютымъ!... Безпримѣрное злодѣйство,
Лютѣе Каина! И вы-жь мнѣ говорите,
Что я двою? Неправда! Вѣренъ гетманъ
И слову честному и своему народу;
Невѣренъ онъ—коварному врагу;
Казнитъ измѣнниковъ, да негодяевъ.
Такъ! Некуда намъ правды подѣвать!
Успѣли вороги у насъ посѣять
Разладъ, да своеволье, да измѣну,
И въ насъ теперь впились они корнями—
На вѣчный стыдъ козацкой нашей славы....
Вотъ это-то недобре въ насъ, панове!
Вотъ это, словно ржавчина, насъ точитъ
И въ самомъ сердцѣ силу нашу губитъ
И ворогамъ когда нибудь насъ выдастъ.
Теперь я все сказалъ.

(Урядникамъ)

Освободите
Обознаго. Онъ вѣрный сынъ Вкраины
И первымъ на бою.

Чорноту освобождаютъ.

Вешнякъ (подойдя къ Хмельницкому).

Прости намъ, батьку,
Что наглупили мы. Не знаемъ сами,

Digitized by Google

Чего хотимъ. Какъ знаешь, такъ и дѣлай!
А мы, куда велишь, идти готовы.

Чорнота (выступивъ впередъ).

Нѣтъ, братцы, это я всему заводчикъ,
Мнѣ и въ отвѣтѣ быть. Я, дурень, сбился съ толку,
Увязъ, какъ лѣшій, по уши въ болото.
Вотъ лихо-то — дурная голова!
Разъ Вронченку въ сердцахъ Богданъ поранилъ руку:
Такъ онъ у всѣхъ у насъ просилъ прощенья;

(Становясь передъ товарищами на колѣни)

И я за нимъ скажу: простите, братцы!
А будете съ Богданомъ пить горилку,
Не подносите мнѣ! А такъ и быть,
Пускай же я останусь безъ горилки!

(Встаетъ и подходитъ къ Хмельницкому)

Прости мнѣ, брате! Позабудь, гетмане,
Въ чемъ я тебя обидѣлъ!

Хочетъ становиться на колѣни передъ Хмельницкимъ.

Хмельницкій (удерживая его).

Э, э, Чорнота!
Обидѣлъ ты гетмана — не Богдана,
Мой брате любый!

Обнимаетъ его.

Виговскій (Хмельницкому)

Я опять за то же:
Не лучше ли московскому царю
Скорѣй отдаться-бъ намъ?

Хмельницкій.

Нѣтъ, нѣтъ, малютка!
Пока со мной вотъ эти сорванцы,
Къ чему же намъ ужь въ петлю торопиться?
Богъ милостивъ, пробудемъ безъ Москвы!

Тѣ же и Загойскій.

Загойскій (Хмельницкому).

Я съ вами, ваша честь, пришелъ проститься,
И два-три слова съ вами обмѣнять.

Digitized by Google

Хмельницкій (вѣжливо).

Извольте, пане! Здѣсь мы—всѣ свои.
Я слушаю.

Садятся въ сторонѣ у небольшаго стола.

Загойскій.

Прошелъ ужь слишкомъ мѣсяцъ,
Какъ дочь у васъ я попросилъ въ замужство,
И все еще не получилъ отвѣта.
Гдѣ на стоянкѣ вы, и я при васъ;
Вы лагерь снимите—и я за вами,
Какъ тѣнь за солнцемъ—ѣду на конѣ.
А я у васъ—не воинъ, не товарищъ,
Не другъ вашъ, и не ворогъ, и не братъ.
Нельзя тому, панъ гетманъ, продолжаться!
Мнѣ надо ѣхать; не могу я ждать.

Хмельницкій.

Такъ поѣзжайте, милый пане, съ Богомъ!
Вы не женихъ, а гость; путь добрый вамъ!
Подайте-ка венгерскаго,—мы съ паномъ
По кубку разъ, другой осушимъ на прощанье.

Ганна выходитъ, но вскорѣ-жь возвращается; за нею двѣ украинскія дѣвушки приносятъ вино и два кубка, изъ которыхъ одинъ ставятъ передъ Хмельницкимъ, а другой передъ Загойскимъ; Хмельницкій наливаетъ кубки виномъ.

Загойскій.

Вы, гетманъ, подсластить отказъ хотите?

Хмельницкій.

Нисколько, пане! Не ушло вамъ время;
Катруся молода, пождемте оба;
Вѣдь не всегда же быть у насъ войнѣ,
Наступитъ часъ врагамъ и помириться.
Теперь же, я вамъ прежде говорилъ,
Не можемъ въ васъ мы, пане, видѣть друга,
Да въ насъ и вы не видите друзей.

(За дверью слышны голоса; всѣ прислушиваются).

Что тамъ за шумъ? Узнайте-ка, Виговскій.

На встрѣчу Виговскому выходитъ старый казакъ, въ запыленной и изорванной одеждѣ. Двери остаются не затворенными.

Digitized by Google

Казакъ (Хмельницкому).

Урядникъ изъ Сочавы. Горе, батьку!
Такое горе, что ужь лучше бы не слышать.
Твой сынъ убитъ.

Хмельницкій (вскочивъ съ мѣста).

Тимошъ? Возможно-ль? Боже!
Вѣщунъ—мое ты сердце!

Казакъ (махнувъ рукой).

Эхъ! Да что-жь
Тутъ станешь дѣлать? Вотъ его несутъ!

Казаки вносятъ и устанавливаютъ на походныхъ носилкахъ тѣло Тимоша, покрытое свиткою; за ними Екатерина и Юрій Хмельницкіе и нѣсколько лицъ домашней прислуги. Загойскій, улучивъ минуту, когда вниманіе присутствующихъ сосредоточено на убитомъ, вокругъ котораго они столпились, вливаетъ ядъ въ кубокъ Хмельницкаго.

Ганна.

Ахъ, Господи! Такъ молодъ, мой голубчикъ!
Иль умирать ему не жалко было—
И жинку-то покинуть сиротой?

Хмельницкій (открывъ лицо убитому, на головѣ котораго видна кровавая рана).

Ге сынку, сынку! Кто тебя убилъ?
Молчишь, мой соколъ!

(Обращаясь къ казаку)

Говори, козакъ,
Какъ было дѣло?

Старый казакъ.

Заперъ насъ въ Сочавѣ
Еремки Вишневецкаго племянникъ...

Хмельницкій (перебивая его).

Гмъ! Вишневецкій?... Погоди, товарищъ,
Доскажешь послѣ.

(Подойдя къ Загойскому)

Э, мой милый пане!
Ступайте, пане, съ Богомъ! Тяжело
Васъ видѣть здѣсь. Почтите же покой

*

Digitized by Google

Усопшаго. Навѣрно онъ убитъ
Какимъ нибудь изъ вашихъ. Вотъ, смотрите,
Какъ грозно черныя онъ сдвинулъ брови,
Какъ будто бы увидѣлъ онъ врага—
И къ намъ вопитъ о мщеньи. Съ Богомъ, пане!
Счастливый путь!

(Подойдя къ столу, беретъ отравленный кубокъ и прикасается имъ къ кубку Загойскаго).

Здоровы будьте, пане!

(Отпивъ до половины кубка, ударяетъ имъ объ столъ).

Пусть этотъ кубокъ будетъ мнѣ свидѣтель,
Что не нарушилъ я гостепріимства—
И отпустилъ васъ цѣлымъ. Но впередъ—
Не попадайтесь, панъ!

(Отворачивается отъ Загойскаго, и подойдя къ тѣлу Тимоша, снова обращается къ казаку. Загойскій уходитъ.)

Теперь, старикъ,
Скажи всю правду, какъ убитъ мой сынъ.

Казакъ.

Я, батьку, ужь сказалъ, что Вишневецкій
Насъ осадилъ въ Сочавѣ. Крѣпко онъ
Сердитъ былъ на Тимоша за невѣсту,
А онъ отбилъ и славу у него.

Хмельницкій (съ увѣренностью).

Да! Гдѣ козакъ—тамъ слава. Что же дальше?

Казакъ.

Ляхи насъ отовсюду окружили,
А съ ними молдоване да волохи;
Отъ этихъ псовъ пришлось бы намъ пропасть,
Когда-бъ не сынъ твой. Гдѣ ни свалка,
Тамъ и Тимошъ. Ни пѣшій и ни конный
Спасенья отъ него не находили;
На вражьи трупы коршунья слетались,
И ужасъ обезсилилъ ужь врага.

Хмельницкій (съ выраженіемъ глубокой скорби).

Э сынку, сынку!

Казакъ (продолжаетъ).

Только въ томъ бѣда:
Троихъ ляшковъ-панковъ мы захватили;

Digitized by Google

Хотѣли пришибить, да твой Тимошъ,
На грѣхъ да на бѣду, за нихъ вступился,
Да взялъ къ себѣ ихъ; а бисовы дѣти
Еремкиной роденькѣ со стѣны
Изъ крѣпости его и показали!
Твой сынъ стоялъ у пушекъ на валу,
И стали на него тутъ цѣлить колюбрину:
Какъ увидалъ онъ, такъ—и ну на нихъ
Ногайкою грозиться! Тутъ-то, батьку,—
Чтобъ лопнуть ей!—проклятая гармата
Хватила въ возъ, да черепками бомбы
Ошпарила его въ високъ да въ ногу.

Хмельницкій (преодолѣвъ себя).

Благодарю тебя, Господь нашъ милосердый,
Что Тимоѳей мой умеръ какъ козакъ,
А не достался ворогамъ!

За сценою шумъ и говоръ.

Казакъ.

И то,
Дорогою, проклятый Могильницкій
Чуть не отбилъ.

Тѣ же и **Маруся**, и за ней нѣсколько **казаковъ**.

Маруся (всплеснувъ руками).

Голубчики мои!
Да что-жь у васъ творится здѣсь такое?
Добро покойникъ: а вѣдь тутъ еще
Кричитъ народъ, что кто-то здѣсь отравленъ,
Что ляхъ у васъ кого-то отравилъ;
Да кто-жь отравленъ-то?

(Увидавъ на столѣ кубки, сначала отвѣдываетъ изъ полнаго, а потомъ изъ отпитаго кубка, и тотчасъ выплевываетъ)

Э, чортовъ сынъ!

(Показавъ на кубокъ)

Кто отпилъ кубокъ?

(Хмельницкому, съ выраженіемъ ужаса)

Это ты, безчастный?
Ты пилъ отсюда?

(Обращаясь къ присутствующимъ)

Digitized by Google

Божьи люди!
Отравленъ гетманъ! гетманъ нашъ отравленъ!
Голубоньки мои! Куда-жь дѣваться?
Что дѣлать-то? Совсѣмъ отшибло память....
Ой, серденько....

(Приходитъ въ себя)

Да нѣтъ же! Нѣтъ.... постойте!
Гдѣ алый цвѣтъ-то? Погодите, други....
Не даромъ же Маруся чаровница!

Убѣгаетъ.

Ганна.

Ахъ, Господи! Не вспомнюсь я отъ страха!

Хмельницкій (къ взошедшимъ за Марусею).

Кто эту вѣсть пустилъ?

Одинъ изъ казаковъ.

Не знаемъ батьку!
Вишь ляхъ, что проживалъ здѣсь у тебя,
Съ конюшни подхватилъ арабскаго коня
И былъ таковъ.

Хмельницкій (вынувъ челобитье къ царю и, подписавши, отдаетъ его Виговскому).

Виговскій, вотъ бумага!
Я подписалъ ее. Да чтобъ сейчасъ же
Гонцы у васъ садились на коней;
Пусть скачутъ день и ночь. Козакъ и ночью
Дорогу сыщетъ. Да скорѣй, мой пане!
Не тратьте лишнихъ словъ! Скорѣй, скорѣй!

Виговскій, поклонившись, уходитъ.

Чорнота (подходя къ Хмельницкому, съ худо-скрываемымъ горемъ).

Дай мнѣ, Богданъ, потѣшиться! Позволь
Обозному за ворогомъ пуститься!
Пусть буду баба я, а не Иванъ Чорнота,
Коль я до гаспида не доберусь
И не стащу его къ вамъ на арканѣ!
Да хоть на днѣ морскомъ, такъ я и тамъ
Его добуду!

Хмельницкій.

Погоди, товарищъ!

Digitized by Google

Ты здѣсь нужнѣй. И такъ ужь много крови;
Знать надо было этому случиться.

(Задумываясь)

Я мстить не стану.

(Идетъ, опираясь на Чорноту и садится въ кресло, которое пододвинула ему Ганна; сама же остается подлѣ него съ Чорнотою)

Къ вамъ держу я рѣчь,
Мои друзья и братья дорогіе!
Вы слышали, что я сейчасъ къ царю
Гонцовъ отправилъ, да пріиметъ насъ
Подъ крѣпкую свою цареву руку
И насъ отъ бѣдъ державно защититъ.
Конечно, жить съ Москвою будетъ трудно,
Да дѣлать нечего,—такая доля.
И весело-бъ ручью бѣжать по волѣ,
Да что-жь, коли плотины на пути?
Сорветъ онъ и размечетъ ихъ весною,
А въ лѣто ихъ еще поднимутъ выше,
И онъ тогда—опять на-заперти
И нехотя тяжелый жерновъ кружитъ.
Не лучше-ль вкинуться въ большую рѣку—
Да и пойти одною съ ней дорогой?
Но вотъ бѣда....

Вдругъ умолкаетъ и, закрывъ глаза, опускаетъ голову; Ганна, удерживая рыданія, бросается поддержать его; Екатерина, ставъ на колѣни, цѣлуетъ у него руку.

Чорнота (совершенно растерявшись).

Что съ нимъ такое, пани?
Молчитъ? Богданъ! Богданъ! Ты живъ ли, сердце?
Откликнись! Ты не умеръ ли?

Вбѣгаетъ Маруся; въ рукѣ у нея глечикъ (родъ кувшина), у пояса пучокъ травы съ алыми цвѣтками; она наклоняется надъ Хмельницкимъ и ощупываетъ у него голову, руки и сердце.

Маруся (выпрямляясь и съ тихою радостью).

Онъ живъ!
Молитесь, дѣтки! Живъ онъ будетъ....

(Проводя рукою по своей шеѣ)

Вотъ голова — иль я не чаровница!

Всѣ окружаютъ Марусю и Хмельницкаго.

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ШЕСТОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Богданъ Хмельницкій, гетманъ Малороссіи.
Ганна, жена его.
Юрій, сынъ его, 17-ти лѣтъ.
Екатерина, дочь его, въ замужствѣ за Даниломъ Виговскимъ.
Иванъ Виговскій, войсковой писарь.
Иванъ Чорнота, войсковой обозный.
Тетеря, **Богунъ**, **Пушкаренко**, **Адамовичъ**, } казацкіе полковники.
Ковалевскій, эсаулъ.
Патеръ Черневичъ,
Беньйовскій, пріѣзжавшій къ Хмельницкому съ секретнымъ порученіемъ отъ польскаго короля.
Ѳедоръ Васильевичъ Бутурлинъ, окольничій.
Михайловъ, думный дьякъ.
Чешскій братъ.
Чигиринскій церковникъ (дьячокъ).
Старикъ, украинецъ.
Слободской казакъ.
Украинскій хлопецъ, 17-ти лѣтъ.
Кобзарь.
Маруся, чаровница.
Домашніе Хмельницкаго; украинскіе и запорожскіе **казаки; свита** Бутурлина; украинскіе и запорожскіе **полковники**; генеральные и полковые **старшины; сотники; выборные** отъ украинцевъ и запорожцевъ; **народъ**.

Дѣйствіе происходитъ, въ 1657 году, въ Чигиринѣ.

ЗНАКОМЦЫ.

Комната въ квартирѣ Ивана Виговскаго.

Иванъ Виговскій, **Беньйовскій** и **Черневичъ**.

Черневичъ (Виговскому).

Давно ли, панъ, мы распростились съ вами?
А сколько перемѣнъ! Вотъ вы теперь

Digitized by Google

Слуга ужь царскій: не хотѣли съ Польшей
Хлѣбъ-соль водить.

Виговскій (желая показаться искреннимъ).

Напрасно, ваша милость!
Я Польшѣ преданъ всей моей душой.
Въ томъ не моя вина, что старый гетманъ
Москвѣ отдался. Старшины его
Принудили. Ужь я ли не старался
Отговорить его.

Черневичъ (усмѣхнувшись).

Да полно такъ ли?
Ну, а письмо въ Путивль?

Виговскій.

То было время,—
Теперь другое.

Веньйовскій.

Я за вѣрность пана
Готовъ предъ вами, патеръ, побожиться.
Когда-бъ не онъ, то къ гетману меня
И не впустили бы. А вѣдь въ то время,
Намъ вмѣстѣ съ нимъ, чуть-чуть не удалось
Медвѣдя уломать.

Черневичъ.

Не стану спорить:
Коль сдѣлать что захочетъ панъ Виговскій,
Такъ сдѣлаетъ. Мы благодарны пану
И помнимъ, чѣмъ ему одолжены:
Да вѣдь ему хотѣлось бы въ гетманы,
Ну, а безъ насъ—туда ужь не пройти!

Виговскій.

А что-жь тутъ нужно?

Черневичъ (съ недовольнымъ видомъ).

Дѣло! дѣло! дѣло!
По правдѣ, я не очень вѣрю вамъ.
Ну что вы сдѣлали въ три этихъ года?
Вѣдь ровно ничего! А можно было
Вамъ развести Хмельницкаго съ Москвой.
Ужь мы ли не мосты для васъ мостили?
Увѣрили Москву, что царь—короны польской

Digitized by Google

Наслѣдникъ, и теперь ему не вмѣстно
У Польши отнимать мятежныхъ хлоповъ;
И помирились съ нимъ, а васъ съ царемъ
Поссорили! Подняли противъ васъ
Московское боярство съ духовенствомъ,
И мало-ль что? Всего не перечесть;
А гетману—и это стало въ честь,
И онъ съ Москвой не думаетъ разстаться.
Ну, какъ же тутъ на васъ не удивляться?

Виговскій.

Вы, патеръ, ошибаетесь; Хмельницкій
Съ Москвой не ладитъ и боится крѣпко,
Чтобъ царь не вздумалъ выдать насъ Варшавѣ.
За этимъ-то и подружились мы
Со Шведами, Ракочіемъ и ханомъ.

П. Черневичъ.

А царь узналъ, остался недоволенъ,
Да нарядилъ еще сюда пословъ,
И вамъ велѣлъ задать головомойку?
Все это знаемъ мы; не вы же, панъ,
Тутъ хлопотали..... Объяснимся проще:
Не можете ли вы уговорить гетмана
Съ Москвой покончить?

Виговскій.

Не сумѣю, патеръ.
Душа его—потемки. Сколько разъ
Бывало онъ нарушитъ обѣщанье,
Хитритъ, хитритъ—и наконецъ обманетъ.
Теперь не то: онъ на Москву косится,
Про случай камень въ пазуху кладетъ—
И только. Съ ней онъ какъ-то сдержанъ;
Снисходитъ многому. Ни разу даже саблей
На царскихъ воеводъ не погрозился;
А сколько было случаевъ!

П. Черневичъ.

Каковъ
Онъ къ намъ?

Digitized by Google

Виговскій (махнувъ рукой).

Бѣжитъ все безъ оглядки;
Едва-ль вернется.

Веньйовскій.

А позвольте-жь, панъ!
Мнѣ это представляется иначе:
Когда-бъ онъ былъ ужь такъ отъ насъ далекъ,
Не прослезился бы, когда панъ Любовицкій
Вручилъ ему письмо отъ королевы.

Виговскій.

Такъ что-жь что прослезился? Эти слезы
Его же тѣшили! Вѣдь онъ мечтатель;
Напишетъ думку, такъ и то заплачетъ.
Игрушки только это!... Слезъ гетмана
Никто не знаетъ. Правда, я ихъ видѣлъ,
Да только разъ.

Веньйовскій (насмѣшливо).

О чемъ же плакалъ рыцарь?

Виговскій (серьезно).

Объ Украинѣ, панъ.

П. Черневичъ (Виговскому).

Мнѣ кажется, что мы
Отъ нашего предмета удалились
И панегирики читать взялися.
Вопросъ весь въ томъ: не знаете-ль вы средства
Насъ съ вами помирить, а васъ съ Москвой поссорить?

Виговскій.

Не знаю, панъ.

П. Черневичъ (выразительно).

А каково здоровье
Хмельницкаго?

Виговскій (съ расчитанною небрежностью).

Покамѣстъ что-то плохо.
Случайности, походы, неудачи
Почти совсѣмъ растроили его;
Да это мы скрываемъ отъ народа.
Конечно, подъ Богомъ здѣсь всякій ходитъ;
Пожалуй, не натопчетъ онъ травы.

Digitized by Google

П. Черневичъ (подчеркивая слова).

Вы въ томъ увѣрены?

Виговскій.

Увѣренъ, панъ.

П. Черневичъ.

Хотите ли закладъ?

Виговскій (лукаво).

Ну что-жь, давайте!

П. Черневичъ.

Что вамъ проспорить?

Виговскій.

Булаву гетмана.

П. Черневичъ.

Идетъ!

Виговскій (съ важнымъ видомъ).

А если такъ, то я прошу васъ, пановъ,
Изъ Чигирина выѣхать сейчасъ;
Нельзя-жь узнать, что ожидаетъ насъ
Черезъ недѣлю, завтра, иль сегодня.
И безъ того на пановъ изъ подлобья
Глядитъ народъ.

П. Черневичъ (подумавъ).

Вы правы: это вѣрно.
Намъ лучше ѣхать. Значитъ, состоится
Закладъ-то нашъ?

Виговскій.

Да, патеръ, съ уговоромъ—
Ut verbum nobile sit stabile?

П. Черневичъ (съ тономъ убѣжденія).

Конечно!
Безъ этого-жь нельзя. Прощайте-жь, панъ,
Желаю вамъ успѣха!

Беньйовскій.

До свиданья!

Виговскій (провожая ихъ).

Счастливый путь вамъ, гости дорогіе!

Черневичъ и Беньйовскій уходятъ, а Виговскій, выпроводивъ ихъ, возвращается и берется за шапку.

Digitized by Google

Виговскій (поглядѣвъ имъ вслѣдъ, развязно).

Мошенники! Теперь вамъ не пронюхать,
Что гетманъ-то и въ самомъ дѣлѣ плохъ
И ужь совсѣмъ почти на ладанъ дышитъ;
И не о чемъ бы вамъ тутъ хлопотать,
И не за что-бъ мнѣ обѣщать гетманство!
А вѣдь надуютъ, черти!... Ну, Виговскій
Чуръ не робѣть теперь, чуръ не зѣвать:
Раскинь умомъ, какъ только можешь, шире,
Самъ о себѣ похлопочи, пріятель!

Уходитъ.

ОТДЫХЪ ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Хмельницкій, состарѣвшійся и уже очень больной, лежитъ у себя въ спальнѣ на походной кровати; Ганна у изголовья обмахиваетъ мухъ; Маруся, положа голову на руки, сидитъ поодаль.

Хмельницкій (открывая глаза).

Да я-жь проснулся, Ганно! Тихій сонъ
Придалъ мнѣ силы. Э, да какъ же сладко
Мнѣ грезилось! Вотъ будто снова Кіевъ
Меня встрѣчалъ. На площади Софіи
Кипѣлъ народъ—и волнами къ нему,
Отвсюду русскіе сходились люди.
Пановъ не стало. Только что-то чудно
Тамъ дѣялось. Ни одного лица
Знакомаго въ толпѣ я не примѣтилъ!
Ни одного полковника! Да и меня
Немногіе въ лицо тамъ узнавали,
И какъ-то было все у нихъ не такъ:
И будто рѣчь не та, не та одежда,
И самъ я хорошенько не пойму,
А чую, что я крѣпко ихъ люблю,
И всѣ они—родные наши братья,
Всѣ люди русскіе, отъ кости нашей кость,
И всѣ сошлись въ нашъ Кіевъ православный
Молиться и брататься съ Украиной,
И словно въ Переяславлѣ на радѣ,

Digitized by Google

Какъ было тамъ назадъ тому три года,
Я громко крикнулъ: всѣ-ль хотите, братцы,
Стать подъ рукой восточнаго царя?
«Всѣ!» завопилъ народъ! А я отвѣтилъ:
«*Да будетъ тако!*» И народъ молился:
«Помилуй Боже! Укрѣни насъ, Боже,
Да вси отнынѣ станемъ мы едино!»
Гляжу—и я слова тѣ повторяю,
И весь народъ молиться сталъ со мной.
И стало мнѣ легко: какъ будто землю
Я подъ собой не слышалъ и кругомъ
Носился вольно, что рѣзвуха чайка
Надъ синимъ моремъ.

У Маруси вырывается крикъ ужаса.

Ганна.

Что съ тобой, Маруся?

Маруся (вставая).

Такъ, ничего. И мнѣ тутъ что-то снилось,
Да непутёвое. Эхъ доля, доля
Козацкая! Не помню. Словно вѣдьма
Украла память.

(Положа руку на сердце)

Чтой-то тутъ
Совсѣмъ захолонуло... Сумно!... Тяжко!
Пойти домой!

(Уходя)

Ой, лихо, лихо!..

Хмельницкій.

Небого! знать у ней на вѣщемъ сердцѣ
Опять захмурилось.
А гдѣ Виговскій?

Ганна.

Онъ ждетъ: взойти прикажешь?

Хмельницкій.

Да, впустите.

(Ганна, отворивъ дверь, впускаетъ Виговскаго)

Ну что послы?

Виговскій.

Да стали на своемъ:
Послалъ де насъ нашъ государь великій,

Digitized by Google

Не къ писарю, а къ гетману Вкраины:
А боленъ онъ—намъ до того нѣтъ дѣла,
А мы царевъ указъ должны исполнить
И царскія слова ему отбыть.

Хмельницкій.

Они царевы слуги. Вмѣстно имъ
Такъ поступать. На крѣпкой службѣ царской
Раскинулась и ширится Москва,
И то ей въ прокъ. А мы ея обычай
Должны уважить и подать примѣръ
Блюденія порядка. А увидятъ
Меня послы, то на себя-жь самихъ
И подивятся.

Виговскій.

Да просилъ Беньйовскій,
Чтобъ вашей милости напомнить отъ него:
Что почему де намъ съ Москвой не разойтиться,
И съ вольной Польшей, старымъ нашимъ другомъ,
Какъ съ вольнымъ вольному, не побрататься вновь?

Хмельницкій (воодушевляясь).

А ты ляху повѣрилъ? Ты подумалъ,
Что на закатѣ дней, у вырытой могилы,
Я покривлю душою? «Вольный съ вольнымъ»?
Брехня! Одинъ дуракъ себя позволитъ
Два раза обмануть.

Виговскій.

Беньйовскій увѣрялъ,
Что сеймъ у нихъ признать насъ согласится
Народомъ вольнымъ....

Хмельницкій (перебивая его).

Вздоръ, не вѣрю!

Виговскій.

Однако же.... Неужто ваша милость
Къ неправдѣ вовсе стали равнодушны—
И сердца въ васъ московскія обиды
Не шевелятъ?

Хмельницкій (рѣзко).

Тебѣ какое дѣло?
Ступай и приведи сюда пословъ.

(Виговскій уходитъ.

Digitized by Google

О Боже правый! Подкрѣпи меня!
Дай силу перемочь мое волненье,
И бурѣ словъ вели во мнѣ умолкнуть,
Да не нарушу миръ!

Ганнѣ.

А ну-тко, жинко,
Готовь хлѣбъ-соль:—бояре будутъ въ гости!

ПОСЛѢДНІЙ ТОСТЪ.

Пріемная комната у Хмельницкаго; въ сторонѣ столъ съ закусками и виномъ.

Ганна, Екатерина и Юрій.

Ганна (Юрію).

Поди узнай, Юрасю, скоро ль будутъ
Сюда послы.

(Юрій уходитъ)

Ахъ Господи, какъ тяжко
Мнѣ на сердцѣ! Да пронеси-жь, Господь,
Ты эту тучу! Ужь повѣрьте мнѣ,
Что бѣдолашный мой съ послами побранится.

Юрій (входя, Ганнѣ).

Вотъ, матко, и послы за мной идутъ.

Входятъ: бояринъ Ѳедоръ Васильевичъ Бутурлинъ и думный дьякъ Михайловъ; за ними Иванъ Виговскій и эсаулъ Ковалевскій, казацкіе полковники и посольская свита съ царскими подарками въ шкатулахъ и баулахъ.

Ганна (встрѣчая пословъ).

Добро пожаловать, вельможные панове!
Сейчасъ прибудетъ гетманъ. Только я
Надумалась, самой къ вамъ выйти прежде
И, въ простотѣ, замолвить вамъ словечко.
Нельзя-ль вамъ, милосердые бояре,
Отсрочить ваши царскія доправы?
Теперь нашъ гетманъ хворый; онъ не можетъ,
Какъ слѣдуетъ, предъ вами рѣчь держать.
Недугъ на душу горечью ложится,
И стародавнія тревожитъ раны;

Digitized by Google

И думы ужь не тѣ, и слово не у мѣста
Тѣмъ часомъ вырвется! А будьте-жь, паны,
Къ намъ ласковы! На малое хоть время
Приходъ вашъ отмѣните! Врядъ ли сможетъ
Мой мужъ васъ выслушать съ спокойнымъ сердцемъ!
Мнѣ страшно за него.... Всѣ говорятъ,
Что царь на насъ разгнѣванъ.

Вутурлинъ.

Успокойся, пани,
И всякихъ смутъ не слушай. Царь нашъ добрый,
Гнѣвится—часъ, а милостивъ—надолго,
И правду жалуетъ. А что порядокъ
Онъ держитъ въ отчинахъ, на то онъ царь,
За тѣмъ пріялъ онъ скипетръ и державу.
А смуты—такъ въ семьѣ не безъ урода;
Бываетъ всяко! Надо потерпѣть
Да разсудить, не самъ ли кто виною,
Что смуты вышли. А и хуже будетъ,
Коль гетманъ не покажется. Враги
И то сведутъ ему на лихо.

Въ эту минуту вносятъ Хмельницкаго, лежащаго въ постелѣ, и становятъ къ сторонѣ нѣсколько вдали.

Вутурлинъ (подойдя къ нему).

Здравствуй, гетманъ!
Не осуди, что я хотѣлъ тебя увидѣть
Еще недужнаго. Къ тебѣ царемъ я посланъ
И долженъ дать царю отвѣтъ въ посольствѣ;
Мы оба слуги царскіе, такъ оба
Указу царскому должны повиноваться.
Его величество, великій государь,
Царь Алексѣй Михайлычъ, самодержецъ
Всея Руссіи, странъ полночныхъ повелитель
И прочая, велѣлъ тебѣ гетману,
И старшинамъ, и войску Запорожья
Поклонъ да милость царскую доправить,
Да приказалъ о здравіи спросить.

Хмельницкій (стараясь сохранить спокойствіе).

Благодаримъ на томъ мы государя.

Digitized by Google

По Божьей милости, живемъ покуда;
Кто видѣлъ—знаетъ, поживетъ—увидитъ.

Вутурлинъ.

Великій государь прислать изволилъ
Всей старшинѣ войсковой и посадской,
Отъ свѣтлой царской милости—подарки.

Посольская свита устанавливаетъ передъ Хмельницкимъ баулы. Одинъ изъ нихъ, пестрѣе другихъ изукрашенный и раскрытый, сперва подносятъ къ самому Хмельницкому и потомъ ставятъ подлѣ него.

Вутурлинъ (показывая Хмельницкому на открытый баулъ).

Вотъ съ царскаго плеча тебѣ гетману
Соболья шуба. А носилъ бы ты
Во здравіе.

Хмельницкій (начинаетъ волноваться).

Благодаримъ покорно;
Не въ мѣру милостивъ нашъ государь,
А въ томъ бѣда: здоровье наше плохо;
И шуба есть—да сердце ужь не грѣетъ.

Вутурлинъ (помолчавъ).

Напрасно, гетманъ!

(Подавая Хмельницкому царскую грамоту)

Царь тебѣ прислалъ
Вотъ эту грамоту. А на словахъ
Изволилъ приказать еще другое.
Что обѣщался ты, Богданъ Хмельницкій,
Передъ святымъ евангельемъ, служить,
Какъ заповѣдь Христова указуетъ,
И быть тебѣ подъ царскою рукой.
И нынѣ слышимъ мы, что ты, Хмельницкій,
Не царскому величеству радѣешь,
А князю седмиградскому; и хуже
Еще того, со шведскимъ королемъ,
Злымъ нашимъ ворогомъ, затѣялъ дружбу
И польскіе ему воюешь города.
А ты, Хмельницкій, вспомнилъ бы присягу,
Да милость царскую, да истинную вѣру,
И сталъ бы лучше *намъ* добра желать,
Чѣмъ помогать еретикамъ-кальвинамъ...

Digitized by Google

Хмельницкій (въ продолженіи этой рѣчи показывавшій знаки нетерпѣнія, привстаетъ и съ гнѣвомъ перебиваетъ его).

Постой, бояринъ, и того ужь много....
Завелъ я дружбу съ шведскимъ королемъ?
Да знаешь ли, бояринъ, что шесть лѣтъ
Я съ нимъ ужь друженъ? Крѣпче дружба шведа,
Чѣмъ побратимство съ вами! Шведы—люди
Правдивые: они хранить умѣютъ
На дѣлѣ—и пріязнь и обѣщанья,
А вы.... ты думаешь, что мы не знаемъ,
Что вы изъ Вильна дватцать тысячъ ратныхъ
Послали къ полякамъ? А такъ ли я,
Еще не бывши подданнымъ, служилъ
Царю единовѣрному? Не я ли
Васъ десять лѣтъ оберегалъ отъ крымцевъ,
А и поганыхъ-то умѣлъ заставить
Сражаться на защиту православья?
Гдѣ-жь милость царская? Аль въ томъ, что вы опять
Съ ляхомъ братаетесь и Украину,
Единокровную, предать ему хотите?
Ну что-жь! Что царь рѣшилъ, пусть такъ оно и будетъ,
Какъ волитъ царь.... но только то мнѣ въ диво,
Что ничего-то путнаго *бояре*
Ему не присовѣтуютъ! Неужто
И вправду вы повѣрили, что Польша
Вамъ поднесетъ корону? Съ ней-то вы
Еще не кончили, а ужь ввязались
Въ войну со шведами! Что, еслибъ я
Съ сосѣдями да не устроилъ мира?
Тогда-бъ со всѣхъ сторонъ они ордой
На бѣдную Вкраину налетѣли,
И предали-бъ огню все да мечу:
И сказку-бъ мы опять услышали одну,
Что русскія войска шли, шли—да не поспѣли!

Въ изнеможеніи падаетъ на подушки.

Вутурлинъ (съ покойнымъ достоинствомъ)

Стыдися, гетманъ! Эта-ль рѣчь пристойна
Передъ посольствомъ царскимъ? Стыдно, гетманъ!
Ты ослѣпленъ неправдой! Зналъ ты, гетманъ,

*

Digitized by Google

Что шведы намъ—заклятые враги:
Такъ для чего же ворогамъ ты нашимъ
Варшаву отдалъ, да и наши церкви
Дозволилъ осквернять еретикамъ?
Да гдѣ-жь твоя защита православью?
Убойся гнѣва Божьяго! Того ли
Ждалъ отъ тебя великій государь,
И такъ ли обращался ты съ послами.
Когда я самъ, по царскому указу,
Къ вамъ приводилъ московскіе полки?
Не насъ ли вы молили со слезами,
Чтобъ принялъ царь подъ крѣпкую васъ руку
И отъ враговъ державно свободилъ?
И внялъ онъ вамъ, и весь народъ московскій,
И дума земская васъ встрѣтили какъ братьевъ,
И кровью русскою—вамъ, русскимъ, поклонились.
И царская хоругвь васъ осѣнила,
И стали мы—одна уже семья!
Ты это позабылъ, Хмельницкій? Гдѣ-жь
Твоя присяга? Да вѣдь такъ, Хмельницкій,
Мѣняютъ только платье, а не слово!
Оставь свою гордыню. Не былъ ты
На думахъ царскихъ. Обо всѣхъ равно
Печется государь нашъ милосердый.
Не будьте только сами въ томъ помѣхой,
Да бросьте замыслы! А пуще, берегитесь
Злыхъ ляцкихъ смутъ. Коли ужь нѣтъ
Москвѣ отъ нихъ житья, то вамъ—тѣмъ паче.
Его величеству твоя извѣстна служба,
И не забыта имъ. Тебя и запорожцевъ
Онъ держитъ въ милости большой и чести,
Не мыслилъ отдавать Украйну Польшѣ
И ратныхъ посылать на васъ людей.

Хмельницкій (будучи тронутъ словами боярина).

На лайку *) слово сыщется, бояринъ!
Чѣмъ далѣ въ лѣсъ идти, тѣмъ больше дровъ,
А отъ сухихъ—горятъ ужь и сырыя.

---

*) **Лайка**—брань.

Digitized by Google

Я вѣрный подданный царю, и всѣ мы
Служить ему готовы, только-бъ онъ
Не отлучалъ насъ отъ руки своей высокой.
Я помню милости его и оборону
На Дрожиполѣ! Не душой—рѣчами
Я передъ нимъ неправъ. Недугъ тому виною,
Да и запальчивость. Быть можетъ, и тебя
Я чѣмъ обидѣлъ? Не взыщи, бояринъ!
Дай руку мнѣ: ты—честная душа,
И добрый царскому величеству сподручникъ.
Вотъ еслибъ козакомъ тебѣ родиться,
Такъ я послушалъ бы, какъ ты-бъ заговорилъ
Съ послами царскими! А дастъ Господь,
То все уладится; я обо всемъ размыслю
И вамъ отвѣчу. А теперь прошу
Мнѣ дать покой... Самъ видишь ты, мой любый,
Какъ изнемогъ я. Доложи царю,
Что я своей присяги не нарушу;
А пусть послалъ бы на своихъ враговъ—
Ляховъ, аль басурмановъ! Я-бъ сейчасъ
Поѣхалъ... да и гробъ свой взялъ съ собою,
Лишь онъ бы, государь, не покидалъ Вкраины
Своею ласкою! Пусть онъ ее жалѣетъ—
Хочь какъ пріемыша, не то что дочь.
Я-жь за него и тамъ молиться буду.
Теперь прошу, бояринъ, будь ты ласковъ,
Останься по-пріятельски откушать!
Съ меня же не взыщи... А нѣтъ, постой-ка:
Велитъ ли Богъ увидѣться?

(Подаетъ знакъ окружающимъ, которые помогаютъ ему встать, и, сдѣлавъ съ ихъ помощью нѣсколько шаговъ, беретъ только-что налитый виномъ и принесенный ему кубокъ)

Здоровье

Великаго царя и государя!

(Выпиваетъ. Его опять кладутъ на пододвинутую постель. Подавъ знакъ рукою)

Теперь несите!... Будь здоровъ, бояринъ!

Хмельницкаго уносятъ.

Digitized by Google

Вутурлинъ (Ганнѣ).

Эхъ, пани! Славный у тебя Богданъ-то!
Не даромъ же вы любите его!

ПОСЛѢДНЯЯ РАДА.

Площадь передъ домомъ Хмельницкаго въ Чигиринѣ. Посреди ея, ближе къ переднему плану, круглое возвышеніе, приготовленное для выхода гетмана; впереди, за боковымъ выступомъ дома, отдыхаетъ на камнѣ чешскій братъ; неподалеку сидитъ кобзарь со джурою позади; тутъ же пріютилось нѣсколько поселянъ и въ числѣ ихъ, старикъ съ 17-ти лѣтнимъ хлопцемъ внукомъ, и слободской казакъ. На площади, передъ домомъ, безпрестанно прибываетъ народъ, уступая передніи мѣста приходящимъ на раду генеральнымъ и полковымъ старшинамъ, сотникамъ и выборнымъ отъ украинцевъ и запорожцевъ. Слышенъ въ толпѣ тихій говоръ.

Старикъ, (выставляя внука впереди себя).

Стань, хлопецъ, тутъ; отсель тебѣ виднѣе.
Посмотришь гетмана, такъ мнѣ раскажешь:
А я ужь плохо вижу. Знать, лѣтъ десять
Тому назадъ, я провожалъ Богдана
На вольный шляхъ по Чортову-Болоту,
Какъ догонялъ его злодѣй Потоцкій.
А послѣ-жь и еще его я видѣлъ,
Какъ ханъ его, поганецъ, обманулъ;
Насъ, гаспидъ, подъ Берестечкомъ покинулъ
И вдалъ ляхамъ на смертную погибель.
Боялся, вражій сынъ, чтобъ больно много
Мы не забрали силы. А гетмана,
Какъ тотъ пришелъ о помощи просить,
Взялъ въ плѣнъ да заковалъ въ желѣза,
Да и увелъ, чтобъ онъ не ухитрился
Разбить ляховъ. Пропало наше войско,
Корогвы *), бунчуки, казна, гарматы **),
Пошло все къ бису! Тутъ ужь вражій ханъ
Съ Хмельницкаго взялъ выкупъ, да пустилъ
На всѣ четыре стороны, сердегу,
Безъ войска, безъ гарматъ и безъ казны!

---

*) Корогвы—хоругви, знамена.
**) Гарматы—пушки.

Digitized by Google

А онъ и тутъ бѣдѣ не поклонился,
Да насъ же вызволять сталъ изъ бѣды.
Вотъ то ужь молодецъ-то былъ удалый!
Орелъ—та й годи! Може, и теперь
Таковъ же.

Хлопецъ.

Да и я, дидусю, видѣлъ
Богдана-то! Ей-Богу же!... Я былъ
Еще мальчишкомъ: вотъ гребемъ мы сѣно,
А онъ и шасть на ворономъ конѣ!
Сошелъ—да къ намъ! «Богъ въ помочь, молъ, вамъ, хлопцы!»
А мы въ отвѣтъ: «Бывай здоровъ, нашъ батьку!»
Такъ вотъ же всѣхъ зазвалъ къ себѣ на хуторъ
Горилку пить!

Слободской казакъ (посмотрѣвъ внимательно на хлопца).

А не тебя-ль, землякъ,
Ляхомъ, жидомъ, да татарвой стращали?

Хлопецъ.

Меня, меня! Я, дядечьку, и самъ
Спозналъ васъ.

Слободской казакъ.

А теперь что-ль не боишься?

Хлопецъ.

Чего бояться! Говорятъ, они
На насъ теперь и гукнуть-то не смѣютъ.

Старикъ (слободскому казаку).

А будьте ласковы, скажите, пане,
Коль знаете, что будетъ здѣсь на радѣ?

Слободской казакъ.

Не знаю, дидиньку! Я съ слободщины
Сейчасъ пріѣхалъ.

Старикъ.

Хорошо-ль у васъ?

Слободской казакъ.

Да такъ, что дай Господь царю здоровья!
Слободская—вѣдь вольная Украйна:
Не знаетъ панщины, свои порядки держитъ,

Digitized by Google

Подвластна лишь царю. Вотъ пять ужь лѣтъ
Мы тамъ живемъ. Что видѣли, то знаемъ,
А тамъ что будетъ.

Старикъ.

Отъ чего же, пане,
Такъ шибко насъ стращаютъ москалями?

Слоб. казакъ.

А Богъ ихъ вѣсть! Брехни тутъ всякой много,
Да ляцкихъ смутъ; а можетъ, подошелъ
Й свой тутъ грѣхъ. Вѣдь и у васъ не больно
Порядку-то!

Хорунжій водружаетъ надъ гетманскимъ мѣстомъ войсковое знамя, пожалованное царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

Одинъ изъ полковниковъ (обращаясь къ народу и махая булавою).

Молчите же, панове!
Сейчасъ выходитъ гетманъ.

Говоръ мгновенно утихаетъ. Изъ дома выходятъ Иванъ Виговскій съ нѣсколькими старшинами, выборными и полковниками, которые вмѣстѣ съ находившимися на площади становятся около круга. Двое ведутъ подъ руки гетмана, смертельно изнуреннаго болѣзнію и блѣднаго; онъ приближается очень медленно, едва переступая отъ слабости съ ноги на ногу; джуры несутъ за нимъ гетманскіе клейноды. При появленіи гетмана всѣ снимаютъ шапки и кланяются ему; народъ, увидавъ происшедшую въ немъ перемѣну, пораженъ удивленіемъ и горестью. Пока его ведутъ, происходитъ слѣдующій разговоръ въ полголоса.

Слоб. казакъ (старику).

Диду, диду!
Неужто это гетманъ? Ахъ, сердечный!
Вѣдь краше въ гробъ кладутъ!

Старикъ.

Что-жь дѣлать, пане,
Придетъ пора, и мы туда-жь поляжемъ
На долгій срокъ.

Кобзарь.

Ни, не умретъ нашъ гетманъ!
Сотлѣютъ развѣ кости. Громко слава

Digitized by Google

О немъ разсыплется по всей землѣ широкой —
И не загинуть ей, покамѣсть солнце свѣтитъ,
И на землѣ есть правдѣ уголокъ.
Мы, старики, о немъ раскажемъ дѣтямъ,
А дѣти — внукамъ.

Слоб. казакъ.

Погоди, панове!
Онъ хочетъ рѣчь держать.

Хмельницкій, по приходѣ на свое мѣсто, снимаетъ шапку и отдаетъ ее джурѣ, а отъ него беретъ гетманскую булаву. Голосъ у него еще силенъ и звученъ и ослабѣваетъ только время отъ времени.

Хмельницкій (поклонившись народу).

Панове братья!
Извѣстно вамъ, какое угнетенье
Отъ лящины терпѣли мы съ народомъ,
И какъ восточная, святая наша церковь
Стонала и слезами обливалась,
Не находя, куда ужь ей дѣваться
Отъ вороговъ. Но Богъ премилосердый,
Какъ древняго Израиля въ Египтѣ,
Отъ ляцкаго ярма насъ свободилъ
И вѣру нашу славно возвеличилъ.
Товарищи любезные! Знать, Богу
Угодно было то, чтобъ это дѣло
Свершилось вашимъ подвигомъ кровавымъ
И вашимъ мужествомъ; а мнѣ въ то время —
Надъ вами быть вождемъ. Мы десять лѣтъ
Трудились надъ великимъ дѣломъ вмѣстѣ,
Ни нашихъ силъ, ни жизни не жалѣли;
Теперь же, милые, смотрите сами:
По волѣ моего Создателя, меня
И старость, и недуги одолѣли,
И съ вами мнѣ травы ужь не топтать....
Схожу въ могилу, братья! А спасибо-жь вамъ,
Честное лыцарство, за честь и ласку,
Что выбрали меня своимъ гетманомъ;
За вѣрность, храбрость въ тридцати пяти
Бояхъ кровавыхъ; твердость въ неудачахъ,
А болѣе—за братское у васъ

Digitized by Google

Единодушіе къ спасенію отчизны!
Возмите-жь отъ меня теперь хоругви,
Бунчукъ и булаву, и все, что мнѣ давало
Надъ вами власть, да изъ себя самихъ
Другого для себя гетмана изберите.
Меня же, братья милые, коль я,
По немощи, кого нибудь обидѣлъ,
Иль погрѣшилъ предъ кѣмъ, простите христіански!

Низко кланяется народу, который до сей поры стоялъ какъ ошеломленный, но въ эту минуту съ трудомъ удерживается отъ рыданій.

Хмельницкій (проводя по глазамъ рукою, снова подаетъ знакъ ко вниманію).

А Богъ вѣсть, братья, чье это несчастье,
Что не далъ мнѣ Господь войну покончить,
Какъ мнѣ хотѣлось бы. Неудалось за вами
Свободу утвердить навѣки; оторвать
Отъ Польши всю святую нашу Русь,
Что ополячила проклятая унія,
И преклонить ее, какъ древнее наслѣдье
Княженій русскихъ, подъ державный скипетръ
Могучаго, законнаго владыки,
Царя единаго всей Руси православной.
Знать, Господу то не было угодно,
Чтобъ нами довершилось это дѣло;
И умирать мнѣ—жалко. Не сгадаешь,
Чѣмъ кончится все это безъ меня.

(Съ видимымъ безпокойствомъ)

Прошу васъ, братья! Изберите вольно
Сейчасъ, при мнѣ же, новаго гетмана,
Чтобы спокойнѣй мнѣ въ могилу лечь....

(Глубокое молчаніе)

Я, дѣтки, вамъ напомню, что межь васъ
Есть мудрые и опытные люди.
Вотъ хоть бы кіевскій полковникъ, иль полтавскій,
Тетеря, Пушкаренко, иль Виговскій,—
Тотъ самый, что при мнѣ. Его я прочилъ
Себѣ въ преемники.

Казаки и выборные, потолковавши между собою, высылаютъ впередъ вмѣсто себя Тетерю).

Digitized by Google

Тетеря (выступивъ впередъ).

Нѣтъ, нѣтъ, Богданъ!
За славныя твои заслуги предъ отчизной,
За всѣ твои великіе труды,
За разумъ и за мужество, съ которымъ
Ты выбилъ насъ изъ-подъ неволи,
Пускай же гетманъ будетъ сынъ твой, Юрій;
А мы себѣ другого не хотимъ

Виговскій, не участвовавшій въ радѣ, незамѣтно исчезаетъ въ толпѣ.

Хмельницкій (съ чувствомъ).

Спасибо, милые! Я вѣрю, что меня
Вы любите; да Юрію нельзя
Быть вашимъ гетманомъ. Опасно наше время,
А онъ—дитя. Тутъ нуженъ мужъ совѣта
И опыта. Пусть Юрій послужилъ бы
Сперва въ войскахъ: такъ вы его и тамъ,
На память обо мнѣ, найдете лаской.

Пушкаренко.

Не ты, Богданъ, а рада присудила
Быть этому. Мы Юрья окружимъ
Совѣтомъ да заботой. Намъ вѣдь легче,
Что будетъ гетманомъ у насъ Хмельницкій;
Его полюбимъ мы, ему и станемъ
Повиноваться, и тебя, нашъ любый батьку,
Что день, то будемъ вмѣстѣ вспоминать.

Хмельницкій (подумавъ).

Что-жь, коли такъ, то пусть оно и будетъ.
Судъ рады—нашъ законъ. Хмельницкій Юрій
Теперь вашъ гетманъ.

(Принявъ отъ джуръ булаву, мечъ и войсковую печать, передаетъ ихъ Юрію).

Подойди, мой сынъ!
Пріими со страхомъ эти ты клейноды,
А вы его прикройте бунчуками.
Здоровъ будь, новый гетманъ!

Юрій, поцѣловавъ у отца руку, принимаетъ отъ него знаки гетманскаго достоинства; его осѣняютъ бунчуками и знаменами и, по украинскому обычаю, покры-

Digitized by Google

ваютъ шапками; гетманскій довбишъ ударяетъ въ литавры и вмѣстѣ съ гетманскими джурами становится позади Юрія; нѣкоторые стрѣляютъ изъ пистолетовъ и ружей; Юрій кланяется громадѣ; полковики подходятъ и поздравляютъ его.

Тетеря.

Дай же Богъ
При молодомъ жить гетманѣ, какъ жили
При старомъ.

Богунъ.

Да хлѣбъ-соль его намъ кушать,
Да бить татаръ!

Адамовичъ.

Да добывать себѣ
Корыстей царскихъ, да козацкой славы!

Въ народѣ замѣтно какое-то волненіе; сквозь толпу пробивается Иванъ Виговскій, а за нимъ казакъ.

Виговскій (обращаясь къ Богдану Хмельницкому и показывая на казака).

Гонецъ съ Лимана! Говоритъ, что къ намъ
Нахлынула орда; за нею слѣдомъ
Валятъ изъ Крыма новые загоны,
И села жгутъ, и нашихъ въ плѣнъ уводятъ.
Какъ приказать изволишь?

Хмельницкій (показавъ на Юрія).

Новый гетманъ
Сейчасъ туда отправится. Онъ долженъ
Намъ доказать, что былъ не даромъ избранъ;
Что для него отечество дороже
Всего на свѣтѣ. Поѣзжай, мой сынъ!
Возьми съ собой въ совѣтчики Богуна;
Не мѣшкай ни минуты. Подойди
Теперь со мной проститься. Какъ вернешься,
То вѣрно ужь меня и не застанешь.
Не возгордись, мой сынъ, своимъ господствомъ!
Чти старшихъ; на подвластныхъ, свыше силъ,
Не налагай трудовъ; не льни къ богатымъ,
Не презирай убогихъ; всѣхъ равно люби!
Имѣй страхъ Божій непрестанно въ сердцѣ,

Digitized by Google

Да заповѣди всѣ Его блюдешь,
И не нарушишь вѣрность государю,
Его пресвѣтлому величеству, какъ я,
Разъ присягнулъ—и до послѣднихъ дней
Ему остался вѣренъ. Если-жь ты
Не соблюдешь того, да соберетъ Господь
То лихо, что другимъ ты приготовилъ,
И обратитъ отъ нихъ на голову твою....
Ступай же съ Богомъ! Обойми меня!

Юрій прощается съ отцомъ и уходитъ въ сопровожденіи Богуна.

Хмельницкій (замѣтно ослабѣвая).

Храни его Господь!... Теперь и съ вами
Я, милые, прощаюсь. Притомился!
Совсѣмъ нѣтъ силъ... Спасибо вамъ, громадо,
На ласкѣ и на всякомъ добромъ словѣ!
Блюдите, дѣтки, навсегда въ себѣ
Единомысліе, да братство, да любовь,
И Хмеля стараго—не поминайте лихомъ!

(Кланяется всей громадѣ и направляется къ дому; но вдругъ, встрѣтившись глазами съ чешскимъ братомъ, останавливается, узнаетъ его и, выпрямившись во весь ростъ, громко говоритъ ему съ радостнымъ волненіемъ)

А! это ты, мой чехъ? Пришелъ со мной
Проститься? Ты не гнѣвенъ? На меня
Глядишь ты ласково?

Чешскій братъ.

Христосъ съ тобой, Богданъ!
Когда увидишь славныхъ нашихъ чеховъ,
Всѣмъ имъ поклонъ отъ чешскаго народа!
Да приготовь мнѣ мѣсто!

Хмельницкій (дѣлая головою утвердительный знакъ).

Добре! Добре!

Быстро удаляется, никѣмъ не поддерживаемый.

Digitized by Google

СМЕРТЬ ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Та же площадь у дома Хмельницкаго, но безъ возвышенія; она полна народомъ всѣхъ сословій, между которымъ замѣтно соблюдается тишина; всеобщее вниманіе обращено на домъ Хмельницкаго; нѣкоторые расположились отдыхать на камняхъ, приступкахъ и выступахъ противулежащаго крыльца и дома; въ числѣ такихъ, нѣсколько поодаль, и чешскій братъ. Вновь приходящія лица пробираются сквозь толпу и становятся впереди неподалеку отъ чешскаго брата. Слѣдующій разговоръ идетъ почти въ полголоса.

Одинъ изъ новоприбывшихъ (обращаясь къ стоящимъ возлѣ него).

Что батько нашъ?

Церковникъ.

Да слышно, что совсѣмъ
Кончается. Девятый день сегодня,
Какъ онъ себя готовитъ къ домовинѣ;
Весь Господу предался; безотлучно
При немъ черниговскій владыка, Лазарь.
А хоронить себя велитъ не въ Чигиринѣ,
А въ хуторѣ Суботовѣ и въ церкви,
Что онъ же выстроилъ.

Пока церковникъ (дьячекъ) говорилъ, около него уже кружокъ.

Одинъ изъ горожанъ.

А для чего же
Онъ, дядечьку, не захотѣлъ у насъ
Похорониться?

Церковникъ.

Говоритъ, что долго
Былъ Чигиринъ подъ властью у враговъ
Народа русскаго. Хочу, молъ, я лежать
Въ Суботовѣ, что будетъ мнѣ свидѣтель
Неправды и неслыханныхъ злодѣйствъ
Правленья ляцкаго. Да изъ него же
Загомонилъ погромъ, который напослѣдокъ
Отъ лящины освободилъ Вкраину.

Одинъ изъ толпы.

А будьте-жь ласковы, скажите, пане,
Что новый гетманъ?

Digitized by Google

Церковникъ.

А какой же онъ
Намъ гетманъ?... Недоростокъ, молодь;
Куда ему! У насъ иные слухи,
Да говорить неловко. Наша хата съ краю.
А можетъ и брехня!

Голосъ изъ толпы.

А ну-те, ну-те,
Скажите, панычу, чего оно такое,
Что говорить нельзя?

Церковникъ (недовѣрчиво оглядываясь).

Да вотъ болтаютъ,
Что будто бы Виговскій, цуръ ему,
Хмельниченка пошлетъ съ указкой въ Кіевъ,
А у себя оставитъ булаву.
Измѣнитъ, вражій сынъ! Опять въ неволю
Ляхамъ отдастъ, тогда и царь, пожалуй,
Отъ насъ отступится.

Чешскій братъ.

А кто же можетъ
Принудить васъ къ измѣнѣ?

Вниманіе кружка переходитъ къ чеху.

Церковникъ.

Эвва, кто!
А палы, а кіи-то, а веревки?
Козакъ—козакъ, а все таки-жь не камень,
А человѣкъ. Никто себѣ не врагъ.

Чешскій братъ.

А сабли гдѣ? А копья да мушкеты?
Умѣли отъ враговъ оборониться—
Умѣйте и присягу отстоять!

Церковникъ (вкрадчиво).

Э, пане! Да не тотъ у насъ народъ,
Каковъ былъ прежде! Яну Казимиру
Вѣдь измѣнили же! Да и москаль,
Хочь другъ-то другъ, а ужь куда съ зубами!

Digitized by Google

Чешскій братъ (встаетъ и, сдѣлавши впередъ нѣсколько шаговъ, говоритъ громко. Около него мало по малу собирается народъ).

Послушайте меня, честные братья!
Не на добро вамъ этакъ говорить,
Не на добро и слушать. Короля-то
И нѣтъ у Польши. Въ ней живетъ лишь панство,
Да ксендзъ, да жидъ, а самъ король—мертвецъ:
А мертвецу—не можетъ быть присяги,
И безъ хозяина семьѣ не устоять.
Не даромъ батько вашъ съ Ракочіемъ да шведомъ
Хотѣли подѣлить между собою Польшу,
Какъ дѣлятъ хламъ, что въ домѣ остается
Послѣ покойника: и рано-ль, поздно-ль,
А ей такой судьбы не миновать.
Хочь воля, братья,—другъ у всѣхъ народовъ,
Да своеволье—врагъ. Московскіе порядки
Вамъ нелюбы: что-жь дѣлать, потерпите:
Бывалъ я на Москвѣ, такъ приглядѣлся...
А все-жь-таки присяги не рушите!
Вамъ батько завѣщалъ, чтобы вы вѣрность
Къ царю единовѣрному хранили,
А видѣлъ онъ—куда какъ далеко!
А дрязги съ москалями—пусть ужь будутъ
Однѣ семейныя; а то вѣдь васъ
Скорѣй, чѣмъ Польшу, разнесутъ по клочьямъ.
Не вѣрьте, братья, всякимъ вражьимъ смутамъ;
Братайтесь съ москалями; снисходите
Въ любви другъ другу и, храни васъ Богъ,
Вражды къ единокровнымъ не питайте.
Придетъ пора, привыкните къ порядку,
И миръ на Украинѣ водворится.
А тутъ ужь и Москва сама увидитъ,
Что въ ней не такъ, и вы...

Въ эту минуту изъ дома Хмельницкаго выбѣгаетъ безъ шапки Иванъ Чорнота и, закрывая лицо руками, пробивается сквозь толпу и уходитъ со сцены. Народъ начинаетъ волноваться; нѣкоторые порываются къ дому Хмельницкаго, но задніе ихъ удерживаютъ. Изъ дома выбѣгаетъ Маруся; лицо ея блѣдно, глаза заплаканы, одежда и волосы въ безпорядкѣ.

Digitized by Google

Маруся (сквозь слезы).

Ой, дитки! Меркнетъ наше солнце!
Забушевали вѣтры, словно въ осень,
Холодные, да буйные!

(Подойдя къ казаку, беретъ его за руку)

Чего,
Козакъ, ты смотришь?

(Показываетъ на домъ)

Тамъ вѣдь онъ!
Заснулъ, быть можетъ! А и сны-то, сны—
Все видитъ золотые! Намъ-то, горькимъ,
Что дѣлать тутъ? Ой, батьку, батьку!
Голубоньки мои! Сердечные! Какъ быть-то?
Нѣтъ! Нѣтъ! Я не останусь здѣсь... Пустите!

Скрывается въ толпѣ. Раздается выстрѣлъ изъ ломовой пушки и затѣмъ ударъ въ большой колоколъ; надъ домомъ Хмельницкаго выбрасывается черный флагъ. Голосъ народа сливается въ одинъ потрясающій крикъ.

Чешскій братъ (выступивъ впередъ и преклонивъ колѣни).

Помолимся, православные братья, о душѣ Богдана.

Слышны рыданія.

Н. Маклаковъ.

Digitized by Google

ОПЯТЬ НА РОДИНѢ.

Мнѣ знакомы эти вольныя поля,
Гдѣ мой взоръ теряется въ просторѣ,
Гдѣ вдали, синѣя точно море,
Съ небомъ божіимъ сливается земля....

Мнѣ знакомы этихъ пѣсень голоса,
Съ ихъ отвагою, иль горькою тоскою....
Наша степь отъ звуковъ ихъ дрожитъ порою,
И колышатся дремучіе лѣса!

—

Знакома мнѣ и ты, рабочая пора,
И ты, народъ, надъ жнивою согбенный....
Пусть Богъ благословитъ твой трудъ священный!
Пусть не страшитъ тебя полдневная жара!

Хоть душенъ онъ, палящій этотъ зной,
Но онъ насталъ предъ божьею грозою....
Ударитъ громъ—и свѣжею струею
Прольется дождь на край родимый мой....

Ив. Якунинъ.

Digitized by Google

ВЪ ЧЕМЪ МЫ ВСЕГО БОЛѢЕ НУЖДАЕМСЯ?

Да въ чемъ мы не нуждаемся?

Мы нуждаемся въ хорошихъ судьяхъ, распорядителяхъ, финансистахъ, повѣренныхъ, инженерахъ, учителяхъ, сельскихъ хозяевахъ, мастеровыхъ, рабочихъ и пр. и пр.

Мы нуждаемся въ хорошихъ книгахъ, журналахъ, газетахъ; въ хорошихъ университетахъ, гимназіяхъ, городскихъ и сельскихъ народныхъ школахъ и пр. и пр.

Мы нуждаемя въ желѣзныхъ, шоссейныхъ и сносныхъ проселочныхъ дорогахъ, въ исправныхъ мостахъ, въ безопасныхъ переправахъ, въ удобопроѣзжихъ гатяхъ и пр. и пр.

Мы нуждаемся въ живыхъ, дѣятельныхъ и особенно дѣльныхъ обществахъ: ученыхъ, литературныхъ, сельско-хозяйственныхъ, техническихъ и другихъ.

Мы нуждаемся ..... да, мы нуждаемся въ весьма и весьма многомъ; но болѣе всего нуждаемся мы—*въ правдѣ*. Эта нужда у насъ самая общая, самая настоятельная, самая коренная, самая, такъ сказать, жгучая.

Нельзя не сознаться, что у насъ крайне мало правды и въ офиціальныхъ бумагахъ, и въ журнальныхъ статьяхъ, и въ смѣтахъ и отчетахъ всякаго рода и званія, и въ рѣчахъ, публично произносимыхъ, и въ словахъ даже часто говоримыхъ, и во всякихъ нашихъ дѣйствіяхъ, и во всей нашей обстановкѣ,— однимъ словомъ, почти вездѣ и почти во всемъ. Особенно грустно то, что съ этимъ положеніемъ мы почти свыклись, не особенно имъ тяготимся; что отсутствіе во всемъ правды считаемъ

Digitized by Google

явленіемъ хотя и прискорбнымъ, однако какъ будто законнымъ, неизбѣжнымъ; и что изъ того, что̀ мы видимъ, слышимъ, или читаемъ,—мы, по большей части, стараемся извлекать или понимать не то, что прямо высказывается, или выказывается, а то, что утаивается, или прикрывается... Нужно ли доказывать справедливость сказаннаго? Сто́итъ хоть сколько нибудь всмотрѣться въ нашъ бытъ частный, общественный, церковный и государственный,—и всякое могущее по сему возникнуть сомнѣніе мгновенно изчезаетъ.

Въ частныхъ отношеніяхъ, мы безпрестанно увѣряемъ другихъ въ нашемъ къ нимъ расположеніи, уваженіи, преданности и пр., хотя мы или вовсе такихъ чувствъ къ нимъ не ощущаемъ, или ощущаемъ ихъ въ весьма скромныхъ размѣрахъ. Это, пожалуй, бездѣлицы, обычаемъ установленные пріемы и слова; но отъ этихъ бездѣлицъ мы нечувствительно переходимъ и къ болѣе существенному. Мы посѣщаемъ, не по необходимости, а по нашему изволенію, людей недостойныхъ уваженія; мы съ ними сходимся, свыкаемся, даже дружимся; и этимъ мы уничтожаемъ возможность общественной кары противъ лицъ, ея заслуживающихъ. Это уже не бездѣлица, но мы идемъ еще дальше,—мы становимся и къ себѣ черезчуръ снисходительными: ложь, выказываніе себя въ иномъ, а не въ настоящемъ видѣ. прикрываніе своихъ дурныхъ побужденій громкими заявленіями о гуманности, либерализмѣ или консерваторствѣ, даже, въ крайнихъ случаяхъ, клеветы, и пр.—суть средства, которыми мы не всегда брезгаемъ. Живемъ мы, по большей части, не по своимъ средствамъ, или изъ тщеславія—чтобы казаться болѣе достаточными, чѣмъ мы дѣйствительно состоимъ, или изъ видовъ на легковѣріе и карманъ другихъ. На поприщѣ промышленности и торговли много ли людей, которые ведутъ свои дѣла безобманно и считаютъ безчестнымъ надувать своихъ покупателей, продавцовъ, рабочихъ и пр.? А послѣдніе, въ свою очередь, развѣ не ищутъ обманывать своихъ хозяевъ, забирать у нихъ впередъ побольше денегъ и затѣмъ или отъ нихъ уходятъ, или имъ служатъ такъ, чтобы быть ими прогнанными? Въ сельскомъ быту также развѣ естественны и правильны отношенія, установившіяся между землевладѣльцами и крестьянами, а равно между хозяевами, служащими и рабочими?—Нѣтъ, почти вездѣ ложь и обманъ, и почти нигдѣ правда не лежитъ въ основѣ существующихъ между людьми отношеній. Всего грустнѣе то, что въ од-

Digitized by Google

номъ дѣлѣ, гдѣ правда особенно необходима и гдѣ ея отсутствіе гибельно дѣйствуетъ не на одно настоящее, но и на будущее, т. е., въ дѣлѣ воспитанія, мы особенно мало о ней заботимся. Хлопочемъ ли мы о внушеніи нашимъ питомцамъ презрѣнія и ужаса ко лжи? Стараемся ли мы образовать изъ нихъ людей правдивыхъ, готовыхъ скорѣе терпѣть за истину, чѣмъ пользоваться выгодами, обѣщаемыми ложью? Нѣтъ! Мы, говоря вообще, заботимся только о томъ, чтобы изъ дѣтей нашихъ, или намъ ввѣренныхъ выходили люди благоприличные, къ службѣ пригодные и могущіе сдѣлать «карьеру».

Въ общественномъ нашемъ быту дѣло обстоитъ не лучше, если еще не хуже, чѣмъ въ частномъ быту. Наше общественное по преимуществу дѣло есть, конечно,—земское. Стоитъ ли оно на такой почвѣ, на которой можно бы было дѣйствовать прямо, искренне и самостоятельно? Къ сожалѣнію, отвѣтъ долженъ быть отрицательный. Въ самомъ «Положеніи о земскимъ учрежденіяхъ» заключаются такія статьи, которыя, противорѣча одна другой, возбуждаютъ со стороны и земства, и разныхъ сословій, и администраціи—препирательства, столкновенія, обходы закона и пр. Такъ ст. 6-я «Положенія» предоставляетъ земскимъ учрежденіямъ дѣятельность самостоятельную; но статьею 43-ю предсѣдательство въ земскимъ собраніяхъ предоставлено предводителю дворянства, т. е., избраннику такого сословія, которое даже не составляетъ части земства *). Предсѣдатель вездѣ имѣетъ вліяніе на ходъ дѣлъ въ собраніи; но у насъ это вліяніе превращается въ командованіе. Въ 1867 году 13 іюня, права предсѣдателей всѣхъ совѣщательныхъ собраній были до того расширены, что самостоятельность членовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самихъ собраній, можетъ считаться какъ-бы вовсе отмѣненною.—Статьи 90-я и 91-я «Положенія» опредѣляютъ случаи вмѣшательства начальниковъ губерній въ дѣла земства и степень ихъ власти по этой части; но на практикѣ, на основаніи разныхъ офиціальныхъ разъясненій, устроилось дѣло много иначе. Губернаторы стали изъявлять свое согласіе или несогласіе на всѣ постановленія земскихъ собраній, основываясь на статьѣ 9-й «Положенія», и они

*) Земство составляется изъ землевладѣльцевъ, крестьянскихъ и городскихъ обществъ. Дворяне входятъ въ составъ земства не какъ дворяне, а какъ землевладѣльцы; слѣдовательно, дворянство не есть одна изъ составныхъ частей земства.

Digitized by Google

распространили дѣйствіе ст. 7-й на постановленія о ходатайствахъ, какъ будто ходатайствами можетъ быть нарушенъ кругъ дѣйствія какого либо правительственнаго, сословнаго или общественнаго учрежденія.—Вначалѣ гласность по земскимъ дѣламъ ничѣмъ не была ограничена, а потому отчеты о дѣйствіяхъ и преніяхъ въ земскихъ собраніяхъ печатались и особо, подъ отвѣтственностію предсѣдателей управъ, и въ журналахъ, подъ отвѣтственностію ихъ издателей. Журналистика и общественное мнѣніе взялись съ жаромъ за земское дѣло, и жизнь было закипѣла въ этой области; но 13 іюня 1867 г. издано узаконеніе, въ силу коего состоявшіяся въ земскихъ, дворянскихъ и городскихъ общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ постановленія, отчеты о засѣданіяхъ и пр., а равно предшествовавшія имъ сужденія, пренія и рѣчи, *печатаются не иначе, какъ съ разрѣшенія мѣстнаго губернскаго начальства.* Съ этого времени смолкли корреспонденты, перестали появляться въ повременныхъ изданіяхъ отчеты о засѣданіяхъ, утратили свое значеніе изданія земскихъ управъ, какъ прошедшія чрезъ цензуру мѣстной административной власти,—и земское дѣло перестало быть живымъ общественнымъ дѣломъ. Гласные стали все менѣе и менѣе являться въ собранія; предложенія, въ нихъ дѣлаемыя, начали облекаться въ несвойственныя земскому дѣлу формы, и изъ возбуждавшихся въ земствѣ вопросовъ многіе или устранялись властію предсѣдателей, или разрѣшались на подобіе бюрократичной очистки нумеровъ. Очевидно, что власть осталась тамъ, гдѣ была и прежде, и что земское устройство превращается все болѣе и болѣе въ мнимо-общественное устройство. Наконецъ, положеніемъ комитета министровъ, Высочайше утвержденнымъ 9 сентября 1869 года, земскія учрежденія признаны частными учрежденіями. При такомъ положеніи дѣлъ, можетъ ли правда, живоносная правда, быть душою земской дѣятельности и служить ей твердою почвой?

Нельзя не сказать, что, по одной части, общественная наша дѣятельность находится въ положеніи нѣсколько удовлетворительномъ. Всякій, конечно, догадается, что подъ этой частью мы разумѣемъ наше новое судебное устройство. Оно представляетъ какъ-бы исключеніе изъ общаго правила, какъ-бы оазисъ посреди песчаной пустыни нашего общественнаго быта. Судебные уставы 1864 года пропитаны одною общею мыслію и ведутъ къ одной положительно опредѣленной цѣли; а потому введеніе въ дѣйствіе

Digitized by Google

какъ общихъ судовъ, такъ въ особенности мировыхъ учрежденій, совершилось у насъ такъ легко и успѣшно, какъ будто возстановлялось что-то старое, всѣмъ знакомое, и послѣдствія этого преобразованія превзошли даже ожиданія людей, нелицемѣрно къ нимъ расположенныхъ и много на нихъ надѣявшихся. Здѣсь какъ-бы впервые, послѣ продолжительнаго молчанія, на русской землѣ правда могла высказаться и вполнѣ и безъ обиняковъ. Честь и слава касаціоннымъ департаментамъ сената, сильно содѣйствовавшимъ къ тому, чтобы законъ сталъ правдою между нами и чтобы онъ приложенъ былъ къ дѣлу вѣрно, и по буквѣ и по общему его духу. Искренняя благодарность большинству мировыхъ судей, усвоившихъ себѣ правильный взглядъ и на законъ и на правосудіе по совѣсти, и тѣмъ пріобрѣтшихъ мировому суду общее уваженіе въ народѣ. Но нельзя не сказать, что безпрестанно распространяемые изъ Петербурга слухи о предстоящихъ по этой части измѣненіяхъ тревожатъ весь русскій людъ и неблагопріятно дѣйствуютъ на самихъ судей и на ихъ дѣятельность. Неужели и эта область, неожиданно доставшаяся правдѣ, будетъ отъ нея отнята?—Нѣтъ! Мы питаемъ твердую надежду, что тотъ, кто даровалъ намъ судъ гласный и самостоятельный, не допуститъ его искаженія; что, чрезъ правосудіе, войдетъ правда въ русскую жизнь, и что судъ будетъ школою, въ которой разовьются чувство и смыслъ правды въ русскомъ человѣкѣ.

Общественная наша дѣятельность по части промышленности и торговли безобразна до высшей степени. Образуются общества, открываются банки, и городскіе и частные, предпринимаются желѣзно-дорожныя сооруженія, оживляются наши биржи и проч., и все это совершается въ такомъ видѣ, что не можетъ тому радоваться добросовѣстный русскій человѣкъ. Большая часть обществъ ведутъ свое дѣло такъ, что счастливъ тотъ, кто въ нихъ не участвуетъ. Конечно, есть у насъ банки, которые дѣйствуютъ и осторожно и честно; но тѣ изъ нихъ, которые наполняютъ своею славою русскую землю, оказали бы ей большую услугу, если-бы они или вовсе не открывались, или шли скромною походью остальныхъ. Желѣзныя дороги строются у насъ, по большей части, людьми и мало въ этомъ дѣлѣ свѣдущими, и не имѣющими своихъ капиталовъ. Исходатайствованіе концессій и выпускъ акцій сдѣлались у насъ такою игрою, въ которой всякій считаетъ возможнымъ участвовать; и отъ того много ли у насъ

Digitized by Google

дорогъ хорошо выстроенныхъ? Главное у насъ въ этомъ дѣлѣ не самое сооруженіе дороги, а распродажа по цѣнамъ, сколь возможно болѣе выгоднымъ, взятыхъ и при томъ не оплаченныхъ акцій, и затѣмъ исчезновеніе по возможности если не вовсе изъ акціонернаго общества, то по крайней мѣрѣ изъ главныхъ его дѣятелей и акціонеровъ. Биржи наши долго молчали и бездѣйствовали; но за то какъ одна изъ нихъ заговорила, то гуломъ ея словъ наполнилась вся земля русская. Къ добру ли, ко вреду ли послѣдней?—это уже можетъ рѣшить настоящее время. Едва ли гдѣ цѣнность бумагъ такъ быстро и непомѣрно возрастала и затѣмъ такъ, безъ особенныхъ причинъ, упадала, какъ на петербургской биржѣ въ теченіи 1869 года? Сколько людей обманувшихъ и обманутыхъ, сколько неожиданно и незаслуженно разбогатѣвшихъ и разорившихся! Развѣ такова должна быть дѣятельность биржи? И всему злу корень одинъ,—а именно то, что у насъ ложь въ обычаѣ и даже въ почетѣ. Можно лгать, обманывать, присвоивать себѣ чужое, красть и воровать въ извѣстныхъ видахъ, и все-таки человѣку, совершающему такія дѣла, жмутъ руку, даже его чествуютъ и за нимъ ухаживаютъ, если только успѣхомъ увѣнчиваются его подвиги.

Нашъ церковный бытъ, т. е., наши отношенія къ церкви и отношенія ея іерархіи къ намъ—также далеко не настоящія. Церковь, представительница истины на землѣ, является намъ преимущественно въ видѣ пастырей, не всегда словесное стадо свое, какъ должно, пасущихъ, а смотрящихъ на свое званіе какъ на родъ жизни, доставляющій извѣстныя выгоды и средства къ существованію; и въ видѣ іерарховъ, хотя украшенныхъ знаками гражданскаго отличія, но мало занимающихся наблюденіемъ за приходскимъ духовенствомъ и за его отношеніями къ прихожанамъ. Наши пастыри исправляютъ болѣе или менѣе рачительно церковныя требы; но о снабженіи своихъ прихожанъ духовною пищею они мало когда заботятся, считая это вовсе не своею обязанностію. «А каковъ попъ», гласитъ пословица, «таковъ и приходъ». Мы числимся христіанами, осѣняемъ себя крестнымъ знаменіемъ и считаемъ обязанностію исполнять нѣкоторые церковные обряды; но дѣйствительно ли мы христіане? Вѣруемъ ли мы въ душѣ во Христа и въ святое его ученіе? Пріобщаемся ли, съ сердечною вѣрою, его великимъ таинствамъ? Стараемся ли мы просвѣщать нашъ умъ истинами, имъ откровенными? Не

Digitized by Google

исповѣдники ли мы его только по имени, только ради приличія, и только по тому, что нѣтъ у насъ закономъ признаннаго общества невѣрующихъ? Невѣріе распространяется быстро. Дай Богъ, чтобы іерархія и правительство не вздумали дѣйствовать противъ него такъ, какъ долго у насъ дѣйствовали противъ раскола, т. е., запрещеніями, гоненіями, ссылками и пр. Тогда страданія за невѣріе обезпечатъ ему побѣду. Желательно, чтобы невѣріе и всѣ возможныя ученія, даже самого разрушительнаго свойства имѣли полную свободу высказывать свои мнѣнія, и чтобы они вполнѣ ею пользовались, излагая свои доводы сколь возможно откровеннѣе и обстоятельнѣе. Только при этомъ условіи, побѣда надъ нимъ возможна, удобна и неминуема. Всякія стѣсненія не только не уничтожаютъ лжи, но помогаютъ ей и ее возвеличиваютъ. При свѣтѣ и свободѣ, она долго жить не можетъ. Лишь бы не стѣснялась свобода обсужденія—и ложь противъ правды не устоитъ.

Нашъ государственный бытъ, т. е., наши отношенія къ правительству и его отношенія къ намъ до крайности странны. Мы искренне, глубоко любимъ и чтимъ нашего Государя, совершившаго для блага Россіи великія дѣла и постоянно являющагося намъ человѣкомъ съ душою; мы нелицемѣрно ему преданы; но мы относимся совершенно иначе къ правительству. Мы считаемъ его чѣмъ-то особеннымъ, чужимъ, руководящимся не общими пользами страны, а своими частными воззрѣніями и видами, и питающимъ къ намъ если не враждебныя, то близко къ тому подходящія чувства. И это тѣмъ страннѣе, что правительство состоитъ не изъ кого другаго, какъ изъ насъ. Но между нами, составляющими правительство, и нами, внѣ его находящимися, разница огромная. Мы, частные люди, занимаемся хозяйствомъ, промышленностію, торговлею, земскими дѣлами, литературою и пр., живемъ у дѣла и его ведемъ, а потому и знаемъ какъ его вообще, такъ и то, что для него по разнымъ мѣстностямъ требуется. Мы, состоящіе въ составѣ правительства, утрачиваемъ и знаніе Россіи и знаніе того, какъ вообще дѣла въ дѣйствительности совершаются. Разительно, какъ мы легко и скоро изъ гражданъ превращаемся въ чиновниковъ, утрачиваемъ свойства и значенія первыхъ и усвоиваемъ себѣ пріемы послѣднихъ. Еще вчера мы испытывали на себѣ всю тяжесть нашего чиновничьяго люда, его способа дѣйствія и обращенія съ людьми, имѣющими до него дѣло; а сегодня, если мы еще не становим-

Digitized by Google

ся подобными нашимъ предмѣстникамъ, то уже признаемъ неизбѣжность такого порядка служебныхъ отношеній. Еще вчера мы считали гражданъ людьми совершеннолѣтними, могущими сами о себѣ заботиться и справлять свои дѣла; а сегодня мы уже раздѣляемъ мнѣніе нашихъ товарищей по службѣ, что у насъ на Руси необходимо быть опекунами надъ частными людьми, надъ разными сословіями и надъ земствомъ вообще. Еще вчера мы стояли за законность и гнѣвались на произволъ, который въ отношеніи къ намъ позволяли себѣ становой приставъ, исправникъ, или губернаторъ; а сегодня мы уже считаемъ необходимымъ усилить власть, вооружить ее даже сверхзаконными уполномочіями, и отводимъ законности область развѣ только въ будущемъ. Слѣдуетъ ли этому удивляться? Власть вообще сопряжена съ великими опасностями для человѣка, съ нравственной стороны у насъ же эти опасности чрезвычайны. Между властію и повиновеніемъ на Руси—цѣлая пропасть. Начальствующій—все: ему и законъ ни почемъ; повинующійся, т. е., всякій русскій не-чиновникъ—ровно ничего, и законъ для него не представляетъ вѣрной защиты. У насъ законы, конечно, имѣются, но тамъ ли они оказываются на дѣлѣ, гдѣ должны быть. Они еще не имѣютъ у насъ той твердости, той обязательности и той неустранимости, которыя должны имъ принадлежать. Частные люди стараются ихъ обходить, а чиновники—становиться выше ихъ. При такомъ положеніи дѣлъ, мудрено ли, что головы послѣднихъ кружатся, и что дѣйствительная почва исчезаетъ изъ подъ ихъ ногъ! Къ этому много содѣйствуетъ и то, что, со вступленія въ должность, они начинаютъ получать отъ своихъ подчиненныхъ груды бумагъ, въ которыхъ представляются свѣдѣнія, излагаются соображенія и выводятся заключенія о разныхъ дѣлахъ и вещахъ, только съ одной стороны, т. е., такъ, какъ дѣла и вещи представляются людямъ, власть предержащимъ. Въ прошеніяхъ и жалобахъ, конечно, излагаются предметы съ иной, совершенно противуположной стороны, но есть ли физическая возможность лицу высокопоставленному подвергать каждое дѣло строгой критикѣ, противупоставляя донесеніямъ одной стороны возраженія другой. Къ тому же, по дѣламъ самымъ важнымъ, т. е., по дѣламъ общимъ, по большей части, нѣтъ и отзывовъ съ другой стороны, т. е., со стороны болѣе или менѣе многочисленнаго люда, до котораго распоряженіе или постановленіе имѣетъ относиться. Возможность видѣть дѣла въ дѣйствительности

Digitized by Google

есть преимущество только становыхъ и другихъ низшихъ чиновниковъ, прочія же лица чѣмъ выше поставлены, тѣмъ менѣе они въ состояніи знать, какъ дѣла въ дѣйствительности происходятъ. Легко себѣ вообразить, въ какомъ видѣ доходятъ дѣла до министра, пройдя чрезъ умствованіе и канцелярію становаго, исправника и губернатора, а равно чрезъ докладъ департаментскаго столоначальника отдѣленія и наконецъ директора. При такихъ переходахъ, очень легко муха преобразуется въ слона, бѣлое въ черное,и на оборотъ. Конечно, въ нѣкоторыхъ важныхъ случаяхъ, отправляются коммисіи, или чиновники по особымъ порученіямъ, или иныя довѣренныя лица для разузнанія дѣлъ на мѣстѣ; но въ состояніи ли эти лица добросовѣстно и съ пользою для дѣла исполнять возлагаемыя на нихъ порученія? Во 1-хъ, они суть лица офиціальныя, т. е., своимъ положеніемъ сдвинутыя съ почвы бытовой дѣятельности; во 2-хъ, по прибытіи въ мѣсто назначенія, ихъ обхватываетъ со всѣхъ сторонъ атмосфера офиціальная; наконецъ, въ 3-хъ, срокъ для исполненія порученій, по большей части, или имъ назначается весьма краткій, или ими самими таковой себѣ опредѣляется. Могутъ ли такія изслѣдованія пролить много свѣта на ходъ дѣлъ вообще?

Въ нынѣшнее царствованіе правительство почувствовало необходимость полученія свѣдѣній болѣе вѣрныхъ и менѣе односторонних, соображеній и заключеній менѣе умозрительныхъ и болѣе самимъ дѣломъ внушенныхъ. Такъ, при уничтоженіи крѣпостной зависимости людей отъ ихъ владѣльцевъ, при отмѣнѣ откуповъ, при обсужденіи правилъ о потравахъ, при разсмотрѣніи таможеннаго тарифа и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, правительство призывало экспертовъ изъ частныхъ людей.Такъ, при составленіи судебныхъ уставовъ, оно пригласило и неофиціальныхъ юристовъ къ принятію участія въ этихъ трудахъ.Такъ, въ послѣднее время, правительство не разъ, по разнымъ предметамъ, передавало свои предположенія на обсужденіе земскихъ собраній, или требовало отъ нихъ свѣдѣній и заключеній.Конечно, правительство не имѣло причинъ раскаиваться въ томъ, что оно вызвало лица, внѣ его среды состоящія, къ содѣйствованію ему въ многотрудныхъ задачахъ, ему предлежавшихъ. Этимъ способомъ, конечно, предотвращено много ошибокъ, неизбѣжныхъ при бюрократическомъ изготовленіи законопроектовъ. Но нѣтъ возможности признать вполнѣ удовлетворительными оба эти пути.

Digitized by Google

Эксперты назначались изъ лицъ, случайно правительству извѣстныхъ; слѣдовательно, нельзя сказать ни того, что вызывались именно люди, соединявшіе въ себѣ, по общему мнѣнію, всѣ свойства, необходимыя для экспертовъ, ни того, что не оставались не вызванными такіе, которые могли бы быть особено полезными для обсуждавшихся дѣлъ. Что же касается до передачи пространныхъ законопроектовъ на разсмотрѣніе земскихъ собраній, или до истребованія отъ нихъ заключеній по многосложнымъ предметамъ, то такой способъ едва ли могъ или можетъ доставить много пользы. Земскія собранія, по многимъ причинамъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, не въ состояніи надлежащимъ образомъ разрабатывать важныя, многосложныя дѣла, имъ передаваемыя. Сверхъ того, въ этомъ случаѣ, есть обстоятельство, гнетущее, убивающее земскую дѣятельность, а именно,—сомнѣніе, послужитъ ли къ чему нибудь совершаемый трудъ. Мы знаемъ, что много мнѣній и замѣчаній по разнымъ предметамъ было вытребовано отъ разныхъ лицъ и учрежденій; но намъ извѣстно также, что за всѣмъ тѣмъ составлены и утверждены были законы, мало соотвѣтствующіе большинству высказанныхъ мнѣній. Мнѣнія безъ ихъ представителей—горькія сироты.

Отсутствіе правды на Руси очевидно по всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности; но ни въ чемъ оно такъ не разительно, какъ въ литературѣ и особенно въ журналистикѣ. Литература есть зеркало, отражающее въ себѣ народный бытъ, а потому и не удивительно, что главный его недостатокъ составляетъ и существенный недостатокъ самой литературы. Могутъ ли быть въ ней искренность, правдивость, ненависть и презрѣніе ко лжи, когда ихъ нѣтъ, или очень мало въ самомъ быту? Понятно, что литература стоитъ на одномъ уровнѣ съ нашимъ бытомъ вообще. Но журналистика наша, въ этомъ отношеніи, далеко превзошла первую: тутъ ложь является уже возведенною въ степень квадратную, или кубическую. Журналистика не довольствуется простымъ выраженіемъ нашего ложнаго положенія: она избираетъ изъ него то, что ей, по избранному направленію, пригодно; полученное вкладываетъ въ свой колейдоскопъ и вертитъ его по своимъ видамъ. Совершившіяся событія, дѣйствительное положеніе дѣлъ, положительныя о нихъ свѣдѣнія—все ей ни по чемъ, если только оно противорѣчитъ ея направленію, ея желаніямъ и воззрѣніямъ. За то догадки, предположенія, слухи, льстящіе ея видамъ, тотчасъ возводятся ею въ непреложные факты. Вслѣд-

Digitized by Google

ствіе этого, общаго нашей журналистикѣ, свойства, происходятъ явленія невѣроятныя: журналисты постоянно другъ друга упрекаютъ въ извращеніи фактовъ, въ клеветѣ, въ интригахъ, въ измѣнѣ отечеству, въ революціонныхъ замыслахъ, въ соціализмѣ, комунизмѣ, реакціи, крѣпостничествѣ и пр., наконецъ даже въ умопомѣшательствѣ. Послѣдній упрекъ для человѣка безпристрастнаго, стоящаго внѣ журнальнаго водоворота, едва ли не долженъ показаться самымъ основательнымъ. Большинство нашихъ публицистовъ не живетъ и не ищетъ жить въ нашемъ дѣйствительномъ бытовомъ мірѣ, а каждый изъ нихъ создалъ для себя свой особый міръ. Имъ не нужна правда о дѣйствительно сущемъ, а имъ дороги свѣдѣнія о томъ, что можетъ утвердить, или украсить порожденія ихъ фантазіи. Заключенные въ своихъ кабинетахъ, не принимающіе участія въ жизни практической, и будучи въ сношеніяхъ только съ кружкомъ, около нихъ образовавшимся, они видятъ и слышатъ только то, что желаютъ видѣть и слышать; дѣйствительность ихъ не отрезвляетъ; и они постоянно пребываютъ тамъ, куда предвзятыя мысли, или личные виды ихъ направляютъ, и гдѣ они спокойно и самодовольно судятъ, рядятъ и произносятъ свои приговоры. Для бо̀льшаго успѣха въ своихъ стремленіяхъ и въ силу положенія, ими для себя созданнаго, публицисты наши сочинили свой особенный, отъ общаго русскаго отдѣльный, языкъ. Кто къ нему не привыкъ, тому покажется, конечно, страннымъ, что либералы претендуютъ быть консерваторами и на оборотъ, что не желать одного и того же, чего желаетъ журналистъ, значитъ быть врагомъ отечества; что несогласіе съ мнѣніями журналиста есть измѣна своей странѣ и народу; что русскимъ именуетъ журналистъ только себя, а прочихъ всѣхъ смертныхъ—людьми, преданными польскимъ и другимъ интригамъ; что всякое мнѣніе, выражаемое журналистомъ, есть мнѣніе общественное, а противуположное есть мнѣніе нѣсколькихъ отдѣльныхъ личностей, или не понимающихъ русскихъ интересовъ, или враждебно къ нимъ относящихся, и пр. При такомъ условномъ, извращающемъ настоящія понятія словарѣ, и при позиціи, занятой журналистикою внѣ бытового міра, можетъ ли она имѣть вліяніе на правительство и на народъ вообще? Можетъ ли она проповѣдью обращать къ правдѣ, когда своимъ примѣромъ поощряетъ къ совершенно противуположному? Хотя и грустно, но нельзя не сознаться, что журналистика, въ настоящемъ своемъ видѣ, мало пользы приноситъ странѣ, и что для

Digitized by Google

того, чтобы ея дѣйствія сдѣлались благими и плодотворными, она должна подвергнуть себя коренному преобразованію. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что вина такого положенія не вполнѣ лежитъ на одной журналистикѣ; значительно къ тому содѣйствуетъ и то, что провинціальная журналистика не пользуется свободою печати, предоставленною столичнымъ повременнымъ изданіямъ, и то, что многіе люди не изъ касты записныхъ журналистовъ не рѣшаются посвятить себя этой дѣятельности, опасаясь предостереженій, могущихъ подвергнуть опасности лишиться значительнаго капитала, вслѣдствіе не судебнаго приговора, а произвола административныхъ лицъ.

Итакъ, недостатокъ правды въ нашемъ быту вообще не подлежитъ никакому сомнѣнію; но отъ чего это происходитъ?

Отъ того ли, что мы по природѣ неправдивы, или отъ того, что мы таковыми стали вслѣдствіе обстоятельствъ, при которыхъ отцы наши и мы жили и при которыхъ мы и нынѣ обрѣтаемся?

Не можемъ допустить перваго по тому, что въ нашемъ народномъ характерѣ мы не видимъ ни врожденной недобросовѣстности, ни хвастовства, ни безкорыстной, художественной любви ко лжи. Правда, съ нѣкотораго времени и съ извѣстной стороны, эти свойства приписываются русскому человѣку; но такія увѣренія деказываютъ только то, что въ лицахъ, ихъ себѣ дозволяющихъ, обрѣтается или слѣпота, не допускающая имъ различать цвѣта, или полная недобросовѣстность. Нѣтъ, даже подъ ложью, которою болѣе или менѣе прикрыты слова и дѣла русскихъ, нельзя не видѣть, что они къ ней прибѣгаютъ только по необходимости, какъ будто по долгу службы. Они видимо ею тяготятся и рѣшаются идти кривою, а не прямою дорогою только по тому, что не вѣрятъ въ возможность послѣднею теперь и здѣсь достигнуть цѣли.

Очевидно, что отсутствіе у насъ правды есть послѣдствіе обстоятельствъ, какъ прошлой, такъ и нынѣшней нашей жизни.

Какія же главнѣйшія изъ этихъ обстоятельствъ?

Первымъ, самымъ дѣйственнымъ изъ этихъ обстоятельствъ есть, конечно, крѣпостная зависимость, тяготѣвшая, въ продолженіи многихъ вѣковъ, на русскомъ народѣ, проникшая во всѣ проявленія и отправленія его жизни и еще далеко не вполнѣ у насъ отмѣненная. Владѣніе однихъ людей другими было зломъ не частнымъ, касавшимся одного или двухъ состояній и только

Digitized by Google

въ извѣстныхъ какихъ либо отношеніяхъ портившимъ ихъ нравственность. Нѣтъ, это было зломъ, искажавшимъ нравственность всѣхъ состояній, уродовавшимъ всѣ отправленія ихъ дѣятельности и имѣвшимъ самое вредное вліяніе на самый строй государственный и на всѣ его отправленія. При существованіи въ обществѣ лжи, допускавшей принадлежность одного лица другому, узаконявшей, право послѣдняго распоряжаться судьбою перваго и его семейства и безнаказанно наносить имъ всякія обиды; при считаніи гражданами одного меньшинства людей въ государствѣ и вещами ихъ большинства, и при господствѣ произвола надъ закономъ,—могла ли въ чемъ либо быть правда? Слава Богу и великому нашему Государю, упразднившему на Руси крѣпостную зависимость однихъ людей отъ другихъ и признавшему всѣхъ ихъ полноправными гражданами. Но съ тѣмъ вмѣстѣ стерлись ли всѣ слѣды того страшнаго недуга, отъ котораго много вѣковъ страдала земля русская. Конечно, нѣтъ; что вѣками внѣдрялось въ народный бытъ и что клало свою печать на всѣ его проявленія, то не можетъ быть уничтожено ни внезапно, ни какимъ либо отдѣльнымъ закономъ. Для этого необходимы послѣдовательныя дѣйствія правительства и усердное содѣйствіе со стороны гражданъ. Введеніе гласнаго и изустнаго судопроизводства должно значительно помочь къ уврачеванію ранъ, причиненныхъ русскому человѣку крѣпостною зависимостію; оно должно воскресить въ немъ вѣру въ равенство людей передъ закономъ, въ господство послѣдняго надъ человѣческимъ произволомъ и въ правду, какъ необходимую основу гражданственности. Равнымъ образомъ, преобразованіе, даровавшее гражданамъ право завѣдывать своими общественными дѣлами, должно также развивать въ людяхъ чувства человѣческаго достоинства и понятія о правахъ на самоуправленіе, неразлучное съ самостоятельностію, съ независимостію, въ законныхъ границахъ, и съ полною правдивостію. Къ прискорбію нашему, эти великія преобразованія еще не принесли всѣхъ тѣхъ плодовъ, которыхъ можно было бы отъ нихъ ожидать, и главною причиною тому служитъ именно то, что мѣры къ исполненію и особенно способъ приведенія ихъ въ дѣйствіе не соотвѣтствовали величію и объему мыслей, лежащихъ въ основѣ предпринятыхъ преобразованій. Возможно и нетрудно въ высшихъ сферахъ, при благонамѣренности, имѣть добрыя, свѣтлыя, высокія мысли, и настаивать на ихъ осуществленіи; но крайне трудно, едва ли возможно, при

Digitized by Google

неполномъ знаніи всѣхъ мѣстныхъ и временныхъ бытовыхъ обстоятельствъ народа, принимать къ исполненію великихъ идей тѣ мѣры, которыя прямо и надлежаще къ тому ведутъ. Эта задача становится еще труднѣе и менѣе достижимою, когда орудія, состоящія въ распоряженіи правительства, мало соотвѣтствуютъ его благимъ предначертаніямъ и завѣщены прошлымъ, совершенно инымъ, государственнымъ строемъ. При такихъ обстоятельствахъ, могутъ легко сокрушиться лучшія намѣренія и плодоноснѣйшія мысли.

Много нынѣ говорятъ въ офиціальныхъ сферахъ о недостаточности административной и особенно полицейской власти, приписывая этому обстоятельству неурядицу въ землѣ русской и выводя изъ этого необходимость усиленія этихъ властей. Справедливо ли это? Трудно отвѣтить на это однимъ словомъ. Дѣйствительно, неурядица у насъ велика; но расширеніемъ и усиленіемъ этихъ властей не увеличимъ ли мы еще болѣе и неурядицу въ управленіи и дѣйствительную слабость администраціи? И та и другая страдаютъ не столько недостаткомъ правъ, сколько тѣмъ, что онѣ не хотятъ черпать силу тамъ, гдѣ она дѣйствительно находится. Всѣ наши чиновники низшіе, средніе и высшіе еще думаютъ, что сила заключается въ произволѣ, и что внѣ его нѣтъ спасенія. Не считаютъ ли они настоящимъ проявленіемъ власти внезапное, произвольное задержаніе человѣка, отправку его Богъ вѣсть куда, ночные домовые обыски, разныя нарушенія права собственности, стѣсненіе изустнаго слова и печати и пр.? Нѣтъ, этимъ власть себя не поднимаетъ, а роняетъ, не усиливаетъ свои способы дѣйствія, а ослабляетъ ихъ. Одна власть въ государствѣ дѣйствительно сильная есть власть закона, т. е., того, что признается въ странѣ вообще справедливымъ, разумнымъ и соотвѣтствующимъ ея потребностямъ. Внѣ такой власти,—произволъ, неурядица, слабость. Вслѣдствіе этого, слаба Турція и сильна Англія. Намъ слѣдуетъ теперь помышлять не о томъ, чтобы высвобождать полицію изъ-подъ отвѣтственности передъ судомъ и увеличивать власть губернаторовъ, предоставленіемъ имъ права вмѣшательства во всякія мѣстныя дѣла, а о томъ, чтобы всякія нарушенія закона администраціею, или полиціею были строго и непремѣнно наказываемы, и чтобы губернаторы направляли дѣла къ лучшему исходу не внѣшнею силою, а своимъ нравственнымъ, на законѣ основаннымъ, вліяніемъ. Тогда, на помощь полиціи и губернатора, явится содѣйствіе мѣстна-

Digitized by Google

го населенія, сила несравненно сильнѣйшая, чѣмъ аресты, тюрьмы и даже воинская команда. Этимъ путемъ мы пойдемъ впередъ, а не назадъ, и дѣйствительно и неминуемо достигнемъ общихъ нашихъ желаній. Впрочемъ, скажемъ мимоходомъ, мы вовсе не противъ того, чтобы нѣсколько расширить власть мѣстной администраціи предоставленіемъ ей нѣкоторыхъ полномочій, нынѣ сосредоточенныхъ въ рукахъ министерствъ. Такое расширеніе было бы дѣйствительно полезно, какъ по тому, что нѣкоторыя нужныя мѣры могли бы быть принимаемы быстрѣе и прямѣе, такъ и по тому, что за нихъ дѣйствительная отвѣтсвенность лежала бы на распорядителяхъ, а не мнимая какая-то отвѣтственность пребывала на министерствахъ.

Второе обстоятельство, отчасти истекающее изъ предыдущаго и сильно поддерживающее то ложное положеніе, въ которомъ мы находимся, заключается въ уединеніи, въ которомъ въ странѣ нашей находится правительство. Оно стоитъ какъ-бы особнякомъ гдѣ-то, но, къ сожалѣнію, какъ будто не посреди управляемаго имъ народа. Оно издаетъ законы, принимаетъ мѣры и приводитъ ихъ въ исполненіе, мало зная насъ, а еще менѣе наши потребности; а потому удивительно ли, что его постановленія и распоряженія часто неудобоисполнимы, и производятъ дѣйствіе противное собственнымъ его ожиданіямъ? Между правительствомъ и нами, гражданами, т. е., между властію и повиновеніемъ, нѣтъ необходимой связи. Можетъ ли при этомъ быть единодушіе; облегчающее распорядокъ всякими дѣлами, развивающее способности и власть предержащихъ и ей подчиненныхъ и увѣнчивающее успѣхомъ всякія предпріятія? Можетъ ли безъ единодушія быть правда въ отношеніяхъ между повелѣвающими и повинующимися? При его отсутствіи не осуждены ли первые на большую, или меньшую таинственность, на прикрытіе своихъ требованій общими фразами и не всегда основательными уваженіями, и на обращеніе къ гражданамъ не отъ имени справедливости и общей пользы, а на основаніи строгости, взысканій и наказаній? Не вынуждены ли граждане обходить законъ, часто для нихъ тяжелый или неудобный, и для того прибѣгать къ самымъ неблаговиднымъ уловкамъ и изворотамъ. При такомъ обстоятельствѣ, немыслима искренность въ отношеніяхъ между правительствомъ и гражданами.

Третье обстоятельство, препятствующее правдѣ быть на Руси основою сношеній между людьми, заключается въ насильствен-

Digitized by Google

номъ водвореніи у насъ образованія, т. е., въ реформѣ Петра 1-го съ ея послѣдствіями. Мы вовсе не враждебны къ западному образованію; напротивъ того, мы глубоко убѣждены, что намъ необходимо было его себѣ усвоить, и что иначе мы не могли развивать и свое собственное образованіе и стать міровыми дѣятелями; но мы не можемъ одобрить насильственный способъ введенія западнаго образованія на Руси. Всякое насиліе неминуемо порождаетъ ложь; а въ настоящемъ случаѣ оно породило ложь сугубую. Мы не могли вполнѣ усвоить себѣ западное образованіе, ибо, во-первыхъ, мы не были къ тому подготовлены, а во вторыхъ, какъ русскіе, мы имѣли свои способности, обычаи, воззрѣнія и чувства, и потому не въ состояніи были чужое признать своимъ и превратиться въ католиковъ, или протестантовъ, въ нѣмцевъ, французовъ, или англичанъ. Реформа Петра 1-го принудила насъ себя насиловать, увѣрять себя во многомъ, чего мы не чувствовали и не сознавали, и приневоливать себя ко многому такому, къ чему мы никакого влеченія не ощущали. Съ такимъ *изнасилованіемъ себя въ душѣ и умѣ*, т. е., при отсутствіи искренности въ нашемъ внутреннемъ настроеніи, могли ли мы быть искренними въ отношеніи къ другимъ? Мы убѣждали ихъ въ томъ, чему сами мало вѣрили, постоянно старались казаться не тѣми, чѣмъ дѣйствительно мы были, и направлять другихъ туда, куда сами себя только вталкивали. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ, ложь легко водворилась у насъ въ частномъ, общественномъ, церковномъ и государственномъ быту.

Осуждены ли мы оставаться въ томъ ложномъ положеніи, въ которомъ мы теперь находимся? Есть ли средства изъ него выйти, и какія именно эти средства?

Мы вовсе не считаемъ нашего положенія отчаяннымъ. Въ этомъ насъ убѣждаютъ какъ знаніе русскаго человѣка вообще, такъ и нѣкоторыя, на нашихъ глазахъ совершившіяся, явленія. Едва прошло десять лѣтъ съ изданія Положеній о прекращеніи крѣпостной зависимости крестьянъ и дворовыхъ людей, и уже отношенія между ними и прежними ихъ помѣщиками значительно измѣнились. Можно было опасаться (и многіе такъ думали), что крестьяне, сдѣлавшись свободными, враждебно отнесутся къ своимъ прежнимъ владѣльцамъ, и что сіи послѣдніе, въ званіи посредниковъ, будутъ всѣми средствами удерживать на дѣлѣ за собою и своими собратіями—помѣщиками ту власть, которую уничтожилъ законъ. На дѣлѣ оказалось иначе. Въ первые два,

Digitized by Google

три года, крестьяне дѣйствительно вообразили, что они за владѣемую ими землю могутъ, въ пользу помѣщика, работать, какъ хотятъ, и платить оброкъ, когда хотятъ; но посредники, т. е., большая часть изъ нихъ, ставши на законную почву Положеній, вскорѣ вразумили крестьянъ, и дѣло пошло какъ слѣдуетъ. Теперь отношенія между крестьянами и ихъ прежними помѣщиками уже могли бы досигнуть желаемой правильности, еслибы у насъ законы вообще исполнялись, еслибы они вполнѣ соотвѣтствовали нуждамъ страны, и еслибы мировые посредники удержались на той почвѣ, на которую вначалѣ они стали. Къ сожалѣнію, полиція часто подаетъ крестьянамъ примѣръ неисполненія законовъ *); законы издаются въ такомъ видѣ, что не рѣдко ихъ исполненіе оказывается крайне труднымъ и даже невозможнымъ; а посредники нынѣшніе, за выбытіемъ лучшихъ людей въ мировые судьи, усвоиваютъ себѣ всѣ болѣе и болѣе способъ дѣйствія, сильно напоминающій прежнюю помѣщичью власть и прежнія помѣщичьи ухватки. За всѣмъ тѣмъ, отношенія, установившіяся и устанавливающіяся между крестьянами и ихъ прежними владѣльцами, могутъ быть признаны вообще довольно удовлетворительными и такими, какихъ едва ли можно было ожидать и по краткости истекшаго времени со дня освобожденія и по разнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ приведеніе въ дѣйствіе этой реформы. Въ этомъ заключается, по нашему мнѣнію, одно изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ воспріимчивости русскаго человѣка къ водворенію правды въ его бытъ.

Другое не менѣе замѣчательное въ этомъ отношеніи явленіе представляютъ намъ земскія учрежденія. Трудно было даже ожидать, чтобы, по истеченіи только четырехъ лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ, гласные отъ ихъ обществъ, собравшись въ общее засѣданіе съ гласными отъ землевладѣльцевъ, не составили между собою стачки, чтобъ дѣйствовать за одно противъ гласныхъ—дворянъ. На дѣлѣ вышло совершенно иначе. Вездѣ, гдѣ гласные отъ землевладѣльцевъ не увлекались сословными интересами и не искали увѣковѣчить то неравенство, которое преж-

*) Полиція еще не можетъ не считать себя вправѣ драться, т. е., руками управляться съ крестьянами. Полиція, въ видахъ охраненія порядка и спокойствія, считаетъ необходимымъ задерживать людей, держать ихъ подъ арестомъ и пр., едва подозрѣвая, что за неправильныя по сему дѣйствія она должна подлежать отвѣтственности по суду и пр.

*

Digitized by Google

де существовало по исправленію повинностей между состояніями крестьянскимъ и дворянскимъ, гласные отъ крестьянъ не отдѣлялись отъ гласныхъ—дворянъ, и въ такихъ собраніяхъ господствовало замѣчательное единодушіе. Тутъ видимо правда брала свое и служила основаніемъ для дѣйствій собранія.

Но ни въ чемъ такъ сильно, такъ разительно не проявилась у насъ возможность водворенія у насъ правды, какъ въ дѣлѣ суда, и въ особенности въ рѣшеніяхъ большинства судебныхъ мировыхъ учрежденій и касаціонныхъ департаментахъ сената. Едва прошло два, три, четыре года со введенія новыхъ судебныхъ уставовъ по различнымъ мѣстностямъ, и уже судебныя учрежденія успѣли пріобрѣсти общее уваженіе и довѣріе къ своимъ рѣшеніямъ. Замѣчательно, что даже крестьяне, и въ земскихъ собраніяхъ, и въ разговорахъ, постоянно изъявляютъ желаніе, чтобы допущена была на рѣшенія волостныхъ судовъ аппеляція къ мировымъ судьямъ. Какъ прежде судъ своими приговорами и способомъ судопроизводства возбуждалъ противъ себя общую ненависть и презрѣніе, и тѣмъ утверждалъ все болѣе и болѣе господство лжи во всемъ русскомъ быту, такъ теперь судъ открываетъ какъ-бы окошко въ иной, лучшій міръ и водворяетъ убѣжденіе, что правда можетъ быть на землѣ русской и служить основою въ сношеніяхъ между людьми.

Слѣдовательно, нѣтъ причинъ отчаяваться въ возможности возвратить правду въ нашу страну; но вопросъ въ томъ: какъ устроить и ускорить этотъ возвратъ. Разнообразны области нашего быта, а потому многоразличны и мѣры, которыя должны быть приняты къ достиженію желаемой цѣли; но всѣ эти мѣры, по нашему мнѣнію, сводятся къ одному знаменателю, а именно,— къ окончательной отмѣнѣ еще остающейся крѣпостной или весьма на нее похожей зависимости однихъ людей отъ другихъ. Прямымъ закономъ или какою либо единичною мѣрою нѣтъ возможности водворить правду въ нашъ бытъ: правда силѣ не поддается; она должна сама развиться вслѣдствіе устраненія того, съ чѣмъ она никакъ ужиться не можетъ, а именно—всякаго насилія.

Эта отмѣна еще существующей крѣпостной завимости однихъ лицъ отъ другихъ могла бы быть совершена разными мѣрами, изъ которыхъ главнѣйшія, по нашему мнѣнію, должны бы быть слѣдующія:

1) Для человѣка всего дороже дѣйствовать по своей волѣ,

Digitized by Google

разумѣется, въ границахъ, закономъ опредѣленныхъ, чувствовать и сознавать себя вполнѣ обезпеченнымъ въ своихъ правахъ личныхъ и имущественныхъ и не подлежать произволу другого. Такое положеніе желательно для всякаго человѣка и во всякое время; но при нынѣшнемъ развитіи гражданственности, просвѣщенія, торговли и промышленности, и при безпрестанныхъ и легкихъ сообщеніяхъ съ остальною Европою, такое положеніе для насъ на Руси становится совершенною необходимостью. Къ прискорбію нашему, такимъ положеніемъ мы еще далеко не пользуемся. Конечно, нарушенія нашей свободы и нашихъ правъ бываютъ теперь рѣже, чѣмъ прежде; но и рѣдкіе подобные случаи, даже одна возможность такихъ случаевъ лишаютъ насъ надлежащей бодрости, независимости и самостоятельности. А безъ нихъ можемъ ли мы говорить правду и дѣйствовать по правдѣ? Между тѣмъ, только при этихъ условіяхъ, мы, граждане, можемъ чувствовать себя довольными, развивать свои способности и быть людьми въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Также при этихъ только условіяхъ, само государство можетъ быть крѣпко и состоятельно, умножать свои богатства и пользоваться среди другихъ державъ почетомъ и могуществомъ. Не испытали ли мы уже однажды, какъ невыгодно стѣснять мысль, подавлять свободу и, при общемъ молчаніи, усыпленіи и угнетеніи, предаваться самонадѣянности и одной казенной дѣятельности? Съ тѣхъ поръ, конечно, мы много двинулись впередъ: мысль у насъ пробудилась, земская дѣятельность возникла, и вообще мы чувствуемъ себя свободнѣе, чѣмъ прежде. Но, не смотря на эти успѣхи, не отстали ли мы теперь еще болѣе, чѣмъ прежде, на поприщѣ гражданственности отъ другихъ народовъ? Мы, конечно, шли впередъ, но прочіе народы и государства, между тѣмъ, впередъ бѣжали. Прежде мы были не одни съ сдавленною свободою рѣчи и дѣйствія. Теперь въ Европѣ все, кромѣ Турціи, заговорило свободно и можетъ дѣйствовать по совѣсти. Даже въ Австріи, въ класической странѣ лжи, обмана, произвола и всякаго насилія, славяне, эти несчастные пасынки габсбургской короны, имѣютъ возможность говорить и дѣйствовать по своимъ убѣжденіямъ, устраняясь отъ государственной дѣятельности и посвящая себя общественному дѣлу. Теперь въ Австріи уже не разсаживаютъ въ тихомолку по крѣпостямъ людей, правительству непріятныхъ, и чешская національная партія имѣетъ свободу вести борьбу съ правительствомъ и добиваться того, что она

Digitized by Google

считаетъ своимъ правомъ. Опасны для людей и для правительствъ не перѐчники, а льстецы и молчальники. Не даромъ пословица говоритъ: «недругъ поддакиваетъ, а другъ споритъ». Не безъ смыла и другая пословица: «бойся не того, кто говоритъ, а того, кто молчитъ». Великія преобразованія, совершенныя въ нынѣшнее царствованіе, возбудили въ гражданахъ такую усиленную жизнь, нравственную и умственную, и вызвали такія потребности, какихъ прежде не было и быть не могло. Предпринятыя преобразованія имѣли цѣлью поднять русскаго человѣка, и они могли удасться только при условіи его содѣйствія этимъ благимъ предначертаніямъ. Русскій человѣкъ оказался не недостойнымъ пособникомъ правительства; онъ напрягъ свои силы и способности и на своихъ плечахъ вынесъ и выноситъ и крестьянскую реформу, и земское управленіе, и гласное судопроизводство; а потому необходимо даровать ему то, безъ чего теперь онъ жить не можетъ. Судебные уставы 1864 года уже установили, что никто не можетъ быть наказанъ за преступленіе или проступокъ, иначе, какъ по приговору надлежащаго суда, вошедшему въ законную силу; что никто не можетъ подлежать судебному преслѣдованію за преступленія или проступки, не бывъ привлеченъ къ отвѣтственности въ порядкѣ, законами опредѣленномъ, и что никто не можетъ быть ни задержанъ подъ стражею иначе, какъ въ случаяхъ, законами опредѣленныхъ, ни содержимъ въ помѣщеніяхъ, не установленныхъ на то закономъ. Судебные уставы предоставляютъ всякому, по суду оправданному, искать вознагражденія съ должностныхъ лицъ, если онъ можетъ доказать, что они дѣйствовали пристрастно, притѣснительно, безъ законнаго повода и основанія, или же вообще недобросовѣстно. Слѣдовательно, общія основанія для огражденія гражданъ въ ихъ личныхъ и имущественныхъ правахъ закономъ уже установлены; остается только положительно и безусловно отмѣнить сверхзаконную власть административныхъ мѣстъ и лицъ, хватать кого имъ угодно, задерживать подъ арестомъ сколько имъ вздумается, производить домовые обыски и, подъ видомъ предупрежденія преступленій, самимъ совершать таковыя противъ священнѣйшихъ правъ каждаго гражданина. Можно положительно сказать, что вездѣ, гдѣ полиція пользовалась такимъ правомъ, преступленія ею не предупреждались, а вызывались; ибо что можетъ быть оскорбительнѣе, возбудительнѣе для человѣка, какъ не произволъ въ отношеніи къ нему другого человѣка, отличаю-

Digitized by Google

щагося отъ него только тѣмъ, что носитъ такое или иное званіе. Оскорбленные, стѣсненные ищутъ простора, и вотъ причина, начало всякихъ злоумышленій. Конечно, злоумышленники во всякомъ случаѣ виноваты, но не безъ обстоятельствъ, уменьшающихъ ихъ вину и требующихъ къ нимъ снисхожденія. А потому желательно, чтобы существующій порядокъ, не согласный съ введенными преобразованіями, былъ отмѣненъ и чтобы верховная власть даровала намъ драгоцѣнное, для всякаго человѣка необходимое право—подлежать отвѣтственности только по закону и на основаніи закона.

Пожалуй, иные скажутъ, что такое ограниченіе административной власти теперь у насъ преждевременно; но точно такое же возраженіе дѣлалось, во время оно, и противъ введенія земскихъ учрежденій, и противъ призыва присяжныхъ засѣдателей къ участію въ дѣлахъ уголовныхъ. Мы думаемъ, что произволъ, становящійся надъ закономъ, всегда вреденъ, и что отмѣна такого произвола никогда не преждевременна. Извѣстно, что magna charta, обезпечившая англичанъ отъ произвола, состоялась въ 1215 году; неужель они тогда были болѣе развиты, чѣмъ мы теперь? Извѣстно, что теперь въ Европѣ нигдѣ, кромѣ Турціи, произволъ не стоитъ надъ закономъ; неужель мы должны оставаться въ сообществѣ съ турками? Даже австрійскій императоръ, котораго власть, въ его разносоставномъ государствѣ, особенно нуждалась въ искуственныхъ поддержкахъ, счелъ возможнымъ отказаться отъ сверхзаконныхъ мѣропріятій; неужель наше правительство, при горячо любимомъ Императорѣ Освободителѣ, полагаетъ необходимымъ удерживать за администраціею власть сверхзаконную и находитъ невозможнымъ управлять Россіею на основаніи законовъ? Нѣтъ! Такія мысли нельзя считать ничѣмъ инымъ, какъ клеветами на народъ и на правительство. Предлагаемая отмѣна необходима какъ дополненіе, завершеніе предпринятыхъ преобразованій, которымъ оно должно доставить твердую почву и сообщить заключительный смыслъ.

2) Расширеніе свободы печати, а именно: отмѣна предостереженій, даваемыхъ административною властью періодическимъ изданіямъ; отмѣна разрѣшеній на изданіе новыхъ журналовъ и газетъ; распространеніе на всѣ губернскіе и университетскіе города правъ свободной печати, дарованныхъ теперь только столицамъ; предоставленіе духовной письменности тѣхъ же правъ, какими пользуется гражданская и проч.

Digitized by Google

Расширеніе свободы печати теперь совершенно не опасно. Мы уже видѣли, какъ указъ 6 апрѣля 1865 года былъ принятъ и каковы были его послѣдствія. Едва ли гдѣ либо это нововведеніе совершилось съ меньшими безпорядками и злоупотребленіями. Надобно отдать справедливость и литеретурѣ вообще, и журналистикѣ въ особенности, что онѣ воспользовались дарованною свободою и разумно, и скромно, и благонамѣренно. Замѣчательно, что большинство предостереженій было дано тѣмъ журналамъ, которые были вполнѣ преданы великимъ преобразованіямъ, предпринятымъ правительствомъ. Слѣдовательно, предостереженія давались за излишнее, быть можетъ, усердіе, но отнюдь не за злой умыселъ. Правительство въ Россіи, дѣйствующее въ народномъ духѣ и удовлетворяющее потребностямъ страны, не можетъ опасаться гласности; напротивъ того, въ ней оно находитъ всегда надежнѣйшую опору и защиту противъ мелкихъ и тайныхъ неудовольствій и злоумышленій.

Расширеніе свободы печати совершенно необходимо для водворенія правды на Руси. Пока сочинители и издатели видятъ надъ собою висящій мечь административнаго произвола; пока не всѣ мѣстности, а только немногія пользуются привилегіею свободнаго слова,—до тѣхъ поръ не можетъ быть откровенности въ рѣчахъ и всесторонняго обсужденія предметовъ. Честные, самостоятельные люди по большей части устраняются отъ журналистики, и такимъ образомъ предостереженія, вмѣсто того, чтобы направлять журналистику на добро, ее искажаютъ и роняютъ ея значеніе.

Теперь у насъ введенъ судъ гласный, просвѣщенный и по закону самостоятельный, а потому ни правительству, ни гражданамъ нечего опасаться его приговоровъ. Напротивъ того, всѣ могутъ въ немъ найти охрану, защиту и справедливую кару.

Распространеніе свободы печати на духовныя произведенія особенно желательно теперь, когда и расколъ туземный, и западныя вѣроисповѣданія находятся въ сильномъ броженіи, и когда въ нихъ проявляется потребность сближенія съ нашею православною церковью и искренняя къ тому наклонность. Расколу въ особенности необходимо дать просторъ, дабы онъ могъ свободно излагать свои доводы и высказывать свои сомнѣнія. При этомъ только условіи, побѣда надъ нимъ возможна. Свобода обсужденія религіозныхъ предметовъ будетъ полезна и для самой нашей церкви тѣмъ, что обнаружатся вѣрнѣе и полнѣе

Digitized by Google

вкравшіяся въ нее злоупотребленія и, освобожденная отъ нихъ, она тѣмъ скорѣе можетъ быть центромъ соединенія всѣхъ вѣрующихъ во Христа.

3) Успокоительное для судей и всѣхъ гражданъ, со стороны правительства объявленіе, что теперь не предпринимается никакого существеннаго измѣненія въ судебныхъ уставахъ 1864 года, и что если впослѣдствіи таковыя окажутся необходимыми, то, въ видѣ предположеній, они будутъ предварительно сообщены въ общее свѣдѣніе.

Такое объявленіе совершенно необходимо, ибо теперь, въ этомъ отношеніи, общественное мнѣніе находится въ самомъ тревожномъ положеніи, что весьма вредитъ дѣйствію судебныхъ установленій и сильно потрясаетъ довѣріе къ судамъ. Слухи, распространяемые съ замѣчательною настойчивостью, грозятъ то подчиненіемъ мировыхъ судовъ ревизіи губернаторовъ, то изъятіемъ полиціи изъ-подъ вѣдѣнія судебной власти, то другими измѣненіями, совершенно противными буквѣ и духу уставовъ 1864 года. Необходимо положить конецъ этимъ тревогамъ, и это можетъ быть достигнуто только положительнымъ удостовѣреніемъ, что правительство не имѣетъ въ виду, ни прямо, ни косвенно, измѣнить судебное устройство и судебное производство, которыя, въ короткое время своего существованія, уже успѣли привязать къ себѣ людей всѣхъ состояній. Особенно опасаются не прямыхъ отмѣнъ или нововведеній, но косвенныхъ, по видимому, не существенныхъ распоряженій, но могущихъ существенно повредить судебному институту.

4) Отмѣна разныхъ узаконеній, нарушающихъ самостоятельность земскихъ учрежденій, и въ особенности отмѣна постановленій отъ 13 іюня 1867 года насчетъ исключительныхъ правъ предсѣдателей въ земскихъ, сословныхъ и общественныхъ собраніяхъ, и насчетъ запрещенія печатать отчеты о засѣданіяхъ иначе, какъ съ разрѣшенія мѣстнаго губернскаго начальства.

Земству возвращена жизнь, закономъ признано его существованіе и указанъ ему кругъ дѣятельности. Необходимое условіе къ успѣшному развитію земской дѣятельности есть обезпеченіе ей самостоятельности. Безъ самостоятельности, дѣла пойдутъ еще хуже (если это только возможно), чѣмъ они шли при казенномъ управленіи. Люди порядочные устранятся отъ службы въ управахъ, будутъ избѣгать также и званія гласныхъ, и вмѣсто дѣйствительнаго мѣстнаго контроля, не будетъ вовсе никакого: зем-

Digitized by Google

ство отъ него уклонится, а губернаторы, не назначая членовъ управъ, не будутъ имѣть средствъ возбуждать ихъ къ дѣятельности [1]). Правительство желало передать мѣстныя дѣла въ завѣдываніе земства; оно видѣло необходимость таковой передачи; оно статьею 6-ю Положенія буквально предоставило земству самостоятельность дѣйствія. А потому совершенно необходимо устранить все, что противорѣчитъ этой статьѣ; иначе, земскія собранія превратятся въ учрежденія, напрасно собою тяготящія землю русскую.

5) Пересмотръ законовъ о состояніяхъ съ цѣлью согласованія ихъ съ положеніями 19 февраля 1861 и 1 января 1864 года, съ изданными въ развитіе ихъ постановленіями, а равно и съ новымъ городскимъ устройствомъ.

Такой пересмотръ совершенно необходимъ, ибо, въ настоящее время, IX томъ свода законовъ представляетъ такой хаосъ, что нѣтъ возможности извлечь изъ него ясное понятіе о правахъ и обязанностяхъ какого либо состоянія въ нашей странѣ. Дворянство, на основаніи законовъ, существуетъ, но на дѣлѣ оно почти прекратило свое существованіе, ибо, слава Богу, оно не имѣетъ прежнихъ своихъ правъ; духовенство, по закону, какъ отдѣльное наслѣдственное состояніе, перестало существовать, но на дѣлѣ оно имѣется и не знаетъ, какъ ему жить въ будущемъ; городскими обывателями уже не одни купцы, мѣщане и цеховые, а всѣ домовладѣльцы и даже почти всѣ обыватели, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ они составляютъ особыя, отдѣльныя состоянія. Что же касается до состоянія крестьянъ, то число различныхъ ихъ видовъ и свойство различныхъ правъ, каждому изъ нихъ принадлежащихъ, едва ли кому положительно извѣстны. Пересмотръ, объединеніе и согласованіе законовъ о состояніяхъ, безусловно необходимы, и чѣмъ скорѣе такой трудъ совершится, тѣмъ онъ будетъ полезнѣе въ видахъ изъясненія отношеній между гражданами одного и того же государства.

6) Устройство приходскихъ попечительствъ на такихъ основаніяхъ, чтобъ они могли существовать и успѣшно вести дѣла

---

[1]) Правда, нѣкоторые губернаторы уже сочли себя въ правѣ и въ возможности выхлопатывать награды предсѣдателямъ земскихъ управъ; но такое извращеніе понятій о земской дѣятельности должно всегда повести къ окончательному упадку. Будемъ надѣяться, что такіе примѣры не повторятся, и успокоимъ себя мыслью, что они допущены высшею администраціею по недосмотру, а не обдуманному плану.

Digitized by Google

по церковному хозяйству, по благотворительности, по школамъ и проч.

Положеніе о приходскихъ попечительствахъ, Высочайше утвержденное 2 августа 1864 года, давало возможность къ учрежденію таковыхъ попечительствъ; но оно оставляло нѣкоторые пункты этого дѣла безъ надлежащаго разрѣшенія. Этими-то недомолвками и воспользовалось духовенство, чтобы приходскія попечительства сдѣлать невозможными. Починъ по учрежденію ихъ предоставленъ былъ епархіальному начальству, которое и поручало мѣстнымъ священникамъ приглашать прихожанъ къ учрежденію попечительствъ. Какъ эти установленія были вовсе не въ выгодахъ духовенства, а должны были положить границы его произволу по распоряженію церковными суммами, то большею частью духовенство приняло только къ свѣдѣнію епархіальные по сему предмету циркуляры, и приходскія попечительства были учреждены только въ весьма немногихъ мѣстахъ. Сами архіереи стали требовать «репорты» отъ учрежденныхъ попечительствъ и ограничивали, сколько могли, ихъ дѣйствія. Наконецъ, св. сѵнодъ, опредѣленіемъ, обнародованнымъ въ январѣ 1869 года, разъяснилъ, какими суммами приходскія попечительства имѣютъ право распоряжаться. Послѣ этого разъясненія, приходскія попечительства сдѣлались совершенно невозможными; ибо никто не могъ имѣть желаніе таковыя устроивать, оставляя церковныя суммы, по прежнему, въ полномъ распоряженіи священнослужителей, и распоряжаясь только тѣми деньгами, которыя особо пожертвуютъ прихожане. А между тѣмъ, существованіе приходскихъ попечительствъ вызывается какъ необходимостью обезпечить содержаніе причта, на разумныхъ и безобидныхъ для него и прихожанъ основаніяхъ, такъ и потребностью устроить дѣла церковнаго казначейства, благотворительности, школы и пр. на общемъ соглашеніи всего прихода, представляющаго единственное общество людей безъ различія состояній. А потому весьма желательно, чтобы положеніе о приходскихъ попечительствахъ было пересмотрѣно и пополнено такими постановленіями, которыя вели бы къ желаемой цѣли.

Слѣдовало бы предложить еще нѣсколько мѣръ, въ видахъ возвращенія правды въ нашъ бытъ; но на сей разъ мы ограничимся указаніемъ еще только одной, безъ принятія которой всѣ мѣры вышеизложенныя остались бы безъ надлежащаго дѣйствія. Мы разумѣемъ здѣсь такую мѣру, которая одна можетъ сообщить

Digitized by Google

законамъ удобоисполнимость, свойство для нихъ совершенно необходимое. У насъ имѣется и вновь издается много законовъ; большая часть изъ нихъ отличается благонамѣренностью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, почти всѣ они грѣшатъ тѣмъ, что составлены какъ будто не для Россіи. Это происходитъ главнѣйше отъ того, что законы изготовляются у насъ бюрократически и разсматриваются людьми офиціальными, проводящими свою жизнь въ Петербургѣ и давно забывшими способы производства дѣлъ на мѣстахъ. Для отвращенія этого неудобства необходимо было бы всѣ проекты законовъ, до внесенія ихъ въ государственный совѣтъ, передавать на разсмотрѣніе людей не офиціальныхъ, знающихъ мѣстныя нужды и желанія разныхъ краевъ Россіи и знакомыхъ со способами исполненія законовъ въ дѣйствительности. Такими людьми могли бы быть гласные, избираемые на сей предметъ губернскими земскими собраніями. Каждая губернія, глядя по своему пространству и населенію, могла бы имѣть право отправлять, въ мѣсто нахожденія высшаго правительства, по два, по три, или по четыре гласныхъ. Собраніе такихъ представителей отъ губерній было бы въ состояніи, въ трехъ или четырехъмѣсячныя засѣданія, разсмотрѣть изготовляемые законопроекты, высказать по нимъ свои мнѣнія и предложить необходимыя исправленія или пополненія. Теперь, конечно, отправляютъ нѣкоторые важные проекты на разсмотрѣніе земскихъ собраній; но пользы отъ этого не много. И уѣздныя, и губернскія собранія имѣютъ засѣданія весьма кратковременныя; разъѣхаться и потомъ вновь собраться—гласные, безъ особыхъ, довольно трудно получаемыхъ разрѣшеній, права не имѣютъ; а потому заключенія собраній составляются очень спѣшно и по большей части грѣшатъ поверхностью и крайнимъ разнообразіемъ. Совершенно не то было бы при созывѣ гласныхъ изъ всѣхъ губерній въ одно мѣсто, гдѣ они могли бы размѣняться и свѣдѣніями и мыслями, и гдѣ они имѣли бы возможность важнымъ дѣламъ посвящать довольно продолжительное время. При нынѣшнемъ порядкѣ затребованія мнѣній отъ земскихъ собраній, выходитъ то, что доклады земскихъ коммисій, наскоро составленные, спѣшно разсмотрѣнные и до крайности разнообразные, поступаютъ въ министерскіе департаменты или въ коммисіи, гдѣ изъ нихъ составляются своды, которые печатаются, почти никѣмъ, кромѣ корректора, не читаются, ни въ какое соображеніе не принимаются и служатъ только баластомъ для представляемыхъ проектовъ. Не

Digitized by Google

то бы было, еслибы вмѣсто бумагъ явились люди, и вмѣсто тридцати трехъ разнообразныхъ заключеній, представлено было бы одно съ нѣсколькими отдѣльными мнѣніями. Конечно, при такомъ порядкѣ, на первое время, бюрократическія коммисіи, быть можетъ, явились бы не въ авантажѣ; но за то дѣло много бы выиграло. Тогда высшее правительство было бы въ состояніи, съ знаніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, утверждать или отвергать предлагаемые законопроекты; тогда законы соотвѣтствовали бы потребностямъ страны и могли бы быть удобно приводимы въ дѣйствіе; тогда была бы возможность требовать точнаго ихъ исполненія и могла бы развить въ народѣ чувство законности, въ чемъ мы такъ нуждаемся. Сверхъ того, общее земское собраніе, могло бы само, о нѣкоторыхъ нуждахъ страны, входить къ правительству съ ходатайствами, которыя имѣли бы болѣе смысла и лучшую обстановку свѣдѣніями и соображеніями, чѣмъ представленія отдѣльныхъ губернскихъ земскихъ собраній, у которыхъ часто въ виду однѣ мѣстныя, а не общія потребности края.

Такой предлагаемый порядокъ разсмотрѣнія законопроектовъ ни мало не нарушилъ бы правъ самодержавія. Оно могло бы или принимать, или оставлять безъ послѣдствій представленныя ему заключенія; но оно, по крайней мѣрѣ, получило бы возможность знать дѣйствительныя нужды и желанія страны, слышать ея мнѣнія и издавать свои постановленія въ такомъ видѣ, въ какомъ они могли бы быть приводимы въ дѣйствительное исполненіе. Конечно, произволъ бюрократіи былъ бы сокращенъ; но самодержавіе было бы сильнѣе и плодотворнѣе: оно вѣдало бы дѣла и обстоятельства въ настоящемъ ихъ видѣ; оно узнало бы лучшихъ людей со всѣхъ концовъ Россіи, а потому оно могло бы дѣйствовать съ полнымъ сознаніемъ и было бы менѣе ограничено въ выборѣ своихъ совѣтниковъ и слугъ. И перестали бы мы слышать: велика земля русская, да сама себя не вѣдаетъ; много у насъ людей, да мало человѣковъ.

Что скажемъ въ заключеніе?

При крѣпостной зависимости, существовавшей на Руси, при сосредоточеніи всѣхъ дѣлъ въ рукахъ администраціи, при канцелярской тайнѣ, прикрывавшей всѣ дѣйствія бюрократіи, при цензурѣ, подавлявшей всякое умственное развитіе, и при общей опекѣ надъ русскими, какъ еще не вышедшими изъ малолѣтства, ложь была неизбѣжна, а потому въ каждомъ изъ насъ въ отдѣльности, она

Digitized by Google

была до нѣкоторой степени извинительна. Теперь, послѣ великихъ преобразованій, отчасти совершающихся, правда становится для Россіи и дла каждаго изъ насъ необходимостью—долгомъ не отложнымъ. Только при водвореніи правды въ нашъ бытъ, реформы, нами отъ души привѣтствованныя, могутъ быть дѣломъ, а не одними словами. Конечно, отдѣльному лицу разомъ стать на почву правды не только трудно, но и невозможно; но обязанность каждаго—по возможности становиться на эту почву, помогать въ этомъ другимъ и, совокупными усиліями, завоевывать эту обѣтованную землю. Чѣмъ кто мощнѣе, тѣмъ обязательнѣе для него въ этомъ дѣлѣ быть впереди. А жаждущіе правды, по словамъ Спасителя, ею насытятся.

А. Кошелевъ.

Digitized by Google

О ПОДУШНОЙ ПОДАТИ.

Не смотря на обширные и почтенные труды, исполненные податною коммисіею; не смотря на потраченное ею весьма долгое время для составленія проекта податной реформы,—проектъ этотъ не встрѣчаетъ, однако, ни въ одномъ земствѣ сторонниковъ выработанной въ немъ системы. Податная реформа принимаетъ, по видимому, такое направленіе, какое не имѣлось даже и въ виду у составителей проекта; а съ этимъ вмѣстѣ, слѣдовательно, и роль земства, относящагося къ предложенной на обсужденіе его реформѣ, не какъ къ готовымъ правиламъ, требующимъ лишь извѣстныхъ мѣстныхъ примѣненій, но критически,—должна измѣниться.

Отъ земства въ данномъ случаѣ можно и должно требовать не только разбора и доказательствъ непригодности правительственнаго проекта, но и созданія въ замѣнъ его чего нибудь новаго, своего. А если такъ, то земству должно быть предоставлено столько же времени для разработки новой системы, сколько, по крайней мѣрѣ, потрачено было на это податною коммисіею

Податная реформа можетъ стать на ряду съ главнѣйшими реформами настоящаго царствованія, съ реформою, на примѣръ, крестьянскою; но и эта послѣдняя, какъ извѣстно, при всей своей, такъ сказать, жгучести, при всей своей неотложности, исполнялась у насъ однако не спѣшно. Прошло много времени, пока съѣзжались и разсуждали губернскіе комитеты, пока собирались необходимыя свѣдѣнія отъ владѣльцевъ, пока рабо-

Digitized by Google

тала редакціонная коммисія. Общество успѣло не только обмѣняться мыслями между собою, но успѣло даже создать цѣлую спеціальную по этому предмету литературу, создать спеціальные органы печати. Когда наступило знаменательное 19-е февраля, то содержаніе закона, помѣченнаго этимъ числомъ, не было ни для кого неожиданностію: съ нимъ и его основаніями были знакомы не только грамотная, но и безграмотная часть населенія. Вотъ одна изъ причинъ того спокойствія и правильности, съ которыми Россія совершила переходъ изъ прежняго строя жизни на путь совершенно новый. Кто знаетъ, какой оборотъ приняла бы наша жизнь, еслибы крестьяне наши оказались освобожденными безъ земли, еслибы не успѣлъ выработаться существующій проектъ выкупной операціи и т. д.—за тѣмъ только, что освобожденіе крестьянъ было дѣломъ не терпящимъ ни малѣйшаго отлагательства? Кто знаетъ также, къ какимъ придемъ мы результатамъ, если, по тѣмъ, или другимъ соображеніямъ губернскихъ земскихъ собраній, будетъ принята сразу та, или другая система податей, по тому только, что облегченіе крестьянскаго населенія отъ лежащихъ на немъ тягостей есть также дѣло не терпящее ни малѣйшаго отлагательства.

Въ томъ видѣ, въ какомъ находится вопросъ о податной реформѣ въ настоящее время, онъ долженъ былъ бы, по мнѣнію нашему, пройти три періода или три фазиса своего развитія.

Принимая во вниманіе капитальную важность реформы, данное уже правительствомъ направленіе вопросу, т. е. передачу его на обсужденіе земства и наконецъ почти повсемѣстное въ средѣ земства несочувствіе къ проекту правительственному,—земство должно было бы, во 1-хъ, опредѣлить нынѣ же и выработать или просто утвердить общій основной принципъ податной реформы. Далѣе, въ виду нетерпящей отлагательства необходимости облегчить податныя сословія отъ податныхъ тяжестей, затрудняющихъ не только развитіе благосостоянія каждой отдѣльной платежной единицы, но и вообще весь строй государственнаго хозяйства и государственные финансы страны,—должны были бы быть, во 2-хъ, приняты немедленно же временныя мѣры, которыя, съ одной стороны, не убавили бы размѣровъ государственныхъ сборовъ противу существующихъ, съ другой стороны, облегчили бы по возможности положеніе податныхъ сословій. Наконецъ, въ 3-хъ, на высказанныхъ земствомъ на-

Digitized by Google

чалахъ должна была бы быть создана вполнѣ обдуманная и обработанная новая система податей, которую можно было бы постепенно вводить въ жизнь и въ законъ, какъ нѣчто цѣльное и основное для всѣхъ тѣхъ дальнѣйшихъ преобразованій, которыя мы должны ожидать съ этой стороны въ будущемъ.

Понятіе о несправедливости существованія подушной подати, какъ подати, лежащей на одной только части населенія, до такой степени распространилось и укрѣпилось въ обществѣ, что останавливаться на немъ уже нечего. Приступая къ обсужденію податной реформы, земскія собранія должны, слѣдовательно, начинать уже прямо съ того, какая изъ существующихъ, извѣстныхъ, всесословныхъ системъ податного сбора болѣе равномѣрна, и какая можетъ считаться болѣе прочною для введенія въ страну, вступающую на новую стезю жизни?

Имѣя въ виду временныя мѣры, которыя, какъ мы сказали, должны были бы быть приняты къ немедленному облегченію отъ налога податныхъ сословій, земскимъ собраніямъ не представлялось бы уже тѣхъ затрудненій, какія представляются имъ теперь; при разрѣшеніи вопроса въ принципѣ, они имѣли бы возможность остановиться на обсуждаемомъ предметѣ на болѣе долгое время, разрѣшать вопросъ не торопясь; а на помощь земству могла бы прійти, безъ сомнѣнія, и литература, которая до сей поры, на сколько мы знаемъ, высказалась только двумя, тремя капитальными статьями. Наконецъ, и самое главное,—при такихъ условіяхъ вопросъ о подоходномъ налогѣ, къ которому приступаютъ теперь съ какою-то робостью, не смотря на то, что преимущество его предъ всѣми остальными системами податныхъ сборовъ сознаютъ всѣ безъ исключенія, вопросъ о подоходномъ налогѣ, говоримъ мы, могъ бы стать на болѣе твердую почву, не имѣя уже противъ себя того единственнаго аргумента, который высказывается противъ него теперь, т. е., аргумента «недостатка времени».

Впрочемъ, какую бы систему податей мы ни сочинили взамѣнъ существующей подушной, безъ многосложныхъ и весьма трудныхъ предварительныхъ работъ намъ не обойтись. Придется, съ одной стороны, можетъ быть, изобрѣтать класы и разряды, видимые признаки которыхъ не выработались еще у насъ жизнью; придется, съ другой стороны, необходимо пересмотрѣть даже и существующіе, рѣзко обозначенные класы, какъ на примѣръ класъ земледѣльческій, ибо не только земледѣлецъ или рабочій какой

Digitized by Google

нибудь Костромской губерніи не можетъ стоять рядомъ съ земледѣльцемъ Рязанской губерніи, но въ одной и той же губерніи разные уѣзды, въ одномъ и томъ же уѣздѣ разныя мѣстности представляютъ иногда совершенную невозможность подведенія земледѣльческаго труда, заработковъ и достатковъ подъ одну категорію; единственныя же данныя, выработанныя по этой части Положеніемъ 19 февраля, извѣстны своею недостаточностію. Далѣе, если цѣль предстоящей реформы заключается главнымъ образомъ въ облегченіи податныхъ сословій отъ лежащихъ на нихъ въ настоящее время тягостей, то достигнуть этой цѣли можно не иначе, какъ опредѣленіемъ прежде всего того размѣра налога, который можетъ и долженъ быть убавленъ. Для сего же послѣдняго необходимо знать, въ какой пропорціи относятся существующіе сборы къ доходности. Мы знаемъ, на примѣръ, что платежи государственныхъ крестьянъ въ великороссійскихъ и малороссійскихъ губерніяхъ простираются отъ 30—60 р. съ двора, или 10—13 р. съ души, или 1 р. 50 к. до 3 р. 50 к. съ десятины; но гдѣ и въ какой мѣстности платежи эти болѣе или менѣе тяжелы, въ какой мѣстности они болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ доходамъ—этого мы не знаемъ. Одинъ гласный новгородскаго земства, въ изданной въ 1869 г. брошюрѣ, совершенно справедливо замѣчаетъ, что «познанія наши о нашихъ земляхъ до того скудны, что не только настоящаго дохода мы съ нихъ не знаемъ, но задаемъ даже себѣ вопросъ: стоитъ ли владѣть ими? Цѣны земель въ Новгородской губ. опредѣлены иногда въ 1 р. 50 к. за десятину и съ доходомъ въ $7^1/_2$ коп. съ этой десятины, между тѣмъ какъ земли эти покрыты прекрасными лѣсами, а по всей почти губерніи за одно бревно, по ремонтнымъ смѣтамъ, платится 30, 40 коп. и болѣе».

Такимъ образомъ, слѣдовательно, опредѣлить размѣръ скидки съ лежащаго на податныхъ сословіяхъ налога мы собственно не можемъ до общаго пересмотра доходности земель, а это, какъ извѣстно, и выставляютъ большею частью пугаломъ противники подоходнаго налога. Государственный кадастръ въ Россіи, говорятъ даже и не противники подоходнаго налога, есть дѣло у насъ неисполнимое, а съ мыслью о спеціальномъ кадастрѣ нужно разстаться. При этомъ обыкновенно сторонники и не сторонники подоходнаго налога представляютъ въ примѣръ государственный кадастръ во Франціи, начатый, какъ они говорятъ, составленіемъ въ 1807 году и оконченный только черезъ 43 года.

Digitized by Google

Постоянная ссылка но кадастръ во Франціи заставляетъ насъ остановиться нѣсколько на этомъ предметѣ, дабы показать и совершенную невѣрность сравненія и вообще ту разницу, которую представляетъ французскій кадастръ съ тѣмъ, какимъ онъ могъ бы явиться у насъ.

Учрежденіе кадастра во Франціи относится еще къ 1763 г. и имѣло цѣлью описаніе всѣхъ поземельныхъ владѣній, даже помѣстій короля, принцевъ, дворянства и духовенства, для преобразованія системы налоговъ. Нечего говорить о томъ, какія препятствія должна была встрѣтить эта мѣра въ смыслѣ политическомъ; но кромѣ того еще, во-первыхъ, скрывать поземельныя владѣнія, обложенныя налогомъ, было въ интересахъ всѣхъ жителей безъ исключенія; во вторыхъ, во Франціи находились еще провинціи, носившія названіе иностранныхъ и пользующіяся особымъ правомъ обложенія податью только мѣстными властями. Въ 1782 г. работы по кадастру были даже оставлены вслѣдствіе оппозиціи парламента, видѣвшаго въ немъ посягательство на свое право и не допускавшаго того, чтобы налогъ могъ распространяться на привиллегированные класы. Въ 1789 г., при Людовикѣ XVI, избирательное собраніе выразило, однако, снова желаніе учредить кадастръ съ цѣлью размежеванія всѣхъ поземельныхъ владѣній и подробной ихъ оцѣнки. Положеніе это было утверждено національнымъ собраніемъ въ 1791 г., но работы начались только въ 1803 г., да и то не по отдѣльнымъ частнымъ владѣніямъ, а въ массѣ, такъ что 5 лѣтъ пропало все-таки даромъ, пока наконецъ въ 1808 г. не была оставлена система общаго размежеванія и оцѣнки и не начался настоящій спеціальный кадастръ. Реставрація впрочемъ едва не уничтожила его. Ораторы, говоритъ Моро де Жонесъ, клеймили его въ палатахъ, какъ гигантскую выдумку Бонапарта и какъ фискальную заразу, предательски введенную въ учрежденія Франціи. Императорскій деспотизмъ, говорили они, учредилъ конскрипцію земель и людей. Кадастровыя работы вмѣстѣ съ этимъ встрѣтили столько препятствій, что въ 1830 г. можно было ими обнять лишь половину государства. Съ этого года работы продолжались, конечно, уже болѣе успѣшно, но не надо забывать однакоже и всѣхъ тѣхъ переворотовъ, которымъ подвергалась Франція въ промежутокъ времени отъ 1830 до 1852 г., то есть, до времени совершеннаго окончанія кадастра, обнявшаго 53 милліона слишкомъ гектаровъ или 26.856 кв. миль, то есть, все пространство, занимаемое французскими владѣніями.

Digitized by Google

Мы спрашиваемъ читателей: есть ли тутъ что либо общее съ нашею страною? Можно ли ожидать чего нибудь подобнаго у насъ, и можно ли ссылаться на такой не подходящій во всѣхъ отношеніяхъ примѣръ?

Вмѣсто всѣхъ тѣхъ статистическихъ работъ, которыя были предприняты во Франціи еще съ 1697 г., съ герцога Бургундскаго, и которыя имѣли послѣдствіемъ своимъ то изданіе сочиненія: «Etat de la France», составлявшаго извлеченіе изъ 42 фоліантовъ различныхъ статистическихъ свѣдѣній, то изданіе, въ 1806 г., «Statistique générale de la France», составлявшаго довольно подробное описаніе французскихъ департаментовъ и т. д., вмѣсто всего этого, у насъ только въ 1766 г. положено было начало такъ называемому генеральному межеванію. Межевые чины обязаны были, по указу, поименовывать судоходныя рѣки, породы лѣсовъ, качество земли, занятіе жителей, число фабрикъ и заводовъ, а въ казенныхъ земляхъ количество обрабатываемой крестьянами земли, пашни, покосы, отношеніе между оброчными и необрочными угодьями, доходъ съ нихъ въ казну и т. д. Всѣ свѣдѣнія эти отмѣчались на картахъ, вносились въ журналы и такимъ образомъ составились полныя, хотя и невѣрныя, описанія цѣлыхъ губерній. За тѣмъ, независимо отъ сего, въ западныхъ губерніяхъ сдѣланы были еще попытки уже и чего-то болѣе сходнаго съ кадастромъ, а именно, люстрація имѣній, въ силу которой было снято на планъ до 40 милліоновъ десятинъ. Такимъ образомъ сходство между нами и Франціею не представляется даже и съ этой стороны приготовительныхъ, такъ сказать, къ кадастру работъ. Но и не смотря на это, въ трудахъ податной коммисіи нашли мы между прочимъ цѣлый подробный проектъ введенія книгъ поземельнаго владѣнія, основанный только на планахъ генеральнаго и спеціальнаго межеванія и неодобренный коммисіею только по такимъ обстоятельствамъ, которыя могутъ и должны быть весьма легко устранены. Дѣло, какъ видно, остановилось лишь на томъ, что коммисія не находила возможнымъ всѣ работы по введенію книгъ сосредоточить въ московской межевой канцеляріи, тогда какъ представлялось удобнѣе произвести ихъ по губерніямъ, *гдѣ составлены даже карты поземельныхъ владѣній* и гдѣ находятся въ копіяхъ всѣ тѣ же свѣдѣнія, какъ и въ московской межевой канцеляріи. Во вторыхъ, мѣстные губернскіе и уѣздные землемѣры, по мнѣнію коммисіи, были болѣе знакомы съ са-

Digitized by Google

мымъ положеніемъ поземельныхъ владѣній; вѣдомства же государственныхъ имуществъ и удѣльное *имѣютъ во многихъ губерніяхъ удовлетворительные учеты и карты земель*, какъ предоставленныхъ въ пользованіе крестьянъ, такъ и находящихся въ распоряженіи казны и удѣла. Что же касается земель, предоставленныхъ въ надѣлъ крестьянамъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, то о сихъ послѣднихъ имѣются свѣдѣнія въ уставныхъ грамотахъ. Наконецъ, въ третьихъ, коммисія весьма справедливо полагала, что съ открытіемъ земскихъ учрежденій, приведеніе въ исполненіе проекта введенія поземельныхъ книгъ должно еще облегчиться, что̀ дѣйствительно и оправдывается уже успѣшными, какъ слышно, дѣйствіями ипотечныхъ работъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ С.-Петербургской губерніи.

Такимъ образомъ всѣ эти соображенія ведутъ къ заключенію скорѣе о возможности, чѣмъ о невозможности кадастра при нѣкоторыхъ усиліяхъ земства, хозяйство котораго должно получить громадные отъ работъ этихъ барыши, и при нѣкоторомъ содѣйствіи правительства, въ финансовыхъ интересахъ котораго описаніе земель должно играть также значительную роль.

За тѣмъ переходъ къ подоходной подати долженъ совершиться уже гораздо легче, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя историческія черты нашего прошедшаго показываютъ, что такая подать не составляла бы для насъ новости. Наши писцовыя книги указываютъ, на примѣръ, что не ревизская душа и не десятина, или другой мѣры земля составляетъ предметъ обложенія, но дворъ, а со двора подать по числу засѣваемыхъ коробовъ ржи, собираемыхъ копенъ сѣна и т. д., при чемъ принималось въ расчетъ: кто сѣялъ рожь, кто пшеницу, кто ленъ и т. д., т. е., сколько кто пріобрѣталъ съ земли; и сборъ этотъ натурою, а потомъ деньгами, полагался неодинаково по разнымъ деревнямъ, но иногда по $^1/_3$ части отъ засѣяннаго хлѣба, иногда по $^1/_4$ и по $^1/_5$. Мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ лицъ, проводящихъ свои проекты податной системы, что земство не сдѣлаетъ будто бы ни шагу и не дастъ ни гроша на кадастръ и на переходъ подушной подати въ подоходную. Мы полагаемъ напротивъ, что оно можетъ сдѣлать все—и сдѣлаетъ. Хотя прошло уже невозвратно шесть лѣтъ, въ которые земская статистика не обогатилась ничѣмъ, тогда какъ въ это время можно было бы исподволь далеко уже уйти по части

Digitized by Google

описанія земель и земскаго хозяйства; но это еще ничего не доказываетъ. Мы поднимаемся всегда тяжело и даже вовсе не поднимаемся до тѣхъ поръ, пока не придетъ крайность, которая заставитъ насъ подняться. Крайность эта, по нашему мнѣнію, настала. Коль скоро земство соглашается въ несправедливости подати подушной, какъ лежащей на одномъ сословіи податномъ, и въ необходимости распространенія ея на всѣ сословія, то оно же, это земство, и выработаетъ себѣ исходъ изъ этого затрудненія. Мы не спѣшимъ опредѣлять системы подоходной подати, которая могла бы и должна была бы быть введена всего удобнѣе у насъ: мы говоримъ только о ея возможности при одномъ условіи—при условіи извѣстнаго промежутка времени, котораго требуютъ всѣ трудныя и многосложныя приготовительныя работы.

Чтобы перевести такимъ образомъ вопросъ о податной реформѣ въ третій фазисъ его развитія, для этого должна быть создана та временная, нереходная мѣра, о которой мы упомянули въ началѣ и которую мы постараемся представить хотя въ главныхъ ея чертахъ.

Если стоящая на первомъ планѣ цѣль правительства и общества—есть сознанная необходимость равномѣрнаго распредѣленія подушной подати и облегченія при этомъ класса настоящихъ плательщиковъ, то временныя мѣры должны быть, слѣдовательно, направлены главнымъ образомъ на эти два пункта, при чемъ общая сумма государственныхъ сборовъ должна быть сохранена прежняя.

Какъ въ недавнемъ еще времени, съ цѣлью облегченія мѣщанъ отъ тяготѣвшихъ на нихъ налоговъ, налогъ этотъ былъ просто обращенъ на другихъ плательщиковъ, такъ представляется намъ возможнымъ поступить и здѣсь.

Взглянемъ для этого на количество существующихъ подушныхъ сборовъ и количество наличныхъ плательщиковъ этихъ подушныхъ сборовъ. По свѣдѣніямъ, заимствованнымъ нами изъ трудовъ податной коммисіи, изъ «Обозрѣнія государственныхъ доходовъ» Заблоцкаго и изъ другихъ, помѣщенныхъ въ разныхъ изданіяхъ,—дѣло представляется въ такомъ видѣ: народонаселеніе Европейской Россіи и Сибири простирается до 29.136.978 м. п. д. или 58.273.956 обоего п. д. Присоединивъ сюда кочующихъ и бродячихъ инородцевъ, всего 2.044.315 об. п. д. получится приблизительная цифра населенія въ 60.318.271

Digitized by Google

об. п. д. Народонаселеніе Кавказа считается въ 3.801.251 об. п. д., Царства Польскаго въ 5.319.363 об. п. д. и Финляндіи въ 1.766.256 об. п. д.

Изъ этого числа населенія, собственно плательщиковъ податей, кромѣ кочующихъ и бродячихъ инородцевъ, считается 26.712.534 д. м. п.

Сборы же, о которыхъ идетъ въ настоящемъ случаѣ рѣчь, представляются въ такомъ видѣ:

Подушной подати:		38.489.601 р.
Земскихъ сборовъ		
Съ крестьянъ	22.197.165	
Съ мѣщанъ	1.579.373	
Съ купцовъ	750.786	
Итого всѣхъ сборовъ . .		63.016.927 р.

Всѣхъ государственныхъ и земскихъ сборовъ взимается съ податныхъ сословій, за исключеніемъ Бессарабіи и Сибири, 83.233.335 р.; но сюда входятъ уже, кромѣ подушной подати, оброчный съ государственныхъ крестьянъ, общественный сборъ, сборъ на капиталъ продовольствія и земскій сборъ, съ торговыхъ свидѣтельствъ, съ душъ и съ земли. Мы ограничимся только первыми сборами, т. е., подушною податью и земскимъ; мы возьмемъ даже позднѣйшія свѣдѣнія, а именно: предположимъ, что подушная подать равняется 2 р. 62 к. съ каждой ревизской души; а именно, подушнаго оклада: 1 р. 99 к. и государственнаго земскаго сбора: 63 к.

Задача наша должна заключаться такимъ образомъ въ возможномъ сокращеніи этой цифры сбора съ сословій податныхъ и въ равномѣрномъ распредѣленіи ея на остальныя сословія, не убавляя однакожъ общаго итога всего сбора.

Предположимъ, что цифру эту мы убавимъ почти втрое; предположимъ, что цифру 2 р. 62 к., платимую нынѣ съ души сословіями податными, мы доведемъ до 1 р. Дѣло представится тогда въ такомъ видѣ.

Всѣхъ плательщиковъ считается 26.712.534 д., полагая въ томъ числѣ и купцовъ; исключивъ же сихъ послѣднихъ (250.000 д.), плательщиковъ будетъ: 26,462.534 д. Сборовъ, какъ мы сказали выше, всего 63.016.927 р.; исключивъ же изъ этого числа сборъ съ купцовъ, которыхъ мы

Digitized by Google

исключили и изъ плательщиковъ, т. е., 750.786 р.—сумма сборовъ будетъ равняться 62.266.141 р. Если предположимъ, что подушный сборъ мы довели бы до 1 р. съ души, то этимъ рублевымъ сборомъ получимъ мы 26.462.534 р. Исключивъ эту сумму изъ общей суммы сборовъ, т. е., изъ 62.266.141 р.—окажется, что на неподатныхъ сословіяхъ останется сборовъ: 35.803.607 р. + исключенный нами выше сборъ съ купцовъ: 750.786 р. Итого на податныхъ сословіяхъ будетъ: 26.462.534 р. и на неподатныхъ: 36.554.393 р.

Составъ неподатныхъ сословій представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Дворянъ	326.092 д.
Духовенства	298.021 д.
Купцовъ.	250.000 д.
Лицъ, освобожденныхъ отъ податей по разнымъ случаямъ . .	1.540.107 д.

Составъ этихъ послѣднихъ, вошедшихъ и не вошедшихъ въ число 1.540.107, не лишенъ интереса, а потому мы и приведемъ его подробнѣе. Кромѣ отставныхъ солдатъ, освобожденныхъ отъ податей, считаются: обѣльные вотчинники въ Олонецкой г. и бѣлопашцы—потомки Ивана Сусанина въ Костромской г.; лица, получившія ученыя степени, домашніе и приходскіе учителя и воспитанники нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній; иновѣрцы, принявшіе православную вѣру; вызванные изъ-за границы для распространенія въ Россіи овцеводства, овцеводы; вольные матросы и рижскіе цеховые лоцманы; лоцманы при днѣпровскихъ порогахъ и въ Архангельскѣ; куришъ-кениге въ Курляндіи; баньщики при Киммернскихъ курляндскихъ цѣлительныхъ источникахъ; лѣсные сторожа; тульскіе оружейники; крестьяне городскихъ госпитальныхъ мызъ въ Эстляндіи; чоглы или гробокопатели въ Бессарабской области; люди, составляющіе, такъ называемыя, войсковыя сословія, т. е., всѣ казаки, кромѣ малороссійскихъ; башкиры, татары, мещеряки и кочующіе калмыки; иностранцы, проживающіе въ Россіи; бухарцы, хивинцы и персіяне, проживающіе временно въ Астрахани; греки въ Нѣжинѣ; армяне въ Ставропольской губ.; трухмены и каракалпаки; менонисты въ Самарской г.; смоленская шляхта, поселенная въ Самарской г.; евреи земледѣльцы въ Могилевской г.; солтысы,

Digitized by Google

остатокъ высшаго сословія при польскомъ правительствѣ въ Волынской г.; магометане-татары въ Виленской, Вятской и Ставропольской г.; освобожденные по изувѣченію въ Подольской губ.; бродяги и лица, состоящія въ заведеніяхъ приказа общественнаго призрѣнія; арестанты гражданскаго вѣдомства; ссыльные и ссыльно-каторжные въ Сибири и т. д.

Такимъ образомъ всѣхъ лицъ, неплатящихъ податей, будетъ 2.414.220.

Если же изъ этого числа исключить духовенство и лица, освобожденныя отъ податей по разнымъ случаямъ, т. е., всего 1.838.128 д., то окажется только 576.092 д., между которыми должна быть раздѣлена оставшаяся у насъ сумма неуплаченныхъ податей въ количествѣ 36.554.393 р.

Какимъ же порядкомъ могла бы быть сдѣлана разверстка подати между этими 576.092 д., состоящими только изъ дворянъ и купцовъ?

Мы знаемъ, что всѣхъ дворянъ считается 326.092 д., но изъ этого числа дворянъ—землевладѣльцевъ, т. е., тѣхъ, имущество коихъ можетъ быть подвергнуто обложенію безъ всякаго особаго затрудненія, состоитъ только 103.158 д. и во владѣніи этихъ 103.158 д. находится 70 милліоновъ десятинъ земли.

Чтобы опредѣлить тотъ размѣръ налога, которымъ слѣдуетъ обложить это количество земельныхъ угодій, обратимся къ нынѣ существующему обложенію крестьянскихъ земель. Крестьянской земли считается 109 мил. десятинъ, на коихъ состоитъ налогу, считая подушный и земскій сборъ, около 66 мил. р.,— слѣдовательно, одна десятина выплачиваетъ 61 коп. Обложивъ такимъ же сборомъ земли помѣщичьи, т. е., 70 мил. десятинъ, мы сразу бы и съ избыткомъ покрыли ту недостающую и оставшуюся за убавленіемъ подати съ крестьянъ сумму 36.554.393 р. Но облегчивъ существующіе платежи съ крестьянъ болѣе чѣмъ на половину, мы, съ одной стороны, точно также должны убавить и приходящуюся на долю землевладѣльцевъ часть, по крайней мѣрѣ, въ половину, т. е., вмѣсто 61 к. съ десятины допустить сборъ въ 30 к. Съ другой стороны, такъ какъ остающаяся недовзысканная сумма въ 36.554.393 р. должна упасть, кромѣ дворянъ, и на купцовъ, то мы должны сравнить количество плательщиковъ между собою, т. е., количество дворянъ и купцовъ. Изъ сравненія этого оказывается, что первыхъ, т. е., дворянъ только 103.158 д., тогда какъ купцовъ 250.000 д., или,

Digitized by Google

считая на три души одного плательщика, дворянъ плательщиковъ будетъ 34.386, а купцовъ 83.333. Раздѣливъ между ними причитающійся налогъ въ 36.554.393 р.,—на долю дворянъ приходится 10.677.685 р., а на долю купцовъ 25.876.708 р. Раздѣливъ эти 10 мил. на землю, принадлежащую владѣльцамъ, на каждую десятину падетъ немного болѣе 15 коп.

Такой размѣръ налога на землю должен однако считаться наибольшимъ, ибо при дальнѣйшей разверсткѣ его между сословіемъ дворянъ, онъ можетъ быть значительно измѣненъ и убавленъ сообразно объема владѣній и мѣстностей. Во первыхъ, сокращеніе общей суммы налога должно произойти отъ отдѣленія извѣстной части его на долю остальныхъ дворянъ не землевладѣльцевъ, коихъ, за исключеніемъ 103.158 д. осталось 222,934, изъ каковаго числа одну треть т. е. 74 т. можно считать способными плательщиками по ихъ служебному положенію или другимъ занятіямъ. Во вторыхъ, размѣръ налога долженъ убавиться въ извѣстныхъ частяхъ по самому распредѣленію владѣній между крупными и мелкими собственниками, чѣмъ, безъ всякаго сомнѣнія, скорѣе всего можетъ быть достигнуто раздробленіе тѣхъ крупныхъ поземельныхъ собственностей, которыя, будучи сосредоточены въ однѣхъ рукахъ, задерживаютъ только развитіе сельскаго и всякаго другого хозяйства. Такъ, при существующемъ распредѣленіи владѣній дворянъ, на земляхъ коихъ поселено менѣе 21 д. крестьянъ, считается 42.959, на земляхъ коихъ поселено отъ 21 д. до 100 д.—36.179; на земляхъ коихъ поселено отъ 101 до 500 д.,—20.162; на земляхъ коихъ поселено отъ 501 до 1000 душъ,—2.462; на земляхъ коихъ поселено болѣе 1000 душъ,—1.396. Нѣтъ сомнѣнія, что, усиливъ налогъ на послѣднихъ разрядахъ, можно будетъ нѣсколько убавить его на первыхъ. Но предположимъ однако, что онъ опредѣленъ въ 15 к. съ десятины и пойдемъ въ нашихъ соображеніяхъ далѣе.

Намъ остается разложить между 250.000 душ. купцовъ 25.876.708 р. налога, который приходится на ихъ часть отъ подушной подати, да кромѣ того косвенный налогъ съ купеческихъ свидѣтельствъ 827.736 р., всего 26,704.444 р. Если считать, какъ въ крестьянствѣ 3 души на одного работника или тягло, то въ 250 т. купцовъ можно положить 83.333 плательщика податей. Мы не имѣемъ цифръ распредѣленія купеческаго сословія по капиталамъ, но имѣя въ виду не столько

Digitized by Google

полныя опредѣленія раскладки налога, сколько желаніе показать, повторяемъ, нѣкоторую возможность распредѣленія его, убавивъ сразу подати крестьянскія и тѣмъ выиграть время для введенія раціональнаго и на дѣйствительныхъ и вѣрныхъ данныхъ основаннаго налога, имѣя это въ виду, раскладку налога мы сдѣлаемъ совершенно гадательно, придерживаясь прежняго раздѣленія купеческаго сословія на гильдіи по количеству владѣемыхъ имъ капиталовъ. Такимъ образомъ можно, кажется, не ошибаясь во многомъ, предположить, что изъ 83.333 тяголъ купеческаго сословія, найдется до 5 т. почетныхъ гражданъ, первостатейныхъ купцовъ и крупныхъ капиталистовъ, которые имуществомъ своимъ, конечно, поровняются съ тѣми лицами изъ дворянъ, на которыхъ поземельная подать падетъ сильнѣе всего, т. е., на лицъ, на земляхъ коихъ поселено болѣе 1000 душъ крестьянъ или съ самыми крупными землевладѣльцами. Если сравнить такихъ купцовъ съ землевладѣльцами, имѣющими 13.334 дес. земли и болѣе, то, полагая оную обложенною 15 к. сборомъ, сбора съ такихъ купцовъ придется по 2 т. р., всего же съ 5 т. лицъ придется 10 мил. р. Разрядъ этихъ купцовъ назовемъ мы 1-й гильдіей. За тѣмъ, ко второй гильдіи отнесемъ четвертую часть изъ остальныхъ плательщиковъ, коихъ слѣдовательно будетъ 19.583 лица, и сборъ съ нихъ предположимъ въ 500 р., приравнивая ихъ къ землевладѣльцамъ, имѣющимъ не менѣе 3.334 дес. земли съ платою по 15 к., изъ чего долженъ образоваться сборъ въ 9.791.500 р. Наконецъ вся остальная сумма сбора или 6.912.944 р. упадетъ на лицъ третьей гильдіи, т. е., остальное число плательщиковъ 58.750 лицъ, изъ коихъ каждое, приравнивая ихъ къ землевладѣльцамъ, имѣющимъ 780 дес. земли съ платою 15 к., заплатитъ по 117 р. Такимъ образомъ вся падающая на часть купеческаго сословія подать въ 26.704.444 р. будетъ выполнена, и этимъ будетъ положенъ конецъ, съ одной стороны, тѣмъ деморализирующимъ началамъ, которыя кроются въ законѣ 21 ноября, касательно ограниченія земскихъ сборовъ съ купеческаго сословія 25%; съ другой стороны, тому вообще неправильному положенію, въ которомъ находятся низшіе и высшіе класы по отношенію ихъ къ налогу, ибо въ настоящее время, какъ извѣстно, низшій класъ платитъ болѣе высшаго на 59%; сравнительно же съ другими европейскими державами, государственные доходы, взимаемые путемъ налоговъ, представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Digitized by Google

	Англія.	Франція.	Бельгія.	Пруссія.	Россія.
Съ высшихъ классовъ	52%	49	45	30	17
Съ низшихъ классовъ	40	30	29	29	76

Мы далеки отъ того, чтобы выдавать предлагаемую нами временную мѣру взиманія налоговъ, какъ за вполнѣ достаточную, напротивъ, мы готовы признать всѣ ея несовершенства, необработанность и небрежность. Задача наша заключалась, повторяемъ, лишь въ томъ, чтобы показать, что всякая принятая въ настоящее время мѣра должна быть не иначе, какъ временная; вотъ, по нашему мнѣнію, и преимущество предлагаемаго порядка. Задача наша заключается въ томъ, чтобы показать, что въ такихъ вопросахъ, какъ вопросъ податной, какого бы рода ни была та система, которую избрало бы земство ли, или правительство, вниманіе должно быть обращено не на окончательные выводы и установленіе новой подати съ радикальнымъ измѣненіемъ существующаго порядка, какъ это сдѣлано въ правительственномъ проектѣ, какъ это дѣлаютъ и тѣ лица, которыя предлагаютъ нынѣ подоходный налогъ, печной и т. д., но на установленіе только временнаго порядка, который далъ бы срокъ одуматься и повести дѣло на прочныхъ основаніяхъ. Если намъ скажутъ, что всякая временная мѣра затянетъ окончаніе и раздѣленіе податнаго вопроса, то мы, съ своей стороны, можемъ смѣло утверждать, что и всякая другая радикальная мѣра, придуманная на скорую руку, на первое время будетъ имѣть тѣ же свойства и характеръ переходной мѣры, съ тою только разницею, что въ первомъ случаѣ всѣ неудобства при введеніи новаго порядка могутъ быть усмотрѣны еще въ теоретическихъ соображеніяхъ и приготовительныхъ работахъ и, никому не вредя, могутъ быть исправлены, во второмъ же случаѣ, всякая ошибка отзовется на государственномъ хозяйствѣ и финансахъ.

С. А. Л—й.

Digitized by Google

КОЛОНИЗАЦІЯ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНІИ

и

РАСПРОСТРАНЕНІЕ ГОРНАГО ПРОМЫСЛА

(*Посвящается Н. К. Чупину*).

IV.

Указомъ 9 марта 1720 г. на Уралъ посланъ былъ отъ артиллеріи капитанъ-поручикъ В. Н. Татищевъ съ бергмейстеромъ Бліэромъ, бергшрейберомъ Патрушевымъ, штейгеромъ Шенфельдомъ и двумя русскими учениками.

Уничтоживъ де-Геннина,—на сколько справедливо, мы видѣли въ предыдущей статьѣ, — г. Полетика говорилъ: «несравненно высшими гражданскими качествами обладалъ преемникъ де Геннина на Уралѣ, В. Н. Татищевъ». Что у Татищева были обширныя и замѣчательныя способности, это неоспоримо, тѣмъ болѣе, что Татищевъ дѣйствовалъ на поприщѣ гораздо болѣе широкомъ и разнообразномъ, нежели де-Геннинъ. Оставляя въ сторонѣ государственную дѣятельность Татищева въ другихъ службахъ, его литературныя заслуги и его почтенныя стремленія къ самообразованію, должно сказать, что Татищевъ сдѣлалъ весьма много на Уралѣ. Это признавалъ самъ Геннинъ; не думая тамъ оставаться, Геннинъ сильно хлопоталъ о назначеніи Татищева и писалъ: «Онъ здѣсь (на Уралѣ) зѣло нуженъ и, кромѣ его, всѣхъ сибирскихъ и заводскихъ дѣлъ не кому здѣсь въ команду отдать, понеже онъ искусенъ и скоро можетъ горныхъ и заводскихъ дѣлъ признать; такожде и въ приказномъ и въ земскомъ дѣлѣ довольно порядки знаетъ, и при немъ приказные и прочіе не могутъ такъ дѣлать, какъ при прежнихъ управителяхъ бездѣльничали. Онъ же

Digitized by Google

дѣйствительно можетъ отправить, для того, что губернаторъ и воеводы, противъ его представленій, будутъ чинить рѣшенія безъ остановки, а препятствовать опасутся». Уже послѣ (въ 1724 г.), когда Геннинъ разошелся съ Татищевымъ, когда послѣдній произведенъ былъ въ бергъ-совѣтники и предназначался на Уралъ, чтобы занять мѣсто Геннина, Геннинъ сказалъ жесткое слово о Татищевѣ, но не могъ не сознаться, что «его Господь Богъ довольно разумомъ благословилъ, и онъ въ своихъ распоряженіяхъ зѣло искусенъ».

Татищевъ еще въ первое свое полуторагодовое пребываніе на Уралѣ (1720—1722 г.) положилъ начало многимъ полезнымъ учрежденіямъ, развитымъ де-Геннинымъ: онъ выбралъ мѣсто для постройки Екатеринбурга, выше Уктусскаго завода, гдѣ Исеть переставала быть населенною, и на столько сознавалъ важность этой мѣстности, что хлопоталъ о переводѣ туда ирбитской ярмарки; поручилъ плѣнному шведу Шульцу снять карту казенныхъ заводовъ и деревень; заботился о дорогахъ; первый подалъ мысль о проведеніи сѣверо-екатерининскаго канала, между обѣими Кельтмами (между Камой и Вычегдой, впадающей въ Сѣверную Двину); хотѣлъ открыть кратчайшій сибирскій путь на Кунгуръ и устроить новый заводъ на мѣстѣ теперешняго Екатеринбурга, но получилъ повелѣніе: «дороги, кромѣ Верхотурья, запретить и поставить крѣпкія заставы»; хлопоталъ объ учрежденіи почтовыхъ сообщеній; открылъ въ заводахъ Алапаевскомъ и Уктусскомъ школы ариѳметическія и начальныя; выдавалъ пособіе учащимся; велѣлъ устроить въ приписныхъ слободахъ избы для школъ и требовалъ, чтобы священники и причетники учили читать хоть по 10 крестьянскихъ мальчиковъ въ каждой слободѣ; составилъ «наказъ уктусскому комисару Бурцову», одобренный бергъ-коллегіею: наказъ этотъ, распространенный впослѣдствіи Татищевымъ, но утвержденный и введенный въ дѣйствіе уже Геннинымъ, и есть именно тотъ наказъ, который дѣйствовалъ до изданія горнаго устава, приписываемый Геннину и выставляемый одною изъ существенныхъ его заслугъ для горнаго дѣла [1]); принималъ дѣятельныя и полезныя мѣры для сбереженія лѣсовъ и противъ пожаровъ; заботился о приписныхъ крестьянахъ; опредѣлилъ земскаго комисара, которому, между прочимъ, вмѣнено было въ обязанность «смотрѣть накрѣпко, чтобы на заводы пахотныхъ

*) Н. К. Чупинъ, «Жизнеописаніе Татищева», въ «Пермскихъ Губ. Вѣд.».

Digitized by Google

крестьянъ, безъ крайней нужды, въ рабочую пору не наряжали, чтобы, во всякомъ случаѣ, крестьянамъ работы на заводахъ засчитывались въ подати по той цѣнѣ, которую получаютъ вольнонаемные рабочіе»; исходатайствовалъ для крестьянскаго населенія особаго судью, вмѣсто отсылки для суда въ отдаленный Тобольскъ; противъ башкирцевъ, на мѣстѣ сожженной ими деревни Верхній Уктусъ, Татищевъ построилъ укрѣпленіе Горный Щитъ (теперь село Горношитское), и поселилъ тамъ небольшой отрядъ драгунъ. Все это сдѣлалъ Татищевъ въ такой короткій срокъ,— одинъ, почти безъ всякихъ помощниковъ.

Вообще въ Татищевѣ было много хорошихъ сторонъ. Обширный умъ и образованіе дѣлали его, не смотря на рѣзкій характеръ, либеральнымъ выше своего времени; на это, кромѣ приведенныхъ выше заботъ о приписномъ населеніи, есть много свидѣтельствъ: такъ, въ тотъ же первый пріѣздъ на Уралъ, онъ принялъ въ службу плѣнныхъ шведовъ и выхлопоталъ имъ позволеніе жениться на русскихъ, не перемѣняя вѣры; въ своемъ уставѣ стремился ограничить пытки; когда пришло изъ кабинета суровое повелѣніе на Уралъ разослать раскольниковъ по сибирскимъ монастырямъ подъ карауломъ,—онъ требовалъ только «искуснаго священника»; пріѣхавши въ Оренбургскую губернію, во время башкирскаго бунта, онъ тотчасъ же бросилъ кровавую и безобразную систему князя Урусова и Соймонова, и усмирилъ возстаніе мѣрами кроткими и разумными. Но въ его характерѣ были и огромные недостатки. Онъ былъ рѣзкій, заносчивый и неуживчивый администраторъ. Стóитъ взглянуть въ екатеринбургскомъ архивѣ на письма Татищева къ Демидову и сравнить ихъ съ скромною, благодушною и вмѣстѣ честною перепиской Геннина; стóитъ прочесть отвѣты тому́ и другому Демидова,—насмѣшливо-униженный тонъ послѣдняго въ посланіяхъ къ Татищеву, чтобы понять, на сколько, оставляя всѣ другія столкновенія, Татищевъ не могъ сойтись съ столь же надменнымъ и избалованнымъ Акинфіемъ Никитичемъ. Но были и серьезныя причины. Татищевъ, по своему образованію, сознавая всю важность независимой, частной промышленности,— на дѣлѣ не прочь былъ отъ самаго тяжелаго и мелочнаго опекунства. Въ первый свой пріѣздъ, онъ представлялъ въ бергъ-коллегію, чтобы казенные шихтмейстеры слѣдили за всѣми дѣйствіями частныхъ заводовъ, чтобы безъ нихъ не принимались и не увольнялись рабочіе, чтобы горный начальникъ, въ случаѣ нужды, могъ уничтожить излишнія производства, а при недостаточномъ

Digitized by Google

дѣйствіи *принуждать* заводчика дѣлать новыя устройства и увеличивать заводское дѣйствіе, *назначать* одинаковую плату мастеровымъ и рабочимъ на казенныхъ и частныхъ заводахъ, опредѣлять одну общую цѣну, *ниже* которой ни одинъ частный заводчикъ не могъ продавать, подъ страхомъ наказанія. Бергъ-коллегія не утвердила этихъ мѣръ. Тѣмъ не менѣе, излишняя начальственная притязательность была, безъ сомнѣнія, настоящею причиною неудовольствій, возникшихъ между Татищевымъ и Демидовымъ, вслѣдствіе которыхъ Петръ, для производства слѣдствія надъ Татищевымъ, послалъ на Уралъ де-Геннина и потомъ сдѣлалъ послѣдняго главнымъ начальникомъ сибирскихъ заводовъ. Де-Геннинъ совершенно оправилъ Татищева и отстоялъ его предъ строгимъ Петромъ; но, къ сожалѣнію, нельзя не признать,—вопреки г. Полетикѣ, обвиняющему въ этомъ самого Геннина, наперекоръ положительнымъ даннымъ,—что черною стороною въ характерѣ Татищева было его лихоимство. Дѣла слѣдственной коммисіи надъ Татищевымъ, когда онъ, по доносу, уволенъ былъ изъ оренбургской коммисіи, до сихъ поръ не обнародованы и не разработаны. Но въ книгѣ г. Пекарскаго «Жизнь и литературная переписка Рычкова» напечатанъ (приложеніе 1) сенатскій докладъ о винахъ Татищева, представленный императрицѣ Елизаветѣ, по просьбѣ Татищева, «отставить» учрежденную надъ нимъ при Биронѣ слѣдственную коммисію,—докладъ, послѣ котораго не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ виновности Татищева. Изъ этого доклада видно, что Татищевъ во многихъ случаяхъ не дѣлалъ различія между казенными суммами и своимъ карманомъ; бралъ съ купцовъ въ Оренбургѣ взятки по 195 руб.; у башкирца, укравшаго лошадей, взялъ 2 лошади и его отпустилъ; бралъ лошадьми съ киргизовъ, казаковъ, съ купца Кобыликина за поставку вина 300 р., за 2-хъ иноходцевъ отпустилъ изъ-подъ караула воровъ и бунтовщиковъ башкирцевъ и проч. и проч. Кромѣ того, сенатъ вывелъ на справку, что Татищевъ и прежде уличался во взяткахъ по слѣдственному дѣлу о московскихъ денежныхъ компанейщикахъ и въ 1734 г. былъ прощенъ по именному указу императрицы Анны Ивановны. Сенатъ, по этимъ даннымъ, представлялъ объ увольненіи Татищева отъ должности астраханскаго губернатора, съ тѣмъ чтобы и впредь его ни на какую службу не опредѣлять, и взыскать съ него захваченныя имъ казенныя суммы. Вслѣдствіе этого доклада, Татищевъ, 29 сентября 1745

Digitized by Google

года, уволенъ отъ должности и ему велѣно жить въ деревнѣ, не въѣзжая въ С.-Петербургъ. За что же г. Полетика, лишая Геннина правъ на званіе русскаго гражданина и совершенно бездоказательно обвиняя его въ лихоимствѣ, такъ ярко выставляетъ впередъ несравненно высшія гражданскія качества Татищева?... Въ этомъ лучше всего положиться на самого Петра—великаго знатока людей: послѣ знаменитаго разговора съ Татищевымъ о лихоимствѣ, Петръ, дорожа его умомъ и способностями, отправилъ его въ Швецію для обозрѣнія горныхъ заводовъ, но до самой смерти императора Татищевъ не получалъ никакого самостоятельнаго назначенія въ Россіи.

2 октября 1722 г. Геннинъ съ Татищевымъ пріѣхали въ Кунгуръ. Это было время, когда частная промышленность становилась уже на ноги, и во главѣ ея стояли тульскіе оружейники, распространявшіе свой промыселъ въ Тульской и Калужской губерніяхъ.

Грамотою 2 января 1701 г. Петръ Великій дозволилъ Никитѣ Демидову увеличить свой заводъ на р. Тулицѣ, и отвелъ ему участокъ стрѣлецкой земли, полосу изъ Щегловской засѣки, во всю ширину и 5 верстъ длиною, давъ ему право копать желѣзную руду въ Малиновой засѣкѣ.

Въ 1716 г. построилъ заводъ на р. Тулицѣ, въ 2 верстахъ отъ Тулы, казенный кузнецъ Иванъ Тимоѳеевъ Баташевъ.

Въ 1728 г. на Тулицѣ же, выше, въ 9 верстахъ отъ города, построилъ заводъ тулянинъ Илья Ивановъ Даниловъ (женатый на внучкѣ Никиты Демидова).

Въ Калужскую губернію заводское дѣло занесли также Демидовы: младшій изъ трехъ сыновей родоначальника Никиты Антуфьевича, Никита Никитичъ построилъ въ 1716 году заводъ на р. Дугнѣ, впадающей въ Оку, тогдашняго Алексинскаго (нынѣ Калужскаго) уѣзда, въ Любуцкомъ стану, на томъ мѣстѣ, гдѣ застроилъ Дугненскій заводъ еще въ 1689 г. Бутенантъ фонъ Розенбутъ, а въ 1726 г. на р. Брыни, въ Жиздринскомъ уѣздѣ, тотъ же Демидовъ построилъ *Брынскій* заводъ. Потомъ, какъ мы увидимъ дальше, Никита Никитичъ Демидовъ перешелъ на Уралъ.

Около того же времени въ Лихвинскомъ уѣздѣ существовалъ заводъ крестьянина Одинцова.

Въ 1728 г. тульскій казенный кузнецъ Максимъ Перфильевъ Мосоловъ, на рѣчкѣ Мышенкѣ, въ Тарусскомъ уѣздѣ, основалъ

Digitized by Google

Мышегскій заводъ; а въ слѣдующемъ году братъ его Иванъ на р. Дубнѣ—*Дубенскій*.

Въ Рязанской губерніи Петръ нашелъ предпріимчивыхъ людей, самостоятельно выступившихъ на поприще горной промышленности. По указамъ Петра, въ 1716, 1717 и 1718 годахъ, купцы Томилинъ и Рюмины и иностранецъ Боленсъ учредили Истьинско-Залипяжскій чугуноплавильный заводъ, на р. Исьѣ, въ нынѣшнемъ Пронскомъ уѣздѣ, и игольныя фабрики въ селахъ Столбцахъ и Каленцахъ. Между прочимъ, изъ привеллегіи на имя Томилова и Рюминыхъ 11 мая 1728 г. (П. С. З. № 4006) видно, что имъ разрѣшено было брать въ ученики въ Москвѣ и Рязани малолѣтнихъ нищихъ и держать до совершеннолѣтія; что у нихъ на заводѣ выписанъ былъ игольный мастеръ иноземецъ Гендрихъ Графъ; что въ 1719 году иностранныя иглы были обложены пошлиною, равною съ цѣной ихъ, кромѣ провинцій, завоеванныхъ отъ Швеціи, куда привозъ не стѣснялся, съ запрещеніемъ вывозить оттуда въ Россію; что съ 1722 г. заводчики на 15 лѣтъ освобождены были отъ платежа внутреннихъ пошлинъ и имѣли право отпускать иглы за границу, со взносомъ установленной пошлины. Кромѣ того, къ заводамъ приписано было нѣсколько сотъ душъ крестьянъ. Когда между учредителями произошелъ раздѣлъ, Боленцъ, въ 1737 г., неподалеку основалъ на р. Кирицѣ *Кирицкій* чугуноплавильный заводъ [1]).

---

[1]) Настоящее положеніе всѣхъ этихъ заводовъ слѣдующее:

Въ Рязанской губерніи Истьинско-Залипяжскій заводъ съ двумя игольными фабриками, переходя отъ одного владѣльца къ другому, достался г. Полторацкому и имъ былъ усовершенствованъ съ 1849 года, въ особенности игольныя фабрики. Но въ настоящее время онъ принадлежитъ торговому дому Барковыхъ наслѣдниковъ бывшаго скупщика желѣза на нижегородской ярмаркѣ. Кирицкій заводъ, отъ извѣстнаго зеркальнаго фабриканта Генига, перешелъ къ г. Смольянинову. Оба эти завода, въ настоящее время, не дѣйствуютъ. Въ Калужской губерніи Мышегскій заводъ въ 1808 г. купленъ генералъ-маіоромъ Чесменскимъ, а съ 1824 г. перешелъ къ князьямъ Бибарсовымъ. Онъ до сихъ поръ извѣстенъ отличнымъ чугуннымъ литьемъ (имѣетъ нѣсколько наградъ на выставкахъ). Дубенскій заводъ принадлежитъ наслѣдникамъ Мосоловымъ, а Дугненскій (бывшій Демидова) принадлежитъ наслѣдникамъ надв. сов. Салаева. Свѣдѣнія о старыхъ калужскихъ заводахъ, кромѣ Гаммеля, заимствованы мною изъ прекрасной статьи «Обозрѣніе фабричной и заводской промышленности Калужской губерніи», г. Тарасенкова, въ «Пам. кн. Калужской губ. за 1861 г.», а о рязанскихъ изъ описанія Рязанской губ. подполк. Барановича, стр. 281, «Словаря» Щекатова и другихъ сочиненій.

Digitized by Google

Предъ кончиною Петра заводское дѣло начало распространяться въ Пензенской губерніи; но никогда не достигало здѣсь большихъ размѣровъ. Заводы здѣсь принадлежали мелкимъ капиталистамъ, и ни одна изъ крупныхъ заводскимъ фирмъ, положившихъ начало большимъ горнозаводскимъ округамъ, не стремилась въ эту губернію, мало изобилующую минеральными богатствами. Первый въ Пензенской губерніи желѣзный заводъ, о которомъ сохранилось извѣстіе, былъ *Ряпкинскій*, построенный купцомъ Шапкинымъ въ 1722 году, затѣмъ въ 1726 г. *Савинскій*—Чеканщикова, въ томъ же году *Сивильскій*, на р. Сивилѣ, впадающей въ Мокшу, заводчика Андрея Милякова.

Но распространенію горной промышленности возлѣ Москвы и Тулы вскорѣ положенъ былъ конецъ. Въ 1754 г. 30 августа состоялся указъ (П. С. З. № 10285), «вслѣдствіе повторенныхъ представленій тульскихъ казенныхъ кузнецовъ о томъ, что умножившіеся въ окрестностяхъ Тулы чугунные и другіе разные заводы, издерживая большое количество угля, причиняютъ дороговизну онаго, а также по силѣ указа отъ 11 мая 1744 г. о сохраненіи лѣсовъ, какъ для продовольствія города Москвы, такъ и для строенія барокъ къ отпуску хлѣба и разныхъ товаровъ въ С.-Петербургъ,—состоящіе разстояніемъ отъ Москвы въ 200 верстахъ желѣзные, хрустальные и стеклянные заводы всѣ уничтожить». Этотъ указъ заставилъ тульскихъ заводчиковъ, Баташевыхъ и Мосоловыхъ, перенести свою дѣятельность въ другую мѣстность и положилъ начало обширнымъ заводскимъ округамъ, впослѣдствіи образовавшимся также въ бассейнѣ Оки, кромѣ Калужской и Рязанской губерній, въ Нижегородской, Тамбовской, Владимірской и Орловской.

Но настоящимъ полемъ дѣятельности частной промышленности была Сибирь, а двигателемъ ея—родоначальникъ нашего горнаго дѣла Акинфій Никитичъ Демидовъ.

Въ началѣ тысяча семисотыхъ годовъ, тульскій оружейникъ, обратившій на себя, какъ извѣстно, вниманіе Петра, Никита Демидовъ, воспользовался тѣмъ, что около Тулы запрещено было рубить дубовые лѣса, «отъ чего за угольемъ на тѣхъ заводахъ великаго государя дѣлу въ желѣзныхъ плавкахъ и во всякихъ припасахъ чинится остановка», просилъ «отпустить его на Верхотурскіе желѣзные заводы воинскіе всякіе припасы лить и дѣлать ему Никитѣ своими проторями». Петръ грамотою 4 марта 1702 года отдалъ Демидову казенный Невьянскій заводъ, съ правомъ

*

Digitized by Google

устроить новые заводы, а въ 1704 году отведены были ему лѣса и приписные крестьяне въ слободахъ Аяцкой и Краснопольской и въ монастырскомъ селѣ Поскровскомъ съ деревнями, по переписи 1722 г.—1.647 душъ. Получивъ Невьянскій заводъ, Никита Демидовъ, вскорѣ послѣ пріема завода его повѣреннымъ (12 мая 1702 г.), въ іюнѣ послалъ туда для управленія старшаго сына Акинфія Никитича. Хотя вскорѣ въ Невьянскъ переселился и самъ старикъ, но всѣ распоряженія дѣлалъ сынъ, что высказано и въ грамотѣ на дворянство, данной Акинфію Демидову императрицею Екатериной I (24 марта 1726 г.). Акинфій Никитичъ сразу повелъ дѣло съ необыкновенною энергіею. Въ первыхъ же русскихъ вѣдомостяхъ, печатавшихся въ Москвѣ въ 1703 году (изд. Публ. Библ.), 18 іюля напечатано: «Въ прежнихъ вѣдомостяхъ объявлено о сысканіи желѣза въ Сибири, и нынѣ іуля въ 17 день привезли къ Москвѣ изъ Сибири, въ сорокѣ двухъ стругахъ,—323 пушки великихъ, 12 мартировъ, 14 гоубицъ, изъ того желѣза сдѣланныхъ, да съ тѣми-жь пушками привезено желѣза, стали, укладу не малое число, и еще ожидали другаго каравана вскорѣ, а въ Сибири весьми умножается желѣзный заводъ, и такого добраго желѣза въ Свѣйской землѣ нѣтъ». Вскорѣ Демидовъ не удовольствовался однимъ заводомъ, тѣмъ болѣе, что еще съ 1696 была открыта магнитная гора *Высокая*—неистощимое сокровище Демидовскихъ заводовъ. Акинфій Никитичъ еще до пріѣзда Геннина выстроилъ заводы: *Шуралинскій* въ 1716 на р. Шуралкѣ, притокѣ Нейвы, *Верхне-Тагильскій*, въ низовьяхъ р. Тагила, въ 1718 г., въ томъ же году *Быньговскій* на рѣкѣ Нейвѣ, ниже Невьянскаго завода. У подошвы Высокой горы открыто было на р. Рудянкѣ коренное мѣдное мѣсторожденіе и тамъ на рѣкѣ Выѣ построенъ былъ въ 1771 *Выйскій* мѣдиплавильный заводъ, и, наконецъ, положено начало устройства желѣзнаго *Нижне-Тагильскаго*.

Болѣе мелкая частная промышленность распространялась по западному уклону Урала въ Пермской губерніи. Кунгурскій уѣздъ наполненъ былъ рудоискателями мѣдныхъ и желѣзныхъ рудъ, которые много помогли де-Геннину. Такъ Степановскаго острожка крестьянинъ Ѳедоръ Потовъ и татаринъ Болякъ Русаевъ первые нашли мѣдныя руды по рр. Туркѣ, Бырмѣ и Поялыму и повезли ихъ въ Казань, къ полковнику Нейдгарту, который управлялъ тамъ горною частью,—тому самому (?), который пострадалъ отъ адмирала Головина по поводу нерчинскихъ

Digitized by Google

рудъ. Нейдгартъ пріѣзжалъ для осмотра этихъ рудъ въ Кунгуръ и, накопавъ руды, повезъ ее по Камѣ на казенный Саралинскій мѣдный заводъ; дорогою руды потонули и рудники остались безъ употребленія. Потомъ воевода Калетинъ, пріѣхавши въ Кунгуръ, занялся рудоисканіемъ, но «крестьяне, говоритъ Геннинъ, не допустя его къ той добычѣ, знатно не желая того горнаго дѣла видѣть и чтобъ имъ въ горной работѣ не быть, его Калетина отъ горной работы отогнали, и онъ съ Кунгура съѣхалъ». Въ 1702 г. крестьянинъ Арамильской слободы Кузьма Сулеевъ открылъ по Полевой рѣчкѣ на Гумешкахъ знаменитый Гумешевскій рудникъ, единственное коренное мѣдное мѣсторожденіе на западномъ отклонѣ Урала, которымъ воспользовался уже впослѣдствіи Турчаниновъ. Въ 1703 г., съ разрѣшенія правительства, искали руды Патрушевъ и Вороновъ; въ 1704—1710 году уфимскій житель Ѳедоръ Молодой, съ товарищемъ своимъ Огневымъ, построили небольшой желѣзный заводъ на р. Мазуевкѣ, въ 45 верстахъ отъ Кунгура, а въ 1711 г. на казенный счетъ устроили тамъ выплавку мѣди, но заводъ пошелъ дурно и чрезъ годъ прекратился. Въ 1712 г. Огневъ устроилъ вновь мѣдиплавильный заводъ возлѣ самаго г. Кунгура, дѣйствовавшій до 1718 г. Въ этомъ году, новый вятскій воевода, Воронецкій, прекратилъ плавку мѣди и разработку рудниковъ, запретилъ даже искать руды. Въ 1710 г. крестьянинъ Арамильской слободы нашелъ мѣдную руду, у той же рѣчки Полевой, откуда мѣдь плавилась на Уктусѣ, но въ 1718 г. башкирцы строенія на Полевой сожгли и рабочихъ людей согнали.

Въ Соликамскомъ уѣздѣ, въ 3 верстахъ отъ Соликамска, богатый солепромышленникъ Михаилъ Турчаниновъ выстроилъ въ 1731 году мѣдный заводъ, *Троицкій*, закрытый въ 1770 году, по случаю истощенія руды. Кромѣ того, частные лица, какъ Строгоновъ и Турчаниновъ, разрабатывали мѣдныя руды и плавили ихъ на казенныхъ заводахъ. Горная промышленность въ то же время распространялась въ тогдашнихъ Казанской и Нижегородской губерніяхъ.

Тогдашняя Казанская губернія, обнимавшая, кромѣ Казанской, нынѣшнюю Вятскую и часть Пермской, какъ видно, имѣла важное значеніе въ горномъ отношеніи во время Петра. Германъ сообщаетъ извѣстіе, что первый изъ выписанныхъ Петромъ бергмейстеровъ, Ейдерлинъ (вмѣстѣ или ранѣе Бліэра?) открылъ мѣдную руду въ Казанской губерніи. Мы видѣли также, что въ на-

Digitized by Google

чалѣ царствованія Петра, до перехода Демидова на Уралъ и до назначенія Татищева, горною частію въ Казанской губерніи завѣдывалъ полковникъ Нейдгартъ; Татищевъ, въ первый свой пріѣздъ на Уралъ, назначилъ въ Казанскую губернію, для управленія тамъ горною частію, особаго комисара. По извѣстію де-Геннина, первый мѣдиплавильный заводъ въ Казанской губерніи, *Саралинскій*, на устьѣ р. Сарали, впадающей въ Каму, въ 7 верстахъ отъ Елабуги, выстроенъ былъ подъячимъ Калугинымъ съ товарищами, но Геннинъ не обозначаетъ въ точности времени его постройки, хотя видно, что онъ устроенъ еще съ начала тысяча семисотыхъ годовъ. Онъ вскорѣ взятъ былъ въ казенное содержаніе и для присмотра опредѣленъ комисаръ Александръ Аристовъ; но на этомъ же заводѣ—«для надзиранія и произведенія», по словамъ Геннина, находился и полковникъ Нейдгартъ,—въ какое время, не сказано. На этомъ заводѣ плавкою руды первоначально занимались плѣнные шведы, поселенные по Камѣ. Въ 1725 г. Саралинскій заводъ отданъ компанейщикамъ, комисару Ивану Небогатову и тулянину Лукьяну Маркову, и, послѣ раздѣла между ними, Саралинскій заводъ остался у Небогатова и перешелъ отъ него къ тульскому купцу Семену Красильникову, а Маркову достался застроенный обоими вмѣстѣ мѣдный заводъ на Камѣ, выше Елабуги. Послѣ того первымъ вятскимъ заводчикомъ, по извѣстію Геннина, былъ комисаръ Иванъ Тряпицынъ, «который къ заводамъ и горнымъ дѣламъ немалую охоту имѣлъ и для обученія къ тѣмъ дѣламъ нарочно посылалъ въ Швецію сына своего». Онъ построилъ на Анцубскомъ ключѣ мѣдный *Анцубскій* заводъ, проданный его сыномъ компанейщикамъ Вяземскимъ; и кромѣ того въ Осинскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Давыдовкѣ, другой мѣдный заводъ Давыдовскій, показанный у Щекатова, во владѣніи Акинфія Никитича Демидова. Въ 1729 г. купцы вятской сотни Вяземскіе при р. Кирсѣ, на земляхъ нынѣ упраздненнаго Верховятскаго Екатерининскаго монастыря, выстроили чугуноплавильный и желѣзнодѣлательный *Кирсинскій* заводъ, считающійся древнѣйшимъ изъ существующихъ въ Вятской губерніи [1]).

Въ Нижегородскомъ уѣздѣ, послѣ попытокъ Морозова, первый примѣръ подали также, какъ должно полагать, Демидо-

---

[1]) Опис. Геннина, также «Пам. кн. Вятской губ.» 1866 г., от. II, стр. 106. Германъ, не извѣстно почему, приписываетъ постройку его какому-то Курочкину; нынѣ онъ принадлежитъ г. Бенардаки.

Digitized by Google

вы. Геннинъ упоминаетъ, что еще до пріѣзда его, Акинфій Никитичъ, въ своей нижегородской Фокинской вотчинѣ, на Волгѣ, въ 110 верстахъ ниже Нижняго, устроилъ желѣзнодѣлательный заводъ, приготовлявшій желѣзо изъ сибирскаго чугуна, который не могли весь обработывать его уральскіе заводы. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ XVIII столѣтія муромскіе посадскіе люди, Данило Желѣзняковъ и братья Мездряковы, открыли желѣзную руду около села Казнева (въ Меленковскомъ уѣздѣ, на лѣвомъ берегу Оки), потомъ, продолжая свои изысканія, они вверхъ по Окѣ дошли до села Вьюшина и, перейдя по правую сторону Оки, на берегахъ впадающей въ нее р. Сноведи (на границѣ Нижегородской и Владимірской губерній), нашли изобильную руду, образцы которой представили въ бергъ-коллегію. Эта мѣстность впослѣдствіи составила обширный горный округъ заводовъ Баташевыхъ. Въ 1724 году Желѣзняковъ и Мездряковъ построили *Сноведскій* заводъ въ глубинѣ Муромскихъ лѣсовъ. Заводчики долго отдѣлывались отъ наполнявшихъ тѣ лѣса разбойниковъ, но впослѣдствіи одинъ изъ рабочихъ ввелъ разбойниковъ въ заводъ, и они его разграбили и сожгли; чѣмъ и окончилось предпріятіе [1]). Какъ, видно увлеченный этимъ примѣромъ, одинъ изъ крупныхъ нижегородскихъ землевладѣльцевъ, гр. П. Б. Шереметевъ, открылъ въ той же мѣстности, въ 7 верстахъ отъ г. Мурома, близъ с. Памфилова, на р. Колпинкѣ, *Колпинскій* желѣзный заводъ, гдѣ плавился чугунъ и всякое мѣдное издѣліе: заводъ этотъ показанъ дѣйствующимъ въ «Географическомъ Словарѣ» Щекатова.

Такъ, на первыхъ порахъ, около времени переѣзда Геннина на Уралъ, частная промышленность уже отмѣтила всѣ тѣ точки по цѣлой Россіи, гдѣ впослѣдствіи развилось большое заводское дѣло, продолжающееся тамъ и понынѣ.

Геннинъ, пріѣхавъ на Уралъ, такъ описывалъ состояніе тамъ заводскаго дѣла въ письмѣ къ Апраксину: «Демидова заводы въ хорошемъ весьма порядкѣ, и въ лучшихъ мѣстахъ построены, а на государевы сожалительно смотрѣть, что они здѣсь заранѣе въ добрый порядокъ не приведены». Въ инструкціи Клеопину и Гордѣеву, Геннинъ объясняетъ :«На Алапаевскихъ и Каменскихъ заводахъ плутали и заводы пустошили, а на Уктусскомъ не-

---

[1]) «Нижегородскій стат. сборникъ», II, стр. 152 и слѣд. «Вѣстникъ промышленности», августъ 1860 г. «О Шепелевскихъ заводахъ».

Digitized by Google

дознаніемъ и нерадѣніемъ въ худомъ дѣйствѣ и за припасами остановка бывала». Геннинъ, впереди себя, имѣлъ распоряженія Татищева, способностямъ котораго онъ отдавалъ должную цѣну, и немедленно всѣ его предположенія привелъ въ исполненіе. Тотчасъ по пріѣздѣ на Уктусъ съ Демидовскихъ заводовъ, Геннинъ приказалъ приступить къ строенію завода на Исети, «по росписи, какову оставилъ г. капитанъ Татищевъ», и при заводѣ крѣпости, для защиты отъ башкировъ. Какого рода трудности долженъ былъ испытать де-Геннинъ, видно изъ собственнаго его расказа: «Къ тому заводскому строенію, по требованію Геннина, по силѣ имянныхъ указовъ, бывшій тогда въ Сибири губернаторомъ кн. Черкаскій прислалъ изъ Тобольска полкъ солдатъ и работныхъ людей изъ ближнихъ дистриктовъ, и денегъ для начатія строенія 30.000 руб. Но токмо оные солдаты и работные люди плотничье дѣло не знали, и въ прочихъ работахъ при строеніи зѣло были необычайны; къ тому-жь какъ оные солдаты, такъ и работники, сперва много отъ работы бѣгали, и дошло до того, что онаго генералъ-лейтенанта (Геннина) въ томъ пустомъ мѣстѣ при строеніи едва не одного оставили. Отъ чего тогда не безъ опасности было отъ непостояннаго козачьей орды народа башкирцевъ и татаръ, которые въ близости жительства имѣли, и увѣдавъ, что русскіе люди, близъ ихъ рубежа, строятъ заводы, собирались воровскими партіями и русскихъ людей, которые руды искали около Полевой, убивали». Геннинъ преодолѣлъ всѣ эти затрудненія.

Въ особенности дѣятельно пошла постройка съ весны 1723 г., такъ что къ зимѣ были уже построены: большая плотина на Исети, домны, желѣзнодѣлательныя, мѣдиплавильныя и мѣдиочищательныя фабрики, большое число домовъ для рабочихъ и чиновниковъ и нѣсколько торговыхъ лавокъ; крѣпостное строеніе докончено, строилась мазанковая церковь. Въ іюнѣ 1723 года Геннинъ новый заводъ и крѣпость при ней назвалъ *Катеринбургомъ* въ честь императрицы. Въ томъ же году главное управленіе Уральскихъ и Сибирскихъ заводовъ, переименованное при Геннинѣ въ оберъ-бергъ-амтъ, переведено изъ Уктуса, гдѣ его учредилъ Татищевъ, въ Екатеринбургъ, «понеже, писалъ Геннинъ въ бергъ-коллегію, здѣсь новостроющіеся катеринбургскіе заводы между всѣхъ другихъ въ самой середкѣ лежатъ». Въ Екатеринбургъ Геннинъ перевелъ и заведенную Татищевымъ въ Уктусѣ ариѳметическую школу, въ которой тогда было до ста учениковъ, и учредилъ госпиталь. Въ 1724 году Екатеринбургъ

Digitized by Google

уже представлялъ видъ порядочно обстроеннаго городка; а лѣтъ черезъ восемь его обыкновенно называли городомъ, хоть онъ долго еще (до 1767 года) не имѣлъ собственно городского устройства и городскихъ правъ. Впослѣдствіи Геннинъ устроилъ въ Екатеринбургѣ еще домну, фабрики: укладную, стальную, желѣзорѣзочную и плющильную, проволочную, жестяную, двѣ якорныхъ, лудильную (для луженія бѣлой жести), кузницу съ 24 горнами,, мѣховую фабрику, пильную мельницу, мѣдиплавильную фабрику и *платный* дворъ, гдѣ приготовлялись (съ 1726 года) *платы* или четвероугольные куски мѣди, ходившія вмѣсто денегъ, въ Екатеринбургѣ [1]) (образцы ихъ сохранились въ музеѣ екатеринбурской горной школы). Старые желѣзные заводы Геннинъ исправилъ; но онъ хорошо видѣлъ ихъ недостатки. Въ письмѣ къ Апраксину (въ іюлѣ 1723 года), Геннинъ объяснялъ: «А при старыхъ Каменскихъ и прочихъ прежнихъ заводахъ такого (какъ въ Екатеринбургѣ) заводу, мануфактуръ и фабрикъ строить никоимъ образомъ было невозможно, 1) для малой воды, и заводишки самые бездѣльные, въ лѣтѣ и зимой часто бываютъ безъ воды, а лѣсъ отдаленъ.... А когда сіи заводы (екатеринбургскіе) построятся и будутъ въ дѣйствіи, а на тѣхъ каменскихъ заводахъ припасы издержатся и пушки вылью, *тогда ихъ можно бросить*, для того, что лѣсъ зѣло отдаленъ». Вотъ почему Геннинъ строилъ новые желѣзные заводы, а не по тому, что онъ былъ «слишкомъ усерденъ». Въ 1724—1727 годахъ, Геннинъ выстроилъ передѣлочнкй *Синячихинскій* заводъ, впослѣдствіи названный *Нижнимъ*, на рѣкѣ Синячихѣ, впадающей въ Нейву, верстахъ въ 12 отъ Алапаевскаго, нынѣ упраздненный. Въ то же время (1724—1726) Геннинымъ начато устройство *Елисаветинскаго* или *Верхъ-Уктусскаго* завода, также передѣлочнаго, вверхъ по рѣкѣ Уктусу, въ 4 верстахъ отъ стараго завода. Мѣсто это еще въ 1722 году указано было бергъ-совѣтникомъ Михаэлисомъ и Бліэромъ, и застроена плотина: Геннинъ «запотребно разсудилъ, чтобы оное строеніе и издержанная при строеніи денежная сумма не пропала, ту плотину починить и исправить, какъ надлежитъ, а при ней построить молотовыя фабрики, для передѣлу выплавляемаго на Уктусѣ чугуна въ желѣзо». Въ 1733 году, самъ Геннинъ остановилъ «для береженія лѣсовъ къ Екатеринбургу ковку желѣза на Уктусскихъ

[1]) Указъ о платахъ у Германа Ист. Начерт. 4 февраля 1726 г.

Digitized by Google

заводахъ» и оставилъ тамъ одну домну; впослѣдствіи оба эти заовда совсѣмъ закрыты и въ 1803 году на Уктусѣ пущена въ ходъ золотопромывательная фабрика. Въ 1724 году «воды при Екатеринбургскихъ заводахъ стало быть зѣло мало, чего никогда быть не чаяно». Вслѣдствіе этого Геннинъ распорядился, весною 1725 года, построить еще плотину вверхъ рѣки Исети. Эта плотина образовала одинъ изъ самыхъ большихъ заводскихъ прудовъ, Верхъ-Исетскій, при которомъ въ 1726 году построенъ *Верхъ-Исетскій* желѣзодѣлательный заводъ, прежде называвшійся заводъ *цесаревны Анны*.

Наконецъ въ 1732 году устроенъ *Сысертскій*, называвшійся заводомъ императрицы Анны, на рѣчкѣ Сысерти, впадающей въ Исеть, тамъ, гдѣ желѣзная руда найдена еще въ 1680 году и указана Геннину крестьяниномъ Арамильской слободы Ѳедоромъ Бабинымъ. Этотъ послѣдній заводъ Геннинъ заложилъ для того, чтобы «за закрытіемъ Уктусскихъзаводовъ указная сумма желѣза не умалялась».

Тотчасъ послѣ пріѣзда, Геннинъ принялся также за устройство мѣдныхъ заводовъ. Мы видѣли, что, послѣ разоренія въ 1718 году рудника на рѣкѣ Полевой, казенная выплавка мѣди на Уктусѣ остановилась. Демидовъ усовершенствовалъ только желѣзное производство и не обращалъ вниманіе на мѣдное; про мѣдь писалъ Демидовъ: «хотя-бъ и добрая руда была, но у мѣднаго дѣла быть во утѣсненіи не хочетъ, для того изъ бергъ-коллегіи для мѣднаго дѣла мѣста малыя отводятъ». Геннинъ для мѣднаго дѣла послалъ Демидову мастера съ Олонца и этимъ содѣйствовалъ устройству *Выйскаго* завода. Вообще, если честь развитія желѣзнаго дѣла на Уралѣ принадлежитъ частной промышленности и главнымъ образомъ Акинфію Никитичу Демидову, то введеніемъ и установкою мѣдиплавильнаго производства Уралъ обязанъ казеннымъ заводамъ и де-Геннину. Еще при проѣздѣ черезъ Кунгуръ съ Татищевымъ, въ октябрѣ 1722 года, Геннинъ перенесъ стоявшій въ бездѣйствіи Кунгурскій мѣдный заводъ на рѣку Ягошиху, впадающую въ Каму, и устроилъ *Ягошихинскій* заводъ, впослѣдствіи упраздненный и въ 1781 году составившій часть губернскаго города Перми. Старый *Пыскорскій* мѣдиплавиленный заводъ, въ Соликамскомъ уѣздѣ, оконченъ устройствомъ лично Геннинымъ въ 1724 году: его еще до Геннина устраивалъ Михаэлисъ, а потомъ туда, для устройства завода, посланъ былъ Геннинымъ Татищевъ, не дождавшійся впрочемъ окончанія по-

Digitized by Google

стройки завода. Пыскорскій заводъ впослѣдствіи также былъ упраздненъ. Въ 1724 году Геннинъ построилъ на рѣкѣ Лялѣ, близъ Верхотурья *Лялинскій* мѣдный заводъ, упраздненый еще при немъ по недостатку рудъ. Самымъ важнымъ изъ казенныхъ мѣдныхъ заводовъ былъ *Полевскій*. Еще съ 1723 г., Геннинъ, по указанію рудопромышленника Федора Молодого, началъ «сильною рукою» добывать мѣдную руду по р. Полевой и переплавлять ее на Уктусѣ и въ Екатеринбургѣ. Съ пріисканіемъ новыхъ мѣдныхъ рудничихъ мѣстъ, Геннинъ 1724—1727 г. выстроилъ Полевскій заводъ, въ 3 верстахъ отъ Гумешевскаго рудника. Подъ конецъ управленія Геннина, въ 1730 году, на казенныхъ заводахъ было проплавлено мѣди 9.201 пудъ, желѣза полосового доставлялось отъ 140—150.000 пудовъ, сверхъ значительнаго количества жести, стали, проволоки и мѣдныхъ припасовъ.

Кромѣ того Геннинъ заботился о безопасности края отъ башкирцевъ. Съ этою цѣлію онъ строилъ укрѣпленія, кромѣ Екатеринбургской крѣпости, крѣпость на рѣкѣ Полевой, на Косомъ броду, Горношитскій траншаментъ, крѣпость на рѣкѣ Сысерти, и поселилъ роту солдатъ въ самомъ Екатеринбургѣ, служилыхъ башкиръ и капральство на Чусовой, роту въ д. Полевской. Кромѣ того Геннинъ представлялъ проектъ въ сенатъ, чтобы разбросанныя деревни собрать въ крупныя поселенія и привести ихъ въ состояніе защищаться отъ нападеній кочевниковъ, прекратившихся уже только впослѣдствіи, съ основаніемъ Оренбурга. Этотъ планъ Геннина, хотя онъ былъ утвержденъ правительствомъ, не былъ приведенъ въ исполненіе, если не считать осуществленіемъ его основаніе крѣпостей вдоль Екатеринбургскаго почтоваго тракта, при Кириловѣ. Суммы, затраченныя казною на устройство заводовъ при Геннинѣ, окупались и, вопреки увѣреніямъ г. Полетики, заводы доставляли положительную выгоду казнѣ. Изъ расчетныхъ вѣдомостей, представленныхъ Геннинымъ [1]), видно, что заводы съ 1723—1726 г. давали прибыли ежегодно 113.808 руб, а въ 1731—1732 г.—91.286 рублей.

Около 1739 года, то есть, послѣ отбытія съ Урала Геннина, когда составлялись планы о расхищеніи казенныхъ заводовъ въ частныя руки, по иниціативѣ Бирона, при Шембергѣ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ бергъ-коллегіи, казенные заводы приносили до 65.000 р. дохода (П. С. З. № 6108).

---

[1]) Бергъ, дополн. прил. №№ 20 и 33.

Digitized by Google

Г. Полетика упрекаетъ Геннина, что онъ даровой трудъ выставляетъ государю какъ прибытокъ заводскаго дѣйствія; но, во первыхъ, трудъ приписныхъ крестьянъ былъ не совсѣмъ даровой, потому что за нихъ вносилась заводами подушная подать, что принято было Геннинымъ въ счетъ расходовъ при опредѣленіи прибыли; а во вторыхъ, тогда и у правительства и у частныхъ людей не существовало другого труда, кромѣ дарового. Сельское хозяйство, фабрики и заводы, казенные и частные,— все это основывалось на обязательномъ, даровомъ трудѣ, который не входилъ въ счетъ издержекъ производства, при опредѣленіи прибыли. Почему же де-Геннинъ долженъ былъ отступить отъ этого общаго тогда порядка вещей для уральскихъ заводовъ и выводитъ чистую прибыль по современнымъ требованіямъ народнаго хозяйства! Г. Полетика говоритъ, что Геннинъ не затрудняется «поработить казеннымъ заводамъ народный трудъ». Но это порабощеніе было однимъ изъ основныхъ правилъ нашего финансоваго управленія еще со временъ Алексѣя Михайловича. Германъ приводитъ извѣстіе, что по 1719 годъ (?), то есть, до пріѣзда Геннина на Уралъ, считалось 32 сибирскихъ казенныхъ и частныхъ заводовъ (1 серебряный, 5 мѣдныхъ и 26 желѣзныхъ) и къ нимъ было уже приписано 31.383 д. казенныхъ крестьянъ. Чѣмъ же тутъ виноватъ Геннинъ? Да и гдѣ было ему найти вольныхъ рабочихъ? Геннинъ въ письмѣ къ Петру (Бергъ, прил. № 97) самъ объясняетъ обязательный заводскій трудъ тѣмъ, что «вольные здѣсь охотники очень дорого просятъ и нѣтъ». Въ 1720 году, до пріѣзда Геннина на Уралъ, Татищевъ съ Бліэромъ трижды дѣлали въ народѣ публикацію, чтобы желающіе работать на казенныхъ заводахъ приходили наниматься, но охотниковъ отыскивалось весьма мало. Частные Демидовскіе заводы наполнялись бѣглыми и людьми именно укрывавшимися отъ всякаго «казеннаго» начальства. Кромѣ того, по инструкціи 14 іюня 1725 года, запрещалось имѣть вольныхъ рабочихъ; впослѣдствіи, при припискѣ къ Лялинскому заводу 100 дворовъ, подтверждено было вовсе не принимать вольнонаемныхъ рабочихъ и съ паспортами. Въ одномъ изъ современныхъ указовъ объяснена и причина такого запрещенія. Татищевъ, во второй свой пріѣздъ, нанялъ на Уралъ прудовщиковъ и каменьщиковъ, въ которыхъ тамъ чувствовался недостатокъ. Указъ, приводимый Германомъ, отъ 3 мая 1735 года, запрещая вызовъ изъ Россіи рабочихъ, говоритъ, что «трудно изъ Россіи приведенныхъ удержать, чтобъ

Digitized by Google

изъ нихъ кто въ Сибири не остался, для довольства хлѣба и избѣгая платежа податей». Вѣроятно, руководстуясь тѣмъ же соображеніемъ еще ранѣе, указомъ 26 іюня 1724 года, Петръ запретялъ пришлымъ на Уралъ рабочимъ жениться; а если женятся, то ихъ велѣно высылать; если же кто обучится искуству или промыслу, или на государевыхъ заводахъ будетъ весьма нуженъ, то до отпускнаго срока долженъ заплатить помѣщику 50 рублей. Видно легко было тогда жить въ Россіи, когда отдаленная Сибирь съ тяжелою заводской работой представлялась для переселенцевъ обѣтованною землей. Не смотря на то, Геннинъ покупалъ руду на сторонѣ, у крестьянъ, и старался образовать общество частныхъ промышлениковъ для добыванія мѣдной руды, для чего установилъ особыя правила пріема и опредѣленную плату по содержанію руды.

Геннинъ отозванъ былъ съ Урала императрицею Анною въ мартѣ 1734 года, и на его мѣсто снова вступилъ Татищевъ. Геннинъ до самой смерти своей управлялъ главною канцеляріей артиллеріи и завѣдывалъ Сестрорѣцкими заводами и временно Тульскими. Приведенныхъ фактовъ, по всей вѣроятности, достаточно, чтобы доказать, на сколько Великій Петръ не ошибся, поручивъ уральское горное дѣло Геннину и удостоивая его своей безграничной довѣренности и широкихъ полномочій. Намъ остается очистить память доселѣ незабвеннаго на Уралѣ дѣятеля отъ остальныхъ нареканій, на него наброшенныхъ г. Полетикою. Г. Полетика заподозрилъ честность де-Геннина, не подтвердивъ своего подозрѣнія ни однимъ фактомъ. Геннинъ оставилъ, напечатанную Бергомъ, собственноручную роспись своего состоянія, съ указаніемъ источниковъ, откуда онъ его нажилъ; состояніе Геннина вовсе не такъ значительно, и, при всеобщей страсти къ казнокрадству, которою въ то время отличалось большинство русскихъ по происхожденію гражданъ, сподвижниковъ Петра,—не знаю, много ли бы нашлось людей, на мѣстѣ Геннина, такъ бодро устоявшихъ отъ искушенія?!... «Я не желаю, писалъ Геннинъ Петру, мірскимъ потомъ кормиться, или корысть отъ твоего строенія искать, но благословеннымъ твоимъ жалованьемъ жить». «Я несчастливъ, писалъ онъ Апраксину, что въ государевѣ дѣлѣ не могу терпѣть, и со всѣми бранюся, и въ студѣ съ вышними своими». Въ другомъ письмѣ Апраксину Геннинъ пишетъ: «Я думалъ черезъ труды свои фортуна крѣпить, а вижу противное. Хотя иной мнѣ скажетъ: «Трудливецъ Геннинъ!», а что та хвальба безъ де-

Digitized by Google

негъ? французскія пѣсни при голодѣ. А я нынѣ вижу: кто льститъ и лисьимъ хвостомъ можетъ угодить, тотъ богатъ и въ покоѣ живетъ, хотя государь его не любитъ, и его не знаетъ, и съ нимъ мало говоритъ; однакоже имъ жалованье дается безъ всякой остановки, и болѣе; а я, какъ собака, принужденъ за кусокъ хлѣба грызтись» [1]). Рѣшительное свидѣтельство въ пользу безкорыстія Геннина даетъ оправданіе имъ Татищева въ дѣлѣ съ Демидовымъ: извѣстно, какъ можно было поживиться на счетъ упрямаго и сыпавшаго деньги Акинфія Никитича и сколько у него было покровителей въ Петербургѣ,—а между тѣмъ самъ Демидовъ принужденъ былъ написать въ этомъ случаѣ Геннину: «Спаси тебя Богъ, за истинную твою, государь, правду, за что даждь Боже вашему превосходительству быть генералъ-губернаторомъ въ Сибири». Далѣе г. Полетика упрекаетъ Геннина, что сначала, устраивая казенные заводы, онъ тѣмъ задерживалъ частную промышленность, а потомъ измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ и началъ хлопотать о сдачѣ заводовъ частной компаніи, гдѣ самъ участвовалъ. Что Геннинъ, съ самаго начала, противился передачѣ казенныхъ заводовъ въ частныя руки,—это понятно и дѣлаетъ ему честь: извѣстно, въ какія руки эти заводы попали при ихъ раздачѣ, и что изъ этого произошло! А что онъ впослѣдствіи перемѣнилъ свой образъ мыслей,—при очевидной наклонности правительства къ отчужденію заводовъ,—это также совершенно естественно, хотя въ этомъ случаѣ старанія о роздачѣ заводовъ гораздо болѣе принадлежатъ В. Н. Татищеву, не забывшему при этомъ и себя [2]). Напротивъ, де-Геннинъ (въ доношеніи въ кабинетъ отъ 2 генв. 1726 г.) предлагалъ сенату: «Не приметъ ли за благо *публиковать во всемъ государствѣ* о томъ, чтобы кто пожелаетъ изъ сибирскихъ казенныхъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ со всѣми фабриками взять въ компанію, тѣ бъ люди явились въ надлежащемъ мѣстѣ». Что же касается до обвиненія г. Полетики, будто де-Геннинъ противодѣйствовалъ частнымъ людямъ, желавшимъ начинать на Уралѣ заводское дѣйствіе, а потомъ, имѣя въ виду самъ вступить въ компанію съ Строгоновыми, хлопоталъ о томъ, чтобы частнымъ промышленникамъ

---

[1]) Это въ высшей степени любопытное письмо Геннина напечатано Н. К. Чупинымъ въ «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1867 годъ.

[2]) Н. К. Чупина: «В. И. Татищевъ, жизнь его съ 1722—1734 года» напечат. въ «Пермскихъ Губ. Вѣдом.»

Digitized by Google

предоставить такія права, на которыя тѣ вовсе и не расчитывали, то послѣ всего вышесказаннаго это совершенно голословное обвиненіе падаетъ само собою, тѣмъ болѣе, что извѣстно, на сколько де-Геннинъ, напротивъ, помогалъ и совѣтами и посылкою мастеровыхъ первымъ частнымъ заводчикамъ на Уралѣ, Демидовымъ, Строгоновымъ и другимъ.

Чтобъ окончить обзоръ дѣятельности Петра по горнозаводскому дѣлу, остается прибавить, что въ Олонецкомъ краю руды на Петровскомъ заводѣ стали истощаться и въ 1727 г. онъ былъ закрытъ, а часть мастеровыхъ (457) человѣкъ переведены на *Сестрорѣцкій заводъ*, по указанію Петра начатый постройкою Геннинымъ въ 1721 году, на рѣкѣ Сестрѣ, впадающей въ Финскій заливъ, къ сѣверу отъ Петербурга. Для постройки этихъ заводовъ послано было изъ Олонецкаго уѣзда 330 человѣкъ плотниковъ, а желѣзные и всякіе припасы отпускались съ Олонецкихъ заводовъ на счетъ кабинета.

Кромѣ того, во время Петра Великаго, существовалъ въ Новгородской губерніи, въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, въ 10 верстахъ отъ устья р. Шокды, впадающей въ Шексну, *Тырпецкій* желѣзный заводъ, гдѣ лили пушки и бомбы. Въ 1761 г. этотъ заводъ, для возобновленія, отданъ заводчику Мартову.

Послѣ Петра, въ этомъ періодѣ, при ближайшихъ его преемникахъ до Анны включительно, казенная заводская промышленность, не идя далѣе, сосредоточилась исключительно на Уралѣ, да и то благодаря дѣятельности Татищева.

Во второй разъ Татищевъ пріѣхалъ на Уралъ осенью 1734 года и привезъ съ собою полномочія, которыхъ ни прежде, ни послѣ него не имѣлъ ни одинъ горный начальникъ,—полномочія, предоставленныя ему замѣчательною инструкціей, имъ самимъ написанною и утверженною императрицею. Инструкція эта, вскорѣ послѣ пріѣзда Татищева, выросла въ цѣлый горнозаводскій уставъ, и съ этою цѣлью 12 декабря 1734 г. предложено Татищевымъ вызваннымъ въ Екатеринбургъ частнымъ промышленникамъ и прикащикамъ принять участіе въ окончательной разработкѣ этого устава, не получившаго, впрочемъ, утвержденія. Казенныхъ заводовъ Татищевъ построилъ больше де-Геннина, и однакоже г. Полетика не укорилъ его, что онъ былъ «слишкомъ усерденъ». Въ 1735 году онъ построилъ *Сусанскій* заводъ, названный *Нижнимъ*, на рѣчкѣ Сусанкѣ, въ округѣ Алапаевскихъ заводовъ, теперь не дѣйствующій. Въ томъ же году вогулъ Сте-

Digitized by Google

панъ Чумпинъ открылъ на берегу рѣки Кушвы, впадающей въ Туру, магнитную гору, названную Благодатью,—одно изъ важнѣйшихъ мѣсторожденій магнитнаго желѣзняка на Уралѣ и на всемъ свѣтѣ. Послѣ осмотра этой мѣстности чиновникомъ Арцыбашевымъ и самимъ Татищевымъ, въ 1735 году застроенъ *Кушвинскій* заводъ на рѣкѣ Кушвѣ, а въ 1739 году *Туринскій*, названный впослѣдствіи *Нижнимъ*, на рѣкѣ Турѣ, въ 9 верстахъ отъ Кушвинскаго: такимъ образомъ положено было начало казенному Гороблагодатскому округу, самому важному, по мѣстнымъ даннымъ, изобилію руды, воды и лѣсовъ, что вполнѣ оцѣнено было Татищевымъ. Въ 1736 году Татищевъ достроилъ *Сѣверскій* заводъ, начатый де-Геннинымъ, на рѣчкѣ Сѣверной, въ 7 верстахъ отъ Полевскаго, по случаю открывшагося тамъ изобилія желѣзныхъ рудъ. Три завода: Полевскій, Сысертскій и Сѣверскій положили начало богатому Сысертскому округу, доставшемуся Турчанинову, средства котораго не истощены и до сихъ поръ для желѣзнаго производства (мѣдная руда истощилась). Въ 1739 году Татищевъ докончилъ постройку *Сылвенскаго* (верхняго) завода, прерванную по случаю устройства Кушвинскаго, въ нижнемъ теченіи рѣки Сылвы, до сихъ поръ одного изъ самыхъ значительныхъ заводовъ на Уралѣ. Всѣ эти заводы были желѣзные. Мѣдныхъ заводовъ Татищевъ построилъ: *Юговскіе*, Нижній въ 1735 году, а верхній въ 1740 году, на рѣчкѣ Югу, въ 57 верстахъ отъ Кунгура, *Висимскій* на рѣкѣ Висимѣ, впадающей въ Каму, и *Мотовилихскій*, оконченный постройкою въ 1738 году [1]), на рѣкѣ Мотовилихѣ, теперь верстахъ въ 4 отъ города Перми. Въ 1737 году, Татищевъ посылалъ бергмейстера Клеопина возстановить производство на Нерчинскихъ заводахъ, которые въ то время зависѣли отъ канцеляріи главнаго управленія заводовъ и пришли, по отдаленности, въ такое растроенное положеніе, что съ 1730 года добыча на нихъ металловъ остановилась. Кромѣ этихъ сооруженій, Татищевъ, во вторый свой пріѣздъ, продолжалъ свою дѣятельность въ томъ же направленіи, какъ и въ первый [2]). Такъ онъ испросилъ право аппеляціи на учрежденна-

[1]) Татищевъ приготовилъ все для постройки Мотовилихскаго завода, но остановился, вслѣдствіе предписанія бергъ-коллегіи, которая запретила строить новь желѣзные заводы, а стараться заводить серебряные, мѣдные и квасцовые, воторыхъ въ Россіи мало, между тѣмъ какъ желѣзныхъ вездѣ довольно.

[2]) Поповъ говоритъ (158), что Татищевъ, по своему «штату» предполагалъ построить еще 36 казенныхъ заводовъ (!?).

Digitized by Google

го имъ особаго судью при заводахъ,—вмѣсто тобольскаго суда, въ главную канцелярію сибирскихъ заводовъ (какъ переименованъ Татищевымъ Геннинoвскій оберъ-бергъ-амтъ); исходатайствовалъ разрѣшеніе ярмарки въ Екатеринбургѣ; открывалъ школы при казенныхъ заводахъ, выдавалъ пособія бѣднымъ учащимся, покровительствовалъ грамотнымъ; требовалъ, чтобы частные заводчики отдавали въ школы дѣтей мастеровыхъ, что ему было запрещено бергъ-коллегіею; производилъ съемки въ разныхъ мѣстностяхъ; строилъ укрѣпленныя мѣста для защиты отъ инородцевъ; защищалъ приписныхъ крестьянъ отъ притѣсненій заводчиковъ: такъ онъ потребовалъ, чтобы заводчики не вычитали съ приписныхъ за болѣзнь и прогульные дни, но бергъ-коллегія воспротивилась этому; поднялъ старый вопросъ о еженедѣльной почтѣ между Сибирью и Казанью; отобралъ было у Демидова Колывано-Воскресенскіе рудники въ казну, что вѣроятно было главною причиной неудовольствія послѣдняго. Демидовъ, по указу 1737 года получилъ свои сибирскіе заводы обратно, но не надолго: при Елисаветѣ Петровнѣ, въ 1745 году, онъ потерялъ ихъ окончательно. Сила вещей часто заставляла, впрочемъ, Татищева отступать отъ собственныхъ убѣжденій и идти по пути, проложенному Геннинымъ. Въ инструкціи и уставѣ много говорилось о замѣнѣ обязательнаго труда вольнонаемнымъ. Но когда Татищевъ построилъ Кушвинскій заводъ, онъ тотчасъ обратился съ просьбою о припискѣ къ нему крестьянъ, въ чемъ было ему отказано Кромѣ того, въ инструкціи, гдѣ онъ вооружался противъ приписки къ казеннымъ заводамъ и предлагалъ на нихъ вольный трудъ, Татищевъ рядомъ хлопоталъ *о разрѣшеніи приписки къ частнымъ заводамъ* Вятской губерніи. Очевидно, Татищевъ возставалъ не противъ самаго принципа приписки, а противъ распоряженій Геннина, котораго онъ вообще старался или игнорировать,—какъ въ своей рѣчи объ успѣхахъ горнаго дѣла, къ повѣреннымъ отъ частныхъ заводовъ, собраннымъ для выслушанія горнозаводскаго устава,—или унизить наперекоръ справедливости,—обстоятельство, которое очень дурно рекомендуетъ Татищева. Де-Геннинъ оправилъ его передъ Петромъ, всегда ему покровительствовалъ и выставлялъ его впередъ; Татищевъ писалъ ему такія преданныя и почтительныя письма изъ Швеціи, и вдругъ, войдя въ силу при Аннѣ Ивановнѣ, заплатилъ ему самою черною неблагодарностію, такъ что, можетъ быть, въ смѣщеніи Геннина

Digitized by Google

главную роль игралъ самъ Татищевъ. Въ инструкціи говорилось весьма дѣльно о преимуществѣ частной горной промышленности передъ казенною; но Татищевъ неутомимо строилъ казенные заводы, и когда кабинетъ-министры, въ указѣ 17 декабря 1735 года, спрашивали Татищева, «не возможно ли будетъ заводы, не очень прибыльные для казны, отдать частнымъ промышленникомъ»,—Татищевъ нашелъ это невозможнымъ, кромѣ Алапаевскаго, вблизи котораго построены были новые казенные: Синячихинскій и Сусанскій, и Лялинскаго, который еще при Геннинѣ оставленъ за неблагонадежностію рудъ и сдавался желающимъ, но ихъ не являлось. Вообще, регламентація и административное вмѣшательство были преобладающею чертою въ характерѣ Татищева. Мы видѣли, какъ, подъ скромнымъ названіемъ шихтмейстеровъ, Татищевъ, еще въ первый свой пріѣздъ, желалъ водворить на частныхъ заводахъ своихъ чиновниковъ, съ совершеннымъ подчиненіемъ заводовладѣльца указаніямъ вышняго начальства, даже относительно количества и качества выдѣлываемыхъ издѣлій и размѣра заработной платы. Въ то время Татищевъ долженъ былъ отказаться отъ своей мысли, вслѣдствіе положительнаго запрещенія бергъ-коллегіи. Во второй пріѣздъ, въ своей инструкціи, Татищевъ обошелъ этого вопросъ и, говоря объ опредѣленіи къ каждому частному заводу особаго шихтмейстера, уклончиво выразился: «Дать имъ инструкцію, примѣняясь къ учрежденію саксонскихъ и шведскихъ заводовъ»; но легко себѣ представить, при этой неопредѣленности и при прежде высказанныхъ убѣжденіяхъ Татищева, каковы были для заводчиковъ разосланные имъ, во второй пріѣздъ, 12 шихтмейстеровъ и 26 книгъ, заведенныхъ на каждомъ частномъ заводѣ. Оттого, не смотря на свою полезную дѣятельность и на замѣчательныя административныя способности, Татищевъ не ужился долго на Уралѣ, окончательно разсорившись съ Демидовыми и Строгоновыми: въ маѣ 1737 года онъ переведенъ былъ въ Оренбургъ, а въ январѣ 1739 года былъ потребованъ въ Петербургъ, откуда уже не возвращался на Уралъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Татищева, послѣдовала рѣзкая перемѣна, давшая новое направленіе нашей горной промышленности,—эпоха, съ которой мы начинаемъ второй періодъ горнозаводскаго дѣла. Казалось бы, дѣло шло къ лучшему: правительство, повидимому, поняло наступавшую уже въ то время несвоевременность казеннаго горнаго промысла и того зависимаго положенія, въ

Digitized by Google

которомъ стояли частные заводчики. Но этою справедливою мыслью въ то время прикрылся грабежъ казны, соединенный съ новымъ утѣсненіемъ и разореніемъ крестьянскаго сословія.

Въ 1736 г. Биронъ вызвалъ изъ Саксоніи оберъ-бергъ-гауптмана бар. Шемберга. 4-го сентября, на мѣсто прежней бергъ-коллегіи, учрежденъ генералъ-бергъ-директоріумъ, непосредственно подчиненный императрицѣ, гдѣ коллегіальное петровское начало замѣнено было бюрократическимъ. Шембергъ сдѣланъ былъ генералъ-бергъ-директоромъ. Въ 1738 г. составлена была особая коммисія, членами которой были баронъ Шафировъ, оберъ-шталмейстеръ кн. Куракинъ и графы Головинъ и Мусинъ-Пушкинъ, которая рѣшила, что «для интересу ея величества полезнѣе» раздать казенные заводы частнымъ лицамъ. Это рѣшеніе объяснялось справедливыми разсужденіями о преимуществахъ частной промышленности передъ казенною; но въ сущности этимъ только прикрывался планъ Бирона. 15 февраля 1739 г. высочайше утверждено мнѣніе кабинетъ-министровъ и генералъ-бергъ-директоріума, по которому всѣ частные заводы, кромѣ желѣзныхъ въ Сибири, Гороблагодатскихъ и мѣдныхъ въ Лапландіи, предполагалось раздать въ разныя компаніи; а 3 марта изданъ былъ *бергъ-регламентъ* (не приведенный впрочемъ въ исполненіе за возшествіемъ на престолъ императрицы Елисаветы), гдѣ объявлялось о раздачѣ казенныхъ заводовъ, и заводчикамъ дарованы были такія привиллегіи, какихъ они никогда и нигдѣ не имѣли: право на полученіе приписныхъ крестьянъ, отводъ земель безъ всякаго ограниченія, «по усмотрѣнію, сколько къ какому заводу за потребное признано будетъ», запрещеніе отбирать заводы за долги казенные и частные, привозъ изъ-за границы и содержаніе на казенный счетъ выписанныхъ заводчиками иностранныхъ мастеровъ до поступленія ихъ на заводъ. Тотчасъ же оказались и на дѣлѣ плоды этого регламента. 5 марта 1739 г. Гороблагодатскіе заводы и Лапландскіе рудники, т. е., именно то, что должно было оставаться въ казнѣ,—отданы были Шембергу. Шембергъ грабилъ совершенно безцеремонно: не платилъ въ казну денегъ за заводы, какъ было ему вмѣнено въ обязанность; не платилъ 6.000 р., назначенныхъ съ него въ видѣ подати; приписалъ еще 3.000 душъ; получилъ казенную ссуду въ 50.000 р. и право брать изъ екатеринбургской главной заводской канцеляріи деньги, сколько понадобится «не свыше 20.000 р. за разъ»; своихъ

Digitized by Google

повѣренныхъ при заводахъ содержалъ на казенный счетъ, въ качествѣ чиновниковъ; забралъ съ казенныхъ же заводовъ желѣза(до 570.000п.) и не платилъ денегъ, а самъ продавалъ его за наличныя деньги купцамъ. Шембергу не нужно было стѣсняться: за нимъ стоялъ Биронъ, для котораго Шембергъ служилъ только фирмою. Правда, съ царствованіемъ Елизаветы, золотые дни Шемберга прекратились: 7 апрѣля 1742 г. бергъ-коллегія возстановлена, заводы отъ него отобраны, самъ онъ арестованъ, лишенъ чиновъ и ордена Св. Александра Невскаго и въ 1755 г. уѣхалъ за границу, заплативши въ казну 200.000 р. Но система, указанная Бирономъ и Шембергомъ, принялась какъ нельзя лучше: вмѣсто однаго Шемберга, выписаннаго изъ-за границы, явилось нѣсколько доморощенныхъ, и во главѣ ихъ графъ П. А. Шуваловъ, всесильный и алчный не меньше Бирона.

Но тѣмъ не менѣе, съ царствованія Елисаветы Петровны, открывается дѣйствительно новый періодъ нашего горнаго хозяйства. Въ основѣ названнаго безобразнаго факта—казнокрадства, нестерпимаго даже для того времени, все-таки лежалъ справедливый принципъ—предоставленіе поля промышленной дѣятельности частнымъ лицамъ, съ устраненіемъ казны. Въ правительственныхъ сферахъ и въ общественномъ мнѣніи наступала, очевидно, необходимая реакція. Устраивая повсюду казенныя фабрики и заводы, раздавая привиллегіи, земли и приписное крестьянское населеніе частнымъ предпринимателямъ, дѣйствуя принудительно тамъ, гдѣ вызовы и льготы не помогали,—Петръ Великій самъ видѣлъ въ этомъ лишь временную мѣру, вызванную нашею отсталостію. Петръ самъ говоритъ въ своемъ указѣ (5-го ноября 1723 г. № 4345): «Нашъ народъ, яко дѣти, неученія ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, благодарятъ, что явно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ, не все-ль неволею сдѣлано, и уже за многое благодареніе слышится, отъ чего уже плодъ произошелъ и въ мануфактурныхъ дѣлахъ не предложеніемъ однимъ дѣлать, но и принуждать и вспомогать наставленіемъ, машинами и всякими способами, и яко добрымъ экономомъ быть». Но уже къ концу царствованія самого Петра, какъ видно, бродила у него мысль о сдачѣ казенныхъ сибирскихъ заводовъ частнымъ предпринимателямъ; по крайней мѣрѣ, это очевидно изъ тона, которымъ Геннинъ проситъ Петра утвердить его компанію съ Строгоновыми

Digitized by Google

и Турчаниновыми на отдачу Пыскорскаго завода. Татищевъ, по возвращеніи изъ Швеціи, сдѣлался однимъ изъ главныхъ двигателей вопроса о передачѣ казенныхъ заводовъ въ частныя руки; Неплюевъ ввѣренный ему Оренбургскій край, съ самаго начала горнаго промысла, оградилъ и отъ казенныхъ заводовъ и отъ заводчиковъ-монополистовъ, въ родѣ Демидова и Осокина. Послѣ Петра, реакція въ пользу свободной частной промышленности заявлялась все съ большею силою и послѣдовательностію. Съ одной стороны, сама частная дѣятельность, испытавшая уже свои силы и средства, тяготилась опекою; а съ другой, правительство, которому была не подъ силу энергическая, не знавшая усталости дѣятельность Петра,—правительство, которое придворныя интриги и личное обогащеніе предпочитало многотруднымъ заботамъ о развитіи внутренняго благосостоянія, не прочь было развязать себѣ руки и получать спокойно, въ видѣ налога, то, что прежде доставалось путемъ бережливости и строгаго, безпристрастнаго выбора людей, завѣдывавшихъ казенною промышленностію. Оттого во всѣхъ правительственныхъ актахъ съ Екатерины I-й совершенно послѣдовательно проводится начало освобожденія частной горной промышленности отъ усвоеннаго ей казеннаго характера и устраненія казенной заводской конкурренціи,—начало, которое окончательно восторжествовало, какъ мы сейчасъ видѣли, при Аннѣ Ивановнѣ, но принесло на первыхъ порахъ такія горькія практическія послѣдствія. И такова сила истиннаго принципа, что даже, не смотря на проведеніе его этимъ жалкимъ путемъ,—принципъ немедленно вызвалъ благопріятные результаты: частная горная промышленность, какъ увидимъ въ слѣдующей статьѣ, быстро поднялась, хотя важность ея успѣховъ была подорвана у самаго корня тѣми вредными правительственными мѣрами, которыя приняты были въ угоду вельможнымъ и сильнымъ заводчикамъ-монополистамъ.

Н. Колюпановъ.

Digitized by Google

АВСТРІЯ И СЛАВЯНЕ.

Много темныхъ страницъ начертала исторія изъ жизни габсбургской имперіи. Сколько разъ уже предсказывали ея распаденіе, сколько разъ внутренняя борьба, казалось, неминуемо доведетъ ее до гибели; но каждый разъ она успѣвала вынырнуть изъ своего хаотическаго положенія. Въ послѣдніе годы, когда нѣмцы, въ силу декабрьской конституціи, стали во главѣ правленія, въ Австріи образовались двѣ главныя партіи: централистовъ и федералистовъ; борьба этихъ партій и до сихъ поръ составляетъ содержаніе внутренней политики Цислейтаніи. Славянскія племена получили значительныя права и преимущества; борьба, однако, нисколько не прекратилась. Напрасно министерства Гискры-Гасснера и послѣднее графа Потоцкаго старались примирить славянскія народности съ короной и нѣмецкимъ меньшинствомъ—они не успѣли ни въ чемъ и оставили нынѣшнему министерству бездну хлопотъ. Настоящая минута въ жизни австро-венгерскаго государства представляетъ много любопытнаго и даже поучительнаго. Здѣсь все въ движеніи, броженіе умовъ неслыханное, всѣ ждутъ чего-то, а эти ожиданія эти желанія до того разнообразны, что ежели намъ удастся представить хотя вкратцѣ ихъ общую картину, она не будетъ лишена значенія и интереса.

Чтобы представить эту картину и указать ту роль, которую въ данную минуту играетъ австро-венгерское государство въ Европѣ и какія его отношенія къ другимъ державамъ, необхо-

Digitized by Google

димо обратиться назадъ и указать на главные моменты изъ прошедшаго хотя и недалекаго. Воззрѣнія наши мы будемъ основывать на мнѣніяхъ и взглядахъ, какіе въ послѣднее время высказываются въ мѣстной прессѣ, преимущественно славянскихъ народовъ. Въ этихъ взглядахъ и мнѣніяхъ нѣтъ ничего новаго, но сопоставленіе ихъ въ данную минуту имѣетъ своего рода значеніе.

Раздѣлъ Польши породилъ естественную связь и дружескія отношенія между Россіей, Пруссіей и Австріей. Этого требовала общность интересовъ. Дружба, конечно, не всегда была искренняя, но не смотря на это, послѣдствіемъ этой дружбы или, лучше сказать, этой общности интересовъ, былъ священный союзъ 1815 года, продолжавшійся, съ нѣкоторыми, впрочемъ, уклоненіями, до 1848 года. Событія во Франціи пошатнули главныя условія вѣнскаго трактата. Является Наполеонъ и, понятно, смотритъ съ злорадствомъ на три союзныя державы. Россія и Австрія пугали его воображеніе; роль же Пруссіи была еще въ то время далеко не завидная; она во всѣхъ случаяхъ являлась подначальною видамъ и стремленіямъ Россіи, въ точности исполняя ея желанія. Россія потребовала—и Пруссія въ томъ же 1848 году должна была пріостановить шлезвигскую кампанію. Этого мало. Представители соединявшейся Германіи уже тогда предлагали королю Фридриху Вильгельму IV императорскую корону; но Россія не желала униженія Австріи, и король прусскій долженъ былъ отказаться отъ предлагаемой чести. Въ 1850 г., когда въ Варшавѣ съѣхались императоры: русскій, австрійскій и король прусскій—послѣдній долженъ былъ отказаться отъ своей задушевной мысли образовать изъ германскаго союза милитарную унію. Такого рода униженія не могли не щемить прусское самолюбіе. Въ это время созрѣла мысль милитаризма, на который можно было бы опереться во всякомъ случаѣ и который заставилъ бы не только враговъ, но и друзей уважать требованія Пруссіи. Разыгрался восточный вопросъ. Австрія забыла, какъ много была обязана Россіи, забыла, кто спасъ ее въ 1848 году, и пристала къ ея врагамъ. Тогда Пруссія поняла, что для нея открывается возможность унизить своего затаеннаго врага и разъединить навсегда Австрію съ Россіей: въ силу такихъ комбинацій она и держалась строгаго нейтралитета. Едва, однако, кончилась война, надъ нею повисла новая гроза: Россія видимо стала сближаться съ Франціей, что для Пруссіи было убійственнѣе, нежели прежнія

Digitized by Google

близкія отношенія къ Австріи. Австрія же напротивъ радовалась и готова была содѣйствовать этому сближенію: союзъ Россіи съ Франціей могъ лишить Пруссію рейнскихъ провинцій, но и Россія—думали австрійскіе мужи—не пренебрегла бы пограничною восточною Пруссіей. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда открылась итальянская кампанія 1859 г.

Въ этотъ моментъ Европа представляла слѣдующую картину: Россія послѣ крымской войны непріязненно смотрѣла на Австрію; участіе ея въ послѣдней войнѣ, казалось, воздвигло между этими державами непреодолимую преграду. Отношенія же Россіи къ Франціи были болѣе пріязненны. Англія открыто противилась свободѣ и единенію Италіи. Пруссія, достигнувъ своей цѣли, разъединивъ Австрію съ Россіею, съ затаенною злобою искала случая нанести болѣе тяжелый ударъ своей соперницѣ и объявила себя за Италію. Принцъ-регентъ принялъ начальство надъ соединенными нѣмецкими войсками. Австрія оставалась изолированною; она силилась противодѣйствовать намѣреніямъ Пруссіи— стать во главѣ нѣмецкихъ войскъ, но Пруссія не обращала вниманія на ея заявленія. Такое положеніе, однако, скоро приняло совершенно другой оборотъ. Послѣдовалъ грозный циркуляръ русскаго государственнаго канцлера къ представителямъ Россіи при иностраннымъ дворахъ (27 мая 1859 г.), въ которомъ говорилось прямо, что ежели Пруссія приметъ участіе въ войнѣ, Россія должна будетъ измѣнить свои къ ней отношенія. Пруссія увидѣла угрожающую опасность и желала путемъ дипломатическихъ переговоровъ, уладить дѣло, а между тѣмъ ея корпуса уже готовы были къ бою. Тогда-то Австрія рѣшилась лучше лишиться ломбардо-венеціанскихъ областей, нежели своихъ нѣмецкихъ владѣній, и добровольно уступила Ломбардію Наполеону.

Казалось, обстоятельства сложились такъ, что Пруссія могла торжествовать, видя униженіе своей сосѣдки. Но Наполеонъ III торжествовалъ и счелъ благопріятною минутою объявить свои притязанія на лѣвый берегъ Рейна. Онъ надѣялся, что Россія поможетъ Франціи. Пруссія прибѣгла подъ покровительство Англіи и въ самомъ дѣлѣ лордъ Пальмерстонъ заявилъ въ парламентѣ, что онъ не одобряетъ завоевательныхъ стремленій императора французовъ. Но отъ слова до дѣла далеко: на существенную помощь Англіи Пруссія расчитывать не могла. Мнѣніе Россіи было для нея гораздо важнѣе; она не переставала заискивать и доби-

Digitized by Google

лась, наконецъ, памятнаго съѣзда въ Варшавѣ. Это была уже, такъ сказать, краснорѣчивая угроза Франціи.

Была ли однако Пруссія вполнѣ увѣрена въ доброжелательствѣ Россіи—это еще вопросъ. Чтобы скрѣпить этотъ союзъ на болѣе твердыхъ началахъ, скоро представилась къ тому возможность.

Вспыхнуло польское возстаніе. Францію весьма основательно обвиняютъ въ подстрекательствѣ. Но не было ли тайнаго подстрекательства и со стороны Пруссіи? Развѣ докторъ Неголевскій не уличалъ ее въ этомъ публично на прусскомъ сеймѣ? Можно бы привести много и другихъ обличеній, ясно обнаруживающихся послѣ усмиренія мятежа. Дѣло въ томъ, что Пруссія, тайно подстрекая, открыто держала сторону Россіи, и въ то же время воспользовалась случаемъ и объявила войну Даніи. Тогда Франція, Англія и вслѣдъ за ними и Австрія стали громко высказывать свое сочувствіе полякамъ. Пруссія достигла своей цѣли; у нея уже не было соперницы. Отношенія ея къ Россіи съ каждымъ днемъ дѣлались тѣснѣе и дружественнѣе. Мятежъ усмиренъ; ноты кн. Горчакова заставили умолкнуть враждебные клики, а между тѣмъ Пруссія, незамѣтно для самой Франціи, выработала у себя грозный милитаризмъ, наводящій ужасъ на Европу, заручилась эмскимъ союзомъ, поработила Францію, и король Вильгельмъ теперь—императоръ нѣмецкій. Многовѣковая корона Габсбурговъ унижена, посрамлена! Желѣзный графъ, какъ здѣсь называютъ Бисмарка, двѣнадцать лѣтъ въ тишѣ усиленно работалъ, чтобы поднять нѣмецкій «National-Verein», и достигъ своей цѣли.

Что же дѣлала Австрія? Она хорошо сознавала опасность; она видѣла, какъ съ каждымъ днемъ возрастаетъ могущество Пруссіи, и какъ съ каждымъ днемъ усиливается сочувствіе къ великой нѣмецкой націи въ австрійскихъ нѣмцахъ; она даже готовилась къ вооруженному вмѣшательству, но грозное положеніе, принятое Россіею, не дозволило ей сдѣлать ни одного шагу. Гр. Бейстъ думалъ вмѣстѣ съ Англіей и Италіей впутаться въ дѣло путемъ дипломатическихъ переговоровъ; но въ это самое время разразилась надъ ихъ головами черноморская нота кн. Горчакова, и новый ужасъ охватилъ Австрію.

Императоръ Вильгельмъ не скрылъ передъ Европой, какъ много онъ обязанъ Россіи. Самая тѣсная, дружеская связь между Росліей и Пруссіей теперь уже ни для кого не тайна. На основаніи

Digitized by Google

логическаго закона возмездія, Пруссія должна вознаградить Россію за оказанныя ей услуги. Ежелибы Россія вздумала вести войну, могущественная Пруссія отплатитъ ей такимъ же невмѣшательствомъ и дружескимъ содѣйствіемъ. Но съ кѣмъ же Россія вздумаетъ воевать? Вотъ вопросъ, серьезно озабочивающій теперь австрійскихъ славянъ, и здѣшняя публицистика приходитъ къ единственному выводу—съ кѣмъ же, какъ не съ Австріей?

Графъ Бейстъ, конечно, не доросъ до Бисмарка. Но обвинять его безапеляціонно тоже нельзя. Надобно только вспомнить, изъ какихъ елементовъ сшита эта монархія Габсбурговъ. Читатели не посѣтуютъ на насъ, ежели мы напомнимъ имъ, какъ разнообразно населеніе Австро-Венгріи, какъ противуположны и разнообразны интересы и національныя стремленія коренныхъ ея обитателей.

По послѣднимъ статистическимъ даннымъ, населеніе Австріи составляетъ въ 1871 г. 35.553.000 обоего пола душъ. Но для точнаго распредѣленія на племена у насъ нѣтъ матеріаловъ, и потому мы должны взять прежнюю цифру, указываемую статистиками, именно 34.861.004 души. Разница всего 816.451 д.

Населеніе Австріи по племенамъ:

Нѣмцевъ			8.085.956
Мадьяръ			4.914.172
Славянъ:	Чеховъ, Моравовъ и Словаковъ	6.004.434	
	Поляковъ	2.005.089	
	Малоросовъ	2.781.454	
	Сербовъ	1.536.789	
	Хорватовъ	1.281.123	
	Словенцевъ	1.051.504	
	Болгаръ	24.044	
	Всего		14.682.437 *)

*) А именно: *Чеховъ*: въ Чехіи 2.825.857, въ Нижней Австріи 14.658, въ Силезіи 88.652, въ Военной Границѣ 9.692. *Моравовъ*: въ Моравіи 1.306.140. *Поляковъ*: въ Галиціи 1.861.393, въ Силезіи 139.688, въ Буковинѣ 4.008. *Малоросовъ*: въ Галиціи 2.181.095, въ Буковинѣ 146.982, въ Венгріи 446.600, въ Банатѣ 6.777. *Сербовъ*: въ Поморьѣ 104.813, въ Венгріи 63.180, въ Банатѣ 414.046, въ Хорватіи и Славоніи 220.134, въ Военной Границѣ 347.043, въ Далматіи 387.573. *Хорватовъ*: въ Нижней Австріи 6.368, въ Хорватіи и Славоніи 621.231, въ Военной Границѣ 527.588, въ

Digitized by Google

Романскаго племени	6.040.344 *)
Евреевъ	1.035.871
Армянъ	14.342
Цыганъ	87.882
Всего	34.861.004 **).

Изъ этого мы видимъ, что въ Австро-Венгерской имперіи населеніе нѣмцевъ состоитъ всего изъ 8 съ небольшимъ милліоновъ, тогда какъ остальныя племена составляютъ 27 милліоновъ и въ томъ числѣ однихъ славянъ почти 15 милліоновъ. Не странно ли послѣ этого, что славяне, превосходя численностью мадьяръ и нѣмцевъ, не могутъ добиться, чего хотятъ въ такомъ конституціонномъ государствѣ, какъ Австрія, гдѣ, на взглядъ, каждая народность пользуется полнѣйшею автономіею полнѣйшею свободою высказывать свои мнѣнія и убѣжденія, дѣйствуетъ самостоятельно при выборахъ на сеймахъ и рейхсратахъ. И не смотря на все это, славяне всегда играли роль второстепенную, а многіе даже заискивали у горсти нѣмецкихъ централистовъ.

Чтобы лучше уяснить нашъ взглядъ, мы должны представить хотя общіе очерки каждаго изъ главныхъ племенъ, населяющихъ Австрію. Что стремленія австрійскихъ нѣмцевъ еще со временъ Шмерлинга тяготѣютъ къ германскому союзу, это очевидно для каждаго. Даже въ эту минуту, когда ни для кого не тайна— какая опасность угрожаетъ габсбургской имперіи отъ часто-

---

Крайнѣ 17.197, въ Поморьѣ 32.671, въ Венгріи 72.556, въ Банатѣ 2.860, въ Моравіи 682. *Словенцевъ*: въ Штиріи 369.635, въ Хорутаніи 100.202, въ Крайнѣ 398.722, Поморьѣ 111.007, Венгріи 45.062 (кромѣ того въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ 26.876). *Словаковъ*: въ Галиціи 340, въ Буковинѣ 1.844, Венгріи 1.729.504, Банатѣ 26.607, Хорватіи и Славоніи 1.150. *Болгаръ*: въ Банатѣ 23.780, въ Трансильваніи 264.

*) А именно: Итальянцевъ 3.384.632. Французовъ 49.394. Румыновъ 2.586.354. Тирольцевъ (Ladiner) 8.648. Албанцевъ 2.148. Эти народы живутъ въ Поморьѣ, Тиролѣ, Буковинѣ, Венгріи, Банатѣ, Хорватіи, Далматіи, Трансильваніи и Военной Границѣ. Кромѣ того въ романскомъ племени нѣмецкіе статистики показываютъ и Грековъ, которыхъ считается 9.168. Они живутъ въ Венгріи, Банатѣ и Славоніи.

**) См. Slowansky národopis Safarika. Statistik, Schmit. Die Staaten Europas, D-r Hugo Franz Brachelli. Statist. Jahrbuch. Die Völkerstämme von Oesterreichisch-ungarischen Monarchie, Dr. Adolf Ficker. Oesterreich und die Bürgschaften seines Bestandes, Dr. Adolf Fischhof.

Digitized by Google

любивыхъ замысловъ гр. Бисмарка, австрійскіе нѣмцы устраиваютъ торжества по случаю побѣдъ надъ французами,—въ то самое время, когда въ другихъ частяхъ имперіи, славяне совершаютъ торжественныя панихиды по убіенныхъ защитникахъ французской республики. Нѣмцамъ правительство воспретило эти торжества, а панихиды совершаются свободно и публично.

Что же дѣлаютъ мадьяры? Они захватили въ свои руки бразды правленія, живутъ самостоятельно, и съ необыкновеннымъ тактомъ и умѣньемъ обдѣлываютъ свои дѣлишки, заставляя даже нѣмцевъ нерѣдко потворствовать ихъ волѣ и стремленіямъ. Но гр. Андраши, кажется, забываетъ, что въ Венгріи изъ общаго числа 11.109.192 населенія едва 4.914.172 мадьяръ, а остальные—преимущественно славяне, которымъ гораздо хуже подъ венгерскою опекою, нежели другимъ славянамъ подъ нѣмецкою. Политика и стремленія гр. Андраши всегда противились славянской самостоятельности. Какая же можетъ быть для нихъ надежда на автономію? Гр. Андраши слѣдуетъ наслѣдственной политикѣ мадьярской консервативной партіи,—той самой партіи, которая своею исключительностію и нетерпимостію, въ годахъ предшествовавшихъ бурѣ 1848 года, вооружила противъ мадьяръ венгерскихъ славянъ и заставила сербовъ, хорватовъ, даже словаковъ возстать противъ поднявшагося Пешта и взять сторону вѣнскаго правительства. Этимъ была рѣшена участь венгерской республики: противъ себя она увидѣла не только австрійское правительство съ его нѣмцами, но и славянъ, даже отчасти турецкихъ, а потомъ и русскія войска. Вотъ почему люди, болѣе благоразумные, подобно Кошуту, поспѣшили на сеймѣ въ Сегединѣ, въ 1849 году, признать равноправность народностей; но было уже поздно. Есть основаніе думать, что Кошутъ вынесъ съ собою въ изгнаніе твердое убѣжденіе, что венгерская половина австрійской монархіи тогда только можетъ быть дѣйствительно крѣпка и обезпечена въ своей государственной самостоятельности, когда за не-мадьярскими народностями Венгріи признана будетъ политическая равноправность, и онѣ войдутъ во взаимный между собою союзъ какъ равные члены, а несоподчиненные одной господствующей — мадьярской. Но Кошутъ и до сихъ поръ отстраняется отъ участія въ дѣлахъ своей родины. Между тѣмъ, увлеченные вынужденными поблажками вѣнскаго двора, занесшіеся въ виду быстрыхъ и громадныхъ уступокъ со стороны нѣмец-

Digitized by Google

каго правительства Австріи, подѣливши съ послѣднимъ власть надъ имперіею, мадьяры съ 1868 года вновь пустились по скользкому пути исключительнаго господства. При ревностномъ содѣйствіи вѣнскаго правительства и его чиновниковъ, во главѣ которыхъ стоялъ въ то время банскій намѣстникъ въ Хорватіи, баронъ Раухъ,—Хорватія и Славонія были подчинены коронѣ св. Стефана. Далматія осталась, по прежнему, въ западной или нѣмецкой половинѣ имперіи, тогда какъ эти три области, подъ названіемъ Тріединаго королевства, составляли политическое цѣлое и, на основаніи своего историческаго права, всегда считались только въ личномъ соединеніи съ Венгріею. Прусская война указала на Венгрію, какъ на слабѣйшую сторону австрійской монархіи; Венгрія колебалась, а безъ Венгріи Австрія не могла бы существовать. Послѣ войны, императорское правительство поспѣшило ублаготворить мадьяръ, признавъ за ихъ королевствомъ историческое право и возведя ихъ изъ страдательнаго положенія, въ какомъ они до того времени находились, подобно чехамъ, на степень господствующей народности въ восточной половинѣ имперіи. За венгерскимъ королевствомъ признана была полная автономія, а связь съ западною половиною установлена была лишь на основаніи личнаго соединенія. Этого было мало. Ухаживая за мадьярами, вѣнское правительство пожертвовало въ пользу пештскаго правительства самостоятельностію Хорватіи и Славоніи. Прежде въ Пештскій сеймъ посылались отъ Тріединаго королевства такъ называемые «oratores», какъ отъ равныхъ къ равнымъ, и послы эти имѣли равносильный голосъ въ общихъ дѣлахъ; а въ дѣлахъ, касавшихся Тріединаго королевства, ихъ отрицательный голосъ имѣлъ силу veto. Прежде земли эти имѣли въ Вѣнѣ свою особую придворную канцелярію; банъ былъ совершенно независимъ отъ Пешта. Теперь все это было отмѣнено. Выработано было «соглашеніе», которое въ сущности есть не что иное, какъ подчиненіе Хорватіи и Славоніи, въ качествѣ простыхъ областей, центральному пештскому правительству. Народная сербо-хорватская сторона была почти вся удалена отъ участія въ этомъ соглашеніи; по новому избирательному закону, противъ котораго протестовалъ загребскій сеймъ 31 декабря 1866 года, законное представительство Хорватіи и Славоніи было замѣнено нѣмецкимъ чиновничествомъ и мадьярскими сторонниками или мадьяронами. Соглашеніе состоялось въ ущербъ всѣмъ истори-

Digitized by Google

ческимъ правамъ Тріединаго королевства, его цѣльности (ибо Далматія осталась отторгнутою отъ него), его самостоятельности и политическому значенію, такъ что Хорватія и Славонія безразлично слились съ Венгріею. Отдѣльное право короны, самостоятельность банской власти, свой собственный бюджетъ, своя исполнительная власть—все это частію отмѣнено вовсе, частію перенесено въ Пештъ. Обѣ области должны высылать въ пештскій сеймъ простыхъ депутатовъ соразмѣрно количеству населенія, числомъ 29, которые, въ сравненіи съ числомъ венгерскихъ депутатовъ (400), всегда будутъ оставаться въ меньшинствѣ. Мѣстный загребскій сеймъ тщетно сталъ бы искать отвѣтственнаго министерства; его нѣтъ. Банъ можетъ давать только объясненія по всѣмъ тѣмъ дѣламъ, которыя вѣдаются венгерскимъ министерствомъ; а хорватскій министръ безъ портфеля, замѣнившій собою придворную канцелярію, подлежитъ отвѣтственности только передъ общимъ пештскимъ сеймомъ. Понятно послѣ того, что народная славянская сторона крайне недовольна этимъ соглашеніемъ. Если мы знаемъ, что тогда же, 22 сентября 1868 года, представители этой стороны подали сильный протестъ противъ этого соглашенія; если мы знаемъ, что даже нѣкоторыя вліятельныя лица изъ мадьяръ отстаивали, хотя и напрасно, финансовое самоуправленіе для Хорватіи и Славоніи, для которыхъ большинство делегатовъ нашло «вреднымъ», чтобы они сами завѣдывали своимъ бюджетомъ, и признало болѣе полезнымъ, чтобы всѣ доходы съ этихъ областей поступали цѣликомъ въ венгерское казначейство и уже оттуда выдавалась бы извѣстная сумма на ихъ внутреннія потребности: то можно себѣ вообразить, какъ шатки отношенія славянъ, отчисленныхъ къ Транслейтаніи, къ ихъ центральному пештскому правительству. Та же самая пассивная роль мадьяръ и чеховъ, которая такъ разрушительно дѣйствовала на Австрію съ 1850 до 1867 года и довела ее до распаденія на Австро-Венгрію,—та же роль перешла теперь на сербо-хорватовъ относительно мадьяръ въ восточной или венгерской половинѣ. Законъ о народностяхъ, изданный тогда же пештскимъ сеймомъ и признавшій во всей Венгріи одну политическую народность—мадьярскую, легъ непримиримою враждою между венгерскими славянами и мадьярами. Хорваты скоро пошли по примѣру чеховъ. Они обратили всѣ свои заботы на народное образованіе. У нихъ явилась академія наукъ и искусствъ, дѣятельность ко-

Digitized by Google

торой заслуживаетъ полной похвалы. Послѣдніе выборы въ сеймъ, на которыхъ восторжествовала народная сторона, доказали, что менѣе чѣмъ въ три года уровень народнаго самосознанія поднялся значительно. Въ близкомъ будущемъ мадьярство должно пасть, какъ пало онѣмеченіе въ Чехіи. Скоро дворянство хорватское перестанетъ щеголять тѣмъ, что отреклось отъ своей славянской народности. Нѣтъ сомнѣнія, что сила вещей заставитъ пештское правительство подумать объ уступкахъ славянамъ, какъ теперь въ необходимости того же убѣдилось правительство вѣнское. Послѣднее въ лицѣ гр. Гогенварта кажется, лучше понимаетъ свое положеніе: оно стремится къ федераціи, и только на ней можетъ основывать свое будущее. Ежели гр. Андраши пристанетъ къ этой политикѣ, онъ прежде всего долженъ озаботиться, чтобы не-мадьярское населеніе Венгріи нашло полнѣйшее удовлетвореніе своимъ вполнѣ законнымъ національнымъ требованіямъ. Только тогда сербы, угорскіе русины, словаки, хорваты, словенцы, румыны,—населяющіе Венгрію, пристанутъ къ федераціи соплеменныхъ народовъ. Казалось бы, что для мадьяръ нѣтъ другого исхода, и что въ противномъ случаѣ не-мадьярское населеніе, составляющее большинство въ Венгріи, само можетъ рѣшиться отдѣлаться отъ мадьярскаго преобладанія, хотя бы силою, и, конечно, найдетъ содѣйствіе въ другихъ славянскихъ народахъ.

Минуты дороги для Австріи, и новое министерство графа Гогенварта поспѣшило созвать всѣхъ главныхъ представителей славянскихъ національностей въ Австріи, какъ-то: чеховъ, поляковъ, галицкихъ русиновъ, сербовъ, словенцевъ, хорватовъ и др. Главными представителями явились: Ригеръ, Скрейшовскій (чехи), Смолка (полякъ), Павликовъ (русинъ), Коста (словенецъ), Стратимировичъ (сербъ) и др. Кромѣ того, были и другіе главнѣйшіе представители сейма. Эти славяне имѣли постоянныя сношенія съ министромъ; но какія послѣдствія переговоровъ, конечно, совершенно частныхъ, еще положительно не извѣстно, а слуховъ и предугадываній, мы, разумѣется повторять не будемъ. Достовѣрно только то, что гр. Гогенвартъ и министръ просвѣщенія, чехъ Иречекъ, вполнѣ сочувствуютъ славянской федераціи. Подождемъ — увидимъ.

Перейдемъ къ чехамъ. Давно ли чехи не назывались даже чехами, давно ли эта старѣйшая отрасль славянства, взле-

Digitized by Google

лѣявшая Іоанна Гуса, не возбуждала даже никакихъ опасеній и подозрѣній нѣмцевъ! Чехія, казалось, забыла родныя преданія и завѣты предковъ; казалось, она уже была обречена окончательно на съѣденіе нѣмечиною, и готова была обратиться въ чисто германскую область подобно столькимъ другимъ славянскимъ землямъ, въ которыхъ съ трудомъ только этнографія и археологія отыскиваютъ слѣды славянскаго бытія. Но велика сила народнаго генія и такихъ народныхъ вождей, какими были Ганка, Шафарикъ, Колларъ, Палацкій, и цѣлый сонмъ благородныхъ патріотовъ. Они призвали чехію къ новой жизни — и она воскресла! Въ какіе нибудь 20, 30 лѣтъ чехи трудомъ и выдержкой достигли той высоты народнаго образованія, какая доступна только образованнѣйшимъ народамъ Европы. Сила и могущество Чехіи именно заключаются въ народѣ, потому что преимущественно изъ народа вышли лучшіе представители чешскаго патріотизма и народности; потому что именно вслѣдствіе преобладанія народной стихіи въ представительной части чешскаго народа, всѣ его дѣйствія и стремленія основаны на чисто либеральныхъ началахъ. Но до сихъ поръ они упорствовали и не посылали своихъ пословъ въ рейхсратъ. Всѣ усилія бывшаго министра гр. Потоцкаго соединить чеховъ съ поляками въ государственномъ совѣтѣ не привели ни къ какимъ результатамъ. До сихъ поръ они твердили одно и то же: признайте государственное право чешской короны, или, другими словами: дайте намъ полнѣйшую автономію—и мы готовы дѣлить общія судьбы австрійско-славянской федераціи.

Въ послѣднія двадцать лѣтъ, чехи съ необыкновенною стойкостію, съ удивительнымъ мужествомъ выдерживали неколебимо, не уступивъ ни шагу своей законной почвы, ни іоты своего историческаго права, различные государственные перевороты, перестройки и передѣлки, къ которымъ прибѣгало австрійское правительство, ища спасенія—цѣлости монархіи. Разумѣется, опыты переустройства дѣлались на всѣ лады, кромѣ одного—того самого, который еще въ 1848 г. Ф. Палацкій рекомендовалъ, какъ единственный вѣрный и спасительный для Австріи, и для котораго, по словамъ маститаго чешскаго патріота,—еслибы даже и не было Австріи, то нужно бы было создать ее. Въ торопяхъ, когда бѣда висѣла надъ головой въ 1849 году, сочиненныя наскоро для всѣхъ австрійскихъ земель конституціи и также быстро отнятыя и похерен-

Digitized by Google

ныя, какъ быстро были даны; полный абсолютизмъ Баха, наступившій, какъ реакція, послѣ проблесковъ свободы въ 1848—49 гг.: кривой избирательный законъ Шмерлинга, дававшій численный перевѣсъ нѣмецкому меньшинству на сеймѣ; нѣсколько конституцій или такъ называемыхъ императорскихъ дипломовъ и патентовъ, наконецъ декабрьская унія 1867 года между Австріею и Венгріею или пресловутый дуализмъ:—все это, кружившееся сначала на преобладаніи нѣмцевъ, а потомъ на стачкѣ нѣмцевъ съ мадьярами, расчитанной на взаимную поддержку для подавленія славянъ,—все это перенесли и пережили чехи, замкнувшіеся въ самихъ себя и съ далекою предусмотрительностію и разумною выдержанностію предпочитавшіе пассивную легальность открытому возстанію. Они выдержали и напоръ внѣшнихъ бурь, разразившихся надъ Австріею въ 1859 и 1866 годахъ; ихъ не смутили ни бѣдствія войны, внесенной въ ихъ предѣлы прусаками, ни одновременно съ нею расточаемыя подъ рукою ласкательства Бисмарковой политики; ихъ не поколебали гоненія австрійской полиціи и австрійскихъ судовъ послѣ московской выставки,—тѣ надолго памятныя преслѣдованія чешской печати. Было время, когда они восклицали, что «если Австрія готова скорѣе на безчестіе, на ущербъ, чѣмъ на усвоеніе славянской федеративной програмы, то они, въ виду преднамѣренныхъ и послѣдовательныхъ притѣсненій славянской народности, сумѣютъ обойтись и безъ Австріи». Во все это время чехи стояли крѣпко за свое историческое право, требуя его признанія; а такъ какъ оно не признавалось ни правительствомъ австрійскимъ, ни имперскою думою, то и они, съ своей стороны, заявляли, что кромѣ личнаго соединенія чешской короны св. Вячеслава съ короною Габсбурговъ никакого другого соединенія съ австрійскою имперіею не признаютъ; а также и за постановленіями имперской думы, куда они постоянно отказывались высылать своихъ представителей, не признаютъ законной обязательной силы. А между тѣмъ они съ усиленнымъ напряженіемъ работали надъ своимъ народнымъ образованіемъ, просвѣщая сознаніемъ всю народную массу, и достигли такихъ обильныхъ плодовъ, какихъ еще никогда не видывало у себя славянство. На народные митинги или таборы стекались десятки тысячъ чеховъ и моравaнъ, которые, съ полнымъ сознаніемъ, единодушно, всѣ въ одинъ голосъ, готовы были заявить, что они знаютъ,

Digitized by Google

что они и что имъ нужно, чего они домогаются и почему поступаютъ такъ, а не иначе. Наконецъ наступила пора, чтобы всѣ труды вождей и народолюбцевъ и все, что посѣяно было ими въ народѣ, весь опытъ многолѣтнихъ испытаній, всѣ мысли и чувства, начинавшія высказываться въ мирныхъ и спокойныхъ движеніяхъ народа, чтобы все это какъ-бы сконцентрировалось въ одномъ многозначительномъ словѣ. Вожди чешскіе подали *декларацію*, получившую столь грозную извѣстность. Это слово было вмѣстѣ и дѣломъ. Это былъ шагъ впередъ и какъ-бы ультиматумъ для австрійскаго правительства. Послѣдовавшія за тѣмъ европейскія событія, развязка франко-прусской войны изобличили въ чехахъ высокій политическій смыслъ и прозорливость. Этою декларацією они давали чувствовать австрійскому правительству, что близокъ тотъ день, когда внѣшнія неблагопріятныя обстоятельства заставятъ Австрію, ради самосохраненія, тѣснѣе сплотить свои разрозненныя части и искать своего спасенія въ примиреніи народностей. И вотъ они сосредоточиваютъ въ своей декларацiи всѣ тѣ основныя начала, на которыхъ примиреніе для нихъ возможно; они излагаютъ свои права, обезпечивающія какъ ихъ самостоятельность народную и политическую, такъ и общую связь ихъ королевства съ имперіею,—права, которыя, будучи приняты правительствомъ, послужили бы зарукою въ положительной, искренней, ревностной поддержкѣ со стороны всего чешскаго народа цѣльности, величія и могущества всей австрійской монархіи. На первыхъ порахъ они получили рѣшительный отказъ, даже въ словахъ гр. Бейста слышалось обвиненіе ихъ въ государственной измѣнѣ, высказанное въ приличныхъ выраженіяхъ.

Но время не замедлило доказать, что чехи достигли полнѣйшаго самообладанія въ политикѣ и зрѣлости политической мысли: и вмѣстѣ съ тѣмъ еще разъ, какъ и въ декабрѣ 1867 г., подтвердило, что австрійское правительство не изъ глубины внутреннихъ потребностей своей государственной жизни почерпаетъ свои возбужденія, а наводится на нихъ извнѣ дующимъ вѣтромъ и скопляющимися на горизонтѣ грозовыми тучами. Уседомская депеша разоблачила намъ истинную причину, которая заставила Вѣну подѣлиться своею правительственною властію съ Пештомъ. Сомнительное поведеніе недовольной Венгріи въ войну 1866 года, окольные подходы Бисмарка, благопріятные мадьярамъ, и отряды венгерскихъ волонтеровъ, готовыхъ вступить въ связь съ прус-

Digitized by Google

скою арміею, чтобы дѣйствовать во флангъ австрійскимъ войскамъ, раскрыли глаза Бейсту и показали всю ненадежность тѣхъ скрѣпъ, которыми Венгрія была притянута къ Австріи: пришлось волею неволею привязать къ себѣ Венгрію, такъ чтобы можно было расчитывать на ея преданность монархіи на будущее время. Декабрьская конституція вдоволь удовлетворила мадьяръ, первенствующихъ въ венгерскомъ королевствѣ, и дуализмъ закрѣпилъ Австро-Венгрію. Теперь очередь дошла до чеховъ. Объединеніе Германіи, увеличеніе ея территоріи отнятыми у Франціи Ельзасомъ и Лотарингіею, провозглашеніе Германской имперіи, внѣ которой остаются только австрійскіе нѣмцы; а съ другой стороны, благоволительное къ Пруссіи невмѣшательство Россіи; ея радость по поводу столь славнаго для Пруссіи мира,—слѣдовательно, и довольство совершившимися событіями, очевидное дружеское сближеніе Пруссіи съ Россіею — не могли не исполнить австрійское правительство страхомъ за свое будущее. Оказалось, что не нѣмцы австрійскіе, а славяне вмѣстѣ съ своимъ правительствомъ питаютъ опасенія и полны страха. Быть можетъ, и Англія по своимъ расчетамъ не желала бы видѣть Австрію безъ ея нѣмецкихъ и славянскихъ земель, входящихъ теперь въ составъ Цислейтаніи. Какъ бы то ни было, толчокъ извнѣ былъ достаточно силенъ для того, чтобы на мѣсто гр. Потоцкаго назначить гр. Гогенварта и протянуть руку примиренія славянамъ.

На первыхъ порахъ расчетъ по видимому удался. Привыкшій играть въ двойную игру, гр. Бисмаркъ въ гаштейнскихъ переговорахъ и въ предварительныхъ свиданіяхъ отстранилъ всякое подозрѣніе въ своей прожорливости; но говоримъ —*на первыхъ порахъ*, потому что ему впослѣдствіи легче будетъ, имѣя заручку и въ Россіи и въ Австріи, потребовать отъ одной изъ двухъ союзныхъ державъ бо̀льшихъ уступокъ для того, чтобы пожертвовать дружбою другой, и направить противъ этой послѣдней всѣ свои германскія силы при уже обязательно благоволительномъ невмѣшательствѣ той державы, которая останется съ нимъ въ союзѣ. Выгодно грозить Россіи союзомъ съ Австріею, выгодно грозить Австріи союзомъ съ Россіею. Славяне, кажется, поняли опасность положенія, созданнаго переговорами на минеральныхъ водахъ, и одновременно изъ двухъ концовъ славянскаго міра, съ запада и съ юга, летятъ укоры Россіи...

Надобно отдать полную справедливость чехамъ въ томъ, что

Digitized by Google

они не съ вѣтра, какъ австрійскіе нѣмецкіе министры, а изъ сознанія внутреннихъ потребностей государственной силы и цѣльности стремились къ установленію общеславянской системы дѣйствій и преимущественно старались о сближеніи съ австрійскими поляками. Было время—и оно только недавно миновало, когда чехи ревностно хлопотали о примиреніи поляковъ съ Россіею. Но положеніе, принятое послѣднею въ виду успѣховъ германскаго оружія, охладило эту ревность. За то наглая и лживая выходка гр. Бисмарка противъ польскихъ депутатовъ въ сѣверогерманскомъ союзномъ совѣтѣ, не говоря уже о систематическомъ истребленіи польской народности въ Познани и прусской Силезіи, должна была имѣть достаточно силы въ самой себѣ, чтобы въ самихъ полякахъ, безъ посредства чеховъ, пробудить склонность къ Россіи изъ страха всепоглощающаго германизма.

У себя дома, въ Австріи, поляки и чехи сходятся въ главнѣйшемъ воззрѣніи на Австрію, какъ на политическую формулу, которая имъ необходима для сохраненія ихъ самостоятельности. Они разнятся между собою въ томъ, что поляки, довольные уступками и даже поблажами со стороны австрійскаго правительства, идутъ въ государственную думу и оказываютъ готовность поддерживать правительство; а чехи не иначе соглашаются вступить въ думу и предложить свои услуги правительству, какъ подъ условіемъ сохраненія своихъ государственныхъ правъ. За это поляки очень недовольны упорствомъ чеховъ; они говорятъ, что ежели бы чехи соединились съ поляками,—а тогда бы къ нимъ пристали и южные славяне, — то австрійскіе славяне непремѣнно получили бы значительный перевѣсъ надъ нѣмецкими централистами, и тогда, конечно, скорѣе бы могли осуществить идею автономіи каждой изъ славянскихъ земель. Впрочемъ, поляки сами много виноваты въ томъ, что до сихъ поръ не сумѣли сойтись съ чехами и составить общую програму. Они сами сознаютъ свою ошибку, и съ каждымъ днемъ увеличивается число голосовъ въ пользу сближенія съ чехами. Недавно фельетонистъ одной петербургской газеты довольно остроумно замѣтилъ, что чехи, если будутъ долбить упорно въ камень въ одно и то же мѣсто, то непремѣнно пробьютъ въ немъ дыру. Казалось бы такъ; но не надобно забывать, что въ конституціонномъ государствѣ точно такъ же и противники могутъ долбить и также пробить дыру. Такъ не лучше ли бы было сойтись съ остальными сла-

Digitized by Google

вянами и предпринять общій трудъ упорнаго долбленія: тогда ужь, конечно, австрійскимъ централистамъ пришлось бы плохо, и усилія славянъ навѣрно увѣнчались бы успѣхомъ. Венгерскій графъ Csàky говоритъ, что политическое благоразуміе, цивилизація и гуманность требуютъ, чтобы послѣдовало полнѣйшее удовлетвореніе законныхъ требованій славянъ, заселяющихъ Австро-Венгрію. Онъ увѣренъ, что подобное соглашеніе могло бы послѣдовать единственно на основѣ дуализма. Дуализмъ помогъ Венгріи возвратить свои права; дуализмъ долженъ теперь содѣйствовать, чтобы, при государственномъ единствѣ Австро-Венгріи, славяне получили равноправность. Этимъ только путемъ, говоритъ авторъ, можно поддержать силу Австро-Венгріи. Но въ такомъ случаѣ, конечно, дуалистической формы въ монархіи Габсбурга уже не будетъ.

Галиція представляетъ для насъ много интереса. Въ Галиціи 5.417.343 жителей и въ томъ числѣ 2.005.089 поляковъ и 2.781.454 русиновъ или, правильнѣе, малоросовъ. Интеллигенцію страны составляютъ поляки. Здѣсь живутъ представители знаменитѣйшихъ родовъ Польши: князей Чарторыскихъ, Любомирскихъ, Сапѣговъ, графовъ Потоцкихъ, Малаховскихъ и др. Разумѣется, что преобладающій во всѣхъ слояхъ общества языкъ— польскій, не исключая даже и русиновъ, даже и тѣхъ, которые являются противниками поляковъ и открыто враждуютъ съ ними. Въ Галиціи два университета и два ученыя общества. Въ краковскомъ университетѣ всѣ предметы читаются по-польски. Императоръ австрійскій, по собственной инициативѣ, велѣлъ учредить каѳедру польской исторіи, которой никогда не было какъ во время самостоятельной Польши, такъ и во время Краковской республики. Учреждена еще каѳедра археологіи, которой тоже не было, и поговариваютъ объ учрежденіи въ скоромъ времени еще каѳедры исторіи славянскихъ литературъ. Его же иждивеніемъ возобновляются гробницы и памятники королей польскихъ на Вавелѣ въ Краковѣ. Конституція гарантируетъ полякамъ всѣ національныя особенности, свободу слова и дѣйствій. Никто не препятствуетъ говорить и писать когда, гдѣ и что угодно о возстановленіи Польши, о быломъ Польши, созидать планы для будущаго, праздновать историческія воспоминанія и т. п. Расказываютъ много анекдотовъ, какъ умно австрійскія власти умѣютъ парализовать вліяніе разныхъ манифестацій. Такъ, на примѣръ, извѣстно, что польскій контушъ со всѣми его атрибутами

Digitized by Google

давно выведенъ изъ употребленія. Но со времени конституціи галицкіе легаты и многіе помѣщики въ торжественныхъ случаяхъ стали одѣваться въ контушъ и прицоясывать саблю (карабелю). Другіе прицоясывали ее просто къ чамаркѣ, или даже къ фраку. Тогда административныя власти обнародовали замѣчаніе, что сабля есть принадлежность стариннаго польскаго костюма, который *никому не воспрещается*, но что странно видѣть человѣка во фракѣ и при саблѣ, и что администрація находитъ это совершенно неумѣстнымъ. Понятно, что послѣ такого поясненія, значеніе контуша во многомъ умалилось. Въ Краковѣ жители захотѣли праздновать годовщину смерти Костюшки и совершить торжественное шествіе на курганъ, насыпанный за городомъ и носящій его имя. Торжество готовилось необыкновенное, и когда все уже было готово, распорядители вспомнили, что не мѣшало бы предувѣдомить объ этомъ мѣстныя власти; съ этою цѣлью отправились къ директору. Послѣдній, едва ему доложили о приходѣ распорядителей, поспѣшилъ къ нимъ на встрѣчу, не далъ имъ вымолвить слова и забросалъ привѣтствіями. «Какъ я вамъ благодаренъ, господа, что вы вспомнили обо мнѣ; ибо, я увѣренъ, вы пришли пригласить меня присутствовать на торжествѣ, котораго вы распорядители. Помилуйте! я почту для себя за счастіе и буду, непремѣнно буду: буду какъ зритель, потому что хозяевами тамъ—вы, господа; я весь къ вашимъ услугамъ». Вѣдь умно и ловко!

Административная столица Галиціи—Львовъ; но польская столица, столь драгоцѣнная для поляковъ—Краковъ съ его Вавелемъ, гробницами и мавзолеями королей польскихъ, Костюшки, Іосифа Понятовскаго и многихъ другихъ дорогихъ сердцу поляка историческихъ личностей.

Послѣ всего здѣсь сказаннаго, понятно, какъ много дорожатъ галицкіе поляки своей свободой и настоящимъ положеніемъ. Будущность страшитъ ихъ. Опасность, угрожающая Австріи по случаю возростающаго могущества страшной Пруссіи, сочувствіе, котораго не скрываютъ австрійскіе нѣмцы къ великому германскому отечеству, приводятъ въ ужасъ здѣшнихъ поляковъ. Вотъ почему не проходитъ почти дня, чтобы вы не прочли въ той, или другой газетѣ всевозможныхъ комбинацій о современныхъ обстоятельствахъ и выводовъ о будущемъ. Объ этомъ же постоянно печатаются политическія брошюры. Славянскій вопросъ занялъ первое мѣсто въ ряду всѣхъ современныхъ вопросовъ, и

Digitized by Google

предстоящій славянскій съѣздъ весною, конечно, представитъ самое оживленное и любопытное зрѣлище.

Но сильнѣе всего общественное мнѣніе галицкихъ поляковъ о современныхъ обстоятельствахъ высказывается въ рѣчи извѣстнаго писателя, краснорѣчиваго оратора и публициста, Клячко, произнесенной имъ въ Пештѣ на сеймѣ 20 минувшаго января. Рѣчь эта произвела общій фуроръ, ее перепечатали газеты всевозможныхъ оттѣнковъ, она служила предметомъ толковъ и разговоровъ. Клячко затронулъ животрепещущій вопросъ, именно славянскій. «Единство Италіи, говоритъ онъ, породило единство Германіи, и нѣтъ сомнѣнія, что ихъ примѣру послѣдуютъ славянскіе народы. Что Россія къ этому стремится, что она желаетъ, чтобы то, что теперь называютъ духомъ времени, воплотилось въ собственный духъ Россіи, это извѣстно всякому, кто слѣдилъ въ послѣднее время за внутреннею и внѣшнею политикою Россіи. Нельзя не сознаться, что ежели Россія и не имѣетъ на это права, то во всякомъ случаѣ имѣетъ къ этому предлогъ. Итальянскіе народы, за исключеніемъ только сѣверной части, не состояли подъ иноплеменнымъ владычествомъ; нѣмецкіе народы имѣли собственныхъ правителей, дурныхъ или хорошихъ—это другой вопросъ—но собственныхъ; о преслѣдованіи языка, религіи не могло быть и рѣчи; ни одно изъ правительствъ этихъ народовъ не препятствовало развитію умственной, нравственной и литературной жизни, и, не смотря на все это, какъ усердно эти народы добивались единства, въ имя идеи, идеи племенного единенія!

«У Россіи примѣръ передъ глазами. Она можетъ сослаться на него. Впрочемъ Россіи нѣтъ никакой надобности опираться на право. Сила выше всякаго права. Наконецъ въ пользу Россіи говоритъ еще и то, что починъ въ дѣлѣ принадлежитъ ей. Она съ XVIII ст. лелѣетъ эту мысль. Племенное единеніе занимало ея мыслителей тогда, когда еще никто и не думалъ о кровномъ единствѣ расъ, языка. Все это придумано Россіей. Какъ же предположить, чтобы она въ настоящее время не воспользовалась благопріятными обстоятельствами и не осуществила давнишней мысли.»

Объяснивъ, что черноморскій вопросъ служитъ только началомъ *великой пропаганды*, г. Клячко увѣряетъ, что Россія скоро употребитъ всю свою силу и могущество для того, чтобы стать во главѣ славянскихъ народовъ. А тогда, говоритъ г. Клячко, есте-

Digitized by Google

ственною ея союзницею будетъ Франція.—Ораторъ съ увлеченіемъ говоритъ о живучести Франціи. Не смотря на всѣ свои утраты, на всѣ пережитыя невзгоды, она, по словамъ г. Клячко, должна скоро опять воспрянуть изъ своего уничиженія и опять займетъ подобающее ей мѣсто въ ряду европейскихъ государствъ. А когда Франція укрѣпится, тогда для нея союзъ съ Россіей является неизбѣжнымъ и естественнымъ. Франція до сихъ поръ на Востокѣ была представительницею интересовъ Запада; но чтобы возстановить потерянное значеніе, она добровольно откажется отъ этой роли и въ союзѣ съ *міровою державою* (то есть, Россіею) будетъ искать средствъ возвратить потерянныя области. Россія до сихъ поръ опиралась только на свои матеріальныя силы и этимъ путемъ внушала къ себѣ уваженіе славянъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: роптать на славянъ за то, что они преклоняются передъ великой силой,—невозможно, когда мы видимъ, что и передовые народы, какъ, на примѣръ, нѣмцы преклоняются передъ милитаризмомъ и юнкерствомъ Пруссіи. За то, когда Россія соединится съ Франціей, она получитъ перевѣсъ нравственный.

На возраженія, что въ случаѣ союза Россіи съ Франціей и, слѣдовательно, въ виду грозящей опасности Австріи, къ ней подоспѣетъ на помощь Пруссія, Клячко пріискалъ ловкій отвѣтъ: «Тогда Пруссія вспомнитъ, что ея знамя—знамя единства Германіи; она не позабудетъ, что и въ Австріи живутъ нѣмцы, а тогда для нея удобнѣе заключить договоръ съ Россіей и Франціей—первой предоставить славянъ, послѣдней возвратить Эльзасъ и Лотарингію, а себѣ взять единоутробныхъ австрійскихъ нѣмцевъ,—всѣ будутъ довольны, а Австрія растерзана».

Ежели бы вы захотѣли увѣрять, что все это плоды пылкаго воображенія усерднаго защитника интересовъ габсбургскаго дома: что Россія озабоченная внутреннимъ устройствомъ, упроченіемъ великихъ преобразованій настоящаго царствованія, вовсе не думаетъ о славянскомъ вопросѣ, вамъ бы никто не повѣрилъ. Будутъ спорить и не соглашаться насчетъ союза съ той, или другой державой, но никого вы не разувѣрите, чтобы Россія не думала о славянскомъ единствѣ. Все, что только совершается въ славянскихъ земляхъ, особенно въ Галиціи, и у южныхъ славянъ,—приписываютъ Россіи. Такъ, на примѣръ, вотъ что на дняхъ мы прочли о болгарахъ:

«Въ Бухарестѣ существуетъ комитетъ, дѣйствующій для воз-

Digitized by Google

бужденія болгаръ въ пользу Россіи. Комитетъ этотъ, изъ мѣстныхъ жителей, состоитъ подъ предсѣдательствомъ русскаго консула, располагающаго русскою звонкою монетою. Лица, входящія въ составъ комитета, именуется молодыми болгарами. Но существуетъ и противная партія въ средѣ болгаръ; эти противники напоминаютъ молодымъ болгарамъ, что въ 1829 г. болѣе десяти тысячъ болгаръ переселились въ Бессарабію, а потомъ, будто бы, едва спаслись бѣгствомъ въ Турцію. Въ доказательство мнимыхъ подстрекательствъ со стороны Россіи приводятъ еще и то, что турецкое правительство запретило журналъ «Македонія», издававшійся въ Константинополѣ подъ редакціею Славѣйкова, сочувствовавшаго Россіи. Любопытно то, что этотъ Славѣйковъ, когда начиналась франко-прусская война, увѣрялъ, что эта война не имѣетъ никакихъ политическихъ цѣлей, что это просто борьба католиковъ съ протестантами; но что для Европы и въ особенности для Болгаріи желательно, чтобы побѣдили нѣмцы; ибо только въ такомъ случаѣ можно ручаться за преуспѣяніе свободы и цивилизаціи».

Послѣ рѣчи Клячка, особенное вниманіе обратило на себя воззваніе чешскаго патріота, професора Эмануила Тоннера. Онъ говоритъ весьма подробно о славянскомъ единеніи; но первымъ для этого условіемъ полагаетъ искреннее примиреніе поляковъ съ русскими. Для этого, говоритъ Тоннеръ, необходимо только, чтобы поляки отказались отъ своихъ притязаній на возстановленіе границъ 1792 года, а русскіе, чтобы назначили границу польской національности до Вислы и первые протянули побѣжденнымъ братскую руку. Тогда всѣ пререканія и притязанія должны окончиться, и ничто не будетъ препятствовать славянскому единенію и взаимной защитѣ отъ посягательствъ германизма. Тоннеръ предчувствуетъ неизбѣжную страшную борьбу между славянскими и нѣмецкими племенами. Ежели побѣдятъ нѣмцы,—конецъ славянской идеѣ; тогда германская имперія прежде всего захватитъ Чехію, какъ необходимую для округленія ея границъ; окончитъ онѣмеченіе Великой Польши (герцогства Познанскаго) и Восточной Пруссіи, потомъ распространитъ свои предѣлы до Адріатическаго моря и поработитъ воскресающія и призванныя историческими судьбами къ жизни племена южныхъ славянъ, сербовъ и т. д. Польша до самой Вислы. Моравія, Силезія—неминуемо сдѣлаются ея достояніемъ.

Можно не соглашаться съ мнѣніями и выводами Тоннера, не-

Digitized by Google

ромъ котораго руководило благородное чувство и искреннее желаніе сліянія братскихъ племенъ; но отвѣчать такъ цинически и односторонне, какъ это сдѣлали «Биржевыя Вѣдомости», болѣе чѣмъ странно. Самъ г. Катковъ—и тотъ сталъ относиться къ славянскому дѣлу болѣе гуманно, проповѣдуя дружбу съ Австріей и совѣтуя ей распространять свободы славянскихъ народовъ. Конечно, многимъ такой совѣтъ можетъ показаться страннымъ, кому извѣстно, какъ велика національная свободу славянскихъ народовъ въ Австріи уже теперь; но все же это не то, что требованіе г. Трубникова, насильно навязывающаго полякамъ русскій языкъ. Статья эта обратила на себя вниманіе въ Прагѣ, Львовѣ и Краковѣ, и хохотали же надъ нею вдоволь!...

Болѣе серьезный отвѣтъ Тоннеру, хотя тоже односторонній напечаталъ польскій патріотъ Сигизмундъ Милковскій въ газетѣ «Край». Онъ соглашается съ Тоннеромъ, что война славянъ съ новою германскою имперіей неизбѣжна не сегодня, такъ завтра. Такова ужь логика счастья и удачи, разсуждаетъ Милковскій: когда счастье везетъ,—остановиться невозможно. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, созданной графомъ Бисмарскомъ имперіи, владѣя устьемъ Вислы, захочется и всего ея теченія; владѣя русломъ Дуная, какъ же не завладѣть и всѣмъ его теченіемъ. У побѣдителей свои понятія о чести и патріотизмѣ.

По словамъ Милковскаго, когда вспыхнетъ война—она падетъ всею тяжестью на Литву и Польшу, въ которыхъ, по всей вѣроятности, прежде всего сосредоточатся военныя дѣйствія. Варшава и Вильно обратятся въ пепелища и развалины, а весь край будетъ опустошенъ. Предчувствуя неминуемую гибель и страшныя бѣдствія, авторъ сознаетъ, что слѣдовало бы думать и искать средствъ, чтобъ отвратить грозящую опасность. Но прежде всего онъ задаетъ себѣ вопросъ: какую пользу принесетъ полякамъ примиреніе съ русскими, и что они потеряютъ, ежели оно не состоится?

Мы не станемъ повторять здѣсь длинныхъ тирадъ и черезчуръ глубокомысленныхъ разсужденій автора. Дѣло въ томъ, что г. Милковскій, какъ и большая часть заграничныхъ поляковъ, судитъ о Россіи по статьямъ въ родѣ тѣхъ, которыя помѣщаются въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» или «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и въ которыхъ предлагается насильственное обрушеніе края. Они не понимаютъ, какая бездна между словоизліяніями нашихъ мнимо-націоналистовъ и истинными чувствами рус-

Digitized by Google

скаго народа. Милковскій не довѣряетъ русскимъ администраторамъ, не вѣритъ и гуманному настроенію и благороднымъ чувствамъ русскаго народа. На всякаго рода соображенія онъ отвѣчаетъ выводами, въ родѣ приведенной нами статьи «Биржевыхъ Вѣдомостей», то есть, что русскіе силою начнутъ навязывать свой языкъ славянамъ. Вотъ почему онъ и приходитъ къ самымъ неутѣшительнымъ выводамъ, именно, что для поляковъ рѣшительно все равно, кто будетъ владѣть ими—Россія, или Пруссія: потому что ежели Пруссія завладѣетъ, то она будетъ германизировать; а Россія употребитъ всѣ средства для обрушенія. Такъ или иначе, самостоятельность Польши немыслима, и въ случаѣ войны поляки не должны примыкать ни къ той, ни къ другой сторонѣ. Подумавъ, однако, немного, въ заключеніе, авторъ находитъ исходную точку: полякамъ не нужно возстановленіе границъ 1772 года; но необходима гарантія въ томъ, что будетъ оказана справедливость народамъ, населяющимъ Польшу, Литву и Малороссію, и что будутъ ограждены права и неприкосновенность каждой изъ этихъ національностей. Только въ такомъ случаѣ, поляки возстанутъ всѣ и будутъ проливать свою кровь за Россію.

Много и другихъ было отвѣтовъ Тоннеру; но мы не можемъ не привести еще одного, рѣзко отличающагося отъ другихъ. Мы говоримъ о статьѣ поляка Гилярія Третера, напечатанной въ либеральномъ «Львовскомъ Дневникѣ»—органѣ самаго вліятельнаго изъ галицкихъ депутатовъ, доктора Смолки, и озаглавленной: «Поляки и Славяне». Авторъ смѣло высказалъ то, о чемъ многіе до сихъ поръ, можетъ быть, думали, но не рѣшались высказать. Третеръ, желая оградить польскую національность отъ онѣмеченія, или обрусѣнія, одобряетъ мысль Тоннера и совѣтуетъ примиреніе поляковъ съ русскими, какъ необходимое для славянской идеи. Во всѣхъ же политико-національныхъ вопросахъ находитъ необходимымъ, чтобы поляки шли рука объ руку съ чехами, чтобы такимъ образомъ заставить Австрію опереться исключительно на славянство. Но авторъ идетъ дальше: онъ сочувственно относится къ уничтоженію католическихъ монастырей въ Литвѣ, Польшѣ и, главное, расторженію всякихъ сношеній съ Римомъ, то есть, уничтоженію силы и дѣйствія конкордата. Едва ли это понравится многимъ изъ поляковъ—завзятымъ католикамъ; а мысль его—предоставить высшую церковную власть петербургской духовной коллегіи (состоящей, какъ извѣстно, подъ непосредственымъ

Digitized by Google

вѣдѣніемъ министерства внутреннихъ дѣлъ), можетъ даже ослабить ту долю вліянія, которое должна бы была произвести на австрійскихъ поляковъ его откровенная рѣчь. Въ заключеніе авторъ высказываетъ даже надежду, что со временемъ можетъ образоваться въ Польшѣ національная церковь, совершенно независимая отъ папы.

Нельзя не похвалить автора за совѣтъ, который онъ даетъ польскимъ заграничнымъ публицистамъ: оставить свои ожесточенныя выходки противъ Россіи, которыя ведутъ только ко взаимному раздраженію. Съ этимъ нельзя не согласиться; эти выходки вредятъ самимъ же полякамъ: они раздражаютъ преимущественно русскихъ публицистовъ, изъ коихъ нѣкоторые недоброжелательство, высказываемое польскою заграничною прессой, относятъ ко всѣмъ полякамъ, живущимъ въ Литвѣ и Польшѣ, забывая, что эти послѣдніе даже не читаютъ и не могутъ читать, ежели бы даже и желали, изданій своихъ заграничныхъ братьевъ.

Что касается до образованія національной польской церкви, то мысль эта высказывается едва ли не первый разъ въ теченіи трехъ послѣднихъ столѣтій. Подобная мысль имѣла глубокое значеніе и серьезно занимала умы многихъ политическихъ дѣятелей еще во времена Сигизмунда Августа, во второй половинѣ XVI столѣтія, когда во главѣ католическаго духовенства въ Польшѣ стоялъ примасъ Уханскій, помышлявшій объ отторженіи католической церкви въ Польшѣ отъ Рима. Но тогда явились езуиты, схватили церковь въ свои желѣзныя объятія и приковали къ ней государство. Знаменитѣйшіе княжескіе и боярскіе роды, прежніе защитники восточной церкви, какъ равно ревнители евангелическо-реформатскаго исповѣданія, въ царствованіе Сигизмунда III, обратились въ самыхъ усердныхъ католиковъ. Обстоятельства слагались такъ, что католицизмъ въ Польшѣ и Литвѣ, проникнувшій въ массы населенія чрезъ посредство уніи, сдѣлался преобладающимъ и получилъ значеніе національности. Защищать католицизмъ—то же, что защищать польскую народность.

Въ XVIII столѣтіи, особенно подъ конецъ, значеніе католицизма весьма замѣтно умалилось, и онъ не игралъ такой важной роли, какъ нынѣ. Со временъ Станислава Августа, въ большихъ городахъ, и преимущественно въ образованномъ обществѣ, свобода совѣсти начинала брать верхъ. Набожность, въ смыслѣ католическомъ, проявлялась только въ средѣ женщинъ и въ деревняхъ; въ городахъ же богатые ксендзы любили, что назы-

Digitized by Google

вается, пожить, и немногіе заботились о своей паствѣ и костелахъ. Ксендзы въ Литвѣ получили особенный почетъ и вліяніе на общество, а костелы сдѣлались прибѣжищемъ для всѣхъ только уже послѣ 1840 года, когда началось усиленное упраздненіе монастырей и секуляризація церковныхъ имуществъ. Ксендзы, по прежнему, стали проникать въ дома, въ семью, въ качествѣ пособниковъ, утѣшителей. Сила католицизма и его духовенства постепенно возрастала и сдѣлалась могущественною. Надобно сознаться, мы сами ее создали, почти искуственно, потому что повернули дѣло слишкомъ круто, непослѣдовательно. Чѣмъ больше было репресивныхъ мѣръ, чѣмъ больше являлось усердныхъ и преданныхъ намъ ксендзовъ, тѣмъ болѣе закрѣплялись сила и могущество католицизма, и возрасталъ сонмъ такъ называемыхъ «страдальцевъ». Въ настоящее время на всемъ протяженіи бывшей Польши католицизмъ и польская народность—одно и то же. Это утверждаютъ даже такіе ученые, какъ професоръ польской исторіи въ краковскомъ университетѣ, г. Шуйскій, который еще недавно высказался, что, «религіозно-народныя *особенности*, вызванныя историческими судьбами и положеніемъ страны, эти *особенности*, только что выработанныя, должны быть приняты въ соображеніе въ дѣлѣ развитія и закрѣпленія католицизма въ Польшѣ, ибо католицизмъ, въ силу индивидуальныхъ убѣжденій и любви къ родинѣ, долженъ играть самую видную роль въ будущемъ.»

Сопоставленіе мнѣній Милковскаго и Третера можетъ показаться страннымъ, но ежели бы мы захотѣли указывать на другія заявленія, постоянно появляющіяся въ томъ, или другомъ періодическомъ изданіи,—пестрота вышла бы необыкновенная. Каждый предлагаетъ свои заключенія и выводы; все это испещрено многорѣчивыми соображеніями, а результатъ тотъ, что австрійскіе славяне, не смотря на предубѣжденія, нерѣдко на затаенныя опасенія, не смотря на то, что въ Австріи они пользуются извѣстною долею политической свободы,—невольно обращаютъ свои взоры къ Россіи. Это не потому, чтобы здѣшніе славяне не дорожили своими конституціонными правами, не дорожили значеніемъ Австріи, но по тому, что ихъ пугаетъ *желѣзный графъ*, что опасенія за будущее Австріи растетъ и увеличивается съ каждымъ днемъ, что они ищутъ выхода изъ этого мучительнаго, тревожнаго положенія, и многіе готовы были бы броситься въ объятія Россіи, ежели бы только имъ была обезпечена неприкосновенность ихъ національныхъ и конституціонныхъ правъ.

Digitized by Google

Для возможной полноты, мы должны еще указать на брошюры политическаго содержанія, безпрестанно появляющіяся по славянскому вопросу. Такъ, на примѣръ, неизвѣстный авторъ брошюры, недавно изданной въ Краковѣ «Польша въ виду славянства и Европы» (Polska w obec Słowianszczyzny i Europy), посвящаетъ свое произведеніе соотечественникамъ и русскимъ истиннымъ патріотамъ. Онъ подробно разсматриваетъ современное положеніе Европы и между прочимъ говоритъ, что поляки пролили много крови, понесли много горестныхъ утратъ, а въ итогѣ ничего не добились; что, поэтому, пора бы уже, послѣ столькихъ испытаній, единодушно избрать одинъ вѣрный путь, указываемый здравымъ смысломъ. Онъ указываетъ на всѣ тѣ ложныя и обманчивыя обнадеживанья и прямыя обѣщанія, которыми до сихъ поръ обольщала поляковъ Европа. Досталось тутъ по дѣломъ и Наполеону III и даже французской республикѣ за то, что она, прибѣгая къ помощи Россіи (?), отказывается отъ всякаго сочувствія къ Польшѣ. Затѣмъ авторъ подробно разсматриваетъ отношенія поляковъ къ Пруссіи, Австріи и Россіи. Говоря о Пруссіи и Австріи, ничего новаго и особенно примѣчательнаго онъ не высказываетъ. Онъ даже не хочетъ вѣрить въ тѣсный союзъ Пруссіи съ Россіей, предчувствуетъ столкновеніе между ними и остроумно замѣчаетъ, что въ будущемъ, можетъ быть, не хватитъ нѣмцамъ Бисмарковъ и Мольтке, но за то найдутся подобные имъ во Франціи и въ Россіи. Авторъ боится усиливающагося могущества Россіи и предсказываетъ, что она въ будущемъ можетъ захватить Галицію и всѣ славянскіе и не-славянскіе народы, состоящіе подъ владычествомъ Австріи и Турціи. Чтобы спасти Европу отъ преобладанія такого колоса, авторъ совѣтуетъ Пруссіи позаботиться о возстановленіи Польши, «хотя бы какъ второстепенной державы, подобно Бельгіи или Швейцаріи, подъ покровительствомъ европейскихъ государствъ».

Для спасенія же Австріи авторъ видитъ единственное средство—соединить подъ скипетромъ Габсбурговъ три короны: св. Стефана, Вячеслава и Пястовъ, отказавшись отъ нѣмцевъ, которыхъ могла бы отдать въ вознагражденіе за присоединеніе польскихъ областей.

Затѣмъ авторъ много говоритъ о Россіи. Упреки сыплются градомъ, и въ то же время авторъ убѣжденъ, что поляки съ русскими могли бы жить въ тѣснѣйшей дружбѣ. Этого мало.

Digitized by Google

Ежели Россіи предназначено цивилизовать Востокъ, Польша должна служить для нея твердыней противъ непріязненнаго ей Запада. Въ доказательство, что поляки, особенно галицкіе, всегда были склонны искать защиты у Россіи, авторъ приводитъ слѣдующій любопытный фактъ, кажется, до сихъ поръ не оглашенный въ нашей печати. Въ 1846 г., послѣ извѣстной рѣзни въ Галиціи, когда императоръ Николай, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, пріѣхалъ въ Царство Польское и пробылъ два дня на пограничной станціи Михаловицахъ, въ ожиданіи прибытія императрицы изъ-за границы,—поляки рѣшились поднести ему адресъ; но такъ какъ, дѣйствуя открыто, легко было навлечь на себя преслѣдованіе со стороны австрійскаго правительства, то адресъ этотъ отправленъ былъ по почтѣ со станціи Сухедневъ на имя главнаго директора, предсѣдательствующаго въ коммисіи внутреннихъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ поляки отправили письмо къ директору, въ которомъ просили повергнуть предъ государемъ ихъ заявленіе. Адресъ этотъ былъ переданъ (вѣроятно, для поднесенія государю) радомскому губернатору Эдуарду Бялоскурскому, но дальнѣйшія его судьбы неизвѣстны. Галицкіе поляки не получили никакого отвѣта. Въ этомъ адресѣ между прочимъ говорилось: «Поляки, народъ, состоящій изъ 20 слишкомъ милліоновъ, стремятся къ тому, чтобы быть соединеннымъ и самостоятельнымъ народомъ. Гдѣ бы ни были поляки, на пепелищѣ ли своихъ отцовъ, на берегахъ ли Невы, Темзы, или Сены, или на снѣжныхъ вершинахъ Кавказскихъ горъ, въ ледяныхъ ли степяхъ Сибири, или, наконецъ, въ рядахъ войскъ,—всегда и вездѣ будутъ трудиться и апостольствовать до тѣхъ поръ, пока Польша не сдѣлается самостоятельнымъ государствомъ, или пока всѣ народы, вопреки желаніямъ вѣнценосцевъ, не подадутъ другъ другу братскую руку и не сольются въ одинъ великій союзный народъ *). «Ты, Государь, своею силою и могуществомъ можешь сокрушить и уничтожить всѣ подобныя усилія; но кому же извѣстно, что предопредѣлено судьбою въ будущемъ?... Развѣ не достойнѣе было бы Твоего истиннаго величія воздвигнуть такое зданіе, которое бы держалось собственными силами, нежели напрягать всѣ силы могущественной Твоей десницы только для того, чтобы поддержать тяжелое бремя его

*) Эта мысль служитъ какъ-бы предсказаніемъ усилій, обнаружившихся потомъ въ 1848 г.

Digitized by Google

существованія?... Исторія съ благоговѣніемъ отнесется къ величію Твоего характера, августѣйшій Монархъ! Уже и теперь сердца поляковъ готовы предаться Тебѣ съ чистѣйшею любовію. Скажи намъ только Твое слово, какъ отецъ дѣтямъ, какъ монархъ народу,—и Ты будешь владѣть этимъ народомъ сильнѣе, нежели съ помощью тысячей ротъ, вооруженныхъ штыками».... «Галиція протягиваетъ къ Тебѣ, Государь, свои руки, и всѣ области, входившія въ составъ бывшей Польши, готовы умолять Тебя: собери насъ всѣхъ подъ скипетръ Твоего рода, создай второй престолъ, столь же великій для Твоей династіи,—для возвеличенія же Россіи—смѣлою стопою шагни за владѣніями, гдѣ варварство и самоуправіе гнетутъ милліоны христіанъ... Скажи, Государь, свободное слово, и милліоны повторятъ то же самое. Повѣрь, Государь, что ежели поляки добровольно исполнятъ присягу, они сохранятъ ее свято.... Кто же осмѣлится противорѣчить Тебѣ, когда, стоя во главѣ семидесяти милліоновъ преданныхъ Тебѣ славянскихъ народовъ, Ты произнесешь: *Я такъ хочу!*»

Адресъ этотъ написанъ до такой степени напыщеннымъ слогомъ, что передать его буквально почти невозможно. Мы старались только передать главный смыслъ. Во всякомъ случаѣ, адресъ этотъ доказываетъ, что поляки въ Галиціи, испуганные ужасами крестьянскаго возстанія, возженнаго самими австрійцами, готовы были предаться Россіи, и ежели бы тогда благосклонно отнеслись къ ихъ заявленію, можетъ быть, славянскій вопросъ получилъ бы еще въ 1846 году разрѣшеніе, пощадивъ много жертвъ, много напрасно пролитой крови.... Въ заключеніе, авторъ много говоритъ о готовности поляковъ теперь предаться Россіи всею душою, ежели она признаетъ ихъ національныя права, ежели обезпечитъ славянамъ права самостоятельности на федеративныхъ началахъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что для пользы Пруссіи и Россіи и для спасенія Австріи, каждой изъ этихъ державъ необходимо заручиться Польшею. Жаль только, что авторъ не обозначилъ кому начать,—а то какъ вдругъ всѣ три державы займутся этимъ единовременно, пожалуй, могутъ столкнуться, а полякамъ легче ли будетъ отъ этого?

Въ Галиціи борьба между поляками и русинами не совсѣмъ еще умолкла; но она приняла другое направленіе и, такъ сказать, выяснилась. Сами русины раздѣлились на два лагеря. Всѣ признаютъ себя русинами или, правильнѣе, малоросами; но одни желаютъ

Digitized by Google

дружбы и мира съ поляками, требуя полнѣйшей автономіи для своей національности. Во главѣ ихъ стоитъ извѣстный вице-маршалъ сейма Лавровскій, искренно преданный габсбургскому дому, желающій распространенія въ народѣ просвѣщенія, процвѣтанія литературы и полнѣйшей самостоятельности, какою пользуются поляки на основаніи конституціи. Органомъ партіи служитъ «Основа», газета умѣренная, но вмѣстѣ сильно и настойчиво проводящая народныя начала и мысли. Другая сторона, къ которой принадлежитъ большинство уніатскаго духовенства, предана Россіи и готова отторгнуться отъ Австріи. Органъ ея «Слово». Надобно сказать правду, что эта партія, хотя имѣетъ перевѣсъ численностью,— гораздо слабѣе интеллигенціею. Обѣ сходятся въ одномъ только: обѣ желаютъ автономіи и сохраненія національности.

Поляки, въ отношеніи русиновъ, тоже раздѣляются на два лагеря: одни признаютъ за русскими права отдѣльной народности и требуютъ, чтобъ эти права ихъ были признаны. Другіе, напротивъ, считаютъ русиновъ чѣмъ-то въ родѣ испорченныхъ поляковъ, отказываютъ имъ въ самостоятельности и даже требуютъ, чтобъ они отреклись отъ своей народности и признали бы себя поляками. Органомъ первыхъ «Польскій Дневникъ», органомъ послѣднихъ «Львовскій Дневникъ». Краковскія же газеты «Часъ» и «Край» обѣ держатся умѣренно, и обѣ признаютъ за русинами права ихъ національности.

Вообще, въ отношеніи русиновъ, Краковъ относится весьма благоразумно. Въ Краковѣ при университетѣ существуетъ коммисія для испытанія кандидатовъ, желающихъ занять мѣста учителей въ гимназіяхъ. Галицкіе русины просили краковскій университетъ, чтобъ имъ дозволено было держать экзаменъ на русскомъ языкѣ. Университетъ, хотя, на основаніи своего статута, уполномоченъ производить испытанія только на польскомъ языкѣ, однако въ этомъ случаѣ согласился съ желаніемъ русиновъ и предоставилъ имъ право держать экзаменъ по-русински, то есть, на малорусскомъ нарѣчіи [1]). Надобно замѣтить, что въ средѣ университета есть професора изъ русиновъ, и въ томъ числѣ одно духовное лицо, отлично владѣющее роднымъ языкомъ.

---

[1]) Вотъ что по этому случаю пишетъ «Основа»: «Робили зъ насъ яничарôвъ и поляки и русски, и пускали ихъ на насъ, якъ собакъ бѣшеныхъ. Намъ здавало ся, що мы зъ поляками-панами або зъ русскими-гордецями бороли ся, а мы до сихъ поръ съ яничарами бороли ся, съ польскими и зъ «русскими», що слѣпо сповняютъ волю своихъ солиманôвъ. Бачь, якъ мы ошибали ся; ажь

Digitized by Google

Краковскіе археологи отличились также недавно своимъ безпристрастіемъ и истиннымъ уваженіемъ къ древней святынѣ, хотя въ ней живопись носитъ живые слѣды византійскаго стиля. На Вавелѣ, при каѳедральномъ соборѣ, этомъ Пантеонѣ поляковъ, гдѣ почіютъ короли польскіе, существуютъ двѣ весьма замѣчательныя часовни, одна во имя св. Троицы, основанная въ 1431 году русскою княжною Софіею Андреевною, четвертою супругою короля Владислава Ягайлы, дочерью Андрея Ивановича, князя гольшанскаго и вяземскаго. Часовня эта, теченіемъ времени и политическихъ переворотовъ, измѣнила свой наружный видъ: исчезла живопись въ византійскомъ стилѣ, нѣтъ древнихъ иконъ, нѣтъ даже и слѣдовъ памятника Софіи, здѣсь похороненной. Надобно думать, что именно въ этой часовнѣ молилась Елена Ивановна, супруга короля Александра, такъ какъ извѣстно, что у нея была на Вавелѣ особая часовня, на что указываютъ и польскіе историки, какъ, на примѣръ, Стадницкій, и др. Другая часовня, на правой сторонѣ отъ входа, во имя св. Креста, и до сихъ поръ называемая также *русскою*, сохранила весьма замѣчательную на стѣнахъ живопись въ византійскомъ стилѣ, которую, какъ равно и уцѣлѣвшія славянскія надписи, осматривалъ нашъ извѣстный палеографъ Кеппенъ и отнесъ ихъ къ XIV столѣтію. Въ числѣ польскихъ археологовъ тоже были нѣкоторые, которые относили эту живопись къ XIV ст. [2]); но мѣстные археологи и историки, основываясь на надписи, существовавшей въ часовнѣ, которую видѣлъ Сарницкій и помѣстилъ въ своихъ Annales, говорятъ,

любовь горяча честного дописователя до своеи батьковщины, освѣтила нашъ умъ словами: «не дражнити, а усмиряти й тихо далѣй ити своею дорогою». Єй Богу, славно! О! минулися часы, коли то зъ насъ поляки робили своихъ яничаровъ.—Нынѣ королѣвъ-градъ, Краковъ, подае намъ братню руку до згоды. Слава тобѣ, городе Кракове! Ты понявъ призначенье свое. Ты одинъ поникъ, що яничары загирили Польщу! Бо хтожь то си вельможи були, що загубили, по мнѣнію польскихъ историковъ—Польщу, якъ не цвѣтъ на нашой землицѣ выкоханый? Якій хосенъ прибувъ Польщѣ зъ нашими прозелитами? Лишь хвилевый, такій самый, якъ турецкой имперіи зъ еи яничаровъ, що двигли сю имперію, а опосля и загубили єѣ.

«Такъ, братный народе! Ты познавъ рожницю межи Краковомъ а Львовомъ.

«Помагай Богъ Кракову посланництво славянъ-поляковъ сповнити, що першій на Ягайлонскомъ всеучилищу признавъ намъ рівноправность языка. Кобы ще русски познали, що Кіевъ а Москва—то не одно, и перестали зъ насъ яничаровъ дѣлати, що имъ лиху службу роблять!»...

[2]) Списокъ русскимъ памятникамъ, 1822, VIII, 119. Spomiaki historyczne i artistyczne. Bibljoteka Warszawska. T. III, 557. Авторъ говоритъ: «W kaplicy

Digitized by Google

что она основана въ 1471 году Казиміромъ Ягеллономъ и его супругою Елизаветою Австрійскою. Живопись и надписи хотя и уцѣлѣли, но едва были замѣтны, и вообще часовня представляла печальное зрѣлище страшнаго запустѣнія. Въ 1868 году консерваторъ древностей Павелъ Попель первый предложилъ возобновленіе этой достопамятной святыни; къ нему подоспѣли въ помощь извѣстные археологи, докторъ Іосифъ Лепковскій (професоръ археологіи въ университетѣ) и докторъ Жебравскій, живописецъ Матейко и друг. Нашлись и средства, а недостающая сумма ассигнована была краевымъ сеймомъ. Прежде всего, чтобы не возбудить ничьихъ подозрѣній въ произвольномъ измѣненіи, при возобновленіи живописи и надписей, поручено было живописцу Л. Лепковскому снять сначала точную копію на прозрачномъ холстѣ (калька) всѣхъ до единаго изображеній на стѣнахъ часовни, а также надписей; этотъ громадный трудъ исполненъ имъ съ удивительною точностью, и затѣмъ уже, послѣ надлежащей провѣрки, началось возобновленіе и отдѣлка всей часовни, превосходно исполненная живописцемъ Исидоромъ Яблонскимъ, знатокомъ византійской живописи, долго изучавшимъ ее на Востокѣ. Драгоцѣнный этотъ памятникъ византійскаго искуства XV ст. сохранится теперь на многіе годы. Нельзя не согласиться, что подобное усердіе со стороны краковскихъ ученыхъ, а также и галицкаго сейма, весьма знаменательно. Мы бы только совѣтовали позаботиться о пріобрѣтеніи цвѣтныхъ стеколъ для оконъ часовни, ибо при подобномъ освѣщеніи живопись много выиграетъ. Не мѣшало бы также перенести отсюда во внутрь костела памятникъ епископу Солтыку, воздвигнутый въ этой часовнѣ въ нынѣшнемъ столѣтіи. Какъ-то странно видѣть этотъ памятникъ вмѣстѣ съ гробницами Владислава Ягайлы, Казиміра и жены его Елизаветы, въ этой же часовнѣ почивающихъ [3]).

Остальные славянскіе народы Австро-Венгріи не представляютъ намъ особеннаго интереса, хотя всѣ сохраняютъ свою на-

---

grecką zwanej katedry krakowskiej malowania scienne i obrazy ołtanov odnoszą się do tejże epoki», т. е. XIV ст. Стадницкаго, см. Dwaj bracia Jagiełły.

[3]) Послѣ надлежащей очистки, надпись совершенно уцѣлѣла и возобновлена. Она прочтена и объявлена деканомъ богословскаго факультета въ краковскомъ университетѣ, уніатскимъ священникомъ Черняковичемъ и священникомъ (тоже уніатомъ) А. Петрушевичемъ. Надпись эта слѣдующая: «Благоизволеніемъ милостью Бога Отца всемогущаго *написана* бысть сиа каплица повелѣніемъ ве-

*

Digitized by Google

ціональность и въ данную минуту могутъ принести существенную пользу славянскому дѣлу. Въ Галиціи много разныхъ партій со всевозможными оттѣнками; есть здѣсь и такъ называемые ультрамонтаны и прогресисты, есть аристократы и демократы, консерваторы и либералы и т. д. Но дѣло въ томъ, что на сторонѣ ультрамонтановъ, клерикаловъ, аристократовъ и даже консерваторовъ—интеллегенція и деньги; у демократовъ же, либераловъ, прогресистовъ, меньше способныхъ людей и гораздо менѣе денежныхъ средствъ. Отсюда понятно неравенство борьбы. Послы Смолка и Хржановскій — умѣренные либералы: они придаютъ извѣстный колоритъ своей партіи, число которой постоянно увеличивается. Мы однако глубоко убѣждены, что вся эта борьба партій происходитъ не столько въ силу непреклонныхъ и серьезно выработанныхъ убѣжденій, сколько въ силу традиціонныхъ

ликодержавнаго короля пресветнаго Казимира, за божіей милости корола польскаго і великаго князя литовскаго і руського, зомотскаго і княжати пруского пана и дедича и иныхъ многихъ земель господара, и его королевое прѣнайяснѣйшей паней Елизаветы, ис поколенья цесарского внука пренанезватѣжнеішаго цесаря Жикимонта, пана земли ракуськое, а чеськое, вгорьской—подъ лѣты нароженью Божьего 1492».

Такимъ образомъ теперь ясно, что часовня украшена живописью въ 1492 г., а не построена въ 1471 г., какъ ошибочно прочелъ Сарницкій вмѣсто «поописана»—*побудована*. Изъ этого заключить бы слѣдовало, что постройка часовни сдѣлана раньше, при Ягайлѣ; но знатоки дѣла въ архитектурномъ отношеніи увѣряютъ, что клинообразные камни (въ перемычки употребляемые) въ часовнѣ, ни въ какомъ случаѣ не могли быть вынимаемы, какъ связывающіе своды, а между тѣмъ на этихъ камняхъ сохранились гербы Польши, Литвы и Австріи,—именно такіе, какіе употреблялись во времена Казиміра. Изъ чего заключаютъ, что и постройка относится ко временамъ Казиміра, не Владислава Ягайлы.

Немного смысля по части архитектуры, мы должны вѣрить на слово, хотя намъ все-таки кажется, что постройка эта гораздо древнѣе. Живопись на сводахъ (на голубомъ фонѣ краски: красная, желтая, золотистая, зеленая и черная) изображаетъ святыхъ ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ и т. д., согласно канонамъ литургіи св. Василія. Нѣкоторые изъ ангеловъ держатъ въ рукахъ ленты съ славянскими надписями, на прим., «царство» «власті» «архангелі» (т. е. «Тебе, Боже, хвалятъ ангелы, архангелы» и т. д.). Кромѣ того, на стѣнахъ есть еще славянскія надписи. Вообще эта замѣчательная часовня стóитъ того, чтобы на нее обратили вниманіе наши археологи. Она не безъинтересна и для исторіи, какъ фактъ, что Казиміръ, воспрещавшій строить православныя церкви (на что ссылается и сынъ его Александръ, въ спорахъ съ тестемъ Іоанномъ), самъ воздвигаетъ часовню, или украшаетъ византійскою живописью и гдѣ еще?—на Вавелѣ, при древнѣйшемъ католическомъ соборѣ въ Польшѣ! Можетъ быть, что Казиміръ считалъ ее уніатскою, послѣ флорентинской уніи.

Digitized by Google

предразсудковъ. Въ случаѣ надобности, партіи сольются, и враги не воспользуются внутреннимъ разладомъ.

Въ Познанскомъ княжествѣ въ послѣднее время, по случаю предстоявшаго выбора пословъ на сеймѣ, произошла сильная борьба между ультрамонтанами и прогресистами. Одни и другіе нашли много сочувствія въ Галиціи. Здѣшнія газеты долго этимъ занимались. Дѣло въ томъ, что нѣкто Каетанъ Моравскій, на предварительномъ съѣздѣ въ Косцянахъ, заявилъ, что непремѣннымъ условіемъ для избранія въ послы должно быть: во 1-хъ, обязательство со стороны избираемаго защищать на сеймѣ католическую церковь и свѣтскую власть папы; во 2-хъ, защищать конфесыйныя школы; въ 3-хъ, защищать свободу монашескихъ орденовъ. Програма составлена была по иниціативѣ архіепископа познанскаго, графа Ледуховскаго, который отъ себя издалъ циркуляръ къ духовенству и въ немъ между прочимъ выразился, что *защищать народность* значитъ быть *врагомъ церкви*. Органъ же его «Католическій Еженедѣльникъ» прямо заявилъ, что *любовь къ отечеству* ни болѣе, ни менѣе, *какъ идолопоклонство*. Графъ Ледуховскій прибавилъ еще четвертый пунктъ: чтобы послы противились введенію гражданскихъ браковъ. Такимъ образомъ некатоликъ лишался права быть избраннымъ въ послы. Понятно, какая возгорѣлась борьба; но ксендзы бодрствовали и буквально исполняли волю своего архипастыря, распространяя ее повсюду, грозя съ каѳедръ и провозглашая эти новыя истины въ своихъ органахъ. Конечно, и противники не молчали. Нашлись однако нѣкоторые ксендзы, протестовавшіе противъ такого насилія. Наконецъ 3 марта выборы кончены, и хотя усилія духовенства не увѣнчались успѣхомъ, однакоже въ нѣкоторыхъ приходахъ ксендзы успѣли отклонить кандидатовъ, не раздѣлявшихъ ихъ убѣжденій. Въ борьбу между графомъ Ледуховскимъ, Каетаномъ Моравскимъ и прогресистами вмѣшался также представитель польскихъ членовъ берлинскаго сейма докторъ Генрихъ Шуманъ. Онъ заявилъ печатно, что не раздѣляетъ мнѣнія первыхъ о необходимости, чтобы кандидатъ въ послы непремѣнно вѣровалъ въ непогрѣшимость папы. Шуманъ развиваетъ мысль, что въ дѣлѣ національности исповѣданіе не должно играть никакой особенной роли.

Что въ Галиціи есть ультрамонтаны:—это фактъ. Есть здѣсь и ханжи и изувѣры. Недавно одна сорокалѣтняя дѣва—ханжа, бросила 80-тилѣтнюю мать и бѣжала куда-то по приказанію своего исповѣдника, старика монаха, ради спасенія души. Но нельзя не

Digitized by Google

замѣтить, что большинство, преклоняясь предъ религіозною обрядностью и особенно уважая католицизмъ, какъ знамя народности, вовсе не отличается изувѣрствомъ. Особенно езуиты не пользуются здѣсь любовью и уваженіемъ большинства. 28 февраля, ночью, въ Краковѣ, сдѣлано было нападеніе на монастырь езуитовъ. Загадили стѣны всякими нечистотами и испещрили стѣны ругательными надписями. Никто никого не преслѣдовалъ, не было никакого слѣдствія,—дѣло такъ и кануло въ вѣчность. Въ Краковѣ же недавно вышла брошюра о современныхъ нуждахъ страны, въ которой авторъ упрекаетъ магистратъ, почему онъ не позаботился объ изгнаніи езуитовъ изъ города.

Изъ этого краткаго очерка современнаго положенія австрійскихъ славянъ выказывается ясно, каково здѣсь смѣшеніе взглядовъ, сколько опасеній за будущее. Свобода дорога каждому, и здѣшніе славяне готовы на всѣ жертвы, чтобы сохранить ее. Славянъ вообще и поляковъ въ особенности упрекаютъ въ отсутствіи политическаго такта. Въ настоящее же время, самый тотъ фактъ, что всѣ заботятся узнать истинное положеніе и смѣло заявляютъ собственныя ошибки, достаточно доказываетъ, что именно теперь начинаетъ возрождаться политическій тактъ. Поляки сами теперь сознаютъ, какъ ошибочно они еще такъ недавно вѣрили Наполеону, какъ своему будущему избавителю. Теперь прозрѣли, и сами удивляются, какъ же это такъ эмигранты, по своему положенію, могшіе лучше знать внутреннія дѣла Франціи, не видѣли этого, а еще сами поджигали своихъ единоплеменниковъ къ борьбѣ съ славянами, къ которымъ теперь поляки начинаютъ, наконецъ, обращать взоры и въ союзѣ съ ними искать спасенія.

Теперь многимъ открылись глаза... Теперь уже почувствовали, что среди поляковъ возрастаетъ могучій германизмъ, уже поглотившій столько славянскихъ земель и народовъ и готовый поглотить остальныхъ. Вотъ почему теперь забота овладѣла всѣми: одни тянутъ въ сторону Россіи, другіе мечтаютъ о возстановленіи габсбургской имперіи изъ Венгріи, Чехіи, Польши (т. е. Галиціи) и другихъ славянскихъ земель въ Австріи. Всѣ чувствуютъ, что настоящее не прочно, политическая и завоевательная роль нѣмцевъ не кончена, и что не сегодня, такъ завтра надобно ожидать бури... Спасеніе возможно только въ дружномъ союзѣ всѣхъ славянъ.

Вѣна.

Н. Сливовъ.

Digitized by Google

СЕРБІЯ ПОСЛѢ ПАРИЖСКАГО МИРА.

ГЛАВА II.

СВЯТОАНДРЕЕВСКАЯ СКУПЩИНА

И

ВОЗВРАЩЕНІЕ ОБРЕНОВИЧЕЙ.

Взаимныя отношенія между временнымъ правительствомъ, совѣтомъ и народною скупщиной по сверженіи Карагеоргіевича.—Отношенія къ Портѣ и Австріи.—Посылка депутаціи къ Милошу въ Букарештъ.—Борьба партій въ Бѣлградѣ и демонстраціи на скупщинѣ въ пользу Милоша.—Утвержденіе его Портою въ званіи князя. — Народное одушевленіе въ Сербіи. — Представленіе депутаціи Милошу и первыя его распоряженія.—Отношенія къ нимъ скупщины.—Намѣстникъ князя.—Законъ о скупщинѣ.—Переѣздъ Милоша изъ Румыніи въ Сербію.—Постановленія скупщины противъ нѣкоторыхъ чиновниковъ.—Паденіе митрополита Петра и отставка Вучича.—Переѣздъ Михаила изъ Австріи съ Сербію.—Мемуаръ народно-либеральной партіи о совѣтникахъ. — Намѣренія простыхъ обреновцевъ.—Постановленія скупщины о совѣтникахъ, попечителяхъ и другихъ чиновникахъ, о преобразованіи общиннаго управленія.—Народное движеніе на встрѣчу Обреновичамъ.—Паденіе совѣта и его значеніе.—Пріѣздъ обоихъ князей въ Бѣлградъ и празднества.—Положеніе партій при дворѣ.—Чтеніе берата и постановленія скупщины по этому поводу.—Отдача подъ судъ Вучича.—Первое министерство Милоша.—Арестъ Вучича.—Послѣднее засѣданіе скупщины.

Прошло уже двое сутокъ съ тѣхъ поръ, какъ Александръ Карагеоргіевичъ, не отрекаясь отъ княжескаго достоинства, оставилъ дворецъ и переселился въ крѣпость подъ прикрытіе турецкихъ властей, съ тѣхъ поръ, какъ народная скупщина объявила его низверженнымъ и провозгласила наслѣдственнымъ княземъ Сербіи Милоша Обреновича; но и въ самомъ Бѣлградѣ все еще не было объявлено правительственнымъ путемъ о такой перемѣнѣ, не всѣми еще властями она была признана и даже въ газетахъ не было сказано о ней ни слова. Только секретарь скупщины успѣлъ прочесть народу опредѣленіе касательно смѣны двухъ княжескихъ фамилій; но затѣмъ произошло противуположное движеніе

Digitized by Google

въ лагерѣ, враждебномъ Обреновичамъ и народному самовластію, а временное правительство, возникшее изъ этого движенія, еще не успѣло приступить къ дѣйствіямъ. Отсутствіе правительственнаго акта, которымъ бы народъ извѣщался о совершившемся переворотѣ, должно было подвергать сомнѣніямъ самое значеніе этого событія въ глазахъ населенія ближайшихъ къ Бѣлграду округовъ, куда вѣсть о бѣлградскихъ произшествіяхъ уже проникла частными путями. Подобное извѣстіе, не подтвержденное офиціально, могло и тамъ произвести такую же борьбу партій, какая разразилась въ столицѣ княжества. Чѣмъ далѣе распространялась вѣсть о переворотѣ, тѣмъ усерднѣе готовились къ отпору народному движенію провинціальныя власти, болѣе или менѣе преданныя павшему князю. Уже изъ сосѣднихъ съ Бѣлградомъ округовъ поднималось населеніе и наиболѣе рѣшительные люди спѣшили въ Бѣлградъ и примыкали тамъ къ защитникамъ святоандреевской скупщины; уже въ общественныхъ собраніяхъ ближайшихъ къ столицѣ городовъ, по кофейнямъ, гостинницамъ и постоялымъ дворамъ передавался изъ устъ въ уста радостный слухъ о возстановленіи Обреновичей, а приверженцы ихъ все еще не могли выражать открыто своего сочувствія такому событію; ибо его продолжали отвергать сторонники прежняго князя, большею частію представители мѣстной власти. Вотъ почему временное правительство должно было поспѣшить изданіемъ прокламаціи, не только извѣщавшей о государственномъ переворотѣ, но и ставившей его на законную почву; вотъ почему и сама скупщина должна была отнестись снисходительно къ той формѣ, какую временное правительство могло признать наиболѣе согласною съ его взглядами.

Въ суботу, 13-го декабря, лишь только открылось засѣданіе скупщины, зданіе которой по прежнему окружено было многочисленными толпами жителей Бѣлграда и новоприбывшихъ сельчанъ, какъ на скупщину явились члены правительства, и Гарашанинъ прочелъ предъ народными депутатами составленную имъ прокламацію. Въ ней сказано было, что, вслѣдствіе удаленія Карагеоргіевича, скупщина вынуждена была передать княжескую власть до прибытія Милоша, избраннаго въ князья *), временному правительству изъ трехъ лицъ; что это правительство желаетъ

*) Въ черновомъ экземплярѣ прокламаціи не было упомянуто о провозглашеніи Обреновича.

Digitized by Google

сохранить въ странѣ миръ и законный порядокъ, подтверждаетъ всѣ существующія власти, гражданскія, церковныя и военныя, приглашаетъ народъ повиноваться прежнимъ властямъ и будетъ дѣйствовать на основаніи благотворительнаго устава, дарованнаго Портой и гарантированнаго великими державами, издавая свои распоряженія въ согласіи съ совѣтомъ. Въ прокламаціи ни слова не было сказано о сверженіи Карагеоргіевича скупщиною, о наслѣдственныхъ правахъ Обреновичей, и весь правительственный строй оставленъ былъ на прежнихъ основаніяхъ. Хотя оба товарища Гарашанина были сторонниками Обреновичей, но не сочли возможнымъ требовать включенія въ прокламацію болѣе рѣшительныхъ выраженій; люди же противной имъ партіи все еще расчитывали, что Порта не признаетъ Милоша княземъ. По прочтеніи прокламаціи, Груичъ замѣтилъ было Гарашанину, что въ ней не упомянуто о наслѣдственныхъ правахъ Обреновичей; но Гарашанинъ сказалъ ему: «Не могу я поступать по твоимъ приказаніямъ». Хотя нѣкоторые изъ находившихся по близости къ нимъ депутатовъ, особенно Тодоръ Туцаковичъ, и требовали гласнаго объясненія спора, возникшаго между однимъ изъ правителей и секретаремъ скупщины, но, не желая возбудить новой распри, Гарашанинъ и Груичъ промолчали. Такимъ образомъ весь переворотъ получилъ въ прокламаціи характеръ мирный и, что всего было важнѣе для каймакамовской партіи, временное правительство высказалось противъ всякой перемѣны въ составѣ чиновниковъ. По принятіи прокламаціи скупщиной, въ ея засѣданіе приглашены были начальники: главнаго военнаго штаба, военнаго отдѣленія въ попечительствѣ внутреннихъ дѣлъ и артиллерійскій. Всѣ трое объявили предъ скупщиной, что войска присоединяются къ желаніямъ и волѣ народа. Наконецъ прокламація прочитана была народу, окружавшему скупщину, и засѣданіе послѣдней было объявлено закрытымъ. Къ вечеру появились печатные экземпляры прокламаціи, и кромѣ того она помѣщена была въ «Сербскихъ Новинахъ». Но въ тотъ же вечеръ Стефанъ Лукичъ и другія лица, управлявшія толпами вооруженнаго народа, сопровождая Гарашанина всюду, гдѣ онъ ни появлялся, на всѣ его приглашенія распустить народъ, твердили: «То же самое вы говорили и въ четвергъ, но мы видѣли, какова могла быть пятница; намъ нѣтъ охоты завтра снова драться». По ихъ настоянію, Гарашанинъ взялъ наконецъ власть у Лукавчевича надъ войскомъ, а у Николы Христича надъ городскимъ

Digitized by Google

управленіемъ. День прошелъ безъ дальнѣйшихъ тревогъ: по видимому, всѣ партіи искали успокоенія послѣ недавняго напряженія и борьбы.

Каймакамовская партія и войска уладили свои отношенія къ народной скупщинѣ; оставался еще совѣтъ, которому надо было оправдываться въ своихъ послѣднихъ дѣйствіяхъ, въ своей попыткѣ возвратить Карагеоргіевича при помощи насилія. Члены его собрались въ засѣданіе, чтобы обдумать, какое объясненіе они могутъ дать скупщинѣ, и послѣ долгихъ совѣщаній составили актъ такого содержанія: «Вчерашняго числа земскій совѣтъ, собравшись въ обычное время для засѣданія, готовился обсуждать дѣла; но около 10 часовъ утра въ совѣтъ явились три офицера съ отрядомъ вооруженныхъ солдатъ изъ здѣшней казармы и въ засѣданіи совѣта объявили желаніе гарнизоннаго войска, чтобы князь Александръ Карагеоргіевичъ вызванъ былъ на свое мѣсто, и чтобы совѣтъ явился въ казармы и объявилъ предъ войскомъ, желаетъ ли онъ князя Александра, или нѣтъ, а кто не исполнитъ этого требованія, пусть припишетъ себѣ послѣдствія, которыя постигнутъ его. Совѣтъ, не имѣя возможности поступить иначе, отправился въ казармы въ сопровожденіи солдатъ и объявилъ предъ войскомъ, что и онъ желаетъ того же самаго. Возвратившись назадъ подъ прикрытіемъ солдатъ, которые и остались предъ зданіемъ совѣта, совѣтники, согласно обѣщанію своему, составили актъ, коимъ князь Александръ приглашенъ былъ возвратиться, принять въ свои руки княжескую власть и распустить скупщину. Сіе опредѣленіе совѣтъ долженъ былъ, явившись снова въ казармы въ сопровожденіи солдатъ, объявить всему войску. Когда къ князю Александру отправилась депутація, дабы сообщить ему таковое опредѣленіе, совѣтникамъ сказано было, чтобы они оставались въ одной изъ казарменныхъ комнатъ, гдѣ они дѣйствительно и остались, пока не явилась депутація отъ народной скупщины, которая дала возможность совѣтникамъ тотчасъ же перейти изъ казармъ въ совѣтъ. Такъ какъ все вышеизложенное совершено совѣтомъ не по собственной волѣ, а подъ вліяніемъ внѣшней силы, то онъ нынѣ, получивъ свободу, опредѣлилъ и свое опредѣленіе сообщаетъ народной скупщинѣ: что то дѣло его не было дѣйствіемъ свободной воли, но послѣдствіемъ вымогательства и принужденія, что онъ отказывается отъ своего прежняго поступка и даетъ народной скупщинѣ увѣреніе, что стоитъ, какъ прежде,

Digitized by Google

такъ и нынѣ, на сторонѣ народа». Наканунѣ въ своемъ письмѣ къ Карагеоргіевичу совѣтъ ссылался на насиліе со стороны скупщины, а теперь лгалъ предъ самой скупщиной, ссылаясь на насиліе войска. Эта ложь была сознательна, ибо совѣтники имѣли время обдумать свое оправданіе предъ скупщиной, такъ какъ ея засѣданіе въ тотъ день кончилось очень рано, и совѣту пришлось отложить сообщеніе своего акта до другаго дня.

Дѣйствительно, засѣданіе народной скупщины, происходившее въ воскресенье, 14-го декабря, открылось чтеніемъ совѣтскаго объясненія, по выслушаніи котораго скупщина постановила: просить совѣтъ, чтобы онъ сообщилъ ей свой адресъ къ Карагеоргіевичу, писанный въ день солдатскаго волненія. Затѣмъ скупщина единогласно опредѣлила извѣстить султана надлежащимъ путемъ о возстановленіи сербскимъ народомъ Милоша Обреновича въ княжескомъ достоинствѣ, и просить его объ утвержденіи народной воли; къ самому же Милошу отправить особую депутацію отъ имени цѣлаго народа сербскаго съ приглашеніемъ возвратиться въ отечество. Рѣшили однакожъ отложить избраніе этой депутаціи до слѣдующаго дня. Во время совѣщаній объ этомъ вопросѣ получено было новое письмо отъ совѣта, которымъ онъ соглашался на прежнія опредѣленія скупщины касательно сверженія Карагеоргіевича, возстановленія Милоша, передачи княжеской власти скупщинѣ и назначенія Стевчи Михайловича начальникомъ города и войска. Совѣтъ былъ въ такомъ смущеніи, что, подписавъ это согласіе двѣнадцатымъ декабря, помѣтилъ его позднѣйшимъ нумеромъ, чѣмъ оправданіе своихъ дѣйствій, подписанное днемъ позднѣе. Вслѣдъ затѣмъ пришло и третье письмо отъ совѣта, которымъ онъ подтверждалъ составъ временнаго правительства. Въ самой скупщинѣ не происходило ничего важнаго; только по предложенію предсѣдателя принятъ былъ благодарственный адресъ жителямъ Бѣлграда, въ коемъ было сказано: «Братья! когда возстала сила на борьбу противъ разума, воли, права и свободы народа, вы заслонили собой народную скупщину отъ оружія и обезпечили ея дѣйствія и успѣхъ. Двѣнадцатое декабря 1858 года будетъ поминаемо впредь на вѣки сербами не только по вашей отважности и одушевленію за драгоцѣнную свободу народа, но и по безпримѣрной мудрости и почтительности, которыя вы обнаружили при защитѣ нашего святого дѣла. Вы подвергали вашу собственную жизнь крайней опасности, чтобы охранить право

Digitized by Google

и свободу народа, и защитили ихъ безъ малѣйшей мести побѣжденнымъ непріятелямъ. Такимъ образомъ дѣйствій, братья, вы покрыли блескомъ себя и весь народъ сербскій, за что и примите заслуженную благодарность отъ народной скупщины именемъ всего нашего народа».

Народъ однакожъ желалъ знать о томъ, гдѣ находится Милошъ и приняты ли мѣры къ утвержденію его въ княжескомъ достоинствѣ. Съ этими вопросами толпа обратилась къ Мишѣ Анастасьевичу, когда онъ, по окончаніи засѣданія, показался на крыльцѣ скупщинскаго зданія, въ сопровожденіи нѣсколькихъ депутатовъ. Миша сталъ было говорить, что Букарештъ, гдѣ находился Милошъ, и Цареградъ, откуда надо было ожидать подтвержденія его, не такъ близки отъ Бѣлграда, какъ Топчидеръ, и что надо вооружиться терпѣніемъ; но народъ требовалъ, чтобы скупщина объяснила ему настоящее положеніе дѣлъ. Чтобы склонить народныя толпы разойтись отъ скупщины, пришлось прибѣгнуть къ объясненіямъ Груича. Онъ, упомянувъ о предполагаемой депутаціи къ Милошу, о приготовляемой просьбѣ къ султану, сослался на благодарственный адресъ скупщины къ жителямъ Бѣлграда и прибавилъ: «У скупщины, какъ вамъ извѣстно, есть много другихъ дѣлъ; она должна разсмотрѣть и устранить множество народныхъ тягостей, искоренить всякаго рода злоупотребленія и удовлетворить самыя разнообразныя общенародныя потребности. Кромѣ установленія народной скупщины и наслѣдственной династіи, уже провозглашенныхъ святоандреевскою скупщиной отъ имени народа и поддержанныхъ вами, надо утвердить и другія ручательства, необходимыя для обезпеченія общественныхъ правъ каждаго серба, для внутреннихъ и внѣшнихъ успѣховъ государства и всего народа. Братья! надо не только хранить народъ отъ возвращенія въ бѣдственное состояніе, но и дать ему средства къ дальнѣйшему преуспѣянію. Заботы о томъ возможны лишь при полной свободѣ народной скупщины, а потому прошу васъ предоставить ей попеченія о народныхъ дѣлахъ: вы же, возвратясь къ своимъ занятіямъ, будьте всегда готовы оберегать, при помощи оружія, всѣ народныя постановленія скупщины». Съ криками одобренія: «Такъ! правда! такъ надо поступить!» народъ разошелся отъ скупщинскаго зданія, чтобы возвратиться къ своимъ занятіямъ, въ чемъ его еще болѣе утвердило обнародованное на другой день воззваніе Іована Бели-Марковича, какъ помощника городскаго управителя. Со-

Digitized by Google

гласно этому воззванію, каждый, кто дѣломъ, или словомъ предпринялъ бы что либо противъ новаго князя и установленнаго порядка вещей, подвергся бы наказанію по закону. Народъ, видя ближайшую къ нему власть въ рукахъ извѣстныхъ людей, успокоился, и съ 15-го декабря предъ скупщиною уже не собирались вооруженныя толпы.

Въ этотъ день скупщина приняла адресъ къ султану, въ которомъ, изложивъ подробно весь ходъ событій, приведшихъ къ перемѣнѣ династіи, но не упомянувъ о военномъ движеніи и попыткѣ совѣта противустать рѣшеніямъ скупщины, она просила султана утвердить Милоша въ княжескомъ достоинствѣ съ наслѣдственными правами. Адресъ этотъ составленъ былъ наканунѣ въ маломъ кружкѣ народно-либеральной партіи и, по принятіи его скупщиной, препровожденъ въ совѣтъ съ просьбой утвердить его своимъ актомъ и представить чрезъ временное правительство султану. Въ соединенномъ засѣданіи правительства и попечителей, гдѣ присутствовалъ и вице-президентъ совѣта Алексѣй Янковичъ, адресъ снова былъ пересмотрѣнъ, при чемъ нѣкоторыми выражено желаніе, чтобы члены временнаго правительства, о коемъ также упоминалось въ адресѣ, названы были по именамъ; но такъ какъ составъ правительства могъ измѣняться, то предложеніе это было взято назадъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ составленъ былъ скупщиною адресъ къ князю Милошу съ просьбой возможно скорѣе возвратиться въ отечество, и такой же адресъ отъ совѣта, подъ которымъ подписался и Вучичъ. Избрана была депутація для доставленія адресовъ въ Букерештъ, въ составъ которой вошли отъ скупщины 18 народныхъ депутатовъ, по одному отъ Бѣлграда и каждаго округа, одинъ окружной начальникъ, одинъ предсѣдатель окружнаго суда, одинъ архимандритъ, одинъ протоіерей и секретарь скупщины Іованъ Иличъ, а также приглашены одинъ изъ членовъ совѣта, какъ депутатъ отъ него, одинъ архіерей, депутаты отъ гарнизоннаго войска, по назначенію временнаго правительства, и одинъ изъ жителей Бѣлграда по выбору общины. Оба эти акта сообщены великому визирю во французскомъ переводѣ при особомъ письмѣ, въ которомъ выражена была просьба о скорѣйшемъ признаніи новаго князя. Такъ какъ съ возстановленіемъ Милоша должно было прекратиться гоненіе на людей, участвовавшихъ въ 1857 году въ заговорѣ противъ Карагеоргіевича, и уже раздавались голоса, требовавшіе ихъ торжественнаго возвращенія изъ ссылки въ Сербію;

Digitized by Google

то сознательные обреновцы, не желая смѣшивать своего дѣла съ происками дѣятелей предшествовавшаго года и не желая допустить ихъ тріумфъ прежде прибытія въ Бѣлградъ Обреновичей, поспѣшили представить скупщинѣ чрезъ Милована Янковича предложеніе, чтобы всѣ политическіе преступники и страдальцы возвращены были въ отечество, лишь только князь Милошъ прибудетъ и порядокъ въ странѣ утвердится, что и было послѣднимъ постановленіемъ скупщины въ засѣданіи 15-го декабря.

Съ слѣдующаго дня стали приходить въ Бѣлградъ изъ разныхъ городовъ и мѣстностей Сербіи благодарственныя телеграмы скупщинѣ за ея патріотическій образъ дѣйствій; а затѣмъ послѣдовали и цѣлые адресы, число которыхъ къ концу года возрасло до такого неожиданнаго количества, что не было времени ни прочитать ихъ всѣхъ на скупщинѣ, ни напечатать вполнѣ въ газетахъ. Въ тотъ же день совѣтъ извѣстилъ скупщину, что имъ переданы временному правительству адресы къ покровительствующимъ державамъ и къ Портѣ, принятые еще въ началѣ скупщинскихъ засѣданій. Но потомъ узнали, что временное правительство одобрило только адресъ къ иностраннымъ державамъ и удержало адресъ въ Портѣ, при чемъ Гарашанинъ говорилъ: «Не можемъ мы дѣлать ужоровъ Портѣ». Скупщина въ ту минуту не настаивала на своемъ, ибо знала, что адресъ уже сталъ извѣстенъ Портѣ изъ газетъ и чрезъ Кабули-эфенди.

Дѣятельность комисара Порты давно уже ограничивалась одними сообщеніями въ Цареградъ обо всемъ, что происходило въ Сербіи. Порта была озадачена неожиданнымъ оборотомъ, какой приняли дѣйствія народной скупщины. Великій визирь созвалъ совѣтъ министровъ и по окончаніи его совѣщаній, 16-го декабря, отправлена была изъ Константинополя слѣдующая телеграфическая инструкція Кабули-эфенди: «Совѣтъ министровъ разсмотрѣлъ ваши телеграфическія депеши, касающіяся нынѣшняго состоянія Сербіи. Блистательная Порта, по свойственнымъ ей чувствамъ справедливости, никогда не имѣла иного желанія, кромѣ желанія счастія сербскому народу; она приметъ во вниманіе съ тѣми же самыми чувствами всѣ его законныя заявленія, если только онъ не переступитъ за предѣлы своихъ правъ и обязанностей. Но такъ какъ скупщина не имѣетъ никакого полномочія отъ народа касательно удаленія, или избранія князя,

Digitized by Google

и такъ какъ послѣднія дѣйствія этого собранія находятся въ противорѣчіи съ правами Блистательной Порты, какъ двора владѣтельнаго, съ правами сербской націи, съ привиллегіями и преимуществами княжеской власти; то императорское правительство вполнѣ одобряетъ и утверждаетъ тотъ образъ дѣйствій, съ какимъ вы отнеслись къ сему незаконному поступку, объявивъ энергически и категорически не имѣющимъ никакого значенія и какъ-бы не существующимъ все, что было провозглашено скупщиной. Посему: 1) такъ какъ князь Сербіи оставилъ мѣстопребываніе своего правительства и удалился въ крѣпость, то было бы желательно, чтобы временное управленіе страною было поручено каймакаміи, и такъ какъ Миша, по избранію самой народной скупщины, уже отправлялъ важныя обязанности предсѣдателя въ этомъ собраніи, то Блистательная Порта считаетъ приличнымъ назначить его каймакамомъ для дѣйствій въ согласіи съ другими членами правленія. Въ случаѣ же, если такая мѣра не будетъ сочтена согласною съ установившимся положеніемъ дѣлъ, то исполнительная власть должна быть поручена членамъ правленія или сенату, который есть законный органъ, рѣшающій всѣ текущія дѣла страны; въ то же время на нихъ должна быть возложена обязанность поддерживать порядокъ. 2) Принимая во вниманіе, что установленіе новыхъ узаконеній не можетъ быть сочтено правильнымъ, пока страна находится подъ временнымъ правительствомъ и пока въ ней не существуетъ постоянной исполнительной власти; а также признавая необходимымъ, чтобы скупщина, которая имѣетъ быть созвана для избранія князя въ случаѣ перемѣны его, была организована согласно съ требованіями существующихъ законовъ, слѣдуетъ считать постановленія нынѣшней скупщины уничтоженными. 3) Въ виду того, что Блистательная Порта не можетъ провозгласить смѣны князя, не получивъ отъ него офиціальной просьбы объ отставкѣ, и что лишь въ такомъ случаѣ нація должна приступить къ избранію преемника ему, согласно съ существующими правилами и обычаями, и слыша, съ другой стороны, что все прошедшее находится въ совершенномъ противорѣчіи съ столь справедливыми требованіями, Блистательная Порта будетъ ожидать или просьбы князя объ отставкѣ, или еще лучше офиціальнаго прошенія отъ имени всей націи объ удаленіи князя и объ избраніи новаго. Таковы опредѣленія императорскаго правительства, удостоившіяся получить утвержденіе отъ его величества

Digitized by Google

султана. Вамъ поручается вызвать къ себѣ членовъ правленія и сената для сообщенія имъ всего вышеписаннаго и передать имъ копію съ настоящей депеши». Кабули-эфенди видѣлъ, что нѣкоторыя изъ предписаній Порты были излишни, иныя же неисполнимы: ибо временное правительство уже образовалось и вмѣстѣ со скупщиною, не созывая новой, признало Милоша Обреновича княземъ Сербіи. Представлялось возможнымъ или потребовать отъ Карагеоргіевича письменнаго отреченія, или отправить въ Константинополь то прошеніе, которое было принято наканунѣ святоандреевской скупщиной и теперь было представлено комисару временнымъ правительствомъ.. Онъ послалъ и то, и другое.

Въ среду 17-го декабря окончательно составлена была депутація, которой предстояло отправиться въ Букарештъ для приглашенія Милоша къ возвращенію въ отечество и для сопровожденія его: отъ совѣта присоединился къ ней Гая Еремичъ, изъ архіереевъ Іоанникій ужицкій, отъ бѣлградской общины Живко Карабиберовичъ, пять человѣкъ отъ разныхъ отдѣленій войска, и наконецъ отъ еврейской общины, согласно ея просьбѣ, банкиръ Іосифъ Русо. Всѣхъ членовъ депутаціи было 33, не считая людей, присоединившихся къ ней добровольно. Отпущена была значительная сумма (2.000 дукатовъ) изъ земской кассы на расходы по путешествію; временное правительство назначило одного медика сопровождать депутацію; Миша Анастасьевичъ, владѣвшій обширными имѣніями въ Валахіи, далъ ей провожатаго, хорошо знавшаго румынскій языкъ и мѣстные обычаи. Сперва думали нанять для депутаціи особый пароходъ австрійскаго дунайскаго общества, но, получивъ отказъ въ томъ *), рѣшились отправить ее на своихъ парусныхъ судахъ, что могли исполнить только 19-го декабря.

За переходомъ многихъ членовъ скупщины въ составъ депутаціи и временнаго правительства, скупщина лишилась нѣкоторыхъ изъ должностныхъ лицъ своихъ: такъ Стевча Михайловичъ уже не могъ быть товарищемъ ея предсѣдателя, а Іованъ Иличъ исправлять должность секретаря. На мѣсто Стевчи пред-

*) Телеграма Мишѣ Анастасьевичу изъ Вѣны отъ 18-го декабря: «Всѣ пароходы на зимнихъ стоянкахъ; мы хлопочемъ, чтобы одинъ изъ нихъ приготовить къ пути. Изъ Оршовы извѣщаютъ, что Желѣзныя ворота теперь непроходимы для пароходовъ. *Эрижсенъ*».

Digitized by Google

ложены были: большимъ числомъ голосовъ Андрей Стаменковичъ и меньшимъ начальникъ тюпрійскаго округа, Стéфанъ Мильковичъ. Но Стаменковичъ, вѣрный своему обычаю не выставляться впередъ, отказался отъ такой чести; а такъ какъ Мильковичъ не хотѣлъ милости, то скупщина подвергла его избранію, которое оказалось единогласнымъ. Секретарямъ скупщины приданы были помощники изъ лицъ, стоявшихъ внѣ ея и принадлежавшихъ къ либеральной партіи: Владиміръ Іовановичъ и Миланъ Янковичъ, двоюродный братъ бѣлградскаго депутата. Обновивъ составъ должностныхъ лицъ своихъ, скупщина должна была перейти къ разсмотрѣнію различныхъ предложеній по вопросамъ изъ внутренней жизни сербскаго народа, представленныхъ какъ депутатами, такъ и самими общинами; съ этой цѣлью избранъ былъ особый комитетъ для предварительнаго разсмотрѣнія всѣхъ предложеній, просьбъ, жалобъ и запросовъ, распадавшійся на отдѣленія, по характеру разбиравшихся дѣлъ, и состоявшій изъ 51 лица. Совѣтъ, продолжая ухаживать за скупщиной, извѣстилъ, что вполнѣ согласенъ съ представленнымъ ею закономъ о постоянныхъ скупщинахъ, и увеличилъ суточную плату депутатовъ на праздники Рождества Христова двумя талерами каждому, что было одобрено временнымъ правительствомъ, но чему много смѣялись австрійскія газеты.

Временное правительство, съ своей стороны, напечатало 18-го декабря въ офиціальной газетѣ и въ «Сербскихъ Новинахъ» замѣтку, успокоивавшую чиновниковъ, между которыми ходили слухи о томъ, что многихъ изъ нихъ смѣнятъ. Эта замѣтка составлена была по мысли Гарашанина, а русскій консулъ Милошевичъ убѣдилъ подписаться подъ ней и Стевчу Михайловича. По видимому, всѣ власти и вѣдомства въ Сербіи хлопотали о томъ, чтобы установилось общее согласіе и примиреніе. Но это только казалось. Въ засѣданіяхъ скупщины нерѣдко раздавались жалобы кого либо изъ ея членовъ, или какой либо общины на того или другаго чиновника, продолжавшаго дѣйствовать въ смыслѣ прежняго правленія, или осмѣливавшагося мутить народъ, послѣ чего скупщина должна была каждый разъ обращать на то вниманіе временнаго правительства.

Стали приходить первыя извѣстія о путешествіи депутаціи, отправившейся въ Букарештъ, изъ мѣстностей, мимо которыхъ она плыла: изъ Смедерева, изъ Рамы, изъ Текій. По всѣмъ слухамъ, 22-го декабря она должна была прибыть въ пограничный го-

Digitized by Google

родъ Кладово, потомъ ей оставалось переправиться на другой берегъ въ румынскій городъ Турнъ-Северинъ, и оттуда отправиться уже сухимъ путемъ. Въ этотъ самый день въ Бѣлградѣ рѣшенъ былъ вопросъ о дальнѣйшемъ пребываніи Карагеоргіевича въ предѣлахъ Сербіи. По желанію скупщины, весь совѣтъ отправился въ крѣпость къ Османъ-пашѣ и Кабули-ефенди съ просьбой удалить Карагеоргіевича. Послѣ формальнаго представленія о томъ, начались отдѣльные разговоры между турецкими сановниками и сербскими совѣтниками. Между прочимъ Кабули-ефенди спросилъ Филиппа Христича: «Не пристанетъ ли совѣтъ къ Портѣ, если она не одобритъ избраніе Милоша?» На лицѣ Христича выразилось удивленіе, и Кабули-эфенди сталъ просить Христича не переводить его вопроса присутствовавшимъ. Сербскій совѣтъ получилъ обѣщаніе, что Карагеоргіевичъ будетъ высланъ изъ крѣпости. Между тѣмъ на скупщинѣ разсматривалась жалоба чачанской общины на срезскаго начальника, который продолжалъ дѣйствовать въ смыслѣ, противуположномъ совершившемуся перевороту. Во время преній по этому поводу обнаружилось, что нѣкоторыя изъ мѣстныхъ властей не приступали еще къ обнародованію прокламацій временнаго правительства. Андрей Стаменковичъ предложилъ пригласить въ засѣданіе скупщины Стевчу Михайловича и попросить у него объясненій. Стевча, явившись на скупщину, сообщилъ, что временнымъ правительствомъ приняты всѣ мѣры для предупрежденія различныхъ покушеній со стороны отдѣльныхъ лицъ, которыя могли бы смутить народъ: что по извѣстіямъ, полученнымъ изъ внутреннихъ округовъ, весь народъ одушевленъ успѣшными дѣйствіями скупщины и противодѣйствіе со стороны нѣсколькихъ чиновниковъ исчезаетъ въ единогласныхъ желаніяхъ народа; что временное правительство писало князю Милошу и получило отъ него отвѣтъ, изъ коего видно, что князь здоровъ, ждетъ депутацію и поздравляетъ всѣхъ: и прибавилъ, что Карагеоргіевичъ въ тотъ же день выѣдетъ за предѣлы Сербіи. Дѣйствительно въ три часа по полудни павшій князь переѣхалъ въ Землинъ на австрійскомъ пароходѣ. Выйдя на берегъ, онъ сказалъ: «Семнадцать лѣтъ я вѣрно служилъ Портѣ, и вотъ какъ награжденъ!» Вмѣстѣ съ нимъ уѣхали оба Трифковича, Льотичъ изъ Смедерева и другіе люди. Австрійскія власти встрѣтили Карагеоргіевича разными почестями. Онъ поселился въ лучшей изъ гостинницъ Землина и принималъ мно-

Digitized by Google

гочисленныхъ посѣтителей изъ мѣстныхъ жителей. Вечеромъ того же дня уѣхала къ нему и княгиня Персида.

Отдѣлавшись отъ Карагеоргіевича, народно-либеральная партія не была нисколько обезпечена въ томъ, что Порта поспѣшитъ утвердить Милоша. Всѣ внѣшніе переговоры находились въ рукахъ временнаго правительства и совѣта, гдѣ собственно либералы не имѣли своего представителя. Правда, у нихъ оставалось очень сильное вліяніе на скупщину; но партія каймакаміи уже простирала свои виды и на народныхъ депутатовъ. Ефремъ Груичъ получилъ чрезъ редактора «Сербскихъ Новинъ», Милоша Поповича, письмо на французскомъ языкѣ отъ Матіи Бана, который находился въ давнихъ связяхъ со всѣми властями сербскими, Османомъ-пашей, Александромъ Карагеоргіевичемъ, французскимъ и англійскимъ консулами, и просилъ теперь свиданія съ Груичемъ. Послѣдній не хотѣлъ видѣться съ нимъ; но прежній професоръ Груича, Димитрій Тодоровичъ склонилъ его къ свиданію, которое и происходило ночью въ маломъ кружкѣ соединенныхъ либераловъ и обреновцевъ. Здѣсь присутствовалъ и Стевча Михайловичъ. Посланникъ каймакаміи, упомянувъ сперва о быстрой смѣнѣ неожиданныхъ событій, которыя произвели очень сильное впечатлѣніе на всѣхъ, особенно на иностранныхъ дипломатовъ, сказалъ, что однакожь совершена еще только половина дѣла, другую же надо кончить такъ, чтобы всѣ были довольны. Словомъ, онъ намекалъ на общее довольство сверженіемъ Карагеоріевича и недовольство нѣкоторыхъ возстановленіемъ Милоша Обреновича, и по крайней мѣрѣ желаніе ихъ ограничить стараго князя. Матія Банъ предлагалъ представителямъ народно-либеральной партіи свое посредничество въ переговорахъ съ людьми, стоявшими ближе къ Портѣ и къ иностранной дипломатіи. Но Груичъ молчалъ на всѣ разглагольствія знаменитаго пѣвца разныхъ одъ и гимновъ. Матія Банъ повторилъ то же самое Стевчѣ, но и тотъ не сказалъ ему ни да, ни нѣтъ. Матія Банъ видимо хотѣлъ привлечь на сторону каймакаміи главныхъ дѣятелей народной скупщины, хотя сама чиновная партія уже имѣла участіе въ дѣлахъ временнаго правительства чрезъ Гарашанина, пользовалась вліяніемъ на дипломатическія сношенія чрезъ Косту Магазиновича, представника и попечителя иностранныхъ дѣлъ. Для сношеній съ иностранными агентами и редакціями чужеземныхъ газетъ она пользовалась услугами Матіи Бана, который редактировалъ на французскомъ языкѣ всѣ правительственные акты и депеши. Да-

Digitized by Google

же въ скупщинѣ предсѣдатель ея, Миша Анастасьевичъ, тѣсно связанный съ остальными членами правленія, все еще не утратилъ своего значенія. Въ совѣтѣ не было никого изъ рѣшительныхъ приверженцевъ Обреновичей, сторонники же павшаго князя всегда готовы были въ важныя минуты соединиться съ каймакамовцами. Стевча и Угричичъ не могли имѣть никакого вліянія на совѣтъ; а Гарашанинъ, сохранившій за собою званіе попечителя внутреннихъ дѣлъ, имѣлъ безпрестанныя сношенія съ совѣтомъ. Даже во временномъ правительствѣ Угричичъ болѣе слушался Гарашанина, чѣмъ Стевчи. Министры всѣ безъ исключенія принадлежали къ сторонникамъ каймакаміи. Войско не выпускалось изъ казармъ, и хотя каймакамовцы не могли опереться на него, но точно также не могла расчитывать на его содѣйствіе и народно-либеральная партія. Получившій временное начальство надъ нимъ Ранко Алимпичъ пользовался властью случайною, и считался по службѣ моложе нѣкоторыхъ товарищей своихъ. Хотя городскимъ управленіемъ и завѣдывалъ Бели-Марковичъ; но главнымъ начальникомъ всей полиціи въ княжествѣ былъ Гарашанинъ, какъ попечитель внутреннихъ дѣлъ; такъ что и самъ Стевча въ этомъ отношеніи былъ какъ бы подъ его начальствомъ. Между партіями не было никакихъ связей, напротивъ, существовала взаимная подозрительность. Повсюду въ самыхъ различныхъ кружкахъ можно было ежедневно слышать упреки главнымъ дѣятелямъ обѣихъ партій. Особенною нетерпимостью къ чужимъ мнѣніямъ отличались приверженцы каймакаміи. Хотя народно-либеральная партія, восторжествовавшая въ дни опасностей, ни кого не гнала и всѣхъ чиновниковъ оставила на своихъ мѣстахъ; но ея противники все еще боялись потерять свое служебное положеніе,—и въ этомъ страхѣ за свои личныя выгоды каждаго чиновника, получившаго болѣе или менѣе важное мѣсто при прежнемъ князѣ, заключалась главная причина вражды и ненависти къ людямъ, содѣйствовавшимъ возстановленію Обреновичей. Всѣ лица, участвовавшія нѣкогда въ ихъ паденіи, или выдвинувшіяся впередъ по ихъ изгнаніи и оттѣснившія отъ выгодныхъ мѣстъ сторонниковъ возстановленной теперь династіи, не могли оставаться спокойными при мысли, что Порта можетъ утвердить Милоша въ званіи князя. Вожди народно-либеральной партіи очень хорошо понимали побужденія, руководившія ихъ противниками, и узнавъ отъ Филиппа Христича о вопросѣ, который былъ предложенъ ему турецкимъ комисаромъ, еще болѣе

Digitized by Google

утвердились въ недовѣріи къ временному правительству и совѣту. Вотъ почему они не приняли посредничества, такъ любезно предложеннаго имъ Матіею Баномъ. Но ограничиться однимъ отпоромъ замысламъ каймакамовцевъ либераламъ казалось недостаточнымъ.

Опасаясь сношеній неудавшейся каймакаміи съ Портою, вожди народно-либеральной партіи столько же боялись и происковъ Австріи, желавшей во что бы то ни стало вмѣшаться въ сербскія дѣла. Австрійское правительство никакъ не ожидало, чтобы скупщина могла низвергнуть Карагеоргіевича; оно полагало, что для того понадобится открытый бунтъ и прислало приказъ графу Коронини, командовавшему войсками расположенными въ мѣстахъ пограничныхъ съ Сербіей, быть готовымъ, чтобы идти въ Бѣлградъ по первому приглашенію паши. Хотя Франція протестовала противъ такого распоряженія, а Россія и Англія присоединились къ протесту; но австрійское правительство дало объясненіе, что бѣлградская крѣпость составляетъ турецкое владѣніе, и что австрійскія войска вступятъ туда лишь по приглашенію турецкихъ властей. Въ то же время Коронини получилъ новый приказъ охранять со всею заботливостью границы, отдѣляющія Сербію отъ Австріи. Хотя Гарашанинъ нисколько не былъ расположенъ къ Австріи, но въ вопросѣ объ отношеніяхъ къ Портѣ, съ которою старалась связать себя Австрія, народно-либеральная партія совершенно расходилась съ Гарашаниномъ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, въ тѣсномъ кружкѣ ея возникла мысль помѣстить кого либо изъ своихъ въ министерство: хотѣли провести Груича въ помощники представнику и попечителю иностранныхъ дѣлъ; по достиженіи сего предполагали склонить Магазиновича взять временный отпускъ, чрезъ что Груичъ могъ бы получить вліяніе на дипломатическія сношенія Сербіи. 23-го декабря Стевча и Угричичъ вошли съ словеснымъ представленіемъ о Груичѣ въ засѣданіи временнаго правительства; но Гарашанинъ уклонился отъ прямого отвѣта, обративъ разговоръ на другіе вопросы. Стевча подалъ письменное представленіе, Гарашанинъ отвѣчалъ письменнымъ же отказомъ. Тогда Стевча переслалъ свое представленіе въ скупщину при письмѣ, въ которомъ упомянулъ, что Гарашанинъ грозится подать въ отставку. Партія Груича въ скупщинѣ не была подготовлена къ такому обороту дѣла. Изъ тѣснаго кружка въ засѣданіи былъ только одинъ Милованъ Янковичамъ; съ же Гуичъ не могъ говорить о своемъ дѣлѣ. Всѣ привер-

Digitized by Google

женцы Гарашанина подняли крики противъ новыхъ замысловъ либеральной партіи. Подъ ихъ вліяніемъ скупщина отправила депутацію къ членамъ временнаго правительства съ просьбой остаться въ согласіи между собой; но разошлась изъ засѣданія, не дождавшись отвѣта. Въ тотъ же вечеръ въ домѣ Ранка Алимпича происходило большое собраніе либераловъ и обреновцевъ. Видя невозможность посадить кого либо изъ своихъ въ министерство, совѣщавшіеся единогласно желали, чтобы Груичъ назначенъ былъ начальникомъ канцеляріи временнаго правительства; но Груичъ самъ не хотѣлъ того подъ предлогомъ, что это званіе отнимало у него возможность участвовать въ засѣданіяхъ скупщины. Вернувшись домой, онъ составилъ на всякій случай письменный отказъ отъ такого назначенія. Но скупщина, собравшись на другой день, узнала, что члены временнаго правительства снова находятся во взаимномъ согласіи, и въ скупщинскихъ протоколахъ все это дѣло пройдено было молчаніемъ. Единственно важнымъ эпизодомъ въ засѣданіи того дня было появленіе въ скупщинѣ депутаціи отъ войскъ, составлявшихъ гарнизонъ въ Бѣлградѣ и Крагуевцѣ: она выразила предъ народными представителями патріотическое одушевленіе войскъ, ихъ великую преданность и вѣрность сербскому народу, скупщинѣ и наслѣдственному князю Милошу Обреновичу. За два дня предъ тѣмъ войска послали адресъ и самому князю. Затѣмъ скупщина не собиралась въ продолженіи четырехъ дней, по случаю рождественскихъ праздниковъ.

Между тѣмъ вѣсть о возстановленіи Обреновичей облетѣла всю Сербію и вызвала въ народѣ общее одушевленіе. Многочисленныя телеграмы и адресы, присланные изъ разныхъ общинъ на имя скупщины, единогласно свидѣтельствовали, что святоандреевская скупщина угадала желаніе народа, вполнѣ уразумѣла свою задачу и явилась достойною представительницей народной воли. Смедерево, Шабацъ, Крагуевацъ, Ягодина, Неготинъ, Валѣво, Гургусовацъ, Алексинацъ, Заечаръ, Крушевацъ, Пожаревацъ, Лозница, и другіе города, одинъ за другимъ, выражали свое удовольствіе скупщинѣ одинаково горячими адресами. Въ «Сербскихъ Новинахъ» появлялись безпрестанныя описанія торжествъ, устроенныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ по поводу возстановленія Обреновичей. Повсюду прокламаціи скупщины и временнаго правительства читались на площадяхъ предъ народомъ; на улицахъ являлись по народному обычаю хороводы

Digitized by Google

съ пѣснями и игрою; въ гостинницахъ и кофейняхъ, гдѣ сербы проводятъ все время свободное отъ занятій, подымались заздравныя чаши въ честь Милоша и народной скупщины. «Шестнадцать съ половиною лѣтъ текъ между нами ядъ, пусть же отнынѣ течетъ медъ», сказалъ въ Заечарѣ на одной изъ публичныхъ пирушекъ портной Іова Петровичъ. Многіе города въ первый же день по полученіи радостной вѣсти освѣщались добровольной иллюминаціей; въ иныхъ мѣстахъ звонили въ колокола и стрѣляли изъ ружей; повсюду вывѣшивались праздничные флаги; иногда выносились къ народу портреты стараго Милоша, отыскивались знамена, подъ которыми онъ водилъ сербовъ противъ турокъ. Жители Крагуевца, Ягодины, Ужицы, Валѣва, Гургусовца и другихъ городовъ прислали благодарственные адресы жителямъ Бѣлграда за защиту, оказанную ими народному дѣлу 12-го декабря; изъ нѣкоторыхъ мѣстностей получено было выраженіе сочувствія свято-андреевской скупщинѣ даже за попытку установить законъ о постоянныхъ скупщинахъ; почти повсюду совершены были церковныя празднества за успѣхъ переворота. Изъ разныхъ округовъ посылались привѣтственныя телеграмы Милошу прямо въ Букарештъ, помимо временнаго правительства. Одушевленіе было сильное, но, какъ всегда бываетъ въ подобныя минуты, не обошлось и безъ крайностей. Бѣлградъ наполнился вооруженными людьми изъ окрестныхъ мѣстъ, прибывшими по первой вѣсти о несогласіяхъ между скупщиной и совѣтомъ. Въ послѣдствіи, когда эти несогласія прекратились, часть пришельцевъ образовала изъ себя небольшой отрядъ съ цѣлію охраненія народной партіи. Во главѣ этого отряда стоялъ Филиппъ Станковичъ, окружившій себя большею частію смедеревцами и похвалявшійся, что онъ одинъ можетъ остановить происки людей, относившихся враждебно къ перевороту. Хотя начальникомъ города и считался Бели-Марковичъ, но Филиппъ Станковичъ не всегда повиновался ему и распоряжался по своему. Два случая изъ дѣйствій тогдашней городской стражи остались памятными жителямъ Бѣлграда.

Въ видахъ предупрежденія ночныхъ безпорядковъ, издано было правило, чтобы каждый изъ жителей съ наступленіемъ вечера не иначе выходилъ изъ дому, какъ съ фонаремъ въ рукахъ. Въ ночь съ 23-го на 24-е декабря стража остановила великобританскаго вице-консула Дайля, шедшаго по улицѣ безъ соблюденія установленнаго правила. Хотя Дайль и заявилъ о своемъ

Digitized by Google

званіи, но стража, не зная его лично, просила его дойти вмѣстѣ съ нею до ближайшаго полицейскаго мѣста. Поравнявшись съ домомъ Гарашанина, провожавшіе Дайля убѣдились отъ министра въ справедливости даннаго имъ показанія и довели его до квартиры. На другой день Бели-Марковичъ счелъ нужнымъ явиться къ великобританскому вице-консулу съ извиненіемъ, но послѣдній не только похвалилъ сербскую стражу за вѣрное исполненіе своихъ обязанностей, но и передалъ управителю города письмо на имя Гарашанина, котораго просилъ выдать остановившей его стражѣ представленный при письмѣ дукатъ, завѣряя, что онъ первый умѣетъ уважать законы страны, и приглашая доставлять къ нему тѣхъ англійскихъ подданныхъ, которые бы осмѣлились нарушить предписанія бѣлградской полиціи.

Не столь учтиво обходилась съ своими вольная стража, которою начальствовалъ Филиппъ Станковичъ. Руководясь чувствомъ подозрительности къ людямъ противной партіи, она слѣдила за ними съ излишнимъ усердіемъ. Въ одинъ изъ праздничныхъ вечеровъ, она смутила домашнее спокойствіе самого предсѣдателя скупщины, и вотъ какъ въ тотъ же день Илья Гарашанинъ описывалъ этотъ случай въ письмѣ къ Стевчѣ Михайловичу, какъ главному начальнику полиціи и войска: «Я не могу пропустить случая, чтобъ не сообщить вамъ моихъ замѣчаній о нѣкоторыхъ происшествіяхъ, причиною которыхъ въ послѣднее время была здѣшняя полиція. Ниже я буду говорить о томъ, что слышалъ; но напередъ сообщу вамъ, что случилось въ моемъ присутствіи за полчаса предъ симъ. Я пришелъ вечеромъ къ г. Мишѣ. Спустя нѣкоторое время, изъ его дома пошли въ свои квартиры дѣти: двое изъ моей семьи, а двое изъ семьи покойнаго г. Рап (Дамьяновича). У воротъ Мишинова дома эти дѣти были задержаны двумя вооруженными людьми, которые имъ сказали, что поставлены тутъ отъ полиціи съ приказомъ никого не выпускать изъ дома. Доложили мнѣ о томъ, и я послалъ сказать помянутымъ полицейскимъ, чтобъ они не мѣшали выйти дѣтямъ; но они все-таки не послушались. Тогда я самъ вышелъ на улицу, чтобы увѣриться, дѣйствительно ли возможенъ такой безпорядокъ; оказалось, что меня не обманывали: ибо тѣ самые люди сказали мнѣ въ глаза, что они въ самомъ дѣлѣ получили строгое приказаніе никого не выпускать изъ сего дома. На мой вопросъ: кто имъ далъ такой приказъ?—отвѣчали, что получили его изъ полиціи и хорошо слышали. Можете себѣ представить,

Digitized by Google

какъ меня удивилъ такой полицейскій безпорядокъ; поступку этому не было ничего подобнаго въ полиціи цѣлаго свѣта; это что-то новое, но очень дурно придуманное. Если полиція хочетъ услѣдить, кто входитъ въ домъ, или выходитъ изъ него, то сего можно было достигнуть такимъ способомъ, что никто бы и не замѣтилъ присмотра. У полиціи есть на то много способовъ, если только она захочетъ потрудиться. Если же она считаетъ нужнымъ содержать чей либо домъ подъ формальнымъ арестомъ, то должна напередъ извѣстить о томъ живущихъ въ домѣ чрезъ полицейскаго; ибо никто не можетъ знать, что стража дѣйствительно поставлена отъ полиціи, въ слѣдствіе чего легко могли бы произойти недоразумѣнія, полныя печальныхъ послѣдствій. Я прошу васъ внушить полиціи, чтобы она была осмотрительнѣе при всякомъ своемъ распоряженіи; ибо вы знаете, что, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, могутъ дать самой невиннѣйшей ошибкѣ Богъ знаетъ какое странное и ложное значеніе. Ко мнѣ только что приходилъ слуга и сказывалъ, что говорилъ съ Филиппомъ изъ Смедерева, который увѣрялъ его, что не давалъ приказанія никого не выпускать изъ дому, но что есть только подозрѣніе противъ Миши, Вучича и Гарашанина, почему и приказано стражѣ смотрѣть, кто изъ важныхъ лицъ приходитъ къ нимъ и т. п. Не хочу вамъ говорить о Вучичѣ и Мишѣ, но что касается Гарашанина, то я не хочу, чтобы Филиппъ такъ легкомысленно поступалъ со мной. Я васъ прошу прекратить столь безобразныя дѣйствія Филиппа, ибо никоимъ образомъ не могу терпѣть ихъ. Этотъ бѣдняга обманывается, если думаетъ, что я принадлежу къ какому нибудь картежному обществу, съ которымъ онъ можетъ играть, сколько хочетъ. Оставляя теперь себя въ сторонѣ, я прошу позволенія замѣтить вамъ, что Филиппъ не есть человѣкъ годный для полиціи, а потому или надо совсѣмъ освободить его отъ сей должности, или держать подъ строгой управой. Я увѣренъ, что вы желаете повелѣвать не такою полиціей, которая можетъ лишь обезпокоивать людей, но такою, которая умѣетъ защищать отъ нападенія честь всякаго. Мнѣ неизвѣстны великія услуги Филиппа нынѣшнему дѣлу; но извѣстно и могу подтвердить то доказательствами, что онъ своею невѣжественностью доводилъ народное дѣло до большихъ опасностей; и если онѣ были устранены, то заслуга въ этомъ принадлежитъ кому либо другому, а не Филиппу. Наконецъ, мнѣ мерзко выступать обвинителемъ противъ Филиппа; я только пред-

Digitized by Google

ставляю вамъ положеніе дѣлъ, каково оно есть, и предоставляю вашему благоразумію поступить такъ, чтобы свѣтъ не смѣялся надъ нами. Вы знаете, какъ онъ сегодня съ толпою конницы промчался чрезъ Бѣлградъ безъ всякой цѣли. Это болѣе смѣшно, чѣмъ полезно, и нельзя себѣ объяснить значеніе такого поступка. Мы всѣ, можно сказать, прыснули смѣхомъ, что тишина, столь важная и полезная для общаго дѣла, охраняется такимъ образомъ, что онъ самъ, т. е., полиція, нарушаетъ эту тишину. Къ чему все это служитъ, я не знаю. Кромѣ того мнѣ говорили, но я не ручаюсь за то, что Филиппъ прошлою ночью игралъ въ кофейнѣ въ карты на деньги, при чемъ было и крику немало. Полицейская обязанность въ настоящее время и игра въ карты, все это нисколько не согласно съ полицейскими предосторожностями. Око полиціи должно быть обращено не только на туза, но и на всякій закоулокъ города, и то скромнымъ и тихимъ образомъ. Говорятъ, что и при домѣ Вучича сегодня стояла стража, но потомъ отошла отъ него. Было ли это, и съ какою цѣлію, я совершенно не знаю. Такъ какъ все вышеписанное я сообщилъ вамъ съ полною искренностію и съ желаніемъ возстановить добрый порядокъ; то оставляю все дѣло вашей предусмотрительности, будучи увѣренъ, что вы употребите необходимыя мѣры, которыя положатъ предѣлъ не нужнымъ крайностямъ, подобнымъ тѣмъ, которыя я вамъ описалъ. Вашъ искреннѣйшій другъ, Илья Гарашанинъ. 27-го октября». Изъ этого происшествія Миша Анастасьевичъ сдѣлалъ даже предметъ для запроса въ скупщинѣ, которая увѣдомила обо всемъ Стевчу, коему и были представлены объясненія, опиравшіяся главнымъ образомъ на недоразумѣніи. Но заниматься личными ссорами и препирательствами не приходилось. У всѣхъ было на умѣ: какимъ успѣхомъ увѣнчалась депутація, поѣхавшая къ Милошу? Какъ отнесется Порта къ возстановленію стараго князя, не воспротивится ли ему, или же не поставитъ ли какихъ нибудь стѣснительныхъ условій при возстановленіи стараго князя? Наконецъ чѣмъ кончатся происки Австріи?

О депутаціи, отправившейся въ Букарештъ, все еще не было никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній. Прибывъ въ Кладово, она не рѣшилась тотчасъ же перебраться на румынскій берегъ. Только Предичъ, посланный Мишею сопровождать депутацію, и одинъ изъ депутатовъ, стоявшихъ въ зависимости отъ совѣтника Еремича, который какъ-бы предводительствовалъ депутаціей, съ-

Digitized by Google

ѣздили 22-го декабря въ Турнъ-Северинъ и послали телеграму Милошу съ извѣстіемъ о прибытіи депутаціи на румынскую границу. Милошъ отвѣчалъ, чтобы они ждали, пока онъ не пришлетъ своего человѣка за ними. Милошу хотѣлось имѣть до принятія депутаціи какой либо отвѣтъ отъ Порты. Но ни въ Букарештѣ, ни въ Бѣлградѣ не имѣли еще никакихъ рѣшительныхъ свѣдѣній изъ Константинополя. Курьеръ, съ которымъ посланы были просьбы временнаго правительства и скупщины къ султану и письма къ великому визирю, не успѣлъ прибыть въ Цареградъ. Получивъ телеграму Милоша, Еремичъ не сообщилъ ее остальнымъ членамъ депутаціи, а сказалъ только, что надо ждать парохода. Вслѣдъ затѣмъ Еремичъ отослалъ назадъ людей, присоединившихся къ депутаціи добровольно, между тѣмъ часто посылалъ въ Турнъ-Северинъ Предича и Барловца. Карабиберовичъ провѣдалъ, что они нерѣдко телеграфируютъ оттуда Мишѣ Анастасьевичу. Къ этому присоединился новый отказъ въ пароходѣ со стороны австрійскаго общества, сославшагося на позднее зимнее время, хотя Дунай не покрывался еще льдомъ. Въ остальныхъ членахъ депутаціи возникли сомнѣнія въ искренности Еремича и его партіи; поднялись споры, кончившіеся крикомъ и бранью. Всѣ отправились къ Іовану Иличу, какъ секретарю народной скупщины, съ просьбой, чтобы онъ потребовалъ объясненій отъ Еремича: чего депутація ждетъ въ Кладовѣ? Тогда Еремичъ показалъ телеграму Милоша, но ей уже не повѣрили и часть депутатовъ переѣхала въ Турнъ-Северинъ, а оттуда направилась въ Букарештъ, при чемъ румынскія власти отобрали у нея все оружіе. На пути эта часть депутаціи встрѣтила Милошева человѣка, распопа Максима, который везъ съ собою указъ валашскаго правительства къ турнъ-северинскимъ властямъ о дозволеніи сербскимъ депутатамъ имѣть при себѣ оружіе. Милошевъ посланникъ поѣхалъ далѣе и нашелъ въ Турнъ-Северинѣ остальныхъ депутатовъ, которые и выѣхали съ нимъ въ Букарештъ, догоняя отправившихся прежде. Между тѣмъ люди, сопровождавшіе депутацію добровольно и удаленные Еремичемъ изъ Кладова, возвратились въ Бѣлградъ и распустили между его жителями слухъ, что Еремичъ угнетаетъ депутацію и держитъ ее въ неволѣ, имѣя въ своихъ рукахъ денежную казну, данную на расходы по путешествію депутаціи. Эти слухи произвели волненіе въ сторонникахъ Обреновичей. Въ то же время пришли неблагопріятныя извѣстія изъ Констан-

Digitized by Google

тинополя: сербскій повѣренный въ дѣлахъ при Портѣ, Миланъ Петроніевичъ извѣщалъ, что Порта предлагаетъ нѣкоторыя условія Милошу и между прочимъ требуетъ, чтобы онъ прибылъ въ Константинополь для принятія княжескаго достоинства. Послѣднее условіе особенно не нравилось народно-либеральной партіи.

«Сербскія Новины», которыя относились сочувственно къ дѣйствіямъ святоандреевской скупщины, помѣстивъ на своихъ столбцахъ цѣлый рядъ статей, посвященныхъ обзору этой дѣятельности и вышедшихъ изъ-подъ пера Платона Симоновича, напечатали замѣтку Панты Іовановича о томъ, что, на основаніи хаттишерифа 1830 года, Милошу Обреновичу принадлежитъ право управлять внутренними дѣлами Сербіи, по договору со скупщиной, составленной изъ поглаварей земли; что по тому же хаттишерифу турецкія власти не должны вмѣшиваться во внутреннія дѣла Сербіи, а по парижскому трактату никакая держава не можетъ приступить къ вооруженному вмѣшательству въ сербскія дѣла безъ предварительнаго согласія всѣхъ договаривавшихся сторонъ. «Стало быть, Сербія, сказано было въ замѣткѣ, имѣетъ по хаттишерифу 1830 года свое, независимое во внутреннихъ дѣлахъ, народное управленіе, главою котораго есть князь съ правомъ наслѣдства, и это княжеское достоинство принадлежитъ фамиліи нашего князя Милоша Обреновича. Независимое внутреннее управленіе съ наслѣдственнымъ княжескимъ достоинствомъ въ фамиліи Обреновичей утверждено и нашимъ благотворнымъ уставомъ земскимъ. Независимое внутреннее управленіе составляетъ политическую жизнь Сербіи; наслѣдственное княжеское достоинство въ фамиліи Обреновичей есть условіе, безъ котораго эта жизнь не можетъ развиваться и преуспѣвать. Народъ сербскій, возвративъ чрезъ свою святоандреевскую скупщину Милошу Обреновичу достоинство сербскаго князя съ наслѣдственными правами, совершилъ самое законное, патріотическое и благороднѣйшее дѣло. Такимъ актомъ возстановлена законность въ Сербіи, а законность есть прочное основаніе всякаго государства, условіе народнаго счастія и благосостоянія».

Патріотическое настроеніе народной скупщины выразилось также во взаимномъ обмѣнѣ привѣтствіями по телеграфу между нею и Михаиломъ Обреновичемъ. Молодой князь первый прислалъ изъ Вѣны въ Бѣлградъ свое поздравленіе, въ которомъ было сказано: «Съ особенною радостію изъявляю народной скуп-

Digitized by Google

щинѣ признательность, которую чувствую къ народу, почтившему возвращеніемъ князя Милоша въ Сербію его заслуги предъ отечествомъ. Поздравляю народъ, скупщину и правительство, что согласнымъ, разсудительнымъ и достойнымъ образомъ дѣйствій оправдали предъ Европой политическую зрѣлость Сербіи, и съ радостію признаю, что горжусь быть первымъ гражданиномъ среди такого народа, и всегда буду готовъ жертвовать всѣми моими силами за благосостояніе и счастливую будущность моего народа». На привѣтствіе это, прочитанное предъ скупщиною въ засѣданіи 29-го декабря, послѣдовалъ на другой день отвѣтъ отъ нея, составленый Милованомъ Янковичемъ: «Свѣтлый князь! славный наслѣдникъ сербскаго престола, Михаилъ Обреновичъ! Поздравленіе, присланное твоею свѣтлостью скупщинѣ, а чрезъ нее и цѣлому народу сербскому, скупщина, отзываясь вѣрно глубочайшимъ ощущеніямъ своего и народнаго сердца, приняла съ великимъ одушевленіемъ. Блистательный образецъ людского благородства и возвышенности, ты послалъ сербскому народу въ своемъ привѣтствіи печать и вѣнецъ гражданскихъ и государственныхъ доблестей, коимъ ты былъ вѣрнѣйшимъ другомъ въ продолженіи всей тяжкой и полной испытаній жизни твоей. Ты съ благородною гордостью довольствуешься скромнымъ именемъ сербскаго гражданина и радуешься отъ всего сердца вмѣстѣ съ народомъ, что дожилъ до минуты, когда можешь вмѣстѣ съ нимъ предпоставлять заслуги отца, хотя и подлинно знаешь, что горячая любовь сербскаго народа призываетъ васъ обоихъ въ одинъ голосъ для одной и той же цѣли. О, какъ желала сербская исторія такой доблести! и какъ нынѣ сладко сердцу твоего народа это первое.... такою величественностью отличающееся дѣйствіе! Доблестный наслѣдникъ великаго отца твоего и любимаго владѣтеля нашего, прими милостиво нашу безграничную преданность, съ какою мы нынѣ отзываемся на твое поздравленіе отъ имени цѣлаго народа сербскаго! Скупщина поздравляетъ тебя, князь, симъ краткимъ выраженіемъ своихъ горячихъ чувствованій, и всѣ мы нетерпѣливо ожидаемъ видѣть тебя въ нашей средѣ подлѣ свѣтлѣйшаго отца твоего».

Съ цѣлію не только возбудить и безъ того весьма сильное патріотическое настроеніе народа, но еще рѣзче подѣйствовать на представителей Порты, пребывавшихъ въ бѣлградской крѣпости, а чрезъ нихъ и на турецкое правительство, въ совѣщаніи малаго кружка, происходившемъ вечеромъ 30-го декабря, по-

Digitized by Google

становлено было произвести на другой день демонстрацію въ скупщинѣ, чтобы вызвать скорѣйшее возвращеніе Милоша въ отечество. Дѣйствительно, въ утреннемъ засѣданіи 31-го декабря Андрей Стаменковичъ предложилъ, а скупщина постановила обратиться къ совѣту съ слѣдующимъ письмомъ: «Весь народъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ, чтобы князь Милошъ прибылъ наконецъ въ отечество; почему народная скупщина проситъ совѣтъ склонить надлежащимъ путемъ чрезъ телеграфъ князя Милоша отъ имени скупщины и народа, чтобы возможно скорѣе направился въ путь и перешелъ на сербскій берегъ. Это необходимо для успокоенія нашей земли, пребывающей столько времени въ движеніи и безпокойствѣ. Народная скупщина ожидаетъ немедленнаго и успокоительнаго для нея и народа отвѣта, каковымъ можетъ быть лишь то извѣстіе, что князь Милошъ двинулся въ путь». По предложенію того же Стаменковича, принято было другое письмо къ совѣту, въ которомъ прямо говорилось, что медлительность Порты, до сихъ поръ не возстановившей Милоша въ его наслѣдственныхъ правахъ, озабочиваетъ весь народъ и производитъ смятеніе въ умахъ; а потому интересы Сербіи и самой турецкой имперіи требуютъ, чтобы не замедлялось дѣло, затрогивающее самый жизненный вопросъ для политическаго существованія сербскаго народа. А депутатъ отъ колубарскаго среза бѣлградскаго округа, Радосавъ Марковлевичъ изъ Даросавы, представилъ, какъ необходимо для облегченія жителей Бѣлграда, обязанныхъ содержать постоянную стражу, и для обезпеченія общей безопасности вызвать въ Бѣлградъ изъ ближайшихъ округовъ 400 пѣшихъ и 200 конныхъ, хорошо вооруженныхъ людей изъ достаточныхъ и почтенныхъ семействъ, подчинить ихъ главному правителю Бѣлграда и содержать на счетъ государства, не назначая однакожъ денежнаго жалованья имъ и не распуская прибывшихъ прежде изъ внутренности Сербіи для защиты скупщины сельчанъ. Объ этомъ постановленіи рѣшено было также сообщить совѣту. Наконецъ Милованъ Янковичъ напомнилъ, что на другой день должны быть посланы поздравительныя телеграмы обоимъ князьямъ съ новымъ годомъ; а Миша Анастасьевичъ замѣтилъ, что, согласно предложенію скупщины, правительство назначило совершить въ первый день новаго года по всѣмъ монастырямъ и церквамъ въ Сербіи благодарственное молебствіе за успѣхъ состоявшейся до того дня дѣятельности скупщины, а особенно за возстанов-

Digitized by Google

леніе князя Милоша и за отклоненіе тѣхъ опасностей, которыя угрожали народному благу 12-го декабря. Всѣ члены скупщины условились быть на общемъ молебствіи въ соборной церкви. Но имъ суждено было еще разъ сойтись въ чрезвычайное засѣданіе до наступленія новаго года.

Вслѣдствіе разнесшихся по городу слуховъ, что между членами совѣта и временнаго правительства возникло несогласіе по поводу послѣднихъ требованій скупщины, что Гарашанинъ и его сторонники не рѣшаются обратиться къ Портѣ съ новыми настояніями объ утвержденіи Милоша наслѣдственнымъ княземъ Сербіи, народные депутаты явились въ скупщину и отправили депутацію сперва къ совѣту, а потомъ къ временному правительству съ требованіемъ, чтобы утреннія постановленія скупщины были немедленно приведены въ исполненіе. Депутація возвратилась съ отвѣтомъ временнаго правительства, что всѣ рѣшенія скупщины опредѣлено исполнить, и что на другой день особая депутація отъ совѣта и правительства явится къ Османъ-пашѣ и изложитъ ему желанія народныхъ представителей. Засѣданіе кончилось чтеніемъ поздравительныхъ къ новому году телеграмъ Милошу и Михаилу. Въ первой между прочимъ говорилось, что народная скупщина недоумѣваетъ, кого ей слѣдуетъ прежде поздравить: Милоша ли, составлявшаго издавна счастіе сербскаго народа, съ новымъ годомъ; или самоё себя съ новою славой, которую онъ откроетъ для будущности Сербіи. Въ телеграмѣ къ Михаилу сказано было: «Когда яркое солнце обновляетъ свою небесную стезю, кто утерпитъ, чтобы среди величайшей радости не поздравить съ новымъ годомъ тебя, которымъ снова гордится сербскій народъ». Оба князя отвѣчали на эти поздравленія, при чемъ Михаилъ снова отзывался съ величайшимъ уваженіемъ о разсудительности всѣхъ дѣйствій скупщины, умѣньи избѣгать кровавыхъ столкновеній и приглашалъ ее продолжать свою дѣятельность въ такомъ же духѣ.

Демонстраціи, произведенныя народною скупщиной, имѣли добрыя слѣдствія. Временное правительство передало по телеграфу въ Константинополь сербскому агенту вѣсть о дурномъ расположеніи умовъ. Миланъ Петроніевичъ сообщилъ Портѣ, что при такомъ положеніи дѣлъ возможны новыя волненія въ Бѣлградѣ. Самъ Кабули-ефенди, напуганный рѣшительными дѣйствіями скупщины, телеграфировалъ обо всемъ великому визирю, а послѣдній поспѣшилъ извѣстить Петроніевича, что Порта

Digitized by Google

согласна утвердить Милоша въ княжескомъ достоинствѣ. Въ то же время въ Константинополѣ получено было извѣстіе отъ Милоша, что онъ отказывается отъ поѣздки туда въ зимнее время по причинѣ старости, и Порта согласилась отложить поѣздку до весны. Петроніевичъ немедленно сообщилъ сербскому правительству о состоявшихся рѣшеніяхъ Порты. Его донесеніе подтверждено было телеграмою Милоша, извѣщавшаго о томъ же.

Наконецъ положеніе, принятое Австріей относительно Сербіи, также разъяснилось. Наполеонъ III не удовольствовался объясненіями вѣнскаго правительства и его приказаніемъ графу Коронини ограничиться только наблюденіемъ за сербскими границами. Французскій кабинетъ объявилъ, что если Австрія сочла достаточнымъ издать новое распоряженіе, а не прямо отмѣнить свой первый приказъ, то Франція не можетъ удовлетвориться этимъ и остается при своемъ протестѣ. Наполеону нужно было, чтобы Австрія извинилась; но въ Вѣнѣ не хотѣли сдѣлать того, и отношенія между Австріей и Франціей, безъ того уже натянутыя, стали грозить разрывомъ. Рѣчь, произнесенная Наполеономъ въ новый годъ при пріемѣ дипломатическаго корпуса, заключавшая между прочимъ намекъ на дурныя отношенія къ Австріи, дала поводъ французскому консулу въ Бѣлградѣ Дезессару увѣрять сербовъ, что Франція намѣрена наказать Австрію за ея поведеніе относительно Сербіи. На самомъ же дѣлѣ между Австріей и Франціей готовился совершенный разрывъ и война по поводу итальянскаго вопроса.

Перваго января въ Бѣлградъ пріѣхалъ изъ Букарешта Петръ Стойковичъ и привезъ отъ Милоша отвѣтъ Стевчѣ, который спрашивалъ его отъ имени всѣхъ друзей своихъ, какимъ бы образомъ вывезти его изъ Румыніи. Милошъ писалъ между прочимъ, что Порта приказала валашскому правительству оберегать его и держать подъ присмотромъ; чтобы скорѣе достигнуть полнаго согласія Порты на всѣ требованія скупщины, Милошъ совѣтовалъ чинить безпрестанныя демонстраціи, смѣнить подозрительныхъ чиновниковъ и назначить на ихъ мѣста людей преданныхъ, войска распустить, въ Бѣлградъ созвать вѣрныхъ людей изъ внутреннихъ округовъ, что впрочемъ уже было сдѣлано скупщиной, на румынской границѣ собрать двѣ тысячи конницы подъ предлогомъ встрѣчи князя, въ Алексинцѣ, находящемся ближе къ турецкой границѣ, собрать четыре тысячи пѣхоты для того же.

Digitized by Google

Втораго января скупщина опять имѣла два засѣданія. Утромъ между прочимъ прочтена была телеграма Милоша, извѣщавшаго, что, вслѣдствіе дурныхъ путей сообщенія, онъ ожидаетъ прибытія депутаціи въ Букарештъ не ранѣе суботы, 3-го января. Вечернее засѣданіе созвано было самимъ предсѣдателемъ скупщины, который объявилъ народнымъ представителямъ, что въ промежутокъ между обоими засѣданіями онъ приглашенъ былъ членами временнаго правительства, предсѣдателемъ и подпредсѣдателемъ совѣта отправиться съ ними въ крѣпость. Не зная, за чѣмъ его звали, онъ пошелъ въ крѣпость во дворецъ Османа-паши, гдѣ собрались кромѣ названныхъ имъ лицъ и министры сербскіе. Всѣмъ имъ Кабули-ефенди прочиталъ депешу изъ Цареграда, въ которой значилось, что Порта одобряетъ князя Милоша, что бератъ ему на княжеское достоинство пишется и будетъ посланъ въ Валахію, что Порта, по своей благосклонности къ князю Милошу, дала ему право назначить вмѣсто себя одно лицо правителемъ страны до его прибытія въ Бѣлградъ. Раздавшіеся въ ту минуту пушечные выстрѣлы подтвердили, что извѣстія, сообщенныя предсѣдателемъ скупщины, были справедливы. Далѣе Миша передалъ слова Кабули-ефенди, что такая же депеша послана изъ Цареграда къ Милошу. Скупщина не имѣла ничего противъ утвержденія Милоша Портою, но ей не понравились ни форма, ни порядокъ самаго сообщенія ей такихъ извѣстій. Когда Миша Анастасьевичъ кончилъ свою рѣчь, то одинъ изъ предсѣдателей аппеляціонаго суда и членъ скупщины, Маринко Радовановичъ, замѣтилъ, что предсѣдатель не былъ уполномоченъ скупщиною являться въ крѣпость, а стало быть и не могъ представлять скупщину у Кабули-ефенди. Начались пренія и, по предложеженію Милована Янковича, рѣшено было занести въ протоколъ: «Такъ какъ предсѣдатель скупщины не имѣлъ отъ нея одобренія предстать съ членами правительства, совѣта и попечителями предъ Кабули-ефенди, то народная скупщина принимаетъ, что онъ присутствовалъ тамъ не въ качествѣ ея предсѣдателя, а потому и не считаетъ, что онъ тамъ представлялъ ее; на основаніи сего скупщина не смотритъ на его сообщенія какъ на офиціальныя, но имѣя въ виду важность земскихъ интересовъ, которые могутъ быть нарушены вслѣдствіе промедленія, отправляетъ депутацію къ временному правительству съ порученіемъ вытребовать отъ него копію съ помянутой депеши».

Digitized by Google

Среди ожиданія отвѣта отъ временнаго правительства и оживленныхъ разговоровъ, одинъ изъ депутатовъ, разговаривавшихъ въ глубинѣ залы, сказалъ громко, что надо ждать и нераздѣляться, пока князь Милошъ не прибудетъ въ Бѣлградъ, и что надо бы было вызвать еще братій изъ народа. При этихъ словахъ, предсѣдатель смедеревскаго окружнаго суда, Сима Протичъ, обратился къ скупщинѣ съ рѣчью, въ которой развилъ мысль, что для успокоенія народа необходимо заявить торжественно, что народная скупщина не разойдется до тѣхъ поръ, пока князь Милошъ не возвратится въ Сербію. Скупщина единогласно заключила, что народные представители не разъѣдутся и народная скупщина не закроется, пока Милошъ не приметъ въ свои руки правленія страною; такое постановленіе рѣшено было сообщить совѣту, а чрезъ него и временному правительству. Этимъ постановленіемъ скупщина выразила свое недовѣріе людямъ, составлявшимъ большинство въ тогдашнемъ правительствѣ. Вскорѣ возвратилась депутація и принесла съ собой копію съ депеши турецкаго министерства иностранныхъ дѣлъ къ Кабули-ефенди, которою подтверждались всѣ извѣстія, сообщенныя уже Миланомъ Петроніевичемъ сербскому правительству, а Мишею Анастасьевичемъ святоандреевской скупщинѣ. По прочтеніи депеши, народные представители выразили радость, что султанъ исполнилъ желаніе сербскаго народа, утвердивъ Милоша княземъ; но другія мѣста депеши вызвали безпокойство въ нихъ. Отложивъ обсужденіе этихъ мѣстъ до слѣдующаго засѣданія, скупщина нашла необходимымъ высказаться безотлагательно по поводу позволенія, даннаго Милошу Портою, назначить кого либо для временнаго управленія Сербіей до его прибытія. Въ преніяхъ по этому вопросу высказано было мнѣніе, что было бы несогласно съ благоразумною политикой предоставлять князю, находящемуся въ чужой землѣ и подъ чужою властію, право назначать себѣ намѣстника, что противно и правамъ сербскаго народа. На основаніи такого мнѣнія, скупщина обратилась къ временному правительству съ письменнымъ заявленіемъ, что назначеніе временнаго правительства земскаго, пока князь не ступитъ на сербскую землю и не приметъ самъ управленія, принадлежитъ по праву исключительно народу, представленному чрезъ свою скупщину, почему скупщина въ свое время уже и назначила временное правительство. Члены послѣдняго приглашались сооб-

Digitized by Google

щить такое заявленіе кому слѣдуетъ и поступать согласно съ нимъ. Послѣднее рѣшеніе скупщины легко объясняется тѣмъ, что большинство народныхъ депутатовъ опасалось, чтобы Милошъ, страстно желавшій вернуться поскорѣе въ Сербію, не поддался на какія либо невыгодныя для нея условія и не назначилъ въ намѣстники лицо враждебное народно-либеральной партіи.

Въ тотъ же вечеръ Груичъ долженъ былъ посѣтить Гарашанина, и при этомъ съ обѣихъ сторонъ высказаны были взаимные упреки въ недовѣріи. «Вы не знаете еще Милоша! говорилъ Гарашанинъ: зачѣмъ не выбрали Михаила, если хотѣли Обреновичей? зачѣмъ не уговорились съ нами заранѣе?» Гарашанинъ, по видимому, забылъ свой разговоръ о Михаилѣ съ Милованомъ Янковичемъ, происходившій не задолго до открытія свято-андреевской скупщины, забылъ и то, что правительственная оппозиція, желавшая свергнуть Карагеоргіевича, не считала нужнымъ договариваться о чемъ бы то ни было съ людьми, принадлежавшими къ младшему поколѣнію. Такъ какъ скупщина уже три раза повторяла свои настойчивыя требованія, чтобы совѣтъ и временное правительство утвердили представленный ею проектъ закона о постоянныхъ скупщинахъ безъ всякихъ измѣненій, то Гарашанинъ спросилъ Груича: «Что вы такъ добиваетесь этого закона?» Когда Груичъ отвѣтилъ: «Чтобы обезпечить въ будущемъ народное участіе въ дѣлахъ», Гарашанинъ сказалъ: «Ну, Милошъ все это отвергнетъ! увидите, что онъ скажетъ!» Груичъ возразилъ: «Мы ему объявимъ, что скупщина, выбравшая его, приняла такія-то и такія-то постановленія». Разговоръ Гарашанина нисколько не отличался отъ мнѣній другихъ людей прежняго поколѣнія о старомъ князѣ. Они сильно побаивались его и въ то же время не безъ радостнаго чувства говорили молодымъ членамъ скупщины: вотъ узнаете его и горько раскаетесь! Тѣмъ не менѣе и старое и молодое поколѣніе съ нетерпѣніемъ ожидали дальнѣйшихъ извѣстій изъ Букарешта. Въ скупщинѣ не разъ повторялись запросы о томъ, есть ли какія либо вѣсти отъ депутаціи, отправившейся къ Милошу.

Депутація уже приближалась къ своей цѣли. Совѣтникъ Еремичъ, распоряжавшійся хозяйственною частію всего путешествія, переѣхавъ съ сербскаго берега въ Турнъ-Северинъ, купилъ за 14 дукатовъ большой экипажъ и вмѣстѣ съ епи-

*

Digitized by Google

скопомъ Іоанникіемъ и Барловцемъ поскакалъ на почтовыхъ, желая догнать уѣхавшихъ ранѣе. Въ Кралевѣ съѣхались всѣ и остановились отдыхать. Вблизи этой мѣстности находилось богатое имѣніе, принадлежавшее Мишѣ Анастасьевичу. Отъ послѣдняго былъ данъ приказъ Предичу завезти депутацію въ это имѣніе и угостить ее на славу. Іованъ Иличъ и нѣкоторые изъ депутатовъ отказывались отъ такой чести, говоря, что они посланы за дѣломъ къ князю, а не въ гости къ предсѣдателю скупщины. Послѣ долгихъ препирательствъ, ихъ убѣдили ѣхать вмѣстѣ съ остальными депутатами въ имѣніе Миши. Большинство депутатовъ принадлежало къ числу людей, привыкшихъ къ простой сельской жизни, широко и свободно развившейся въ ихъ отечествѣ. Они были поражены тѣмъ великолѣпіемъ, которое нашли въ домѣ Миши, но еще болѣе изумлены были, когда подлѣ раскошнаго барскаго дома увидали крайне бѣдныя низменныя землянки. На вопросъ ихъ: Кто тутъ живетъ? имъ отвѣчали: Волошскіе сельчане. «Да что, здѣсь по селамъ живутъ цыгане или люди, которыхъ называютъ волошскимъ народомъ, какъ насъ сербами?» спрашивали представители сербскаго народа. Имъ объяснили, въ чемъ состоитъ крѣпостное право, и какія отношенія существовали тогда между помѣщиками и крестьянами въ румынскихъ земляхъ. «Э, братья, говорили сербскіе депутаты,—если эти люди не могутъ себя избавить отъ того, лучше было бы имъ за одинъ разъ всѣмъ погибнуть, перебивъ своихъ женъ и дѣтей, чѣмъ такъ жить, а дѣтей оставлять въ такомъ рабствѣ».

2-го января вечеромъ депутація имѣла торжественный въѣздъ въ Букарештъ и остановилась въ двухъ отеляхъ. Секретари Милоша, Моя Гавриловичъ и Б. Райовичъ, племянникъ стараго Цвѣтка, не зная, что при депутаціи былъ секретарь народной скупщины, составили програму церемоніальнаго представленія депутатовъ Милошу и назначили первое мѣсто въ немъ представителю совѣта Еремичу. Іованъ Иличъ, провѣдавъ о томъ, пригласилъ къ себѣ княжескихъ секретарей и вмѣстѣ съ ними исправилъ програму. На другой день при переѣздѣ депутатовъ, бывшихъ въ парадныхъ одѣяніяхъ, изъ гостинницъ къ дому, гдѣ жилъ Милошъ, жители Букарешта съ любопытствомъ смотрѣли на представителей сосѣдняго народа. У крыльца княжескаго дома депутація была встрѣчена секретарями Милоша и Милинкомъ Теодосіевичемъ, котораго старый князь назвалъ своимъ

Digitized by Google

побратимомъ. Въ сѣняхъ депутаты увидали прислугу Милоша, а въ первыхъ комнатахъ семейство Ефрема Обреновича, брата Милошева, и множество румынскихъ бояръ. Милошъ встрѣтилъ депутатовъ словами: «Радъ вашему пріѣзду, братья и сыновья мои!»—«Живіо нашъ отецъ отечества!» крикнула трижды депутація. Затѣмъ начальникъ смедеревскаго округа и членъ скупщины, Станойло Петровичъ сказалъ князю краткое поздравленіе отъ имени народа: «Прими, свѣтлый господарь, поздравленіе отъ народной скупщины и всего вѣрнаго народа твоего! Важное дѣло, совершенное народомъ съ величайшимъ одушевленіемъ, благословилъ самъ Богъ. Возвратись, господарь, въ благословенную землю твою, Богомъ и тобой осчастливленную! Народъ въ нетерпѣніи едва можетъ дождаться, когда снова увидитъ тебя, отца и избавителя своего». Тронутый Милошъ прервалъ оратора словами: «Самъ Богъ такъ устроилъ! Безъ Его благословенія не можетъ ничего сдѣлаться. Я всегда заботился о счастіи народа, сколько могъ и умѣлъ, и нынѣ молю Бога, чтобы укрѣпилъ и умудрилъ меня послужить своему народу. Я не имѣю другой семьи: народъ—мое семейство. Каждый сербъ предо мною равенъ отъ великаго до малаго. Буду трудиться, братья, за всѣхъ васъ и весь народъ мой, какъ отецъ за дѣтей своихъ». Новые крики депутатовъ были отвѣтомъ Милошу. За симъ Іованъ Иличъ прочелъ письмо скупщины къ князю, составленное въ засѣданіи 15-го декабря, и передалъ его Станойлѣ, а тотъ Милошу. Потомъ Еремичъ подалъ поздравленіе отъ архіерейскаго собора; оба поздравленія читалъ тотъ же Иличъ. Старый Милошъ благодарилъ народъ, скупщину, совѣтъ и архіереевъ, послѣ чего депутаты подходили къ его рукѣ, а онъ цѣловалъ каждаго въ лобъ и голову. Князь былъ взволнованъ, выслушивая привѣтствія, даже прослезился и къ концу церемоніи почувствовалъ утомленіе; депутація послѣ угощенія уѣхала. Расказываютъ, что румынскіе бояре спрашивали Милоша по уходѣ депутаціи: чѣмъ онъ заслужилъ такую любовь своего народа, и что бы сдѣлалъ, еслибъ былъ румынскимъ княземъ,—и будто бы Милошъ отвѣчалъ: сербскій народъ любилъ его за то, что онъ всегда защищалъ его отъ притѣсненій старѣйшинъ; и еслибъ сдѣлался онъ румынскимъ княземъ, то прежде всего велѣлъ бы повѣсить спрашивавшихъ его бояръ, при чемъ нѣкоторыхъ назвалъ по именамъ.

Отпустивъ всѣхъ, Милошъ остался среди людей близкихъ и

Digitized by Google

родственныхъ. Въ его рукахъ уже былъ приказъ Порты о назначеніи временнаго правителя надъ Сербіей, пока князь не пріѣдетъ въ Бѣлградъ. Въ семейномъ совѣтѣ, окружавшемъ Милоша, всѣ указывали на Гарашанина. Особенно хлопотали о немъ женщины изъ семьи Ефрема Обреновича; онѣ подговаривали содѣйствовать тому владыку Іоанникія, Станойла Петровича и Еремича. Милошъ позвалъ къ себѣ на совѣщаніе Іована Илича, и тотъ, на вопросъ князя: кого лучше назначить временнымъ правителемъ,—отвѣчалъ: «по способностямъ надо бы Гарашанина, по народному довѣрію Стевчу; если взять послѣдняго, то надо придать ему Ефрема Груича въ секретари». Милошъ пожелалъ выслушать мнѣнія остальныхъ членовъ депутаціи и велѣлъ позвать ихъ къ себѣ. На вопросъ, повторенный Милошемъ депутатамъ, нѣкоторые крикнули было имя Стевчи; но Еремичъ, выступивъ впередъ, краснорѣчиво распространился о достоинствахъ Гарашанина. Онъ указывалъ на то, какъ Гарашанинъ умѣлъ устроить самую скупщину святоандревскую, какъ онъ сносился обо всемъ съ султаномъ и какъ удачно велъ переговоры съ великими державами. Еремичъ доказывалъ, что нѣтъ другого болѣе опытнаго человѣка, способнаго съ успѣхомъ довести до конца столь удачно начатое дѣло. Милошъ слушалъ, слушалъ Еремича и въ нетерпѣніи крикнулъ: «Что разболтался! стану я тебя одного слушать; пусть говорятъ и другіе». Въ этихъ словахъ предъ депутатами воскресъ старый князь Сербіи, не любившій, чтобы ему перечили. Всѣ депутаты принялись кричать: «Стевчу! Стевчу!» Князь въ тотъ же день послалъ телеграму въ Бѣлградъ о назначеніи Стевчи намѣстникомъ, Угричича помощникомъ ему, въ качествѣ директора его канцеляріи, а Ефрема Груича секретаремъ при временномъ правителѣ. Когда эта телеграма пришла въ Бѣлградъ, тѣсный кружокъ соединенныхъ либераловъ и обреновцевъ поспѣшилъ собраться въ совѣщаніе, и по его требованію Стевча Михайловичъ отвѣчалъ на приказъ Милоша депешей, въ которой просилъ его оставить все какъ было. Не довольствуясь этимъ, Стаменковичъ, Груичъ, Алимпичъ, Милованъ Янковичъ составили письмо къ Милошу, которое долженъ былъ подписать Стевча, и въ которомъ говорилось о правахъ народа, о прежнемъ рѣшеніи скупщины насчетъ временнаго правительства, о шаткомъ положеніи дѣлъ, и изъ всего этого выводилась необходимость оставить уже установившійся порядокъ правленія. Но 4-го января получена была вторая телеграма Милоша къ Стѣвчѣ: «При всей

Digitized by Google

доброй волѣ исполнить желаніе скупщины, не могу этого сдѣлать; ибо въ депешѣ великаго визиря, посланной въ согласіи съ покровительствующими державами, прямо сказано, чтобы я назначилъ одно лицо изъ числа моихъ повѣренныхъ людей въ качествѣ временнаго управителя; поэтому я вчера и распорядился такъ, увѣдомивъ о томъ великаго визиря. Снова повторяю, что вы—мой намѣстникъ, Угричичъ вашъ adlatus, Груичъ секретарь». Узнавъ объ этой телеграмѣ, либеральный кружокъ раздумалъ посылать письмо къ князю, между тѣмъ въ Бѣлградѣ три дня праздновали вѣсть объ утвержденіи Милоша Портою. Примѣру столицы слѣдовали другіе города.

Первое, по полученіи всѣхъ этихъ извѣстій, засѣданіе скупщины происходило въ понедѣльникъ 5-го января. Стевча Михайловичъ увѣдомилъ скупщину о назначеніи его намѣстникомъ князя. Скупщина отвѣчала актомъ на имя временнаго правительства, совѣта и самого намѣстника. Указавъ на свой протестъ отъ 2-го января противъ назначенія княземъ, находящимся въ чужой землѣ, намѣстника себѣ, скупщина заключала: «Но такъ какъ князь сдѣлалъ это прежде, чѣмъ узналъ о постановленіи скупщины, и такъ какъ благоразуміе обязываетъ предупредить столкновеніе, которое могло бы быть опасно для нашей внутренней независимости, а также видя, что и самъ князь нашъ, дѣйствуя въ томъ же духѣ предосторожности, который руководилъ скупщиною, выбралъ своимъ намѣстникомъ именно то лицо, къ коему и скупщина имѣетъ полное довѣріе, послѣдняя, принимая съ радостною готовностью таковое рѣшеніе князя, и сама постановляетъ, чтобы подпредсѣдатель сербской народной скупщины, г. Стевча Махайловичъ, какъ намѣстникъ князя сербскаго, управлялъ землею и пользовался княжескою властью до прибытія князя». Затѣмъ скупщина постановила отпустить своего секретаря Ефрема Груича къ отправленію секретарскихъ обязанностей при княжескомъ намѣстникѣ, при чемъ Миша Анастасьевичъ предложилъ выразить Груичу отъ имени скупщины письменную благодарность за его дѣятельность при ней, что и было принято; секретаремъ же скупщины избранъ былъ Милованъ Янковичъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ прекращалась дѣятельность временнаго правительства, послѣднимъ актомъ котораго было подтвержденіе закона о постоянныхъ скупщинахъ, но, какъ уже было сказано, съ значительными измѣненіями противъ проекта, составленнаго самою скупщиной.

Digitized by Google

Шестаго января, не смотря на праздничный день, скупщина собралась въ чрезвычайное засѣданіе, чтобы выслушать прокламацію княжескаго намѣстника, приступившаго къ отправленію своихъ обязанностей. Хотя Угричичъ и требовалъ, чтобы въ прокламаціи было упомянуто о немъ, но Груичъ, писавшій прокламацію, отказался исполнить такое желаніе, и Гарашанинъ согласился съ тѣмъ. Наиболѣе важнымъ мѣстомъ прокламаціи было объявленіе намѣстника, что попечители, совѣтъ, скупщина и всѣ существующія власти и чиновники остаются при своихъ обязанностяхъ. Но Гарашанинъ тогда же заявилъ Стевчѣ, что намѣренъ просить увольненія отъ званія попечителя внутреннихъ дѣлъ, и какъ намѣстникъ ни упрашивилъ своего бывшаго товарища остаться въ министерствѣ, онъ подалъ просьбу объ отставкѣ. Скупщина же, по предложенію Миши Анастасьевича, отправила къ намѣстнику съ поздравленіемъ депутацію, въ составъ которой вошли всѣ чиновные члены скупщины и по одному представителю отъ каждаго округа. Стевча въ тотъ же день переѣхалъ въ княжескій дворецъ. 7-го января Гарашанинъ былъ уволенъ изъ министерства и перемѣщенъ въ совѣтъ, а попечителемъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ членъ совѣта Стоянъ Іовановичъ. 8-го января представители иностранныхъ державъ сдѣлали визиты княжескому намѣстнику. До тѣхъ поръ они принимали бумаги отъ временнаго правительства, но не отвѣчали, считая его не утвержденнымъ Портою.

Въ скупщинскомъ засѣданіи 8-го января, если вѣрить протоколамъ, не происходило ничего особенно важнаго. Но на самомъ дѣлѣ было не такъ. Сторонники Гарашанина намѣревались выступить въ этомъ засѣданіи съ предложеніемъ изъявить ему письменную благодарность за труды по созванію самой скупщины и за поддержку ея важнѣйшихъ рѣшеній. Но еще наканунѣ малый кружокъ соединенныхъ либераловъ и обреновцевъ пришелъ къ заключенію не давать Гарашанину одобрительнаго адреса и поручилъ Андрею Стаменковичу возражать, хотя и умѣренно, противъ предложенія въ этомъ смыслѣ. Дѣйствительно, предложеніе было сдѣлано; но Стаменковичъ, не имѣвшій привычки нападать на лица, молчалъ; тогда всталъ Сима Маричъ изъ Ужицы и произнесъ горячую рѣчь противъ предложенія. По его мнѣнію, не Гарашанинъ помогъ созвать скупщину, а обстоятельства, заставившія народъ собираться въ малыя скупщины еще въ августѣ. Онъ отрицалъ и заслуги Гарашанина предъ народнымъ

Digitized by Google

дѣломъ, ибо хотя министръ не противился прямо народнымъ стремленіямъ и желаніямъ, но былъ заодно съ Вучичемъ 11-го декабря, когда они пришли на скупщину и старались отвратить ее отъ провозглашенія Обреновича; затѣмъ министръ, не передавая власти лицамъ, назначеннымъ скупщиною, допустилъ составленіе заговора противъ нея, а 12-го, когда народъ и войско готовы были биться между собой до пролитія крови, онъ сидѣлъ дома и не хотѣлъ пристать къ народу, пока тотъ не одолѣлъ. Эта рѣчь коснулась Гарашанина прямо въ сердце и открыла глубокую пропасть между нимъ и соединенными либералами и обреновцами. Какъ бы то ни было, скупщина отказала въ благодарственномъ адресѣ; но Миша Анастасьевичъ и Милованъ Янковичъ уговорились между собой не заносить этого дѣла въ протоколъ. За то самъ Миша былъ польщенъ въ тотъ день прочтеніемъ предъ скупщиною письма Милоша на его имя: «Любезный мой Миша! писалъ старый князь, письмо ваше отъ 18-го декабря сильно меня обрадовало, ибо я увидалъ изъ него, что вы дышете чисто народнымъ духомъ и питаете общія съ народомъ чувства. На таковое заявленіе съ вашей стороны я всегда надѣлся и мнѣ пріятно, что я не ошибся. Поздравляю васъ съ почетнымъ именемъ народнаго человѣка! Вы показали дѣломъ, что были, стараетесь и теперь быть, а если Богъ продлитъ вашу жизнь, то и навсегда останетесь народнымъ человѣкомъ. Исторія и потомство будутъ говорить о васъ и о знаменитой народной скупщинѣ нынѣшней со славою, похвалою и благодарностью».

Въ томъ же засѣданіи прочтенъ былъ законъ о народной скупщинѣ, утвержденный временнымъ правительствомъ; но многіе изъ депутатовъ замѣтили, что правительственный законъ не во всемъ вѣренъ проекту, составленному скупщиной, и содержитъ въ себѣ такія перемѣны, которыя не могутъ быть угодны народной волѣ. Андрей Стаменковичъ говорилъ, что правительство должно было до утвержденія закона объяснить скупщинѣ основанія, по которымъ оно рѣшилось внести перемѣны въ проектѣ, а потомъ договориться о нихъ со скупщиною; но такъ какъ правительство этого не сдѣлало, то надо избрать коммисію для разсмотрѣнія правительственнаго закона и представленія скупщинѣ замѣчаній къ нему. Милованъ Янковичъ настаивалъ на томъ, что законъ о постоянныхъ скупщинахъ можетъ быть принятъ лишь въ томъ видѣ, въ какомъ былъ представленъ

Digitized by Google

святоандреевскою скупщиной, и что скорѣе слѣдуетъ расширить его, чѣмъ сокращать; ибо дальнѣйшія уступки могутъ лишить скупщину всѣхъ плодовъ ея дѣятельности, и въ виду такихъ обстоятельствъ предложилъ изъявить отъ имени скупщины неудовольствіе правительству. Миша Анастасьевичъ возражалъ, говоря, что было бы благоразумнѣе принять законъ о скупщинѣ въ томъ видѣ, какъ его утвердило правительство, и не дѣлать никакихъ покушеній для измѣненія его. Но депутатъ пожаревацкаго округа, Стоянъ Іовановичъ представилъ въ живой рѣчи, какъ весь народъ желаетъ, чтобы законъ о скупщинѣ былъ именно таковъ, какимъ представила его скупщина, которая не имѣетъ права ни подъ какимъ предлогомъ оставаться равнодушною къ общенародной волѣ, а должна всѣми силами стремиться, чтобы присвоить значеніе закона своему проекту, ибо только подъ его покровомъ скупщина можетъ быть свободна въ своихъ дѣйствіяхъ и постановленіяхъ. «Если, заключилъ онъ, мы не отказывались въ опасныя минуты исполнять народную волю, то зачѣмъ бы стали малодушествовать теперь въ заступничествѣ народныхъ интересовъ, когда всѣ непріятельскія покушенія въ этомъ смыслѣ такъ счастливо устранены». Послѣ долгихъ преній скупщина рѣшила наконецъ избрать особую коммисію для разсмотрѣнія и оцѣнки правительственнаго закона. Раздраженная неискренностью правительственныхъ дѣйствій, скупщина рѣшила снова потребовать отъ совѣта, чтобы онъ представилъ ей адресъ, которымъ совѣтники приглашали Карагеоргіевича возвратиться изъ крѣпости; кромѣ того, Сима Протичъ напомнилъ, что скупщина до сихъ поръ не получила отчета о дѣятельности всѣхъ министерствъ, начиная съ 1842 года, который потребовала еще въ одномъ изъ первыхъ засѣданій своихъ; а когда зашла рѣчь о свободѣ печати, то Милованъ Янковичъ предложилъ включить постановленіе о ней въ законъ о скупщинѣ.

Въ засѣданіи слѣдующаго дня пренія о скупщинскомъ законѣ продолжались. Миша Анастасьевичъ объявилъ, что, предлагая принять правительственный законъ, онъ не отказываетъ будущей скупщинѣ въ правѣ внести въ него необходимыя перемѣны. Не смотря на то, всѣ замѣчанія, сдѣланныя коммисіей, разсматривавшей правительственный законъ, были приняты. Въ нихъ между прочимъ включено было правило о свободѣ печати; сказано, что будущая скупщина созывается въ томъ же 1859 году, что попечители могутъ являться на скупщину лишь тогда, когда позоветъ

Digitized by Google

ихъ сама скупщина, или когда они имѣютъ сообщить ей какое либо предложеніе со стороны правительства; кромѣ того нѣкоторые изъ параграфовъ правительственнаго закона замѣнены были соотвѣтственными статьями прежняго проекта. Всѣ эти замѣчанія препровождены были въ совѣтъ при письмѣ, въ которомъ выражалось отъ имени скупщины сильное сожалѣніе, что правительство измѣнило ея проектъ. «Народная скупщина, говорилось въ письмѣ, полагаетъ, что въ цѣломъ свѣтѣ нельзя найти ничего умѣреннаго, если не признать умѣренными всѣ донынѣшнія дѣйствія не только скупщины, но и самаго народа сербскаго. Болѣе всего сожалѣетъ народная скупщина о заботливомъ стѣсненіи свободы въ ея законѣ по той причинѣ, что совѣтъ и бывшее временное правительство прямо обѣщали чрезъ ея депутаціи сообщить предварительно тѣ основанія, по которымъ измѣнены нѣкоторыя статьи въ законѣ, но это обѣщаніе не было исполнено. При всемъ своемъ желаніи руководиться духомъ умѣренности, народная скупщина не могла оставить полученный ею законъ безъ замѣчаній и проситъ совѣтъ и правительство усвоить ихъ отъ слова до слова, и при томъ не въ видѣ прибавленій къ закону, а включивъ въ него и перепечатавъ въ такомъ видѣ весь законъ, если не желаютъ оскорбить до глубины сердца народъ и его скупщину». Затѣмъ принято было предложеніе о введеніи устнаго и гласнаго судопроизводства въ Сербіи, какъ по гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ дѣламъ, объ изданіи особаго закона касательно адвокатовъ.

Десятаго января скупщина отправила въ совѣтъ депутацію, какъ съ требованіемъ прислать ей адресъ къ Карагеоргіевичу, такъ и для доставленія совѣту замѣчаній на законъ о скупщинѣ. Депутація возвратилась съ извѣстіемъ, что совѣтъ постарается отыскать и прислать адресъ, писанный 12-го декабря къ Карагеоргіевичу, и что совѣтъ не виноватъ въ томъ, что правительство не сообщило скупщинѣ, почему оно сочло нужнымъ внести измѣненія въ составленный ею законъ; ибо совѣтъ утвердилъ его безъ всякихъ перемѣнъ, а узнавъ объ измѣненіяхъ, сдѣланныхъ правительствомъ, взялъ слово съ бывшаго попечителя внутреннихъ дѣлъ сообщить о нихъ скупщинѣ прежде окончательнаго утвержденія закона, но попечитель не сдержалъ своего слова. Такимъ образомъ совѣтъ выставлялъ Гарашанина предъ святоандреевскою скупщиною главнымъ виновникомъ того искаженія, которое потерпѣлъ ея проектъ. Скупщина, выразивъ крайнее неудовольствіе

Digitized by Google

свое такимъ поступкомъ бывшаго попечителя внутреннихъ дѣлъ, не нашла однакожь оправданія въ томъ для совѣта, который не позаботился узнать, исполнено ли точно и вѣрно попечителемъ его порученіе по столь важному дѣлу и, не просмотрѣвъ закона, утвердилъ его въ искаженномъ видѣ. Совѣту не впервые было ссылаться на другихъ, тѣмъ болѣе что Гарашанинъ теперь былъ уже не у дѣлъ и считался только членомъ обвинявшаго его во всемъ совѣта; замѣчанія скупщины совѣтъ представилъ княжескому намѣстнику.

У Стевчи въ это время было много хлопотъ по дѣламъ этикета. Османъ-паша и Кабули-эфенди не хотѣли первые ѣхать къ нему съ визитомъ, ибо со временъ Карагеоргіевича сербскій князь сталъ являться къ представителямъ Порты прежде ихъ посѣщенія; это завелъ еще Авраамъ Петроніевичъ, бывшій при Карагеоргіевичѣ первымъ попечителемъ иностранныхъ дѣлъ. Но Стевча не хотѣлъ ѣхать въ крѣпость прежде, чѣмъ не получитъ визиты отъ Османа-паши и Кабули-ефенди. Гарашанинъ совѣтовалъ уступить, говоря, что пусть Милошъ измѣнитъ установившійся при Карагеоргіевичѣ порядокъ; Угричичъ держался того же мнѣнія, и Стевча отправился 9-го января съ визитами къ турецкимъ властямъ и иностраннымъ консуламъ. Кромѣ того къ Стевчѣ обращались съ просьбами о разныхъ лицахъ. Такъ Гарашанинъ писалъ ему, чтобы онъ постарался облегчить свиданіе тѣхъ совѣтниковъ и лицъ, которые были арестованы за участіе въ военномъ движеніи 12-го декабря и содержались теперь въ палилулскихъ казармахъ съ ихъ семействами. Онъ же просилъ Стевчу о священникѣ Динѣ, который желалъ получить мѣсто при войскѣ. «Я не могъ успѣть въ томъ при бывшемъ князѣ Александрѣ, писалъ Гарашанинъ; попъ Дина преданъ и душою и сердцемъ нынѣшнему положенію дѣлъ, но я рекомендую его въ войсковые священники за его отличное и истинно духовное поведеніе. Мнѣ не прилично говорить о его страданіяхъ; онъ самъ вамъ о нихъ раскажетъ. Если вы исполните его желаніе, то снимете съ меня долгъ, который остался за мною предъ этимъ человѣкомъ; а если скажете ему, что я помогъ ему въ томъ, тогда я совершенно расплатился съ нимъ». Стевча исполнилъ просьбу Гарашанина. Къ Стевчѣ присылались письма и изъ-за границы. Стефанъ Радичевичъ, бывшій министромъ во время перваго правленія князя Михаила, писалъ изъ Нейдорфа подъ Вѣной отъ 7-го января: «Вѣсть о знаменитомъ движеніи въ Сербіи до-

Digitized by Google

стигла и до окрестностей села, въ которомъ я пребываю по неволѣ. Всѣ тяжести и бѣдствія, отъ которыхъ я страдалъ въ продолженіи столькихъ лѣтъ, облегчены нынѣ увѣренностію, что сербство возстановленіемъ своего наслѣдственнаго князя омыло грѣхъ, который долго препятствовалъ его успѣхамъ. Въ виду такъ отважно доказаннаго здраваго разума народнаго должны умолкнуть и искорениться чьи бы то ни было искательства получить престолъ Сербіи. Если эти люди не могутъ понять общей пользы отъ прекращенія такихъ происковъ, раждающихъ несчастія, то пусть всегда помнятъ о преградѣ, которую имъ полагаетъ народная воля. Эта общая, нынѣ явная, воля всегда была именно такою, но интриги себялюбцевъ заглушали ее. Берегитесь же, чтобъ и теперь не быть обманутыми кѣмъ нибудь и не помрачить этой воли. Вѣрный всегда началамъ, которыя народъ сербскій заявилъ нынѣ предъ цѣлымъ свѣтомъ, считаю долгомъ привѣтствовать успѣхъ, коимъ вы вмѣстѣ съ народомъ завершили истекшій годъ, и прошу васъ одобрить выраженіе моей радости о нынѣшнихъ дѣлахъ вашихъ въ такой же мѣрѣ, въ какой я желаю, чтобы вы наполнили сей 1859 годъ твердымъ законнымъ порядкомъ и чрезъ то еще болѣе показали свѣту, кто этотъ Стевча?»

Между тѣмъ почти ежедневно получались депеши отъ Милоша. 7-го января онъ телеграфировалъ Ильѣ Гарашанину, въ минуту его выхода въ отставку: «Сегодня отсылаю большую часть депутаціи, а завтра съ остальными отправляюсь въ путешествіе; въ воскресенье буду въ Крайовѣ, въ понедѣльникъ въ Турнъ-Северинѣ; на берегъ схожу близъ Кладова; извѣстите власти». Милошъ однакожь не зналъ точно, когда и какимъ путемъ выѣдетъ изъ Букарешта, но, по старому обычаю, замѣталъ свой слѣдъ. Гарашанинъ поспѣшилъ сообщить Стевчѣ полученное имъ извѣстіе. Онъ писалъ намѣстнику: «Прилагаю при семъ мою телеграму отъ его свѣтлости. Прошу васъ назначить скорѣе преемника мнѣ, дабы я могъ указать ему, что необходимо сдѣлать теперь же для княжеской встрѣчи». Дѣйствительно, Милошъ располагалъ добраться до сербскаго берега сухимъ путемъ, и часть депутаціи, отправленная имъ впередъ, уже достигла Слатины, когда ее догналъ посланный съ письмомъ отъ князя, извѣщавшаго, что дунайское общество предоставило въ его распоряженіе пароходъ, и чтобъ уѣхавшіе впередъ депутаты направились къ Журжеву. Но исполнить это приказаніе Милоша

Digitized by Google

было уже не когда; Милошъ поспѣшилъ выѣхать въ Журжево съ остальными депутатами и отправилъ оттуда телеграму на имя Стевчи: «На пароходѣ «Сечени» выѣзжаю сегодня въ 8 часовъ утра отсюда на Турнъ-Северинъ. Извѣстите объ этомъ князя Михаила». Но, не доѣхавъ до упоминаемаго въ депешѣ города, Милошъ сошелъ на сербскій берегъ въ воскресенье 11-го января, въ селеніи Радуевцѣ, а пороходъ отправился къ Турнъ-Северину и привезъ оттуда въ Радуевацъ депутатовъ, отправившихся изъ Букарешта сухимъ путемъ. Въ Бѣлградѣ и другихъ городахъ Сербіи тотчасъ же были получены извѣстія о томъ, что старый князь вступилъ на родную почву. Событіе это вызвало новыя празднества во всѣхъ округахъ Сербіи. Въ самомъ Радуевцѣ устроена была торжественная встрѣча Милошу. Неготинскій епископъ Герасимъ, сопровождаемый двумя священниками, встрѣтилъ Милоша при сходѣ съ парохода. Послѣ принятія хлѣба и соли, съ обычнымъ при этомъ случаѣ намекомъ на возстановленіе такой же тѣсной связи между старымъ княземъ и его народомъ, какая существуетъ между хлѣбомъ и солью, Милошъ, ступая на землю, перекрестился и проговорилъ: «Хвала великому Богу, который помогъ мнѣ освободить эту землю отъ чужого ярма и тиранства; хвала ему за великую помощь, оказанную моему народу и мнѣ, возвратившую меня нынѣ въ отечество. Молю тебя, милостивый Боже, даруй мнѣ силы и помощь, да буду истиннымъ отцомъ моимъ милымъ сынамъ—сербамъ». Затѣмъ, обратившись къ народу, князь привѣтствовалъ его словами: «Доброе утро, дѣти мои!» Изъ Радуевца, въ сопровожденіи большой толпы коннаго и пѣшаго народа, Милошъ отправился въ Неготинъ и послалъ оттуда въ Бѣлградъ депешу, для передачи ее князю Михаилу, съ приказаніемъ: «Тотчасъ же собирайся въ путь ко мнѣ на встрѣчу». Депеша передана была въ Вѣну, и вечеромъ 11-го января Стевча получилъ отвѣтъ отъ Цукича, проживавшаго въ столицѣ Австріи въ качествѣ члена международной коммисіи по дунайскому вопросу: «Ваши депеши получены; но князь еще сего дня утромъ уѣхалъ безъ княгини по желѣзной дорогѣ чрезъ Вершацъ въ Базіяшъ. Если князь Милошъ поѣдетъ водой, то князь Михаилъ будетъ ждать его въ Базіяшѣ и потомъ отправится вмѣстѣ съ нимъ; если же князь Милошъ ѣдетъ сухимъ путемъ, то Михаилъ перейдетъ въ Смедеревѣ на сербскій берегъ за день до Милоша, и потомъ вмѣстѣ съ нимъ поѣдетъ въ Бѣлградъ. Извѣстите о томъ Михаила по телеграфу въ Вершацъ. Въ Смедеревѣ встрѣтьте

Digitized by Google

его просто, безъ всякихъ церемоній.» Въ Неготинѣ Милошъ оставался нѣсколько дней въ ожиданіи турецкаго чиновника, ѣхавшаго съ братомъ; туда явились для сопровожденія стараго князя сынъ Стевчи, Миланъ, и племянникъ Гарашанина, Петръ; а смедеревцы готовились встрѣтить князя Михаила. Попечитель иностранныхъ дѣлъ, Стефанъ Магазиновичъ получилъ изъ Смедерева 12-го января телеграму отъ начальника рудницкаго округа, Младена Жуевича, Гарашанинова свояка: «Депутація, которая завтра утромъ идетъ въ Ковинъ (на австрійскомъ берегу) для встрѣчи князя Михаила, желаетъ привѣтствовать его въ самомъ городѣ, но безъ визировки консульской не можетъ вступить туда; нужно, чтобы консулъ телеграфировалъ ковинскому маіору о дозволеніи депутаціи явиться въ Ковинъ.»

Между тѣмъ скупщина продолжала заниматься вопросомъ о своемъ законѣ. Въ засѣданіи 12-го января Милованъ Янковичъ передалъ народнымъ представителямъ сообщеніе намѣстника, что для соглашенія между скупщиной, совѣтомъ и правительствомъ необходимо уговориться: чтобы о свободѣ печати изданъ былъ отдѣльный законъ; чтобы число депутатовъ на будущихъ скупщинахъ было ограничено однимъ человѣкомъ на тысячу податныхъ душъ, и лишь въ такомъ случаѣ можетъ быть внесено въ законъ, что скупщина собирается каждый второй, а не третій, годъ; чтобы попечители могли присутствовать во всѣхъ засѣданіяхъ скупщины и давать необходимыя объясненія. Скупщина, тщательно разсмотрѣвъ всѣ эти предложенія, не нашла никакихъ основаній для того, чтобы въ законѣ о ней не упоминалось о свободѣ печати, признала, что большее число депутатовъ (по два съ тысячи) даетъ ей большее значеніе и силу, и что для самостоятельности скупщины необходимо, чтобы попечители, по крайней мѣрѣ, еще на нѣсколько лѣтъ, не имѣли права являться во всѣ ея засѣданія. Принявъ все это во вниманіе, скупщина единогласно опредѣлила, что она уже сдѣлала достаточныя уступки правительству, не можетъ идти далѣе по сему пути и остается при своемъ послѣднемъ рѣшеніи. На это Миша Анастасьевичъ замѣтилъ, что къ общему рѣшенію о скупщинскомъ законѣ надо прибавить, что всякая чрезвычайная скупщина можетъ рѣшать только чрезвычайныя дѣла, а не пускаться въ обсужденіе вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію обыкновенныхъ скупщинъ, и не можетъ отмѣнять постановленія послѣднихъ. Къ мнѣнію Миши присоединился предсѣдатель

Digitized by Google

окружнаго суда въ Крушевцѣ Аксентій Марковичъ, доказывавшій съ другой точки зрѣнія, что всякая чрезвычайная скупщина не можетъ быть иначе разсматриваема, какъ орудіе правительства. Милованъ Янковичъ возразилъ на это, что «въ законѣ предвидѣны и указаны необходимыя и достаточныя средства, чтобы чрезвычайная скупщина не могла сдѣлаться орудіемъ правительства, а именно: съ одной стороны, чрезвычайная скупщина, точно такъ же какъ и обыкновенная, должна состоять изъ народныхъ депутатовъ, избранныхъ на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, а съ другой стороны, не можетъ быть меньшею по числу членовъ, но скорѣе большею; а потому было бы противорѣчіемъ утверждать, что народъ то имѣетъ, то не имѣетъ довѣрія къ самому себѣ, и было бы безсмыслицей, еслибы народъ свои собственныя права то расширялъ закономъ относительно самого себя, то ограничивалъ!» Послѣ такого возраженія скупщина опредѣлила единогласно, кромѣ самого Миши и Марковича, что не можетъ усвоить предложенія своего предсѣдателя.

Раздраженіе скупщины, вызванное постояннымъ противодѣйствіемъ правительства ея закону о будущихъ скупщинахъ, видимо увеличивалось; но оно усилилось еще болѣе, когда Милованъ Янковичъ произнесъ рѣчь, въ которой живо представилъ несообразность такихъ совмѣстныхъ явленій, какъ давно желанное возвращеніе въ отечество князя Милоша и присутствіе въ странѣ многихъ заклятыхъ враговъ его самого, его семейства и цѣлаго народа, которые занимаютъ и важнѣйшія служебныя мѣста: «нашъ народъ не обнаружилъ бы ни малѣйшей политической мудрости, заключилъ Янковичъ, еслибы такихъ людей еще прежде, чѣмъ князь прибудетъ въ Бѣлградъ, не выгналъ, однихъ изъ службы, а другихъ изъ земли, ибо они, по извѣстной подлости своей, снова бы измѣнили князю Милошу и погубили бы землю и его самого». Такими словами ораторъ взывалъ къ страстямъ простыхъ обреновцевъ, начинавшихъ сознавать свою силу послѣ извѣстія, что Милошъ уже вступилъ на сербскую почву. Это была первая уступка со стороны кружка соединенныхъ либераловъ и сознательныхъ обреновцевъ тому накипѣвшему чувству ненависти, которое питали къ открытымъ приверженцамъ Карагеоргіевича всѣ безусловные сторонники возстановленной теперь династіи, пострадавшіе при павшемъ князѣ. Такъ какъ, за отсутствіемъ Илича и Груи-

Digitized by Google

ча, Янковичъ былъ единственнымъ представителемъ тѣснаго кружка либераловъ въ этомъ засѣданіи, то впослѣдствіи правительственная партія и винила главнымъ образомъ его за то постановленіе скупщины, которое было вызвано его рѣчью. Скупщина единогласно постановила, что, при всемъ своемъ человѣколюбіи и великодушіи, которому останется вѣрна и впредь, она не можетъ быть столь малоумною, чтобы снова предоставить старымъ волкамъ своихъ отбѣглыхъ ягнятъ; самую же рѣчь Янковича опредѣлила напечатать особой брошюрой вмѣстѣ съ рѣчью, сказанною имъ 19-го декабря.

Отъ общаго рѣшенія уже не трудно было перейти къ частнымъ примѣненіямъ. Депутатъ ужицкаго округа, Гаврило Милошевичъ, изъ села Біоски, обратился къ скупщинѣ съ просьбой, чтобы прежде всего не только удалены были изъ службы, но и немедленно прогнаны изъ земли нѣкоторые наиболѣе опасные люди, которыхъ, быть можетъ, не всякій хорошо знаетъ, ибо они всегда только приготовятъ величайшія бѣды и несчастія, потомъ подсунутъ ихъ другимъ, а тѣ исполнятъ ихъ, они же сами всегда остаются чистыми и невинными и предъ закономъ и предъ людьми. Такими наиболѣе опасными лицами изъ числа многихъ другихъ Милошевичъ назвалъ четырехъ: Аѳанасія Николича—помощника попечителя внутреннихъ дѣлъ, Якова Живановича—помощника попечителя правосудія и народнаго просвѣщенія, Тимоѳея Княжевича—члена кассаціоннаго суда и Франца Заха—управителя военной академіи, родомъ изъ Моравіи. Къ этому Милошевичъ прибавилъ, что могъ бы и еще одного помѣстить въ число такихъ людей, но изъ уваженія къ его священному званію было бы лучше, еслибы Сербія избавилась отъ него какимъ либо инымъ способомъ, и еслибъ чрезъ него не предалось поруганію носимое имъ званіе, которое народъ привыкъ почитать. Обвинитель разумѣлъ при этомъ митрополита Петра, который былъ однимъ изъ давнихъ сторонниковъ Карагеоргіевича и непріятелей Милоша. Вслѣдствіе такого предложенія, скупщина единодушно приняла письмо на имя совѣта, гласившее такъ: «Народная скупщина, какъ вѣрное выраженіе народныхъ жалобъ, желаній и чувствованій, вынуждена заявить совѣту, что народъ считаетъ нѣкоторыхъ чиновниковъ своими заклятыми и кровными злодѣями; ибо твердо увѣренъ, что они во всѣ времена, при всѣхъ князьяхъ и старѣйшинахъ, были подкожными клещами, которые сосали кровь

Digitized by Google

изъ народа». Приведя имена вышеназванныхъ лицъ, скупщина продолжала въ своемъ письмѣ: «нѣкоторыя дѣла каждаго изъ этихъ людей народъ стыдится передать своими устами, но вообще всѣ четверо суть такіе люди, которые словно тайные черви—иные сплятнями и доносами, подъ видомъ служебныхъ обязанностей, иные неприличнымъ и развратнымъ поведеніемъ въ частной жизни—подгрызали сердце и источники народнаго существованія. Цѣлому свѣту извѣстны умѣренность и великодушіе народа нашего, да и скупщина достаточно засвидѣтельствовала, на сколько она была въ этомъ отношеніи истиннымъ и вѣрнымъ выраженіемъ и зеркаломъ народныхъ мыслей и чувствованій; но народная скупщина не смѣетъ обращаться легкомысленно съ этими добродѣтелями и оставлять ядовитыхъ непріятелей народа своего, дабы они, пользуясь и далѣе свободою, распространялись по нашей, дорогою цѣною окупленной, но страшными грѣхами, далъ Богъ, еще не зараженной, землѣ. А потому скупщина воздвигаетъ нынѣ единодушный кликъ сербскаго народа, желая спасти землю и населеніе ея отъ такихъ злыхъ и несчастныхъ существъ; потому она неотступно требуетъ, чтобы помянутые четыре человѣка тотчасъ же были прогнаны изъ земли, по предварительномъ отнятіи у нихъ всѣхъ сербскихъ званій и чиновъ, и чтобы объявлено было, что они болѣе не смѣютъ осквернять своими ногами нашу чистую и невинную землю». Это постановленіе было какъ-бы отвѣтомъ на тягостное воспоминаніе о томъ, что ровно мѣсяцъ назадъ сторонники Карагеоргіевича осмѣлились поднять оружіе противъ народа. 12-го декабря произошла послѣдняя попытка раздавить народную волю со стороны людей, столько лѣтъ господствовавшихъ надъ Сербіей именемъ Карагеоргіевича; 12-го января послѣдовала первая рѣшительная кара надъ людьми, которые, справедливо, или нѣтъ, считались общественнымъ мнѣніемъ наиболѣе ненавистными орудіями прежнихъ правителей.

Скупщина не ограничилась въ этотъ день замѣчаніями бывшему временному правительству и совѣту и наказаніемъ людей непріятныхъ народу, но рѣшилась прямо высказать свое мнѣніе и о дѣйствіяхъ Порты. Милованъ Янковичъ, указавъ на нѣкоторыя мѣста въ депешѣ Порты, сообщенной чрезъ Кабули-эфенди временному правительству, а чрезъ него скупщинѣ, назвалъ ихъ стѣсняющими и ограничивающими добытыя кровью права сербскаго народа; и потому предложилъ, а скупщина единогласно

Digitized by Google

приняла слѣдующія рѣшенія: «Народная скупщина ничего не знаетъ и не хочетъ знать объ отставкѣ бывшаго князя Александра Карагеоргіевича, о которой упоминается въ депешѣ, ибо скупщина свергла его, какъ неспособнаго и невѣрнаго своему народу владѣтеля, съ княжескаго достоинства; скупщина не знаетъ и не признаетъ существующимъ никакого правила, по которому сербскіе князья должны являться въ Цареградъ для своего утвержденія, и потому рѣшаетъ, что сербскій князь ни прежде, чѣмъ вступитъ на престолъ, ни послѣ того не можетъ отправляться въ подобныя путешествія, пока скупщина не изъявитъ на то своего согласія; скупщина считаетъ необходимымъ изданіе закона, чтобы на случай осиротѣнія княжескаго престола нынѣшній наслѣдникъ князь Михаилъ, а равно и будущіе законные наслѣдники, тотчасъ же получали княжескую власть и верховное управленіе землей на основаніи сего самаго закона; скупщина снова проситъ совѣтъ, чтобы онъ постарался о скорѣйшемъ представленіи Портѣ перваго скупщинскаго адреса, ибо совѣтъ до сихъ поръ не исполнилъ сего, что скупщина узнала съ величайшимъ неудовольствіемъ». Засѣданіе кончилось предложеніемъ протоіерея Игната Васича изъ Лозницы, одобреннымъ скупщиною единогласно, чтобы всѣ погибшіе въ политическихъ переворотахъ съ 1842 года или убитые подъ предлогомъ, что они были политическими преступниками, соединены были отнынѣ въ общей могилѣ, а кости священниковъ, погибшихъ по тѣмъ же причинамъ, перенесены были въ церкви, при которыхъ они служили. Это засѣданіе скупщины задало большаго страху всѣмъ, кто былъ прежде противъ нея или не съ нею, и навлекло много хлопотъ совѣту и намѣстнику. А между тѣмъ Милошъ начиналъ уже распоряжаться съ полнымъ сознаніемъ своей власти и проявлялъ въ каждомъ шагѣ пониманіе народнаго духа. Вечеромъ 12-го января получена была въ Бѣлградѣ депеша изъ Крагуевца такого содержанія: «Здѣшнимъ войскамъ присланъ слѣдующій приказъ: дѣти! чтобы исполнились и мои и ваши желанія, отправьтесь въ Тюпрію, гдѣ могъ бы видѣть васъ отецъ вашъ, князь *Милошъ*».

Тринадцатаго января совѣтъ и намѣстникъ должны были дать свои рѣшенія на постановленія, изданыя скупщиною наканунѣ. Скупщина съ утра приняла грозное положеніе. Андрей Стаменковичъ въ началѣ засѣданія предложилъ отправить депутацію въ совѣтъ съ требованіями: чтобы законъ о скупщинѣ былъ утверж-

*

Digitized by Google

денъ безъ отлагательства согласно съ примѣчаніями, составленными коммисіей; чтобы совѣтъ не медлилъ далѣе присылкою своего адреса, писаннаго къ Карагеоргіевичу 12-го декабря; чтобы совѣтъ не расходился изъ своихъ засѣданій ранѣе скупщины, которая можетъ въ такомъ случаѣ сообщать ему свои рѣшенія благовременно, и чтобы совѣтъ исполнилъ скупщинское опредѣленіе относительно четырехъ лицъ, признанныхъ наканунѣ врагами народа. Депутація отправилась въ совѣтъ, и въ ея отсутствіе разсмотрѣно было нѣсколько предложеній, касавшихся внутренняго устройства Сербіи, въ томъ числѣ объ устраненіи консульской юрисдикціи. Возвратившись, депутація принесла извѣстіе, что совѣтъ не могъ отыскать своего адреса къ Карагеоргіевичу, ибо оригиналъ его остался у совѣтниковъ, отправлявшихся 12-го декабря съ войскомъ въ крѣпость, а черновой отпускъ пропалъ со стола въ то время, когда остальные совѣтники находились въ казармахъ; что совѣтъ одобрилъ примѣчанія скупщины на новоизданный законъ о ней и обѣщалъ учинить съ своей стороны рѣшеніе относительно указанныхъ скупщиною четырехъ лицъ, а засѣданія свои будетъ закрывать по окончаніи скупщинскихъ. По выслушаніи этихъ сообщеній, скупщина отправила депутацію къ намѣстнику съ просьбой о принятіи ея замѣчаній на законъ, о допросѣ арестованныхъ совѣтниковъ касательно адреса къ Карагеоргіевичу и объ изгнаніи изъ Сербіи лицъ, объявленныхъ скупщиною внѣ закона. Намѣстникъ также обѣщалъ удовлетворить скупщинскія желанія. Но на дѣлѣ было не совсѣмъ такъ. Совѣтъ первый разъ послѣ того, какъ издалъ 13-го декабря оправдательный актъ своихъ дѣйствій, рѣшился отказать скупщинѣ на ея требованіе удалить четырехъ опальныхъ лицъ, считая это противнымъ уставу; но, утративъ въ послѣдній мѣсяцъ всякую нравственную силу и правительственное значеніе, счелъ за лучшее представить все дѣло на благоусмотрѣніе Стевчи Михайловича. Совѣтъ сильно боялся, чтобы потомъ очередь скупщинскихъ преслѣдованій не дошла и до него. Намѣстникъ рѣшилъ это дѣло слѣдующимъ образомъ: троихъ между опальными лицами онъ удалилъ отъ исправленія должности, но оставилъ за ними пенсію и званія; Заха же, какъ человѣка полезнаго своими свѣдѣніями по военнымъ наукамъ, оставилъ на службѣ. Что касается скупщинскаго закона, то Стевча, подъ вліяніемъ Груича, исправилъ его согласно съ представленными ему замѣчаніями и подтвердилъ отъ имени князя. Допросъ же арестованныхъ совѣт-

Digitized by Google

никовъ объ адресѣ къ Карагеоргіевичу не привелъ ни къ чему. Кромѣ того Стевча поставленъ былъ въ затруднительное положеніе полученною имъ въ тотъ день телеграмою Милоша, все еще жившаго въ Неготинѣ и приказывавшаго: «Подвергните тотчасъ же допросу предсѣдателя совѣта, Вучича, который былъ причиною насильнаго собиранія денегъ на памятникъ Карагеоргію; разслѣдуйте, что съ этими деньгами сдѣлано и гдѣ онѣ находятся; также поручается вамъ розыскать все, что сдѣлано противъ закона; однимъ словомъ, дѣйствуйте безъ пристрастія, не медлите и не отлагайте до моего возвращенія». Стевча однакожь рѣшился не исполнить требованія князя и, переговоривъ съ Груичемъ, скрылъ депешу отъ остальныхъ.

Было еще одно лицо, въ судьбѣ коего день 13-го января имѣлъ рѣшительное значеніе: то былъ митрополитъ Петръ Іовановичъ. Онъ уже зналъ, что наканунѣ въ скупщинѣ произносили его имя съ порицаніями и готовились выступить на другой день съ очень тяжкими обвиненіями противъ него. Въ 1839 году, во время сверженія князя Милоша, онъ выходилъ къ солдатамъ на Трешню и склонялъ ихъ сложить оружіе, поднятое за Милоша. Приверженцы Обреновичей не любили его не только за этотъ поступокъ, но и за противодѣйствіе князю Михаилу, наслѣдовавшему послѣ отца своего. Съ 1842 года митрополитъ Петръ былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ правительству Карагеоргіевича и участвовалъ въ его главнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Онъ не пользовался даже расположеніемъ подвластнаго ему духовенства. Многіе изъ протоіереевъ, имѣющихъ въ Сербіи значеніе благочинныхъ, были съ нимъ во враждѣ. Въ народѣ, особенно въ Бѣлградѣ, ходило много расказовъ о томъ, какъ онъ, пользуясь большимъ жалованіемъ, мало заботился о церковныхъ дѣлахъ, бралъ значительныя деньги при поставленіи священниковъ, при брачныхъ разводахъ, при разрѣшеніи браковъ между родственниками. Народъ зналъ кое-что и о его не совсѣмъ нравственной жизни. Наконецъ подобно тому, какъ злоупотребленія чиновниковъ пали на голову сверженнаго князя, такъ и злоупотребленія нѣкоторыхъ протоіереевъ повредили митрополиту. Въ эпоху, о которой у насъ идетъ рѣчь, ему было около 59 лѣтъ (родился 18 февраля 1800 года). По происхожденію своему, онъ былъ изъ венгерскихъ сербовъ; родившись въ Илокѣ, учился въ Карловцахъ и Сегединѣ, въ продолженіи десяти лѣтъ служилъ професоромъ въ карловацкой гимназіи, но въ 1831 году перешелъ въ Сербію

Digitized by Google

и вскорѣ сдѣлался секретаремъ княжеской канцеляріи. Не принадлежала еще къ иноческому чину, онъ содѣйствовалъ устройству въ Бѣлградѣ консисторіи и богословской школы, назначенію постояннаго жалованья членамъ консисторіи, професорамъ богословской школы и окружнымъ протоіереямъ, а также денежнаго пособія отъ правительства общежительнымъ монастырямъ. Въ 1853 году онъ принялъ монашество и въ концѣ того же года, при началѣ восточной войны, посвященъ былъ въ митрополита Сербіи цареградскимъ патріархомъ, но рѣдко служилъ и еще рѣже проповѣдывалъ. Его связи съ партіей Карагеоргіевича были уже послѣдними причинами нерасположенія, возбужденнаго противъ него въ скупщинѣ. Но собственно тѣсный кружокъ соединныхъ либеровъ и сознательныхъ обреновцевъ былъ равнодушенъ къ его дѣлу. Никто изъ членовъ этого кружка не подбивалъ народъ противъ митрополита, но ни одинъ изъ нихъ и не мѣшалъ заявленіямъ противъ него. Когда на частныхъ сходкахъ членовъ скупщины стали раздаваться порицанія митрополиту, то нѣкоторые изъ священниковъ увѣдомили его о томъ, а утромъ 13-го января къ нему явились изъ скупщины три протоіерея и сообщили, что скупщина хочетъ приступить къ пересмотру его дѣйствій. Митрополитъ тотчасъ же поѣхалъ въ княжескій дворецъ, гдѣ нашелъ Стевчу и Груича. Сперва онъ совѣтовался съ намѣстникомъ: то хотѣлъ самъ явиться среди скупщины для принесенія оправданій, то покидалъ эту мысль; наконецъ обратился къ Груичу съ просьбой отправиться на скупщину и убѣдить, чтобы въ тотъ день не подымали вопроса о немъ, обѣщая къ вечеру представить просьбу объ отставкѣ. Хотя Груичъ выражалъ сомнѣніе, будетъ ли успѣхъ отъ такого порученія, но митрополитъ думалъ, какъ и многіе другіе въ то время, что скупщина послушается совѣтовъ Груича. Митрополитъ говорилъ секретарю намѣстника, что если онъ отклонитъ пренія въ скупщинѣ на одинъ день, то у обвиняемаго останется довольно времени, чтобы подумать о болѣе приличномъ рѣшеніи своей участи, ибо на другой день приходился важный въ Сербіи праздникъ св. Саввы, просвѣтителя сербскаго [1]). Груичъ поспѣшилъ въ скупщину и, взойдя на прежнее мѣсто свое, началъ съ сообщенія о томъ, что князь Михаилъ долженъ вступить въ слѣдующій день на сербскую землю. Послѣдовало изъявленіе радости

[1]) Въ Сербіи память св. Саввы празднуютъ не 12 января, какъ у насъ, но 14.

Digitized by Google

со стороны скупщины. Въ эту минуту Груичъ узналъ отъ Милована Янковича, что о митрополитѣ еще не говорили ни слова. Груичъ сталъ просить скупщину, чтобы отложили пересмотръ дѣлъ главы сербской церкви. Нѣкоторые согласились на это; иные прибавляли: «Завтра большой праздникъ!» Никола Маринковичъ изъ Ужицы всталъ и обратился къ Груичу со словами: «Знаешь ли что, господинъ! если ты просишь, то мы послушаемъ тебя и не станемъ говорить о митрополитѣ до полудня, а послѣ того не можемъ поручиться за себя». Груичъ отвѣтилъ: «Если не затронете до полудня, то зачѣмъ подымать дѣло и послѣ того?» Многіе выражали свое согласіе. Груичъ попросилъ Мишу Анастасьевича собрать обычнымъ порядкомъ голоса по этому вопросу. Отвѣтъ оказался благопріятный, и Груичъ возвратился съ извѣстіемъ о томъ во дворецъ; но о его появленіи въ скупщинѣ не было занесено въ протоколы. Митрополитъ поѣхалъ къ себѣ, чтобы обдумать свое рѣшеніе; но долго колебался, призывая на совѣщаніе протоіереевъ, которыхъ считалъ пріятелями себѣ. Наконецъ написалъ просьбу объ отставкѣ, хотѣлъ уже отвезти ее къ Стевчѣ, но при сходѣ съ крыльца у него посыпались слезы градомъ; онъ вернулся въ свой кабинетъ, заперся тамъ и горько плакалъ. Многіе изъ священниковъ приходили къ нему, но онъ не принималъ ихъ. Въ минуты горести намѣревался идти въ скупщину и потомъ снова отказывался отъ такого намѣренія. Пополудни объявилъ приближеннымъ, что не подастъ просьбы объ отставкѣ, а на другой день раннимъ утромъ отвезъ ее къ намѣстнику. Стевча немедленно предписалъ попечителю народнаго просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ принять просьбу митрополита, а отправленіе его должности поручилъ шабацкому епископу Михаилу, къ которому народъ питалъ любовь и коего духовенство почитало. Шабацкій епископъ былъ родомъ изъ алексинацкаго округа; ему еще не было и 33 лѣтъ (родился 19 августа 1826 года). Высшее образованіе онъ получилъ въ кіевской духовной академіи, гдѣ кончилъ курсъ со степенью магистра богословія, и принялъ монашескій чинъ въ Кіево-Печерской лаврѣ, въ тотъ же годъ, какъ митрополитъ Петръ; по возвращеніи на родину, онъ былъ нѣкоторое время професоромъ догматическаго богословія и гомилетики въ бѣлградской семинаріи, а 14-го октября 1854 года возведенъ въ епископа шабацкой епархіи.

Въ день св. Саввы службу въ митрополичьей церкви отправлялъ уже епископъ Михаилъ. Въ этотъ день соборная церковь

Digitized by Google

сербской столицы получила драгоцѣнные подарки изъ Россіи отъ нѣкоторыхъ почитателей Сербіи «на память о тѣхъ свѣтлыхъ и благородныхъ дѣлахъ, которыя сербскій народъ совершилъ въ послѣдніе дни». Между подарками были напрестольное евангеліе, крестъ украшенный дорогими каменьями, пелена на престолъ и двѣ иконы, Спасителя и Матери Божіей, въ золотыхъ ризахъ. Иконы предназначены были для встрѣчи князя Милоша при первомъ вступленіи его въ бѣлградскую соборную церковь. Въ тотъ же день въ бѣлградскомъ лицеѣ происходило годичное торжество въ присутствіи депутаціи отъ народной скупщины, при чемъ Ефремъ Груичъ привѣтствовалъ лицей отъ имени князя и его намѣстника, а Милованъ Янковичъ отъ имени скупщины. Въ тотъ же день стало извѣстно въ Бѣлградѣ, что Милошъ получилъ телеграму отъ Фуадъ-паши съ новымъ приглашеніемъ ѣхать въ Константинополь, но опять отговорился своими преклонными лѣтами. Вечеромъ пришло извѣстіе изъ Смедерева о прибытіи туда князя Михаила, на встрѣчу коему выходила на австрійскій берегъ большая депутація. Михаилъ обнаружилъ при первомъ свиданіи съ сербами память о многихъ людяхъ, которыхъ не видалъ въ продолженіе шестнадцати лѣтъ и теперь снова встрѣтилъ. Изъ Смедерева молодой князь намѣревался отправиться къ отцу чрезъ Пожаревацъ, не въ далекѣ отъ коего, при впаденіи Моравы въ Дунай, ему готовилась великолѣпная встрѣча отъ всего окрестнаго населенія. Появленіе на сербской землѣ князя Михаила вызвало новое воодушевленіе во всей странѣ. Изъ Крагуевца послана была ему телеграма, въ которой говорилось: «Время и голосъ народа возвратили вашу свѣтлость въ отечество. Вмѣстѣ съ цѣлымъ народомъ радуется тому отъ всего сердца и община крагуевацкая и привѣтствуетъ ваше прибытіе на родину искреннимъ «милости просимъ», моля Бога продлить на многія лѣта жизнь наслѣдника сербскаго престола Михаила Обреновича, нашей надежды на блистательную будущность Сербіи».

(*Окончаніе въ слѣдующей книгѣ*).

Digitized by Google

МЕКСИКА

и

ИМПЕРАТОРЪ МАКСИМИЛІАНЪ.

Романъ Герштекера.

V.

Въ одной изъ мексиканскихъ пульквері́й, извѣстной подъ названіемъ пульквері́и «Недовольныхъ», за большимъ столомъ засѣдало нѣсколько генераловъ, изъ числа измѣнившихъ Хуарецу и перешедшихъ на сторону императора. Большіе стаканы съ пульквою стояли передъ ними; они усердно пили и не менѣе усердно бранили новое правительство. Дѣйствительно, въ положеніи этихъ людей было что-то роковое: крайне плохое образованіе отнимало у нихъ всякую возможность быть полезными общественными дѣятелями въ мирное время. Внѣ войны и мятежей, существованіе ихъ утрачивало смыслъ. Они съ дѣтства привыкли къ буйной жизни, росли въ ней и не постигали возможности другой. Что же, кромѣ брани, оставалось имъ теперь, когда они, покинувъ партію либераловъ, примкнули къ этому гордому чужеземному императору, который не только не хочетъ пользоваться ихъ военными способностями, но даже, по видимому, вовсе не признаетъ ихъ?—Пока они пили и бранили его, въ комнату вошелъ человѣкъ не высокаго роста, но плечистый, здороваго сложенія; его лицо, окаймленное черною густою бородою, было темножелтаго цвѣта; волосы—курчавые и тоже черные. Выраженіе глазъ и лица имѣло что-то язвительно-насмѣшливое. Собравшееся общество встрѣтило его громкими восклицаніями.

— А, Кортина, иди сюда, companero! Гдѣ ты такъ долго пропадалъ? Мы цѣлый часъ уже ждемъ тебя.

— Что же, кабаллеросъ, злобно засмѣялся полуиндіецъ,—время ваше дозволяетъ вамъ ждать: дѣлать-то вамъ таки нечего. Caracho! какъ подумаешь, какое гнѣздо отмѣненныхъ генераловъ и...

Digitized by Google

— Чортъ съ тобой! проворчалъ одинъ изъ нихъ,—ты долженъ дать намъ совѣтъ, что дѣлать, а не глумиться надъ нами; или тебѣ лучше приходится?

— Совѣтъ? вскричалъ Кортина, садясь и сдвигая шляпу на затылокъ;—но нуждаетесь ли вы въ немъ въ самомъ дѣлѣ, и дѣйствительно ли прискучила вамъ эта жизнь въ столицѣ? И то сказать, здѣсь становится красиво...

— Развѣ что случилось? закричали четверо въ одинъ голосъ.

— Случилось ли что?... Ничего особеннаго: нѣсколько человѣкъ повѣшанныхъ—вотъ и все. Однако его величество начинаетъ не шутя вести войну, и намъ остается радоваться и благодарить за ненарушеніе нашего спокойнаго бездѣйствія въ столицѣ.

— Кто же повѣшанные? спросили нѣсколько голосовъ, ибо ни одинъ изъ присутствующихъ не былъ увѣренъ, что въ числѣ казненныхъ не находятся его друзья, или знакомые.

— Почему я знаю? сказалъ Кортина, пожимая плечами; — говорятъ, горсть либераловъ, имѣвшихъ намѣреніе ограбить дилижансъ; но французскіе солдаты, какъ кажется, помѣшали имъ; и если сосѣди не догадались прибрать, то тѣла храбрыхъ удальцовъ до сихъ поръ украшаютъ пенуэлоскія деревья. Теперь всякое нападеніе считается разбойничьимъ, а скоро будетъ еще лучше. Говорятъ, Базенъ сказалъ, будто на дняхъ выйдетъ указъ, по которому на все войско Хуареца будутъ смотрѣть, какъ на разбойниковъ и обращаться какъ съ таковыми.

— Но въ такомъ случаѣ и тамъ будутъ вѣшать каждаго пойманнаго сторонника императора.

— Скоро не кватитъ деревьевъ въ лѣсу, засмѣялся Кортина.—Вотъ когда наступаетъ наше время! А отъ насъ требуютъ, чтобы мы сидѣли здѣсь сложивши руки! Пропадай я, если я это сдѣлаю, — отправлюсь опять на сѣверъ.

— Къ Хуарецу? вскричали нѣсколько въ одинъ голосъ.

— Quien sabe, отвѣчалъ Кортина. Кто его знаетъ, гдѣ онъ и много ли у него осталось войска; притомъ надо нѣсколько еще подождать: я слыхалъ, что самъ Базенъ идетъ съ войскомъ къ сѣверу, чтобы его поймать, или прогнать за границу.

— Тогда конецъ всему.

— Еще далеко до этого. Послѣ него появится Ортега, или другой кто,— не могутъ же французы оставаться постоянно на сѣверѣ, а съ ихъ отступленіемъ будемъ появляться мы то тамъ, то сямъ, и такимъ образомъ не дадимъ имъ ни минуты покоя.

— Здѣшніе американцы расказываютъ, что будто императоръ Наполеонъ очень скоро отзоветъ всѣ свои войска.

— Это было бы отлично, съ злобной усмѣшкой сказалъ Кортина.— Впрочемъ, въ воздухѣ что-то носится, потому что попы, какъ кроты

Digitized by Google

передъ грозой, опять выползаютъ на свѣтъ Божій; они и ко мнѣ обращались съ предложеніями, но мнѣ не хочется имѣть съ ними дѣла. Мы хороши, пока нужны имъ; но какъ только миновала опасность,—они платятъ одними обѣднями и благословеніями. Вотъ еслибы Діацъ не былъ пьяницою, то къ нему можно было бы тотчасъ пристать.

— Нѣтъ, мнѣ бы не хотѣлось къ нему. Пустое дѣло! Онъ даже и своихъ солдатъ велѣлъ повѣсить, когда тѣ вздумали какъ-то разъ грабить.

— Завтра я отправлюсь въ Кверетаро,—кто идетъ со мною?

Всѣ согласились и порѣшили снова начать веселую и разгульную жизнь въ горахъ.

Ужасное смятеніе господствовало въ пышномъ домѣ дона Карлоса Луцидо. Сынъ его, Мориціо, былъ приговоренъ къ смерти; завтра наступалъ день казни; его должны были разстрѣлять. Мориціо оправдывался передъ судомъ, говоря, что его соучастіе при ограбленіи дилижанса имѣло чисто политическія побужденія, что онъ ярый либералъ и никогда не признавалъ имперіи. Но изворотливость его ни къ чему не повела. Рикарда Санъ-Бласъ, вѣрная своему слову, выступила свидѣтельницею противъ него и объявила, что все это было не что иное, какъ обыкновенное нападеніе разбойниковъ съ цѣлію ограбить. Смертный приговоръ былъ подписанъ самимъ императоромъ, который на этотъ разъ былъ до такой степени возмущенъ, что даже, какъ расказывали, не допустилъ къ себѣ мать Мориціо, которая приходила просить его помиловать сына. Такъ по крайней мѣрѣ сказалъ ей отецъ Фишеръ, который былъ уже сдѣланъ императорскимъ духовникомъ и къ которому она обратилась. Бѣдная мать! Отецъ Фишеръ, конечно, остерегся сказать слово въ твою пользу, ибо чего лучшаго могла желать клерикальная партія, какъ не озлобленія противъ императора именно той партіи, которая пока еще оставалась наиболѣе искренно предана ему.

Стонъ и плачъ раздавались по всему дому. Старикъ Луцидо, сдвинувъ брови и заложивъ руки за спину, ходилъ мрачный взадъ и впередъ по комнатѣ въ ожиданіи друзей, за которыми онъ посылалъ для послѣдняго совѣщанія. Не весела была встрѣча: тихо и осторожно входили они, молча протягивали и жали ему руку и молча садились. Никто не рѣшался заговорить первый. Но дѣлать было нечего, говорить надо было.

— Compadre! сказалъ Ронейро, подходя къ несчастному отцу и положивъ руку на его плечо, — ты знаешь, я принимаю въ твоемъ сынѣ почти на столько же участія, сколько и ты: я крестилъ его и въ моихъ глазахъ онъ выросъ.

— Вѣрю тебѣ и знаю, что это такъ, сказалъ тронутый Луцидо, съ

Digitized by Google

трудомъ удерживая слезы,—кто могъ подумать, что онъ кончитъ свою жизнь подобнымъ образомъ.

— Мы пришли къ тебѣ съ цѣлію обсудить дѣло общими силами,—не придумаемъ ли какое нибудь средство спасти его.

Луцидо печально качалъ головою. Нѣтъ, мы уже все испробовали: жена сама ходила къ императору, но ее даже не допустили. Нѣтъ никакой надежды; сынъ мой совершилъ преступленіе, но тяжела кара.

— Мориціо дѣйствительно въ послѣднее время словно одичалъ, но, можетъ быть, и мы съ нашей стороны, въ этихъ постоянныхъ смутахъ и волненіяхъ, не достаточно слѣдили за его поступками. Но, скажите, Родригецъ, что могло побудить вашу племянницу къ такой враждебной выходкѣ противъ несчастнаго молодаго человѣка?

— Богъ ее знаетъ, отвѣчалъ Родригецъ.—Я самъ не узнаю ея: она словно преобразилась: цѣлый тотъ день она сидѣла молчаливая, но, по видимому, спокойная; когда же къ вечеру пришло извѣстіе объ истребленіи шайки, при чемъ, какъ расказывали, былъ убитъ бельгійскій офицеръ, командовавшій посланнымъ отрядомъ, она встала блѣдная, взволнованная и поклялась, что Мориціо Луцидо долженъ будетъ умереть. Мы всячески уговаривали ее отступиться отъ такого рѣшенія, но тщетно: это робкое и кроткое существо осталось на этотъ разъ непреклоннымъ.

— Къ какой партіи принадлежитъ ея отецъ? спросилъ Ронейро.

— Къ партіи либераловъ, хотя онъ изъ одной изъ лучшихъ фамилій. Но онъ всегда былъ мечтателемъ, отпустилъ на волю всѣхъ своихъ индійцевъ, надѣливъ ихъ землею, и этимъ навлекъ на себя гнѣвъ клерикальной партіи. Тѣмъ не менѣе, это честнѣйшій, справедливѣйшій человѣкъ и притомъ отличный семьянинъ.

— Этому суждено было быть, простоналъ Луцидо.—О, мой единственный сынъ!

— Не понимаю, сказалъ Бастіани,—почему императоръ на этотъ разъ такъ упорно настаиваетъ на смертной казни. Обыкновенно такая строгость вовсе не въ его характерѣ. Но увѣрены ли вы, Луцидо, что онъ былъ увѣдомленъ о посѣщеніи вашей жены?

Луцидо утвердительно мотнулъ головой.

— Отецъ Фишеръ самъ взялся доставить ей аудіенцію, но вскорѣ возвратился и сказалъ, что на этотъ разъ императоръ твердо рѣшилъ предоставить дѣйствовать одному закону, потому что, какъ онъ выразился, въ Мексикѣ нѣтъ привиллегированнаго сословія.

— И все это за то, что это привиллегированное сословіе возвело его на престолъ, вскричалъ одинъ изъ друзей!—Безъ этого привиллегированнаго сословія онъ и теперь сидѣлъ бы въ качествѣ бѣднаго эрцгерцога въ своемъ Мирамарскомъ замкѣ, между тѣмъ какъ теперь онъ—владѣтель одной изъ прекраснѣйшихъ странъ свѣта.

— Отъ насъ зависитъ отправить его обратно, замѣтилъ одинъ изъ консерваторовъ!—Для нашей партіи онъ пока еще ничего не сдѣлалъ.

Digitized by Google

— Но я считаю его честнымъ человѣкомъ, возразилъ Бастіани.

— Намъ не то нужно: намъ нуженъ сильный человѣкъ, который сумѣлъ бы обуздать страну и опирался бы на людей, которые были,—по крайней мѣрѣ до настоящаго времени,—его друзьями. Мы нуждались въ главѣ, который обезпечилъ бы намъ нашу собственность; а что сдѣлалъ въ этомъ отношеніи Максимиліанъ?

— Однако же, сказалъ Бастіани,—я полагаю, что признавъ законъ Хуареца дѣйствительнымъ и вслѣдствіе этого вооруживъ противъ себя клерикальную партію, онъ сдѣлалъ для насъ больше, чѣмъ мы могли отъ него ожидать.

— Но, въ такомъ случаѣ, къ чему эта ревизія продажи земель?—вскричалъ Сантъ-Яго, родственникъ Луцидо.—Разумѣется, не всѣ покупки совершены правильно, по закону, но вѣдь это никому не можетъ повредить. Но нѣтъ, хотятъ непремѣнно, чтобы все было по европейскому образцу, а это-то вовсе и не годится въ Мексикѣ.

— Сантъ-Яго правъ, замѣтилъ Ронейро.—Я, конечно, очень преданъ императору, но долженъ сказать, что эта ревизія—яблоко раздора, кинутое имъ не въ непріятельскій лагерь, но въ лагерь своихъ наиболѣе ревностныхъ сторонниковъ, и принесетъ пользу однимъ адвокатамъ. У меня у самого завязался процесъ насчетъ этихъ, вновь пріобрѣтенныхъ мною, земель. Если наше обладаніе ими не вполнѣ обезпечено, то почему бы намъ не возвратить ихъ церкви? Этимъ мы пріобрѣтемъ, по крайней мѣрѣ, миръ и спокойствіе у семейнаго очага.

— Максимиліанъ—чужеземецъ и всегда останется такимъ между нами, потому что не понимаетъ ни насъ, ни потребностей нашей страны. Онъ стремится удовлетворить всѣхъ, и потому никого не удовлетворяетъ. Тотъ, кто хочетъ править въ Мексикѣ, долженъ необходимо примкнуть къ одной какой либо партіи и стараться усилить ее на столько, чтобы она могла имѣть перевѣсъ надъ всѣми остальными. Иначе изъ этого ничего не выйдетъ. Онъ неосторожно садится между двухъ стульевъ и играетъ опасную игру, которая наконецъ окончится тѣмъ, что онъ долженъ будетъ въ одно прекрасное утро предпринять обратное путешествіе въ Мирамаръ.

— Мой сынъ, мой бѣдный сынъ! простоналъ, ломая себѣ руки, несчастный Луцидо, сидѣвшій все это время безмолвно, словно окаменѣлый, и не обращавшій ни малѣйшаго вниманія на то, что говорилось вокругъ него. Что ему теперь политика, императоръ, государство, интересы партій? Онъ оплакивалъ участь своего ребенка—единственнаго сына.

Наконецъ Ронейро обратился къ нему:

— Остается одно средство спасти Мориціо—бѣгство.

— Но какимъ образомъ бѣжать, гдѣ найти возможность къ бѣгству? вскричалъ Луцидо, отчаянно хватаясь за эту послѣднюю надежду.

— Я полагаю, что есть возможность,—разумѣется, посредствомъ боль-

Digitized by Google

шихъ денегъ: надо подкупить и вполнѣ обезпечить будущность сторожа, который необходимо долженъ будетъ бѣжать вмѣстѣ съ нимъ.

— Не жалѣй ничего, давай ему денегъ больше, чѣмъ онъ будетъ просить, но спаси моего сына, и я на колѣняхъ буду благодарить тебя.

— Самъ я не могу этого сдѣлать; для этого нужно содѣйствіе духовнаго лица, а его я найду въ низшемъ духовенствѣ, съ которымъ высшее обращается довольно дурно и которое притомъ не имѣетъ ничего, кромѣ скуднаго сбора,—слѣдовательно, за деньги легко согласится помочь намъ. Однако, ты не очень предавайся надеждамъ: время коротко. Прежде всего надо увѣдомить Мориціо, чтобы онъ потребовалъ духовника. Но не можетъ ли кто изъ васъ, господа, указать на другое—лучшее средство?

— Другаго, мнѣ кажется, нѣтъ, вздохнувъ, отвѣтилъ Родригецъ.—На Базена надежда плоха. Я не далѣе какъ сегодня заходилъ къ нему,—вѣдь онъ теперь мой родственникъ,—но тщетно. Бѣгство—единственное средство, если только есть еще возможность спасенія.

— Въ такомъ случаѣ, кабаллеросъ, прощайте, я иду хлопотать; а завтра рано утромъ зайду къ тебѣ, compadre, чтобы увѣдомить, есть ли надежда. Не унывай, подними голову!—еще Мориціо живъ, и не все погибло.

Въ кабинетъ министра юстиціи Ескудеро вошелъ Базенъ и, по видимому, находился сегодня въ необычайномъ волненіи.

Тонкій и вѣжливый мексиканецъ любезно привѣтствовалъ главнокомандующаго французскихъ вспомогательныхъ войскъ, но этому послѣднему, очевидно, было не до фармальностей: онъ сѣлъ и немедленно приступилъ къ дѣлу.

— Сеньоръ, началъ онъ,—такъ продолжать нельзя: мы должны наконецъ принять энергичныя мѣры противъ этихъ разбойничьихъ шаекъ, или же намъ придется каждый годъ предпринимать одни и тѣ же походы противъ нихъ.

— Я васъ не понимаю, господинъ маршалъ, весело отвѣчалъ Ескудеро:—мнѣ кажется, ваши войска дѣйствуютъ достаточно энергично. Послѣднія извѣстія весьма благопріятны.

— Чортъ съ ними! проворчалъ Базенъ.—Васъ же, надѣюсь, не удивляетъ, что французскія войска разбиваютъ эту мексиканскую сволочь при каждой стычкѣ; но къ чему же это ведетъ? Правда, эти банды разбойниковъ, именующіяся войскомъ президента Хуареца, всюду отступаютъ передъ нами; но не успѣемъ мы отойти, какъ онѣ снова появляются. Люди, довольствующіеся одними сухими тортилласъ, какъ эти республиканцы, конечно, способны годами выдерживать такую игру, но насъ и имперію такая игра наконецъ погубитъ.

— Однакожь, возразилъ министръ, мы знаемъ по получаемымъ извѣстіямъ, что вообще наши военныя дѣйствія очень удачны, а сегоднеш-

Digitized by Google

нимъ извѣстіемъ подтверждается слухъ, будто Хуарецъ бѣжалъ на сѣверъ и даже перешелъ границу.

— Вотъ именно это-то я и хотѣлъ сообщить вамъ! вскричалъ Базенъ.— Фактически Хуарецъ перешелъ теперь границу, а еслибъ даже и не перешелъ,—президенство его оканчивается черезъ нѣсколько недѣль. Послѣ этого на всѣхъ его приверженцевъ, которые будутъ намъ противиться съ оружіемъ въ рукѣ, надо смотрѣть не иначе, какъ на шайки разбойниковъ, а этому, во что бы то ни стало, надо положить конецъ; въ противномъ же случаѣ я самъ буду просить императора Наполеона вызвать меня отсюда. Я готовъ бороться съ настоящимъ войскомъ и съ какой угодно узаконенной властью; я даже признаю шайки гверильясовъ, такъ какъ онѣ все же имѣютъ одного главу и борятся хотя бы за идею, но я не полицейскій чиновникъ, чтобы постоянно имѣть дѣло съ преступниками и ихъ наказывать.

— Я васъ не понимаю, господинъ маршалъ.

— Въ такомъ случаѣ я буду говорить совершенно ясно, сказалъ Базенъ.—Императоръ долженъ, если только ему нужна моя поддержка, издать декретъ, по которому всѣ еще бродячія шайки будутъ считаться не болѣе, какъ разбойниками и поджигателями. Настоящая война покончена, экспрезидентъ изгнанъ за предѣлы государства,—слѣдовательно, мы перестаемъ имѣть дѣло съ военною державою, остаются отдѣльныя шайки разбойниковъ, съ которыми мы никоимъ образомъ не можемъ обращаться какъ съ военноплѣнными, а будемъ смотрѣть на нихъ какъ на преступниковъ.

— Вопросъ этотъ, господинъ маршалъ, былъ уже нѣсколько разъ обсуждаемъ его величествомъ. Но императоръ рѣшительно отказывается прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ, пока на сторонѣ Хуареца остается хотя бы только тѣнь права. Онъ все еще надѣется строгой справедливостью убѣдить врага, что онъ имѣетъ дѣло не съ завоевателемъ, но съ государемъ, желающимъ всевозможнаго блага странѣ. Наконецъ, развѣ мы не имѣемъ достаточныхъ доказательствъ, что большинство даже либеральной партіи клонится на сторону имперіи.

— Старая пѣсня! вскричалъ Базенъ, нетерпѣливо стучавши все это время ногой объ полъ.—Префекты знаютъ, что мы сами себя содержимъ и за все платимъ чистыми деньгами, они требуютъ войска, чтобы только самимъ имъ не пришлось отстаивать свою собственность. Но не успѣемъ мы удалиться, какъ они при первомъ же появленіи банды Хуареца объявляетъ себя вѣрнѣйшими и искреннѣйшими республиканцами. Я въ грошъ на ставлю завѣренія всѣхъ этихъ людей: тѣ же самые адресы, что теперь присланы ими къ императору, они черезъ нѣсколько дней, и только съ нѣкоторыми измѣненіями, повергнутъ къ стопамъ какого нибудь предводителя банды. Я вѣрю въ голую дѣйствительность, сеньоръ, а потому говорю, что вамъ полагаться на всѣ эти завѣренія не слѣдуетъ.

Digitized by Google

Нѣтъ, мы довольно играли. Пора показать имъ когти. Объявляю еще разъ, что если императоръ и теперь не согласится издать этотъ декретъ, я немедленно же удалюсь и выведу свои войска съ этого такъ называемаго «театра войны». Если же онъ издастъ этотъ декретъ и дастъ мнѣ полномочіе привести его въ исполненіе, въ такомъ случаѣ я ручаюсь не только за завоеваніе, но и за покореніе и усмиреніе всей страны; а не издастъ онъ декрета, то пусть пѣняетъ на самого себя; меня связываетъ не только приказаніе моего государя, но и моя собственная честь. Признаюсь вамъ, мнѣ донельзя надоѣла подобная война, а также и моимъ офицерамъ; мы готовы жертвовать нашею жизнью для государя,—это наше призваніе; но при этомъ мы все же должны предвидѣть достиженіе какой нибудь опредѣленной цѣли.

— Но не лучше ли вамъ, господинъ маршалъ, изложить все это въ запискѣ къ императору?

— Къ чему это вѣчное писаніе? рѣзко отвѣчалъ Базенъ.—Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Мексикѣ, я написалъ больше писемъ, чѣмъ въ продолженіи всей моей жизни. Вы—главный совѣтникъ императора; кромѣ того вопросъ этотъ подлежитъ именно вашей вѣтви управленія, ибо мы имѣемъ дѣло не съ солдатами, а съ обыкновенными разбойниками. Пусть ваше министерство издастъ строгое постановленіе противъ этихъ людей, нарушающихъ спокойствіе и безопасность мирныхъ жителей,—и я ручаюсь за успѣхъ.

— Почему же вы сами не издадите подобный указъ вашимъ войскамъ? спросилъ Ескудеро.

Базенъ мрачно насупилъ брови.

— Мнѣ кажется, сказалъ онъ,—я объ этомъ уже разъ говорилъ вамъ, или Рамирецу; отвѣтъ на это весьма простой: я обязанъ приказывать въ виду настоящаго врага и хорошо знакомъ съ военными правилами цивилизованныхъ народовъ, чтобы не нуждаться ни въ чьемъ совѣтѣ или поддержкѣ. Но здѣсь война окончена; войско можетъ еще служить развѣ только въ смыслѣ поддержки жандармовъ, и тамъ, гдѣ дѣло идетъ о законахъ для подданныхъ государя, я, въ качествѣ французскаго маршала, не имѣю власти, да мнѣ и не интересно. Если императоръ желаетъ сберечь всѣ эти разбойничьи банды, eh bien!—пусть его! Это его дѣло. Но въ такомъ случаѣ онъ не имѣетъ права употреблять французскаго маршала на изловленіе этихъ шаекъ, и служба моя въ Мексикѣ окончена.

Съ этими словами Базенъ всталъ и, отвѣсивъ военный поклонъ, оставилъ Ескудеро...

Солнце клонилось къ закату, а въ Calle Jesus стояла, какъ и въ тотъ вечеръ, стройная женская фигура, укутанная въ робоцо, и тревожно смотрѣла то въ одну, то въ другую сторону. Такъ стояла она уже много

Digitized by Google

вечеровъ. Она напрасно прислушивалась къ топоту каждой приближающейся лошади: порою мимо ея проѣзжалъ всадникъ, но не тотъ; тогда она украдкою вытирала набѣжавшія слезы и снова ждала.

Наконецъ солнце зашло, небо окрасилось темною синевой, звѣзды засверкали и ночь воцарилась.

«И сегодня его нѣтъ! съ глубокимъ вздохомъ проговорила молодая дѣвушка.—Бѣдная Мерцедесъ, вотъ какъ проходитъ недѣля, назначенная для твоей свадьбы,—неужели я заслужила такое тяжелое наказаніе?» И съ этими словами, она снова прислушивалась.—«Сосчитаю до ста; если до тѣхъ поръ его не будетъ,—значитъ, онъ и сегодня уже не пріѣдетъ.» Она начала считать, но по мѣрѣ приближенія роковой цифры, числа произносились все съ большею и большею разстановкою. Онъ все не пріѣзжалъ. «Сто, сто одинъ, сто два!» Ничто не нарушало глубокой тишишины, царившей въ улицѣ. Мерцедесъ вошла въ калитку и скрылась въ своей бѣдной каморкѣ. Но спать она не могла: страхъ и неизвѣстность терзали ее; она зажгла свѣчу и открыла молитвенникъ—подарокъ Геронимо.

Блѣдный свѣтъ лампы тускло освѣщалъ окружающіе предметы; бѣдное дитя вздрагивало при видѣ собственной тѣни. Такъ сидѣла она часъ, два, отрывалась отъ молитвы, задумывалась, но думы наводили на нее страхъ и отчаяніе, и она снова старалась отдаться молитвѣ. Вдругъ она вся задрожала: ей показалось, что калитка скрипнула; но нѣтъ, она ошиблась, все было тихо. Тѣмъ не менѣе она подошла къ окну и стала прислушиваться. Въ то время по двору дѣйствительно раздались чьи-то шаги; но вѣдь на дворѣ жило много жильцовъ. Кто могъ прійти къ ней? Она затворила ставню и приблизилась къ столу. Въ это самое время кто-то осторожно постучалъ въ ея дверь. Кто могъ это быть? Если это Геронимо, то отчего онъ такъ робко стучится?

Съ минуту она оставалась въ нерѣшимости, но дальнѣйшая неизвѣстность была невыносима. Она пощупала, при ней ли ея маленькій, но острый ножъ, а затѣмъ рѣшительнымъ шагомъ пошла къ двери и отдернула задвижку.

— Кто тамъ? Что вамъ надо въ такое позднее время?

— Это я—Родольфо, отвѣчали ей шепотомъ.—Я принесъ вамъ извѣстіе.

— О немъ, о Геронимо?

— Тише, не произносите этого имени такъ громко! Могу я переговорить съ вами?—нѣсколько минутъ только; время мое отмѣрено.

— Войдите, едва внятно сказала Мерцедесъ. Робкій и тревожный взглядъ, которымъ озирался Самбо, не предвѣщалъ ничего хорошаго.

— Чортъ знаетъ, кто у нихъ тамъ,—кто-то сбѣжалъ сегодня: улицы кишатъ солдатами, и куда ни повернешься, всюду встрѣчаешь дозорныхъ.

— Откуда вы? гдѣ Геронимо?

Самбо потупилъ взоръ и безмолвствовалъ.

Digitized by Google

— Говорите, отвѣчайте! умоляла Мерцедесъ. — Еслибы вы знали, сколько я выстрадала въ эти послѣдніе дни, зная, какіе темные слухи ходятъ по городу.

— Слухи? о чемъ?

— Слухи о какомъ-то нападеніи на почту, объ убійствѣ какого-то офицера, о казненныхъ преступникахъ... Вы молчите? Вы знаете правду? Не терзайте меня далѣе, скажите, ради милосердной Богородицы, гдѣ Геронимо?

Родольфо молчалъ; слова словно замирали въ его горлѣ. Но къ чему скрывать—рано или поздно она узнаетъ правду, и при томъ не пришелъ ли онъ сюда именно для того, чтобы сказать ей все?

— Онъ былъ при этомъ, глухо произнесъ онъ.

— Кто, Геронимо? вскрикнула Мерцедесъ раздирающимъ голосомъ.

— Тише, Бога ради тише, не то и вы попадете въ руки этой французской сволочи.

— Убитъ?

— Убитъ, уныло повторилъ Родольфо. — Я не успѣлъ предостеречь ихъ, какъ самъ попался въ руки французскаго отдяда, который продержалъ меня до самаго конца. Откуда они могли пронюхать, не понимаю. Одинъ молодой кабаллеросъ, который долженъ былъ присоединиться къ намъ, тоже не явился; его по какому-то случаю арестовали въ ту же ночь.

— Какъ зовутъ этого кабаллероса?

— На что вамъ его имя? Словомъ, все погибло, и мнѣ пора убираться изъ этихъ мѣстъ.

Мерцедесъ не слышала болѣе; слова сливались для нея въ какіе-то неясные звуки. Убитъ—эта мысль поглощала все остальное,—убитъ!.. Такъ стояла она нѣсколько минутъ; Родольфо не смѣлъ прервать этого мучительнаго молчанія, пока она наконецъ не спросила:

— А гдѣ его тѣло?

— Гм! проворчалъ смутившійся Самбо,—французы-собаки повѣсили тѣла на ближайшія деревья.

— Santissima! простонала Мерцедесъ и упала безъ чувствъ.

Родольфо съ нѣжностію, какую едва можно было ожидать отъ разбойника, поднялъ ее и положилъ на кровать. Затѣмъ онъ взялъ кружку съ водою, обмокнулъ платокъ и началъ прикладывать ей къ вискамъ, пока она не очнулась.

— Благодарю васъ, теперь мнѣ лучше... вдругъ потемнѣло въ глазахъ... Но что случилось?... Ахъ Боже! вскрикнула она, вспомнивъ,—а гдѣ же тѣла ихъ?

— Въ первый день мы боялись идти, насъ могли захватить; но на слѣдующую ночь я подговорилъ нѣсколькихъ индійцевъ, и мы вмѣстѣ похоронили ихъ тѣла недалеко отъ Пенуэлоса—тамъ, гдѣ дорога изгибается, а надъ могилой поставили крестъ.

Digitized by Google

— Что же привело васъ ко мнѣ?

— Хотѣлъ извѣстить васъ о смерти Геронимо. Все равно, рано или поздно вы должны были бы узнать обо всемъ.

Закрывъ лицо руками, Мерцедесъ стояла словно окаменѣлая; слезъ у нея не было: поразившее ее горе было слишкомъ ужасно, ея скорбь слишкомъ сильна и убійственна. Въ это время кто-то опять боязливо постучался и тихо проговорилъ за дверью.

— Отвори, Мерцедесъ,—Бога ради, отвори!

Она подошла къ двери, отворила, но тотчасъ отскочила; изъ устъ ея вырвался крикъ злобы и удивленія: она узнала Мориціо Луцидо, который вошелъ теперь въ комнату блѣдный, изнемогая отъ усталости и едва держался на ногахъ.

— Дай мнѣ убѣжище, Мерцедесъ, не то я погибъ. Цѣлый день гналась за мной погоня, а теперь я изнемогаю и не могу идти дальше.

Мерцедесъ смотрѣла на него злобно сверкающими глазами, и вдругъ схвативъ ножъ, она вскричала:

— Если когда нибудь въ моей жизни меня соблазняло желанье всадить этотъ ножъ въ чью нибудь человѣческую грудь, такъ это въ твою, негодяй! Геронимо былъ бѣденъ, его соблазнило богатство, и онъ не устоялъ. Но ты, воспитанный во всемъ блескѣ роскоши, окруженный всѣмъ, что только могло желать твое сердце,—тебѣ надо было еще подговаривать несчастнаго, чтобы онъ помогалъ тебѣ добывать средства для удовлетворенія твоихъ пороковъ. Уйди! или мой крикъ разбудитъ сосѣдей. Геронимо повѣшенъ, а ты свободенъ,—уйди!

— Мерцедесъ! умолялъ несчастный.

— Уйди! кричала молодая дѣвушка внѣ себя, и раздирающій крикъ ея раздавался такъ громко, что сосѣди, по видимому, дѣйствительно начинали обращать вниманіе; одна изъ дверей пріотворилась. Родольфо, трепеща за собственную безопасность, схватилъ Мориціо за руку, проговоривъ:

— Пойдемте, я васъ укрою: я знаю одно мѣсто въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда.

— Я не въ силахъ идти далѣе; пусть она меня убьетъ—все равно: я погибъ, силы мои истощены, а тамъ улица полна солдатъ.

Родольфо ничего не отвѣчалъ, но схвативъ его почти на руки, увлекъ за собою...

Оставшись одна съ своимъ горемъ, Мерцедесъ почувствовала, что силы ея быстро слабѣютъ,—она легла, или вѣрнѣе упала на кровать. Въ душѣ ея съ неумолимою ясностію проснулось сознаніе своей безпомощности, своего одиночества: слезы полились и, уткнувъ лицо въ подушку, она громко зарыдала.

---

16 сентября, императоръ во второй разъ праздновалъ день освобожденія Мексики отъ владычества испанцевъ; но на этотъ разъ празднество

*

Digitized by Google

было устроено въ самой столицѣ, гдѣ по этому поводу собралось во дворцѣ большое и самое разнообразное общество. Причинъ къ веселью было достаточно. Враги были изгнаны и почти весь сѣверъ очищенъ отъ нихъ; оставались только отдѣльныя шайки, захватить которыя было весьма трудно. Положеніе начинало уясняться, и самъ Максимиліанъ, хотя онъ и не скрывалъ отъ себя предстоящихъ ему еще затрудненій, постепенно пріобрѣталъ все большую и большую вѣру въ свое предпріятіе. Въ этотъ день Максимиліанъ, въ своей рѣчи, обращенной ко всему собранію, произнесъ эти памятныя и, къ сожалѣнію, пророческія слова: «Нѣтъ той силы на землѣ, которая могла бы пошатнуть меня въ исполненіи моего долга. Я могу умереть, но умру, защищая наше славное знамя, ибо никакая человѣческая власть не въ силахъ заставить меня покинуть постъ, на который я призванъ довѣріемъ народа».

Это была не громкая фраза: всѣ дѣйствія Максимиліана до послѣдней минуты его жизни служатъ свидѣтельствомъ искренности его словъ.

Высшее духовенство тоже участвовало въ празднествѣ. Архіепископъ Лабастида съ двумя епископами, пуэблскимъ и оахакскимъ, пріѣхавшими по этому случаю изъ своихъ епископствъ, и еще съ нѣкоторыми духовными сановниками отдѣльною группою стояли у окна.

— Императоръ, какъ кажется, пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность, улыбаясь замѣтилъ епископъ пуэблскій,—слышали: «никакая земная сила». Онъ умно сдѣлалъ, что исключилъ силу небесную, предъ которою онъ все-таки въ концѣ концовъ долженъ будетъ преклониться.

— Правда ли, монсиньоръ, обратился къ Лабастидѣ оахакскій епископъ,—что императоръ посылаетъ новаго посла въ Римъ, чтобы ходатайствовать о примиреніи съ папою?

— Да, это такъ—своего духовника.

— И вы думаете, что онъ сможетъ достигнуть чего нибудь?

— Quien sabe, отвѣчалъ Лабастида.—Но для насъ ничего не могло быть благопріятнѣе, ибо здѣсь рѣшеніе еще не созрѣло и этимъ вопросъ отсрочивается на нѣкоторое время.

— Но не теряемъ ли мы времени? спросилъ епископъ пуэблскій.

— Можете быть вполнѣ увѣрены, что я не стану терять времени. Съ каждымъ днемъ усиливается повсемѣстная дѣятельность нашихъ агентовъ и преимущественно на томъ пунктѣ, на который мы возлагаемъ наибольшія наши надежды—въ Вашингтонѣ. Война съ Хуарецомъ очень скоро прекратится; я получилъ точныя свѣдѣнія о его переходѣ черезъ Ріо-Гранде,—слѣдовательно, онъ перешелъ границу, чтобы не попасть въ плѣнъ. Теперь главнымъ образомъ мы должны будемъ, послѣ окончательнаго покоренія либеральной партіи,—позаботиться объ удаленіи французовъ изъ Мексики, и въ этомъ отношеніи насъ навѣрное поддержитъ его величество. Тогда вернется Мирамонъ, и я вамъ обѣщаю, что съ той минуты судьба имперіи перейдетъ въ наши руки. Но кто эта молодая особа, съ которою такъ любезно разговариваетъ императрица?

Digitized by Google

— Это нѣкая сеньорита изъ Мацатлана, недавно отличившаяся въ высшей степени своеобразно—доносомъ противъ молодаго человѣка изъ здѣшней аристократіи.

— А, донна Рикарда; слышалъ я объ ней. Смышленная дѣвочка,—мы не могли желать себѣ лучшей помощницы; она своимъ смѣлымъ поступкомъ оказала намъ большую услугу, ибо съ тѣхъ поръ между правительствомъ и консервативной партіей господствуетъ явная дисгармонія.

Въ небольшомъ разстояніи отъ церковныхъ сановниковъ помѣщалась другая группа, состоящая изъ нашихъ старыхъ знакомыхъ; Ронейро, Бастіани, Родригеца, Цамаконы, Алмеіа. Они тоже толковали о рѣчи государя и вообще отнеслись къ ней благосклонно.

— Однако странно, замѣтилъ Ронейро,—что императоръ, и притомъ потомокъ испанскихъ владѣтелей, такъ торжественно празднуетъ день, въ который была низвергнута власть его предковъ.

— Конечно, оно не лишено комизма, подтвердилъ Цамакона;—и я собственно не понимаю, какъ такая мысль пришла въ голову Максимиліану. Тѣмъ не менѣе такое почитаніе нашихъ древнихъ преданій очень мило съ его стороны, и многіе вмѣнятъ ему это въ большую заслугу.

Въ это время Родригецъ подошелъ къ Ронейро и, отведя его нѣсколько въ сторону, шепотомъ спросилъ: «Итакъ, Мориціо благополучно спасся?

— Мы сегодня получили отъ него письмо, — онъ внѣ опасности, и страшный день миновалъ бѣднаго Луцидо. Но я боюсь за Мориціо: онъ попалъ въ дурное общество, и если онъ будетъ продолжать такъ, то необходимо погибнетъ.

— Молодые люди нерѣдко дѣлаютъ неосторожный шагъ, но потомъ исправляются. Я отъ души радъ, что ему удалось бѣжать,—тѣмъ болѣе, что ударъ былъ нанесенъ изъ самой семьи и легко могъ навсегда поссорить двухъ старыхъ друзей.

Императорскую чету окружали преимущественно дамы. Максимиліанъ былъ въ особенно веселомъ настроеніи духа; голубые глаза его сіяли радостью и счастіемъ. Базенъ не разъ пытался вступить съ нимъ въ разговоръ, и хотя Максимиліанъ явно не избѣгалъ его, но случалось какъ-то такъ, что каждый разъ, какъ подходилъ маршалъ, Максимиліанъ былъ окруженъ цѣлою толпою молодыхъ дѣвушекъ и дамъ. Рикарда была представлена; государь и государыня приняли ее чрезвычайно милостиво и пригласили посѣтить ихъ въ Капультепекѣ. Наконецъ императоръ отошелъ нѣсколько въ сторону и, увидавъ своего министра Рамиреца, задумчиво стоящаго у окна, подошелъ къ нему и сказалъ, улыбаясь:

— О чемъ задумались, amigo? Вы, какъ кажется, не раздѣляете веселья сегоднешняго празднества. Не получили ли вы уже дурныхъ извѣстій?

— Нѣтъ, напротивъ слухъ о бѣгствѣ Хуареца за границу, какъ ка-

Digitized by Google

жется, подтверждается, хотя большаго значенія этому обстоятельству я не придаю.

— Какъ такъ? развѣ не много будетъ значить, если онъ покинетъ страну?

— Да, еслибы онъ ушелъ теперь въ сѣверные штаты, ваше величество; но пока онъ стоитъ на берегахъ пограничной рѣки, откуда можетъ снова появиться, какъ только пройдетъ первая угрожающая ему опасность—нельзя считать его безопаснымъ.

— Но кромѣ этого что же лежитъ у васъ на сердцѣ?

— Мнѣ не хотѣлось бы сегодня утруждать ваше величество дѣлами, хотя собственно это скорѣе просьба...

— Въ такомъ случаѣ вы непремѣнно должны сказать, въ чемъ дѣло. Кого она казается?

— Порфиріо Діаца.

— Чего же онъ хочетъ?

— Онъ проситъ, чтобы его перевели изъ Гваделупской крѣпости и преимущественно изъ рукъ французовъ, которые, какъ кажется, обходятся съ нимъ не особенно хорошо,—въ Пуэблу.

— Я же велѣлъ предложить ему остаться моимъ плѣнникомъ только на словѣ.

— На это онъ не согласенъ; онъ не можетъ дать честнаго слова и подымать оружія за отечество.

— Да, Діацъ—честный человѣкъ.

— Это такъ, ваше величество,—и я считалъ бы государство совершенно безопаснымъ съ этой стороны, еслибы была возможность привлечь его къ намъ.

— Но, кажется, это невозможно?

— Невозможно: онъ рьяный республиканецъ, хотя и не другъ Хуарецу, и никогда не перемѣнитъ своихъ взглядовъ.

— Говорили вы о его просьбѣ съ Базеномъ?

— Да; но маршалъ рѣшительно противъ; онъ утверждаетъ, что заключеніе Діаца надежно только въ крѣпости.

— Быть можетъ, онъ и правъ, сказалъ Максимиліанъ.—Но я хочу, чтобы желаніе Парфиріо Діаца было исполнено; мнѣ также не хотѣлось бы быть военноплѣннымъ у французовъ. Пошлите приказъ, чтобы его немедленно перевели въ Пуэблу, и строго запретите малѣйшее дурное обхожденіе: мы должны доказать, что умѣемъ уважать и въ непріятелѣ храбрость и благородство. Однако мнѣ пора вернуться къ императрицѣ; она уже ищетъ меня глазами. Итакъ, не забудьте распорядиться, мой добрый Рамирецъ.

Затѣмъ началась раздача ордена. Максимиліанъ пожаловалъ имъ нѣкоторыхъ военныхъ, а также нѣкоторыхъ дипломатовъ. Государыня, въ свою очередь, тоже пожаловала, но на этотъ разъ только небольшое число дамъ, орденомъ св. Карлоса.

Digitized by Google

Наконецъ, дружески кивнувъ головою, она подозвала къ себѣ Рикарду.

— Этотъ послѣдній орденъ я приберегла для васъ, сеньорита Санъ-Бласъ, съ улыбкою обратилась къ ней императрица,—какъ доказательство того, что императоръ и я—мы вполнѣ оцѣнили, какъ смѣло и справедливо вы поступили, не устрашась ни вліянія, ни положенія. Носите этотъ орденъ въ воспоминаніе о насъ, когда вы вернетесь въ вашу отдаленную провинцію.

— Ваше величество, вскричала Рикарда, щеки которой сперва поблѣднѣли, а затѣмъ покрылись яркимъ румянцемъ,—какъ могла я заслужить такую честь?

Императрица снова наклонилась къ ней и поцѣловала ее въ лобъ; когда же она отошла, Рикарду окружила цѣлая толпа ея подругъ, которыя засыпали ее распросами и поздравленіями.

Нѣсколько направо и также въ сторонѣ отъ другихъ стояли двое мущинъ: они были когда-то ярыми либералами, а теперь перешли на сторону имперіи. Оба состояли на службѣ въ качествѣ префектовъ въ отдаленныхъ провинціяхъ; теперь они прибыли въ столицу, чтобы принести присягу императору. Главная ихъ забота состояла въ томъ, чтобы сохранить за собою префектуры, а тамъ, кто бы ни управлялъ страною—для нихъ было все равно. Они съ удивленіемъ созерцали происходящее передъ ихъ глазами торжество.

— Гм! сказалъ наконецъ одинъ изъ нихъ,—все это вовсе не такъ дурно. Сколько счастливыхъ сдѣлалъ сегодня императоръ такой ленточкой или звѣздой, и какъ это все дешево! Когда Хуарецъ вернется, онъ тоже введетъ этотъ обычай!

— А ты думаешь, что Хуарецъ въ самомъ дѣлѣ когда нибудь вернется въ этотъ дворецъ!

— Quien sabe! Случались и болѣе невѣроятныя вещи. Три раза они уже изгоняли его изъ Кикуакуа, а онъ все возвращался.

— Откуда только онъ набираетъ солдатъ?

— Теперь онъ набираетъ ихъ въ Соединенныхъ штатахъ; тамъ послѣ четырехъ-лѣтней войны довольно всякаго сброда шатается по окраинамъ. Ружья, провіантъ и все что ему нужно, все готово къ его услугамъ. Пушки уже присланы.

— Caramba!—Въ такомъ случаѣ все это опять начнется, и мы, въ концѣ концовъ, пожалуй, умнѣе бы поступили, еслибъ взяли только отпускъ на это время.

— Пока французы находятся въ странѣ, республиканцы ничего не подѣлаютъ, и до тѣхъ поръ мы можемъ быть покойны, но какъ скоро тѣ уйдутъ, я немедленно же объявляю себя за республику.

— Почему же ты думаешь, что имперія не устоитъ?

— Потому что такой образъ правленія не по насъ, отвѣчалъ старшій изъ нихъ,—быть можетъ имперія хороша тамъ, гдѣ къ ней съ изма-

Digitized by Google

лѣтства привыкли; но здѣсь, какъ я слышу, никто не доволенъ, ибо императоръ горячится и торопитъ, чтобы все было сразу готово. Этого у насъ нельзя! Къ чему всѣ эти военныя ученія, будетъ съ нашихъ солдатъ, если они сумѣютъ взбѣжать на гору и мѣтко стрѣлять. И потомъ, что онъ думаетъ сдѣлать съ такимъ ограниченнымъ числомъ генераловъ? Ave Maria, войско Хуареца въ десять разъ меньше, и однакожь у него вшестеро больше генераловъ. Такъ нельзя, amigo; по-крайней мѣрѣ прочности тутъ я не предвижу; все это скоро надоѣстъ, и тогда прощай имперія!

Къ празднеству во дворецъ присоединилось и уличное народное празднество. Мексиканцы никогда не упускаютъ случая повеселиться, представить торжественныя шествія и сжечь потѣшные огни. Рѣчей у нихъ не говорятъ и не особенно пьянствуютъ, развѣ только въ отдѣльныхъ пульквеpіяхъ; но они большіе охотники до аллегорическихъ изображеній и не рѣдко выказываютъ въ нихъ много вкуса и смысла. Такъ и сегодня: огромное шествіе, сопровождаемое цѣлою толпой бѣдняковъ, при звукѣ музыки и радостныхъ восклицаніяхъ, тянулось по городу, неся впереди раковину, украшенную національными знаменами, въ которой помѣщались двѣ небольшія восковыя фигуры, изображающія Максимиліана и его жену; надъ ними парила богиня свободы въ длинномъ бѣломъ одѣяніи съ короною на головѣ, держа въ одной рукѣ мексиканское знамя, а въ другой лавровый вѣнокъ. Къ этому главному шествію постепенно примыкали другія, меньшія. Дойдя до дворца, бесчисленная и шумная толпа эта остановилась. Раздалось громкое единодушное «Vivas Maximiliano, viva Carlota», которое не переставало оглушать улицу, пока не вызвало на балконъ императорскую чету.

Между тѣмъ, въ продолженіи всего сентября, въ столицѣ получались одни побѣдоносныя извѣстія. По мѣрѣ движенія французскихъ и мексиканскихъ соединенныхъ войскъ къ сѣверу, оказывалось, что тамъ уже не было непріятельскихъ войскъ, и что Хуарецъ либо скрывался въ горахъ, либо совсѣмъ покинулъ Мексику.

Базену послѣ медоваго мѣсяца, окончательно наскучило это вѣчное преслѣдованіе отдѣльныхъ бандъ, которыя то тамъ, то сямъ неожиданно выростали изъ земли, и чѣмъ безнадежнѣе было положеніе ихъ дѣла, тѣмъ яростнѣе онѣ выступали въ своихъ дѣйствіяхъ. Теперь маршалъ еще съ большей настойчивостью требовалъ, чтобы императоръ подписалъ сочиненный имъ и давно просмотрѣнный министерствомъ декретъ. Но Максимиліанъ, сколько его ни убѣждали, все еще уклонялся подписать этотъ декретъ, хотя онъ зналъ его содержаніе и даже считалъ себя вправѣ издать его, ибо Хуарецъ въ 1862 году издалъ и даже не разъ приводилъ въ исполненіе несравненно болѣе строгій указъ. Но онъ

Digitized by Google

боялся лишиться въ такомъ случаѣ контроля надъ своими и французскими войсками и зналъ, что тогда всякое кровопролитіе будетъ приписываться единственно этому закону. Базенъ же преимущественно желалъ изданія этого закона, отчасти чтобы въ самомъ дѣлѣ покончить съ разбойничьими шайками, которыя подъ прикрытіемъ честнаго имени совершали всевозможныя злодѣянія, а съ другой стороны и для того, чтобы напугать народъ и помѣшать ему снова отъ времени до времени собираться подъ знамя Хуареца или какого либо другаго республиканскаго вожця, вслѣдствіе чего война грозила быть нескончаемою.

Министерство, состоявшее тогда преимущественно изъ людей либеральной партіи, также не считало этотъ декретъ особенно строгою мѣрою; единственное сопротивленіе исходило изъ черезъ-чуръ добраго сердца Максимиліана. Но и онъ наконецъ начиналъ сознавать, что долженъ будетъ уступить; онъ одобрилъ декретъ, просмотрѣнный министерствомъ, 3 октября, но все еще не подписывалъ его. Базенъ требовалъ, чтобы декретъ былъ немедленно же обнародованъ; но императоръ на это не согласился и оттягивалъ до нельзя.

Желѣзная дорога изъ Вера-Круза въ столицу строилась, но поѣзды ходили только до Соледада. Эта вѣтвь была выстроена французами для облегченія войскамъ перехода черезъ болото Тіерра Каліенте. Болото это покрыто необыкновенно роскошною растительностью, среди которой кишатъ пресмыкающіяся; оно стелется живописною картиною передъ глазами проѣзжихъ, сидящихъ въ покойномъ вагонѣ, но для пѣшехода почти непроходимо. Мѣстами выдаются изъ него возвышенности, и вотъ на одной изъ такихъ возвышенностей, гдѣ прежде стояла индійская деревушка, теперь пестрѣла и шумѣла толпа гверильясовъ. Одинъ за другимъ, выходили они изъ лѣсной чащи, оборванные, босые, но вооруженные ружьями, револьверами и саблями. То была шайка дезертировъ покинувшая войско, вслѣдствіе врожденной ненависти къ какому бы то ни было порядку,—патріотовъ, грабившихъ во имя Хуареца. Иные изъ нихъ сами себя произвели въ генералы и украсили свои лохмотья богатыми эполетами.

У самой желѣзной дороги, шайка остановилась и стала прислушиваться, не ѣдетъ ли поѣздъ. Но все было тихо; въ лѣсу раздавались только рѣзкіе крики обезьянъ, фазановъ и попугаевъ. Всадники слѣзли съ лошадей, привязали ихъ къ деревьямъ и начали снимать рельсы и складывать ихъ въ груды поперекъ дороги. Быстрота и ловкость, съ которою они совершали эту работу, обличали, что они дѣлали это не впервые. Предводители банды между тѣмъ расположились въ тѣни пальмы, растущей у самой дороги. Главные вожди были люди смѣшанной крови, но между ними были и нѣкоторые креолы: одинъ изъ нихъ особенно рѣзко отличался своей наружностью и одеждою отъ прочихъ своихъ товарищей. На немъ была тонкая панамская шляпа, дорогое серапе, и

Digitized by Google

щегольское платье. Это былъ Сильвестръ Альмеія, сынъ богатаго мексиканскаго патриція, примкнувшій къ этой шайкѣ разбойниковъ только для того, чтобы удовлетворить своей мести. Узнавъ, что съ ожидаемымъ поѣздомъ ѣдетъ его соперникъ, графъ Деврё, онъ сообщилъ это бандѣ гверильясовъ, и они порѣшили устроить такъ, чтобы поѣздъ соскочилъ съ рельсовъ; а за тѣмъ уже легко было ограбить и убить несчастныхъ пасажировъ.

Но кто же были эти люди?—солдаты конечно. Бродить въ окрестностяхъ столицы они считали опаснымъ; ихъ могли перехватать императорскія мексиканскія войска; идти же къ сѣверу они тоже не желали, потому что тамъ Кортина, отложившійся теперь отъ имперіи, снова набиралъ войско, и они знали, что имъ не уйти отъ него. Вотъ почему они, отдѣльно и сами для себя, вели «малую войну», гораздо болѣе выгодную для нихъ и менѣе опасную. Правда, они, не разбирая, грабили и друга и недруга, но какое имъ было дѣло до этого: лишь бы побольше добычи!

Поѣздъ приближался.

Предводители шайки вскочили; раздались громкія и быстрыя приказанья—и шайка скрылась въ кустарникѣ, по обѣимъ сторонамъ дороги.

Вдругъ раздался рѣзкій свистокъ: за нѣсколько шаговъ до поврежденнаго мѣста передовой кондукторъ замѣтилъ угрожающую опасность, но было уже поздно. Локомотивъ соскочилъ съ рельсовъ, а за нимъ вагоны. Въ эту минуту разбойники выскочили изъ своей засады и начали стрѣлять. Къ счастью сильно пострадали только передніе вагоны, въ которыхъ помѣщался багажъ; но нѣсколько пасажировъ были убиты или ранены пулями гверильясовъ; тѣ, которые хотѣли было защищаться, были немедленно связаны. За тѣмъ началось послѣдовательное обираніе каждаго пасажира, послѣ чего разбойники, навьючивъ свою добычу на лошадей и захвативши связанныхъ пасажировъ, скрылись въ лѣсу. Тамъ они немедленно отдѣлили французовъ и оставили ихъ съ собою, а остальныхъ отпустили. Впрочемъ французы надѣялись, что съ ними обойдутся не иначе, какъ съ военноплѣнными, и что вообще гверильясы не посмѣютъ ихъ долго удерживать, такъ какъ въ окрестностяхъ вездѣ стояли французскія войска. Между плѣнными находился и графъ Деврё. Онъ шелъ, какъ и остальные, съ связанными руками и также, какъ и они, не зналъ куда, ихъ ведутъ. Но вотъ пока они мрачно и молча подвигались впередъ, къ нимъ подъѣхалъ всадникъ и очень вѣжливо, хотя и съ явной насмѣшкой снялъ шляпу.

— Не имѣю ли я удовольствіе видѣть здѣсь графа Деврё?...

Молодой французъ съ удивленіемъ взглянулъ на всадника.

— Сеньоръ Алмеіа! вскричалъ онъ. Васъ ли я вижу въ числѣ враговъ имперіи и сообщникомъ этихъ людей?

— А васъ это удивляетъ—не правда ли? засмѣялся Сильвестръ.—Вы бы еще не то увидали, еслибы имѣли случай остаться еще долѣе въ Мексикѣ.

Digitized by Google

— Я не думаю покидать Мексику такъ скоро, мрачно отвѣчалъ графъ,— но я спрашиваю васъ, сеньоръ: возможно ли такое обращеніе съ военно-плѣнными?

— А, вамъ неудобно? злобно засмѣялся Алмеія;—что же дѣлать? помочь этому нельзя. Какъ здоровье вашей супруги? Надѣюсь, что она здорова?... Жаль бѣдное и прелестное созданье; такая молодая и уже вдова! прибавилъ Сильвестръ какъ-бы про себя.

— Что вы хотите этимъ сказать? спросилъ съ ужасомъ графъ Деврё.

— Veremos! улыбнулся Сильвестръ.—Но мнѣ кажется, мы пришли. До свиданья, графъ! и съ этими словами онъ ускакалъ, чтобы примкнуть къ совѣту, который долженъ былъ рѣшить участь несчастныхъ.

Деврё озирался кругомъ, но невидѣлъ ни малѣйшихъ признаковъ человѣческаго жилья. Плѣннымъ велѣно было остановиться. Утомленные отъ долгой ходьбы и нестерпимаго жара, они тотчасъ же кинулись на землю. Страшное подозрѣніе томило графа; онъ не могъ забыть двусмысленныхъ словъ мексиканца. Кромѣ того, онъ зналъ, что былъ когда-то его счастливымъ соперникомъ. Наконецъ къ плѣннымъ подъѣхалъ одинъ изъ предводителей, оборванный въ лохмотьяхъ, хотя и украшенныхъ галунами.

— Французы, началъ онъ,—вы ворвались въ нашу страну, опустошили ее, убивали нашихъ братьевъ и товарищей: вы должны умереть!

— Сеньоръ! вскричалъ Деврё, предчувствіе котораго начинало сбываться,—вы не имѣете права насъ убивать: мы только ваши военно-плѣнные; вы сотнями людей заплатите французскому маршалу за каждаго изъ насъ.

— Caracho! засмѣялся разбойникъ, сверкающими глазами озирая толпу своихъ жертвъ,—я вамъ докажу что мы смѣемъ; а что касается вашего маршала, то полагаю, что пенька, изъ которой совьютъ веревку ему на шею, уже выросла. Вы проникли во внутренность нашей страны, но вы будете еще на колѣняхъ молить Пресвятую Богородицу, чтобы она помогла вамъ выбраться отсюда.

— Сеньоръ Алмеія, вскричалъ Деврё,—я поручаю насъ всѣхъ вашей защитѣ. Вы не допустите, чтобы насъ убили.

— Все, что могу сдѣлать для васъ, сеньоръ, отвѣчалъ Сильвестръ, вынимая револьверъ и спокойно цѣлясь въ графа,—это доставить вамъ нѣкоторое облегченіе. Съ этими словами онъ спустилъ курокъ и наповалъ убилъ несчастнаго графа. Выстрѣлъ этотъ послужилъ сигналомъ: началась ужасная рѣзня связанныхъ и беззащитныхъ плѣнныхъ. Но злодѣяніе это не осталось безнаказанно. На слѣдующее утро отрядъ бельгійскихъ войскъ, прибывшій на мѣсто преступленія, содрогнулся при видѣ обезображенныхъ труповъ; войска поклялись отомстить и кинулись въ погоню за разбойниками.

Digitized by Google

Расположенный въ восхитительной мѣстности, древній замокъ Капультепекъ значительно измѣнился въ свою пользу съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ поселился Максимиліанъ. Внутри комнаты пріобрѣли если не царственную пышность, то по крайней мѣрѣ нѣкоторую уютность; прилегающій къ замку садъ былъ реставрированъ, или, лучше сказать, вновь созданъ; дорога, ведущая въ паркъ, украсилась цвѣтами, а въ самомъ паркѣ, у подошвы горы, были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія къ лучшему. Наружныя стѣны замка украсились фресками изъ миѳологіи.

Но до сихъ поръ Максимиліанъ жилъ очень уединенно, избѣгая принимать въ Капультепекѣ большое общество. Въ продолженіи цѣлаго дня, а нерѣдко и до поздняго вечера, онъ неутомимо занимался дѣлами правленія въ своемъ мексиканскомъ дворцѣ, послѣ чего, разумѣется, жаждалъ отдыха и предпочиталъ провести остатокъ дня наединѣ съ женою, или въ небольшомъ кругу очень близкихъ ему людей. Однако же въ послѣднее время онъ нѣсколько измѣнилъ свой тихій образъ жизни, чему конечно много способствовали благопріятныя извѣстія, получаемыя со всѣхъ сторонъ. Каждый день приносилъ съ собою новое извѣстіе объ одержанныхъ побѣдахъ, или—что было еще важнѣе—о переходѣ на сторону имперіи той или другой мѣстности и даже цѣлыхъ провинцій. Что оставалось теперь Хуарецу? Его упорство продолжать сопротивленіе объяснялось только тѣмъ обстоятельствомъ, что президентству его не вышелъ еще срокъ, и что онъ, быть можетъ, изъ честолюбія не хотѣлъ отступать ранѣе. Но срокъ этотъ былъ недалекъ, а именно оканчивался 30 ноября.

Сегодня, 20 октября, въ Капультепекъ опять приглашено было небольшое общество. Въ числѣ гостей находился полковникъ Мигуель Лопецъ, къ которому императоръ очень благоволилъ и съ которымъ онъ не далѣе, какъ сегодня, покумился, воспринявъ отъ купели его первенца. Между дамами находилась сеньорита Санъ-Бласъ. Но никто не узналъ бы въ ней прежнюю, беззаботную и веселую Рикарду. Она была блѣдна и задумчива.

Максимиліанъ былъ сегодня необыкновенно веселъ: много расказывалъ, смѣялся, шутилъ, называлъ Лопеца кумомъ и для каждаго находилъ привѣтливое слово. Послѣ обѣда явился Рамирецъ.

— Хорошія извѣстія, ваше величество! еще издали закричалъ онъ императору.

— Что такое, Рамирецъ, откуда?

— Изъ нижней Калифорніи: вся провинція, не видавшая еще у себя ни одного французскаго или императорскаго солдата, добровольно переходитъ на сторону имперіи.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ Максимиліанъ, взявъ депешу, при чемъ счастливая улыбка озарила лицо его.—Да вѣдь это нечаянно радостное извѣстіе; вотъ собственно первая провинція послѣ Юкатана, которая безъ

Digitized by Google

всякаго внѣшняго напора чистосердечно привѣтствуетъ во мнѣ императора; я не въ силахъ выразить, мой добрый Рамирецъ, до какой степени меня обрадовала эта новость. А это что?

— Письма на имя вашего величества; но вы успѣете прочитать ихъ потомъ.

— Нѣтъ, давайте теперь; если правда, что одно несчастіе всегда влечетъ за собою другія, то и за хорошимъ всегда должно слѣдовать хорошее. Вотъ видите, не правъ ли я? улыбаясь сказалъ Максимиліанъ, пробѣжавъ первое письмо:—мнѣ пишутъ изъ Долореса, что нашимъ войскамъ удалось захватить многочисленную шайку разбойниковъ. Съ этими словами онъ передалъ письмо Рамирецу, а самъ принялся за другое.—А вотъ и другое пріятное извѣстіе, которое, быть можетъ, не лишено интереса и для сеньориты Рикарды,—по крайней мѣрѣ, оно въ связи съ дѣломъ объ ограбленіи дилижанса.

— Для меня, ваше величество? спросила удивленная Рикарда, и яркій румянецъ покрылъ блѣдное лицо молодой дѣвушки.

— Не знаю, знаете ли вы, что тогда, благодаря вашему показанію, напали на слѣдъ разбойниковъ; ихъ захватили на мѣстѣ преступленія, но въ схваткѣ съ ними былъ тяжело раненъ молодой бельгіецъ ванъ-Лёвенъ, который присоединился тогда къ французскому отряду въ качествѣ волонтера.

При этихъ словахъ Рикарда снова поблѣднѣла и даже ухватилась за стулъ, чтобы не упасть.

— И вотъ теперь, продолжалъ Максимиліанъ, я получилъ извѣстіе, что онъ внѣ опасности и, вѣроятно, скоро будетъ въ состояніи покинуть Куернаваку, куда его тогда отвезли, и возвратиться къ намъ въ столицу.

Въ эту минуту вошелъ слуга и доложилъ о пріѣздѣ маршала Базена.

— А, Базенъ! сказалъ императоръ и, обращаясь къ Рамирецу, прибавилъ въ полголоса:—еслибъ только онъ не испортилъ намъ сегоднешній день; его появленіе почти всегда сопровождается какою нибудь непріятностію.

— Но сегодня, я полагаю, вашему величеству нечего бояться, засмѣялся Рамирецъ, — и если онъ принесетъ какую нибудь новость, то навѣрно хорошую.

— Никогда, Рамирецъ! съ мрачною увѣренностію возразилъ императоръ.—Изъ Франціи мы не можемъ болѣе ждать ничего хорошаго для насъ, и, дай Богъ, чтобы по возможности скорѣе наступило то время, когда мы будемъ въ состояніи обойтись здѣсь безъ помощи ея войскъ.

Между тѣмъ на лѣстницѣ, которая вела въ садъ, гдѣ сидѣло все общество, показалась фигура маршала въ полной формѣ.

— Простите, ваше величество, мое позднее появленіе, но я именно сегодня....

— Безъ извиненій, любезный маршалъ! Безпокойное время, которое мы переживаемъ, не всегда дозволяетъ отрываться отъ дѣла, когда взду-

Digitized by Google

маешь. Но я очень радъ, что вы по крайней мѣрѣ теперь пріѣхали къ намъ; надѣюсь, что на сегодня вы покончили со всѣми дѣлами и отдохнете вмѣстѣ съ нами. Я по себѣ знаю, какъ безконечно пріятна бываетъ возможность отложить на время всякія дѣла въ сторону.

— Тѣмъ не менѣе я принужденъ побезпокоить еще сегодня ваше величество однимъ важнымъ дѣломъ.

— Да; но если это дѣло не требуетъ безотлагательнаго рѣшенія, любезный маршалъ.

— Оно настоятельно требуетъ рѣшенія, иначе я не осмѣлился бы безпокоить ваше величество.

— Въ такомъ случаѣ пойдемте въ комнату. А вы, любезный Рамирецъ, развѣ не послѣдуете за нами?

— Ваше величество! началъ Базенъ, очутившись наединѣ съ государемъ и Рамирецомъ,—разбойничьи шайки въ такой мѣрѣ разростаются, что становится необходимо принять энергическія мѣры. Вы, конечно, получили уже донесеніе о нападеніи на поѣздъ желѣзной дороги?

— Разумѣется, отвѣчалъ мрачно императоръ,—и я надѣюсь, что негодяи не избѣгнутъ наказанія.

— Большая часть этой шайки уже истреблена. Но главное дѣло въ томъ, ваше величество, что дальнѣйшая мягкость съ вашей стороны перейдетъ въ непростительную слабость, если вы будете долѣе упорствовать.

— Что вы хотите сказать этимъ, господинъ маршалъ?

— Я говорю о декретѣ, который уже подписанъ всѣми вашими министрами, но на которомъ все еще нѣтъ вашего имени, чтобы утвердить его и дать ему силу. Мы пріобрѣли за послѣднее время наияснѣйшія доказательства, какого рода были неизбѣжные результаты вашего мягкосердечія. Вы помните, ваше величество, извѣстнаго предводителя шайки Аницето Гуцмана, котораго мы въ прошломъ году поймали и которому вы, наперекоръ моимъ увѣщаніямъ, даровали жизнь? Съ тѣхъ поръ негодяй этотъ то и дѣлалъ, что грабилъ, убивалъ и налагалъ контрибуціи, пока наконецъ владѣтели хаціендъ, доведенные до отчаянія его поведеніемъ и не находя себѣ защиты въ нашихъ законахъ, общими силами напали на шайку и самовластно учинили кровавое наказаніе въ примѣръ другимъ. Такимъ образомъ народъ присвоиваетъ себѣ право наказывать и, что еще хуже, мы сами опять вводимъ въ него едва позабытое имъ безначаліе. Я привелъ только одинъ примѣръ, но могъ бы привести ихъ двадцать, начиная съ этого мошенника Кортины.

— Вамъ извѣстно, любезный маршалъ, сказалъ Максимиліанъ,—мое сильное и постоянное сопротивленіе этому злополучному декрету.

— Къ сожалѣнію, оно мнѣ слишкомъ извѣстно, ваше величество! Но еслибъ не было настоятельной необходимости въ подобномъ декретѣ, то ваши министры, которые почти безъ исключенія всѣ принадлежатъ къ

Digitized by Google

либеральной партіи, навѣрное не подписали бы его. Я долженъ вамъ признаться, ваше величество, что, при дальнѣйшемъ отлогательствѣ съ вашей стороны подписать упомянутый декретъ, я не ручаюсь за свои войска: постоянно преслѣдовать однѣ и тѣ же шайки, которыя не разъ уже были захвачены ими, превышаетъ человѣческое терпѣніе.

Съ этими словами Базенъ положилъ декретъ на столъ; Максимиліанъ началъ внимательно просматривать его.

— Хорошо, сказалъ онъ наконецъ;—но вотъ здѣсь статья 14 требуетъ еще измѣненія: указъ этотъ не можетъ получить силы закона ранѣе истеченія срока президенства Хуареца. И поэтому вмѣсто 15 ноября, которымъ обозначенъ здѣсь крайній срокъ, мы поставимъ 1 декабря, такъ какъ президенство Хуареца оканчивается 30 ноября.

— Я вполнѣ согласенъ съ вами, ваше величество! вскричалъ Базенъ, обрадованный и этимъ результатомъ. Будьте увѣрены, вы не раскаетесь, если подпишите этотъ указъ, что можете заключить уже изъ того обстоятельства, что при вашихъ кроткихъ мѣрахъ относительно народа, разнузданность въ высшихъ сословіяхъ постепенно принимала большіе и большіе размѣры. Примѣры у насъ на глазахъ: во первыхъ, молодой Луцидо; потомъ, недалѣе какъ на дняхъ соучастниками разбойничьей шайки оказались два очень уважаемые жителя Пуэблы; наконецъ въ довершеніе всего, при этомъ печальномъ приключеніи на желѣзной дорогѣ, въ числѣ убійцъ находился сынъ одной очень знатной фамиліи, которую ваше величество не разъ отличало. Схваченный вмѣстѣ съ другими преступниками, онъ былъ, какъ и они, повѣшенъ.

— Кто такой?

— Сынъ Алмеіи, Сильвестръ Алмеіа, который, какъ онъ самъ признался передъ смертью, собственноручно убилъ графа Деврё и вообще былъ главнымъ виновникомъ всей этой катастрофы.

— Боже мой! воскликнулъ Максимиліанъ. И подобные люди носятъ названіе человѣка.

— Бѣдный отецъ! вскричалъ Рамирецъ. Знаетъ ли онъ уже объ этомъ?

Базенъ пожалъ плечами:

— Едвали; но Ронейро уже знаетъ, что зять его убитъ.

— Однако же, Сильвестръ былъ не разбойникъ, вскричалъ потрясенный Рамирецъ.—И если онъ убилъ графа Деврё, то сдѣлалъ это изъ ревности. Деврё отнялъ у него его возлюбленную.

— Въ такомъ случаѣ онъ сумѣлъ, какъ кажется, соединить пріятное съ полезнымъ, иронически замѣтилъ Базенъ,—ибо серебромъ обитые револьверы Деврё были найдены у него.

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно! вскричалъ императоръ.—Вы правы, господинъ маршалъ; мы должны наконецъ прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ; иначе честные люди будутъ вправѣ упрекнуть насъ, что мы щадимъ эту разбойничью сволочь въ ущербъ ихъ безопасности.

Digitized by Google

Говоря это, онъ взялъ въ руки перо,—еще одну минуту колебался, но затѣмъ твердымъ почеркомъ подписалъ свое имя, сложилъ бумагу и поспѣшилъ передать ее маршалу, словно она жгла ему руки.

Базенъ поблагодарилъ его.

— Но помните, господинъ маршалъ, что декретъ этотъ не получаетъ силы закона ранѣе 1-го декабря, сказалъ императоръ строго и, вздохнувъ, прибавилъ какъ-бы про себя:—Какой былъ славный день сегодня.... но теперь довольно о дѣлахъ, вернемтесь въ садъ къ дамамъ.

Императоръ вернулся въ садъ, въ сопровожденіи Базена и Рамиреца; но на лицѣ его уже не было того счастливаго и довольнаго выраженія, какое было въ началѣ вечера. Онъ былъ мраченъ и сосредоточенъ; улыбка исчезла съ его губъ. Онъ отошелъ въ отдаленный конецъ сада и тамъ, облокотившись на стѣну, задумчиво смотрѣлъ на оба вулкана, освѣщенные теперь вечернею зарею.

Прошло восемь дней съ тѣхъ поръ, какъ Порфиріо Діацъ изъ крѣпости Гваделупы, гдѣ онъ содержался подъ стражею ненавистныхъ ему французовъ, былъ переведенъ въ одинъ изъ многочисленныхъ монастырей Пуэблы. Въ древности городъ этотъ назывался Puebla de los angelos (городъ ангеловъ) по причинѣ своего восхитительнаго мѣстоположенія; но онъ могъ бы не менѣе справедливо называться городомъ монастырей, такъ какъ третья часть города и его округа занята монастырями. Но куда дѣвалось ихъ прежнее великолѣпіе и таинственно-волшебная сила, которыя окружали ихъ въ глазахъ благочестивыхъ и суевѣрныхъ мірянъ? Въ силу Хуарецова декрета, монахи были изгнаны изъ стѣнъ святыхъ обителей, которыя съ тѣхъ поръ объявлены государственною собственностію. Въ послѣдствіи нѣкоторыя перешли въ частныя руки, другія были превращены въ казармы, въ которыхъ помѣщались теперь французскія и императорскія войска; но большая часть ихъ оставалась незанята: изъ-за полуразрушенныхъ наружныхъ стѣнъ выглядывали ряды стройныхъ колонадъ и стѣны, покрытыя позолотою, свидѣтельствуя о пышности и роскоши, которыми любили окружать себя благочестивые и смиренные служители церкви.

Самый городъ много пострадалъ отъ войны, особенно его предмѣстья носили ясные слѣды разрушенія. Но надо правду сказать: мексиканскій народъ одаренъ необычайнымъ богатствомъ жизненныхъ силъ; этому, быть можетъ, отчасти способствуетъ увѣренность въ томъ, что ни жизнь, ни собственность не обезпечены. Дѣло въ томъ, что Кортецъ нашелъ здѣсь цвѣтущую, населенную и богатую долину, а теперь осталось нѣсколько индійцевъ, которые, перенося гнетъ и бѣдность, мечтаютъ о будущемъ, когда ихъ древнее божество Квецлатоклъ придетъ ихъ освободить. Христіанами они не сдѣлались; подъ алтаремъ новаго Бога, они

Digitized by Google

прячутъ истуканы своихъ старыхъ боговъ и когда становятся для молитвы на извѣстномъ освященномъ мѣстѣ, то взываютъ къ этимъ старымъ богамъ. Христіанство дало имъ только поповъ, которымъ страна обязана вѣчными революціями. Тѣмъ не менѣе, въ самомъ городѣ на улицахъ шумъ, говоръ, толкотня. Жители безпечно шли смотрѣть, какъ французы будутъ разстрѣливать шпіона Переца, бывшаго въ сношеніяхъ съ разбойниками.

Черезъ городъ, по направленію къ главной тюрьмѣ, опять проходилъ отрядъ изъ сорока человѣкъ, съ заряженными ружьями. Дверь тюрьмы отворилась. Солдаты стояли съ поднятыми штыками. Начальникъ отряда закричалъ:

— Кто изъ васъ Игнатій Перецъ?

Никто не отвѣчалъ.

— Меня зовутъ Перецъ, отвѣчалъ бѣдный малый, въ разорванной серапе.

— Пойдемъ съ нами.

Дверь темницы снова затворилась. Тюремный сторожъ связалъ руки несчастному, и онъ пошелъ съ отрядомъ по направленію къ мѣсту казни. Несчастный полагалъ, что его ведутъ къ допросу; когда же солдаты привели его на мѣсто казни, онъ весь задрожалъ и вскричалъ:

— Pera, Senores—не разстрѣлять ли вы меня хотите? Я совершенно невиненъ; въ самомъ дѣлѣ, я не кралъ курицы. Я могу это доказать: братъ мой сегодня же прійдетъ въ городъ—я даже не былъ въ Пуэблѣ, когда украли эту курицу.

Никто не отвѣчалъ. Несчастный въ отчаяніи вздумалъ было противиться. Тогда четверо солдатъ потащили его и привязали къ одному изъ колецъ, прикрѣпленныхъ къ стѣнѣ. Народъ началъ волноваться. Но тутъ подоспѣлъ французскій кавалерійскій отрядъ, наигрывая веселый маршъ. Раздались выстрѣлы. Несчастный упалъ мертвый. Трупъ тотчасъ положили въ приготовленную заранѣе телѣгу и увезли, а отрядъ пошелъ обратно подъ звуки веселой музыки. Но на пути его нагналъ французскій офицеръ, который, подъѣхавъ къ начальнику, сказалъ не громко:

— Sapristi, де-Валле, что вы сдѣлали?—вѣдь вы не того разстрѣляли.

— Caramba! быть не можетъ! отвѣчалъ де-Валле.—Я самъ вызывалъ по имени.

— Да, правда его имя тоже Перецъ, но только не Игнатій, а Хуанъ; этотъ былъ задержанъ по подозрѣнію въ ничтожной кражѣ. Настоящій же Перецъ, Игнатій, содержался вовсе не въ этомъ монастырѣ, а въ другомъ...

— Diable! воскликнулъ начальникъ отряда,—что же намъ дѣлать? отпустить того?

— Этого никакъ нельзя: вотъ приказъ маршала, надо и того разстрѣлять. Поэтому исполните это сейчасъ же.

Digitized by Google

— Но народъ уже и безъ того волнуется; пожалуй, произойдутъ безпорядки. Станутъ спрашивать, кого же перваго разстрѣляли?..

— Правда ваша! Въ такомъ случаѣ, отложите казнь до вечера. Но будьте въ другой разъ осторожнѣе, де-Валле. Помните: того зовутъ Игнатій Перецъ. И съ этими словами офицеръ поскакалъ дальше.

На площади собралась цѣлая толпа женщинъ и дѣвушекъ. Онѣ вполголоса, но очень озабоченно разговаривали между собою.

— Слышали вы, спросила одна изъ нихъ, что сегодня перевезутъ Порфиріо Діаца изъ крѣпости сюда въ городъ.

— Но какая же ему будетъ польза отъ того, замѣтила другая,—если его перевезутъ въ тотъ монастырь, у стѣнъ котораго они каждодневно разстрѣливаютъ несчастныхъ людей? Полчаса тому назадъ они разстрѣляли бѣднаго Хуана Переца, этого славнаго малаго, который цѣлый годъ кормитъ и ухаживаетъ за своей больной матерью, и пришелъ въ городъ только для того, чтобы купить лекарство. О горе! горе!

— Я не понимаю, какъ это мущины терпятъ? прибавила третья.

— Но что тамъ еще? Смотрите, сколько собралось народу.

И разговаривавшія поспѣшили присоединиться къ толпѣ, которая окружала Порфиріо Діаца, перемѣщаемаго подъ сильнымъ конвоемъ изъ одного мѣста заключенія въ другое. Народъ восторженно привѣтствовалъ Діаца и провожалъ до самыхъ монастырскихъ воротъ.

Восьмой день клонился къ вечеру. Порфиріо Діацъ, прижавъ лобъ къ желѣзной рѣшеткѣ окна, задумчиво слѣдилъ глазами за теченіемъ темныхъ тучъ, которыя постепенно все болѣе и болѣе заволакивали небо. Въ комнатѣ на столѣ стояли лампа и нетронутый еще ужинъ. Наконецъ воцарилась совершенная мгла, молнія сверкнула, громъ прогремѣлъ и полился страшный ливень. Погруженный въ мрачное раздумье, Діацъ ничего не видалъ и все стоялъ у рѣшетки, пока крупныя дождевыя капли, гонимыя вѣтромъ, не упали ему на голову; это были вѣстники свободы, а онъ—онъ не болѣе, какъ жалкій плѣнникъ, безсильный въ рукахъ враговъ, между тѣмъ какъ отечество его изнемогаетъ подъ ихъ тяжелыми ударами.

— Порфиріо Діацъ!—внезапно раздался въ эту минуту чей-то густой, но осторожно пониженный голосъ. Діацъ вздрогнулъ, но тѣмъ не менѣе невольно обернулся и увидалъ посреди комнаты недвижимо стоящаго монаха, облаченнаго въ свое длинное платье и съ опущеннымъ на лицо капюшономъ. Въ первую минуту ему почудилось, что передъ нимъ стоитъ привидѣніе, но благодаря отсутствію всякаго суевѣрія, онъ тотчасъ же откинулъ такую нелѣпую мысль и твердымъ голосомъ произнесъ:

— Quien vive? Я вижу фигуру, но не могу узнать лица.

Монахъ поднялъ руку.

— Не такъ громко, генералъ: вашимъ сторожамъ не зачѣмъ знать, что у васъ есть посѣтитель?

— Но какимъ образомъ вы проникли сюда, благочестивый отецъ?

Digitized by Google

— Не безпокойтесь объ этомъ! Скажу вамъ только, что я пришелъ сюда въ качествѣ вашего друга и, быть можетъ, скоро будетъ въ моей власти разорвать ваши оковы.

— Въ самомъ дѣлѣ? вскричалъ Діацъ, продолжавшій подозрительно озирать монаха. Онъ никогда не стоялъ на особенно дружеской ногѣ съ духовенствомъ и не могъ себѣ представить, что могло возбудить такое участію къ нему. Однакоже разъясненіе этой загадки не могло замедлить, и онъ спокойно продолжалъ:—Въ такомъ случаѣ, я попрошу васъ сообщить мнѣ, что привело васъ ко мнѣ такимъ таинственнымъ путемъ, и кто вы?

— Кто я? возразилъ монахъ, не снимая однакоже капюшона.—Вы это видите по моему одѣянію:—служитель церкви, членъ того обширнаго общества, цѣль котораго состоитъ въ томъ, чтобы приготовлять грѣшныхъ людей къ иной жизни и сглаживать имъ путь для достиженія добродѣтели и истины.

— Высокое призваніе, безспорно, еслибъ оно только всегда выполнялось... Но что привело васъ ко мнѣ?

— Желаніе помочь нашему бѣдному отечеству, избавить его отъ враговъ и возвратить народъ, когда наступитъ миръ, на путь спасенія.

— И чтобы осуществить все это, вы обращаетесь къ плѣннику? съ горечью промолвилъ Діацъ.—Я васъ вовсе не понимаю. Если васъ приводитъ ко мнѣ ваша обязанность священника—забота о спасеніи моей души, то успокойтесь на этотъ счетъ. Я не считаю себя праведникомъ, но думаю, что могу съ покойнымъ сердцемъ встрѣтить моего судью.

— Никто изъ насъ не можетъ сказать этого, Порфиріо Діацъ; но пусть далекъ еще будетъ тотъ день, когда вы покинете землю. Небо избрало васъ для совершенія великихъ дѣлъ, оно дастъ моимъ безсильнымъ словамъ силу проникнуть въ ваше сердце.

— Ваши слова, кажется, дѣйствительно имѣютъ какую-то опредѣленную цѣль. Но въ такомъ случаѣ я васъ попрошу открыть ваше лицо, ибо я не охотно вступаю въ переговоры съ людьми, которымъ въ разговорѣ не могу смотрѣть въ глаза.

Монахъ колебался.

— Порученіе мое, сказалъ онъ наконецъ,—касается не лично меня; я говорю не отъ себя, но отъ имени другого, и притомъ сегоднешній вечеръ пока еще ничего не рѣшитъ. Я пришелъ сюда собственно для того только, чтобы предложить вамъ вопросъ и услыщать вашъ отвѣтъ на него. Вотъ почему считайте этотъ вопросъ исходящимъ не отъ меня, простого смертнаго, но отъ единоспасающей церкви, представителемъ которой въ настоящую минуту являюсь я. Черты лица моего вамъ не нужны, съ вами говоритъ не человѣкъ, но духъ.

— Я совершенно другого мнѣнія, холодно возразилъ Діацъ.—Или вы

*

Digitized by Google

скажете, что имѣете мнѣ сказать, съ открытымъ лицомъ, или же вовсе не будете говорить. Я васъ не призывалъ и не постигаю, что вы хотите у меня спросить; но положительно отказываю въ дальнѣйшихъ отвѣтахъ, пока не буду точно знать, съ кѣмъ имѣю дѣло.

— А если я далъ клятву не показывать вамъ моего лица?

— Въ такомъ случаѣ, лучшій совѣтъ, который могу вамъ дать, благочестивый отче, прислать ко мнѣ другого члена вашего братства, съ которымъ бы я могъ вступить въ переговоры, какъ мнѣ угодно.

— Такое притѣсненіе очень не любезно съ вашей стороны, генералъ; но ужь если вамъ это такъ непремѣнно нужно, то я готовъ уступить вашему желанью; быть можетъ даже, тогда вы будете имѣть болѣе довѣрія ко мнѣ, такъ какъ вы уже съ давнихъ поръ меня знаете.

Съ этими словами монахъ откинулъ свой капуцинъ.

— Отецъ Цалога! вскричалъ пораженный Діацъ.—Конечно, такая встрѣча вовсе неожиданна, но теперь для меня еще менѣе объяснимо, зачѣмъ вы, правая рука достопочтеннаго архіепископа, явились ко мнѣ. Я полагалъ, что стою не на особенно хорошемъ счету у монсеньора.

— Развѣ ненависть совмѣстна съ долгомъ благочестиваго христіанина? И притомъ неужели вы считаете монсеньора способнымъ ненавидѣть?

Діацъ улыбнулся.

— Не будемъ тратить времени на подобные разговоры, уважаемый падре. Теперь, когда я вижу передъ собою давно знакомыя мнѣ черты, я какъ-то спокойнѣе. Говорите смѣло: въ такое время никто не приходитъ ко мнѣ; мы навѣрное быстро придемъ къ соглашенію. Садитесь. Но прежде выпьемте по стаканчику хересу,—на дворѣ свѣжо и сыро; къ счастію, у меня два сосуда: рюмка и стаканъ,—выпьемте, благочестивый падре, и да здравствуетъ республика!

— Пожалуй, да! но съ оговоркой... отвѣчалъ Цалога, не желавшій отказать Діацу.—Santissima! какое великолѣпное вино! Неужели это французы вамъ доставляютъ такое?

— Нѣтъ, вино это прислано мнѣ изъ города моими друзьями. Но теперь приступимте къ дѣлу. Мнѣ любопытно знать, что привело васъ ко мнѣ.

— Нѣчто очень важное. Начну безъ длинныхъ предисловій. Вамъ самимъ лучше, чѣмъ бы я могъ описать, извѣстно положеніе нашей страны. Вы знаете, что обѣщала имперія и что она дала; знаете также, въ какихъ враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу стоятъ въ настоящее время церковь и правительство.

— Caramba, padre mio! сказалъ Діацъ, съ удивленіемъ слушая слова монаха и все еще не понимая, къ чему они клонятся.—Оно, быть можетъ, и правда, но какое мнѣ дѣло теперь до этого, особенно мнѣ? Не въ моей же власти, даже еслибъ я былъ на волѣ и стоялъ во главѣ войска, управлять судьбами страны.

Digitized by Google

— Но вы будете свободны и встанете не только во главѣ войска, но во главѣ государства, если только согласны дать церкви обѣщаніе устроить это государство по христіанскимъ правиламъ и доставить народу случай опять обратить сердца къ Богу.

Діацъ закусилъ губу: онъ начиналъ понимать, чего требовалъ отъ него монахъ, но промолчалъ, желая узнать больше. Покачавъ головою, онъ замѣтилъ только:

— Но развѣ теперь оно не такъ, падре Цалога? Я смотрю какъ на несчастіе, что нами управляетъ чужеземецъ; считаю бѣдствіемъ, что Мексикѣ навязали имперію, и всѣми силами боролся противъ этого; но, на сколько мнѣ извѣстно, клерикалы сами же призвали въ нашу страну чужеземнаго правителя, и каково бы ни было его правленіе, его поведеніе, какъ христіанина, безукоризненно.

— Тѣмъ не менѣе, онъ утвердилъ преступленіе, совершенное Хуарецомъ, и закономъ освятилъ святотатство. На посольство, посланное имъ въ Римъ, также возложено порученіе представить святѣйшему отцу невозможность другого образа дѣйствія, но не смиренное раскаяніе въ совершенномъ грѣхѣ. Слѣдовательно, съ этой стороны намъ нельзя надѣяться на улучшеніе нашего положенія. Мы знаемъ также, что ждетъ насъ неминуемо въ случаѣ возвращенія Хуареца и вступленія его въ президентство. Да и народъ не хочетъ его возвращенія. Теперь насталъ часъ выбрать человѣка, который бы наиболѣе пользовался его довѣріемъ и представлялъ бы вѣрныя гарантіи мира.

— Кого же вы считаете настоящимъ человѣкомъ для этого, отецъ Цалога?

— Васъ, генералъ.

— Подъ какими же условіями? съ едва замѣтной улыбкой спросилъ Діацъ.

— Условія тѣ же самыя, которыя были предложены имперіи монсеньоромъ Меліа отъ лица папы: признать католическую вѣру господствующею съ исключеніемъ всякой другой, признать полную независимость епископовъ въ исполненіи ихъ пастырской обязанности; возстановить монашескіе ордены, неприкосновенность церковныхъ имуществъ; духовенству предоставить надзоръ за общественнымъ и частнымъ преподаваніемъ.

— А святѣйшій отецъ не уступитъ, ни одного пункта? спросилъ Діацъ, держа передъ глазами на половину отпитый стаканъ, въ которомъ сверкалъ остатокъ вина.

— Мы не властны уступить, ибо это «Божіе повелѣніе»; но за то и мы съ нашей стороны предлагаемъ президенту, который условится съ нами на этихъ началахъ, полную поддержку церкви и клерикаловъ. А вамъ хорошо извѣстно, генералъ, какимъ важнымъ значеніемъ пользуется духовенство въ Мексикѣ.

Digitized by Google

Наступило молчаніе. Наконецъ Діацъ спросилъ:

— А если я не могу принять этихъ условій?

— Я не хочу вѣрить этому, генералъ.

— Ну, а еслибъ я пошелъ на это, какимъ бы образомъ вы освободили меня?

— Объ этомъ не безпокойтесь. Эти старые монастыри снабжены не однимъ потайнымъ ходомъ, о существованіи которыхъ французы и не подозрѣваютъ; но для насъ, знакомыхъ съ ними съ молодости, они легко доступны.

— Хорошо, мой благочестивый отецъ Цалога, возразилъ Порфирію Діацъ, вставая съ мѣста и зорко наблюдая за монахомъ.—Во всякомъ случаѣ я вижу, къ моему удивленію, что оба мы стремимся къ достиженію одной цѣли—низложенія имперіи; одно несчастіе: мы не можемъ согласиться насчетъ *нашего* и *вашего*. Вы хотите опять забрать все, а мы не хотимъ ничего дать. Какъ-же быть? Постоянная революція? Нѣтъ, любезный падре, передайте вашему почтенному архіепископу, что онъ наврядъ найдетъ человѣка, который бы сталъ для него загребать жаръ. Если намъ удастся завоевать себѣ власть, то мы и утвердимъ ее за собою, но не передадимъ смиренно въ руки клерикаловъ. Имперія ли, республика ли,—но улучшенія для себя вы не ждите; ваше вліяніе въ этой странѣ было слишкомъ продолжительно и гибельно.

— Неужели же мы ошиблись въ васъ, генералъ?

— Несомнѣнно, если думали съ моею помощью произвести возстаніе среди возстанія. Я весь принадлежу отечеству и всѣми силами буду способствовать возстановленію мира, въ которомъ оно такъ настоятельно нуждается; но, разумѣется, не съ тѣмъ, чтобы снова возложить на него только-что свергнутое церковное ярмо.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается пожалѣть, что я обезпокоилъ васъ.

— Не говорите этого, вскричалъ Діацъ,—могу васъ завѣрить, благочестивый отецъ, что мнѣ было въ высшей степени любопытно слышать ваши предложенія, такъ какъ, благодаря этому обстоятельству, я пріобрѣлъ ясное пониманіе вашей мирной и примиряющей политики. Развѣ мы для того проливаемъ нашу кровь, чтобы служить подобнымъ эгоистическимъ цѣлямъ и чтобы быть водимыми на помочахъ тѣмъ упрямымъ старцемъ, что въ Италіи?

— Такія слова—богохульство, генералъ! вскричалъ пораженный Цалога, ожидавшій отъ своихъ переговоровъ иного результата.—Мы были въ заблужденіи на вашъ счетъ, и теперь мнѣ остается пожелать вамъ, чтобы уединеніе и спокойствіе навели васъ на болѣе благочестивыя мысли, которыя однѣ въ состояніи спасти вашу душу и направить васъ на путь вѣчнаго блаженства. Прощайте!

— Еще одну минуту, почтеннѣйшій падре! сказалъ Діацъ, улыбаясь,—мы не такъ скоро разстанемся, я иду съ вами.

Digitized by Google

— Вашъ путь иной, покачавъ головою, отвѣчалъ Цалога.—Мы приложили бы всѣ наши старанія для вашего освобожденія, ибо церковь не останавливается ни передъ какими жертвами, чтобы помочь вѣрующимъ; но отступнику церкви мы не протягиваемъ спасающей руки. Господь надъ вами!

— И вы думаете, Цалога, что я такой непокрытый дуракъ, что отпущу васъ одного? Гдѣ вы прошли незамѣченнымъ, тамъ въ сопровожденіи васъ пройду и я; во всякомъ случаѣ, мы попробуемъ.

— Это невозможно! вскричалъ испуганный Цалога, который вовсе не расчитывалъ на такое рѣшеніе со стороны плѣнника.—Мнѣ приходится проходить чрезъ внѣшнія ворота, у которыхъ стоятъ часовые, и если они одного меня кое-какъ пропустятъ, то вдвоемъ насъ навѣрное арестуютъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Но представьте себѣ, что я воспользуюсь первой минутой изумленія стражи, быстро пробѣгу мимо и скроюсь въ темнотѣ? Или же, что будетъ еще лучше, еслибы вы мнѣ одолжили ваше платье, чтобы я могъ спокойно и съ подобающимъ смиреніемъ пройти мимо? Caramba! шутка эта заслуживаетъ опыта.

— Это невозможно, сеньоръ! боязливо-пониженнымъ голосомъ возразилъ Цалога. Онъ представлялъ себѣ, съ какимъ лицомъ встрѣтитъ его достопочтенный архіепископъ, когда онъ явится къ нему съ отвѣтомъ Діаца и въ то же время съ извѣстіемъ объ его бѣгствѣ.—Совершенно невозможно, ибо мы должны будемъ пройти чрезъ длинный проходъ, наполненный солдатами и, конечно, не успѣемъ дойти до половины, какъ умремъ, пораженные ихъ пулями.

— Que importe, amigo! въ такомъ случаѣ мы умремъ вмѣстѣ и избавимся отъ всѣхъ земныхъ треволненій. Кромѣ шутокъ: я твердо намѣренъ не пропускать благопріятнаго случая. Вы меня знаете, Цалога, и я васъ знаю на столько, чтобы сказать вамъ по секрету, что вы, благочестивый отецъ,—величайшій плутъ и негодяй во всей Мексикѣ.

— Генералъ!

— Молчать! скомандовалъ Діацъ.—Теперь конецъ шуткамъ. Ведите меня той же дорогой, по которой вы пришли, и даже далѣе въ продолженіи всего пути моя рука будетъ покоиться на вашемъ плечѣ и, говорю вамъ заранѣе, въ плѣнъ я не вернусь: я буду свободенъ, или умру сегодня же; но и вы со мною умрете: мнѣ будетъ достаточно этого ножа, чтобы убѣдить васъ въ истинѣ моихъ словъ. Вы совершенно въ моей власти и, надѣюсь, нѣтъ надобности увѣрять васъ, что я не задумаюсь воспользоваться ею.

Монахъ бросилъ отчаянный взглядъ на дверь, но тщетно: онъ попался въ западню. Ему не оставалось выбора, онъ долженъ былъ покориться. Хорошо, я попытаюсь провести васъ, идемте же скорѣе; но небесная кара...

Digitized by Google

— Безъ ребячества, amigo! Я не индіецъ, котораго можно запугать вашими страшилищами. Еще одно: брать ли намъ лампу, или мы найдемъ дорогу и въ потьмахъ. Но не думайте, чтобы въ темнотѣ вы могли ускользнуть отъ меня.

— Мнѣ лампа не нужна, но вамъ трудно будетъ идти въ потьмахъ.

— Хорошо; а теперь впередъ по дорогѣ къ свободѣ, мой славный путеводитель! сказалъ Діацъ, захвативъ съ собою лампу, и оба скрылись чрезъ потайную дверь, которая была пробита въ стѣнѣ и ловко замаскирована грубой фреской съ изображеніемъ апостола Петра въ темницѣ.

VI.

Въ столицѣ во многихъ домахъ носили трауръ; послѣднія битвы стоили много крови; Базенъ, дѣйствуя, конечно, въ силу послѣдняго предписанія. полученнаго имъ изъ Франціи, щадилъ свое войско, и всюду, гдѣ была дѣйствительная опасность, онъ высылалъ однихъ мексиканцевъ, австрійцевъ или бельгійцевъ. Съ другой стороны, отдѣльныя банды гверильясовъ также похищали жизнь многихъ людей, и хотя они хоронили въ лѣсахъ трупы убитыхъ, тѣмъ не менѣе сердца родныхъ долго еще обливались кровью, оплакивая погибшихъ.

Горе и заботы посѣтили домъ Ронейро. Дочь его, Инеса, молодая вдова графа Деврё, лежала при смерти въ той самой комнатѣ, въ которой жила въ дѣвушкахъ. Подлѣ нея сидѣла мать ея, блѣдная, вся въ слезахъ, и не спускала съ нея глазъ. Между тѣмъ въ кабинетѣ старикъ Ронейро быстро шагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, проклиная и себя, и поповъ, и либераловъ, и весь міръ. Женщины настоятельно требовали духовнаго утѣшенія, но отецъ Миранда, котораго Ронейро уже разъ обманулъ, рѣшительно отказывался исполнить ихъ желаніе. Несчастный Ронейро пытался просить министра, чтобы тотъ принудилъ упрямое духовенство къ исполненію своихъ обязанностей, но министръ ничего не могъ сдѣлать, такъ какъ по позднѣйшему указу церковь была признана независимою отъ свѣтской власти.

Наступила ночь. Инеса, которая въ теченіи всего дня сильно бредила, начинала дремать; мать ея прилегла на диванъ, чтобы нѣсколько отдохнуть послѣ долгихъ безсонныхъ ночей; старая кормилица Инесы, Канделаріа, и молодая горничная—обѣ, сидя у кровати больной, тоже дремали. Мертвенная тишина царила во всемъ домѣ.

— Инеса! внезапно произнесъ чей-то густой голосъ.—Инеса, проснись!

Мать Инесы и горничная съ изумленіемъ открыли глаза. Въ эту минуту

Digitized by Google

слова повторились еще разъ. Обѣ женщины быстро обернулись въ ту сторону, откуда раздавался таинственный голосъ, и въ ужасѣ вскрикнули.

У самой занавѣсы, раздѣлявшей комнату на двѣ части, стояла неподвижно высокая, темная фигура монаха, зловѣще грозя поднятою кверху рукою; изъ-подъ капюшона виднѣлось блѣдное, костлявое лицо и длинная сѣдая борода. Пробужденная крикомъ матери, Инеса открыла глаза и увидѣла передъ собою грозное привидѣніе. Ave Maria purissima! прошептала она. При этомъ голосъ страшилища снова раздался и глухо произнесъ: «Кара Божія настигла васъ, и рука Его тяжелѣетъ надъ этимъ домомъ,—членъ за членомъ умретъ и отпадетъ. Это первый ударъ, посѣтившій васъ, но оскверненная святыня будетъ мстить за преступленіе, пока смерть всѣхъ васъ не примиритъ съ нею. Горе надъ вами, горе!»

Съ этими словами привидѣніе словно слилось съ темными складками занавѣсы, и изъ-за нихъ еще разъ раздалось глухое «горе вамъ!» Съ дикимъ крикомъ, безъ чувствъ, упала Инеса.

Старикъ Ронейро находился въ своемъ кабинетѣ. Тревожимый опасеніями за жизнь своей возлюбленной дочери, а частію и заботами, какъ бы ему не пришлось возвратить церкви купленныя земли и домъ,—онъ не могъ спать и въ мрачномъ раздумьи сидѣлъ у стола, куря сигару за сигарою. Услышавъ ужасный крикъ, онъ съ трепетомъ вскочилъ и кинулся въ комнату дочери.

— Что случилось? вскричалъ онъ, входя. Но слова замерли на его устахъ, когда онъ увидѣлъ Инесу, лежащую безъ чувствъ, а надъ нею въ отчаяніи склонившуюся мать.—Инеса, дитя мое! наконецъ проговорилъ онъ голосомъ дрожащимъ отъ страха, и не твердыми шагами приблизился къ кровати.

— Она жива! вскричала въ эту минуту обрадованная мать.—Ужасное привидѣніе не убило ее!

— Ужасное привидѣніе? Какое?... Что случилось?

— О, сеньеръ, страшнѣйшее! дрожащимъ голосамъ сказала тогда старая кормилица Инесы.—Старый настоятель этого монастыря былъ здѣсь, въ этой комнатѣ, и предрекъ намъ горе. О, santissima! теперь все погибло.

— Настоятель?... Какой настоятель?

— Старый настоятель монастыря, въ которомъ мы живемъ. О, santissima! Давно уже говорили, что тѣнь его, не находя покоя, бродитъ здѣсь; теперь мы ее видѣли и мы всѣ прокляты.

Ронейро, успокоенный нѣсколько насчетъ состоянія дочери, которая тѣмъ временемъ пришла въ себя и даже выпила глотокъ воды, началъ распрашивать подробности появленія привидѣнія, и затѣмъ, вооружившись револьверомъ, приступилъ къ тщательному осмотру сосѣдней комнаты и находящихся въ ней шкаповъ. Но всѣ старанія его найти таинственнаго посѣтителя, или, по крайней мѣрѣ, отверстіе, чрезъ которое тотъ могъ пройти, оказались тщетными, и онъ долженъ былъ волею или не-

Digitized by Google

волею сознаться наконецъ, что все это по меньшей мѣрѣ весьма странно и вовсе непонятно. Но онъ жестоко ошибся, если думалъ, что такое признаніе съ его стороны прекратитъ дальнѣйшіе толки; страшное привидѣніе произвело сильное впечатлѣніе на женщинъ.

— Сеньоръ! сказала старуха кормилица робкимъ, но тѣмъ не менѣе рѣшительнымъ голосомъ,—я девятнадцать лѣтъ прожила въ вашемъ семействѣ и знаю, что во всей Мексикѣ нѣтъ лучшихъ господъ; но домъ, въ которомъ вы живете, проклятъ,—старый настоятель самъ сказалъ это. И какъ бы хорошо мнѣ ни было у васъ, но спасенье моей души мнѣ дороже всего,—я принуждена васъ оставить.

— Мы не разстанемся съ вами, Канделаріа,—съ непоколебимой твердостью замѣтила сеньора.—Сегодня послѣдняя ночь, которую я провожу въ этомъ домѣ, и то только по тому, что куда же идти середи ночи? Но завтра, рано утромъ, мы соберемъ наши вещи и навсегда покинемъ мѣсто, надъ которымъ тяготѣетъ проклятіе небесъ.

— Однако же, Доминга!

— Нѣтъ, Баутиста, нѣтъ! Къ чему мнѣ всѣ земныя богатства, если я должна лишиться моего ребенка, тебя и всѣхъ васъ? Продай все, что мы имѣемъ: мои брилліанты, брилліанты дочери—намъ они не нужны. Жизнь, полная безутѣшнаго горя, ожидаетъ насъ: монахъ сказалъ это, а мертвые не лгутъ.

— Да, уйдемъ, уйдемъ отсюда! слабымъ голосомъ просила Инеса.—Мнѣ и теперь кажется, будто стѣны давятъ меня—и мнѣ тяжело дышать.

Бѣдный Ронейро не зналъ, что ему дѣлать. Только этого не доставало, чтобы переполнить чашу. Надо было еще явиться привидѣнію, чтобы въ буквальномъ смыслѣ выжить его изъ дому, и онъ въ отчаяніи вскричалъ:

— Хорошо, хорошо! Завтра рано я найду вамъ квартиру; вѣрьте мнѣ—долѣе вы не останетесь въ этомъ домѣ. Но теперь успокойтесь, дайте мнѣ наконецъ вздохнуть и не мѣшайте спать больной.

— Ахъ, еслибы ты ранѣе, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, внялъ нашимъ мольбамъ,—многое, многое было бы не такъ.

— Но теперь все совершилось и прошлаго не воротишь, вскричалъ, выведенный изъ терпѣнія, Ронейро, и съ этими словами, осторожно поцѣловавъ дочь, онъ ушелъ въ крайнемъ недоумѣніи. Онъ самъ не могъ объяснить себѣ, что это такое было. На другое утро, нѣсколько успокоившись, онъ смутно сознавалъ, что дѣло не чисто, что во всемъ этомъ кроется рука духовенства, котораго считалъ способнымъ на все. Въ силу этихъ соображеній, онъ даже было заикнулся о затрудненіи найти такъ скоро другую квартиру; но женщины въ одинъ голосъ и наотрѣзъ объявили ему, что скорѣе согласятся спать подъ открытымъ небомъ, чѣмъ въ этомъ домѣ. Такимъ образомъ онъ былъ вынужденъ въ это же утро сыскать квартиру и перевезти ихъ, что онъ и сдѣлалъ. Большую

Digitized by Google

часть вещей, до пріисканія болѣе удобнаго помѣщенія, онъ оставилъ въ старомъ домѣ. А что касается возвращенія земель и дома церкви, объ этомъ онъ покуда молчалъ,—дѣло было не къ спѣху.

Между тѣмъ Порфиріо Діацъ, послѣ удачнаго бѣгства изъ стѣнъ пуэбльскаго монастыря, благополучно добрался до границъ штата Гверреро. Благодаря гористому мѣстоположенію и недоступности своихъ естественныхъ границъ, штатъ Гверреро оставался совершенно независимымъ отъ центральной власти и самодержавно управлялся своими собственными правителями, сперва старикомъ Альварецомъ, а въ настоящее время его сыномъ Діего Альварецомъ. Прибывъ съ небольшимъ числомъ людей къ правому берегу рѣки Мескалы, которая протекаетъ по всему штату, а на сѣверѣ отдѣляетъ его отъ штата Михоаганъ, Діацъ послалъ одного изъ своихъ людей на противуположный берегъ, чтобы объявить, кто онъ, и просить выслать ему паромъ для перевозки его людей и поклажи.

Діего Альварецъ жилъ въ то время съ незначительнымъ войскомъ въ маленькомъ городѣ Мескалѣ, на лѣвомъ берегу рѣки того же имени, чтобы имѣть возможность самому защитить наиболѣе доступную границу своихъ штатовъ отъ вторженія французовъ, которые не разъ уже пытались было завоевать штатъ Гверреро съ цѣлію завладѣть лежащимъ на его берегу важнымъ портомъ Акапулько. Немедленно извѣщенный о прибытіи Діаца, онъ поспѣшилъ къ нему на встрѣчу и принялъ его весьма радушно.

— Caramba, донъ Порфиріо, какъ же я радъ видѣть васъ у себя и, слѣдовательно, свободнымъ. Вѣдь они тамъ казнятъ теперь всѣхъ, кто попадается имъ въ руки.

— Я не менѣе вашего радъ найти васъ здѣсь, донъ Діего, сказалъ Діацъ, дружески пожимая ему руку,—и быть наконецъ внѣ опасности. Сюда не проникаетъ врагъ, не правда ли?

— Конечно нѣтъ; но васъ преслѣдовали?

— Травили, какъ звѣря, и разъ я чуть было не попался имъ опять въ руки. На мое счастіе поднялась ужасная, небывалая гроза съ дождемъ и землетрясеніемъ; лошади французовъ испугались, и преслѣдователи мои должны были сойти съ нихъ и взять ихъ за повода, а я тѣмъ временемъ проскользнулъ мимо нихъ, спустился по крутой скалѣ и въ воду—и такимъ образомъ, незамѣченный, избѣжалъ опасности.

— Ave Maria! какъ подумаешь, что эти бестіи смѣютъ такимъ образомъ гоняться за лучшими людьми нашей страны! Но теперь вы внѣ опасности, Порфиріо Діацъ, и можете отдохнуть на свободѣ.

— Для меня нѣтъ отдыха, пока правленіе въ рукахъ чужеземца. Имѣете ли вы извѣстія съ сѣвера? Что дѣлается съ Хуарецомъ?

— Плохо, отвѣчалъ Альварецъ, качая головою,—не думаю даже, чтобы

Digitized by Google

онъ былъ еще на мексиканской территоріи; а если онъ ещё тутъ, то въ качествѣ такого же бѣглеца, какъ и вы. Почему онъ не пришелъ къ намъ въ Гверреро?

— По очень простой причинѣ: онъ надѣялся набрать тамъ американцевъ въ защиту нашего дѣла. Сѣвероамериканскіе Штаты, какъ я слышалъ въ Пуэблѣ, высказываются все рѣшительнѣе противъ имперіи, и французскіе офицеры не разъ говорили въ моемъ присутствіи что скоро узрятъ свою прекрасную Францію.

— На какую же собственно партію опирается въ настоящее время Максимиліанъ?

— Собственно ни на одну. Клерикалы всѣми силами подкапываются подъ его власть; консервативная партія раздражена тѣмъ, что императоръ управляетъ съ помощію однихъ министровъ-либераловъ и издаетъ законы, либеральнѣе которыхъ не издалъ бы самъ Хуарецъ и противъ которыхъ они такъ долго возставали, какъ на примѣръ, законъ объ освобожденіи индійцевъ, учрежденіе вольныхъ училищъ и такъ далѣе. Наконецъ либералы, которые окружаютъ его, также начинаютъ чувствовать себя не совсѣмъ хорошо, ибо финансы находятся въ крайне жалкомъ положеніи, и они предвидятъ скорое банкротство государства.

— Такъ, такъ, подтвердилъ Діего, смѣсь.—Я всегда говорилъ, что предпочитаю свой постъ правителя Гверреро посту президента или императора всей Мексики. Но что же теперь предпримете вы?

— При первомъ извѣстіи, что Хуарецъ собралъ войско на сѣверѣ, я отправляюсь въ Оахаку. Тамъ все кинется ко мнѣ. Мы не должны давать непріятелю ни минуты покоя. Его нужно тревожить и преслѣдовать со всѣхъ сторонъ, чтобы проникнуться сознаніемъ, что здѣсь, на этой землѣ, онъ никогда не найдетъ себѣ спокойствія. Приготовьтесь, донъ Діего, и когда война снова разыграется одновременно на сѣверѣ и на югѣ, тогда и вы, съ вашей стороны, выступите съ вашими пинтосами; и вы увидите, какъ мы вгонимъ враговъ въ море, изъ-за котораго они пришли. Мексика будетъ свободна, или же мы ляжемъ мертвые, какъ легло уже много тысячъ нашихъ братьевъ.

— Однакоже теперь вы пробудете нѣкоторое время съ нами?

— Да, два, три дня, чтобъ успѣть отдохнуть; а за тѣмъ за дѣло. Бездѣйствіе давно меня томитъ. Я горю нетерпѣніемъ встать снова во главѣ войска.

Долго еще толковали они о состояніи страны, о томъ, что предпринять и какъ скорѣе осуществить освобожденіе Мексики. Наконецъ утомленный Діацъ собирался уже на отдыхъ, какъ вдругъ къ Альварецу явился гонецъ изъ Мацатлана съ важнымъ извѣстіемъ, что въ Ріо-Гранде сѣвероамериканцы открыто приняли сторону Хуарецa и уже успѣли завоевать для либераловъ городъ на мексиканской территоріи; нижняя Калифорнія опять отложилась отъ имперіи; въ Синалоа и Кику-

Digitized by Google

акуа будто изъ земли выростали новые отряды гверильясовъ, и носился слухъ, будто самъ Хуарецъ во главѣ войска, состоящаго изъ американскихъ волонтеровъ, двигается къ югу.

— Донъ Діего! вскричалъ Порфиріо Діацъ, слушавшій съ напряженнымъ вниманіемъ донесеніе гонца,—я завтра рано утромъ выступаю по дорогѣ къ востоку.

— Что съ вами, amigo? вы только-что прибыли сюда и не успѣли еще порядкомъ отдохнуть. Что вамъ дѣлать на востокѣ?

— Набирать людей и помогать товарищу на сѣверѣ.

— Но можемъ ли мы знать, что всѣ эти извѣстія справедливы? Caramba!—путь не близкій, и пока шелъ гонецъ, все могло измѣниться.

— Разумѣется, amigo, но къ лучшему для насъ. Завтра съ восходомъ солнца я ухожу; каждый день, проведенный здѣсь въ бездѣйствіи, потерянъ. А теперь надо уснуть по меньшей мѣрѣ на нѣсколько часовъ: организмъ требуетъ своего.

Вѣрный своему слову, Порфиріо Діацъ на слѣдующій же день съ восходомъ солнца собрался въ путь. Діего снабдилъ его военными снарядами и провіантомъ, но не захотѣлъ связать себя обѣщаніемъ дальнѣйшей поддержки. Тѣмъ не менѣе Діацъ, убѣжденный въ правотѣ своего дѣла, бодро направилъ свой путь сперва въ сосѣднюю провинцію, чтобы тамъ произвести новое возстаніе, и затѣмъ двинуться къ сѣверу.

Мнѣніе Родригеца, когда онъ говорилъ Рикардѣ, что имперія стоитъ не на прочной почвѣ, было отчасти справедливо.

Въ этомъ случаѣ одна неудача влекла за собою другую.

Въ 1865 году имперія, по видимому, утвердилась; французскія и австрійско-бельгійскія войска, храбро поддерживаемыя мексиканскими генералами Мехіею и Мендецомъ загнали врага въ Паары и тамъ сразились съ нимъ, такъ что въ продолженіи нѣкотораго времени вся страна, за исключеніемъ штата Гверреро и нѣкоторыхъ наиболѣе отдаленныхъ штатовъ, была подчинена имперіи.

Такую обширную страну, какъ Мексика, хотя и можно завоевать на время, но утвердить въ ней свое господство весьма трудно, если нѣтъ многочисленнаго войска, которое можно бы было оставлять въ завоеванныхъ мѣстахъ, чтобы удержать ихъ за собою.

Уже въ концѣ этого года счастье начинало измѣнять имперіи; тѣмъ не менѣе она еще держалась. Французскія войска, хотя Базенъ уже и получилъ секретныя инструкціи отъ французскаго двора, продолжали исполнять свою обязанность и храбро дрались, когда ихъ посылали въ дѣло. Но съ весны 1866 г. французскій маршалъ все болѣе и болѣе начиналъ уклоняться отъ военныхъ дѣйствій и очевидно хотѣлъ окончательно прекратить наступательныя движенія. Однакожь въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ еще

Digitized by Google

разъ взялъ Кинуакуа и прогналъ оттуда Хуареца. Между тѣмъ либералы, видя какъ слабо имъ сопротивляются, становились все смѣлѣе и выступали со всѣхъ сторонъ. Базенъ же, казалось, старался только о томъ, чтобы сосредоточить свои французскія войска на случай, еслибы пришло изъ Франціи ожидаемое приказаніе.

Тайные приверженцы Хуареца, разумѣется, ликовали: отзывъ въ настоящую минуту вспомогательныхъ войскъ нанесъ бы смертельный ударъ только-что начинавшейся было утверждаться имперіи. Такъ, по крайней мѣрѣ, понимали это люди хорошо знающіе Мексику и ея жителей. Духовенство, какія бы оно надежды ни возлагало на ту минуту, когда иноземныя войска развяжутъ ему руки, находилось въ смущеніи, ибо еще не осуществились тѣ условія, при которыхъ оно бы съ радостію взглянуло на удаленіе французскихъ войскъ.

Хуареца пока еще нельзя было считать окончательно разбитымъ, не смотря на то, что молва уже не разъ выгоняла его за предѣлы государства, а хвастливыя донесенія въ газетахъ торжественно объявляли, что войско его совершенно разбито и разсѣяно. Откуда набиралъ онъ свѣжія войска—оставалось загадкою; но отрицать этотъ фактъ нельзя было.

Либералы слѣдовали по пятамъ за императорскими войсками и этимъ приводили жителей въ отчаяніе, такъ какъ съ обѣихъ сторонъ на нихъ налагались контрибуціи, конца которымъ они не предвидѣли.

Поразительная бездѣятельность французовъ, армія которыхъ совсѣмъ перестала заботиться о событіяхъ въ странѣ и очевидно ждала только приказанія изъ Франціи, и усиленная дѣятельность хуаристовъ на сѣверѣ, югѣ и западѣ, такъ сильно озабочивавшая приверженцевъ имперіи, пробудила и въ клерикальной партіи нѣкоторое раскаяніе: она начинала сознавать, что происки ея были преждевременны, что ей еще недостовало человѣка, на котораго она могла бы положиться съ надеждою на успѣхъ.

Да, еслибъ Мирамонъ былъ въ настоящую минуту въ Мексикѣ, тогда, быть можетъ, все бы устроилось наилучшимъ образомъ. Мирамонъ, пользуясь полною довѣренностью консерваторовъ, равно какъ и духовенства, могъ бы собрать вокругъ себя народъ, на фанатизмъ котораго дѣйствовали бы клерикалы, и такимъ образомъ эти послѣдніе могли бы расчитывать на успѣхъ,—но что же теперь?

Чувствуя потребность совѣщанія и утѣшенія, главные представители духовенства и вожди клерикальнаго заговора собралися сегодня въ домъ генерала де-ла-Парра. Положеніе требовало полнаго вниманія соучастниковъ; безотлагательно необходимыя мѣры должны были быть обсуждены.

Вотъ почему собравшіеся консерваторы рѣшительно потребовали, чтобы архіепископъ не терялъ долѣе времени; бѣда висѣла надъ ними; нѣкоторые предлагали даже имѣть въ виду «про запасъ» стараго крамольнаго президента Санта-Анну въ случаѣ какого нибудь внезапнаго переворота въ столицѣ.

Digitized by Google

Лабастида насквозь понималъ этихъ господъ. Искренняго патріотизма онъ въ нихъ не предполагалъ; онъ и самъ былъ также чуждъ этого чувства. Личный интересъ былъ единственнымъ руководителемъ этихъ людей. Но къ старику Санта-Аннѣ архіепископъ не имѣлъ довѣрія; онъ слишкомъ хорошо зналъ, какъ часто этотъ честолюбивый и жадный патронъ измѣнялъ своимъ убѣжденіямъ и примыкалъ къ той партіи, которая въ данную минуту казалась ему наиболѣе полезною для его цѣлей. Тѣмъ не менѣе онъ остерегся выразить свое искреннее мнѣніе въ присутствіи Ордоноца—родственника Санта-Анны; ибо кто же могъ поручиться, что Санта-Анна не станетъ опять, хотя только и на время, во главѣ правленія?

Послѣдній мѣсяцъ прошелъ для Максимиліана въ сильномъ безпокойствѣ: неизвѣстность, какъ будутъ приняты въ Парижѣ предложенія его посла Альмонте, сильно тревожила его. Онъ не могъ не видѣть неблагопріятнаго для имперіи оборота, принимаемаго внутренними дѣлами государства, но считалъ это не болѣе, какъ послѣднимъ отчаяннымъ напряженіемъ либераловъ, послѣднею вспышкою умирающаго революціоннаго духа, который могъ сдѣлаться опаснымъ только въ такомъ случаѣ, если ему дадутъ время и мѣсто развиться. Еще одно пораженіе, и они должны были признать всю безполезность дальнѣйшаго сопротивленія.

Но для того, чтобы одержать надъ ними рѣшительную, окончательную побѣду, ему на нѣкоторое еще время была необходима помощь Франціи. Но французскія войска оставались праздны съ оружіемъ въ рукахъ, а маршалъ ихъ на всѣ дѣлаемыя ему настоятельныя представленія отвѣчалъ только пожатіемъ плечъ и пустыми отговорками. Вотъ почему Максимиліанъ съ такимъ усиленно-возрастающимъ нетерпѣніемъ ждалъ извѣстія отъ Альмонте. Мрачное предчувствіе томило его; онъ зналъ, что побѣдоносные Сѣверные Штаты шлютъ Наполеону депешу за депешей. Наконецъ депеша, ожидаемая съ такимъ тревожнымъ нетерпѣніемъ, была получена. Максимиліанъ заперся въ своемъ кабинетѣ и цѣлыхъ два часа не выходилъ. Наконецъ онъ вышелъ и приказалъ попросить къ себѣ императрицу. Карлотта, извѣщенная между тѣмъ о полученіи депешъ отъ французскаго посланника и предугадывая ихъ содержаніе, не заставила ждать себя. Когда она вошла, Максимиліанъ стоялъ, скрестивъ руки и по видимому спокойный, но небывалая блѣдность покрывала его лицо. На столѣ передъ нимъ лежали злополучныя бумаги.

— Прочти! сказалъ онъ ей, указывая на бумаги.

— Что случилось, Максъ?

— Ничего такого, чего бы я въ послѣднее время не предчувствовалъ; но вотъ, что *случится* теперь, Карлотта: мы распростимся съ этими очаровательными горами и вернемся въ нашъ мирный Мирамаре.

— Максъ!

— Прочти, дитя мое. Письмо французскаго правительства не отличается особенной благовидностью, но за нимъ остается преимущество,

Digitized by Google

котораго не имѣютъ многіе дипломатическіе акты,—ясность, а такое обстоятельство всегда достойно благодарности.

Карлотта молча взяла бумагу и, внимательно прочитавъ ее съ начала до конца, вскричала:

— Вотъ какъ Наполеонъ нарушаетъ свой договоръ!

— Скажи лучше, онъ попираетъ его ногами! вскричалъ Максимиліанъ.— Ахъ, зачѣмъ я не внялъ совѣтамъ людей, дѣйствительно преданныхъ мнѣ; зачѣмъ довѣрился Наполеону и положилъ мою жизнь,—нѣтъ, болѣе чѣмъ жизнь,—честь мою и имя, чтобы сдѣлаться орудіемъ его цѣлей!

— Къ чему, Максъ, эти жалобы о совершившемся и невозвратномъ; надо подумать, какъ дѣйствовать и какія мѣры принять въ случаѣ, если Франція въ самомъ дѣлѣ осуществитъ свою угрозу и вызоветъ отсюда свои войска. Разумѣется, это обстоятельство значительно уменьшитъ число нашей арміи. Но развѣ у насъ нѣтъ вновь сформированныхъ егерскихъ баталіоновъ, нашихъ кацадоресъ, этого начала чисто національной мексиканской арміи? Тѣмъ болѣе славы для насъ, если мы безъ помощи чужихъ штыковъ и опираясь только на національное войско, утвердимъ нашу власть и возстановимъ миръ въ странѣ.

— Не заблуждайся! спокойно возразилъ Максимиліанъ;—мы могли бы надѣяться осуществить все это, еслибъ непріятель въ настоящую минуту находился внѣ предѣловъ государства, но теперь, при первомъ слухѣ объ удаленіи французовъ, не только либералы соединяются плотнѣе и дѣйствуютъ наступательнѣе, но даже большое число и нашихъ сторонниковъ, предвидя торжество республиканской партіи, покидаетъ насъ. Повѣрь мнѣ, Карлотта, въ эти немногіе годы я узналъ короче, чѣмъ бы желалъ, моихъ славныхъ мексиканскихъ подданныхъ, и еслибъ это могло быть ранѣе, то навѣрное не пришелъ бы сюда. Теперь наступилъ конецъ; не думаю, чтобы Наполеонъ измѣнилъ свое рѣшеніе, а силою навязываться мексиканскому народу я не желаю. Богъ мнѣ свидѣтель; я дѣлалъ все, что могъ, для возстановленія мира въ злополучной странѣ, раздираемой враждой партій, но они не хотятъ мира, и это нежеланіе есть наслѣдствіе безпрерывныхъ войнъ и революцій. Эти люди привыкли не къ труду, но къ дикой, буйной жизни; они родились въ ней, выросли въ ней, не знаютъ и не хотятъ знать другой. Я усталъ отъ этой борьбы съ недостижимымъ. Пусть Хуарецъ, или другой, кто хочетъ, справляется съ ними; я же, хотя и съ прискорбіемъ, считаю за лучшее сложить съ себя императорскую корону.

— Ты сдѣлаешь этимъ величайшее удовольствіе Наполеону. Теперь онъ добивается именно этого, такъ какъ торжествующіе Сѣверо-американскіе Штаты не желаютъ признать мексиканской имперіи, а онъ слишкомъ малодушенъ, чтобы отстоять данное слово.

Максимиліанъ ничего не отвѣчалъ. Мрачныя думы тревожили его.

—Обманутъ, преданъ,—вполголоса проговорилъ онъ наконецъ, прерывая

Digitized by Google

долгое и мучительное молчаніе.—Обманутъ, преданъ, и опять Наполеономъ! А что скажетъ свѣтъ? Посмѣются надъ безумнымъ Габсбургомъ, который, не смотря на многое, могъ еще разъ повѣрить ему. Что же ждетъ меня послѣ? Униженный воспоминаніемъ перенесеннаго позора, осмѣянный толпой, а тамъ глумленіе газетъ, сожалѣніе людей наиболѣе доброжелательныхъ; это сожалѣніе, это состраданіе будетъ терзать меня.

Въ эту минуту кто-то слегка постучался въ дверь. Императрица отворила и приняла отъ слуги новую депешу, которую передала императору. Прочитавъ ее, Максимиліанъ залился громкимъ смѣхомъ. Онъ получилъ извѣстіе, что его храбрый полководецъ Мехіа, долго защищавшій Матаморосъ, былъ окончательно разбитъ и бѣжалъ съ остаткомъ войска въ Вера-Крузъ на французскіе корабли.

— Мехіа! въ испугѣ вскричала императрица.

— Очень естественно,—съ горечью сказалъ Максимиліанъ;—мой храбрый индіецъ долго держался. Какъ я просилъ Базена послать ему помощь! Но нѣтъ! вѣроятно, господинъ маршалъ давно уже зналъ о намѣреніяхъ своего державнаго властителя и берегъ свои войска Какое ему дѣло до истребленія мексиканскихъ силъ! Но довольно!—завтра же соберу своихъ министровъ и представлю имъ мое отреченіе. Я не хочу быть долѣе ихъ императоромъ, ибо нѣтъ ни одного мексиканца, на вѣрность котораго я могъ бы положиться. Даже и между министрами есть плуты: у меня есть вѣрныя доказательства, что Силицео велъ тайную переписку съ Хуарецомъ. Объ остальныхъ я положительнаго ничего не знаю, но не вѣрю болѣе никому. Рѣшено, я отрекусь; но мы не вернемся въ Австрію, Карлотта, а поѣдемъ въ Грецію, въ Египетъ или, быть можетъ, предпримемъ путешествіе въ восточную Индію; я давно желалъ посѣтить Востокъ.

Карлотта ничего не возражала, но, очевидно, ею овладѣло сильное волненіе, глаза ея сверкали необычайнымъ огнемъ, щеки горѣли, и бѣлая рука нѣсколько разъ, словно безсознательно и съ какимъ-то судорожнымъ движеніемъ, скользила по лбу.

— Нѣтъ, сказала она наконецъ, и при этомъ сильная дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу.—Нѣтъ, такъ ты не уѣдешь отсюда, пока остается возможность избавить тебя отъ этого.

— Возможности-то и нѣтъ, дитя мое! спокойно отвѣчалъ Максимиліанъ.

— Есть, есть, вполголоса твердила Карлотта, обвивъ рукою мужа и смотря ему въ глаза. Я знаю, на мнѣ лежитъ вина, что ты возложилъ на свою голову тяжелое бремя короны. Не говори ничего—я живо помню ту минуту въ Мирамаре, когда, ослѣпленная блескомъ императорскаго сана, я обняла тебя и съ гордостію назвала моимъ императоромъ. Злополучная минута эта кинула насъ на эти дикіе берега. Теперь мое дѣло облегчить твое бремя и доставить тебѣ помощь. Если же это неудастся,

Digitized by Google

тогда мы вмѣстѣ пойдемъ въ добровольное изгнаніе, и пусть никогда ни единая жалоба не вырвется изъ устъ нашихъ.

— Что съ тобой, Карлотта? Ты такъ необычайно взволнована, глаза твои горятъ, ты вся дрожишь?

— Ничего, Максъ. Я хочу достать тебѣ помощь, если только это въ человѣческихъ силахъ.

— Ты, Карлотта? Да это невозможно, помощь мнѣ могутъ принести только французскія войска и примиреніе съ папою.

— Я добуду для тебя и то и другое. Я сама поѣду въ Римъ и въ Парижъ. Наполеонъ могъ отвергнуть предложенія мексиканскаго генерала, но развѣ онъ сможетъ сдѣлать это, смотря мнѣ въ глаза? Развѣ онъ дерзнетъ сказать мнѣ, что нарушаетъ мирамарскій договоръ?

— А если онъ, тѣмъ не менѣе, это сдѣлаетъ?

— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Наполеонъ не способенъ на это. Мѣсяца черезъ два ты получишь извѣстіе, что французскія войска остаются еще на нѣкоторое время въ Мексикѣ,—по меньшей мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока они намъ нужны для окончательнаго усмиренія этихъ смѣлыхъ разбойничьихъ шаекъ, и пока не сформируемъ національную армію. Затѣмъ я поспѣшу въ Италію, и повѣрь мнѣ, святѣйшій отецъ, зная меня за ревностную католичку, внемлетъ моимъ представленіямъ.

— Non possumus! мрачно сказалъ Максимиліанъ.

— Не вѣрь этому. Человѣкъ, котораго ты послѣднимъ послалъ въ Римъ, лицемѣръ и предатель. Къ сожалѣнію, я узнала объ этомъ, когда уже было поздно. Онъ былъ орудіемъ хитраго Лабастиды.

— Откуда ты знаешь это?

— Оставимъ это, его не воротишь. Мое рѣшеніе твердо,—я ѣду. Но ты продержись только до того времени, и ты увидишь—все кончится благополучно.

— Но какъ же я пущу тебя одну въ такое далекое путешествіе?

— А развѣ я не ѣздила одна въ Юкатанъ? смѣясь, замѣтила Карлотта. Не думаешь ли уже ты, что народы Италіи и Франціи болѣе дики, чѣмъ эти неукротимыя индійскія племена? Положись на меня, Максъ; мой совѣтъ привелъ тебя въ Мексику, мои дѣйствія утвердятъ твое владычество здѣсь; наконецъ, будь что будетъ, намъ всегда останется утѣшеніе нераздѣльно покориться велѣніямъ судьбы.

Вѣсть объ отозваніи французскихъ войскъ и объ отъѣздѣ императрицы въ Европу облетѣла столицу съ быстротой электрической искры. Паденіе имперіи казалось всѣмъ неизбѣжнымъ; тѣмъ не менѣе, приверженцы императора не отваживались дѣйствовать рѣшительно. Съ одной стороны, они, конечно, предвидѣли вѣроятность паденія имперіи; но съ другой стороны, и торжество Хуареца оставалось пока еще сомнитель-

Digitized by Google

нымъ. Могли ли они угадать результатъ поѣздки императрицы? Вотъ почему они сочли за лучшее не высказываться до поры и терпѣливо выжидать минуту, когда дѣла примутъ болѣе опредѣленный оборотъ. Но вообще настроеніе умовъ въ столицѣ было довольно печальное.

Единственное послѣдствіе слуха, объ отозваніи французскихъ войскъ можно было тогда же предвидѣть. Люди до сихъ поръ колебавшіеся и сомнѣвавшіеся, мгновенно избавились отъ своей нерѣшимости и сново перешли, хотя и не открыто, но душою на сторону либераловъ. Такіе переходы въ столицѣ совершались рѣже, но за то во внутренности страны они съ самаго начала сдѣлались очень замѣтны.

Всѣ префекты меньшихъ штатовъ на сѣверѣ и югѣ, которые до сихъ поръ съ радостью присягали императору, съ той самой минуты, какъ счастье измѣнило ему, перестали считать себя связанными; да и что значила въ Мексикѣ присяга какому бы то ни было правленію?

Нашъ же старый знакомый донъ Педро Гаспардо былъ просто въ отчаяніи; отъѣздъ императрицы растраивалъ многіе его планы. Кромѣ того, онъ въ послѣднее время находился въ ссорѣ съ горячо любимой женою, которую подозрѣвалъ въ измѣнѣ, основывая это свое подозрѣніе на томъ обстоятельствѣ, что жена его укрыла у себя преслѣдуемаго Мориціо Луцидо и этимъ способствовала его бѣгству. Не желая оставаться долѣе въ тѣхъ натянутыхъ отношеніяхъ, въ которыхъ находился съ ней въ послѣднее время, онъ написалъ ей письмо, въ которомъ объявилъ, что желаетъ развода, на сколько онъ возможенъ и осуществимъ между людьми католическаго исповѣданія. Дону Педро надоѣли до пресыщенія всякія стѣсненія, и онъ желалъ сдѣлаться еще болѣе легкомысленнымъ. Теперь онъ сидѣлъ у своей конторки, собираясь немедля написать заказы въ Парижъ, съ тѣмъ, чтобы вещи были высланы ему до отъѣзда императрицы. Такимъ образомъ онъ пріобрѣталъ еще разъ возможность воспользоваться заказами, данными ему императрицею, чтобы безпошлинно получить все необходимое для своего магазина.

Пока онъ сидѣлъ и обдумывалъ, кто-то постучалъ въ дверь.

— Entra! вскричалъ онъ съ досадой,—quien es?

Дверь медленно отворилась, и на порогѣ появилась его хорошенькая жена. Въ рукахъ она держала открытое письмо; распустившіяся пряди волосъ падали ей на плечи; она была блѣдна, глаза были полны слезъ, и вся стройная фигура ея казалась изогнутою горемъ.

— Педро! произнесла она тихимъ, едва внятнымъ голосомъ.

Удивленный Педро посмотрѣлъ на нее въ упоръ. Какъ очаровательна показалась она ему! Но тѣмъ не менѣе она его обманула и измѣнила ему.

— Педро! повторила Корнелія, ступая шагъ впередъ, но не дерзая поднять глазъ на оскорбленнаго мужа.—Педро, ты ли писалъ ко мнѣ это письмо, эти жестокія строки?

— Корнелія, ты жестоко оскорбила меня,—лучше растанемся!

Digitized by Google

— Неужели мы должны сдѣлаться оба несчастными, на основаніи одного твоего несправедливаго подозрѣнія? Ты даже не позволяешь мнѣ оправдаться.

— Оправдаться? Но развѣ въ данномъ случаѣ существуетъ для тебя возможность оправданія? Развѣ ты не укрыла бѣглеца и не способствовала его бѣгству? И развѣ твое поведеніе въ тотъ день не возбудило подозрѣнія, что я его соумышленникъ?

— И все-таки ты несправедливъ ко мнѣ, и я невинна.

— Невинна? вскричалъ донъ Педро.—Ты съ ума меня сведешь!

— Ты казнишь меня, основываясь только на показаніи дѣвушки, которая сказала тебѣ, что молодой человѣкъ этотъ не разъ бывалъ у меня.

— А этого недовольно?

— Но развѣ ты спросилъ меня о причинѣ его посѣщеній? Ослѣпленный безумною ревностію, ты не задумался обвинить меня. Но теперь, когда мы должны растаться, быть можетъ, на вѣки, я тебѣ скажу все. Мориціо Луцидо влюбленъ въ мою сестру и просилъ ея руки, но родители мои не хотѣли дать своего согласія, и онъ нѣсколько разъ приходилъ ко мнѣ просить моего ходатайства. Въ злополучный тотъ день, видя опасность, которая угрожаетъ человѣку, любимому моей сестрой, я на минуту укрыла его у себя и дала ему ключъ отъ лѣстницы, ведущей на крышу:— вотъ вся моя вина. Теперь поступай, какъ знаешь, я покорюсь всему.

— Корнелія! вскричалъ донъ Педро, полупобѣжденный уже необычайной красотою виновной,—ты говоришь, онъ возлюбленный твоей сестры?

— Да; можешь ли ты казнить меня за то, что я не хотѣла предать его французамъ, которыхъ ты самъ научилъ меня ненавидѣть, какъ нашихъ злѣйшихъ враговъ?

— Донъ Педро кинулся въ ея объятія и молилъ простить его. Но дальнѣйшія объясненія по этому поводу должны были быть отложены до болѣе удобнаго времени, такъ какъ теперь безотлагательно необходимо было написать заказы. Пять минутъ спустя, Корнелія сидѣла уже въ своей комнатѣ за маленькимъ письменнымъ столомъ, а сзади ея, преисполненный счастьемъ и блаженствомъ, стоялъ донъ Педро и диктовалъ ей: «столько-то мыла, столько-то щетокъ, столько-то духовъ и другихъ принадлежностей туалета»

Грустное настроеніе господствовало въ Капультепекѣ. На слѣдующій день государыня уѣзжала. Мексиканская знать пріѣзжала прощаться съ императрицей, но на этотъ разъ никого не принимали. Карлотта желала провести послѣдній вечеръ наединѣ съ мужемъ. Долго, до поздняго вечера, бродили они по саду, обсуждая вѣроятность того или другаго результата. Максимиліанъ былъ грустенъ и плохо вѣрилъ въ благопріятный исходъ поѣздки. Карлотта же, напротивъ, казалось, была полна лучшихъ надеждъ, утѣшала, ободряла мужа и, по видимому, была въ особенно веселомъ настроеніи духа.

Digitized by Google

— Въ такомъ случаѣ поѣзжай съ Богомъ, дитя мое, сказалъ Максимиліанъ, притянувъ ее къ себѣ и цѣлуя ее въ лобъ,—и дай Богъ, чтобы надежды твои не обманули тебя... Но теперь пойдемъ въ комнаты,—становится холодновато.

— Оставь меня здѣсь, Максъ! просила Карлотта;—голова моя горитъ, и прохладный воздухъ освѣжитъ меня; я скоро прійду.

— Не оставайся долго; ты не должна хворать въ дорогѣ.

Оставшись одна, Карлотта нѣкоторое время еще ходила взадъ и впередъ. Но дальнѣйшее напряженіе было свыше ея силъ: закрывъ лицо руками, она опустилась на скамейку и зарыдала. Судорожныя движенія всего тѣла ясно говорили, какая страшная боль терзаетъ ея сердце. Но это продолжалось не долго,—ей было необходимо выплакаться; затѣмъ она встала и, отряхнувъ слезы, словно стыдясь своей минутной слабости, пошла въ зáмокъ.

Пока она плакала, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, изъ-за высокой стѣны, выглядывала чья-то темная фигура и, не спуская съ нея глазъ, слѣдила за каждымъ ея движеніемъ; когда же она скрылась въ зáмкѣ, незнакомецъ быстро перескочилъ стѣну въ садъ, поднялъ перчатку, которую императрица обронила, и въ безумной страсти прижималъ ее къ губамъ; затѣмъ онъ спряталъ ее за пазуху и поспѣшилъ перелѣзть стѣну. За стѣной ждала его другая темная фигура.

— Съ ума вы сошли, полковникъ! Вы были въ саду?

— Да; но теперь уйдемъ скорѣе.

— А еслибъ васъ тамъ застали? Caracho, что вамъ было тамъ дѣлать? Какое безумство!

— Оставь, Яблонскій, все обошлось благополучно,—никто не видалъ.

— Императрица была еще тамъ?

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ же вы пошли?...

— Пойдемъ; намъ опасно оставаться здѣсь долѣе: насъ могутъ увидать.

И съ этими словами оба бѣгомъ спустились по нижнему саду въ паркъ, и скоро тѣни ихъ слились съ тѣнями вѣковыхъ деревьевъ-великановъ, безмолвныхъ свидѣтелей поочереднаго торжества и паденія кациковъ, вицекоролей, президентовъ и императоровъ.

Поѣздка императрицы возбудила въ публикѣ искренное участіе даже и въ Вера-Крузѣ, городѣ до сихъ поръ не особенно расположенномъ къ имперіи. Но съ другой стороны, неизвѣстность результатовъ этой поѣздки усилила мучительное положеніе до того, что наконецъ оно сдѣлалось почти невыносимымъ. Прежде, пока еще не совершилось открытаго нарушенія мирамарскаго договора, въ государствѣ господствовала увѣренность, что, не смотря на отдѣльные несчастные случаи, все окончится благополучно. Но теперь это отозваніе французскихъ войскъ превратилось въ фактъ. Конечно, Базенъ еще разъ выступалъ во главѣ своего войска подъ пред-

Digitized by Google

логомъ очистить сѣверъ отъ хуаристскихъ бандъ, но въ дѣйствительности только для того, чтобы самому наблюдать за сосредоточеніемъ французскихъ войскъ.

Отношенія между императоромъ и французскимъ маршаломъ, не смотря на вѣжливую переписку, которую они еще вели, были весьма натянутаго свойства. Когда же Базенъ, передъ самымъ своимъ отъѣздомъ, явился откланяться императору, тотъ вовсе его не принялъ, что, разумѣется, чрезвычайно оскорбило гордаго маршала.

Между тѣмъ отовсюду приходили извѣстія, что штаты одинъ за другимъ, какъ скоро ихъ оставляли французскія войска, объявляли себя за республику. Бельгійскія войска, съ которыми французскій главнокомандующій давно уже обращался непозволительно, высылая ихъ небольшими отдѣльными отрядами туда, гдѣ была наибольшая опасность и гдѣ они неминуемо должны были потерпѣть пораженіе, и при этомъ еще сокращалъ ихъ жалованье, начинали возмущаться. Что же касается мексиканскихъ войскъ, то тѣхъ безсовѣстные вожди, видя, что побѣда переходитъ на сторону противника, переводили цѣлыми баталіонами въ лагерь либераловъ.

15 августа къ императору, только-что возвратившемуся въ столицу изъ Куернавака, явился министръ Ескудеро, съ просьбою выслушать его, такъ какъ онъ имѣетъ сообщить ему нѣчто очень важное.

— Навѣрное ничего хорошаго, любезный Ескудеро, улыбаясь замѣтимъ императоръ;—я поручился бы за это, даже еслибъ ваше лицо не выдавало васъ. Но пойдемте; что бы тамъ ни было, я уже привыкъ къ этимъ почти ежедневнымъ ударамъ, виновниками которыхъ главнымъ образомъ бываютъ почти всегда французы. Но я вамъ скажу одно, прибавилъ онъ, мрачно сдвинувъ брови,—что если эти господа черезчуръ мнѣ будутъ надоѣдать, я сниму съ себя императорскую корону и попрошу, чтобы меня выбрали въ президенты; тогда, по крайней мѣрѣ, я буду знать, что обману этимъ моего друга Наполеона и его честнаго маршала въ ихъ расчетахъ.

— Ваше величество, отвѣчалъ Ескудеро,—въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ не о французахъ, но о людяхъ, на которыхъ мы думали, что можемъ твердо положиться. Читали вы манифестъ Санта-Анны?

Императоръ засмѣялся.

— Слава Богу, если только это, вскричалъ онъ,—вотъ его прокламація. Слушайте знаменательныя слова этого стараго хамелеона: «Соотчичи! 2 декабря 1822 года я принялъ за девизъ слова: прочь имперію и да здравствуетъ республика! Теперь же я повторяю эти самыя слова, но только далеко отъ родины, въ изгнаніи!» Этотъ человѣкъ очевидно утратилъ всякій стыдъ; или же онъ полагаетъ, что мексиканскій народъ одаренъ такою слабою памятью, что не помнитъ, какъ онъ нѣсколько разъ восклицалъ: «Да падетъ республика!» и даже заставлялъ называть себя «высочествомъ»? Неужели же вы думаете, что подобный человѣкъ можетъ имѣть будущность въ Мексикѣ?

Digitized by Google

— Нѣтъ, ваше величество, этого я не думаю, отвѣчалъ Ескудеро,— тѣмъ не менѣе онъ все же имѣетъ партію, которая не лишена вліянія, такъ какъ она состоитъ изъ собственниковъ и сторонниковъ церкви.

— Ага! Именно та немногочисленная, но могущественная партія, которую мы уже по опыту знаемъ. Да, вообще красивое общество, члены котораго то и дѣло повторяютъ слово патріотизмъ,не понимая даже его значенія. Пусть ихъ! мнѣ уже давно говорили,что подобное общество существуетъ даже въ столицѣ, но оно совершенно безопасно. Что они могутъ сдѣлать? Чего хотятъ?

— Этого я и самъ не знаю и не постигаю; но этотъ заговоръ, о которомъ ваше величество, какъ я думалъ, уже извѣщены, намѣренъ завтра же произвести возстаніе, съ цѣлью установить регенство и захватить особу вашего величества: вотъ эти бумаги служатъ доказательствомъ.

Императоръ взялъ бумаги, закусилъ губу, и въ его обыкновенно добрыхъ глазахъ выразилась какое-то почти злобное чувство. Онъ молча просматривалъ ихъ, при чемъ лицо его омрачалось все болѣе и болѣе. Наконецъ онъ спросилъ:

— Гдѣ же находятся теперь эти господа?

— Въ настоящую минуту, они, я навѣрное это знаю, собрались въ домѣ де-ла-Парра для послѣдняго совѣщанія.

— Въ такомъ случаѣ прикажите немедленно же окружить домъ, арестуйте ихъ и посадите въ тюрьму.

— Они заслужили смертную казнь.

— Нѣтъ! вскричалъ императоръ съ испугомъ—довольно пролито крови изъ-за меня. Пусть проливается кровь, если нужно, въ сраженіяхъ, но смерти во имя правосудія я не желаю.

— Но развѣ эти люди не хотѣли произвести новыя бѣдствія въ столицѣ? Это та самая партія, которая васъ выбрала; но съ тѣхъ поръ, какъ вы отвергли ея предательскіе совѣты, она только и дѣлала, что вела интриги противъ васъ.

— Знаю, знаю, подтвердилъ императоръ,—но я не хочу кровопролитія; они будутъ сосланы.

— А если въ средѣ ихъ окажется монсиньоръ.

— Въ такомъ случаѣ вы и его вмѣстѣ съ другими; но нѣтъ, этого нельзя. Императрица сама отправилась въ Римъ. Дайте ему возможность убѣжать. Но все равно, не теряйте времени, любезный Ескудеро, накройте это гнѣздо; а потомъ увѣдомьте меня. Я буду васъ ждать.

Ескудеро, прежній сторонникъ либераловъ, но теперь искренно преданный имперіи, не замедлилъ исполнить данное ему приказаніе. Онъ окружилъ не только домъ де-ла-Парры, но еще и сосѣдніе съ нимъ дома, прежде чѣмъ заговорщики могли заподозрить угрожающую имъ опасность.

Въ ту самую минуту, какъ полиція вступала въ домъ, Лабастида

Digitized by Google

выходилъ изъ него, и видимо испугался, увидавъ вооруженныхъ людей. Онъ хотѣлъ было воротиться, чтобы предупредить остальныхъ заговорщиковъ, но одинъ изъ полицейскихъ вѣжливо помѣшалъ ему, объявивъ, что всѣ, находящіеся на верху, будутъ арестованы.

— Но въ силу чьего же приказанія?

— По приказанію его величества и по обвиненію въ измѣнѣ.

Архіепископъ поблѣднѣлъ и, не сказавъ ни слова, пошелъ своимъ путемъ.

Между тѣмъ слуги сообщили заговорщикамъ, что домъ окруженъ войскомъ. Заговорщики въ ужасѣ вскочили съ своихъ мѣстъ. Одинъ де-ла-Парра сохранилъ нѣкоторое спокойствіе. Черезъ минуту вошелъ молодой офицеръ въ сопровожденіи двадцати вооруженныхъ людей и, остановясь у самыхъ дверей, произнесъ:

— Именемъ императора арестую васъ за измѣну. Перваго, кто вздумаетъ противиться, я тутъ же застрѣлю.

— Caramba, сеньоръ, вскричалъ де-ла-Парри,—вѣроятно: вы по ошибкѣ попали не въ тотъ домъ. Тутъ живу я—генералъ де-ле-Парра—и эти господа....

— Мои плѣнные, какъ и вы. Впередъ, компанеросъ! свяжите руки этимъ господамъ и пойдемте!

Всякое сопротивленіе было безполезно. Заговорщиковъ отвели въ тюрьму, а за тѣмъ сослали въ Юкатанъ.

Императоръ былъ ожесточенъ; онъ начиналъ убѣждаться, что нельзя управлять этимъ народомъ одною кротостью; съ другой стороны, неизвѣстность какія результаты будетъ имѣть поѣздка государыни, удерживала его отъ принятія дальнѣйшихъ рѣшительныхъ мѣръ. Онъ, какъ и всегда, колебался въ своихъ рѣшеніяхъ, и сдѣлался наконецъ чрезвычайно подозрителенъ ко всѣмъ окружающимъ его.

Такъ наступило 16-е сентября. Французскія газеты, между тѣмъ, уже извѣстили, что во Франціи императрица не достигла цѣли своей поѣздки.

Оставался папа.

Сѣверныя провинціи находились опять въ рукахъ либераловъ; Хуарецъ въ четвертый разъ занялъ Кикуакуа. На югѣ стоялъ Порфиріо Діацъ съ многочисленною арміею, которая росла изо дня въ день. На западѣ республиканцы завладѣли нѣкоторыми портами, и самъ Алварецъ поднимался, чтобы поддержать либераловъ.

Въ первыхъ числахъ октября, императоръ былъ извѣщенъ о прибытіи въ Вера-Крузъ адъютанта императора Наполеона.

Все это вмѣстѣ неблагопріятно дѣйствовало на безъ того уже растроенное здоровье императора. Онъ упалъ духомъ.

Отецъ Фишеръ, въ качествѣ интимнаго секретаря императора, опытною и спокойною рукою направлялъ корабль прямо къ его крушенію.

Digitized by Google

НОВЫЯ КНИГИ

НАШЕ ОТЧИЗНОВѢДѢНІЕ.

О наводненіи Арало-каспійской низменности для улучшенія климата прилежащихъ странъ (съ картой береговъ Каспійскаго и Аральскаго морей). *Я. Демченка.* Кіевъ. 1871 г.

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ подмѣтилъ основныя явленія природы, понялъ ихъ значеніе и вліяніе и изучилъ причины ихъ происхожденія; съ тѣхъ поръ естественно его стремленіе къ тому, чтобы тѣ или другія физическія силы заставить дѣйствовать въ свою пользу. Результатомъ этого стремленія явился цѣлый рядъ открытій и изобрѣтеній, которыя не только облегчили трудъ рабочаго, удешевили передвиженіе какъ личностей, такъ и ихъ богатствъ; но и дали человѣку возможность въ нѣсколько минутъ обмѣняться мыслями съ своими знакомыми и друзьями, живущими на другомъ концѣ земнаго шара. Россія, на сколько было возможно, воспользовалась изобрѣтеніями, выработанными механикой и техникой: ея каналы связываютъ главнѣйшія рѣки еще со времени Петра; количество желѣзныхъ дорогъ увеличивается съ каждымъ годомъ, а къ «огненнымъ лодкамъ» ея (пароходамъ) уже сдѣлались равнодушны, не только болѣе цивилизованные обитатели ея западной части, но даже орочены, якуты, гиляки, чукчи—эти обитатели отдаленнаго востока нашего царства.

Но всѣ эти изобрѣтенія едва ли улучшатъ благосостояніе тѣхъ милліоновъ, которые съ каждымъ годомъ увеличиваютъ массу обитателей нашего царства, и для которыхъ главное богатство будетъ доставляемо все той-же *«матерью сырой землею»*. Не добросовѣстно мы поступимъ съ нашими потомками, если къ массѣ долговъ, которую оставимъ имъ въ наслѣдство, мы прибавимъ еще недостатокъ удобной земли, а слѣдовательно и средствъ къ возможному благосостоянію. Авторъ упомянутой выше книги справедливо замѣтилъ: «Говорятъ, что въ Россіи жидкое населеніе и что послѣднему предстоитъ безконечное увеличеніе, а

Digitized by Google

того и не замѣчаютъ, что увеличеніе это происходитъ только въ южной и юго-восточной ея частяхъ, а въ сѣверной и средней давно переполнено и въ неблагопріятные годы умираетъ съ голоду....»

Дѣйствительно, если мы изъ тѣхъ сотень тысячъ кв. миль, которыя составляютъ «русскую землю», отдѣлимъ земли неудобныя къ хлѣбопашеству, или за суровостью и продолжительностью сѣверной зимы, или за безплодіемъ вслѣдствіе недостатка орошенія: то тогда мы увидимъ, что земли удобной къ существованію у насъ не болѣе $^1/_3$ изъ всего количества. Кромѣ того, нужно замѣтить, что и это далеко не громадное пространство по количеству обитателей будетъ уменьшаться постепенно вмѣстѣ съ вырубкой лѣсовъ, привлекающихъ къ себѣ атмосферные осадки, которые служатъ главнымъ резервуаромъ, снабжающимъ истоки величавыхъ нѣкогда русскихъ рѣкъ.

Десятивѣковое невѣжество нашихъ предковъ принесло не мало вреда русской землѣ: a) плодородныя степи юга, сдѣлавшись безлѣсными, потеряли возможность регулировать атмосферные осадки: — дожди здѣсь явленіе случайное, происходящее по большей части отъ неумѣреннаго скопленія паровъ въ атмосферѣ, которые разрѣшаются страшными ливнями, положительно вредными, такъ что мѣстности, славившіяся нѣкогда богатыми урожаями, даютъ не всегда вѣрныя жатвы, и истощенная земля дѣлается все менѣе и менѣе производительной; b) истребленіе лѣсовъ на сѣверѣ, замѣтно истощая многоводныя въ недалекомъ прошедшемъ Днѣпръ, Донъ, Волгу и Уралъ, въ то же время открыло свободный доступъ внутрь страны холоднымъ сѣвернымъ вѣтрамъ. Вотъ печальное наслѣдіе, оставленное намъ невѣжествомъ нашихъ предковъ. Мы, цивилизованные потомки ихъ, пока не сдѣлали ничего, чтобы избавиться отъ нареканій грядущихъ поколѣній; напротивъ, съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ и паровыхъ заводовъ и фабрикъ, мы въ такомъ громадномъ количествѣ стали истреблять наши лѣса, о какомъ наши предки не могли составить себѣ и понятія. Тѣмъ не менѣе послѣдствія такого лѣсоистребленія отзовутся въ близкомъ будущемъ, и тогда мы вмѣстѣ съ холодомъ, безводіемъ и безплодіемъ станемъ испытывать новое, пока невѣдомое, намъ зло—*повсемѣстный голодъ*.

Въ виду такого положенія дѣлъ, мы считаемъ себя обязанными разсмотрѣть проектъ, предлагаемый г. Демченко: къ этому насъ побуждаетъ также признаніе автора, что «сами экзамены (его) пострадали, благодаря увлеченію метеорологіей вслѣдствіе излишняго патріотизма.»

Задавшись цѣлью изыскать средства къ улучшенію климата въ Россіи, авторъ проекта пришелъ къ тому выводу, что эта цѣль будетъ достигнута, если наводнить Арало-каспійскую котловину.... Свой проектъ авторъ начинаетъ такъ: «Извѣстно, что мѣстность, прилежащая къ сѣвернымъ и сѣверо-западнымъ берегамъ Каспійскаго моря, на пространствѣ болѣе 7.000 кв. м., рѣзко очерченномъ высокими обрывами прие-

Digitized by Google

жащихъ равнинъ, составляетъ сравнительно недавно высохшее морское дно, лежащее большею частью ниже уровня океана.... Такой же видъ представляетъ и мѣстность, прилежащая къ сѣверо-восточнымъ, восточнымъ и южнымъ берегамъ Аральскаго моря, столь же мало поднимающаяся надъ уровнемъ Каспійскаго.... Оба внутреннія моря при прежнихъ своихъ размѣрахъ и болѣе высокомъ уровнѣ соединялись одно съ другимъ посредствомъ пролива.... съ другой стороны Каспійское море соединялось съ Чернымъ подобнымъ же каналомъ, по которому въ настоящее время протекаютъ въ противуположныхъ направленіяхъ Западный и «Восточный Манычи». Эту-то высохшую впадину въ 20.000 кв. м., изъ которыхъ теперь только 8.500 кв. м. покрыты водой, авторъ проекта предлагаетъ «*наводнить снова*» и тѣмъ сообщить жизнь и плодородіе пустыннымъ странамъ, содержащимъ въ настоящее время на своемъ обширномъ пространствѣ лишь немногіе милліоны жителей, но «могущимъ, при достаточномъ орошеніи, содержать ихъ многіе десятки, даже сотни милліоновъ?»

Такая постановка вопроса обязываетъ насъ серьезнѣе отнестись къ проекту, предлагаемому авторомъ; тѣмъ болѣе, что наше Русское географическое общество, которому авторъ еще въ 1868 г. представилъ записку по этому поводу, не сумѣло до сихъ поръ высказать свое мнѣніе составителю проекта, и тѣмъ заставило автора напечатать проектъ и въ немъ заподозрить компетентность нашего ученаго общества.

Поставивъ себѣ задачей наводненіе упомянутой котловины, авторъ задается вопросомъ: «Откуда бы взять воду для покрытія Арало-каспійской впадины?... Для этого нужно, говоритъ онъ, — чтобъ въ нее (впадину) впадала другая рѣка, подобная Волгѣ, которая постоянно доставляла бы туда достаточное количество воды для испаренія на такомъ значительномъ пространствѣ. Дѣйствительно, въ недальнемъ разстояніи отъ Аральскаго и Каспійскаго морей въ Сибири находится рѣчная область Оби, въ два раза болѣе обширная, нежели область Волги и могущая массой своей воды питать два Каспійскихъ моря. Область эта представляетъ мѣстность почти одинаково открытую, какъ къ Ледовитому морю, на сѣверъ, такъ и къ Аральскому, на югъ, и только вслѣдствіе незначительнаго склона въ первомъ направленіи, воды ея, вытекающія съ запада, изъ Уральскихъ горъ, и съ востока, изъ Алтайскихъ, поворачиваютъ затѣмъ на сѣверъ, а не на югъ.... Если неблагопріятное направленіе сибирскихъ рѣкъ къ Ледовитому морю обусловлено столь незначительной разницей въ рельефѣ сибирской равнины на сѣверѣ и югѣ ея, то, быть можетъ, окажется возможность *искуственно* поправить природный недостатокъ этого рельефа, устроивъ преграду Оби со стороны Ледовитаго моря и прорывъ невысокій водораздѣлъ ея области на югѣ, со стороны Аральскаго моря, и, такимъ образомъ, открыть ей путь въ него и далѣе въ Каспійское море для столь желательнаго наводненія ихъ

*

Digitized by Google

береговъ, отъ котораго можно ожидать неисчислимыхъ результатовъ.... Если, продолжаетъ авторъ проекта,—съ одной стороны, прорыть водораздѣлъ между *Убаганью* (впадающій въ Тоболъ притокъ Иртыша) и *Тургаемъ* (степная рѣка, текущая къ югу отъ Убагани и къ сѣверу отъ Аральскаго моря) и углубить русла послѣднихъ, а съ другой стороны—запрудить Обь у мѣста соединенія ея съ Иртышемъ такъ, чтобы она поднялась до уровня окружающей ее равнины, т. е. на высоту 35 саж. противъ настоящаго своего уровня, то она (Обь), наводнивъ свою долину и долины впадающихъ въ нее рѣкъ на извѣстное разстояніе вверхъ отъ запруды, или, иначе говоря, образовавъ вѣтвистое озеро на мѣстѣ рѣчныхъ долинъ своей области, потекла бы по направленію тобольской долины, прорытаго канала и долины Тургая прямо въ Аральское море, которое, поднявшись до извѣстнаго уровня, выпускало бы принятую воду чрезъ старое русло Аму-дарьи къ Каспійское море.»

Изложивъ свой проектъ, сущность котораго мы представили выше, авторъ дѣлаетъ примѣрное исчисленіе величины и стоимости сооруженій, необходимыхъ для направленія рр. Иртыша и Оби въ Аральское море. Здѣсь авторъ, руководясь существующими вычисленіями рельефа киргизскихъ степей и юго-западной Сибири приходитъ къ такому заключенію: «Для того, чтобы открыть путь запруженнымъ рѣкамъ, Иртышу и Оби, въ Аральское море, пришлось бы вырыть каналъ, длина котораго, по его мнѣнію, будетъ достигать до 160 верстъ при средней глубинѣ отъ 25 до 35 саж. Стоимость проектируемаго канала авторъ считаетъ въ 165 — 1500 мильоновъ рублей! Чтобъ не смутить читателя громадностью капитала, авторъ говоритъ: «Вспомнимъ, что на постройку желѣзныхъ дорогъ до настоящаго времени, т. е., въ теченіи около 30 лѣтъ, въ Англіи издержано болѣе 3-хъ тысячъ милліоновъ, въ Америкѣ болѣе 2-хъ, во Франціи до 2-хъ, въ Германіи до 1½, а во всей Европѣ и Америкѣ не менѣе 12,000,000.000; а изъ этого числа отъ ¼ до ⅓ употреблено собственно на земляныя работы....» «Но кромѣ прорытія канала для истока сибирскихъ рѣкъ, пришлось бы ихъ запрудить, и при томъ еще на большой высотѣ въ 34 сажени....» Тутъ авторъ задается вопросомъ: «А возможно ли это?... Конечно, говоритъ онъ,—техника человѣческая не представляла примѣра подобныхъ запрудъ, но въ мірѣ человѣческомъ не все старо.... Не было прежде и желѣзныхъ дорогъ.... не было телеграфовъ.... не было Суэзскаго канала и много кой-чего не было, а потомъ стало. Поэтому, возможно, что настанетъ время и для запрудъ большихъ рѣкъ, въ случаѣ надобности....» Въ общей сложности запруда обѣихъ рѣкъ, Иртыша и Оби, и прорытіе канала для истока ихъ въ Аральское море представляли бы стоимость отъ 800 до 2.000 милліоновъ рублей. Но эти затраты, по мнѣнію автора, съ лихвой окупились бы тѣми выгодами, которыя принесло бы наводненіе Арало-каспійской низменности. «Вспомнимъ, что Персія, Туркестанъ, Киргизскія степи

Digitized by Google

и юго-восточная Россія (которые послѣ орошенія переродились бы совершенно) по температурѣ соотвѣтствуютъ южной Европѣ, а по пространству занимаютъ болѣе 100.000 кв. миль! Вспомнимъ, что въ Персіи и Туркестанѣ плодородныя, т. е. способныя къ орошенію, полосы земли цѣнятся гораздо дороже, чѣмъ въ западной Европѣ! Вспомнимъ, что голландцы цѣною 1000 р. за десятину отвоевываютъ землю у моря, и считаютъ это выгоднымъ! Но наводненіе Арало-Каспійской низменности, образовавъ обширную систему водяныхъ путей, окупилось бы не одними климатическими выгодами, а еще и торговыми, которыя однѣ представили бы цѣнность *многихъ тысячъ милліоновъ рублей*».

Далѣе авторъ, на основаніи существующихъ метеорологическихъ данныхъ, дѣлаетъ приблизительныя вычисленія того пространства, которое могли бы наводнить Иртышъ и Обь при существующемъ рельефѣ страны... На основаніи слишкомъ скудныхъ, имѣющихся у насъ данныхъ, пополненныхъ многосложными предположеніями, авторъ дѣлаетъ слѣдующій приблизительный выводъ, что Иртышъ и Обь могли бы наводнить по меньшей мѣрѣ около 14,000 кв. м.; а количество прибавившихся атмосферныхъ осадковъ на пространствѣ 150,000 кв. м. составило бы въ среднемъ выводѣ слой не менѣе 3 дюймовъ, толщина котораго въ дѣйствительности измѣнилась бы отъ 0 до 6—8 дюймовъ... «Какъ бы ни было ошибочно настоящее вычисленіе, основанное на недостаточно опредѣленныхъ данныхъ, но, нѣтъ сомнѣнія, со временемъ оно можетъ достигнуть надлежащей приблизительности, и тогда можно будетъ видѣть, достаточно ли Иртыша и Оби для наводненія Арало-каспійской низменности, или нѣтъ. Въ случаѣ недостатка — въ помощь къ нимъ можно присоединить Енисей, отъ г. Енисейска, въ случаѣ излишка можно ограничиться однимъ Иртышемъ, безъ Оби, или излишнія воды спустить чрезъ манычскую долину въ Черное море».

Хотя для наполненія Арало-каспійской впадины водами Иртыша и Оби потребовалось бы—по словамъ автора—много лѣтъ; тѣмъ не менѣе, авторъ заблаговременно указываетъ, на основаніи вычисленій и умозаключеній, на то вліяніе, которое проектируемое имъ море могло бы имѣть на климатъ прилежащихъ странъ.

Вліяніе новаго моря на климатъ было бы очень велико и многосторонне, и область этого вліянія простиралась бы—по мнѣнію автора—на всю Арало-каспійскую впадину отъ Урала, Алтая, Тянь-шаня и Гинду-ку до Кавказа и Карпатъ... При предполагаемомъ орошеніи на огромномъ пространствѣ туркестанскихъ и киргизскихъ степей, гдѣ въ настоящее время, при 4—6 дюймахъ атмосферныхъ осадковъ, земледѣліе внѣ рѣкъ рѣшительно невозможно, послѣ увеличенія ихъ до 10—14 дюймовъ земледѣліе стало бы возможнымъ и на столько успѣшнымъ, какъ въ настоящее время на берегахъ Азовскаго моря. Въ губерніяхъ Оренбургской, Самарской, Ставропольской, въ землѣ Войска Донскаго и въ Ново-

Digitized by Google

россійскомъ краѣ, гдѣ въ настоящее время, при 10—14 дюймахъ атмосферныхъ осадковъ, удовлетворительные урожаи случаются только періодически, при увеличеніи осадковъ до 16—18 дюймовъ, урожаи стали бы столь же постоянны, какъ въ настоящее время въ Малороссіи, въ Курской, Воронежской губ. На пространствѣ слѣдующей полосы южной Россіи, обнимающей губерніи: Подольскую, Кіевскую, Полтавскую, Харьковскую, Воронежскую, гдѣ теперь выпадаетъ отъ 15 до 17 д. атмосферныхъ осадковъ, и гдѣ все-таки бываютъ умѣренныя засухи, болѣе или менѣе уменьшающія урожаи,—послѣ увеличенія атмосферныхъ осадковъ до 17—19 д. онѣ стали бы болѣе рѣдки и менѣе чувствительны. Восточная часть Кавказа и Закавказья, гдѣ въ настоящее время выпадаетъ отъ 15—25 д. атм. осадковъ, послѣ увеличенія ихъ до 25—35 дюймовъ, сравнилась бы по степени орошенія и богатству растительности съ западной частью, прилежащей къ Черному морю и т. д. Всѣ выгоды предполагаемаго орошенія—по словамъ автора—трудно исчислить. Производительность многихъ обширныхъ мѣстностей увеличилась бы въ нѣсколько разъ, что равносильно было бы появленію новой обширной территоріи, которая доставила бы средства многимъ милліонамъ людей...

Благотворные результаты, которые были бы послѣдствіемъ уравненія лѣтней и зимней температуры отъ образованія новыхъ водныхъ басейновъ на обширномъ пространствѣ земель, въ которыхъ лѣтніе жары и зимніе морозы достигаютъ наибольшихъ крайностей (27—29 въ киргизскихъ степяхъ) едвали требуютъ особеннаго поясненія... Новое море содѣйствовало бы повышенію средней годичной температуры окружающихъ мѣстностей; отчего европейская Россія въ нѣкоторой мѣрѣ сравнилась бы съ западною Европой,—по крайней мѣрѣ, южная ея половина; а западная Сибирь—съ восточной Россіей.

Кромѣ измѣненія климата, предполагаемое наводненіе Арало-каспійской котловины имѣло бы—по мнѣнію автора—вліяніе на сношенія прилежащихъ странъ: вся западная Сибирь представила бы изъ себя обширную озерную и рѣчную систему самыхъ глубокихъ водъ, по которымъ большіе корабли могли бы достигать отъ Урала и до Алтая; степныя рѣчки, не достигающія теперь моря, вливались бы въ море; уровень рѣкъ поднялся бы на нѣсколько сажень... Пространство вновь созданныхъ водяныхъ путей, доступныхъ для судовъ самыхъ большихъ размѣровъ, составляло бы отъ Аму-дарьи до Азовскаго моря болѣе 2.000 верстъ, отъ Аму до Казани до 3.000 в., отъ Аму до Томска до 4.000 в., отъ Азовскаго моря до Томска до 6.000 верстъ и т. д.

Для окончательнаго наполненія Арало-каспійской впадины—по вычисленію автора—потребовалось бы отъ 180 до 240 лѣтъ отъ запруды Оби и Иртыша; но запрудивъ къ тому еще Енисей, авторъ обѣщаетъ появленіе новаго моря во 108—144 года.

Вотъ въ общихъ чертахъ проектъ г. Демченка, который съ добровѣст-

Digitized by Google

ностью и замѣчательнымъ терпѣніемъ дѣлалъ цѣлый рядъ выкладокъ за тѣмъ, чтобы убѣдить читателя въ полной осуществимости его проекта....

Чѣмъ добросовѣстнѣе авторъ преслѣдуетъ свою задачу, чѣмъ съ большимъ вниманіемъ изучаетъ онъ имѣющіяся предъ нимъ данныя; тѣмъ грустнѣе видѣть въ изложеніи тѣ недостатки, которые прямо говорятъ за недостаточность подготовки по тому предмету, который долженъ быть ближе всего извѣстенъ русскому мыслителю. Недостаточность подготовки по отчизновѣдѣнію не можетъ быть поставлена въ вину автору—такъ какъ она присуща одинаково каждому русскому; но тѣмъ грустнѣе видѣть, что не имѣя возможности пріобрѣсти елементарныхъ свѣдѣній объ изучаемой мѣстности, авторъ потерялъ столько времени для тѣхъ вычисленій, которыя заставятъ его со временемъ убѣдиться въ томъ, что университетскій городъ не можетъ гарантировать удачный исходъ того или другаго проекта.

Чтобы показать автору неосуществимость его проекта, мы не будемъ прибѣгать ни къ вычисленіямъ, построеннымъ на гипотезахъ, ни къ предположеніямъ; а укажемъ только тѣ факты, безъ знанія которыхъ нельзя было приступать къ созиданію подобнаго проекта. Мы говоримъ о геологическомъ характерѣ страны. Если мы, приступая къ постройкѣ дома въ 1—2.000 р. осматриваемъ грунтъ, отведенный для зданія; то какъ же рисковать 1.000 милліонами рублей безъ знанія свойства почвы—на предпріятіе подобное тому, какое предлагаетъ авторъ?..

Что авторъ придаетъ ничтожное значеніе геологическому строенію мѣстности—это мы видимъ изъ того, что, при помощи запруженныхъ сибирскихъ рѣкъ, авторъ думаетъ наводнить не только аральскій, но и каспійскій бассейны?.. Знаетъ ли авторъ проекта: что такое Каспійское море?

Знаетъ ли авторъ, что донынѣ жители апшеронскаго полуострова сохраняютъ преданіе, что въ сосѣдствѣ ихъ никакого моря не было, а простиралась равнина, покрытая цвѣтущими городами и селеніями,—что отъ нихъ до противуположнаго берега, гдѣ нынѣ туркменскіе зимовники, тянулась стѣна съ башнями для защиты отъ нашествій сѣверныхъ хищниковъ?

Знаетъ ли авторъ, что остатки этой стѣны и уцѣлѣвшихъ башень, совершенно одинаковой архитектуры, сохранились донынѣ какъ на восточномъ берегу моря, такъ и на западномъ?

Знаетъ ли авторъ, что, по преданіямъ туркменъ, къ нынѣшнему апшеронскому полуострову съ противуположнаго нынѣшняго морскаго берега лежала прямая сухопутная дорога?

Знаетъ ли авторъ, что въ 40 верстахъ отъ Баку и до сихъ поръ отчетливо видны зданія потопленнаго города?

Знаетъ ли авторъ, что не далѣе 700 лѣтъ назадъ поглощены моремъ нѣсколько городовъ, часть Баку и часть дербентской стѣны?

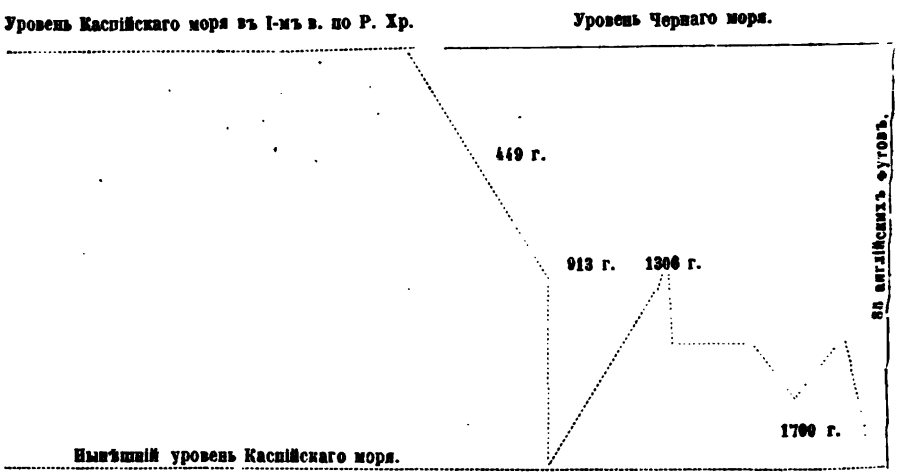
Чѣмъ объясняетъ авторъ всѣ эти факты, равно какъ и то, что это

Digitized by Google

море замѣтно отступаетъ на сѣверѣ и захватываетъ все болѣе и болѣе берега на юго-западѣ и югѣ?

Чѣмъ объясняетъ авторъ и то, что въ 1861 г., въ 12 миляхъ отъ острова Свинаго, появился островъ Кумань, имѣвшій 43 сажени въ поперечникѣ и 12 ф. высоты, просуществовавшій 4 мѣсяца, а потомъ снова исчезнувшій подъ морскими волнами?..

Еслибы авторъ былъ знакомъ хоть съ трудомъ г. Ханыкова «О перемежающихся измѣненіяхъ Каспійскаго моря», помѣщеннымъ во 2-й книгѣ «Записокъ кавказскаго отдѣла русскаго географическаго общества», то одно прилагаемое нами графическое изображеніе времени и степени колебаній уровня Каспійскаго моря побудило бы автора или отказаться отъ проекта, или же совершенно пересоздать его...

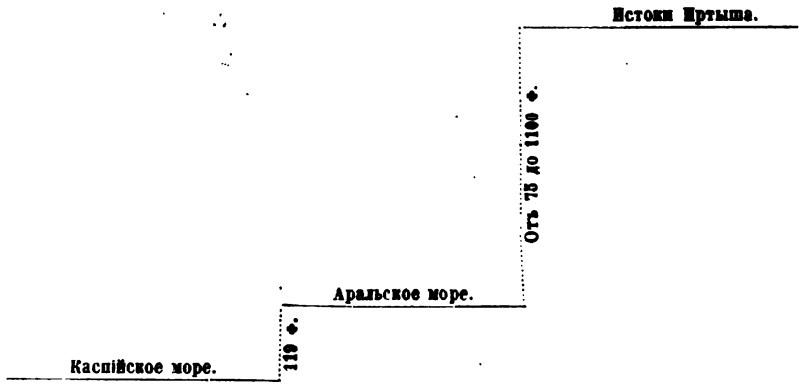


Если къ этому авторъ припомнитъ, что землетрясенія, явленія обыденныя какъ на юго-западѣ котловины, въ Закавказьи, такъ и на юго-востокѣ, въ Бухарѣ; что отъ одного изъ этихъ обыденныхъ явленій, бывшаго въ 1859 году, почти совершенно разрушена Шемаха: то авторъ долженъ будетъ согласиться вмѣстѣ съ нами, что онъ избралъ для своего проекта слишкомъ шаткое основаніе.

Если авторъ проекта обратитъ свое просвѣщенное вниманіе на слѣдующее графическое изображеніе относительной высоты водъ въ предполагаемомъ имъ каналѣ, Аральскомъ озерѣ и Каспійскомъ морѣ: то не трудно будетъ видѣть, что вся масса воды сибирскихъ рѣкъ должна будетъ упереться въ неустойчивое, вулканическое дно Каспійскаго моря. Масса воды, которая—по предположенію автора—должна наполнить Каспійское море, произведетъ усиленное давленіе на дно и стѣнки моря, которыя въ свою очередь нажмутъ на находящіеся подъ и за ними газы,—произойдетъ новый рядъ изверженій, за ними появятся новые про-

Digitized by Google

валы, въ которые уйдетъ «новое море», какъ нѣкогда ушло старое и... конецъ проёкту!..



Хотя предложенный авторомъ проектъ для улучшенія климата степной части Россіи оказывается неудобоисполнимымъ, тѣмъ не менѣе улучшеніе климата болѣе чѣмъ желательно, и для этого мы, рано или поздно, придемъ къ тѣмъ мѣрамъ, къ которымъ пришли болѣе просвѣщенныя націи:

а) Къ сбереженію и разведенію лѣсовъ,

б) Къ устройству артезіанскихъ колодцевъ.

Французское правительство въ послѣдніе годы ревностно устраивало артезіанскіе колодцы въ сахарской сторонѣ Алжира. Каждый колодезь становится здѣсь ядромъ будущаго селенія, размѣръ котораго обусловливается массой воды, получаемой изъ колодца. Еще въ 1860 г. нѣкоторыя кочующія племена оставили—какъ говоритъ Маршъ—свою кочевую жизнь, поселились подлѣ колодцевъ, развели разнаго рода растительность и разсадили болѣе 30.000 пальмъ». Лоранъ, въ своихъ запискахъ о Сахарѣ (Memoires sur le Sahara) расказываетъ, что лишь только одинъ изъ колодцевъ былъ оконченъ, тотчасъ кочевники поселились подлѣ, посадили 12 сотень финиковыхъ пальмъ и навсегда отреклись отъ кочевой жизни. «Такимъ образомъ песчаная, безплодная, необитаемая пустыня мало по малу заселяется, волнуется жизнью и своимъ веселымъ видомъ удивляетъ и привлекаетъ путешественника»... Если артезіанскіе колодцы имѣютъ такое благотворное вліяніе для Сахары,—то можно быть увѣрену, что и наши степи, орошенныя искуственно, сдѣлаются со временемъ средоточіями населенія болѣе густаго и болѣе дѣятельнаго, чѣмъ нынѣшнее *киргизское*, которое, по мѣрѣ изсяканія колодцевъ и рѣченокъ, должно искать новыхъ мѣстъ для кочевья и такимъ образомъ волей неволей вести кочевой образъ жизни.

А. Завадскій-Краснопольскій.

Digitized by Google

Военная Библіотека. Т. I.—IV. Спб. 1871.

Кто почему либо продолжаетъ еще сомнѣваться въ неисправимости человѣческаго рода, тотъ въ настоящей статьѣ найдетъ много такого, что можетъ окончательно разсѣять всѣ его сомнѣнія. Казалось бы, какъ не избѣжать подводныхъ камней, обставленныхъ вѣхами и подробно описанныхъ? Какъ не уберечься отъ ошибокъ, давно всѣмъ и каждому извѣстныхъ и указанныхъ? Что, на примѣръ, старѣе пословицы: кто спѣшитъ, тотъ людей смѣшитъ? Кому не извѣстно также, что чѣмъ серьезнѣе держитъ себя человѣкъ, задавшійся намѣреніемъ смѣшить другихъ, тѣмъ смѣхъ бываетъ неудержимѣе? И что же! Эта давность, эта общеизвѣстность послужили ли кому нибудь предостереженіемъ? Увы, на каждомъ шагу мы видимъ противное. Люди, и при томъ такіе, которые принимаютъ на себя обязанность поучать и предостерегать другихъ, какъ-бы нарочно спотыкаются о самыя незатѣйливыя и всѣмъ видныя преграды и выполняютъ это съ такою неподражаемою степенностью, что отнимаютъ всякую возможность удержаться отъ смѣха. Если, на примѣръ, нельзя безъ улыбки смотрѣть на дѣтей, которыя, набросившись на даровое угощеніе и занявшись набиваніемъ себѣ рта сластями, забываютъ условія дѣтскаго этикета, требующаго прежде уничтоженія гостинца шаркнуть ножкою, то какъ поступить при видѣ людей, должно полагать, весьма серьезныхъ, въ нѣкоторомъ родѣ даже спасителей отечества, повторяющихъ передъ вашими глазами подобную дѣтскую продѣлку и со всею степенностью прибѣгающихъ ко всевозможнымъ средствамъ для поддержанія въ васъ веселаго настроенія?

На эти размышленія (говоря военно-литературнымъ языкомъ, слѣдовало бы сказать: соображенія) навела насъ «Военная Библіотека». Изданіе это не снабжено предисловіемъ (конечно за недостугомъ) и потому изъ него нельзя узнать, чему оно обязано своимъ появленіемъ въ свѣтъ, кто его редакторы и для какого круга читателей оно предназначается. Насмѣшники говорятъ, будто мы, русскіе, за всякое дѣло принимаемся въ попыхахъ, а особенно если рѣчь зайдетъ о чемъ либо похожемъ на спасеніе отечества; между нами есть такіе, которые не безъ язвительности замѣчаютъ, будто эта безоглядная поспѣшность порою напускается умышленно. Мы не думаемъ примѣнять подобныя догадки къ «Военной Библіотекѣ», потому что видимъ въ странностяхъ ея изданія не преднамѣренность, а общія всѣмъ писателямъ новѣйшей военной школы распущенность и неряшливость, благодаря которымъ «Военную Библіотеку» слѣдовало бы отнести къ числу космическихъ явленій, еслибы успѣхи естествовѣдѣнія не запрещали вѣрить въ паденіе книгъ съ неба.

Но если естественныя науки оказываются непригодными для разъ-

Digitized by Google

ясненія той таинственности, которою окружила свое появленіе въ свѣтъ «Военная Библіотека», то не возможно ли при помощи новѣйшей нашей военной литературы хотя на сколько нибудь объяснить себѣ такую таинственность? Хватаемся за это предположеніе какъ за якорь спасенія. Наши новѣйшіе военные писатели, какъ извѣстно, моделируются по М. И. Богдановичу, и подобно ему, располагаютъ свои сочиненія такимъ образомъ, что ихъ надобно читать съ хвоста. Какъ г. Богдановичъ, въ своей «Исторіи отечественной войны», отнесъ къ послѣднему тому тѣ указанія и свѣдѣнія, которыя всѣми принято помѣщать въ началѣ сочиненій, точно такъ же поступилъ и г. Квитницкій въ своемъ переводѣ Шмитовой «Исторіи польской войны 1831 года». Принимая же это въ соображеніе *), можно, кажется, съ полною вѣроятностью предположить, что столь желаемое предисловіе появится въ 14-мъ томѣ «Военной Библіотеки». Но если военныя изданія предлагается читать съ хвоста, то почему бы не начать съ хвоста и ихъ печатаніе?

Въ ожиданіи появленія 14-го тома, рецензенту «Военной Библіотеки» остается самому собрать тѣ свѣдѣнія, которыхъ не даютъ ея редакторы. Въ одномъ изъ майскихъ нумеровъ «Русскаго Инвалида» (вотъ, пригодился же на что нибудь даже Русскій Инвалидъ!) находимъ мы довольно длинную, но за всѣмъ тѣмъ неясную рекламу о «Военной Библіотекѣ». Изъ этой рекламы узнаемъ, что «Военная Библіотека» появляется въ свѣтъ по мысли Государя Цесаревича, пожаловавшаго на изданіе ея значительную денежную сумму. Мы, русскіе, привыкли видѣть царское семейство во главѣ всѣхъ благихъ начинаній; наша армія знаетъ, кому она обязана быстрымъ введеніемъ ружей Кренка, избавившихъ ее отъ воспѣтыхъ когда-то съ такимъ паѳосомъ ружей Карля. Не безъ глубокой благодарности отнесется она и къ мысли настоящаго предпріятія; а мы, съ своей стороны, докажемъ ее внимательнымъ, на сколько позволятъ намъ наши силы, разсмотрѣніемъ того, какъ столь благое и по истинѣ полезнѣйшее дѣло, каково изданіе пособій для молодыхъ офицеровъ, приведено въ исполненіе неизвѣстными редакторами «Военной Библіотеки».

Изъ рекламы «Русскаго Инвалида» и обертки первыхъ четырехъ томовъ военной библіотеки, мы узнаемъ, что она будетъ состоять изъ 14-ти томовъ и *атласа прибавленій* **) къ нимъ. Вотъ тѣ сочиненія, которыя войдутъ въ составъ «Военной Библіотеки»:

1. Исторія войны 1866 года, переводъ сочиненія австрійскаго генеральнаго штаба.—2. Лекціи о франко-прусской кампаніи, Леера.—3. Описаніе обороны Севастополя, составленное подъ руководствомъ генерала

*) Любимая фраза новѣйшихъ военныхъ нашихъ писателей, введенная въ моду г. Богдановичемъ.

**) Взглянувъ на обертку 2-го тома, всякій убѣдится, что это выраженіе нами не выдумано.

Digitized by Google

Тотлебена.—4. Сборникъ боевыхъ наставленій, изданіе военно-ученаго комитета.—5. Предисловіе къ сборнику инструкцій герцога Карла-Мекленбургъ-Стрелицкаго.—6. Духъ военныхъ учрежденій, Мармона.—7. Общіе принципы, взгляды и мнѣнія о военномъ искусствѣ, Наполеона.—8. О званіи генерала, Дюра-Ласаля.—9. О военномъ духѣ, Мооса.—10. Взглядъ на обязанности и духъ военнаго званія, Блонделя.—11. Извлеченіе изъ сочиненій Морица Саксонскаго, Леера.—12. Объ отвѣтственности на войнѣ.—13. Инструкція для армій въ полѣ, Савуа.—14. О веденіи войскъ на войнѣ, Верди-Дювернуа.—15. Тактика, Драгомірова.—16. Тактика, Леера.—17. Тактика, Рюстова, изданіе «Военнаго Сборника».—18. Стратегія, Леера.—19. Обученіе роты для боя, Кампе, изданіе военно-ученаго комитета.—20. Опытъ обученія частей для боя, Драгомірова.—21. О прусской пѣхотѣ 1869 года.—22. Тактика будущаго.—23. О пѣхотѣ въ разсыпномъ строю.—24. Подготовленіе прусскаго батальона для боя, Кесселя.—25. Сравненіе ротныхъ колоннъ съ полубатальонными.—26. Нѣсколько ковалерійскихъ вопросовъ, Зигемана.—27. Кавалерія въ американской и австро-прусской кампаніяхъ, Денисона.—28. Исторія и тактика кавалеріи, Нолана.—29. О кавалеріи въ большой и малой войнѣ, Вельчинскаго.—30. О дѣйствіяхъ кавалеріи въ кампаніи 1866 года, Бессера.—31. О веденіи кавалеріи, Бессера.—32. Аванпосты легкой кавалеріи, Брика.—33. Дѣйствія артиллеріи въ полѣ.—34. Тактика артиллеріи, Мюллера.—35. О предѣльныхъ дистанціяхъ, Шкляревича.—36. Употребленіе артиллеріи въ полевой войнѣ.—37. Извлеченіе изъ сочиненія Гартмана: Объ организаціи артиллеріи.—38. Извлеченіе изъ сочиненія Тауберта: Объ употребленіи артиллеріи.—39. Лекція принца Гогенлоге объ артиллеріи.—40. Саперныя работы въ полѣ, изданіе Никол. инжен. академіи.—41. Изслѣдованіе мѣстности, Вальштедтена.—42. Жизнь Зейдлица.—Въ *атласъ прибавленій* будутъ помѣщены атласы къ сочиненіямъ: 1) Австро-прусская кампанія 1866 г. 2) къ лекціямъ г. Леера о кампаніи 1870 года; 3) къ описанію осады Севастополя; 4) къ Саперным работамъ въ полѣ.

Изъ этихъ сочиненій въ четырехъ вышедшихъ въ свѣтъ томахъ напечатано:

1. Положительная стратегія, Леера.—2. Дюра-Ласаль: О званіи генерала.—3. Саперныя работы въ полѣ.—4. Всеобщая тактика Рюстова.—5. Сборникъ наставленій и приказовъ.—6. Опытъ руководства для подготовки частей къ бою.—7. Обученіе роты для боя, Кампе.—8. Исторія и тактика каваллеріи, Нолана.—9. Объ употребленіи полевой артиллеріи въ совокупности съ другими родами оружія.—10. Употребленіе артиллеріи въ полевой войнѣ.—11. Объ орудіяхъ и снарядахъ, принятыхъ въ нашей артиллеріи.—12. О глазомѣрной оцѣнкѣ разстояній.—13. О средствахъ къ установленію правильнаго взгляда на свойства огнестрѣльнаго оружія, Шкляревича.—14. Предисловіе къ сборни-

Digitized by Google

ку инструкцій, данныхъ прусскому гвардейскому корпусу герцогомъ Мекленбургъ-Стрѣлицкимъ.—15. Сущность военныхъ учрежденій, Мармона (перепечатка). 16. Общій взглядъ на цѣль, устройство и веденіе обученія войскъ. Положенія о развѣдывательной и охранительной службѣ.—17. Правила и мысли Наполеона, Кампе.—18. Артиллерія въ полѣ.—19. О техническихъ работахъ въ примѣненіи ихъ къ тактикѣ, Готце.—20. О снаряженіи и употребленіи конныхъ піонеровъ—21. Рекогносцировка мѣстности, Сакена.

Такимъ образомъ содержаніе «Военной Библіотеки» на столько выяснилось, что можно уже произнести о ней сужденіе. Изъ напечатаннаго и готовимаго къ печати не послѣднее мѣсто отведено перепечаткамъ. Такъ въ трехъ вышедшихъ томахъ (1, 2 и 4), изъ двѣнадцати трактатовъ о разныхъ предметахъ, пять состоятъ изъ перепечатокъ, а это почти половина. Относительно выбора, нельзя не замѣтить, что лучшее въ «Военной Библіотекѣ» принадлежитъ не ея редакціи; «Саперныя работы въ полѣ» изданы инженерною академіею, «Сборникъ наставленій и приказовъ», «Обученіе роты для боя»—военно-ученымъ комитетомъ. Остальное въ напечатанныхъ томахъ—второстепенныя сочиненія въ военномъ дѣлѣ и учебники.

«Военная Библіотека» можетъ имѣть цѣлью обогащеніе нашей военной литературы. Но можно ли назвать обогащеніемъ перепечатываніе разныхъ учебниковъ и компиляцій? Ихъ можно допустить, какъ роскошь, только въ литературѣ богатой капитальными сочиненіями. «Военная Библіотека» можетъ имѣть цѣлью распространеніе свѣдѣній о военномъ дѣлѣ между молодыми офицерами. Какъ извѣстно, корпусъ офицеровъ состоитъ изъ незначительнаго числа лицъ, получившихъ систематическое военное образованіе, и огромнаго большинства такихъ, которыя должны пріобрѣсти свѣдѣнія о военномъ искуствѣ безъ пособія руководителей. Для первой половины офицерскаго корпуса учебники не составляютъ насущной потребности: они въ школахъ познакомились уже съ ними; для офицеровъ, желающихъ узнать военное искуство самообразованіемъ. конечно, нужны прежде всего не учебники. Самъ г. Лееръ, трактатомъ котораго о стратегіи открывается «Военная Библіотека», на 10 стр., т. 1 говоритъ: «Путь правилъ длиненъ, путь примѣровъ коротокъ и дѣйствителенъ». Это положеніе какъ нельзя прямѣе прилагается (*прикидывается*, г. Лееръ?) къ офицерамъ, желающимъ дополнить свое военное образованіе безъ учителя. Имъ нужны не учебники. Дайте имъ исторію войнъ, хорошо расказанную; пусть и стратегическія и тактическія истины узнаютъ они изъ примѣровъ, представляемыхъ дѣяніями великихъ полководцевъ. Тогда они усвоятъ себѣ эти истины легко и прочно и примѣнятъ ихъ къ дѣлу по мѣрѣ своихъ дарованій.

Но дать въ руки взрослому человѣку военную исторію не всегда

Digitized by Google

значитъ помочь ему въ изученіи военнаго искуства. Не всякій военный историкъ способенъ подняться на высоту, съ которой смотрятъ на военныя происшествія настоящіе воины, а тѣмъ болѣе великіе полководцы. А между тѣмъ каждый изъ подобныхъ историковъ хочетъ показать, что и онъ тоже что нибудь да смыслитъ въ военномъ искуствѣ, и пускается въ разсужденія, которыя не только ничего не уясняютъ, а прямо ведутъ къ затемнѣнію того, что безъ нихъ было ясно. Постепенными усиліями подобныхъ писателей, здравыя военныя положенія замѣняются вздорными соображеніями, серьезное изученіе военнаго искуства сводится на затверживаніе общихъ мѣстъ, и мало по малу теорія военнаго искуства получаетъ тотъ плачевный характеръ, какой носила наука во время преобладанія въ Европѣ схоластики, какой и теперь удержался въ медрессе Бухары. Дать въ руки молодому офицеру Клаузевица, или Рюстова, или Богдановича,—значитъ, поощрить его къ переливанію изъ пустаго въ порожнее, т. е., къ схоластическимъ соображеніямъ о томъ, что на войнѣ никогда не было приведено въ исполненіе.

Но гдѣ же взять такого историка, который соединялъ бы въ себѣ и ясность изложенія и глубокое пониманіе военнаго искуства? Такой писатель въ военной литературѣ—это Наполеонъ. Новѣйшая военная школа, взросшая и процвѣтшая на поклоненіи всякимъ посредственностямъ, ставитъ ни во что то высокое значеніе, какое должны занимать сочиненія Наполеона въ дѣлѣ военнаго образованія. Въ этой школѣ, первое мѣсто отводится такимъ учителямъ, каковъ Клаузевицъ, разсуждающій о томъ, что подъ Бородинымъ Кутузову слѣдовало составить изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія отрядъ Платова, назначенный для диверсіи противъ лѣваго фланга французовъ;—каковъ Рюстовъ, видящій главное препятствіе для разработки наполеоновской исторіи во вліяніи бонапартовской литературы, т. е., въ лучшихъ писателяхъ великой военной школы, оставленной величайшимъ изъ полководцевъ,—Рюстовъ, съ важностью разсуждающій о первостепенномъ стратегическомъ вопросѣ: разбилъ ли, или нѣтъ, Наполеонъ у Каунитца нессесеръ, подаренный ему Екатериною Великою. Въ такой школѣ Наполеонъ остается, по выраженію Дениса Давыдова, чѣмъ-то въ родѣ бородавки, и не отъ ея послѣдователей можно ожидать, чтобы они предпочли его сочиненія разнымъ тетрадочкамъ, за исправное зубреніе которыхъ такъ легко получается двѣнадцать балловъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и дипломъ на знаніе глубокаго знатока военнаго искуства.

Въ паденіи Наполеона посредственность видѣла восходящую зарю своего благоденствія. По меткому замѣчанію нашего великаго поэта, умъ, любя просторъ, тѣснитъ; дѣйствительно, нажилась при Наполеонѣ посредственность въ духотѣ и тѣснотѣ. И вотъ, вслѣдъ за паденіемъ его, поднимаются голоса (впервые, едва ли, не въ нѣмечинѣ) будто вели-

Digitized by Google

кіе люди—бремя для человѣчества, будто оно не нуждается въ нихъ для своего преуспѣнія. Но кѣмъ живутъ государства, кѣмъ подвигается впередъ наука, какъ не этими, для многихъ, конечно, весьма безпокойными, людьми? Кѣмъ живетъ наша армія, какъ не тѣмъ духомъ, который вдохнулъ въ нее Петръ Великій,—духомъ, который поддерживали въ ней Румянцевы, Суворовы, Кутузовы, Ермоловы, Паскевичи? Чѣмъ жила французская армія, какъ не тѣми преданіями, которыя держались въ ней отъ временъ Наполеона и были наконецъ задавлены воззрѣніями Сен-сирской школы? Кто не знаетъ, какое великое образовательное вліяніе имѣли на своихъ современниковъ Петръ и Екатерина? Чѣмъ они были для русскихъ государственныхъ людей, тѣмъ Наполеонъ былъ для французской арміи *).

Но если образовательное значеніе Петра Великаго и Великой Екатерины могло сохраняться только по преданію и потомъ должно было безслѣдно исчезнуть вмѣстѣ съ послѣдними хранителями, то образовательное значеніе Наполеона не погибло съ его учениками, а сохранилось для отдаленнаго потомства во всей чистотѣ. Наполеонъ пережилъ свою судьбу, какъ то было предсказано Лафатеромъ; томясь въ изгнаніи, онъ искалъ забвенія постигшихъ его бѣдствій, расказывая свои походы и походы другихъ великихъ военачальниковъ. Эти расказы, записанные *частію подъ его диктатурою* **), появлялись сперва по частямъ, потомъ были собраны въ одно цѣлое и составляютъ незамѣнимое пособіе для всякаго, кто намѣренъ серьезно заняться изученіемъ военнаго искуства.

Въ русской военной литературѣ сочиненія Наполеона неизвѣстны. Отчасти это можно объяснить тѣмъ, что въ то время, когда въ ней преобладали еще здравыя начала, сочиненія Наполеона подверглись запрещенію. Можно было надѣяться и ожидать, что нынѣ, при измѣнившихся условіяхъ, военные литераторы прежде всего озаботятся выполненіемъ столь существеннаго пробѣла въ нашей военной литературѣ. Оказывается, что съ измѣнившимися условіями, къ несчастію, измѣнились и воззрѣнія военныхъ нашихъ писателей, и Наполеонъ по прежнему остается въ опалѣ. Но въ невозможности изученія стратегіи безъ знанія военной исторіи никто не споритъ, и возражателямъ, еслибъ

---

*) «Я не разъ слыхалъ отъ императора»,—говорилъ генералъ Эксельманъ маршалу Груши, требуя, чтобы онъ шелъ на выстрѣлы (въ Ватерлооскомъ сраженіи).—«Я часто слыхалъ отъ великой государыни»—говоритъ В. С. Поповъ, разсуждая объ одномъ вопросѣ государственнаго хозяйства. Обѣ эти ссылки, на Наполеона и Екатерину, не то ли самое, что въ ученомъ сочиненіи ссылка на непререкаемый авторитетъ?

**) Такъ г. Богдановичъ переводитъ: sous sa dictée.—См. Записки стратегіи, ч. 2, стр. 5.

Digitized by Google

они нашлись, достаточно указать на стратегію г. Леера. Мы говорили уже о томъ, что не всякая военная исторія можетъ съ пользою послужить для изученія военнаго искуства. Никто однакожь не станетъ спорить, чтобы исторія великихъ полководцевъ, расказанная великимъ же полководцемъ, не была самымъ прекраснымъ пособіемъ для изученія военнаго искуства, а Наполеонъ, кромѣ описанія своихъ походовъ, оставилъ еще описаніе походовъ Юлія Цезаря, Тюреня и Фридриха Великаго.

Но сочиненія Наполеона изданы такимъ образомъ, что ими можетъ пользоваться только человѣкъ, располагающій хорошею библіотекою. Многія поучительнѣйшія для молодого офицера подробности Наполеонъ проходитъ молчаніемъ, умалчиваетъ также о нѣкоторыхъ своихъ неудачахъ. Къ сочиненіямъ его не приложено ни плановъ сраженій, ни картъ. Подробностей слѣдуетъ искать въ сочиненіяхъ людей его школы и въ офиціальной перепискѣ его съ ними. Сочиненія Наполеона, снабженныя хорошими планами и картами, объясненныя извлеченіями изъ записокъ его помощниковъ, изъ переписки его съ ними, изъ расказовъ и сужденій его противниковъ, составили бы такое пріобрѣтеніе для изученія военнаго искуства, благое вліяніе котораго не замедлило бы обнаружиться въ самое короткое время. На первый разъ можно бы удовольствоваться изданіемъ его записокъ о первомъ и маренгскомъ итальянскихъ походахъ, объяснивъ ихъ, какъ сказано выше, по запискамъ наполеоновскихъ помощниковъ, и походомъ 1809 года (хоть по Лаборду), съ приведеніемъ собственныхъ о немъ сужденій Наполеона и съ подробностями по французскимъ и нѣмецкимъ офиціальнымъ источникамъ и замѣчаніямъ очевидцевъ.

Вотъ что прежде всего надѣялись мы встрѣтить въ «Военной Библіотекѣ». Но даже и при той програмѣ, которую начертали себѣ ея редакторы, можно ли назвать выборъ сочиненій удовлетворяющимъ какой бы то ни было серьезной цѣли?

Какъ уже сказано было выше, «Военная Библіотека» открывается перепечаткою сочиненія г. Леера: «Положительная стратегія». Нисколько не отрицая начитанности г. Леера, мы все же не думаемъ, чтобы нельзя было сдѣлать другого выбора. Есть еще стратегистъ, правда, не экзаменовавшійся по двѣнадцати-бальной системѣ, но который что нибудь да значитъ въ военномъ дѣлѣ. Послѣ него остались «Основанія стратегіи», переведенныя на французскій языкъ тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ нѣмецкаго подлинника. Въ двадцатыхъ годахъ была переведена и на русскій языкъ первая часть этого сочиненія, содержащая въ себѣ теорію стратегіи; исторія же нѣмецкой кампаніи 1796 года, служащая ей поясненіемъ, осталась не переведенною. Мы говоримъ объ эрц-герцогѣ Карлѣ. Конечно, это писатель односторонній, и г. Лееръ отдѣлывается отъ него нѣсколькими строчками. Но что бы ни говорили, мы думаемъ,

Digitized by Google

что человѣкъ, приводившій въ движеніе двухсотъ-тысячныя арміи, не разъ указывавшій имъ путь къ побѣдѣ, заслуживаетъ того, чтобы стать хоть на шагъ выше теоретика, быть можетъ, ни разу не водившаго въ бой и батальона.

За тѣмъ слѣдуетъ «Всеобщая тактика», Рюстова, а впереди предстоятъ тактики гг. Леера и Дригомірова. По нашему мнѣнію, ничего не слѣдуетъ дѣлать въ половину, и если гг. Лееръ и Дригоміровъ сдираютъ по двѣ шкуры съ одного барана, то зачѣмъ же обижать Грисгейма и Карцева? Не мѣшало бы намъ, русскимъ, шестьдесятъ лѣтъ воевавшимъ въ дебряхъ Кавказа, снова поучиться у Грисгейма бою передъ опушкою, бою въ опушкѣ, бою за опушкой; не мѣшало бы намъ, русскимъ, не оставившимъ въ продолженіи шестидесяти лѣтъ не взятою ни одной самой крѣпкой горной позиціи, штурмовавшимъ, зачастую безъ артиллеріи, не одну сотню ауловъ, поучиться у него подготовкѣ аттаки горныхъ позицій и укрѣпленныхъ деревень. Или возобновить въ памяти, на примѣръ, такое, провозглашаемое г. Карцевымъ, правило, что артиллерія, ставъ на позицію, должна дѣлать первые выстрѣлы по прицѣлу и мушкѣ, не заботясь о вѣрности выстрѣла, чтобъ изумить непріятеля (непріятель, должно быть, принимается за стаю воробьевъ, способную разлетѣться отъ одного звука), или, на примѣръ, что штуцерниковъ надобно ставить между орудіями (тогда штуцерные цѣнились на вѣсъ золота), чтобы разомъ терять и артеллерійскую прислугу и штуцерныхъ.

Неужели тетрадочки Рюстова (потому что это тетрадочки, наравнѣ съ тетрадочками гг. Драгомірова и Леера) такая необходимость, что имъ слѣдуетъ отводить мѣсто въ «Военной Библіотекѣ»? Тактика дѣлится на два отдѣла: на высшую, т. е., употребленіе въ бою большихъ массъ *), и елементарную. Послѣдняя вѣчно находится въ переходномъ состояніи, завися отъ техническихъ усовершенствованій и нововведеній, первая почти неизмѣнна, и тѣ мотивы, которые заставляли Наполеона устремлять въ бою въ извѣстное время и на извѣстномъ пунктѣ свои силы, предпринимать ту или другую демонстрацію, можно отыскать у всякаго великаго полководца, на примѣръ, у Юлія Цезаря. И такъ, кажется, вмѣсто тактики Рюстова лучше было бы предложить читателямъ «Военной Библіотеки» исторію сраженій, данныхъ знаменитыми полководцами, расположивъ ихъ по извѣстной класификаціи.

Между высшею тактикой и елементарною, столь часто измѣняющеюся, стоитъ посредствующее звено—малая война, почти неизмѣняющаяся съ техническими нововведеніями. Полагаемъ, что помѣщеніе Деккерова со-

*) Т. е., собственно говоря, употребленіе войскъ въ баталіяхъ (en bataille rangée). У насъ замѣнили это слово, державшееся до настоящаго столѣтія, словомъ «сраженіе». Баталія стремится къ достиженію помощію боя стратегическихъ цѣлей, сраженіе преслѣдуетъ цѣли тактическія.

Digitized by Google

чиненія «О малой войнѣ» и Лаллеманова сочиненія «Traité des opérations secondaires de la guerre, было бы гораздо полезнѣе, чѣмъ тактика всѣхъ нашихъ и нѣмецкихъ тактиковъ. И это тѣмъ необходимѣе, что «Военная Библіотека» не предлагаетъ ни одного систематическаго сочиненія о малой войнѣ. Но если трактаты о ней почему либо не заслуживаютъ занять мѣсто въ «Военной Библіотекѣ», то все же слѣдовало бы не перепечатывать различные учебники тактики, а помѣстить такіе эпизоды, какъ, напримѣръ, капманія Сульта въ 1814 году (хоть по Ланену), которую Наполеонъ, столь взыскательный, назвалъ безупречною:—какъ дѣйствія Лекурба въ Швейцаріи противъ австрійцевъ, столь поучительныя для горной войны;—какъ дѣйствія противъ Корсакова (по сочиненію: Relation du passage de la Limmat, съ примѣчаніями по запискамъ Массены и Сульта. Мы убѣждены, что въ этихъ трехъ сочиненіяхъ молодой офицеръ найдетъ для себя гораздо болѣе поучительнаго, нежели во всѣхъ тетрадочкахъ о тактикѣ.

Но въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ. Мы, люди темные, не въ состояніи, быть можетъ, понять тѣхъ побужденій, которыми руководились люди, спеціально призванные къ высшимъ соображеніямъ. Поэтому, не навязывая редакторамъ «Военной Библіотеки» своей програмы и со всѣмъ смиреніемъ извиняясь передъ ними за эти намѣренія

. . . . . смѣть
Свое сужденіе имѣть,

поговоримъ объ исполненіи. Неужели гг. редакторы «Военной Библіотеки» полагаютъ, что и ее, подобно исторіи г. Богдановича, слѣдуетъ читать съ хвоста? На дѣлѣ выходитъ такъ, потому что, не дождавшись выхода *атласа прибавленій*, нельзя читать сочиненіе «Саперныя работы въ полѣ», помѣщенное въ первомъ томѣ, атласъ къ которому выйдетъ послѣ четырнадцатаго тома, т. е., будетъ помѣщенъ въ хвостѣ? И что за непрактичность въ такихъ людяхъ, каковы неизвѣстные редакторы «Военной Библіотеки»,—людяхъ военныхъ, практикахъ по преимуществу! Можно ли, назначая книгу для офицера, отдѣлять чертежи отъ текста? Не воображаютъ ли гг. редакторы «Военной Библіотеки», что у каждаго прапорщика есть бюро и по крайней мѣрѣ одинъ шкафъ краснаго дерева для храненія и книгъ и *атласовъ прибавленій*? Поэтому слѣдовало бы, кажется, каждое сочиненіе, помѣщаемое въ «Военной Библіотекѣ», сопровождать принадлежащими къ нему чертежами. Но это еще не все. Извѣстно, что чѣмъ человѣкъ менѣе владѣетъ спеціальными знаніями, тѣмъ большее должно быть обращено вниманіе на то, чтобы облегчить ему пониманіе какого либо предмета. Можно ли же давать людямъ, не свободно читающимъ карту, такіе чертежи, какіе приложены ко второму тому «Военной Библіотеки» вообще и къ тактикѣ Рюстова въ особенности? Нѣкоторые изъ нихъ неряшливы по сочиненію (VII, фиг. 56); неряшливость исполненія всѣхъ превосходитъ

Digitized by Google

всякое вѣроятіе; всѣ чертежи второго тома напечатаны на дрянной не проклеенной бумагѣ и до того слѣпы, что и привычному глазу трудно разбирать ихъ.

Сочиненіе Дюра-Ласаля мы считаемъ баластомъ. Гг. редакторы «Военной Библіотеки», кажется, не безъ затаеннаго умысла помѣстили Драгоміровскій «Опытъ руководства для подготовленія (отчего не подготовки?) частей (!) для боя», рядомъ съ Кампе: «Обученіе роты для боя» (какъ будто войско вообще учатъ для чего нибудь другаго!). Не было ли у нихъ въ виду показать, въ чемъ заключается русское военное творчество? Если да, то цѣль достигнута ими вполнѣ. Въ этомъ можно убѣдиться, сличивъ, что говоритъ Кампе на стр., 590 т. 1., по поводу обороны и аттаки полевыхъ укрѣпленій, съ тѣмъ, что г. Драгоміровъ предлагаетъ во главѣ своего «Опыта» (т. 1, стр. 534), говоря объ одиночномъ обученіи солдата: «... при занятіяхъ въ пѣхотѣ гимнастикою, слѣдуетъ налечь на слѣдующія упражненія: прыганье въ ширину, въ глубину (буквально выписано изъ Кампе) чрезъ барьеръ; ходьбу по брусу, взбѣганіе на крутыя покатости и сбѣганье съ нихъ; быстрый подъемъ и спускъ по высокимъ и круто поставленнымъ лѣстницамъ. Лучшій гимнастическій городокъ для перечисленныхъ упражненій — земляное укрѣпленіе сильной профили, усиленное засѣками и волчьими ямами передъ фронтомъ, палисадной стѣной на гласисѣ, палисадомъ во рву. Рота, которая взлѣзетъ поодиночкѣ на такое укрѣпленіе, готова для преодолѣнія всѣхъ препятствій... Остается только ее свести, т. е., показать ей аттаку того же укрѣпленія дружной массой». Кампе, человѣкъ боевой, жалуется на краткость времени, отведеннаго въ русской арміи для гимнастическихъ занятій, и потому, какъ-бы въ дополненіе къ нимъ, предлагаетъ при движеніи къ тиру или плацу заставить солдатъ преодолѣвать мѣстныя препятствія: канавы, изгороди, заборы. Совѣтъ весьма практическій. Г. Драгоміровъ берется за дѣло съ хвоста, т. е., съ того, чѣмъ надобно кончить. Нашъ солдатъ гораздо долѣе прусскаго остается на службѣ, и потому нѣтъ причины вести его гимнастическое образованіе не систематически, въ особенности если его не будутъ отвлекать отъ существенно необходимыхъ занятій упражненіями излишними—инженерными и артиллерійскими. Штурмъ такого гимнастическаго городка, какой предлагаетъ г. Драгоміровъ, долженъ быть вѣнцомъ, завершеніемъ гимнастическаго обученія, а не его началомъ. Къ тому же, если городокъ будетъ построенъ не по фортификаціи гг. Драгомірова и Янковскаго, а военными инженерами, то никакая рота его не возьметъ, сколько бы ни учили ее прыганію въ ширину. Для штурма потребуются доски, плетни или сапныя фашины для перехода чрезъ волчьи ямы, рабочіе съ топорами для растаскиванья засѣкъ и рубки палисада. Мы знаемъ случай изъ войны въ Азіатской Турціи 1829 года, что приступъ къ палисадному редуту безъ рва (палисады были сильныхъ размѣровъ) не удался по тому, что че-

Digitized by Google

резъ палисады, въ три аршина шириною, нельзя было перелѣзть, а для рубки ихъ инженеры дали не насталенные топоры. Храбрые наши солдатики пытались было высадить барьерные ворота, но наконецъ, потерявъ много ранеными кинжалами (удары наносились сквозь щели между палисадинами) и пистолетными выстрѣлами, должны были отказаться отъ своего намѣренія. А такое укрѣпленіе, какое видѣли мы на учебномъ полѣ, построенное подъ присмотромъ офицеровъ генеральнаго штаба, со рвомъ мѣстами въ три четверти аршина и съ амбразурами до подошвы бруствера, возьмутъ съ разбѣга и ребятишки, никогда не обучавшіеся прыганію въ глубину и вышину.

Или совѣты стрѣлку всегда искать при стрѣльбѣ опоры для ружья! Наши враги должны всячески домогаться, чтобы подобное воззрѣніе на стрѣльбу утвердилось въ нашей арміи! Лазы и кавказскіе горцы, которыхъ никто не назоветъ плохими стрѣлками, не могли держаться на открытой мѣстности противъ нашихъ солдатъ, вооруженныхъ гладкоствольными ружьями, именно вслѣдствіе привычки всегда стрѣлять съ подставки.

Или объясненія, почему рота должна дѣлать то-то и то-то! *Кавалерія скачетъ оттуда, на правомъ флангѣ оврагъ,—лучше развернуться и упереть фланги... Кавалерія скачетъ оттуда; мѣсто открытое; нужно въ каре...* Точь въ точь какъ въ одной, забытой теперь, веселой солдатской пѣсенкѣ:

Вотъ тутъ сухо, а тутъ грязь.

Или маневрированіе роты съ артиллеріею!

Изъ лекцій о кениггрецкой кампаніи мы знаемъ, что г. Драгоміровъ ѣздилъ въ прусскую армію за тѣмъ, чтобы проэкзаменовать старика Штейнмеца. Затѣмъ онъ занялся проектированіемъ солдата безъ спины, розысканіями надъ независимостью отдѣленій и рядовъ во взводѣ и фортификаціею генеральнаго штаба. Полезнѣе было бы, кажется, сулить публикѣ эти великія изобрѣтенія въ отдаленномъ будущемъ, нежели ставить свое самодѣльное наставленіе рядомъ съ направленіемъ такого практическаго человѣка, каковъ Кампе. Сравненіе выходитъ очень невыгодное.

Что сказать о Каузлеровомъ сборникѣ: «Мысли и правила Наполеона»? Подобнаго рода сборники переводить не слѣдуетъ; ихъ надобно каждому составить для своего употребленія. У Каузлера, на примѣръ, много мелочей ни для чего негодныхъ и пропущено много существеннаго. Въ этомъ отношеніи Maximes de guerre составлены съ большимъ пониманіемъ дѣла. Вообще, подобные сборники мы считаемъ болѣе вредными, чѣмъ полезными; ихъ съ полнымъ основаніемъ можно сравнить съ хрестоматіями, вредъ которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Какъ по хрестоматіямъ Буслаева, Галахова и Аристова нельзя познакомиться ни со слогомъ, ни

Digitized by Google

съ воззрѣніями какого либо автора, но можно нахватать кое-что такое, что позволитъ при случаѣ хвастнуть небывалыми начитанностью и знаніемъ литературы, такъ и при помощи Клаузевица и Maximes de guerre не узнаешь Наполеона, но, пожалуй, прослывешь знатокомъ его сочиненій! Другое дѣло избранныя сочиненія. Кто прочитаетъ Старосвѣтскихъ помѣщиковъ, Ночь на Рождество Христово и Тараса Бульбу—Гоголя, тотъ составитъ себѣ довольно ясное, хотя и не полное понятіе объ этомъ писателѣ. Слѣдовательно, мы приходимъ опять къ тому же, съ чего начали: въ «Военной Библіотекѣ» слѣдуетъ помѣстить первокласныхъ писателей или вполнѣ, или избранныя сочиненія, а не такія мелочи, каковы правила и мысли Наполеона, собранныя Каузлеромъ.

Въ предисловіи къ своему переводу, г. Леонтьевъ говоритъ, что онъ сличалъ текстъ Каузлера съ французскимъ подлинникомъ. Это не совсѣмъ справедливо. Образцовое описаніе Италіи, составленное Наполеономъ къ исторіи итальянскихъ его походовъ, явно переведено съ нѣмецкаго. Ничѣмъ другимъ не можемъ мы объяснить себѣ тѣхъ безчисленныхъ неточностей, которыя встрѣчаются на каждой страницѣ перевода г. Леонтьева. Нельзя не пожалѣть и о томъ, что г. переводчикъ, приступая къ перепечатыванію своего перевода черезъ двадцать семь лѣтъ, не позаботился исправить и другія, вкравшіяся въ него неточности. Такъ въ характеристикѣ генераловъ читаемъ, въ переводѣ г. Леонтьева, слѣдующій отзывъ объ инженерномъ генералѣ Шасслу-Лоба: онъ былъ характера *первнаго*. Это очевидная опечатка, доказывающая однакожь, что г. Леонтьевъ, по крайней мѣрѣ, характеристики генераловъ переводилъ съ французскаго, отчасти извиняющая такую несообразность, какъ переводъ съ нѣмецкаго языка выдержекъ изъ французскаго сочиненія. Наполеонъ говоритъ о Шасслу-Лоба, знаменитомъ инженерѣ своего времени: il était d'un caractère inégal, т. е., онъ былъ характера *неровнаго*. Отвѣтственность за эту корректурную безсмыслицу, перешедшую изъ перваго изданія во второе, падаетъ отчасти на гг. редакторовъ «Военной Библіотеки». Но за слѣдующую неточность (а ихъ въ переводѣ г. Леонтьева очень много) на стр. 96 втораго изданія въ 4 т. В. Б. отвѣчаетъ самъ г. Леонтьевъ. Онъ говоритъ: обязанность авангарда или арріергарда состоитъ не въ наступательныхъ, или отступательныхъ дѣйствіяхъ, а въ маневрированіи. Наполеонъ такой безсмыслицы не говоритъ, потому что наступательныя и отступательныя дѣйствія не исключаютъ маневрированія; онъ говоритъ: авангардъ или арріергардъ не долженъ двигаться только впередъ, или отходить назадъ (à s'avacner ou á reculer, mais á manoevrer), но маневривовать, т. е., именно предписываетъ наступательныя и отступательныя дѣйствія. Цитируемъ на память, потому что у насъ въ настоящую минуту нѣтъ подъ руками сочиненій Наполеона.

Обращаемъ вниманіе читателей на прекрасно составленную статью, въ такомъ же родѣ, помѣщенную въ «Сборникѣ наставленій и приказовъ».

Digitized by Google

Она, кажется, переведена со шведскаго. Редакція «Военной Библіотеки» сочла излишнимъ сообщить какія либо свѣдѣнія объ авторѣ.

Прежде нежели мы разстанемся съ «Военною Библіотекою»,—потому что содержаніе слѣдующихъ томовъ ея таково, что о немъ не представляется необходимости говорить особо,—считаемъ не лишнимъ сказать о причинѣ, приведшей къ полнѣйшей неудачѣ такое прекрасное предпріятіе, какимъ, по мысли Государя Цесаревича, слѣдовало быть «Военной Библіотекѣ».

Единственная причина такого плачевнаго явленія, которое можетъ повториться не одинъ разъ,—плохое приготовительное образованіе, получаемое людьми, готовящимися къ занятіямъ высшими отраслями военнаго искуства. Всѣ другія причины: распущенность, неряшливость, заносчивость и неспособность воспользоваться хорошими примѣрами и образцами, суть слѣдствія, дѣтища этой главной причины. Высшее военное образованіе такого свойства, что человѣкъ, прочно подготовленный, можетъ усвоить его самъ, если въ военномъ сословіи сохраняются здравыя военныя понятія. Для этого нужно знаніе двухъ новѣйшихъ языковъ. Еслибы наша военная литература не была бѣдна до крайности, можно бы въ нуждѣ обойтись и безъ знанія иностранныхъ языковъ. Но для этого, какъ мы сейчасъ сказали, нужно прочное приготовительное образованіе, а между тѣмъ безграмотность нашихъ военныхъ, и по преимуществу военныхъ писателей, вошла въ пословицу. При такой плохой подготовкѣ, возможно ли ожидать какихъ либо серьезныхъ успѣховъ въ знаніи военнаго искуства?

И дѣйствительно, во всемъ, что касается военнаго дѣла, мы видимъ одни колебанія, явно доказывающія незрѣлость нашихъ техниковъ, неспособность съ ихъ стороны отнестись къ дѣлу самостоятельно. За доказательствами не слѣдуетъ ходить далеко. Въ свое время прусское игольчатое ружье было лучшее солдатское ружье въ Европѣ. Устройство его хранилось прусаками въ тайнѣ, и тайна эта была передана намъ только по личному повелѣнію покойнаго прусскаго короля. Воспользовались ли мы прусскимъ ружьемъ, когда перемѣняли гладкоствольное вооруженіе пѣхоты на нарѣзное? Въ то время имѣлись также въ виду швейцарское 4 л. ружье и англійское калибромъ въ 5,57 л. Казалось, чего бы проще, какъ къ 4 л. швейцарскому ружью примѣнить прусскій игольчатый замокъ! Вмѣсто того мы приняли, даже для драгунъ и казаковъ, шестилинейное, заряжающееся съ дула, ружье и такимъ образомъ дали нашей арміи вооруженіе, которое, по истеченіи девяти лѣтъ отъ введенія его, оказывается никуда негоднымъ и съ которымъ слѣдуетъ какъ можно скорѣе разстаться, если наша пѣхота не хочетъ занимать, по вооруженію, послѣдне мѣсто между пѣхотами другихъ большихъ государствъ. Въ минувшую франко-прусскую войну, прусаки съ своими шестилинейными ружьями могли преодолѣвать меткій и дальній огонь французскихъ че-

Digitized by Google

тырехлинейныхъ ружей только благодаря своему чрезмѣрному численному превосходству, позволявшему имъ, послѣ страшныхъ потерь, подходить на такое разстояніе, съ котораго можно было съ кое-какимъ успѣхомъ вести борьбу противъ ружей Шассно. А наши колебанія въ принятіи прусскаго запирающагося механизма къ орудіямъ, приведшія насъ къ системѣ развѣтвляющихся нарѣзокъ, при которыхъ снаряды такъ отлично заклиниваются въ каналѣ и производятъ разрывъ орудія? Не подъ глазами ли у нашихъ техниковъ отмѣнена, въ пользу заводчиковъ, Высочайше утвержденная инструкція для пріема нарѣзныхъ ружей, послѣ чего они стали поступать съ заводовъ въ войска безъ брака, подобно тому, какъ поступали ружья гладкоствольныя? Не подъ глазами ли у нашихъ ученыхъ спеціалистовъ, столь пышно трактующихъ о военномъ хозяйствѣ, г. Китары изобрѣлъ, въ пользу подрядчиковъ, второй сортъ предметовъ обмундированія, возбудившій было такой дружный протестъ со стороны войсковыхъ пріемщиковъ и, не смотря на это, все-таки удержавшійся?

Плохое приготовительное образованіе плодитъ не спеціалистовъ, столь необходимыхъ, а самый поверхностный и тощій энциклопедизмъ. Треску много, но дѣло не только не подвигается впередъ, а видимо пятится.

Поэтому желательно было бы, чтобы спеціалисты ограничивались каждый своею сферою знанія и не забирались въ чужую. Армія, въ которой офицеръ генеральнаго штаба будетъ соваться въ военные администраторы, въ инженеры, въ дипломаты, будетъ самая странная армія. Всѣ хорошія арміи, напротивъ того, гордятся своими техниками. Французскіе инженеры, артиллеристы, военно-административный корпусъ всегда составляли славу французской арміи, нисколько не умаляя достоинства и значенія генеральнаго штаба. Желаніе видѣть въ офицерѣ генеральнаго штаба человѣка на всѣ руки—странное желаніе, чтобъ не сказать болѣе.

Итакъ, полезно было бы, чтобы генеральный штабъ, не врываясь въ чужія сферы дѣятельности (на примѣръ, предоставивъ, если это необходимо, обученіе нашей пѣхоты инженернымъ работамъ военнымъ инженерамъ) спеціализировался бы, солидно занялся бы тѣми предметами, твердое знаніе которыхъ для него существенно необходимо.

Желательно, на примѣръ, чтобы офицеры генеральнаго штаба знали, которая сторона правая и которая лѣвая.

Чтобы они были также свѣдущи въ географіи, статистикѣ, военной исторіи и картографіи, какъ почтенные ихъ предшественники, которыхъ мы знавали въ нашей молодости. Ссылаемся на нашихъ сверстниковъ, помнящихъ офицеровъ генеральнаго штаба, вышедшихъ изъ училища колонновожатыхъ; пусть они засвидѣтельствуютъ о томъ довѣріи и томъ почтеніи, которыми пользовались въ наше время люди, носившіе бархатные черные воротники и серебреные аксельбанты.

Digitized by Google

Преобладаніе одного какого либо военнаго сословія къ добру не ведетъ. За свое излишнее довѣріе къ генеральному штабу, Австрія заплатила Садовою; за своихъ Сен-сирцевъ, Франція платитъ теперешнимъ своимъ униженіемъ. Огромныя привиллегіи, которыя сумѣлъ себѣ присвоить генеральный штабъ, привлекаютъ въ него во всѣхъ государствахъ такихъ учениковъ, которымъ, какъ говоритъ Митрофанушка, пора жениться, а не учиться. Наконецъ допущеніе въ военныя академіи инженерныхъ и артиллерійскихъ офицеровъ едва ли можно назвать удачнымъ. Или это люди даровитые, и въ такомъ случаѣ переходъ ихъ въ генеральный штабъ ослабляетъ корпуса инженерный и артиллерійскій; или это бездарности, надѣющіяся, помощію зубренья, пробиться на видное мѣсто; но тогда въ чемъ же будетъ состоять пріобрѣтеніе для генеральнаго штаба?

По нашему мнѣнію, котораго мы никому не навязываемъ, подготовленіе къ службѣ въ генеральномъ штабѣ должно начинаться съ юнкерскаго чина. Воспитанники военныхъ училищъ должны избирать эту карьеру, какъ избираютъ они службу въ артиллеріи и инженерахъ. Такимъ образомъ были бы положены предѣлы чрезмѣрной требовательности генеральнаго штаба и былъ бы прегражденъ въ него доступъ разнымъ личностямъ, преслѣдующимъ мелочныя цѣли.

Слѣдовало бы поговорить о програмахъ преподаванія, но это завело бы насъ далеко. Къ тому же мы написали эту рецензію не съ желаніемъ увидѣть какіе либо практическіе результаты, а по побужденію, сходному съ тѣмъ, по которому докторъ прописываетъ лекарство неизлечимо-больному, т. е., сдѣлали это для очищенія совѣсти. Еще Курбскій писалъ царю Ивану IV: «застарѣвшіеся злые обычаи въ человѣцѣхъ многими лѣты, во естество прелагаются и неудобь исцѣльны бываютъ».

Ж.

Отчетъ о посѣщеніи военно-санитарныхъ учрежденій въ Германіи, Лотарингіи и Эльзасѣ въ 1870 году, представленный академикомъ *Пироговымъ* Обществу попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ, состоящему подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы. Спб. 1871.

Между нами постоянно слышатся сѣтованія на бѣдность нашей ученой литературы и на происходящую отъ того невозможность обойтись при изученіи какого либо ученаго вопроса безъ знанія нѣсколькихъ новѣйшихъ языковъ, овладѣніе которыми небогатому молодому человѣку (на примѣръ, семинаристу), при отсутствіи удовлетворительныхъ пособій, и въ особенности словарей, достается съ большими затрудненіями. Сколько силъ тратится у насъ даровитою молодежью на это подготовленіе, и при томъ въ такое время, когда уже слѣдовало бы приступать къ само-

Digitized by Google

стоятельнымъ занятіямъ *). Не въ этомъ ли невыгодномъ условіи, въ которое бываетъ поставлена большая часть нашей молодежи, начинающей ученую карьеру, слѣдуетъ искать объясненія той лѣни, въ которой постоянно обвиняютъ нашихъ ученыхъ? Въ самомъ дѣлѣ, растративши лучшій запасъ силъ на подготовленіе къ какому либо труду, позволительно, по исполненіи его, предаться отдохновенію.

Поэтому непремѣнно слѣдуетъ при каждомъ представляющемся случаѣ указывать на то печальное проявленіе мелкой авторской суетности, которое, не смотря на такъ называемые наши быстрые успѣхи въ просвѣщеніи, упорно держится между цѣлою корпораціею ученыхъ, поставившихъ себѣ задачей таскать въ лѣсъ дрова, т. е., трудиться не на пользу роднаго просвѣщенія, а обогащать чужеязычныя литературы сочиненіями, которыя при богатствѣ этихъ литературъ часто проходятъ незамѣченными **), или много что приносятъ своимъ авторамъ незавидный титулъ молодаго ученаго. А появись эти сочиненія на родномъ языкѣ, какое плодотворное вліяніе оказали бы они на движеніе нашей ученой литературы!

Къ числу такихъ дровоносовъ принадлежитъ столь почитаемый, столь высоко цѣнимый у насъ авторъ сочиненія, заглавіе котораго выписано выше. Тасканіемъ дровъ онъ занимается, какъ видно, издавна. Такъ изъ его отчета, о которомъ мы намѣрены говорить, узнаемъ, что г. Пироговъ, посланный на Кавказъ по Высочайшему повелѣнію для первыхъ опытовъ съ анэстезированіемъ на полѣ сраженія, познакомилъ русскую публику съ своими наблюденіями сочиненіемъ: Rapport médical d'un voyage au Caucase, 1849. Послѣ крымской войны, по завершеніи учебной и учебно-административной дѣятельности, г. Пироговъ выступилъ передъ русскою публикою съ другимъ капитальнымъ сочиненіемъ: Grundzüge der Allgemeinen Kriegs—Chirurgie. Leipzig. 1864. Чтобы рѣзче выяснить свои тяготѣнія, г. Пироговъ, знаменитѣйшій изъ русскихъ профессоровъ медицины, подписывается на заглавномъ листѣ своего сочиненія академикомъ. Титулъ профессора, и притомъ заслуженнаго, ему какъ будто бы претитъ, конечно, по тому, что русскіе профессора прежде всего заботятся объ отечественной публикѣ, а не о томъ, чтобы ихъ заслуженные лавры, снисходительно потрепалъ какой либо заграничный рецензентъ и насильно отвелъ бы имъ, мужамъ ученѣйшимъ, незамѣтное мѣсто между второстепенными своими земляками. Осмѣливаемся замѣтить г. Пирогову, титулъ академика — почетный и почтенный

*) Покойный заслуженный профессоръ Иноземцевъ расказывалъ, что онъ передъ отправленіемъ за границу, два года учился въ Дерптѣ, вмѣстѣ съ г. Пироговымъ, не медицинѣ, а нѣмецкому языку.

**) Г. Пироговъ встрѣтилъ въ Германіи всего одного врача, прочитавшаго его сочиненіе: Grundzüge der Allgemeinen Kriegschirurgie.

Digitized by Google

титулъ, но есть академики, которые не въ состояніи удовлетворить требованіямъ, налагаемымъ на университетскаго штатнаго доцента. Зачѣмъ же непремѣнно желать извѣстности въ русской публикѣ только по одному этому титулу, когда у автора есть другіе, не менѣе почетные и цѣнимые?

Не станемъ доискиваться, почему «Отчетъ» написанъ по-русски; возблагодаримъ Бога за то, что это сочиненіе, составляющее истинное пріобрѣтеніе нашей литературы, не вздумалось г. Пирогову написать по-англійски, итальянски или голландски, чтобы услыхать,—какъ говорятъ люди одного съ г. Пироговымъ направленія—сужденіе лучшихъ ученыхъ о своемъ трудѣ; укажемъ на два, три облачка, бросающія тѣнь на «Отчетъ» и затѣмъ, съ облегченнымъ сердцемъ, обратимся къ содержанію новаго прекраснаго труда знаменитаго нашего хирурга.

Прежде всего бросается въ глаза неувѣренность автора въ томъ, чтобы русскіе люди способны были понимать по-русски, и стараніе его пояснить смыслъ русскихъ словъ при помощи нѣмецкаго языка. Такъ, разсуждая на стр. 55 «Отчета» о прусскомъ военномъ врачѣ, г. Пироговъ говоритъ: «онъ причисляется къ сражающимся» и прибавляетъ въ скобкахъ: zu den combattanten; на стр. 78: «я не слыхалъ ни объ одномъ случаѣ, не видалъ ни одного раненаго, у котораго можно бы съ достовѣрностію принять то страшное поврежденіе, которое до сихъ поръ еще носитъ названіе *ушиба отъ мимолетнаго выстрѣла*, по-нѣмецки Luftstreischuss.» На стр. 88: «Лучше пусть онъ положитъ весь членъ на время въ проволочную сѣтку или вѣшалку (Schwebe)».

Затѣмъ въ отчетѣ есть положительныя указанія на то, что г. Пироговъ не увѣренъ въ общеизвѣстности своихъ ученыхъ трудовъ между русскими медиками. Эта неувѣренность заставляетъ автора «Отчета» безпрестанно дѣлать отступленія, состоящія исключительно въ изложеніи сдѣланныхъ имъ въ разное время наблюденій, описанныхъ въ сказанныхъ сочиненіяхъ. Безъ этихъ отступленій «Отчетъ» вышелъ бы нѣсколько короче, или осталось бы лишнее мѣсто для болѣе подробнаго развитія другихъ указаній и положеній, которыя, какъ и все, сказанное такимъ знатокомъ дѣла, каковъ знаменитый авторъ «Отчета», были бы драгоцѣнны для нашихъ военныхъ врачей и несомнѣнно послужили бы имъ наставленіемъ.

Г. Пироговъ былъ посланъ за границу отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и общества попеченія о больныхъ и раненныхъ воинахъ для осмотра военно-санитарныхъ учрежденій, дѣйствовавшихъ на театрѣ военныхъ дѣйствій въ минувшую прусско-французскую войну. Кромѣ него было еще нѣсколько русскихъ врачей, занимавшихся леченіемъ раненыхъ въ нѣмецкихъ госпиталяхъ. Г. Пироговъ перечисляетъ ихъ на 29 стр. своего «Отчета». Это были: дерптскій професоръ Бергманъ, отправленный за границу съ ученою цѣлью университетомъ; состоящій

Digitized by Google

при с.-петербургской медико-хирургической академіи докторъ Гепнеръ, получившій пособіе отъ великой княгини Елены Павловны; докторъ Шмитъ изъ Варшавы; доктора: Морицъ, Пильцъ и Бертенсонъ. Послѣдній занимается составленіемъ подробнаго отчета о барачной системѣ госпиталей (съ чертежами!) *).

Вопросы, рѣшеніемъ которыхъ занимается г. Пироговъ въ своемъ «Отчетѣ», суть слѣдующіе:

1) Равномѣрное распредѣленіе международной помощи между воюющими сторонами.

2) Отношеніе частной и международной помощи къ военной администраціи.

3) Участь раненыхъ на полѣ сраженія.

4) Сберегательное и выжидательное леченіе раненыхъ вообще.

5) Примѣненіе опытовъ, добытыхъ изъ войны 1870 года, для насъ въ военно-медицинскомъ отношеніи и въ отношеніи частной помощи.

Судя по поблажкѣ, оказанной Пруссіи со стороны сильныхъ нейтральныхъ державъ, смотрѣвшихъ сквозь пальцы на нарушеніе женевской конвенціи, г. Пироговъ полагаетъ, будто международная помощь всегда будетъ доставаться побѣдителю. Позволяемъ себѣ не согласиться съ этимъ. Нейтральные всегда могутъ заставить воюющую сторону уважать международные договоры. Воюющій никогда не рѣшится усложнять затрудненія, порождаемыя войною, ссорою съ нейтральными. Примѣръ этому представляетъ та же прусско-французская война. Когда одинъ изъ прусскихъ генераловъ, столь энергическихъ съ беззащитными обитателями завоеваннаго края и своими депутатами, вздумалъ затоплять англійскія суда для загражденія устьевъ Сены, Бисмаркъ, при первомъ заявленіи объ этомъ поступкѣ въ газетахъ, поспѣшилъ дать всевозможныя удовлетворенія, не дожидаясь формальныхъ представленій англійскаго министерства. Итакъ, если нейтральныя пожелаютъ, никто не можетъ помѣшать, чтобы международная помощь была оказываема на полѣ сраженія предпочтительно раненымъ, принадлежащимъ арміи, потерявшей сраженіе. Никто изъ воюющихъ не рѣшится прикоснуться къ госпиталямъ, если они будутъ признаны нейтральными **).

*) Пожелаемъ, чтобы это описаніе не было написано, для общеизвѣстности, на шведскомъ языкѣ.

**) По неслыханному количеству войскъ, выставленному прусаками въ войну 1870 года, она носитъ характеръ войнъ переселенія варваровъ. Но независимо отъ громадныхъ военныхъ силъ, характеръ этотъ закрѣпляется за войною 1870 года жестокимъ обращеніемъ съ жителями, неслыханными поборами на содержаніе солдатъ (по 65 к. сер. въ день на человѣка) и варварскимъ способомъ веденія осадъ, т. е., дорогимъ и безсмысленнымъ бомбардированіемъ укрѣпленныхъ городовъ, не могущимъ ускорить взятіе укрѣпленій ни однихъ

Digitized by Google

Участь раненыхъ на полѣ сраженія въ войну 1870 года была нисколько не лучше, по словамъ г. Пирогова, той, какая доставалась раненымъ въ другія войны. Какъ ни старается г. Пироговъ прикрыть промахи нѣмецкой военной администраціи, но изъ его же словъ оказывается, что она далеко не заслуживаетъ тѣхъ похвалъ, какія ей расточаются. Подъ Саарбрюкеномъ при полкахъ не было санитарныхъ ротъ: въ Ремильи, гдѣ было *свалено* десять тысячъ раненыхъ, оказалось только четыре лекаря; изъ-подъ Меца привезли три тысячи раненыхъ, при которыхъ было тоже четыре лекаря. А между тѣмъ нѣмецкая военная администрація заготовила для этой войны до 2.700 лекарей. Всѣ тяжело раненые умерли или на полѣ сраженія, или во время перевозки въ госпитали: г. Пироговъ не встрѣчалъ такихъ раненыхъ въ госпиталяхъ. Уцѣлѣли только раненые, одаренные сильнымъ сложеніемъ, и то благодаря частной и международной помощи. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что прусская военная администрація не была захвачена открытіемъ военныхъ дѣйствій въ расплохъ, подобно администраціи французской.

Въ числѣ причинъ несвоевременной подачи помощи раненымъ на полѣ сраженія, г. Пироговъ не послѣднее мѣсто отводитъ и закону, по которому нѣмецкіе военные лекаря причисляются къ сражающимся. Дѣятельность врача на войнѣ мало чѣмъ отличается отъ должности его во время свирѣпствованія повальныхъ болѣзней. Отъ него прежде всего требуются знаніе и готовность честно исполнить свой долгъ. А наряжаться въ шпоры и каску, считать себя на этомъ основаніи состоящимъ, въ нѣкоторомъ родѣ, по кавалеріи и на основаніи такого предположенія думать, что ему слѣдуетъ мчаться сломя голову съ эскадрономъ въ аттаку, и помогать раненымъ въ пылу схватки,—это уже лишнее. Конечно, было бы пріятно, еслибы пожарные являлись на пожаръ за полчаса до его начала, но можно вполнѣ удовольствоваться и тѣмъ, чтобы они пріѣзжали своевременно и работали бы не какъ на пожарѣ. Въ старые годы на лекарей такъ и смотрѣли; имъ отводили, по возможности, закрытую мѣстность, гдѣ бы они могли работать, не развлекаясь шумомъ сраженія. Въ наши дни лекарей увѣрили, и они сами вѣруютъ, будто имъ слѣдуетъ подставлять лобъ подъ пули наравнѣ съ строевыми чинами. Но если лекаря ранятъ,—конечно, не ротный командиръ, состоящій съ нимъ въ одномъ рангѣ, будетъ его перевязывать. Г. Пироговъ насчитываетъ до 40 человѣкъ погибшихъ въ войну 1870 года лекарей. Если положить, что каждый лекарь оказалъ бы помощь только двадцати раненымъ, то вотъ 800 человѣкъ, лишенныхъ призрѣнія вслѣдствіе ложнаго понятія объ обязанностяхъ военныхъ лекарей. Да послужитъ это обстоятельство

часомъ. Поэтому въ настоящее время, кажется, предстоитъ помощію международныхъ договоровъ отнять у войны тотъ свирѣпый средневѣковой характеръ, который безъ этого можетъ утвердиться навсегда.

Digitized by Google

поясненіемъ тому, какими незамѣтными путями искаженія проникаютъ въ военное дѣло.

Величайшаго вниманія заслуживаютъ указанія г. Пирогова о необходимости скорѣйшаго удаленія раненыхъ изъ-подъ выстрѣловъ и съ поля сраженія, объ устройствѣ санитарныхъ командъ, принадлежащихъ администраціи и частнымъ обществамъ. Замѣтимъ, что при ничтожномъ вознагражденіи, которое дается госпитальной прислугѣ, несущей чрезвычайно тяжелую службу, составъ санитаровъ никогда не будетъ удовлетворителенъ. Кажется, и самые фельдшера, эти необходимые у насъ помощники лекарей, не похвалятся особеннымъ благоденствіемъ. Четыре носильщика на каждаго не могущаго идти раненаго, много; при переноскѣ на ружьѣ достаточно трехъ; двое несутъ сидящаго на ружьѣ раненаго, который держится за плечи носильщиковъ, третій несетъ амуницію его и служитъ подставнымъ. Переноска на шинели не такъ неудобна, какъ о ней говорятъ, но требуетъ четырехъ носильщиковъ. Оба эти способа употреблялись на Кавказѣ для переноски раненыхъ на 300—400 саженъ, и никто не жаловался на ихъ неудобство.

Всѣхъ улучшеній въ судьбѣ раненыхъ, какъ-то: попечительнаго ухода, хорошаго содержанія, просторнаго помѣщенія и избѣжанія скученія, слѣдуетъ ожидать отъ частной помощи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ администрація будетъ дѣйствовать плохо, и дѣйствія ея обойдутся государству слишкомъ дорого. Въ крымскую войну интендантство отпускало госпиталямъ, въ мѣстностяхъ бѣдныхъ лѣсомъ, но богатыхъ камышомъ, громадныя деньги на покупку дровъ, а въ мѣстностяхъ, богатыхъ дровами, заготовлялся для отопленія камышъ по баснословнымъ цѣнамъ. На дѣлѣ же топили или камышемъ или дровами, чѣмъ дешевле. Измученные продолжительными транспортировками и готовые пасть отъ изнуренія, волы шли на порціонную дачу мяса; отъ этого мясо было такого качества, что имъ, по увѣренію крымскихъ караимовъ, совѣстно было кормить и собаку. Итакъ остаются частныя общества. А что, если по примѣру минувшихъ лѣтъ, наши благотворители станутъ норовить сорвать побольше съ какого либо богача, посуливъ ему медаль или крестъ, или будутъ расчитывать на помощь правительства, домогаясь получить отъ него или желѣзно-дорожную концессію или, по крайней мѣрѣ, позволеніе розыграть лоттерею? Въ обычаѣ у насъ, чтобы казна-матушка выручала всѣ частныя общества. А поглядишь, за проѣстями и волокитами, отъ собраннаго остается такая малость, что ея едва хватаетъ на пропечатаніе въ газетахъ хвалебной рекламы. Попробуйте, г. Пироговъ, въ нашей странѣ, богатой лѣсомъ, глиною и соломою, устроить хоть какой либо барачный госпитальный городокъ, далеко не съ тѣми улучшеніями, какія вамъ встрѣчались за границей, и вы увидите, что эти мазанки обойдутся дороже мраморныхъ палатъ съ коринѳскими колонадами. Не нами это заведено, не нами и кончится. Мы не греки и не римляне,—

Digitized by Google

говорили наши отцы; можно прибавить: и не американцы. Никогда у насъ не будетъ тридцати тысячъ частныхъ обществъ для пособія раненымъ; о сборѣ четырехсотъ-милліоннаго капитала для этой цѣли — нечего и мечтать.

Сочиненіе г. Пирогова должно быть прочитано каждымъ образованнымъ человѣкомъ. Спеціальность этого труда не должна отпугивать отъ него читателя: авторъ выражается съ такою необычайною ясностью, что даже хирургическія подробности читаются легко при самыхъ смутныхъ понятіяхъ объ анатоміи. Конечно, ясность составляетъ принадлежность всякаго хорошаго сочиненія, но въ трудѣ знаменитаго нашего ученаго эта ясность достигаетъ до высоты, невозможной многимъ. Для врачей знакомство съ этимъ сочиненіемъ прямая необходимость. Въ доказательство того вниманія, съ которымъ прочли мы отчетъ г. Пирогова, указываемъ на двѣ опечатки: на страницѣ 33, вмѣсто: на Тургидахѣ, слѣдуетъ читать на Турчидахѣ; на страницѣ 121, вмѣсто: избѣгать всякое скопленіе раненыхъ, слѣдуетъ читать: избѣгать всякаго скопленія раненыхъ.

Ж.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

La commune de Paris ou la révolution communale et sociale. Par M. Delachenalle. Bruxelles, 1871.

Въ виду разоблачающемуся постепенно, благодаря разнообразнымъ изслѣдованіямъ, обнародованію подлинныхъ документовъ и ряду процессовъ періода господства комуны, не можетъ не возникать простой вопросъ, разрѣшеніе котораго, впрочемъ, далеко не представляется легкимъ: въ чемъ собственно состояла програма комуны? Въ послѣднее время «Revue de France» перепечаталъ, правда, рядъ манифестовъ и другихъ официальныхъ документовъ правительства 18 марта, но нигдѣ еще пока не сведены были въ одно основные принципы, которыми руководились главные дѣятели движенія. Нѣкоторыя изъ бельгійскихъ газетъ, какъ, на примѣръ, брюсельская «Liberté», отличающаяся сочувствіемъ къ комунѣ, указываетъ изъ числа многихъ сочиненій, предающихся умствованіямъ и догадкамъ относительно комунистической програмы, на небольшую брошюру, названіе которой помѣщено выше; въ ней, по словамъ названной газеты, болѣе или менѣе удачно схвачены основные мотивы и цѣли возстанія.

Приступая къ изложенію ихъ, авторъ доказываетъ исторически необходимость движенія во имя самостоятельности общинъ,—движенія, подготовленнаго и вызваннаго деспотизмомъ и желѣзной централизаціей, ско-

Digitized by Google

вывавшей всякую жизнь провинцій и городовъ. Но помимо реформъ въ этой сферѣ, соціальныя условія, политическія права гражданъ — все требовало обновленія и преобразованія; народъ утопалъ въ невѣжествѣ, свобода печати, сходокъ и ассоціацій не существовала, финансы были запутаны, денежныя дѣла давали возможность къ быстрой и беззаконной наживѣ рядомъ съ бѣдностью и нищетой, свѣтская власть давила собой церковь, рабочее населеніе было безпомощно, и трудъ былъ не организованъ. Во имя этого-то ряда задачъ, поставленныхъ самою жизнью, говоритъ авторъ, и выступила комуна. Въ програму ея, сообразно тому, входило введеніе всеобщаго и обязательнаго обученія, полной свободы печати и всѣхъ народныхъ собраній, введеніе прогресивной подати, вооруженія всего народа (мѣра временная и долженствующая замѣнить собой постоянныя арміи; настоящей же цѣлью республики, говоритъ брошюра, должно быть—не вносить въ другія страны разоренія и бѣдствій, но войти съ ними въ братскую связь), отдѣленіе церкви отъ государства и уничтоженіе духовнаго бюджета, при чемъ, для парализованія вреднаго вліянія высшаго духовенства на низшее, должно быть введено избираніе приходскихъ священниковъ самими прихожанами; затѣмъ учрежденіе національной кассы для пособія труду и ассоціаціямъ и основанной на здравыхъ началахъ помощи людямъ, потерпѣвшимъ несчастія въ жизненной борьбѣ и лишеннымъ средствъ къ существованію. Во главѣ всего имѣлось въ виду укрѣпленіе принципа всеобщей подачи голосовъ, но для ея надлежащаго развитія и дабы отнять у нея возможность стать орудіемъ деспотическихъ происковъ, она должна была быть основана на общемъ уровнѣ образованности; съ этою цѣлью могъ быть изданъ даже законъ, отнимающій у гражданина право голоса, если онъ не грамотенъ.

Авторъ протестуетъ противъ упрековъ, будто бы комуна, стремясь къ самостоятельности общинъ, хотѣла разчленить Францію и ослабить ее; напротивъ, никогда такъ искренно не имѣлось въ виду осуществленіе идеала единой и нераздѣльной республики (république une et indivisible), но связь, соединяющая общины между собой въ одно государство, должна была бы быть основана на полномъ развитіи самостоятельности отдѣльныхъ частей. Заявляя этотъ принципъ, комуна, отголоскомъ которой въ настоящемъ случаѣ служитъ авторъ, впадаетъ въ крайность, всегда свойственную комунизму. Она желала бы, очевидно, обезпечить автономію и свободу общинъ, но въ то же время свободу личности она совершенно затираетъ передъ подавляющимъ понятіямъ о государствѣ. Такъ, по подлиннымъ словамъ брошюры, государство дѣлается собирателемъ всѣхъ жизненныхъ силъ соціальнаго организма, верховнымъ властителемъ всѣхъ имуществъ общины, верховнымъ раздавателемъ всѣхъ общихъ благъ (grand distributeur de tous les fruits communs). Такимъ образомъ и здѣсь, подобно тому какъ и въ теоріяхъ ярыхъ защитниковъ стараго государственнаго права, все въ жизни сходится къ связующему

Digitized by Google

центру и только отъ него и черезъ него всѣ общія блага или всѣ плоды общей работы, какъ выражается брошюра, изливаются на гражданъ. Старая язва, переживающая вѣка и внѣдряющаяся въ противуположнѣйшія системы, нашла себѣ мѣсто и въ этой новой попыткѣ перестроить общественное зданіе. Она проникла и въ большую часть дѣйствій комуны, она смотрится изъ-за многихъ ея декретовъ, въ которыхъ отъ имени этого центральнаго рога изобилія, какъ въ старину de par le roi, издавались предписанія и требованія, на которыя государственная власть не имѣетъ никакихъ правъ.

Такова програма комуны, на сколько ее очерчиваетъ брошюра. Національное собраніе, не понявъ смысла движенія и отвѣчая упрямымъ отказомъ на всякія попытки трансакцій, не дало возможности осуществиться этой програмѣ. Люди, стоящіе во главѣ французскаго правительства, были либо безсильны для достиженія примиренія и не имѣли достаточно авторитета для того, чтобы побудить собраніе къ полюбовному устраненію междоусобной войны, либо они были умѣрены до крайности и, рѣшивъ разъ навсегда, что передъ ними заклятые враги всякаго общества, считали искорененіе ихъ, безо всякихъ околичностей, дѣломъ священнымъ. Указывая весь вредъ подобныхъ дѣйствій правительства и національнаго собранія, авторъ съ полнымъ безпристрастіемъ относится и къ тому, на сколько комуна оправдала на дѣлѣ принципы, которыми хотѣла руководиться. Прежде всего, онъ справедливо ставитъ ей въ укоръ, что она замедлила объясненіемъ своихъ намѣреній. «Она должна была, едва достигнувъ власти, заявить передъ лицомъ Франціи открыто и ясно свою програму, съ тѣмъ, чтобы страна могла или принять участіе въ движеніи, или потребовать примиренія обѣихъ сторонъ. Но комуна замедлила сдѣлать это. Кромѣ того въ обнародованномъ ею, черезчуръ запоздаломъ, манифестѣ слишкомъ много рѣчи о вопросахъ общинной свободы и слишкомъ много запутаннаго по отношенію къ вопросамъ соціальнаго равенства, такъ что манифестъ этотъ даетъ лишь поводъ ко всевозможнымъ спорамъ и къ всякаго рода упрекамъ и обвиненіямъ. Это ошибки, въ которыхъ она должна отдать отчетъ исторіи. Но, къ несчастію, это не одиночныя ошибки, ибо кому нанарушила всякую свободу,— это образъ дѣйствій, возбуждающій общее негодованіе и порицанія».

Настаивая съ особой силой на указаніи этого прискорбнаго разлада слова съ дѣломъ, авторъ тѣмъ не менѣе считаетъ минувшіе дни комуны событіями, которыя займутъ не послѣднее мѣсто во французской исторіи. Связь ихъ съ 1789 годомъ для него очевидна, а въ самой неудачѣ и извращеніи движенія онъ съ фаталистической точки зрѣнія видитъ кару исторической немезиды, разъясняющую народу, что принявъ разъ и допустивъ въ свою среду беззаконіе, она должна трепетать отплаты, которая не долго заставляетъ себя ждать. Ужасы междоусобной войны являются такой отплатой за выносливость страны подъ Наполеоновской тиранніей.

Digitized by Google

La république constitutionnelle. Par M. Ed. Laboulaye. Paris, 1871.

Передъ минувшими уже дополнительными выборами въ національное собраніе, обнаружившими еще разъ силу республиканской партіи, политическіе друзья Лабуле вызвали его написать небольшое и популярное изложеніе програмы умѣренныхъ республиканцевъ, которое могло бы повліять на ходъ выборовъ. Это желаніе исполнено въ краткомъ трактатѣ о *конституціонной республикѣ,* какъ называетъ авторъ форму правленія, составляющую политическій идеалъ его партіи. Знаменитый публицистъ съ обычной ясностью высказывается о занимающемъ всѣ умы вопросѣ: «какое правительство можетъ всего вѣрнѣе и надежнѣе обезпечить Франціи независимость извнѣ, внутри же безопасность и развитіе всѣхъ правъ, которыя пользуются покровительствомъ политическихъ учрежденій?» Признавая вопросъ этотъ труднымъ, онъ тѣмъ не менѣе не считаетъ его неразрѣшимымъ; напротивъ, онъ думаетъ, что разрѣшеніе его было бы весьма легко, еслибы принимались во вниманіе указанія опыта и здравый смыслъ. Обозрѣвая различныя теоріи, господствующія на этотъ счетъ во Франціи, нельзя не замѣтить, что при водвореніи одного изъ трехъ видовъ монархизма, съ перваго же дня правительство должно быть на сторожѣ, отражать враждебные происки, вызывая тѣмъ неизбѣжныя вспышки, недовольство и возстанія, которыя раздираютъ страну, лишая ее истиннаго единства и мѣшая развитію ея силъ. Одна республика можетъ скрѣпить разрозненныя части и согласить всѣ стремленія, такъ какъ она не исключаетъ, не выгораживаетъ никого; «легитимисты, орлеанисты, имперіалисты—всѣ найдутъ мѣсто въ этомъ правительствѣ, гдѣ народъ управляется самъ собою. Одиночная партія могла сокрушить имперію, оставленную всѣми, и провозгласить республику, но упроченіе республики не будетъ дѣломъ партіи; тутъ не будетъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ».

Высказываясь за республику, авторъ однако не думаетъ, чтобы въ одномъ миражѣ республиканскаго принципа было спасеніе Франціи; онъ напоминаетъ господство аристократовъ въ Венеціи, характеръ умѣренной монархіи, отличавшій голландскую республику, диктатуру конвента и демагогическій характеръ республики, основанной комуной. Вѣрный своему давнему пристрастію къ учрежденіямъ, быту и исторіи Сѣвероамериканскихъ Штатовъ и подкрѣпляемый примѣромъ Швейцаріи, пользующейся республиканскимъ правленіемъ уже пять вѣковъ, Лабуле проектируетъ для будущей, истинной республики во Франціи особый складъ, которому, для отличія отъ другихъ схожихъ формъ правленія, онъ придаетъ и особое названіе конституціонной республики. Въ числѣ реформъ, считаемыхъ имъ настоятельными и неотложными, первое мѣсто занимаетъ учрежденіе двухъ палатъ вмѣсто единовластнаго національнаго со-

Digitized by Google

бранія. «Что такое въ сущности подобная палата, спрашиваетъ онъ?— Это постоянная, безсмѣнная диктатура. Законодательная власть, ничѣмъ не умѣряемая, легко вырождается въ деспотизмъ. При ней нѣтъ гарантій для свободы. Однимъ закономъ можно упразднить всѣ права гражданъ, декретировать конфискаціи, изгнанія, ссылки безъ суда. Вспомнимъ 1793 годъ и даже 1848. Что ставили въ укоръ имперіи? Неограниченность власти, которая отнимала всякую безопасность у народа. Достаточно было декрета, чтобъ объявить войну или внести замѣшательство во всѣ условія труда какимъ нибудь торговымъ трактатомъ или таможеннымъ тарифомъ. Одиночная палата имѣетъ естественно такую же власть, съ тою лишь разницей, что отдѣльный человѣкъ отвѣчаетъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, отвѣтственность же цѣлаго собранія немыслима». Эти строки, очевидно, имѣютъ непосредственное отношеніе къ современности; зрѣлище національнаго собранія, сдѣлавшагося ареной самыхъ реакціонныхъ стремленій и происковъ, рукоплещущаго всевозможнымъ насиліямъ и деспотическимъ мѣрамъ и ежедневно подзадоривающаго военную диктатуру къ дальнѣйшему безправію, не могло не повліять на это требованіе умѣряющаго елемента въ правленіи страны. Авторъ указываетъ на опасность, о которой слишкомъ мало думаютъ современные политическіе дѣятели во Франціи; національное собраніе, многочисленное и измѣнчивое, легко подпадаетъ подъ вліяніе партій, становится игрушкой въ рукахъ ихъ; личные происки возстаютъ наконецъ надо всѣмъ, и власть переходитъ скоро къ искателямъ приключеній, къ диктаторамъ самаго худшаго свойства.

Для устраненія всѣхъ невыгодъ настоящаго парламентарнаго устройства, Лабуле предлагаетъ послѣдовать примѣру Америки и возлѣ національнаго собранія поставить сенатъ, менѣе многочисленный, образуемый при посредственной или двойной баллотировкѣ и возобновляемый по частямъ черезъ каждые два года. Швейцарія, послѣдовавъ тому же примѣру, почувствовала лишь добрыя послѣдствія этой реформы. Законодатели III года первой французской республики поспѣшили возлѣ совѣта пятисотъ учредить совѣтъ старѣйшинъ (conseil des anciens).

Кромѣ этого важнаго преобразованія, авторъ требуетъ и положительнаго опредѣленія исполнительной власти, противъ которой многіе республиканскіе писатели и политическіе дѣятели любятъ возставать, не скрывая желанія ослабить ее и поработить подъ указку національнаго собранія. Онъ требуетъ для нея независимости; при равныхъ правахъ, обѣ власти, сдерживая другъ друга, воспрепятствуютъ каждой изъ нихъ злоупотребить силой. Затѣмъ мы видимъ перечисленіе другихъ реформъ, тѣсно связанныхъ съ предыдущими; вдумываясь въ нихъ, нельзя не замѣтить въ нихъ большого сродства съ тѣми задачами, которыя, по словамъ разобранной выше брошюры, поставила себѣ комуна. Всеобщее обученіе, независимые суды, децентрализація и оживленіе общинной жиз-

Digitized by Google

ни, свобода печати и ассоціацій, отдѣленіе церкви отъ государства, энергическія усилія для постепеннаго покрытія государственнаго долга,—въ чемъ примѣромъ снова является Америка,—вотъ главныя desiderata той партіи, къ которой принадлежитъ талантливый авторъ; онѣ же входили и въ програму послѣдняго возстанія, что естественно указываетъ на его несомнѣнный raison d'être.

Jean Caboche à ses amis les paysans. Revue par M. L. Gagneur. Paris, 1871 г.

Подобно тому, какъ Лабуле разъясняетъ въ простой и общедоступной формѣ для массы начала, на которыхъ должна быть основана прочная республика, талантливый романистъ Ганьеръ, въ небольшой летучей брошюркѣ, обращается прямо къ крестьянамъ и въ формѣ расказа пытается доказать необходимость поддержанія республики для общаго спокойствія и счастія. Имя Ганьера, къ сожалѣнію, почти неизвѣстно въ нашей читающей публикѣ, тогда какъ во Франціи, и въ особенности въ трудовой, рабочей части ея населенія, романы его имѣютъ большой и вполнѣ заслуженный успѣхъ. Онъ получилъ извѣстность двумя романами, связанными между собой общимъ содержаніемъ,—это были Le calvaire des femmes и Les reprouvées, въ которыхъ яркими красками, но безъ преувеличеній и натяжекъ, изображены всѣ тѣ подводные камни, которые въ современной народной жизни на каждомъ шагу подкашиваютъ всякую попытку бѣдныхъ и одинокихъ женщинъ, или одиночныя усилія рабочихъ пробить себѣ дорогу честнымъ трудомъ. Рядомъ съ сценами изъ низшихъ слоевъ общества выведены во всей ихъ наготѣ развратные нравы испорченной знати и финансоваго міра временъ второй имперіи; на нашихъ глазахъ подкупъ, соблазнъ, безумная роскошь, система лжи и обдуманнаго развращенія вторгаются въ забитыя рабочія массы, тогда какъ всякая попытка ихъ выйти изъ того частнаго положенія и добиться самостоятельности подвергается яростнымъ преслѣдованіямъ наполеоновскихъ агентовъ. Успѣхъ повѣстей Ганьера былъ громадный; рабочіе со всѣхъ сторонъ присылали ему адресы за множествомъ подписей, съ выраженіемъ сочувствія къ защитѣ правъ рабочаго люда.

Исходя отъ такого популярнаго писателя, памфлетъ, обращенный къ крестьянамъ, долженъ имѣть значеніе и успѣхъ. Авторъ скрываетъ свою личность за характернымъ типомъ стараго крестьянина, воспитавшагося въ истинно республиканскомъ духѣ, научившагося еще у отца своего, участвовавшаго въ великой революціи, уважать республиканскіе принципы. Оставаясь неизмѣнно вѣрнымъ имъ, и не скрывая ихъ даже въ своемъ деревенскомъ захолустьѣ, онъ прослылъ крайнимъ, демагогомъ, богоотступникомъ; мѣстный священникъ любитъ уснащивать свои проповѣди указаніями на нечестіе его; деревенскіе тузы, безъ исключенія

Digitized by Google

монархисты, ищутъ только случая отмстить развратителю юношества. Всѣ эти люди, характеристики которыхъ набросаны весьма метко, не видятъ передъ собой ничего кромѣ выгоды и почестей; они быстро мѣняютъ настроеніе; одинъ изъ нихъ, провозглашая наступившую нынѣ республику, заявляетъ, что хотя еще утромъ онъ былъ усерднымъ имперіалистомъ, онъ станетъ отнынѣ искреннимъ республиканцемъ; другой въ дни республикъ любитъ говорить о своемъ демократизмѣ, о связи съ чернымъ народомъ, показывая тѣ грубые деревянные сапоги, въ которыхъ нѣкогда ходилъ; но тѣ же сапоги тщательно прячутся, когда настаютъ дни монархіи, съ тѣмъ чтобъ опять появиться на свѣтъ, когда потребуется.

Наступаетъ 4-е сентября 1870 года, и новое повтореніе извѣстнаго уже превращенія произошло. Но вотъ послышались вѣсти о комунѣ, и снова все задвигалось, залепетало на разные лады; легитимисты, орлеанисты, поклонники Наполеона, всѣ заговорили о необходимости крѣпкой власти, выдвигая каждый своего претендента въ спасители отечества. Когда наступили выборы, консервативная партія, словно сплотившись, стала дружно дѣйствовать противъ нечестиваго Жана Кабоша; впрочемъ противъ него было уже вѣрное средство,—его партіи не сдобровать, потому что стòитъ только доказать ея солидарность съ комунистами, чтобы всѣ честные люди отступились отъ нея. Но для этого нужно скомпрометировать главу партіи; и вотъ на одной сходкѣ въ пріятельскомъ кругу сговорившіеся деревенскіе политики приступаютъ къ агитатору съ вопросами скользкаго свойства, вызывая его ими обнаружить передъ собравшимися крестьянами свои тайныя мысли. Онъ не скрываетъ, чтò привязываетъ его къ послѣднему возстанію, возставая противъ всѣхъ излишествъ, въ которыя оно было вовлечено, но въ то же время заявляетъ, что само возстаніе далеко не развилось бы и даже, быть можетъ, не имѣло бы вовсе и мѣста, еслибы противъ него не стояло національное собраніе, прикрывшееся лишь республиканизмомъ, но на дѣлѣ монархическое до мозга костей, неумолимое, не понимающее значенія уступокъ и ломающее всякое препятствіе къ достиженію цѣли. Онъ искусно заставляетъ послѣ того присутствующихъ противниковъ поссориться изъ-за будущаго властителя Франціи, котораго каждый представляетъ по-своему; пользуясь этимъ, онъ указываетъ на республику какъ на единственную форму правленія, которая бы устранила всѣ разнообразные происки, свойственные дѣйствующимъ нынѣ монархическимъ партіямъ, которая бы не считала долѣе нужнымъ изъ своихъ видовъ держать народъ въ невѣжествѣ, а напротивъ опиралась бы на этотъ народъ, единодушный, просвѣщенный и понимающій тѣ права, которыя ему естественно принадлежатъ; онъ одинаково клеймитъ и царство туго набитыхъ кармановъ при орлеанскомъ домѣ, и поповское царство при легитимистахъ, и основанное на развратѣ и грабежѣ наполеоновское правленіе. Старая женщина, слушавшая въ числѣ другихъ простую, но пламенную

Digitized by Google

рѣчь, одна отозвалась отъ всей души на нее; прочіе презрительно улыбались. Но Кабошу удалось встрѣтить подпору въ другомъ лицѣ, ветеранѣ великой наполеоновской арміи, котораго всѣ привыкли считать закоренѣлымъ имперіалистомъ. Дряхлый и разбитый, онъ собираетъ послѣднія силы и, воодушевляясь, высказывается неожиданно за республику. Наполеонъ былъ великъ, по его словамъ,—съ его именемъ связаны блистательные подвиги и слава Франціи,—но онъ умеръ и другому Наполеону не бывать больше; тотъ, кто назвался его именемъ, кто пытался закупить имъ народъ, завлечь его на свою сторону, былъ предатель, низкій, корыстный человѣкъ, который не задумался погубить страну, безславно сдавъ ея лучшую армію. «Долой же всякія симпатіи къ дряблой династіи, пойдемъ же на встрѣчу республикѣ».... Послѣ этихъ словъ, которыя для присутствовавшихъ крестьянъ—гостей порвали ту магическую связь, которою еще для многихъ умовъ въ провинціи вторая имперія соединяется съ славными днями перваго Бонапарта,—послѣ этихъ словъ побѣда уже почти на сторонѣ Кабоша. Но его противники далеко еще не считаютъ себя разбитыми и готовятся къ борьбѣ.

Но до дня выборовъ весь околотокъ облетѣли уже вѣсти о происшедшемъ: всѣ знали, какъ Кабошъ ловко разбилъ тузовъ деревенскихъ и священника въ придачу; всѣ знали, какъ его слова задѣли за живое старую служанку, и какія неожиданныя и странныя рѣчи повелъ наполеоновскій инвалидъ. И пошли эти толки по всѣмъ домамъ, шевельнулись многія догадки, подтверждались многія соображенія. Наступилъ день выборовъ, и партія радикаловъ, красныхъ, словомъ, партія друзей Кабоша одержала верхъ. Его противники видимо повѣсили носы, а съ церковной каѳедры онъ былъ названъ чуть не порожденіемъ дьявольскимъ.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ незатѣйливое содержаніе этого небольшаго расказа. Цѣль его ясна и навѣрно будетъ достигнута въ тѣхъ сферахъ, гдѣ начинаютъ уже чувствовать проблески новой жизни. Авторъ заключаетъ свой расказъ нѣсколькими искренними совѣтами; онъ старается втолковать своимъ читателямъ, что только тогда достигнуто будетъ истинное величіе страны, когда принципы равенства, братство и свободы, такъ часто призываемые всуе съ 1789 года, перестанутъ быть фикціей, но перейдутъ въ плоть и кровь народныя. Онъ возстаетъ противъ республики по одному лишь имени, но требуетъ честнаго приложенія заявляемыхъ принциповъ къ дѣлу.

Lettres posthumes, par Prevost-Paradol. Bruxelles, 1871.

Многимъ памятна еще трагическая судьба талантливаго автора многихъ блестящихъ политическихъ сочиненій и одного изъ выдающихся французскихъ публицистовъ, Прево-Парадоля, чьи письма, найденныя недавно, вышли нынѣ посмертнымъ изданіемъ. Когда Наполеонъ III, въ одномъ изъ либеральныхъ пароксизовъ, которые такъ характеризу-

Digitized by Google

ютъ его царствованіе, искусно отуманилъ умы мнимымъ радикальнымъ поворотомъ своей внутренней политики, не одинъ надежный дѣятель оппозиціи далъ себя увлечь призракомъ внезапно замерцавшей вдали свободы. Съ легкомысліемъ и довѣрчивостью, вызывающею истинное сожалѣніе, эти люди рѣшились идти на компромисъ съ ненавистнымъ дотолѣ правительствомъ, которое, по видимому, обнаруживало столь сильное желаніе порвать съ прошедшимъ. Если превращеніе Олливье въ наполеоновскаго министра можно объяснить непомѣрнымъ честолюбіемъ, то дѣйствія такихъ людей, какъ Прево-Парадоль и сильно подававшійся уже на скользскій путь Лабуле, оправдываются именно этой излишней довѣрчивостью, этой идеалистической надеждой и на обращеніе императора и на свои одиночныя силы. Справедливость этого подтверждаютъ вышедшія нынѣ письма Прево-Парадоля. Зная уже, какая грустная развязка закончила этотъ періодъ ослѣпленія, тяжело читать ихъ. Они дышатъ радостью, что происки дворцовой камарильи сломлены, что настаетъ новая эра, что сила вещей и духъ новаго времени окончательно подавили императора, который обдуманно вступаетъ на путь либеральныхъ уступокъ; они пропитаны какою-то бодростью, отрадно смѣняющею оцѣпенѣніе; впереди уже видится вся програма дѣйствій либеральныхъ дѣятелей, рискнувшихъ пойти на встрѣчу преклоняющемуся деспотизму.

Чѣмъ дальше входилъ въ свою новую роль злополучный авторъ этой оптимистской переписки, тѣмъ истина разительнѣе и безпощаднѣе возставала передъ нимъ. Принятіе имъ поста представителя Франціи при вашингтонскомъ кабинетѣ показываетъ, что его уже начало угнетать глухое сознаніе ошибки и какъ будто побуждало его удалиться отъ безпрерывно напоминающей ее обстановки. Одиночество, вмѣсто того, чтобъ изцѣлить рану, только ее растравило, а полученное въ Вашингтонѣ извѣстіе объ объявленіи войны докончило все; истерзанный нравственно и томимый угрызеніями совѣсти, безпрерывно напоминавшей ему, что онъ сталъ участникомъ въ бѣдствіи, насланномъ на его родину, Прево-Парадоль лишилъ себя жизни, ставшей ему невыносимою тягостью.

Ulrich von Hutten. v. David Friedrich Strauss. Leipzig, 1871.

Извѣстный Штраусъ выпустилъ нынѣ вторымъ, исправленнымъ и измѣненнымъ изданіемъ свою класическую книгу объ Ульрихѣ фонъ-Гуттенѣ; справедливо видя въ этой свѣтлой личности одинъ изъ лучшихъ коренныхъ характеровъ нѣмецкой народности, онъ не безъ задней мысли оживилъ воспоминаніе о немъ и предпринялъ въ своемъ изслѣдованіи рядъ измѣненій и даже сокращеній, отъ которыхъ книга только выигрыла, и которыхъ прямая цѣль—сдѣлать ее вполнѣ доступною для массы. Штраусу представилось полезнымъ, въ эту пору, ког-

Digitized by Google

да еще не вполнѣ остылъ воинственный жаръ въ его соотечественникахъ, грозящій оттѣснить на далекій планъ дѣло свободнаго развитія страны,—оживить передъ глазами своего народа величавый образъ знаменитаго рыцаря, столь же храбраго на полѣ сраженія, сколько преданнаго до страсти свободѣ во всѣхъ ея проявленіяхъ и ненавидѣвшаго и клерикальный и деспотическій гнетъ. Это отношеніе автора къ современности высказывается во многихъ мѣстахъ его книги; онъ представляетъ себѣ, какое участіе принялъ бы его герой въ обновленіи окрѣпшей и объединившейся родины.—На побѣдномъ пиршествѣ нѣмцевъ, думается Штраусу, Гуттенъ не былъ бы празднымъ гостемъ, онъ не сталъ бы ублажать своихъ собесѣдниковъ реторическими рѣчами,—нѣтъ, онъ сказалъ бы имъ прямо: сегодня пируйте, а завтра съ удвоенною силой принимайтесь за работу. «Ничего нѣтъ труднѣе», говоритъ авторъ устами Гуттена,—и эти слова звучатъ серьезнымъ увѣщаніемъ нѣмецкому нороду, —«нѣтъ ничего труднѣе для народа. достигнувъ извѣстной высоты, *сумѣть удержаться въ ней*. Если для того, чтобы достигнуть ея, нужны цѣлые вѣка, то утратить ее можно въ нѣсколько лѣтъ. А развѣ мы уже во всѣхъ отношеніяхъ достигли этой высоты? Если мы и объединились, развѣ мы единодушны? Развѣ, ставъ сильнѣе, мы стали и свободнѣе? Строеніе нашего новаго государства производитъ по внѣшности довольно выгодное впечатлѣніе, но внутри многаго еще недостаетъ, чтобы строеніе стало дѣйствительно удобообитаемымъ. Свѣтская власть папы сломлена, но далеко не побѣждена духовная власть, и ея мрачныя полчища, всегда враждебныя всякому прогресу и національному развитію, стоятъ на готовѣ, среди нѣмецкаго народа, вторгаются даже въ нѣмецкій сеймъ. Мы слывемъ не безъ основанія образованнѣйшимъ народомъ, но до какой же поры мы будемъ терпѣть, что всѣ источники и проводники знанія, даже въ протестантской части Германіи, видимо изсякаютъ подъ гнетомъ завистливыхъ и пропитанныхъ поповскимъ духомъ обскурантовъ?» Появленіе настоящей книги въ ту пору, когда всю католическую Германію мало по малу охватываетъ живое движеніе противъ римскихъ притязаній, сковывающихъ не только религіозную свободу, но и всякое развитіе, является вполнѣ своевременнымъ и можетъ послужить лишь къ ободренію новаго протестантизма примѣромъ мужественнаго и энергическаго его провозвѣстника.

Lieder des Hasses. Von einem Elzässer. Genf, 1871.

Если прислушаться къ патріотическимъ декламаціямъ нѣмецкихъ газетъ, можно подумать, что даждавшіеся возсоединенія съ общимъ отечествомъ нѣмецкіе братья въ Эльзасѣ и Лотарингіи исполнены восторга и обрѣли душевное спокойствіе и довольство судьбой. Но стоитъ обратиться къ довольно обширной уже литературѣ, созданной выселившимися въ Швейцарію, Бельгію и Францію эльзасцами, чтобы убѣдиться въ

Digitized by Google

противномъ. Не говоря уже о спеціальномъ органѣ, имѣющемъ выходить въ Брюсселѣ для защиты эльзасскихъ интересовъ, почти не проходитъ недѣли безъ появленія брошюръ, памфлетовъ, историческихъ разсужденій и даже сборниковъ стихотвореній, въ которыхъ ясно сказывается та связь, не государственная только, но связь убѣжденій, стремленій и цѣлей, которая соединяетъ здоровую и либеральную массу эльзасскаго населенія съ французскимъ народомъ. Въ этихъ произведеніяхъ не нужно искать агитаціонныхъ происковъ или придавать имъ значеніе заказныхъ демонстрацій. Въ весьма немногихъ изъ нихъ идетъ рѣчь о преимуществахъ принадлежности къ Франціи, какъ къ государству, но о тѣхъ началахъ свободы, о тѣхъ живыхъ импульсахъ, которые народъ французскій всегда благотворно давалъ населенію отторженныхъ нынѣ областей. Нерасположеніе къ нѣмцамъ тѣмъ сильнѣе, что по настоящее время съ нѣмецкимъ елементомъ связано въ Эльзасѣ лишь понятіе о насильственныхъ дѣйствіяхъ, о всѣхъ прелестяхъ военнаго положенія, что піонерами германизма являются пока исключительно представители ненавистной прусской солдатчины, и начала братской любви и всеобъемлющей цивилизаціи прикладываются къ дѣлу чуть не приказами по арміи.—Изъ числа новѣйшихъ явленій этой характеристической литературы мы избираемъ наиболѣе рѣзко ставящее вопросъ національности и свободы собраніе стихотвореній неизвѣстнаго автора, безъ сомнѣнія, умышленно скрывшаго свое имя, вышедшее въ Женевѣ подъ оригинальнымъ названіемъ *Пѣсень ненависти*. Со стороны поэтической, въ строгомъ смыслѣ слова, стихотворенія эти далеко не безупречны, но вложенныя въ нихъ мысли отличаются смѣлостью и очевидной искренностью. Они имѣютъ различныя темы, взятыя изъ минувшей войны; одно изъ нихъ имѣетъ характеръ посланія или оды къ Гамбеттѣ и прославляетъ неутомимую энергію, выказанную имъ въ минуту видимаго упадка всѣхъ народныхъ силъ. Но нигдѣ такъ отчетливо и прямо не указаны основанія народной симпатіи къ Франціи, какъ въ лучшемъ изъ стихотвореній всего сборника, составляющемъ какъ-бы profession de foi эльзасцевъ. Вотъ отрывокъ изъ него, дающій полное понятіе о тонѣ этой *демонстративной* поэзіи. Авторъ бросаетъ въ лицо нѣмцамъ гордое заявленіе, что и онъ и всѣ его соотечественники хотятъ быть французами:

Was uns einst zog zu Frankreichs stolzen Fahnen.
Was uns auch heut mit Macht noch zu ihm hält,
Das ist's, dass einstens es zuerst die Ahnen
Mit seiner Freiheit Strahlenglanz erhellt!
Die Freiheit hat uns Frankreich zugesellt,
Sie wird zum Sieg durch Nacht zum Licht uns leit'n
Drum sind und wollen wir Franzosen sein.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ДВИЖЕНІЕ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЗА ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ 1871 ГОДА.

In legibus salus est.

Среди громадной массы различнаго рода законовъ и правительственныхъ постановленій интересующемуся законодательною дѣятельностію нашего правительства невозможно оріентироваться, и потому систематическій обзоръ такой дѣятельности за извѣстный періодъ времени не будетъ, какъ намъ кажется, излишнимъ. Представляя такой обзоръ, нашъ журналъ, по возможности, будетъ стараться относиться сознательно къ тому или другому закону, съ цѣлью показать, продуктъ ли онъ общественной потребности, или не болѣе, какъ созданіе теоріи. Для удобства читателей мы распредѣлимъ законы по ихъ предметамъ. Такихъ группъ пять: *законы государственные* (сюда относятся финансовые и военные законы, постановленія о различнаго рода учрежденіяхъ, земствѣ и о сельскомъ состояніи и т. д); *законы гражданскіе*, *уголовные*, *законы судные*, къ коимъ относимъ судоустройство съ судопроизводствомъ, гражданское и уголовное; *законы по международнымъ отношеніямъ*. По своей важности, особую группу составляютъ *законы по народному образованію*, которое впрочемъ есть часть государственнаго управленія, и наконецъ *законы*, такъ сказать, *спеціальные*, не укладывающіеся въ группы, но важные въ какомъ либо отношеніи.

1. *Государственные законы*. Въ теченіе первой половины настоящаго года изданы слѣдующія узаконенія въ хронологическомъ порядкѣ.

Январь. Обнародованъ новый уставъ министерства путей сообщенія. Изложимъ его сущность. Въ составъ новаго министерства входятъ десять учрежденій: 1) совѣтъ министра; 2) начальники управленій шоссейныхъ и водяныхъ сообщеній; 3) начальники управленій желѣзныхъ дорогъ; 4) тех-

Digitized by Google

ническій инспекторскій комитетъ шоссейныхъ и водяныхъ сообщеній; 5) технический инспекторскій комитетъ желѣзныхъ дорогъ; 6) департаментъ шоссейныхъ и водяныхъ сообщеній; 7) департаментъ желѣзныхъ дорогъ; 8) департаментъ общихъ дѣлъ; 9) совѣщательный комитетъ; 10) юрисконсульская часть. Кромѣ того при министерствѣ состоять штатные и сверхштатные инженеры. Въ совѣтѣ, состоящемъ подъ предсѣдательствомъ министра изъ начальниковъ управленій и особыхъ членовъ, обсуждаются дѣла двухъ родовъ: а) дѣла обязательныя, подлежащія обсужденію совѣта, и б) дѣла, обсуждаемыя въ немъ по усмотрѣнію министра; къ дѣламъ перваго рода относятся предполагаемыя измѣненія въ узаконеніяхъ и ихъ отмѣна, дѣла по искамъ казны, дѣла о пріобрѣтеніи въ казну и продажѣ ея имуществъ, дѣла о преданіи чиновъ министерства суду.

Начальники управленій назначаются, по представленію министра, Высочайшею властью. Сами же они имѣютъ право назначать на должности V и VI класовъ. Начальникамъ управленія предоставлено утверждать проекты и смѣты разрѣшенныхъ работъ, если смѣта не превышаетъ 25,000 р., и дѣлать нѣкоторыя измѣненія въ проектѣ, если только они не касаются сущности проекта, и наконецъ утверждать производство экстренныхъ работъ въ томъ случаѣ, если смѣта послѣднихъ не превышаетъ 5,000 р., и подряды на сумму 25,000 р. с., а въ случаѣ неуспѣшности торговъ производить работы хозяйственнымъ способомъ на ту же сумму. Начальники управленій имѣютъ, кромѣ того, право совершать продажу казеннаго имущества: движимаго на сумму въ 5,000 р., недвижимаго на сумму въ 2,000 р., и слагать недоимки до 1,000 р., и штрафы за просрочку до 300 р., если только послѣдняя не вредитъ казнѣ, или частнымъ лицамъ.

Техническому инспекторскому комитету подлежатъ утвержденія проектовъ и смѣтъ работъ въ техническомъ отношеніи не свыше 15,000 р. с. Такъ какъ этотъ комитетъ имѣетъ своею цѣлью по преимуществу наблюденіе за техническою частью производимыхъ въ государствѣ работъ, то завѣдывающій ими командируетъ подвѣдомственныхъ ему инженеровъ для осмотра работъ.—Желательно было бы, чтобы эти осмотры производились тщательнѣе, чѣмъ производятся обыкновенно. А то только и слышишь о несчастіяхъ, или остановкахъ на желѣзныхъ дорогахъ. Причиною первыхъ большею частью излишняя спѣшность въ постройкѣ дорогъ. Конечно, строителямъ желѣзныхъ дорогъ только и дѣла до своего кармана, но общество, дающее средства на учрежденіе, имѣющее цѣлью надзоръ за работами въ техническомъ отношеніи, въ правѣ желать, даже требовать, чтобы жизнь его членовъ не подвергалась опасности, когда они путешествуютъ по такъ называемымъ улучшеннымъ путямъ сообщенія.

Департаменты шоссейныхъ, водяныхъ путей и желѣзныхъ дорогъ завѣдуютъ администраціею этихъ путей. Директоры этихъ департаментовъ имѣютъ почти такія же права, какъ и начальники управленій съ тѣмъ

Digitized by Google

только ограниченіемъ, что сумма разрѣшаемыхъ ими работъ не можетъ превышать 15.000 р. Въ томъ случаѣ, если разрѣшенія какихъ либо дѣлъ превышаютъ директорскую власть, они докладываютъ начальникамъ управленій. Въ департаментѣ общихъ дѣлъ вѣдаются дѣла, касающіяся всего министерства. На обязанности этого департамента лежитъ составленіе годовыхъ отчетовъ о дѣятельности министерства. Подъ вѣдѣніемъ департамента общихъ дѣлъ находятся типографіи и архивы. Совѣщательный комитетъ, состоящій изъ предсѣдателя, назначаемаго Высочайшею волею, начальниковъ управленій, директоровъ департаментовъ и изъ стороннихъ лицъ по назначенію министра, разрѣшаетъ вопросы по устройству и развитію путей сообщенія. Юрисконсультская часть, состоящая изъ юрисконсульта и его помощниковъ, учреждена съ цѣлью защищать предъ судомъ интересы министерства въ случаѣ исковыхъ и тяжебныхъ дѣлъ его съ частными лицами.

— Обнародовано положеніе о мѣстныхъ по поселяннымъ дѣламъ учрежденіяхъ въ закавказскихъ губерніяхъ: Елисаветопольской, Эриванской и части Тифлисской. Государственные поселяне, живущіе на земляхъ лицъ высшаго масульманскаго сословія, распредѣляются на мировые отдѣлы, коими завѣдуютъ назначаемые кавказскимъ намѣстникомъ мировые посредники съ жалованьемъ въ 2,000 р. Къ вѣдѣнію этихъ посредниковъ относятся: 1) распорядительныя дѣйствія по введенію поселянскаго положенія; 2) засвидѣтельствованіе договоровъ между владѣльцами и поселянами, живущими на ихъ земляхъ; 3) споры между сейчасъ названными лицами, разсмотрѣніе жалобъ на сельское управленіе. Къ дѣламъ перваго разряда принадлежатъ по преимуществу наблюденія за правильностію отрѣзокъ поселянскихъ надѣловъ, назначеніе земледѣльческихъ сервитутовъ на поселянскихъ земляхъ, на пр.: прогонъ скота землевладѣльца черезъ поселянскія земли, и наконецъ выкупъ поселянами въ свою собственность данныхъ имъ надѣловъ.

По жалобамъ на сельское управленіе, посредникъ, если найдетъ какую либо изъ нихъ правильною, подвергаетъ штрафу и временному удаленію отъ должности сельскихъ властей, а съ разрѣшенія губернатора отрѣшаетъ отъ должности. Производство дѣлъ у мирового посредника устное и открытое; въ случаѣ неявки сторонъ, или свидѣтелей, посредникъ имѣетъ право оштрафовать ихъ отъ 25 к. до 5 р. Высшая инстанція послѣ мировыхъ посредниковъ есть губернское по поселянскимъ дѣламъ присутствіе, состоящее изъ губернатора и членовъ. Оно разсматриваетъ жалобы на неправильныя рѣшенія посредниковъ, подаваемыя ему въ тридцатидневный срокъ. На его обязанности лежитъ также, между прочимъ, окончательное утвержденіе уставныхъ грамотъ, опредѣленіе условій оставленія за поселянами рыбной ловли и назначеніе срока уплаты выкупной суммы. Дѣла въ губернскомъ по поселянскимъ дѣламъ присутствіи рѣшаются большинствомъ голосовъ или единогласно. Въ случаѣ

Digitized by Google

образованія болѣе двухъ мнѣній, дѣло передокладывается; если же послѣ этого все-таки составилось больше двухъ мнѣній, то дѣло рѣшается намѣстникомъ.

Февраль. Обнародованъ порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ по поземельному устройству государственныхъ крестьянъ въ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіяхъ тѣхъ губерній, въ коихъ нѣтъ управленій государственныхъ имуществъ. По этому порядку въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи засѣдаетъ старшій членъ министерства государственныхъ имуществъ при разсматриваніи дѣлъ по составленію владѣльческихъ записей, и, въ случаѣ несогласія его съ мнѣніемъ большинства членовъ присутствія, имѣетъ право протеста, которое вносится имъ на разсмотрѣніе своего министерства. Послѣднее, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, рѣшаетъ дѣло окончательно.

Мартъ. Изъ обнародованныхъ въ этомъ мѣсяцѣ законовъ, обращаютъ на себя вниманіе два, касающіеся устарѣлыхъ привиллегій лифляндскаго дворянства. До сего времени это дворянство какимъ-то образомъ ускользало отъ законодательныхъ реформъ нынѣшняго царствованія. Оно продолжало жить своею исключительною жизнію, защищенное стѣною, которая сложилась изъ разнаго рода давно отжившихъ привиллегій, и, вѣроятно, мечтало долго еще жить жизнію бароновъ временъ ливонскаго ордена; но два закона, о коихъ мы скажемъ сейчасъ, должны, кажется, разрушить иллюзіи дворянскихъ культуртрегеровъ. Первымъ закономъ, въ формѣ Высочайше утвержденнаго мнѣнія остзейскаго комитета, отмѣнено исключительное право дворянъ заводить водяныя мельницы *). Вторымъ закономъ дозволено участвовать въ ландтагѣ и быть избираемымъ въ должности лицамъ, владѣющимъ дворянскими вотчинами.

— 28 марта обнародованъ Высочайшій указъ сенату объ упраздненіи учредительнаго комитета въ Царствѣ Польскомъ. Указъ повелѣваетъ, при изданіи законовъ въ этомъ Царствѣ, руководствоваться общимъ положеніемъ о губерніяхъ.

Апрѣль. На представленіе министра внутреннихъ дѣлъ послѣдовало Высочайшее распоряженіе о томъ, что уволенные изъ сельскихъ обществъ, въ случаѣ неприписки къ какому либо обществу въ теченіи шести мѣсяцевъ, возвращаются въ ту волость, изъ коей вышли.

— Высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта, по коему дѣти священно и церковно-служителей какъ православной, такъ и армяно-грегоріанской церкви пользуются правами,—первые, правами по-

*) Прибалтійское дворянство, провѣдавъ о желаніи правительства отмѣнить такую странную привиллегію, ходатайствовало предъ остзейскихъ комитетомъ объ оставленіи за собою этой привиллегіи; но комитетъ въ этомъ ходатайствѣ отказалъ.

Digitized by Google

тоистственныхъ гражданъ, вторые правами личныхъ; этими же правами пользуются и всѣ, кончившіе курсъ въ семинаріяхъ и академіяхъ, а также наставники духовно-учебныхъ заведеній.

— Изъ финансовыхъ законовъ, изданныхъ въ этомъ мѣсяцѣ, упомянемъ, во 1-хъ, о Высочайше утвержденномъ положеніи комитета министровъ относительно срока обмѣна старыхъ кредитныхъ билетовъ на новые. Для Европейской Россіи, за исключеніемъ Мезенскаго уѣзда Архангельской губерніи, назначается годовой срокъ съ 1 іюня 1871 г., а для прочихъ частей Россіи полуторагодовой.

Во 2-хъ, о разрѣшеніи сахарнымъ заводчикамъ вывоза песка за границу съ возвращеніемъ въ казну акциза по 27 к. съ пуда.

Въ 3-хъ, объ отмѣнѣ пункта 2 го 383 ст. уст. о податяхъ (Т. V. Св. Зак.) Эта статья перечисляетъ тѣ лица, кои могутъ быть внесены въ податной разрядъ добровольно: къ нимъ принадлежатъ во 1-хъ дѣти канцелярскихъ служителей, во 2-хъ дѣти священно и церковно-служителей.

— Къ финансовымъ узаконеніямъ можно отнести и двѣ мѣры о взысканіи недоимокъ. Одна изъ этихъ мѣръ касается недоимокъ съ недвижимыхъ имуществъ въ мѣстечкахъ и городахъ. Согласно этой мѣрѣ, взысканіе обращается прежде всего на доходъ съ имущества лица, не внесшаго налогъ въ теченіи мѣсяца послѣ срока, а въ томъ случаѣ, когда имущество бездоходно, то на самое имущество. Въ этой мѣрѣ нельзя не видѣть хотя нѣкотораго облегченія для недоимщиковъ. По прежнему узаконенію, недоимщикъ отвѣчалъ прямо своимъ имуществомъ и часто совершенно разорялся. Правительство, наказывая такъ жестоко недоимщика часто за простую случайность, сразу ставило его въ рядъ бездомныхъ и безпомощныхъ членовъ общества. Второю же мѣрою наше законодательство дѣлаетъ еще шагъ къ уравненію гражданъ предъ закономъ. Мы говоримъ о Высочайше утвержденномъ 31 марта и обнародованномъ въ апрѣлѣ мнѣніи государственнаго совѣта относительно взысканія недоимокъ съ дворянъ землевладѣльцевъ. Теперь дворяне землевладѣльцы въ томъ случаѣ, если у нихъ нѣтъ имѣній съ оброчными крестьянами, подчиняются тому же порядку взысканія недоимокъ, какъ и прочія сословія, т. е., полиція приступаетъ къ продажѣ хозяйственныхъ произведеній и движимаго имущества для пополненія недоимокъ.

Май. Въ началѣ этого мѣсяца обнародовано Высочайше утвержденное положеніе военнаго совѣта объ измѣненіи взысканія съ воинскихъ начальниковъ за требованіе лишнихъ вещей. По старому положенію, изданному еще въ 1808 г., за подобное требованіе взыскивалось вдвое, но въ настоящее время положеніе объ этомъ взысканіи измѣнено въ такомъ порядкѣ: а) если требованіе вещи произошло по ошибкѣ, то взыскивается только стоимость вещей; б) если требованіе произошло изъ корыстныхъ видовъ, то начальникъ подвергается суду.

Digitized by Google

— Обнародовано Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта о порядкѣ производства дѣлъ относительно земель крестьянъ собственниковъ, прежде бывшихъ въ вѣдѣніи министерства госуд. имущ., земель, вошедшихъ во владѣнныя записи. По полученіи владѣнныхъ записей объ этихъ земляхъ, крестьяне изъемлются изъ вѣдомства м. г. имущ., защита же правъ казны относительно обложенія земель государственными податями возлагается на министерство финансовъ. Въ случаѣ возникновенія дѣлъ объ исключеніи этихъ земель изъ оклада государственныхъ податей, казенная палата можетъ сложить, если найдетъ справедливымъ, съ нихъ податную сумму въ количествѣ не превышающемъ 600 р. с., иначе она испрашиваетъ разрѣшенія министра финансовъ. Иски объ исключеніи земель изъ оброчнаго оклада рѣшаются государственнымъ порядкомъ. Въ случаѣ возникновенія тяжебъ крестьянъ между собою, или съ посторонними сельскому обществу лицами относительно земель, казна принимаетъ участіе въ тяжбѣ, какъ третье лице. Полюбовныя сказки утверждаются съ согласія казны, если уступается безвозмездно изъ крестьянскаго надѣла болѣе 200 дес., или оброчная статья цѣною свыше 150 р. с. До своего утвержденія, сказка разсматривается губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ съ участіемъ предсѣдателя казенной палаты. Такое же согласіе отъ казны требуется при нарѣзкѣ части крестьянскаго надѣла церквамъ и благотворительнымъ заведеніямъ.

Іюнь. Обнародованъ указъ о введеніи почтовыхъ учрежденій въ Туркестанѣ.

— Окончательно Высочайше утверждено регулированіе земель государственныхъ крестьянъ Эстляндской губерніи (за эстляндскими государственными крестьянами регуляціонными актами укрѣплены въ наслѣдственное пользованіе казенныя земли съ правомъ выкупа ихъ въ собственность по опредѣленной цѣнѣ).

— Въ этомъ мѣсяцѣ достойны вниманія два сенатскіе указа, которыми опредѣляется право крестьянъ на земли, купленныя ими во время крѣпостнаго права на чужое имя. Они изданы по поводу слѣдующихъ двухъ дѣлъ, рѣшенныхъ сенатомъ. Первое дѣло было возбуждено споромъ крестьянъ села Ласино (Елатомскаго уѣзда Тамбовской губерніи) съ своимъ помѣщикомъ относительно земли, купленной ими на свои собственныя деньги, но на имя канцеляриста Кашинцева, въ 1816 г. Помѣщикъ же желалъ удержать эту землю за собой, ссылаясь на то, что она входила въ составъ имѣнія при покупкѣ имъ послѣдняго съ аукціоннаго торга. Второе подобное дѣло было возбуждено крестьянами того же уѣзда с. Сасова по поводу спора съ своимъ помѣщикомъ о землѣ, на которую первый заявлялъ притязанія. Впрочемъ это, кажется, уже не первыя дѣла, рѣшаемыя такимъ образомъ. Такъ, на пр. намъ извѣстно подобное дѣло И. С. Мальцева, купившаго имѣніе у кн. В. А. Черкаскаго въ

Digitized by Google

Судогодскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи. Мы хотимъ сказать, что существуетъ законъ, п. 9 «Правилъ объ укрѣпленіи за крестьянами недвижимыхъ имуществъ, пріобрѣтенныхъ ими въ прежнее время на имя ихъ помѣщиковъ», въ которомъ сказано; «...имущество, проданное съ публичнаго торга, или перепроданное въ другія руки, остается у послѣдняго покупщика; но крестьянамъ предоставляется въ сихъ случаяхъ отыскивать судебнымъ порядкомъ понесенные ими отъ того убытки съ помѣщика, на имя котораго было пріобрѣтено имущество, или же съ его наслѣдниковъ». Законъ этотъ не отмѣненъ; но нѣсколько рѣшеній въ пользу непосредственной передачи крестьянамъ купленной ими земли, хотя бы и перешедшей уже во вторыя руки, показываютъ, что судебная власть замѣтила это неравенство существенныхъ правъ крестьянъ, условленное второстепеннымъ обстоятельствомъ, до нихъ собственно не касающимся, именно: находится ли земля въ первыхъ рукахъ, у помѣщика или его наслѣдниковъ, на чье имя она была пріобрѣтена крестьянами, или же она перешла во вторыя руки чрезъ куплю. По вышеприведенному закону, въ первомъ случаѣ, крестьяне почти безтратно получаютъ обратно свою собственность; во второмъ, они не получаютъ ея, а должны предъявлять денежный искъ къ прежнему помѣщику, на чье имя купили землю; иными словами, они рискуютъ ничего не получить. Неравенство правъ, при однихъ и тѣхъ же основаніяхъ со стороны крестьянъ,—очевидное. Оба эти дѣла рѣшены сенатомъ въ пользу крестьянъ, и рѣшенія его утверждены Высочайшею волею; слѣдовательно, они стали закономъ, коимъ устанавливается право собственности крестьянъ на землю, купленную ими во время крѣпостнаго права на свои деньги, хотя бы она и перешла актовымъ порядкомъ въ слѣдующія руки. Здѣсь мы видимъ справедливое установленіе правоспособности крестьянъ во всѣхъ случаяхъ къ возвращенію своей собственности.

— Размѣръ поземельнаго сбора за общія пастбища и крестьянъ и помѣщиковъ Сѣверозападнаго края устанавливается по взаимному соглашенію; еслибы послѣднее не состоялось, то этотъ размѣръ опредѣляется въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи вмѣстѣ съ особымъ присутствіемъ о земскихъ повинностяхъ.

— Обнародованъ порядокъ испытанія на первый классный чинъ. Лица, желающія получить первый чинъ, должны выдержать экзаменъ изъ предметовъ курса уѣзднаго училища. Онъ производится особыми испытательными коммисіями въ тѣхъ городахъ, въ коихъ живетъ попечитель округа, въ прочихъ же городахъ въ гимназіяхъ, или уѣздныхъ училищахъ. При отдаленности такихъ городовъ отъ мѣстожительства желающихъ выдержать испытанія на первый чинъ, экзаменъ производится лицами, назначенными къ тому губернскимъ или областнымъ начальствомъ. Въ случаѣ невыдержанія экзамена, лицо, державшее его, допускается къ новому испытанію не раньше года. Лица, желающія получить мѣсто,

Digitized by Google

требующее спеціальнаго знанія, должны подвергнуться испытанію въ этомъ званіи по програмѣ, изданной подлежащимъ министерствомъ или главнымъ управленіемъ.—Послѣдняго правила нельзя не одобрить: въ самомъ дѣлѣ, совершенно раціонально допускать къ занятію спеціальныхъ должностей только лица, имѣющія тѣ или другія спеціальныя знанія; конечно, эта цѣль достигнется въ томъ лишь случаѣ, если при испытаніи не будетъ обращено вниманія только на формальную сторону дѣла, какъ это вообще случается у насъ при экзаменахъ на различнаго рода дипломы и аттестаты. Что же касается до порядка испытаніи лицъ на первый класный чинъ, то мы замѣтимъ, что подобнаго рода законы давно уже пора изъять изъ обихода. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ допущенъ на службу и приноситъ уже извѣстную долю пользы, то къ чему заставлять его долбить учебники, чтобы получить жалкій первый чинъ. Если уже правительство имѣетъ въ виду не допускать на службу людей мало грамотныхъ, то испытаніе должно производиться людьми компетентными, а не лицами, назначаемыми губернскимъ или областнымъ начальствомъ. Если же правительство желаетъ облегчить лицамъ, жаждущимъ перваго чина, доступъ къ экзамену, то не удобнѣе ли будетъ учредить въ каждомъ учебномъ округѣ такую экзаменаціонную коммисію, которая бы дѣлала объѣздъ по тѣмъ городамъ, кои не имѣютъ счастія обладать уѣздными училищами или гимназіями.

— Высочайше утверждена, составленная въ министерствѣ финансовъ, смѣта налога съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ и мѣстечкахъ Европейской Россіи въ размѣрѣ 2.136.530 р.

— Разрѣшено губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ увеличить районъ участковъ мировыхъ посредниковъ съ цѣлью сокращенія ихъ. Каждый таковой районъ долженъ содержать съ себѣ не меньше 30.000 душъ.—Мировые посредники когда-то принесли много пользы при введеніи крестьянской реформы, но въ настоящее время имъ такъ мало дѣла, что мѣста мировыхъ посредниковъ становятся мѣстами кормленія, и потому правительство, какъ слышно, имѣетъ въ виду не одно сокращеніе штатовъ мировыхъ посредниковъ, а совершенное ихъ упраздненіе.

— Статья 79 оброчнаго устава (Св. Зак. т. VIII, изд. 1857) дополнена слѣдующимъ примѣчаніемъ: содержатели оброчныхъ статей, уплатившіе въ теченіе 15 дней льготнаго срока, не подвергаются штрафу; не уплатившіе въ срокъ подвергаются взысканію, при чемъ штрафъ платится не за просроченные дни, а за мѣсяцы. Штрафныя деньги обращаются или въ доходъ приказа общественнаго призрѣнія, или земства. Штрафъ не можетъ превышать 6% всей недоимочной суммы. Кромѣ штрафа виновные подвергаются пени въ пользу казны въ размѣрѣ $^1/_2$% въ мѣсяцъ съ недоимочной суммы.

— Обнародовано Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта о земскихъ банкахъ, взамѣнъ представленнаго министромъ финан-

Digitized by Google

совъ проекта нормальнаго положенія о земскихъ банкахъ. Согласно этому мнѣнію, разрѣшено собраніямъ учреждать банки съ цѣлью развитія земледѣльческой промышленности. Банки учреждаются двухъ родовъ: банки, дающіе долгосрочныя ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ съ выпускомъ закладныхъ листовъ, число коихъ не должно превышать основнаго банковаго капитала больше, чѣмъ въ 10 разъ, и банки, дающіе краткосрочныя ссуды подъ залогъ движимостей и учетъ векселей. Одно и то же учрежденіе не можетъ производить эти двѣ операціи вмѣстѣ. Чистая прибыль должна идти на вспоможеніе крестьянамъ, на учрежденіе ссудо-сберегательныхъ кассъ. Земскія собранія, при учрежденіи земскихъ банковъ, соображаются съ мѣстными потребностями, но въ изложеніи основныхъ началъ своихъ уставовъ должны руководствоваться уставами херсонскаго, или харьковскаго земскаго банка. Уставы земскихъ банковъ утверждаются министромъ финансовъ. Чрезвычайно былъ бы неудобенъ проектъ г. министра финансовъ,—проектъ, который предлагалъ ввести бюрократическое однообразіе для разнохарактерныхъ мѣстностей всей Россіи, и потому нынѣ утвержденный законъ представляетъ больше удобства, давая земству возможность сообразоваться съ своими мѣстными условіями, при учрежденіи банковъ, хотя бы и въ частностяхъ. Впрочемъ и эту свободу мы считаемъ не вполнѣ широкою, такъ какъ необходимость сообразоваться въ основныхъ началахъ уставовъ съ уставами херсонскаго, или харьковскаго земскаго банка стѣсняетъ земство. Спрашивается, развѣ одинаковы хозяйственныя условія Пермской, или Вятской губерніи съ Херсонской? А при различіи этихъ условій потребуется основать кредитное учрежденіе совершенно на другихъ началахъ. По нашему крайнему разумѣнію, государству достаточно опредѣлить общія нормы того или другого общественнаго учрежденія, развитіе же ихъ слѣдуетъ предоставить послѣднему; возьметъ ли оно въ образецъ для себя харьковскій, московскій, или другой какой банкъ,—это уже дѣло его. Намъ тоже совершенно непонятенъ мотивъ недозволенія банкамъ производить двѣ различныя операціи. У насъ чувствуется крайняя потребность въ развитіи сельской промышленности, а это достижимо лишь при улучшеніи экономическаго состоянія сельскаго населенія, т. е., крестьянъ. Чѣмъ же можно достигнуть этого улучшенія, какъ не распространеніемъ такихъ кредитныхъ учрежденій, кои имѣли бы своею цѣлью ссужать по преимуществу крестьянъ и вообще небогатыхъ сельскихъ хозяевъ: а потому всякое стѣсненіе, всякій тормозъ развитію такого рода учрежденій только вредитъ сельской промышленности, а съ ней и экономическому улучшенію крестьянъ. Мы, къ сожалѣнію, должны сознаться, что наши такъ называемые земскіе банки основываются большею частію въ центральныхъ городахъ, расчитывая преимущественно на выгоды достаточныхъ землевладѣльцевъ и ссужая ихъ своимъ кредитомъ; съ крестьянскимъ же населеніемъ они дѣла не имѣютъ.

Digitized by Google

— Отмѣненъ даровой отпускъ казеннаго лѣсу на военныя надобности.

— Согласно Высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта сдѣланы нѣкоторыя измѣненія въ уставѣ о питейномъ сборѣ, а именно: введенъ взамѣнъ стеклянаго спиртомѣра Траллеса металлическій спиртомѣръ съ гирями, употребляемый въ Англіи; при этомъ предоставлено министру финансовъ освобождать заводчиковъ отъ формальностей, изложенныхъ въ ст. 123, 141, 142, 149, 151 и 152 уст. о пит. сборѣ. уменьшено количество освобождаемаго отъ перекура вина. Если, на пр. теперь, при винокуреніи въ 35 градусовъ, будетъ выходъ вина въ 40 град., то освобождается отъ акциза 3, 6°; по новому же положенію только 2, 8°. Для провѣрки снарядовъ съ цѣлью учета акциза учреждается повѣрочная экспедиція при департаментѣ неокладныхъ сборовъ, состоящая изъ управляющаго, членовъ и двухъ чиновниковъ, старшаго и младшаго. На обязанности этой экспедиціи лежатъ какъ повѣрка снарядовъ, служащихъ для учета акциза, такъ и подготовленіе лицъ къ знакомству со снарядами. Она снаряжаетъ также отдѣленія для повѣрки снарядовъ въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ Петербурга. Сборъ за осмотръ снарядовъ идетъ въ казну. Увеличенъ размѣръ патентнаго сбора съ заводовъ, приготовляющихъ напитки изъ вина и спирта и съ заведеній, продающихъ эти напитки; патентный сборъ въ новомъ размѣрѣ будетъ взиматься съ 1 января 1872 г. Для наглядности, представляемъ сравнительную таблицу нынѣшняго и будущаго сбора.

1) Съ водочныхъ заводовъ

нынѣ.		съ 1872 г.	
Въ мѣстностяхъ 1-го разряда взимается	150 р.	Въ мѣстностяхъ 1-го разряда взимается	200 р.
— 2-го разряда	75 »	— 2-го рязряда	100 »
— 3-го разряда	50 »	— 3-го рязряда	75 »

2) Съ ренсковыхъ погребовъ за распивочную продажу добавочныхъ.

Въ мѣстностяхъ 1-го разряда взимается	200 р.	Въ мѣстностяхъ 1-го разряда взимается	275 р.
— 2-го разряда	100 »	— 2-го разряда	140 »
— 3-го рязряда	30 »	— 3-го разряда	45 »

Примѣчаніе. Съ открываемыхъ на ярмаркахъ: нижегородской, коренной, ростовской, харьковской, кіевской и полтавской временныхъ ренсковыхъ погребовъ взимается нынѣшняго патентнаго сбора 80 р.—будущаго 110 р. На всѣхъ прочихъ ярмаркахъ временные ренсковые погреба съ распивочною продажей обязаны брать въ настоящее время десятирублевый патентъ, а съ 1872 г. 15-ти рублевый. Съ загородныхъ временныхъ ренсковыхъ погребовъ, устраиваемыхъ только въ лѣтнее время съ 1 мая по 1 сентября взимается вездѣ въ настоящее время 80 р., а съ 1872 г. будетъ взиматься 110 р.

Digitized by Google

3) Съ трактирныхъ заведеній.

нынѣ.		съ 1872 г.	
Въ мѣстностяхъ 1-го разряда взимается	150 р.	Въ мѣстностяхъ 1-го разряда взимается	165 р.
— 2-го разряда	50 »	— 2-го разряда	55 »
— 3-го разряда	30 »	— 3-го разряда	35 »

4) Съ духановъ губерній Ставропольской, Терской и Кубанской.

нынѣ.		съ 1872 г.	
Въ мѣстностяхъ 2-го разряда взимается	150 р.	Въ мѣстностяхъ 2-го разряда взимается	210 р.
— 3-го разряда	60 »	— 3-го разряда	85 »

5) Съ буфетовъ:

нынѣ.		съ 1872 г.	
а) при театрахъ и на общественныхъ гуляньяхъ въ столицахъ взимается	30 р.	—	35 р.
въ прочихъ мѣстностяхъ	15 »	—	20 »
в) на пароходахъ	15 »	—	20 »
на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ главныхъ	75 р.	—	85 »
остальныхъ	15 »	—	20 »
г) при клубахъ въ мѣстностяхъ 1-го разряда	75 р.	—	85 »
2-го разряда	30 »	—	35 »
3-го разряда	15 »	—	20 »

6) Съ портерныхъ и пивныхъ лавокъ взимается:

нынѣ.		съ 1872 г.	
Въ мѣстн. 1-го разряда	50 р.	—	55 р.
2-го разряда	25 »	—	30 »
3-го разряда	10 »	—	15 »

7) Съ питейныхъ заведеній низшаго разряда, какъ-то: питейныхъ домовъ, шинковъ и т. д. взимается.

нынѣ.		съ 1872 г.	
Въ мѣстн. 1-го разряда	200 р.	Въ мѣстн. 1-го разряда	275 р.
2-го разряда	100 »	—	140 »
3-го разряда	50 »	—	70 »

Примѣчаніе 1-е. Съ корчемъ внѣ городовъ прибалтійскихъ взимается патентнаго сбора нынѣ—10 р., а съ 1872 г.—15 р.

Примѣчаніе 2-е. Въ губерніяхъ западныхъ, малороссійскихъ, новороссійскихъ и въ области Бессарабской съ низшихъ питейныхъ заведеній взимается:

*

Digitized by Google

	нынѣ:	съ 1872 г.
Въ мѣстн. 2 разряда . .	50 р.	— 75 р.
Въ мѣстн. 3 разряда . .	30 р.	— 45 р.

8) Съ временныхъ выставокъ:

За каждый срокъ, на который онѣ открываются, взимается нынѣ по 5 р., а за срокъ, продолжающійся болѣе недѣли, по 5 р. за недѣлю; съ 1872 г. будетъ взиматься съ нихъ по 7 *р*.

— Обзоръ государственныхъ законовъ, изданныхъ въ іюнѣ, мы окончимъ Высочайшимъ повелѣніемъ, коимъ предоставляется, вслѣдствіе введенія новаго городскаго управленія, городскимъ думамъ право издавать обязательныя для жителей правила и поручается губернаторамъ ходатайство думъ *о какихъ либо измѣненіяхъ статей* въ сводѣ законовъ, касающихся городского управленія, обращать на обсужденіе губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія а потомъ уже предъявлять министру внутреннихъ дѣлъ для дальнѣйшаго направленія этихъ ходатайствъ въ законодательномъ порядкѣ.

II. Гражданскіе и уголовные законы. Изъ гражданскихъ законовъ, изданныхъ въ первое полугодіе, достоинъ вниманія слѣдующій. Государственный совѣтъ, по предложенію комитета о сельскомъ устройствѣ относительно выдачи данныхъ крестьянамъ на пріобоѣтенныя ими земли, мнѣніемъ положилъ: *руководствоваться въ тѣхъ губерніяхъ, въ коихъ введена вполнѣ судебная реформа, нотаріальнымъ положеніемъ въ слѣдующемъ порядкѣ.* Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе отсылаетъ данную нотаріусу, который составляетъ на листѣ 90 копѣечнаго достоинства документъ на право собственности, при чемъ за совершеніе данной взыскивается съ крестьянъ въ пользу казны двухъ-рублевая пошлина. При обязательномъ же выкупѣ, пошлина взыскивается не съ крестьянъ, а изъ выкупной ссуды. По составленіи акта, нотаріусъ отсылаетъ его въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе; послѣднее въ свою очередь препровождаетъ этотъ актъ къ старшему нотаріусу. По полученіи присутствіемъ отъ него данной, совершается мировымъ судьей вводъ во владѣніе, при чемъ составляется вводный листъ, исполнительнаго же не требуется. Въ томъ случаѣ, если данная не будетъ принята крестьянами, она хранится въ волостномъ правленіи впредь до востребованія.

Изъ уголовныхъ законовъ замѣчательны два, изъ коихъ первый измѣняетъ редакцію статей 1452, 1455, 1458 и 1459 уложенія о наказаніяхъ въ смыслѣ увеличенія мѣры наказанія за преступленія, предусмотрѣнныя въ вышеозначенныхъ статьяхъ. Разсмотримъ подробнѣе этотъ законъ. Еще въ прошломъ году была составлена коммисія для пересмотра дѣйствующихъ законовъ о преступленіи смертоубійства (ул. о нак., раздѣлъ X, глава I). По окончаніи работъ коммисіи, министръ юстиціи

Digitized by Google

провелъ ихъ законодательнымъ путемъ, и они получили высочайшее утвержденіе. Эти статьи въ новой редакціи обнародованы 3 апрѣля въ «Собраніи узаконеній и распоряженій правительства». Сравнимъ старую и новую редакцію ихъ.

СТАРАЯ РЕДАКЦІЯ.	НОВАЯ РЕДАКЦІЯ.
Ст. 1452 говоритъ, что за убійство беременной женщины съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, зная о ея беременности, назначается каторжная работа въ рудникахъ на время отъ 15 до 20 лѣтъ.	Ст. 1452, кромѣ сказаннаго, прибавляетъ еще, что, *смотря по обстоятельствамъ*, наказаніе можетъ быть увеличено и до каторжной работы въ рудникахъ *безъ срока*.
Ст. 1453 говоритъ, что за слѣдующіе пять видовъ убійства: 1) когда оно совершено черезъ поджогъ, взрывъ пороха или вообще черезъ такія дѣйствія, кои подвергаютъ опасности или гибели нѣсколько лицъ, или цѣлое селеніе или городъ; 2) когда убитый лишенъ жизни черезъ истязанія; 3) когда убійца скрывался въ засадѣ; 4) когда убійство учинено съ цѣлію завладѣнія собственностью убитаго; 5) когда оно учинено посредствомъ отравленія (на пр. бросанія въ воду ядовитыхъ веществъ съ цѣлью лишить кого либо жизни въ смыслѣ покушенія (ст. 864) назначается каторжная работа отъ 15 до 20 л.	Эта статья назначаетъ теперь то же наказаніе, но оно можетъ быть увеличено степенью выше, на пр. до каторжной работы *безъ срока*, если усматриваются въ преступленіи увеличивающія вину обстоятельства.
Ст. 1454 п. 1 назначаетъ за предумышленное убійство безъ особенныхъ отягчающихъ обстоятельствъ на пр. убійство отца, или матери, каторжную работу отъ 12 до 15 л.	Теперь за то же преступленіе каторжная работа отъ 15 до 20 л.
п. 2 ст. 1454 назначаетъ за предумышленное убійство по уговору зачинщикамъ его отъ 15 до 20 л. каторжной работы.	п. 2 этой же статьи предоставляетъ усмотрѣнію суда назначать тоже наказанія безъ *срока*.
Ст. 1455 п. 1 назначаетъ за убійство «хотя и безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія или умысла, въ запальчивости или раздраженіи, но однакожъ и не случайно, а зная, что онъ посягаетъ на жизнь другого», каторжныя работы въ крѣпостяхъ отъ 10 до 12 л.	Ст. 1455 п. 1 назначаетъ за убійство умышленное, но безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, *каторжныя работы въ рудникахъ отъ 12 до 15 лѣтъ*. 2 п. этой же статьи говоритъ, что за убійство, совершенное въ запальчивости или раздраженіи, особенно если послѣднее вызвано насильственными дѣйствіями, или тяжкимъ оскорбленіемъ со стороны убитаго, назначаются по усмотрѣнію суда или каторжныя работы въ крѣпостяхъ, или на заводахъ, или ссылка на поселеніе въ Сибирь.

Digitized by Google

Такимъ образомъ ст. 1455 въ новой редакціи распалась на два отдѣла: первый предусматриваетъ преступленіе умышленное, но умыселъ (dolus) къ нему создался въ головѣ преступника почти моментально; второй отдѣлъ предусматриваетъ убійство почти случайное, вызванное крайнимъ раздраженіемъ, такъ сказать, аффективное. Въ такомъ раздѣленіи преступленія нельзя не видѣть нѣкотораго прогреса. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ такой случай: встрѣтились на пути два человѣка, идутъ вмѣстѣ, и одинъ изъ нихъ убиваетъ другого, узнавши изъ разговора, что у послѣдняго есть деньги. Тутъ убійство умышленное, но не съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ. Второй случай: поссорились два пріятеля на пирушкѣ и одинъ изъ нихъ даетъ другому пощечину, тотъ въ пылу гнѣва бросаетъ въ него чѣмъ попало и убиваетъ пріятеля. Тутъ, безъ сомнѣнія, убійство, вызванное аффектомъ. И потому законъ въ прежней редакціи поступалъ несправедливо, карая одинаковымъ наказаніемъ два преступленія, сходныя между собою только по формамъ, но не по мотивамъ.

Ст. 1458 назначаетъ за лишеніе жизни безъ прямого умысла учинить убійство, но съ знаніемъ, что одно или нѣсколько лицъ должны подвергнуться опасности, — каторжную работу въ крѣпостяхъ отъ 8 до 12 л.	Ст. 1458 предоставляетъ суду, смотря по обстоятельствамъ, назначать или каторжную работу въ крѣпостяхъ отъ 8 до 12 л., или въ рудникахъ отъ 12 до 15.

Слѣдовательно, введеніе условности въ эту статью не служитъ къ выгодѣ обвиняемаго, ибо судъ можетъ опредѣлить только maximum наказанія, а не minimum; послѣдній же остается тотъ же.

Ст. 1459 назначала за убійство, совершенное хотя и безъ прямого на оное намѣренія, но при содѣяніи какого либо, соединеннаго съ насильственными дѣйствіями, преступленія, на пр., возстанія противъ властей, сопротивленія онымъ, взломъ тюремъ и т. д., каторжную работу въ крѣпостяхъ отъ 8 до 12 л.; если же преступленіе, при содѣяніи коего совершено убійство, наказывается строже, то виновный приговаривается къ самой высшей мѣрѣ наказанія, на пр., къ каторжной работѣ безъ срока.	Ст. 1459 дѣлится на два пункта: первый остается тотъ же, второй же вводитъ преступленіе совершенно съ новымъ составомъ; убійство умышленное для достиженія преступной цѣли, или для избѣженія поимки, и за него назначаетъ каторжныя работы въ рудникахъ отъ 15 до 20 л.

Изъ сравненія вышеозначенныхъ статей старой и новой редакціи мы видимъ, что въ нѣкоторомъ отношеніи новая редакція превосходитъ старую, во 1-хъ тѣмъ, что лучше оттѣняетъ преступленія, во 2-хъ тѣмъ, что предоставляетъ больше свободы совѣсти судьямъ, вводя условность въ преступное дѣяніе. Но въ одномъ отношеніи, мы должны сознаться, новая редакція уступаетъ старой, а именно строгостью и даже,

Digitized by Google

да будетъ позволено намъ выразиться такъ, жестокостью кары. Старая редакція назначала minimum каторжныхъ работъ 8 л., а новая двѣнадцать; maximum же ихъ по первой редакціи было 20 л., по второй—*безъ срока*. Что же побудило законодательную власть усилить мѣру наказанія за убійство? Она не изложила мотивы при обнародованіи новой редакціи сказанныхъ статей уложенія. Но намъ кажется, что мы предугадываемъ причину этой строгости. Правительство какъ-бы уступило вліянію тѣхъ слоевъ нашего общества, которые давно уже поднимаютъ вопль объ увеличеніи числа преступленій съ отмѣны крѣпостнаго права и о необходимости строгихъ каръ. Этому вліянію, можетъ быть, также помогли наши такъ называемые causes celebres, въ родѣ убійства Горскимъ цѣлаго семейства въ Тамбовѣ. Но вопросъ, справедливы ли эти вопли и значатъ ли что либо такія дѣла, какъ убійство совершенное Горскимъ? Отмѣна крѣпостного права и торговой казни (наказаніе плетьми) тутъ не при чемъ. Крѣпостное право вызывало иногда страшныя преступленія, но, благодаря тайному судопроизводству, они были сокрыты отъ глазъ общества; разбои же были въ ходу, въ большемъ, чѣмъ теперь, и при торговой казни. Извѣстно, что въ 40-хъ годахъ въ приволжскихъ губерніяхъ являлись цѣлыя разбойничьи шайки. Наконецъ, какою цѣлью руководствовалось наше законодательство, вводя за убійство такія наказанія, какъ безсрочную каторгу? Если правительство имѣло въ виду устрашеніе, и черезъ это уменьшеніе числа преступленій, то оно едва ли достигнетъ цѣли. Примѣры всѣхъ европейскихъ странъ доказываютъ очевиднымъ образомъ, что строгость наказанія не уменьшаетъ количества преступленій. Во Франціи смертная казнь, и тамъ является Тропманъ; въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ смертная казнь отмѣнена, и тамъ пропорція преступленій слишкомъ небольшая противъ такихъ странъ, какъ Англія, Франція (См. смертная казнь Миттермайера). Лицо, живущее среди общества и намѣривающееся совершить преступленіе, вовсе не справляется съ тѣмъ, что дѣлается тамъ гдѣ-то въ Сибири, и сколько лѣтъ продолжается каторга—восемь или двѣнадцать, пятнадцать или безъ срока? Слѣдовательно, тутъ дѣло не въ строгости каръ, а въ чемъ-то другомъ,—въ чемъ же? Исторія преступленій намъ показываетъ, что преступленія воспитываются средою, и до тѣхъ поръ, пока не измѣнятся условія среды, въ которой живетъ преступникъ, всякое усиленіе наказанія не что иное, какъ палліативъ; законодательство добьется только одного—что преступленія будутъ тщательнѣе скрываться. Насъ могутъ спросить, какъ это измѣнить среду? Отвѣтъ на этотъ вопросъ завелъ бы насъ очень далеко, но мы укажемъ на два главныя средства: 1) это экономическое улучшеніе быта народа (говоримъ—народа потому, что само законодательство имѣетъ въ виду по преимуществу такъ называемый низшій класъ, да и преступленія въ родѣ убійства и разбоя совершаются большею частью въ его средѣ); 2) Нравственное и умственное. Послѣднее достигается не иначе,

Digitized by Google

какъ черезъ распространеніе сколь возможно большаго просвѣщенія въ средѣ низшихъ класовъ. Свѣту больше, свѣту, скажемъ мы словами великаго германскаго поэта. Въ заключеніе нашихъ словъ о новой редакціи статей уложенія мы, къ сожалѣнію, скажемъ, что она составляетъ какую-то дисгармонію со всѣми гуманными реформами нынѣшняго царствованія. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ лучшіе европейскіе умы заявляютъ о необходимости отмѣны смертной казни, на германскомъ сеймѣ въ прошломъ году отмѣна этой кары не прошла, благодаря только ничтожному большинству голосовъ, дѣйствовавшему подъ вліяніемъ человѣка «крови и желѣза»:—у насъ вводятъ безсрочную каторгу. Наука уголовнаго права давно пришла къ заключенію, что государство должно имѣть въ виду при возстановленіи нарушеннаго преступникомъ права не только кару перваго, но и исправленіе. Этотъ взглядъ науки перешелъ даже въ жизнь, чему доказательствомъ общества для исправленія какъ взрослыхъ, такъ и малолѣтныхъ преступниковъ, заводимыя въ западной Европѣ. Но спрашивается, мыслимо ли исправленіе въ безсрочной каторгѣ, если у насъ будутъ дѣлаться подобные пересмотры въ нашемъ уголовномъ кодексѣ?

— Согласно Высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта, измѣнена ст. 1583 улож. о наказ. и дополнена ст. 1496 того же уложенія изъ той части его, которая говоритъ о преступленіяхъ противъ правъ семейственныхъ. Въ своей старой редакціи, ст. 1583 *) говоритъ: За жестокое обращеніе съ женою, обстоятельствами доказанное, особливо въ случаѣ нанесенія ей увѣчья или ранъ, мужъ, по жалобѣ супруги, или ея родителей, подвергается наказанію, опредѣленному ст. 1447 **) съ возвышеніемъ оныхъ двумя степенями, и сверхъ того, если онъ христіанинъ, предается церковному покаянію по распоряженію своего начальства. Тѣмъ наказаніямъ и на томъ же основаніи подвергается жена, въ случаѣ совершенія ею преступленія, предусмотрѣннаго въ этой статьѣ.

Въ новой редакціи ст. 1583 говоритъ: За нанесеніе женѣ увѣчья, ранъ, тяжелыхъ побоевъ, или иныхъ истязаній или мученій, виновный подвергается наказаніямъ, опредѣленнымъ въ ст. 1447 съ возвышеніемъ двумя степенями и т. д.

Законъ какъ той, такъ и другой редакціи запрещаетъ супругамъ явное нарушеніе брачнаго союза, основаннаго, по словамъ Ап. Павла, на единеніи. Но различіе между ними заключается въ томъ, что во второй редакціи опредѣленіе преступленія слишкомъ, если можно такъ выразиться, узкое: супругъ подвергается наказанію только за нанесеніе ранъ,

*) Мы цитируемъ ее по изданію 1866 г.

**) Эта статья опредѣляетъ наказаніе отъ ссылки въ Сибирь на поселеніе до каторжной работы на 8 лѣтъ, смотря по тому, какъ тяжки были раны, и по вліянію на здоровье.

Digitized by Google

тяжкихъ побоевъ, увѣчья или иныхъ истязаній (физическихъ), и потому человѣкъ, который позволяетъ себѣ бить слегка свою жену, остается безнаказаннымъ. По нашему мнѣнію, старая редакція, давая преступленію болѣе широкое опредѣленіе: «за жестокое обращеніе» и проч., позволяла суду быть защитой въ томъ случаѣ, если несчастная жена прибѣгала къ ней. Вѣдь если мужъ бьетъ свою жену, даже не нанося ей ранъ, то никто, а тѣмъ больше судъ, не признаетъ такого обращенія гуманнымъ. Теперь же будетъ иначе: мужъ бьетъ жену, или еще хуже, притѣсняетъ ее нравственно, жена жалуется въ судъ; судъ спрашиваетъ: раны, увѣчья есть?..—нѣтъ; ну, такъ мужъ оправданъ. Вообще надо замѣтить, что наши законы, касающіеся семейныхъ отношеній, покоятся на началахъ временъ Домостроя. Серьезный пересмотръ этихъ законовъ крайне необходимъ: самая жизнь заявляетъ о ихъ несостоятельности. Конечно, семейные нравы такъ называемыхъ образованныхъ классовъ становятся все больше и больше человѣчными. Теперь едва ли возможно встрѣтить человѣка изъ образованнаго круга, который бы позволилъ себѣ наносить побои женѣ, но, за этимъ ничтожнымъ кругомъ, остальные все еще смотрятъ на жену какъ на существо, обязанное повиноваться безпрекословно волѣ и кулалу мужа.

Ст. 1496 говоритъ, что за нанесеніе ранъ, побоевъ, увѣчій, виновные подвергаются, кромѣ опредѣленнаго наказанія, еще платежу за расходы, употребленные на излеченіе, по требованію потерпѣвшаго, или его супруга, или родителей. *1-е примѣчаніе.* Дѣла о нанесеніи легкихъ ранъ, не важныхъ для здоровья, начинаются по жалобѣ потерпѣвшаго. Въ настоящее время эта статья дополнена вторымъ примѣчаніемъ, которое говоритъ, что дѣла о нанесеніи тяжкихъ ранъ, или иныхъ истязаній, однимъ супругомъ другому возбуждаются общимъ порядкомъ судопроизводства только въ томъ случаѣ, если отъ нихъ послѣдовала смерть. Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ только по жалобѣ самого супруга, или его родителей.

III. Судные Законы. Въ *мартѣ* обнародованъ сенатскій указъ о томъ, что при единогласномъ выборѣ въ мировые судьи лицъ, не имѣющихъ качествъ, требуемыхъ ст. 19, 20 уст. суд., слѣдуетъ руководствоваться системой тайной подачи голосовъ. Эта система вообще считается лучшею при выборѣ на томъ основаніи, что при ней выборъ свободнѣе отъ различнаго рода личныхъ вліяній, и потому едва ли что можно сказать противъ введенія сенатскимъ указомъ тайной подачи голосовъ при такъ называемомъ единогласномъ выборѣ.

Въ *апрѣлѣ* сенатъ обнародовалъ свое распоряженіе по поводу возбужденнаго министромъ юстиціи вопроса о томъ, что мировые судьи вслѣдствіе потери имущественнаго ценза черезъ продажу своего недвижимаго имущества, должны быть выбраны вторично и единогласно на основаніи 34 ст. уст. суд. учр. Если человѣкъ, выбранный обществомъ въ долж-

Digitized by Google

ность, исполняетъ ее добросовѣстно, то почему же заставлять его подвергаться до срока такому шаткому выбору, какъ единогласный? Вѣдь имущественный цензъ не всегда же можетъ быть гарантіею добросовѣстности человѣка.

— Въ томъ же мѣсяцѣ обнародовано Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта о порядкѣ освидѣтельствованія безумныхъ и сумашедшихъ въ окружныхъ судахъ, находящихся внѣ губернскихъ городовъ. Окружный судъ въ такомъ случаѣ имѣетъ право, кромѣ двухъ врачей, командируемыхъ губернскимъ правленіемъ, пригласить еще третьяго по своему усмотрѣнію.

Въ *маѣ* обнародовано Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта о томъ, что въ мѣстахъ, гдѣ введена мировая юстиція, полиція приступаетъ къ сломкѣ зданій не иначе, какъ по приговору суда. Этимъ законоположеніемъ ограничивается довольно серьезно произволъ полицейскихъ властей, которыя, надо замѣтить, не совсѣмъ-то мирно уживаются съ новыми судебными учрежденіями. Оно и понятно: на одной сторонѣ произволъ, на другой законность.

13 мая обнародованы Высочайше утвержденныя составленныя министромъ юстиціи правила о доставленіи судебными слѣдователями тѣхъ мѣстностей, гдѣ введена судебная реформа, свѣдѣній о производившихся у нихъ дѣлахъ. Сущность этихъ правилъ состоитъ въ томъ, что слѣдователи обязаны послѣ 30 іюня 1871 г. доставлять по каждому возникшему у нихъ дѣлу увѣдомленіе какъ о начатіи, такъ и объ окончаніи слѣдствія. Въ первомъ увѣдомленіи заключаются слѣдующія свѣдѣнія: 1) когда начато производство слѣдствія, 2) по чьему требованію приступлено къ нему, 3) преступленіе, 4) имя и фамилія главныхъ обвиняемыхъ, 5) число лицъ, подозрѣваемыхъ въ преступленіи, подъ стражею и на свободѣ, 6) въ случаѣ промедленія начатіемъ слѣдствія—причины того. Оно должно быть послано не позднѣе трехъ дней. Во второмъ содержатся свѣдѣнія объ окончаніи слѣдствія и о числѣ свидѣтелей, спрошенныхъ по дѣлу. Судебные слѣдователи, согласно этимъ правиламъ, должны обращать вниманіе, чтобы въ протоколахъ записывались подробныя свѣдѣнія о личности преступника и о томъ, въ который разъ совершено преступленіе. За неисполненіе этихъ правилъ судебный слѣдователь подвергается отвѣтственности на основаніи 415 ст. улож. о наказ. Конечно, нельзя не одобрить желанія министерства побудить судебныхъ слѣдователей вышеозначенными правилами не затягивать слѣдствія, и тѣмъ облегчить положеніе лицъ, находящихся подъ слѣдствіемъ, но мы думаемъ, что институтъ судебныхъ слѣдователей въ настоящемъ его видѣ далеко не удовлетворяетъ тому идеалу, который выраженъ въ судебномъ уставѣ. Сколько разъ уже было говорено о необходимости назначать на эти мѣста людей компетентныхъ и поставить ихъ въ болѣе независимое положеніе предъ министерствомъ. Встрѣчаются нерѣдко слѣдователи—

Digitized by Google

люди энергичные, но ихъ энергія часто парализуется вліяніемъ совершенно чуждымъ суду. Отъ зависимаго положенія слѣдователей, которое дѣлаетъ изъ нихъ чиновниковъ министерства юстиціи, страдаютъ интересы суда. Право допускать только къ исправленію должности судебныхъ слѣдователей есть лазейка, куда можетъ легко проскользнуть елементъ, не свойственный суду—это произволъ, и потому интересы правосудія противъ такого права. Что же касается до требованія новыми правилами статистическихъ свѣдѣній отъ судебныхъ слѣдователей, то оно принесетъ пользу, если онѣ не будутъ только формальностью, ибо по нимъ можно будетъ составить статистику преступленій.

Въ началѣ *іюня* обнародованы Высочайше утвержденныя 19 мая правила о порядкѣ дѣйствій чиновъ корпуса жандармовъ по изслѣдованію преступленій. Эти правила распадаются на три отдѣла: а) о порядкѣ дѣйствій чиновъ дополнительнаго штата губернскаго и уѣзднаго жандармскаго управленія, б) о порядкѣ дѣйствій чиновъ жандармскаго управленія желѣзныхъ дорогъ, в) о порядкѣ производства дознанія по государственнымъ преступленіямъ. 1) Чины жандармскаго управленія сообщаютъ прокурорскому надзору, или полиціи о всякомъ замѣченномъ проступкѣ или преступленіи. Они имѣютъ право принять мѣры пресѣченія преступленій до прибытія полиціи. Прокурорскій надзоръ въ правѣ поручить имъ производство слѣдствія, которое, по окончаніи, отсылается на разсмотрѣніе его, и въ случаѣ неполноты онъ можетъ требовать дополненій. Если прокуроръ окружнаго суда найдетъ дѣйствія чиновъ жандармскаго управленія незаконными на пр., если кто либо задержанъ незаконно, то онъ сообщаетъ объ этомъ прокурору судебной палаты, а *послѣдній сносится съ начальникомъ штаба корпуса жандармовъ; если же распоряженія послѣдняго недостаточны, то прокуроръ представляетъ объ этомъ министру юстиціи для сношенія его съ шефомъ жандармовъ* 2) Районъ дѣйствія чиновъ жандармской полиціи желѣзныхъ дорогъ опредѣляется по соглашенію шефа жандармовъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и путей сообщенія. Прокурорскій надзоръ имѣетъ право также поручать и этимъ чинамъ производство слѣдствія. По дѣламъ, вѣдающимся въ мировыхъ учрежденіяхъ, офицеры жандармской полиціи желѣзныхъ дорогъ передаютъ дознанія въ общую полицію. *О неважныхъ упущеніяхъ со стороны чиновъ жандармской полиціи желѣзныхъ дорогъ прокурорскій надзоръ сообщаетъ ихъ непосредственному начальству*; въ случаѣ же важныхъ безпорядковъ входитъ въ сношенія съ ихъ начальствомъ о преданіи виновныхъ суду. При разногласіи прокурорскаго надзора съ начальствомъ чиновъ жандармской полиціи по послѣднему поводу, вопросъ о преданіи суду рѣшается въ 1-мъ департаментѣ сената. Мировыя судебныя учрежденія о безпорядкахъ чиновъ жандармской полиціи сообщаютъ прокурору. 3) Въ не особенно важныхъ дѣлахъ по государственнымъ преступлені-

Digitized by Google

ямъ дознанія производятся чинами корпуса жандармовъ подъ наблюденіемъ прокурора, въ случаяхъ же особенно важныхъ—лицомъ, назначеннымъ Высочайшею властью, подъ наблюденіемъ министра юстиціи и шефа жандармовъ, при личномъ присутствіи прокурора судебной палаты. Производство дознанія по государственнымъ преступленіямъ начинается или непосредственно чинами жандармской полиціи, съ увѣдомленіемъ объ этомъ прокурора судебной палаты, или по предложенію прокурорскаго надзора. Лицо же, назначенное Высочайшею волею, также увѣдомляетъ о начатіи слѣдствія прокурора судебной палаты. Всякое недоразумѣніе относительно принятія мѣръ къ пресѣченію преступленія разрѣшается соглашеніемъ министра юстиціи съ шефомъ жандармовъ. *До разрѣшенія его, всякое распоряженіе остается въ силѣ, на примѣръ, въ случаѣ если задержанъ кто либо неправильно.* Дознаніе, произведенное чинами жандармской полиціи, представляется прокуроромъ судебной палаты министру юстиціи, который, по соглашенію съ шефомъ жандармовъ, разрѣшаетъ начатіе предварительнаго слѣдствія, или испрашиваетъ Высочайшее повелѣніе о совершенномъ прекращеніи дѣла, или *объ окончаніи его административнымъ порядкомъ.* Мы ограничимся небольшимъ замѣчаніемъ о сейчасъ приведенныхъ нами правилахъ: они, съ одной стороны, нѣсколько ограничиваютъ обвинительную власть относительно жандармскихъ чиновъ: такъ, она не можетъ дѣлать имъ замѣчаній, какъ это предоставлено ей, по судебнымъ уставамъ, относительно общей полиціи; съ другой стороны, они въ производство предварительнаго слѣдствія вводятъ двѣ независимыя власти; а между тѣмъ вездѣ полиція, при производствѣ предварительнаго слѣдствія, подчинена вполнѣ суду. Кромѣ того эти правила создаютъ какой-то средній исходъ дѣла между оправданіемъ и обвиненіемъ—окончаніе дѣла административнымъ порядкомъ. Въ чемъ же будетъ заключаться этотъ административный порядокъ относительно лица, не обвиненнаго по суду?

— Обнародовано опредѣленіе 1-го департамента правительствующаго сената о порядкѣ сношеній прокурорскаго надзора съ чинами полиціи. Чины прокурорскаго надзора даютъ полиціи предложеніе въ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ требуется по закону содѣйствіе полиціи для скораго окончанія дѣла, а при обращеніи къ непосредственному начальству этихъ чиновъ—о понужденіи ихъ къ выполненію извѣстныхъ обязанностей по отношенію къ суду. Требованіе излагается въ формѣ просьбы. Такое сенатское опредѣленіе явилось вслѣдствіе пререканій бѣлогородскаго исправника съ товарищемъ прокурора курскаго окружнаго суда. Послѣдній обратился съ требованіемъ къ исправнику, чтобы онъ поспѣшилъ понудить станового пристава о доставленіи ему свѣдѣній о побѣгѣ одного арестанта изъ пересыльной партіи. Исправникъ отправилъ въ дерзкихъ выраженіяхъ отвѣтъ прокурору. Дѣло дошло до губернатора, послѣдній находилъ правымъ своего чиновника, сдѣлавши однако ему замѣчаніе,

Digitized by Google

чтобы онъ не входилъ въ слѣдующій разъ въ препирательство съ прокурорскимъ надзоромъ. Наконецъ сенатъ обнародовалъ вышеозначенное рѣшеніе. Изъ этого дѣла очевидно, что полиція до сего времени еще не привыкла къ своему положенію: ей, кажется, какъ-то страннымъ, что отъ нея могутъ чего-то требовать.

— Въ первую половину текущаго года изданы только два закона, относящіеся до *иностранцевъ*. Первый обнародованъ въ январѣ. Имъ измѣняется ст. 499—503 уст. о пасп., по коимъ лица иностраннаго православнаго духовенства не иначе могли прибыть въ Россію, какъ съ разрѣшенія святѣйшаго синода. Теперь же, согласно измѣненію вышеозначенныхъ статей, они могутъ пріѣзжать въ Россію и безъ разрѣшенія синода, но съ соблюденіемъ слѣдующихъ трехъ условій: во 1) чтобы они не были русскими подданными, во 2) чтобы съ нихъ брали подписку въ томъ, что они не будутъ собирать въ имперіи денежныхъ сборовъ, и въ 3) чтобы о нихъ сообщалось оберъ-прокурору синода. По второму закону, изданному въ маѣ, паспорты иностранцевъ, выдаваемые имъ на выѣздъ изъ Россіи, не дѣйствительны по возвращеніи ихъ сюда.

По законамъ объ иностранцахъ, изданнымъ тѣмъ или другимъ государствомъ, можно видѣть, отрѣшилось ли оно отъ замкнутости, стало ли на высшую ступень гражданскаго развитія, или въ немъ еще живы понятія того времени, когда на иностранцевъ смотрѣли какъ на враговъ, или людей вредныхъ по своимъ идеямъ. Прослѣдивъ исторію этихъ законовъ, мы увидимъ, что чѣмъ свободнѣе и развитѣе становится государство, тѣмъ рогатки, мѣшающія свободному сношенію народовъ,—иностранная цензура, паспорты и т. д. становятся все рѣже и рѣже. Въ Америкѣ, на примѣръ, почти вовсе не требуется паспортовъ, у насъ же, если выѣхать изъ Москвы въ Рязань на нѣсколько часовъ, не взявши съ собой вида, то можно натолкнуться на непріятность съ полиціей. Мы выказываемъ это замѣчаніе, по поводу изданныхъ двухъ законовъ, вслѣдствіе того, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ мы находимъ стѣснительную формальность. Хотя первымъ закономъ отмѣнено слишкомъ тяжелое условіе—разрѣшеніе синода (это разрѣшеніе часто приходило въ то время, когда уже въ немъ не имѣлось надобности) но все-таки въѣздъ въ Россію лицъ иностраннаго православнаго духовенства не вполнѣ свободенъ. Относительно оговорки закона брать подписку съ лицъ православнаго духовенства, что они не будутъ производить въ имперіи денежныхъ сборовъ, замѣтимъ что все, что только со временъ Петра Великаго было прочнаго, искренняго, преданнѣйшаго по отношенію къ Россіи со стороны южныхъ славянъ, сербовъ и булгаръ, все это истекало изъ поѣздокъ православнаго славянскаго духовенства въ Россію для собранія, конечно доброхотныхъ, подаяній. Императоры и императрицы русскіе сами жертвовали не малыя суммы пріѣзжавшимъ въ Россію изъ

Digitized by Google

славянскихъ земель духовнымъ лицамъ. Если еще доселѣ хранится у южныхъ славянъ нѣкоторое расположеніе къ Россіи, то источникъ его въ прежнемъ времени и ужь, конечно, не въ дипломатіи, а именно въ добролюбіи русскаго народа, выражаемомъ самымъ дѣломъ. Если пренебрегать этимъ расположеніемъ иностранныхъ поданныхъ; если оно не нужно для Россіи, то, разумѣтся, надо брать такую подписку, или возвышать почтовую плату за пересылку русскихъ газетъ и журналовъ; одно отнимаетъ матеріальное, а другое нравственное пособіе со стороны Россіи у предданныхъ ей и всегда пригодныхъ для нея славянъ.

Второй же законъ вводитъ совершенно не нужное стѣсненіе: зачѣмъ, на примѣръ, французскому негоціанту, живущему почти постоянно въ Россіи по паспорту, выданному его правительствомъ, брать новый паспортъ, хотя бы срокъ старому и не вышелъ, потому только, что онъ выѣхалъ на недѣлю въ Парижъ? Вѣдь наши старые паспорты считаются дѣйствительными за границей, по возвращеніи нашемъ изъ Россіи, если имъ не прошелъ срокъ.

Законы по народному образованію. Въ *маѣ* обнародовано Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи класа учительницъ французскаго языка при спеціально-педагогическомъ класѣ петербургскаго Николаевскаго института. Въ этотъ класъ будутъ приниматься ежегодно не болѣе 15 дѣвицъ изъ кончившихъ курсъ въ губернскихъ институтахъ. По окончаніи двухлѣтняго курса, онѣ получаютъ мѣста учительницъ при губернскихъ институтахъ съ обязательствомъ прослужить въ этой должности 6 лѣтъ. Только болѣзнь, или выходъ замужъ снимаютъ съ нихъ это обязательство.

Въ *іюнѣ* обнародовано Высочайшее повелѣніе, на основаніи ходатайства министра юстиціи, о томъ, что время, проведенное кончившими курсъ студентами при университетѣ для приготовленія въ професоры, зачисляется въ срокъ службы съ условіемъ, если они прослужатъ въ професорской должности вдвое больше противъ числа лѣтъ, проведенныхъ ими при университетѣ.

— Въ этомъ же мѣсяцѣ обнародовано Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи учительскихъ семинарій для приготовленія народныхъ учителей въ пяти учебныхъ округахъ: московскомъ, петербургскомъ, харьковскомъ, одесскомъ и казанскомъ. Асигновано на нихъ, по смѣтѣ расходовъ министерства народнаго просвѣщенія, 84.050 р. с. Эти семинаріи могутъ принести пользу, если учениками въ нихъ будутъ молодые люди изъ народа. Сумма, асигнованная на учительскія семинаріи, слишкомъ умѣренная, чтобы не сказать ничтожная, и потому желательно, чтобы она расходовалась вся сполна безъ остатковъ, которые такъ любитъ дѣлать министерство.

— Получило Высочайшее утвержденіе Фребелевское общество, основанное въ Петербургѣ, для содѣйствія семейному воспитанію.

Digitized by Google

IV. Спеціальные законы.

Январь. Высочайшимъ повелѣніемъ отмѣненъ девятипроцентный сборъ съ недвижимыхъ имѣній поляковъ въ западныхъ губерніяхъ, съ оставленіемъ его только на тѣхъ владѣльцахъ, коихъ высланы во внутреннія губерніи за политическія преступленія.

— Получила Высочайшее одобреніе слѣдующая гуманная мѣра главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, которое, нашло справедливымъ отмѣнить особыя ограниченія относительно выслуги срока на офицерскій чинъ воспитанниковъ подвѣдомыхъ ему учебныхъ заведеній, исключенныхъ изъ послѣднихъ за дурное поведеніе и ученіе, предоставивъ имъ право получать этотъ чинъ на общемъ основаніи, т. е., по экзамену. Исключенія сдѣланы только для воспитанниковъ, уволенныхъ изъ заведеній за особые проступки. Совершенно справедливо говорится въ мотивѣ къ этой отмѣнѣ, что воспитанникъ, нетерпимый по чему либо въ закрытомъ заведеніи, можетъ остаться тѣмъ не менѣе человѣкомъ хорошимъ.

Февраль. Лицамъ польскаго происхожденія не дозволено ранѣе двадцатичетырехлѣтняго возраста (срокъ конскрипціи) переходить изъ Царства въ другія части имперіи.

— По разсмотрѣніи въ совѣтѣ министровъ вопроса о допущеніи женщинъ на службу, Государю Императору угодно было рѣшить его въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) содѣйствовать преуспѣянію женщинъ на дѣятельности акушерокъ, фельдшеровъ, аптекарскихъ помощниковъ и оспопрививателей въ женскихъ лечебницахъ, поощрять ихъ также на педагогическомъ поприщѣ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, допускать женщинъ къ должностямъ телеграфистовъ, сигналистовъ, и по счетной части въ женскія заведенія вѣдомства IV отдѣл. Ея Величества канцеляріи. Затѣмъ не допускать женщинъ, даже по найму, въ общественныя и правительственныя учрежденія, гдѣ на мѣста назначаются или по выбору, или правительствомъ. Не смотря на послѣднее ограниченіе, мы смотримъ все-таки на это законоположеніе какъ на шагъ признанія за женщиною права на болѣе широкую дѣятельность, чѣмъ какая предоставлена ей въ настоящее время. Такъ называемый женскій вопросъ не созданіе нигилистовъ, какъ стараются увѣрить насъ нѣкоторые органы печати, а созданіе общественной потребности. Разрѣшеніе его въ томъ, или другомъ смыслѣ интересуетъ преимущественно средній класъ, класъ трудящійся. При расширеніи дѣятельности для женщинъ, онѣ могутъ быть полезными членами общества, вмѣсто того чтобы прозябать на жалкихъ мѣстахъ гувернантокъ или домашнихъ учительницъ, или еще и того хуже.

Въ апрѣлѣ обнародовано Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ о воспрещеніи нижнимъ воинскимъ чинамъ, состоящимъ на дѣйствительной службѣ, входа въ питейныя заведенія; отвѣтственность за неисполненіе этого закона возложена на содержателей питейныхъ заведеній. Такимъ запрещеніемъ военное начальство, по всей вѣроятности,

Digitized by Google

желаетъ улучшить нравственность солдатъ: намѣреніе доброе, но едва ли оно достигнетъ цѣли такимъ путемъ. Для русскаго воинства нужна добрая, здоровая воспитательная среда.

— Согласно утвержденному 9 марта и обнародованному въ апрѣлѣ мнѣнію государственнаго совѣта, межевое управленіе преобразовывается въ два съемочныя отдѣленія, начальники коихъ назначаются министрами, а всѣ остальные чины генералъ-губернаторами.

Перваго мая обнародовано Высочайшее утвержденіе комитета для сооруженія памятника Пушкину. Комитетъ состоитъ изъ товарищей поэта по лицею *). Памятникъ, какъ извѣстно, будетъ поставленъ въ Москвѣ, и мы желали бы, чтобы комитетъ поспѣшилъ своею дѣятельностью. Прошло 35 лѣтъ съ того дня, какъ погибъ нашъ великій поэтъ, и мы до сего времени еще не собрались поставить памятника ему, какъ поэту, въ которомъ выразился нашъ національный геній. До сихъ поръ собрано на этотъ памятникъ 18.254 р.; этого недостаточно для сооруженія приличнаго монумента, но мы надѣемся, что русское общество отзовется на призывъ къ пожертвованію.

— Въ этомъ же мѣсяцѣ обнародовано Высочайшее повелѣніе объ образованіи желѣзно-дорожной команды изъ донскихъ казаковъ для обученія ихъ желѣзно-дорожному дѣлу, въ которыхъ молодые казаки должны пробыть два года.

— Обнародовано Высочайшее повелѣніе объ образованіи кадръ постоянныхъ мастеровыхъ при портѣ Восточнаго океана изъ нижнихъ военныхъ чиновъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы на будущее время наполненіе кадръ производилось не иначе, какъ наймомъ вольныхъ людей.

— Высочайше повелѣно горнозаводскимъ рабочимъ, не получившимъ выдавать паспорты на простой бумагѣ.

— По Высочайшей волѣ повелѣно закрыть сиротскія дома въ Москвѣ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы воспитанники ихъ могли кончить курсъ въ теченіи двухъ лѣтъ.

— Высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта относительно призрѣнія лицъ, отсылаемыхъ во внутреннія губерніи, въ приказахъ общественнаго призрѣнія и земства.

— 13 мая обнародовано Высочайшее повелѣніе объ облегченіи участи нѣкоторыхъ преступниковъ, въ ознаменованіе рожденія великаго князя Георгія Александровича. Они раздѣлены на три разряда. Къ первому принадлежатъ политическіе преступники, получившіе въ 1866 и 1868 гг. право переселиться на жительство въ Царство Польское, подъ надзоръ полиціи, а также приписаться къ городскимъ, или сельскимъ обществамъ: какъ имъ, такъ и дѣтямъ, рожденнымъ послѣ приговора, возвращаются

*) Вотъ фамиліи членовъ комитета: бар. М. А. Корфъ, Ѳ. Ѳ. Матюшкинъ, Ѳ. И. Корниловъ, Я. И. Гротъ, К. К. Гротъ, Н. А. Шторхъ и А. И. Колеминъ.

Digitized by Google

прежнія права состоянія, съ освобожденіемъ изъ-подъ надзора полиціи, съ запрещеніемъ однако вступать въ государственную службу. Ко второму разряду: политическіе преступники, находящіеся какъ на поселеніи, такъ и въ каторгѣ, и сосланные отъ 1866 по 1871 г.: они обращаются въ разрядъ сосланныхъ на житье, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ. И наконецъ къ третьему разряду: лица сосланныя въ Сибирь административнымъ порядкомъ по приговорамъ обществъ. Имъ предоставлено право возвратиться въ прежнія общества, если послѣднія пожелаютъ. Мы съ чувствомъ величайшаго удовольствія записали въ нашъ обзоръ этотъ актъ милости верховной власти. Да послужитъ онъ предостереженіемъ тѣмъ господамъ, которые въ каждомъ политическомъ преступникѣ видятъ не человѣка достойнаго сожалѣнія по своему заблужденію, а какого-то изверга, и потому гуманное обхожденіе съ нимъ считаютъ лишнимъ.

— Утвержденъ уставъ общества взаимнаго кредита петербургскаго земства съ цѣлью доставить возможность кредитоваться и дѣлать сбереженіе заводчикамъ и занимающимся сельскою промышленностью и торговлей. Каждый членъ вноситъ 10% съ кредитуемой ему суммы, земство же кладетъ въ общество 10.000 руб. Размѣръ кредитуемой суммы 300 р.; все, что больше ея, опредѣляется совѣтомъ правленія. Изъ вырученной обществомъ прибыли отчисляется извѣстный процентъ земству и на вознагражденіе членамъ правленія. Затѣмъ остальной дивидендъ раздѣляется между членами общества. Какъ извѣстно, это общество имѣетъ въ виду преимущественно небогатый класъ, и потому пожелаемъ этому обществу большей сравнительно пользы, чѣмъ приноситъ, на примѣръ, Московское купеческое общество взаимнаго кредида, и во всякомъ случаѣ—успѣха. Послѣдній зависитъ отъ отношенія къ дѣлу лицъ, состоящихъ членами правленія, будетъ ли оно добросовѣстное, либо же чисто формальное, имѣющее въ виду только свою личную пользу. Неудачи всѣхъ нашихъ предпріятій происходятъ большею частью отъ отсутствія въ нашемъ обществѣ чувства солидарности интересовъ. Къ намъ какъ нельзя больше можно примѣнить русскую поговорку: моя хата съ краю—ничего не знаю.

— Обнародовано Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта относительно передачи капитала крестьянъ Хрущова въ вѣдѣніе тульскаго земства. Исторія этого капитала слѣдующая: помѣщикъ Хрущовъ, увольняя въ 1812 году своихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, заключилъ съ ними условіе о томъ, чтобы они вносили ежегодно по 5 руб. сер. съ души въ тульское дворянское Александровское училище. Взносы крестьянъ до 1818 г. тратились на предметъ назначенія, но съ преобразованіемъ заведенія въ дворянское училище, затѣмъ въ кадетскій корпусъ, наконецъ въ 1863 г. въ военную гимназію, они не тратились по назначенію, а причислялись до 1866 г. къ капиталу, составленному изъ по-

Digitized by Google

жертвованій дворянъ, съ этого же года образовали особый капиталъ крестьянъ Хрущова. Въ настоящее время, наконецъ, по представленію военнаго министра относительно завѣдыванія этимъ капиталомъ, простирающимся до 64,500 р., государственный совѣтъ рѣшилъ передать его въ вѣдѣніе земства для распространенія образованія.

— Запрещенъ вывозъ шелковичныхъ червей изъ Туркестана съ 1872 г., а до этого времени вывозъ дозволенъ не иначе, какъ съ платежемъ 20 р. пошлины съ фунта.

Іюнь. Учреждена должность класныхъ фельдшеровъ для окончившихъ курсъ въ военно-фельдшерскихъ школахъ. Ученики этихъ школъ, прослуживши 6 лѣтъ по выходѣ изъ заведеній и выдержавши экзаменъ, получаютъ мѣсто класнаго фельдшера съ производствомъ въ первый класный чинъ. Въ случаѣ же представленія свидѣтельства о выдержаніи ими экзамена изъ гимназическаго курса, они увольняются изъ военнаго вѣдомства для поступленія въ академію, или университетъ. Учители желѣзно-дорожнаго дельвигскаго училища сравнены съ правами учителей уѣздныхъ училищъ.

— По Высочайшему повелѣнію главная варшавская библіотека передана въ варшавскій университетъ.

— Разрѣшено Высочайшею волею передать въ вѣдѣніе московскаго земства шоссе Московской губерніи въ теченіи 10 лѣтъ на слѣдующихъ условіяхъ: земство беретъ у правительства на свое содержаніе шоссейный путь; деньги, сбираемыя земствомъ, идутъ въ пользу послѣдняго: тарифъ за проѣздъ по шоссейному пути не можетъ быть увеличенъ. Московская земская управа составляетъ сѣти шоссейныхъ дорогъ, какія земство найдетъ нужнымъ. Постройка этихъ дорогъ производится лицами по назначенію отъ земства. Надзоръ за передачей правительству шоссе поручается особой инстанціи.

— Въ этомъ же мѣсяцѣ введенъ важный законъ, касающійся Сибири. Мы говоримъ о прекращеніи въ ней одной изъ регалій разработки казною соляного промысла. Съ 1872 г. въ Западной Сибири, а съ 1873 г. въ Восточной разработка соли переходитъ въ частныя руки, за исключеніемъ двухъ заводовъ, Иркутскаго и Троицкаго. Заводы отдаются на содержаніе частнымъ лицамъ на двацати-пятилѣтній срокъ, озера же на 10 лѣтъ. За добываніе соли взимается акзицу по 30 к съ пуда и попудной платы въ размѣрѣ не меньше копѣйки. Не воспрещается открывать новые соляные источники. Снабженіе солью отдаленныхъ мѣстностей Сибири лежитъ, до времени, на обязанности казны. Всѣмъ извѣстна экономическая аксіома, что производство всякаго рода предметовъ идетъ лучше въ рукахъ частныхъ лицъ, чѣмъ казны, и потому отмѣна соляной религіи въ Сибири заслуживаетъ полнаго одобренія, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы оно не создало монополіи, которую мы, не обинуясь, считаемъ въ безчисленное число разъ вреднѣе самой каз-

Digitized by Google

ны. Послѣдняя, какъ лицо нравственное, не можетъ дѣйствовать такъ своекорыстно, какъ частное лицо, и эксплуатировать массу населенія для своей только личной выгоды.

— Учреждена, согласно Высочайшаго повелѣнія, эмеритальная касса военнаго вѣдомства на слѣдующихъ основаніяхъ: а) принятіе участія въ ней посредствомъ вклада обязательно для всѣхъ военныхъ чиновъ регулярной русской арміи, б) даетъ право получать пособіе семейству умершаго въ размѣрѣ ежегоднаго взноса его въ кассу въ теченіи пяти лѣтъ, в) при исчисленіи лѣтъ, дающихъ право на пенсію, или на пособіе, принимается въ расчетъ вся служба безъ вычета времени, проведеннаго въ отпуску, или за штатомъ, г) по отношенію къ пенсіи изъ эмеритальной кассы, лица дѣлятся на два разряда: прослужившія до 35 лѣтъ и дальше и прослужившія отъ 25 до 35 лѣтъ. Пособія могутъ быть выдаваемы въ случаѣ тяжкой болѣзни и раньше наступленія права на него. Этимъ закономъ мы заканчиваемъ нашъ обзоръ русскаго законодательства за первую половину этого года.

17 августа.

Digitized by Google

ИЗЪ СУДЕБНОЙ ЛѢТОПИСИ.

Судъ и общество.—Важнѣйшія дѣла, производившіяся въ послѣдніе мѣсяцы.—Два дѣла о клеветѣ въ печати.—Старый администраторъ предъ новымъ судомъ.—Топографъ Устиновъ, судимый за убійство. Супруги Мартыновичи.—Тринадцатилѣтній мальчикъ, какъ рецидивистъ въ кражѣ.—Дѣло Пихлера.—Какъ приглашались ученые нѣмцы въ Россію за 150 лѣтъ назадъ и какъ приглашаются теперь.—Далеко ли впередъ ушли русскіе и нѣмцы во взглядѣ другъ на друга.—Таинственность Пихлера.—Неудавшійся расчетъ наивности.—Замѣчательная дилемма.—Значеніе судебнаго приговора.—Дѣло бывшаго губернскаго предводителя Огарева.

Нашъ новый судъ можно сравнить съ зеркаломъ, въ которомъ отражаются всѣ стороны нашего быта, какъ стараго, такъ и новаго. Въ немъ мы видимъ то, что среди обыденной, повседневной жизни ускользаетъ отъ нашего вниманія, что проходитъ мимо насъ не замѣченнымъ; но онъ также служитъ сценою, на которой разыгрываются драмы нашей частной и соціальной жизни. На судѣ предъ нами воочію предстоитъ вся наша жизнь со всей ея иногда не совсѣмъ красивой обстановкой; на немъ мы становимся свидѣтелями и той глухой борьбы, которая ведется людьми стараго закала противъ новыхъ имъ нелюбыхъ порядковъ; имъ желательно побольше тьмы, а судъ, подобно солнцу, освѣщаетъ своимъ яркимъ свѣтомъ какъ ихъ дѣла, такъ и мотивы къ нимъ. Вообще судебныя дѣла даютъ довольно цѣнный матеріалъ для изученія нашей частной и общественной жизни со всѣхъ ея сторонъ, будетъ ли это свѣтлое явленіе, или явленіе изъ области темнаго царства. На этотъ разъ мы коснемся такихъ дѣлъ, въ коихъ выражается бытовая сторона. Къ такимъ дѣламъ мы по преимуществу относимъ уголовныя, ибо въ нихъ мы имѣемъ дѣло со страстями и увлеченіями людей.

Уголовныя дѣла, за послѣдніе мѣсяцы, можно раздѣлить на двѣ группы: дѣла, возбужденныя преступленіями или проступками противъ личности, и дѣла, начавшіяся по поводу преступленія противъ иму-

Digitized by Google

щества. Изъ дѣлъ первой группы обращаютъ на себя вниманіе два дѣла о клеветѣ въ печати: одно производилось въ Одессѣ, другое въ Петербургѣ. Мы такъ еще мало привыкли къ свободному слову, что малѣйшій намекъ на что либо касающееся нашей личности, или нашего житья-бытья, принимается нами за страшнѣйшее оскорбленіе, и сейчасъ тянемъ виновника въ судъ; если же послѣдній не признаетъ нашу жалобу основательною, то мы съ грустью вспоминаемъ о тѣхъ блаженныхъ дняхъ, когда все было шито да крыто. Мы не можемъ отличить клеветы отъ гласности; намъ и въ голову не приходитъ, что истинно свободный человѣкъ не боится гласности; на примѣръ, извѣстно, англійскій сатирическій журналъ «Punch» нерѣдко въ каррикатурѣ рисуетъ частную жизнь такихъ личностей, какъ принцъ Уэльскій; вся Англія подняла бы однако принца на смѣхъ, еслибы ему пришла фантазія потянуть редакторовъ «Понча» въ судъ. Мы же безпокоимъ правосудіе по поводу клеветъ въ родѣ слѣдующихъ. 19 апрѣля въ одесскомъ окружномъ судѣ производилось дѣло о нарушеніи правилъ печати. Г. Картамышевъ, редакторъ *Новороссійскаго Телеграфа*, напечаталъ въ 1869 г. нѣсколько статей подъ заглавіемъ «Возмутительное дѣло», въ коихъ описывалось, какъ какой-то М. и его жена жестоко обращаются съ своей сестрой. И вотъ нѣкто г. Мороки подаетъ жалобу въ судъ на редактора названной газеты, доказываетъ на судѣ, что подъ М. слѣдуетъ разумѣть его, и такимъ образомъ самъ же становится своимъ обличителемъ. Но судъ, по выслушаніи довольно хорошей рѣчи обвиняемаго, не призналъ послѣдняго виновнымъ. По поводу сейчасъ расказаннаго нами дѣла невольно припомнишь слова Гоголя о титулярныхъ совѣтникахъ. Подобное же дѣло производилось, въ концѣ апрѣля, въ Петербургѣ,—подобное впрочемъ скорѣе по формѣ, чѣмъ по сущности. Если въ первомъ дѣлѣ обвиняемый являлся защитникомъ человѣколюбія, то во второмъ редакторъ «Nordische Presse», г. Линдесъ, защитникомъ дворянолюбія. Дѣло вотъ въ чемъ: въ противень дворянскому лифляндскому адресу объ охраненіи остзейскихъ привиллегій, депутаціею лифляндскихъ крестьянъ, состоящею изъ сельскихъ волостныхъ старшинъ, во главѣ коихъ былъ нѣкто Витоль, былъ поданъ черезъ министра внутреннихъ дѣлъ Государю Императору адресъ о распространеніи на прибалтійскія губерніи земской и судебной реформы. Это, конечно, не по душѣ было лифляндскому рыцарству, и вотъ въ «Nordische Presse» явилась статья, въ которой осмѣявались какъ самый адресъ, такъ и депутація, глава же ея обзывался «Industric Ritter», что въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ «пройдоха», и проводилась та мысль, что вся эта исторія была затѣяна съ цѣлью поправить финансовыя обстоятельства нѣкоторыхъ личностей, и тутъ статья довольно ясно намекала, кого надобно разумѣть подъ одной изъ этихъ личностей, а именно Витоля. Послѣдній подалъ жалобу на Линдеса; повѣреннымъ его былъ г. Спасовичъ; На судъ явился впрочемъ

Digitized by Google

самъ аворъ статьи, Гейбель. Защитникомъ же Линдеса былъ Фоссъ. Послѣ судебныхъ преній, кои вертѣлись на значеніи слова «Industric Ritter», г. Фоссъ доказывалъ, что подъ «Industric Ritter» можно понимать и ловкаго человѣка. Судъ пришелъ къ заключенію, что какъ Линдесъ, такъ и Гейбель не виновны. Мы, конечно, не сочувствуемъ той цѣли, съ какой написана была статья въ «Nordische Presse», но мы на сторонѣ суда въ оправданіи гг. Линдеса и Гейбеля. Du choc des opinions jaillit la vérité— должно быть девизомъ всякаго свободнаго слова. Истина возьметъ свое, и потому, какъ ни обзывай людей, являющихся представителями интересовъ большинства: «Industric Ritter», или иначе какъ, а настоящіе рыцари (non-industric) должны, рано или поздно, отказаться отъ своего имъ дорогого Ritterthum.

Изъ дѣлъ, возникшихъ по поводу обидъ словами, мы остановимся на дѣлѣ Компанейщикова. Оно разбиралось въ петербургскомъ окружномъ судѣ 22 апрѣля по двумъ его проступкамъ: г. Компанейщиковъ, бывшій вятскій губернаторъ, находясь въ камерѣ петербургскаго мирового судьи въ качествѣ истца, дозволилъ себѣ остановить, при чтеніи рѣшенія, мироваго судью словами: «Будьте повѣжливѣе: не Компанейщикова, а господина», и стоя облокотился на столъ судьи. А на замѣчаніе послѣдняго сталъ требовать себѣ стулъ, такъ какъ «онъ имѣетъ право даже въ сенатѣ сидѣть», и кончилъ тѣмъ, что сѣлъ на рѣшетку, отдѣлявшую публику отъ судейскаго стола. Во 2-мъ, на вѣжливое приглашеніе чиновника государственнаго банка подождать очереди, вмѣстѣ съ другими, явившимися для выкупа, Компанейщиковъ довольно громко сказалъ: «Какое глупое правило! оно можетъ нравиться подобному дураку». Судъ, не смотря на то, что Компанейщиковъ себя виновнымъ не призналъ, и доказывалъ, что слова, сказанныя имъ въ камерѣ мирового судьи: «онъ даже въ сенатѣ сидитъ», были бы глупы, такъ какъ онъ въ сенатѣ никогда не сидѣлъ. Послѣ судебнаго слѣдствія, подтвердившаго эти два факта, судъ приговорилъ бывшаго губернатора къ заключенію въ тюрьму на 2 мѣсяца и 1 недѣлю. Здѣсь мы видимъ человѣка, въ качествѣ жертвы борьбы стараго порядка съ новымъ, произвола съ закономъ. Въ самомъ дѣлѣ, человѣка, предъ которымъ не стояла даже, а лежала ницъ когда-то вся губернія, вдругъ обязываютъ стоять передъ судомъ во имя закона,—да зналъ ли онъ другой законъ, кромѣ своего произвола;—человѣку, слухъ котораго не привыкъ ни къ какимъ возраженіямъ, даже вѣжливымъ, если только они не шли отъ «тайныхъ и дѣйствительныхъ тайныхъ», вдругъ возражаютъ и напоминютъ о какой-то очереди, о какомъ-то совершенно новомъ для него словѣ «порядкѣ», и кто же это ему говоритъ?—какой-то судья, како-то чиновникъ. Какъ же послѣ этого не взбѣситься? Мы не увѣрены, читатели, что Компанейщиковы послѣдніе могикане; нѣтъ, къ сожалѣнію, мы убѣждены, что не всегда Компанейщиковыхъ сажаютъ въ тюрьму, а иногда они сажаютъ...

Отъ нѣсколько курьезнаго дѣла перейдемъ къ дѣлу, при чтеніи кото-

Digitized by Google

раго въ головѣ вашей поднимутся вопросы далеко не веселаго свойства, въ родѣ тѣхъ, которымъ Гейне далъ названіе «проклятыхъ вопросовъ». Обвиняемый въ этомъ дѣлѣ, не выжившій изъ ума старикъ, а двадцатидвухлѣтній юноша, топографъ Михаилъ Устиновъ. Дѣло въ слѣдующемъ. Сынъ офицера, онъ былъ отданъ своею матерью, оставшеюся почти безъ средствъ послѣ смерти своего мужа, въ военное училище, въ которомъ пробылъ до 16 лѣтъ. Съ наступленіемъ этого возроста, въ которомъ молодой человѣкъ начинаетъ только-что серьезно учиться, онъ былъ за какую-то шалость посланъ юнкеромъ въ Туркестанъ. Съ прибытіемъ Устинова туда, начинаются его несчастія. Изъ его писемъ къ матери хотя и видно, что его не оставляла надежда сдѣлать себѣ карьеру, но отдаленность отъ родныхъ, прежнихъ товарищей по школѣ, и скука дѣлали свое дѣло; онъ началъ пить, и разъ въ пьяномъ видѣ замахнулся палашомъ на своего начальника, полковника Егорова, который зашелъ случайно въ казармы. Его приговариваютъ къ 6-тилѣтнему одиночному заключенію въ Петропавловской крѣпости, и вотъ изъ Туркестана почти годъ идетъ онъ пѣшкомъ, въ кандалахъ, наконецъ добирается до Петербурга; его сажаютъ въ пересылочную тюрьму до полученія бумагъ изъ Ташкента. Бумагъ долго не шлютъ; онъ слышитъ, нахожденіе его въ пересылочной тюрьмѣ не зачтется ему въ срокъ заключенія въ крѣпости. Его томитъ такое положеніе, и вотъ, чтобы избавиться отъ него какимъ бы то ни было путемъ, онъ создаетъ въ головѣ безсмысленный планъ— убить ничѣмъ неповиннаго предъ нимъ человѣка, смотрителя пересылочной тюрьмы, и Устиновъ приводитъ въ исполненіе свой планъ; улучивъ удобную минуту, въ то время, какъ смотритель разговариваетъ со старостами на дворѣ, онъ запускаетъ ему въ спину ножъ; смотритель отъ тяжелой раны черезъ недѣлю умираетъ. Начинается дѣло. Устиновъ въ какомъ-то нервномъ раздраженіи, ему снятся страшные сны, онъ называетъ себя сыномъ Константина Павловича. Петербургскій окружный судъ разбиралъ въ засѣданіи 8 іюня дѣло о нанесеніи тяжкихъ ранъ Устиновымъ смотрителю тюрьмы. Защитникомъ подсудимаго явился г. Спасовичъ. Рѣчь адвоката можно назвать одною изъ замѣчательныхъ по логикѣ и краснорѣчію. Въ ней онъ старался провести мысль, что подсудимый дѣйствовалъ въ ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей, если не совершенно разстроенномъ. Но на присяжныхъ она не произвела никакого впечатлѣнія; они вынесли обвинительный вердиктъ, по коему окружный судъ приговорилъ Устинова къ четырехлѣтней каторгѣ въ крѣпостяхъ. Итакъ, погибла свѣжая сила; что же виною этой гибели? Конечно, ее искать должно въ первоначальной обстановкѣ мальчика Устинова.

Слѣдующее дѣло раскрываетъ передъ нами картину семейной жизни низшихъ или полусреднихъ классовъ нашего общества. Оно покажетъ намъ причины, отъ чего у насъ такъ умираетъ много дѣтей, отъ чего

Digitized by Google

они выходятъ въ большинствѣ хилыми, больными, полуидіотами, лишенными силы, энергіи. Сущность этого дѣла вотъ въ чемъ. Въ Бердянскѣ живутъ супруги Мартыновичи; они хотя и не стары, но бездѣтны; какъ людямъ съ достаткомъ, имъ хочется имѣть дѣтей, и вотъ Богъ посылаетъ Мартыновичамъ ребенка: имъ подкидываютъ однолѣтнюю дѣвочку, Авдотью; они берутъ ее на воспитаніе вмѣсто дочери. Вначалѣ они обращались дѣйствительно съ ней хорошо, ласкали ее, но потомъ обхожденіе Мартыновичей съ дѣвочкой стало все хуже и хуже; ее часто сѣкли не только розгами, но даже ремнемъ, не давали ей, по расказамъ свидѣтелей на судѣ, ѣсть, такъ что она ѣла даже стеариновыя свѣчи. Наконецъ дѣло дошло до того, что, благодаря содѣйствію медика Градина, дѣвочку Авдотью взяли отъ ея благодѣтелей; при осмотрѣ, у ней оказались знаки тяжелыхъ побоевъ и переломлена кость правой руки; ей было тогда три года. Дѣвочку отдали на излеченіе въ больницу, а Мартыновичей привлекли къ суду съ предварительнымъ заключеніемъ подъ стражу. Дѣло разбиралось въ отдѣленіи таганрогскаго суда, въ Бердянскѣ, 3 мая. Большинство свидѣтелей, выставленныхъ обвиненіемъ, подтвердили факты жестокаго обращенія подсудимыхъ съ своею воспитанницей. Одинъ изъ свидѣтелей, ямщикъ станціи Голобородки, находившейся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома Мартыновичей, показалъ, что дѣвочка зашла къ нимъ на дворъ зимой, босикомъ, такъ что они едва могли ее отогрѣть. Слѣдовательно, дѣвочка была безъ присмотра. Присяжные однако произнесли оправдательный вердиктъ, и Мартыновичи были освобождены изъ-подъ стражи. Дѣвочка же, конечно, не отдана имъ; ее воспитываютъ другіе. Ну, а еслибы она была ихъ дочь, то возвратили бы ее опять на руки родителямъ, и ей, несчастной, можетъ быть, только ранней смертью пришлось бы откупиться отъ давленія тяжелыхъ родительскихъ правъ. Благодаря гласности суда, густая завѣса, скрывавшая отъ глазъ мыслящаго общества нашу семейную жизнь, открыла намъ одну изъ сценъ семейныхъ драмъ, узелъ коихъ держится въ соціальномъ бытѣ. Для примѣра укажемъ на Грецію и Америку, и въ противуположность имъ на Римъ и Россію. Такихъ драмъ уже много и много прошло чрезъ наши гласные суды. Спросимъ себя: прочна ли воспитательная среда въ нашихъ семействахъ, которыя однако все-таки предпочитаются закрытымъ учебнымъ заведеніемъ. Въ дополненіе укажемъ на дѣло, разбиравшееся въ петербургскомъ окружномъ судѣ 10 мая о совершеніи четырехъ кражъ 13-тилѣтнимъ мальчикомъ. Онъ былъ сынъ бѣдной вдовы, посѣщалъ училище, но жестокое обращеніе съ нимъ матери оттолкнуло отъ нея его дѣтское сердце, и мальчикъ ушелъ изъ дому. Во время своего странствованія по Петербургу, Цухоловъ познакомился съ мальчишками, промышлявшими воровствомъ, и вотъ одинъ изъ нихъ, Андрей Арнольдъ, научилъ его этому ремеслу. У этихъ мальчиковъ была организованная шайка. Цухоловъ былъ разъ пойманъ съ кошелькомъ въ рукѣ и былъ посаженъ въ смирительный домъ, но, выпу-

Digitized by Google

щенный оттуда, продолжалъ свое занятіе, которое привело его опять на скамью подсудимыхъ. Присяжные объявили Цухолова виновнымъ, но дѣйствовавшимъ безъ разумѣнія. Судъ постановилъ отдать подсудимаго на исправленіе къ матери. Судьба несчастнаго мальчика предрѣшена. Его ожидаетъ или ссылка, или каторга. Надъ сейчасъ расказаннымъ дѣломъ стоитъ призадуматься серьезно. Дитя, почти ребенокъ, попадаетъ на скамью подсудимыхъ, и судъ отдаетъ его на исправленіе въ руки тѣхъ, которые уже испортили его. Конечно, суду нечего дѣлать предъ буквой закона; но общество должно же заботиться, чтобы подъ ногами его не выросло поколѣніе, подобное убійцамъ фонъ-Зона, или англійскимъ геротерамъ. Устроить побольше школъ, исправительныхъ домовъ для малолѣтныхъ преступниковъ—вотъ средства болѣе или менѣе дѣйствительныя если не для совершеннаго уничтоженія зла, то для возможнаго уменьшенія его.

Въ заключеніе нашей статьи мы скажемъ о дѣлѣ по поводу тоже кражи, но на этотъ разъ подсудимый будетъ уже не бездомный пролетарій, не знающій куда дѣться отъ голоду и холоду, и потому стянувшій что попало подъ руку; нѣтъ, подсудимымъ будетъ личность, на которую было обращено вниманіе всего читающаго и образованнаго люда, не только Россіи, но и Европы, даже послѣдней больше, чѣмъ первой, потому что подсудимый чужеземецъ и принадлежитъ къ разряду ея знаменитыхъ ученыхъ; причина его преступленія не голодъ, не холодъ, не бездомность, а обдуманное желаніе пріобрѣсти даромъ часть собственности чуждаго, но гостепріимнаго для него народа. Читатель, конечно, знаетъ, что мы хотимъ говорить о знаменитомъ теологѣ, другѣ и ученикѣ Делигера—объ Алоизіи Пихлерѣ. Дѣло это такъ извѣстно, что едва ли предстоитъ надобность передавать его.

Обратимъ вниманіе только на особыя характеричныя обстоятельства и отвѣты подсудимаго. Еслибы не гласный судъ, то, быть можетъ, никто бы изъ насъ и не зналъ, что въ Публичной библіотекѣ служитъ такая знаменитость, какъ Пихлеръ, и самые посѣтители библіотеки едвали бы догадались объ этомъ, не ощущая сравнительно ничего особеннаго отъ присутствія въ библіотекѣ Пихлера. Но вотъ завѣса отдернута: предъ нами—иностранный ученый, который, безъ принятія подданства и безъ принесенія присяги на службу, допускается сверхштатнымъ библіотекаремъ съ жалованьемъ 3 т. рублей. Полтораста лѣтъ тому назадъ, въ новоучреждаемую Россійскую академію наукъ вызывались нѣмецкіе ученые; приглашается и теперь Пихлеръ—да еще какъ! Само министерство внутреннихъ дѣлъ обращается къ нему съ предложеніемъ прибыть въ Россію; русскій посланникъ при баварскомъ дворѣ и кн. В. А. Черкаскій рекомендуютъ его; гр. Сиверсъ возитъ его въ своей каретѣ, и даже за нимъ присылаютъ придворныя кареты. Далеко ли мы ушли въ эти полтораста лѣтъ. Но тогда мы получали изъ-за границы какихъ ни на есть, а все-

Digitized by Google

таки академиковъ: вспомнимъ знаменитаго математика Ейлера, или столь полезнаго исторіографа Мюллера, или путешественника и естествоиспытателя Гмелина. А теперь выписали, какъ заморскую рѣдкость, такого ученаго богослова—полемизатора, который годился если не въ нѣмецкіе академики, то развѣ какъ ходячій библіографическій указатель или книжный каталогъ, по свидѣтельству самого г. Делянова. Тогда академики торговались съ нами и не охотно оставляли свои мѣста; а теперь мы зовемъ такого ученаго, который нѣсколько лѣтъ ничего не получалъ за границею, а потомъ имѣлъ мѣсто съ содержаніемъ только въ 500 гульденовъ (300 р. сер). Тогда мы держали себя относильно вызванныхъ академиковъ, какъ хозяева распорядители, съ достоинствомъ и не очень поддавались на разныя ихъ представленія; а теперь Пихлеръ только «пожелалъ получить мѣсто въ публичной библіотекѣ»—и г. Деляновъ уже сносится съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и съ министромъ народнаго просвѣщенія—и Пихлеру даютъ мѣсто хотя и сверхштатное, но съ жалованьемъ 3.000 р. Повторяемъ: далеко ли мы ушли въ эти полтораста лѣтъ? На сколько уменьшилось въ насъ чувство поклоненія всякой заморской диковинкѣ? Впрочемъ, вопросъ о томъ, какъ и за чемъ собственно Пихлеръ былъ приглашенъ въ Россію, въ отчетахъ о судебномъ процесѣ остается не вполнѣ выясненнымъ. Мы знаемъ только изъ словъ г. Делянова, что первоначально онъ былъ приглашенъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ какъ извѣстный ученый, богословъ, занимающійся каноническимъ правомъ и церковною исторіею. Но для какихъ собственно занятій былъ приглашенъ Пихлеръ—остается неизвѣстнымъ. Самъ же Пихлеръ показываетъ, что его пригласили для того, чтобы ознакомиться съ публичною библіотекою. Но изъ словъ защитника видно, что онъ отправлялся изъ Баваріи въ Россію не для одного ознакомленія съ библіотекою, что, при нынѣшнихъ путяхъ сообщенія, легко было достигнуть временною поѣздкою, а какъ-бы переселялся въ Россію совсѣмъ, на житье. А такъ какъ онъ уже только въ послѣдствіи, нѣсколько времени спустя по пріѣздѣ въ Россію, какъ-бы случайно, по выраженію обвинительной власти, попалъ на службу въ библіотеку, то и остаются недосказанными какъ самая цѣль его приглашенія, такъ и условія. Извѣстно только, что русское правительство посылало его въ Римъ на вселенскій соборъ и дало ему на поѣздку 2.500 р., и что какое-то лицо изъ православнаго духовенства доносило правительству о немъ, какъ опасномъ человѣкѣ и езуитѣ; но по какому случаю — тоже неизвѣстно. Самъ Пихлеръ свои частыя изчезновенія изъ библіотеки, раза по три въ одно утро, объяснялъ тѣмъ, что онъ ходилъ въ министерство съ порученіями, которыя ему давались. А изъ послужного его списка видно, что онъ за оказанныя правительству услуги награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й степени. Вообще, намъ кажется, что первоначальная дѣятельность Пихлера въ Россію—довольно таинственна.

Digitized by Google

Какъ же смотрѣлъ Пихлеръ на Россію, когда переселялся къ намъ? За полтораста лѣтъ тому назадъ нѣмецкіе ученые ѣхали въ Россію какъ въ страну варваровъ; на науку смотрѣли они какъ на свой товаръ, который продавали Россіи,—но не русскому народу, по извѣстной цѣнѣ и съ извѣстными льготами, на пр., съ тѣмъ, чтобы на товарѣ этомъ постоянно находилось нѣмецкое клеймо. Но тогда, по крайней мѣрѣ, торгъ былъ открытый, условія были извѣстны обѣимъ сторонамъ. А теперь такой же нѣмецкій ученый смотритъ такъ же на Россію, какъ смотрѣли его предки: по его взгляду, русскіе — варвары, толку въ книгахъ не смыслятъ и цѣны имъ не знаютъ; если имѣютъ книги, то имѣютъ ихъ такъ, по тому только, что достались имъ книги; и въ этомъ случаѣ они похожи на того дикаря, который, желая похвастаться, что у него есть библіотека, велѣлъ сдѣлать шкафы и на переднихъ дверцахъ нарисовать корешки книгъ. По понятію Пихлера о Россіи, только въ Россіи возможно, чтобы изъ Публичной библіотеки пропадали книги тысячами томовъ, и что нигдѣ въ другихъ странахъ это невозможно; что только въ Россіи можно красть книги какъ дрова. Но настоящія условія, на которыхъ онъ переселялся въ Россію и которыя сложились въ немъ подъ такимъ взглядомъ на Россію, онъ затаилъ и не высказалъ, такъ что въ этомъ случаѣ онъ поступилъ недобросовѣстно и не такъ какъ поступали первые нѣмецкіе піонеры. Впрочемъ такъ поступаетъ уже большая часть заграничныхъ выходцевъ. Они не высказываютъ вслухъ, а только про себя задаются тою мыслію, что идутъ облагодѣтельствовать (хотя и непрошенные) варварскую страну, и потому съ такимъ народомъ церемониться много нечего: его можно эксплуатировать какъ и чѣмъ угодно, и всѣ средства, честныя и безчестныя, дозволительны. Невыгода Россіи противъ прежняго столѣтія та, что теперь эти и подобныя условія ей не предъявляются вслухъ, а ея благодѣтели ставятъ ихъ только для самихъ себя и про себя и исполняютъ ихъ, не спрашиваясь ея согласія. Одни закупаютъ у нея по окраинамъ земли въ громадномъ количествѣ, другіе заводятъ внутри ея цѣлые служебные отдѣлы съ нѣмецкимъ языкомъ и патріотизмомъ; третьи забираютъ въ свои руки цѣлыя отрасли промышленности и т. д. А Пихлеръ подобрался къ книгамъ. Что иностранному ученому брать книги изъ русскаго хранилища нравственно-дозволительно, такъ объ этомъ и рѣчи нѣтъ: за чѣмъ варварамъ книги? Но такъ какъ и въ варварской землѣ есть наружные порядки, то нужно только не нарушать этихъ порядковъ и брать осторожно, тихонько. Одна уже возможность зарожденія такой мысли въ умѣ нѣмецкаго ученаго показываетъ, что въ полтораста лѣтъ мы не далеко подвинулись во мнѣніи западнаго міра. Къ чему же привели всѣ эти ухаживанія наши за общественнымъ мнѣніемъ Европы: чѣмъ больше стараемся мы угодить на вкусъ ея, не замѣчая, что она съ умысломъ еще привередничаетъ и притворяется, тѣмъ болѣе внутренно презираетъ насъ она! Этого мало.

Digitized by Google

Въ лицѣ Пихлера нѣмецкая ученость, а можетъ быть и не она одна, торжественно на судѣ дала почувствовать, что она считаетъ насъ какими-то дурнями, довѣрчивыми простячками, людьми низшей расы, пригодными лишь на матеріалъ для высшей, нѣмецкой расы. Это слишкомъ было ощутительно, когда Пихлеръ позволялъ себѣ наивныя оправданія въ родѣ слѣдующихъ:

Мѣшокъ для воровства книгъ, онъ завелъ по совѣту своего учителя, который обладалъ подобнымъ мѣшкомъ для тасканія книгъ изъ мюнхенской библіотеки (въ которой впрочемъ пропажи книгъ не случалось), и что въ пользѣ мѣшка онъ убѣдился. Примѣръ нѣмецкаго ученаго, въ добавокъ—учителя Пихлерова, долженъ быть для русскихъ священнымъ; онъ—несокрушимая оборона и для мѣшка Пихлерова, тѣмъ болѣе, что самъ Пихлеръ убѣдился въ его пользѣ.—Какъ не убѣдиться, когда въ немъ онъ перетаскалъ незамѣтно до 4.600 книгъ!

Будучи въ качествѣ библіотекаря, имѣвшаго права, а не обязанности, онъ полагаетъ, что право его состоитъ въ томъ, чтобы пользоваться богатствами библіотеки неограниченно, ни въ чемъ не стѣсняясь.—Значитъ, только несчастные русскіе несутъ обязанности, а нѣмецъ, не русскій подданный и не присягавшій на службу, на столько выше ихъ, что ему подобаетъ лишь право безграничнаго пользованія книгами, а слѣдовательно и присвоенія ихъ себѣ.

Книги похищаются и, чтобы скрыть всякій слѣдъ,—похищаются съ ними вмѣстѣ изъ каталога и карточки, на которыхъ онѣ значатся. А Пихлеръ увѣряетъ очень наивно, что эти карточки онъ клалъ себѣ въ карманъ по ошибкѣ, или же по разсѣянности. Русскій судъ долженъ вѣрить, что 229 карточекъ, всѣ до одной, лишь по ошибкѣ, или отъ разсѣянности очутились въ карманѣ нѣмецкаго ученаго. О каждой книгѣ, которую библіотекарь беретъ къ себѣ, оставляется записка. Такъ будто бы и Пихлеръ сдѣлалъ, желая оставить записку на верху въ одной изъ библіотечныхъ комнатъ и вложивъ ее въ письмо; да, видите ли, вѣроятно, по ошибкѣ онъ положилъ ее вмѣстѣ съ письмомъ не въ шкафъ библіотечный, а.... къ себѣ въ карманъ.—Добродушные и легковѣрные русскіе должны повѣрить этому объясненію; да они и не смѣютъ не вѣрить нѣмецкому ученому.

Г. Деляновъ говоритъ Пихлеру весьма непріятныя для него вещи, такія, которыя онъ не смѣетъ даже повторить передъ судомъ. А Пихлеръ, изволите видѣть, изъ слова «подлецъ», сказаннаго ему въ глаза, не могъ усмотрѣть, что его принимаютъ за вора: иначе, еслибы его спросили, не находятся ли пропавшія книги у него, то онъ сказалъ бы, что онѣ находятся у него.—Экая, подумаешь, простота сердечная! И этой простотѣ русскій человѣкъ обязанъ повѣрить.

Съ книгъ стирался орелъ, соскабливалась, или сдиралась даже кожа и на это мѣсто наклеевались ярлыки съ обозначеніемъ владѣльца ихъ

Digitized by Google

Пихлера. Этою операціею занималась Виммеръ, назвавшаяся родственницею Пихлера и жившая съ нимъ на одной квартирѣ. Но хотя этой операціи подверглось поболѣе тысячи книгъ, однако это дѣлалось совершенно неумышленно, чтобы привести въ порядокъ библіотеку Пихлера и сдѣлать ему этимъ сюрпризъ ко дню возвращенія его изъ Рима. За объясненіемъ насчетъ подобной операціи Пихлеръ отсылалъ судъ къ Виммеръ, какъ будто самъ ничего знать не зналъ и вѣдать не вѣдалъ. По его убѣжденію, судъ долженъ былъ повѣрить на слово родственницѣ нѣмецкаго ученаго, хотя у суда и имѣлась въ виду попытка Пихлера научить свою названную двоюродную сестру, какъ держать себя при допросѣ на судѣ и какъ отвѣчать.

Изъ дорогихъ книгъ Пихлеръ вырѣзывалъ гравюры, и русскій судъ долженъ ему вѣрить, что это онъ дѣлалъ совершенно невинно, потому что онъ чувствовалъ къ картинкамъ такое сильное влеченіе, какъ ребенокъ.

Книги по большей части были упакованы въ бумагу, какъ это обыкновенно дѣлается для отправки, и уложены въ ящикахъ, а самые ящики заколочены. Виммеръ пыталась отвести ихъ на варшавскую желѣзную дорогу. Но не смотря на свидѣтельскія показанія, Пихлеръ и Виммеръ отрицаютъ то, что ящики были заколочены; а напротивъ утверждаютъ, что такъ удобнѣе было пользоваться книгами при ученыхъ занятіяхъ, потому что для сбереженія книгъ отъ порчи при частомъ ихъ употребленіи нужно было завертывать ихъ въ бумагу и укладывать въ ящики. Русскій судъ долженъ былъ повѣрить этому улучшенному способу пользованія книгами, и кому же въ этомъ больше повѣрить, какъ не знаменитому нѣмецкому ученому,—нѣтъ нужды, что многіе ящики съ книгами стояли въ кухнѣ и служили кухоннымъ столомъ.

Одна изъ подчищенныхъ Пихлеромъ книгъ была въ серебряной оболочкѣ; но при обыскѣ уже не оказалось на книгѣ оболочки: она была сорвана и, вѣроятно, продана. Для русскаго тутъ ничего не можетъ быть страннаго: такова у нѣмецкаго ученаго можетъ быть безкорыстная любовь къ книгамъ—книгоманія.

Нѣтъ! Подобная притворная, езуитская наивность объясненій есть дерзкая насмѣшка надъ русскимъ человѣкомъ, надъ русскимъ судомъ. Если Пихлеръ не езуитъ, то все-таки навѣрное онъ вышелъ изъ школы езуитовъ. Онъ всегда ходилъ неслышными шагами въ резинковыхъ калошахъ или мягкихъ сапогахъ, въ длиннополомъ пальто, уходилъ обыкновенно быстро и при этомъ походка его была странная: онъ выпячивалъ грудь и откидывалъ руки назадъ и щелкалъ пальцами; когда разговаривалъ—никогда прямо въ глаза не смотрѣлъ. Въ своихъ отвѣтахъ на судѣ онъ явно расчитывалъ на низкую степень нравственныхъ способностей русскаго человѣка; онъ думалъ одурачить русское общество; онъ просто издѣвался надъ нимъ, на самый судъ смотря только

Digitized by Google

какъ на очистительную формальность. Какъ бы то ни было, но ужь если онъ прибѣгнулъ къ притворному простодушію, къ мнимому непониманію того, что дѣлалъ, и если на этой наивности построилъ свое оправданіе: то, надо сознаться, не далеко ушелъ онъ, не далеко ушли и его нѣмецкіе собратія въ оцѣнкѣ русскаго человѣка, русской земли, русскаго народнаго достоянія!

Если мы прибавимъ къ этому еще другой мотивъ, употребленный Пихлеромъ для того, чтобы обойти судъ; а именно: онъ полагаетъ, что признаніе его виновнымъ произведетъ весьма грустное впечатлѣніе на самого Делингера и сверхъ того, благодаря покровительству г. товарища министра, Пихлеръ познакомился съ высокопоставленными лицами, на которыхъ этотъ приговоръ также повліяетъ весьма вредно для него; если примемъ въ соображеніе этотъ езуитскій мотивъ и явное глумленіе надъ судомъ, для котораго впечатлѣніе Делингера должно было быть дороже правды и народной самостоятельности,—то мы поймемъ, какъ должно было дрожать сердце всѣхъ русскихъ, бывшихъ на судѣ, когда они ожидали приговора присяжныхъ; мы оцѣнимъ также и ту услугу, которую оказалъ судъ присяжныхъ чести цѣлаго русскаго народа, разсѣявъ тотъ ложный духъ надмѣннаго господства, мнимую увѣренность въ превосходствѣ, доходившую до политическаго «не смѣй меня трогать», наконецъ то наглое презрѣніе, которыя, какъ видно, и доселѣ питаются сынами нѣмецкаго фатерланда и благодѣтельными культуртрегерами относительно славянъ и русскихъ въ особенности. Здѣсь дѣло шло не объ одной простой кражѣ; нѣтъ, судя по пріемамъ подсудимаго и взглядамъ, которые онъ усвоилъ какъ въ совершеніи самаго преступленія, такъ и въ способахъ оправданія, здѣсь дѣло шло о томъ, равенъ ли русскій человѣкъ своею нравственною выдержанностію, зрѣлостію и стойкостію съ нѣмцемъ, или уступаетъ ему хотя бы даже по привычкѣ низкопоклоничанья передъ иностранцемъ, къ чему мы такъ привыкли.

Не будь такого самостоятельнаго судебнаго приговора, нѣмецкіе ученые торжествовали бы и, вѣроятно, не отреклись бы они отъ своего собрата Пихлера, какъ это сдѣлали они теперь, лишь только судъ сумѣлъ выдержать себя въ дѣлѣ объ иностранцѣ. Въ минуту впечатлѣніе Делингера и мнимое вліяніе высокопоставленныхъ лицъ разлетѣлись какъ дымъ, потому что все это было только придумано для того, чтобы обморочить русскихъ людей, какъ иногда придумывается и въ другихъ случаяхъ относительно иностранцевъ нѣчто подобное и не безъ успѣха.

А торжество нѣмцевъ чуть было не совершилось. Пихлеръ такъ былъ увѣренъ въ своей безопасности, что когда приняты были нѣкоторыя мѣры предосторожности въ виду непрерывно продолжавшейся пропажи книгъ, то онъ два раза выражалъ, что эти мѣры оскорбляютъ его, что

Digitized by Google

подозрительность для него обидна. Изъ печатныхъ отчетовъ мы не видимъ, кому принадлежитъ инициатива уголовнаго преслѣдованія Пихлера съ необходимыми при этомъ мѣрами пресѣченія возможности скрыть слѣды преступленія или уклониться отъ суда; но мы хорошо видимъ, что похищенное имущество Публичной библіотеки висѣло, такъ сказать, на ниточкѣ. По объясненію самого г. Делянова, принятыя мѣры предосторожности должны были образумить Пихлера и указать ему, что его подозрѣваютъ, и что, слѣдовательно, онъ долженъ сдѣлаться осторожнѣе. Ну, что еслибы, наворовавъ уже тысячи книгъ, онъ, въ слѣдствіе этихъ мѣръ, сдѣлался осторожнѣе и пересталъ таскать книги? Вѣдь тогда у него не было бы обыска, и русское народное богатство, упакованное въ ящики, уѣхало бы по варшавской желѣзной дорогѣ. Не такъ поступилъ директоръ мюнхенской библіотеки. По одной частной просьбѣ г. Делянова «узнать, какъ нибудь», нѣтъ ли у Пихлера, въ его мюнхенскомъ складѣ, книгъ съ такими-то знаками или поврежденіями, директоръ не поцеремонился немедленно произвести формальный обыскъ совмѣстно съ полиціею. Между тѣмъ начальство Публичной библіотеки всякую подобную мѣру считало «жестокою», не смотря на явныя улики, какъ напр. на книги, выпавшія однажды изъ-подъ пальто Пихлера, когда онъ выходилъ изъ библіотеки. Книги изчезали на глазахъ библіотекарей, весь городъ говорилъ уже о пропажѣ книгъ изъ Публичной библіотеки, а начальство придумывало только средство пощупать Пихлера поделикатнѣе и побезобиднѣе. Что еслибы Пихлеръ, будучи менѣе самоувѣренъ, назначилъ канунъ чистки своего пальто конечнымъ срокомъ похищенія книгъ? Гдѣ бы тогда были доказательства его преступленія? Такимъ образомъ поставлена была очень неравновѣсная по своимъ частямъ дилемма: или швейцаръ почиститъ пальто на Пихлерѣ, или Публичная библіотека останется безъ 4.600 книгъ, въ томъ числѣ многихъ весьма цѣнныхъ. Для насъ остается загадочнымъ и то, что Виммеръ, когда уже 3-го марта открыто было преступленіе, собралась куда-то переѣхать и уже наложила на ломового извощика ящики, но была остановлена полиціею, при чемъ подъ тремя юбками, на ней надѣтыми, найденъ былъ ея заграничный пачпортъ, о которомъ она сказала прежде, что потеряла его. Мы не понимаемъ также и того, что, по показанію слѣдователя г. Ламанскаго, Пихлеръ 5-го марта былъ освобожденъ отъ ареста и затѣмъ собрался ѣхать за границу и уже опять 10 марта по распоряженію г. Ламанскаго былъ снова арестованъ *при отъѣздѣ*. Какъ могъ Пихлеръ собраться ѣхать за границу и уже быть на отъѣздѣ (въ минуту арестованія)? Вѣдь онъ не собирался бѣжать и былъ арестованъ не на побѣгѣ, но при отъѣздѣ; а если отъѣзжалъ, то для этого долженъ былъ имѣть законное дозволеніе своего начальства? Какъ согласить съ этимъ отъѣздомъ то, что въ послужномъ спискѣ онъ значится уволеннымъ отъ службы 16-го марта?..

Digitized by Google

Приговоръ присяжныхъ убѣдилъ Пихлера, что здравый смыслъ есть и у насъ; что и у насъ судъ охраняетъ общественные интересы и на столько самостоятеленъ, что не уронитъ національной чести. Окружный судъ приговорилъ Пихлера къ ссылкѣ на житье въ Тобольскую губернію съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ и по состоянію правъ и преимуществъ, а также и ордена. Сообщница его, Виммеръ, приговорена къ высылкѣ за границу.

Въ то самое время, когда исключительный судъ или такъ называемое особое присутствіе, безъ обычнаго состава присяжныхъ, продолжало еще разсматривать дѣло нѣсколькихъ лицъ русской молодежи, большею частію, средняго и недостаточнаго слоя общества, обвиняемыхъ въ заговорѣ противъ государственной власти,—въ это самое время обыкновенный судъ присяжныхъ былъ призванъ въ кассаціонный сенатъ, чтобы съ особенною торжественностью, свидѣтельствующею о высокомъ положеніи подсудимыхъ, произнести рѣшеніе надъ участью зрѣлыхъ, даже пожилыхъ людей, при томъ людей не бѣдныхъ, не темныхъ, не неизвѣстныхъ по своему происхожденію; а напротивъ этотъ торжественно обставленный судъ, на который нѣтъ даже и права кассаціи, судилъ людей со средствами, людей извѣстныхъ фамилій, дворянъ россійской имперіи, вмѣстѣ съ ихъ губернскимъ предводителемъ,—особой, какъ извѣстно, не маловажной не только по провинціальнымъ понятіямъ, но даже и по закону состоящей въ генеральскомъ чинѣ. Но эти опытные и зрѣлые мужи благороднаго россійскаго дворянства обвинялись не въ составленіи заговора противъ государственной власти, не въ образованіи тайнаго общества съ цѣлью ниспроверженія существующаго порядка управленія въ Россіи,—нѣтъ, представители вѣрнаго престолу и отечеству русскаго дворянства обвинялись просто въ обыкновенномъ житейскомъ преступленіи — въ растратѣ общественныхъ денегъ. Впрочемъ, чтобы точнѣе выразиться въ подобныхъ щекотливыхъ случаяхъ, слѣдуетъ точнѣе опредѣлить, въ чемъ обвинялись гг. дворяне. Собственно губернскій предводитель обвинялся въ томъ, что тратилъ общественныя суммы на свои надобности и давалъ ихъ взаймы другимъ безъ всякаго права; далѣе въ томъ, что послѣ открытія подобной растраты не возвратилъ добровольно растраченныхъ суммъ; наконецъ въ томъ, что взялъ у своего близкаго знакомаго выкупное свидѣтельство подъ сохранную росписку, а господамъ дворянамъ сказалъ, что онъ пріобрѣлъ это свидѣтельство на имя дворянства, т. е., дозволилъ себѣ—какъ сказано въ обвинительномъ актѣ—съ выкупнымъ свидѣтельствомъ по его же, опять таки, словамъ, поступокъ, имѣющій видъ подлога. Другіе дворяне обвинялись въ гораздо меньшей степени участія въ преступленіи, совершенномъ ихъ предводителемъ. Такъ, г. уѣздный предводитель обвинялся лишь въ пріемѣ отъ губернскаго предводителя суммъ безъ соблюденія установленныхъ правилъ и въ недонесеніи о растратѣ; казначей обвинялся какъ въ недонесеніи, такъ и въ

Digitized by Google

содѣйствіи губернскому предводителю въ его преступленіи чрезъ скрытіе, въ теченіи четырехъ лѣтъ, этой растраты. Наконецъ, 13 депутатовъ обвинялись въ томъ, что они производили лишь одну мнимую повѣрку дворянскихъ суммъ вмѣсто дѣйствительной. Само собою разумѣется, что цифра растраты была соотвѣтствующая или, лучше сказать, приличная званію обвиняемаго, какъ дворянина. Только люди изъ простонародія попадаютъ на скамью подсудимыхъ за кражу со взломомъ на какія нибудь 40 к., какъ это было, на пр., въ первую половину августа въ московскомъ судѣ присяжныхъ. И г. предводитель именно обвинялся въ растратѣ 62 тысячъ, какъ высчитала обвинительная власть, хотя по даннымъ она предполагалась въ большемъ размѣрѣ, въ 78 т. И то выкупное свидѣтельство, которое г. предводитель назвалъ обманно принадлежащимъ дворянству, также было значительной цѣнности, на сумму слишкомъ 27 тысячъ. Словомъ, внѣшняя сторона предмета обвиненія, не говоря объ его свойствѣ, оказывалась вполнѣ приличною подсудимымъ изъ привиллегированнаго сословія.

Читатель, вѣроятно, догадался, что мы говоримъ о дѣлѣ бывшаго владимірскаго губернскаго предводителя дворянства М. И. Огарева и другихъ владимірскихъ дворянъ, процесъ которыхъ разсматривался 21 и 22 августа судомъ присяжныхъ въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ сената. Процесъ этотъ имѣетъ типическій характеръ, общія, назидательныя качества. Онъ—явленіе вполнѣ жизненное, въ глубь и въ ширь захватывающее бытъ нашего передового сословія; данныя, въ немъ заключающіяся, не имѣютъ характера исключительности, одиночности, не представляютъ лишь поверхностнаго нароста, наружной болѣзни. Всѣ признаки обвиненія, всѣ условія преступленія, несомнѣнно указываютъ на порочность самой сердцевины нашего нравственнаго существа. Преступленіе это представляется результатомъ пораженія самого мозга нашего общественнаго организма, если таковымъ признавать верхніе слои русскаго народа. Дѣйствительно, обвиненіе г. Огарева и его товарищей есть прежде всего преступленіе по должности. Такія преступленія весьма свойственны нашему управляющему населеніемъ сословію, будутъ ли то должностныя лица по опредѣленію отъ правительства, либо по выборамъ; будутъ ли то представители старыхъ учрежденій, еще не совлекшихъ съ себя старыя формы, еще не утратившихъ ветхозавѣтный духъ, каковы, на пр., предводители дворянства, или квартальные надзиратели; будутъ ли то лица, принадлежащія къ учрежденіямъ новымъ, которыми мы такъ желали бы гордиться, на пр., земскимъ. Еще на дняхъ было объявлено, что товарищъ прокурора с.-петербургскаго окружнаго суда, Купферъ, обвиняемый въ преступленіяхъ по должности, разыскивается псковскимъ окружнымъ судомъ. И опять-таки на дняхъ же псковское земство не досчиталось въ своей кассѣ значительной денежной суммы, которая въ одно прекрасное утро исчезла вмѣстѣ съ кн. Шаховскимъ.

Digitized by Google

Наконецъ все равно, кто бы ни былъ это должностное лицо, членъ ли земской управы, или волостной старшина, какую бы ступень онъ ни занималъ на лѣстницѣ должностей, вездѣ и всюду часто встрѣчаются обвиняемые въ этомъ родѣ. Еще нужно признать, что такіе обвиняемые, по трудности и сложности процедуры преданія ихъ суду, встрѣчаются далеко рѣже на скамьѣ подсудимыхъ, чѣмъ въ жизни. Всѣ знаютъ, что уголовный законъ въ этомъ отношеніи строже, чѣмъ наши нравы, наши привычки и сила преданій въ правительствѣ; всѣмъ извѣстно, что лишь ничтожный процентъ совершившихъ преступленіе по должности вызываетъ противъ себя преслѣдованіе. Неисполненіе обязанностей по должности, превышеніе власти, явное злоупотребленіе своими правами—все это такія обыденныя, такія привычныя явленія нашего житья-бытья, что наши нервы притупились для распознаванія ихъ; мы большею частію даже не замѣчаемъ всего этого угара нерадѣнія, упущенія, лѣни, превышенія. Гдѣ же послѣ этого искать намъ въ себѣ силы, чтобы преслѣдовать всю эту массу зла, когда у насъ не хватаетъ даже времени и охоты гласно заявлять, не говоримъ въ печати, даже въ устной рѣчи, о всѣхъ этихъ дѣяніяхъ царящаго произвола, доказывающихъ, что строй нашего должностнаго быта, въ слѣдствіе общественнаго недуга, еще далеко не проникнутъ строгою законностью.

Не въ этомъ только одномъ процесъ г. Огарева имѣетъ типическій характеръ. Онъ имѣетъ еще одинъ общій признакъ преступленій должностныхъ лицъ:—въ немъ идетъ рѣчь о растратѣ суммъ, ввѣренныхъ должностному лицу для храненія и расходованія. Растрата такихъ суммъ, какъ извѣстно, нерѣдко встрѣчается и въ средѣ правительственныхъ агентовъ. Вспомнимъ процесы тайнаго совѣтника Гаевскаго или дѣйствительнаго статскаго совѣтника Вердеревскаго и др. Онъ встрѣчается и въ средѣ волостного и сельскаго крестьянскаго управленія; о немъ даже заявлялось въ послѣдніе годы и въ средѣ юныхъ земскихъ учрежденій. Но особенно сильно развито это преступленіе—растрата общественныхъ суммъ и неправильное расходованіе ими—въ сословныхъ управленіяхъ. Государственная казна, общественныя деньги—для насъ, въ нашихъ общихъ ходячихъ понятіяхъ, еще не такая святыня, оберегать, соблюдать которую слѣдуетъ во всей неприкосновенности, больше чѣмъ собственный карманъ, чѣмъ даже свою жизнь. Мы еще далеко не всосали въ свои нравы того убѣжденія, что казенный рубль есть собственность всего русскаго народа,—собственность, добытая потомъ и кровью бѣднаго труженика, есть имущество, купленною цѣною неустаннаго чрезмѣрнаго труда, цѣною болѣзни истощеннаго работой гражданина, цѣною его лишеній физическихъ и нравственныхъ, иногда цѣною жизни. Мы еще мало проникнились тою мыслью, что всякій, приставленный къ общественному сундуку, какъ бы высоко ни было его должностное положеніе, не болѣе какъ слуга, прикащикъ русскаго народа, обязанный передъ нимъ отчетностью въ расходованіи каждой копѣйки, подлежащій

Digitized by Google

какъ передъ его офиціальнымъ, такъ еще болѣе нравственнымъ судомъ отвѣтственности во всякой денежной тратѣ общаго достоянія. Да и откуда впрочемъ набраться правящему класу такихъ святыхъ, геройскихъ понятій, хотя они въ сущности просты и естественны, когда кругомъ него и подъ нимъ стоитъ не развитая масса управляемыхъ, еще не доросшая до сознанія, что казна общественная и государственная составляетъ ея достояніе, ея трудовыя деньги; что она хозяинъ этого добра, и, какъ хозяинъ и господинъ, можетъ требовать отчета въ каждой копѣйкѣ отъ распорядителей ея добромъ. При наличности этой темной, невѣжественной силы, люди, всегда падкіе на легкое устройство своего частнаго благосостоянія, охотно протягиваютъ руку къ этой казнѣ, собранной съ темной силы. Полупросвѣщенные, вкусившіе сладость праздной, развратной, нерасчетливой жизни, эти люди наперерывъ запускаютъ лапу въ трудовую кассу, въ общую казну, и получаютъ оттуда подъ видомъ жалованій, пенсій, единовременныхъ пособій, наградъ и т. п. большіе, или меньшіе куши на свой прожитокъ. Всѣ эти такъ называемые законные способы расходованія общей казны ни въ комъ не возбуждаютъ и тѣни вопроса, который могъ бы потревожить чистую совѣсть или по крайней мѣрѣ сознаніе, еще не утратившее въ себѣ всей чуткости къ распознаванію дѣйствительнаго положенія дѣлъ. Число жаждущихъ питаться отъ общественной трапезы постоянно ростетъ; по закону того же прогреса явленій, ростетъ и доля питаній каждаго:—изъ года въ годъ общая касса все увеличивается и увеличивается по своему бюджету, а истинный хозяинъ этой кассы по прежнему коснѣетъ въ невѣжествѣ и невѣдѣніи. Этотъ хозяинъ не только не думаетъ спросить у своего приходорасходчика, куда онъ дѣлъ, на что употребилъ доходы съ его труда; но онъ самъ, полупросвѣтившись, спѣшитъ пристать къ сонму приходорасходчиковъ и запустить горсть въ общій сундукъ за своимъ паемъ. При такомъ господствующемъ воззрѣніи на общественную казну, нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что часто встрѣчаются случаи растраты и неправильнаго расходованія должностными лицами общественныхъ суммъ. Особенно это явленіе должно принять хроническій характеръ въ сословномъ управленіи, въ сословномъ хозяйствѣ. Здѣсь воззрѣнія на задачи и интересы общественнаго хозяйства узки, обусловливаются только исключительными сословными цѣлями; здѣсь понятія о правильномъ расходованіи тѣсно связаны съ особенными понятіями сословія о чести. Что съ общеземской государственной точки зрѣнія будетъ расточительностью, нерасчетливымъ хозяйствомъ, то, при господствѣ ложныхъ сословныхъ предразсудковъ и воззрѣній, можетъ казаться правильнымъ и цѣлесообразнымъ. Таковъ уже общій законъ всѣхъ явленій сословности: здѣсь все, какъ и самое начало, самый принципъ сословія, узко, отстало. Независимо отъ этого общаго направленія всего сословнаго хозяйства, оно должно страдать еще и по тому, что оно есть

Digitized by Google

хозяйство ограниченнаго числомъ членовъ общества, и притомъ такого общества, которое болѣе однородно по своимъ воззрѣніямъ, чѣмъ всякая другая общественная хозяйственная единица. Кромѣ того, здѣсь одно и то же лицо—сегодня выборный представитель хозяйства, а завтра лишь избиратель; сегодня—лицо дѣйствующее, а завтра контролирующее, сегодня—депутатъ, предводитель, а на другой день—только простой дворянинъ, съ однимъ своимъ голосомъ. При малочисленности сословнаго общества и при отчужденіи вовсе отъ дѣлъ многихъ лучшихъ членовъ его, почти всѣ остальные были причастны управленію его дѣлами, или управляютъ ими въ настоящую минуту. Отсюда каждый искусился въ практикѣ сословнаго хозяйства, каждый окунулся въ интересы его. Кажется, тутъ-то и искать бы порядка да бережливости въ дѣлахъ сословнаго хозяйства; но нѣтъ, эта практика запутаетъ въ человѣкѣ последніе слѣды честнаго пониманія общественныхъ интересовъ. А тутъ на помощь этому разлагающему, растлѣвающему вліянію общаго направленія идутъ еще сословные недостатки: ложныя представленія о чести, какой-то уродливый стыдъ бережливости и наконецъ чрезмѣрная расточительность, считающаяся у дворянства самою приличною, щеголеватою вывѣскою мнимой силы и значенія. И вотъ подъ этими-то вліяніями складываются тѣ необходимыя условія, при которыхъ представители сословнаго управленія являются виновниками растраты сословныхъ суммъ. Здѣсь они въ своихъ безразсудныхъ поступкахъ служатъ лишь выраженіемъ убѣжденій и взглядовъ самого сословія. Представитель не тайно, не скрытно отъ своихъ избирателей ведетъ нерасчетливо хозяйство, расточаетъ общественныя суммы, растрачиваетъ сословныя капиталы; нѣтъ, онъ воочію всего общества, въ виду всѣхъ его членовъ, дѣйствуетъ такимъ образомъ, не встрѣчая ни отнуда протеста до какого нибудь крутого поворота дѣлъ. Онъ растрачиваетъ деньги не для себя исключительно, а для поддержанія ложнаго достоинства всего сословія, мишурнаго блеска своей должности. Торжественные обѣды, великолѣпные пріемы, жизнь на широкую ногу съ ослѣпляющею роскошью обстановкой—все это совершается на глазахъ у всѣхъ, и все это дѣлается во имя ложно понятыхъ интересовъ, во имя сословной представительности, во имя, наконецъ, бытія самаго сословія, которое и можетъ держаться и существовать лишь благодаря такой искуственной поддержкѣ.

Эти общія соображенія подтверждаются какъ нельзя лучше картиной современнаго намъ сословнаго хозяйства благороднаго россійскаго дворянства. Сословіе это—ложное произведеніе, незаконное дитя русскаго народа, это болѣзненный наростъ на его организмѣ. Существуя и по сіе время въ нашемъ народѣ, дворянство, какъ сословіе, представляетъ какую-то отжившую корпорацію, имѣющую лишь историческій интересъ и поддерживаемую въ своемъ существованіи двумя-тремя привилегіями, готовыми не нынчѣ, такъ завтра рухнуть, да внѣшнимъ блескомъ своихъ

Digitized by Google

мнимыхъ заслугъ въ прошедшемъ и призрачнаго богатства въ настоящемъ. Воспитанное трудомъ крѣпостныхъ рукъ, наше барство не утратило еще привычки къ расточительности, къ жизни на широкую ногу, къ нерасчетливому хозяйству. Лишенное уже многихъ привиллегій, распространенныхъ на всѣ состоянія, дворянство лишилось главной— пользоваться даровымъ трудомъ своего согражданина-крестьянина. Но оно съ утратой этой почвы еще не отказалось отъ всѣхъ своихъ предразсудковъ и упорно держится за нихъ благодаря тому, что сословныя различія формально не уничтожены и по внѣшнему виду продолжаютъ существовать. Отсюда этотъ сложный взглядъ на необходимость какой-то особой представительности въ жизни каждаго дворянина, также какъ и въ жизни цѣлаго дворянскаго сословія; отсюда и эти фальшивыя понятія *о дворянской* чести, несходныя съ общими понятіями о человѣческомъ достоинствѣ, о честности каждаго гражданина, объ его долгѣ. Эти ложныя понятія и какая-то щекотливость заставляютъ дворянское сословіе отрицать необходимость строгой повѣрки, строгой отчетности въ веденіи общественнаго хозяйства, въ управленіи общественнымъ дѣломъ. Эти ошибочныя воззрѣнія и порождаютъ мысль, что служба дворянина своему обществу должна быть *безвозмездна*, что дворянинъ долженъ заниматься сословными дѣлами *изъ чести*. Но такой взглядъ является анахронизмомъ, онъ возможенъ лишь при существованіи рабства, онъ отрицаетъ великую истину, что каждый трудъ долженъ быть вознаграждаемъ, что въ переводѣ значитъ, что ни одинъ гражданинъ не долженъ быть празднымъ тунеядцемъ, и что каждый самъ долженъ заработать себѣ средства для жизни, въ чемъ бы ни состояли его занятія. Этотъ взглядъ невѣренъ не только въ теоріи, но въ практическомъ примѣненіи, потому что предполагаетъ способными къ занятію должностей лишь однихъ обезпеченныхъ вполнѣ въ своемъ существованіи; или же, въ противномъ случаѣ, онъ ведетъ къ нерадивому исполненію обязанностей и даже къ злоупотребленію властью и общественнымъ имуществомъ. Послѣдній выводъ, какъ нельзя болѣе подтверждается почти повсемѣстнымъ веденіемъ дворянскихъ дѣлъ. Почти общее явленіе въ дворянскомъ управленіи—неправильное расходованіе дворянскихъ суммъ, даже растрата ихъ, на которую не даромъ такъ снисходительно смотрятъ дворянскія общества. Почти общее явленіе— барское отношеніе къ своимъ обязанностямъ, при отправленіи которыхъ всегда проглядываетъ задняя мысль: все, что я дѣлаю, по моей охотѣ, по моей милости, потому что меня просятъ, мнѣ дѣлаютъ честь избраніемъ, и я дѣлаю честь, принимая избранное званіе. Процесъ г. Огарева какъ нельзя лучше подтверждаетъ эту мысль. Вы видите, что избираютъ человѣка на безвозмездную должность губернскаго предводителя, человѣка небогатаго, имѣющаго лишь 1.000 р. годового дохода. Дворянинъ говоритъ своимъ избирателямъ: я не обладаю достаточными сред-

Digitized by Google

ствами, чтобы расточать ихъ на поддержаніе ложнаго блеска дворянскаго сословія. Дворяне кричатъ со всѣхъ сторонъ: намъ нужны вы, именно вы! Вы поддержите честь нашего сословія! Мы за васъ отвѣчаемъ! Мы знаемъ, на что вы будете жить! Вы можете взять изъ дворянскихъ суммъ 12 т.! И вотъ человѣкъ, достигшій вершины избирательныхъ должностей, поощряемый этими возгласами, соглашается быть предводителемъ почтеннаго сословія,—говоримъ: *соглашается*; но это только по видимому, потому что окончательному согласію, по избитой тактикѣ выборовъ, предшествуетъ обыкновенно отказъ, и даже не однократный. Но на этотъ случай всегда готова своя *партія:* съ шумомъ и гамомъ приступаетъ она къ своему намѣченному заранѣе кандидату: «Баллотируйтесь! баллотируйтесь! Все собраніе васъ проситъ»! Тотъ ломается, а въ душѣ куда какъ хочется ему попасть на праздную службу по дворянскимъ выборамъ. Не совѣстливая повѣрка своихъ силъ передъ предстоящимъ общественнымъ долгомъ занимаетъ его въ это время, а видятся ему вдали или звѣзда, или чинъ дѣйствительнаго, зачастую сопровождающіе званіе губернскаго предводителя, или житье на дворянскій счетъ. Дворянство тысячными мелочами всегда пренебрегаетъ. Къ счастію, у этого сословія еще есть значительные капиталы, скопленные при существованіи крѣпостнаго права. Эти капиталы и пускаются въ ходъ. Часть ихъ тратится на пріемъ высокихъ особъ, часть идетъ на отправку разныхъ депутацій съ заявленіемъ патріотическихъ чувствъ, съ предложеніемъ устроить ополченіе; часть идетъ на пособіе дворянамъ, почувствовавшимъ маленькую нужду въ настоящее переходное время; часть, наконецъ, идетъ на поддержаніе внѣшняго достоинства предводительской должности; а еще часть идетъ на защиту служащихъ дворянъ во время ревизіи сенатора Капгера, ревизовавшаго губернію по Высочайшему повелѣнію. Странная роль губерскаго предводителя дворянства! Сенаторъ, во имя закона и законности, разсматриваетъ служебныя дѣянія и отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, а г. Огаревъ защищаетъ дворянъ отъ него! Спрашивается: правые, или неправые нуждались въ его защитѣ?— Но что грѣхъ таить! Мы знаемъ, что свое вліяніе въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи г. Огаревъ употреблялъ на то, чтобы лучшихъ мировыхъ посредниковъ, дѣйствовавшихъ законно, честно и справедливо, представлять въ сенатъ, понимая какъ-то иначе ихъ дѣйствія. Извѣстно, что этимъ всякій предводитель угодитъ крайнимъ стремленіямъ своего сословія, а чрезъ это заручится голосами въ свою пользу на слѣдующихъ выборахъ. Такъ и съ г. Огаревымъ случилось. Не только успѣлъ онъ, по соглашенію съ губернаторомъ, испросить отсрочку выборовъ на цѣлый годъ, но и послѣ четырехлѣтняго служенія, когда давно уже носились слухи о растратѣ, большинство дворянъ выбрали его вторично въ предводители, не повѣривъ своей кассы. Вотъ до чего доводитъ крайняя сословность. Г. Огаревъ былъ только наиболѣе рельефнымъ

Digitized by Google

ея выраженіемъ. Помимо безвозвратнаго расходованія суммъ, предводитель предлагаетъ слишкомъ 150 тысячный капиталъ, для женскаго института, превратить въ выкупныя свидѣтельства, конечно, съ цѣлію ускорить приращеніе капитала на это полезное дѣло. Дворяне соглашаются, все идетъ хорошо, но къ концу трехлѣтія начинаютъ ходить слухи, что капиталъ дворянства растраченъ.

Въ концѣ 1866 года коммисія депутатовъ, избранная для повѣрки денежнаго отчета по дворянскимъ суммамъ за трехлѣтіе съ 1863 года, съ года избранія въ предводители г. Огарева, возбудила, между прочимъ, вопросъ о предоставленіи ей повѣрки наличныхъ суммъ и капиталовъ, но не получила на это положительнаго отвѣта отъ собранія предводителей и депутатовъ. Г. же Огаревъ, предъ самымъ открытіемъ губернскаго дворянскаго собранія, предложилъ собранію предводителей и депутатовъ произвести эту повѣрку. Повѣрка эта состояла въ томъ, что г. Огаревъ вынималъ изъ сундука денежныя бумаги и пачки съ деньгами, показывалъ ихъ, не раскрывая, и провозглашалъ ихъ цѣнность, а кто изъ присутствующихъ желалъ, клалъ на счеты. Такимъ-то способомъ были повѣрены капиталы въ нѣсколько сотъ тысячъ. Нельзя не согласится, что такой пріемъ повѣрки—самый *благородный*, вполнѣ соотвѣтствующій истиннымъ понятіямъ о дворянской чести и вмѣстѣ близко граничащій съ пріемами и цѣлью фокусниковъ, потому что, по сознанію самого Огарева, эта повѣрка ввела первоначально въ заблужденіе все дворянство. Послѣ того провозгласили, что капиталъ весь въ цѣлости, а потому дворянское собраніе оставило безъ послѣдствій какъ то заявленіе коммисіи, о которомъ мы сейчасъ упомянули, такъ и заявленіе 13 дворянъ, требовавшихъ повѣрки капитала чрезъ особыхъ депутатовъ. Затѣмъ, не смотря на отказъ, г. Огаревъ былъ вновь избранъ, но онъ, однако, не вступалъ въ должность и сдалъ суммы уѣздному предводителю дворянства. Сдача эта производилась тоже особеннымъ дворянскимъ способомъ. Сундукъ былъ принесенъ изъ казначейства, отпертъ г. Огаревымъ безъ бытности уѣзднаго предводителя, депутатовъ, казначея и бухгалтера. Г. Огаревъ положилъ туда, вмѣсто недостающихъ 18 тысячъ, свою росписку и сказалъ уѣздному предводителю, что деньги всѣ цѣлы. Уѣздный предводитель, какъ дворянинъ, конечно, не могъ и сомнѣваться въ словахъ дворянина, хотя тутъ же въ дворянскомъ сундукѣ лежало чужое выкупное свидѣтельство. И только черезъ три мѣсяца послѣ такого принятія дворянской кассы, уѣздный предводитель, и то словесно, сообщилъ о состояніи кассы новому губернскому предводителю. Хотя уѣздному предводителю и извѣстна была растрата, но онъ удостовѣрялъ своею подписью по книгамъ ежемѣсячно цѣлость дворянскихъ капиталовъ, не допуская къ этой подписи дворянскихъ депутатовъ. Но нужно думать, что и они не отказались бы сдѣлать эти подписи. По крайней мѣрѣ, въ бытность предводителемъ г. Огарева, депутаты подпи-

Digitized by Google

сывали ежемѣсячныя свидѣтельства денежныхъ суммъ и другія денежныя книги депутатскаго собранія безъ повѣрки, на самомъ дѣлѣ, капиталовъ дворянскаго собранія, «по всегдашнему заведенному издавна порядку и довѣрію къ лицу губернскаго предводителя дворянства».

Не менѣе характеристичнымъ для дополненія воззрѣнія дворянства на веденіе общественнаго хозяйства, представляется объясненіе дворянскаго казначея. Онъ говоритъ, что г. Огаревъ, съ самаго вступленія въ должность, получаемыя деньги на имя дворянства бралъ себѣ, а въ ящикъ клалъ росписки; что въ ящикѣ лежали росписки и другихъ дворянъ, бравшихъ деньги заимообразно, и, что онъ, казначей, въ силу существовавшаго обычая, не считалъ подобнаго явленія растратой, предполагая, что къ повѣркѣ и сдачѣ кассы деньги будутъ пополнены. Самъ же казначей считалъ себя чистымъ передъ дворянствомъ, когда, сдавая должность, получилъ отъ г. Огарева очистительную квитанцію.

Въ такомъ видѣ представляется кассовая сторона дворянскаго хозяйства; все здѣсь основывается на обычаѣ и на уваженіи къ лицу губернскаго предводителя дворянства. Хотя и есть казначей, хотя и есть депутаты, свидѣтельствовавшіе ежемѣсячно суммы, но все это оказывается одною простою декораціей. Хотя дворяне и избрали сами казначея, но, по объясненію его защитника, это былъ только *почетный титулъ*, не обязывавшій дворянскаго казначея знать о состояніи дворянской кассы, храненіе и веденіе которой по закону возложено на губернскаго предводителя. И депутаты, какъ оказывается также, совались не въ свое дѣло: ихъ обязанность состоитъ лишь въ веденіи родословныхъ книхъ благороднаго сословія.

Какой же выводъ, какое нравоученіе можно вывести изъ всего этого процеса, подтверждающаго наши общія соображенія, приведенныя выше? Прежде всего напрашивается вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли карать виновнаго въ подобной растратѣ и слѣдуетъ ли преслѣдовать уголовнымъ порядкомъ подобное правонарушеніе, еслибы даже гг. дворяне рѣшились простить предводителю своему растрату, и еслибы они, славные своимъ родословіемъ, даже поднесли ему сочувственные адресы? Мы думаемъ, что слѣдуетъ, если есть на это уголовный законъ, а такой законъ несомнѣнно есть, и если онъ съ строгостью прилагается къ мелкому чиновнику, то почему же его не приложить и къ лицу губернскаго предводителя и къ гг. дворянамъ? Послѣдніе, т. е., дворяне, какъ потерпѣвшія лица, какъ гражданскіе истцы, могутъ, конечно, не взыскивать съ растратившаго ихъ капиталъ; они даже, при извѣстномъ складѣ убѣжденій, могутъ ходатайствовать и о помилованіи такого предводителя: но едва ли можно одобрить прощеніе подобной суммы, собиравшейся крохами съ крестьянъ же въ блестящія времена дворянства. Подобный примѣръ прощенія—пагубный, заразительный примѣръ—на столь-

Digitized by Google

ко же опасенъ, какъ и отсутствіе вообще требованій отвѣтственности и отчетности въ расходованіи суммъ.

Но сознаемся, что еще не разъ и не два будутъ повторяться подобные процесы, не разъ и не два будутъ дворяне прощать предводителямъ растраты своихъ капиталовъ, толкуя эту растрату, согласно съ защитникомъ г. Огарева, въ смыслѣ «пособія, самому себѣ оказаннаго», или превращая ее въ «позаимствованіе», какъ выразился г. ковровскій уѣздный предводитель дворянства въ докладѣ владимірскому же дворянству, когда, послѣ трехлѣтняго служенія гр. Апраксина, преемника г. Огарева по званію губернскаго предводителя дворянства, опять въ дворянскихъ суммахъ оказался недочетъ въ 80 тысячъ. Виною тому, прежде всего, существованіе отдѣльнаго сословія дворянства. Уничтожьте его, слейте его съ земствомъ, и вы уничтожите корень зла—особенныя ложныя представленія о чести, ложное понятіе о сословной доблести, ложную дворянскую щекотливость. Только сліяніе сословій, только поглощеніе ихъ общимъ земствомъ можетъ изсушить въ конецъ источникъ подобныхъ преступленій. Только замѣненіе понятія дворянской чести понятіемъ о долгѣ гражданина, о чести земца, о достоинствѣ сына общей родины, можетъ уничтожить навсегда подобныя уродливыя явленія, каково денежное хозяйство дворянскаго сословія. Уваженіе же къ общественному сундуку, къ земской кассѣ, къ государственной казнѣ можетъ рости по мѣрѣ просвѣщенія всей массы русскаго народа и сліянія всѣхъ его интересовъ въ единый общій интересъ родной земли. Особенность же сословій, хотя бы и внѣшняя, прямо вредитъ этой важнѣйшей цѣли гражданскаго преуспѣянія. Впрочемъ, мы думаемъ, что не только владимірское дворянство, но и всякое другое постарается избѣгать по возможности подобныхъ грустныхъ явленій въ своей средѣ, послѣ того, какъ здравый общественный смыслъ въ лицѣ прокурора, въ его отвѣтныхъ рѣчахъ защитникамъ, прочелъ ему наставленіе, по видимому, очень простое и исполненное самыхъ общеизвѣстныхъ истинъ, но тѣмъ не менѣе оказавшееся необходимымъ для сословія, стоящаго во главѣ русскаго народа.

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

8 августа.

Процесъ комуны и съѣздъ въ Гаштейнѣ.—Главные интересы минуты.—Реакція во Франціи. Настроеніе печати и національнаго собранія.—Дѣло Рана.—Римскій вопросъ въ національномъ собраніи.—Упраздненіе столицы въ Парижѣ и проектъ децентрализаціи.—Его аристократическія тенденціи.—Результаты, добытые пока процесомъ комуны. — Кто виноватъ?—Столкновенія нѣмецкихъ войскъ съ французами и новыя дипломатическія затрудненія.—Ослабленіе Англіи.—Неудача въ Ирландіи.—Поѣздка принца Уэльскаго и митингъ, разогнанный полиціей; военная реформа.—Толки о Гаштейнѣ; вѣроятная и фиктивная цѣли съѣзда; отношеніе къ нему нѣмецкой и славянской печати.—Брюнскій праздникъ.—Требованія сербовъ.—Брошюра Гогенварта и распущеніе сеймовъ и думы.—Внутреннія дѣла Пруссіи: рабочее и клерикальное движеніе, скандальныя разоблаченія въ арміи, недовольство администраціи.—Отношенія Баваріи къ новой имперіи.

Общее вниманіе въ Европѣ въ настоящее время, бывающее обыкновенно порою политическаго затишья, поглощено двумя важными событіями, совершающимися на противуположныхъ концахъ нашей части свѣта. Во Франціи тянется, разростаясь все болѣе и болѣе въ длину, громадный процесъ комуны, разоблачая постепенно, фактъ за фактомъ, всѣ загадочныя и темныя доселѣ стороны возстанія, сумѣвшаго продержаться семьдесятъ три дня между двухъ опаснѣйшихъ огней и рухнувшаго зловѣщимъ и печальнымъ образомъ; доктрины, стремленія, характеры главныхъ дѣятелей всего движенія выясняются передъ судомъ европейскаго общественнаго мнѣнія, начинающаго понимать, какую больную, израненную сторону французской народной жизни оно видитъ передъ собою. Съ другой стороны, несутся слухи о совершающемся сближеніи Германіи и Австріи, и зрѣлище Гогенцоллерна, подающаго дружески руку ненавистному Габсбургу, не предвѣщаетъ ничего добраго для будущности европейскаго Востока, грозя особою бѣдой для славянъ, во вредъ кото-

Digitized by Google

рыхъ можетъ быть только направленъ этотъ заговоръ государей. Все показываютъ, что броженіе, вызванное минувшей войной, далеко еще не улеглось, что ему суждено длиться долго, и что Европѣ предстоятъ еще многія тревоги, прежде чѣмъ улягутся хоть на время чрезмѣрно напряженныя страсти.

Процесъ комуны обнаружилъ, сколько еще злыхъ соковъ кроется въ той части французскаго населенія, которая любитъ парадировать лживымъ названіемъ друзей порядка, честныхъ людей, консерваторовъ. Давно еще печать, національное собраніе и клубы правой стороны не возбуждали такого отталкивающаго впечатлѣнія; люди, называющіе себя республиканцами, непричастные дотолѣ къ политикѣ, гнувшіе охотно спину на службѣ деспотизму, становятся трибунами консерватизма и, не стѣсняясь, открыто, въ газетахъ, въ палатѣ, въ депутаціяхъ, доносятъ на лицъ, заподозрѣваемыхъ ими въ сочувствіи комунѣ; они требуетъ ихъ арестованія, они взываютъ къ правосудію и справедливости, волнуясь и бѣснуясь, какъ одержимые опаснѣйшимъ изъ всѣхъ, патріотическимъ фанатизмомъ. Такъ выслужившійся изъ солдатъ, *бурбонъ*, какъ говорится въ нашихъ войскахъ, почуявъ на плечахъ эполеты, находитъ отраду тиранизировать своихъ прежнихъ товарищей, мстя имъ за всѣ побои и брань, которыя когда-то они вмѣстѣ сносили отъ отцовъ-командировъ. При Наполеонѣ тѣ же люди поняли бы возможность политическаго разногласія, даже вооруженныхъ вспышекъ, теперь же каждый изъ нихъ стремится стать Бонапартомъ въ миніатюрѣ. Для характеристики положенія дѣлъ во Франціи стоитъ указать на тѣ вопли и скрежетъ зубовъ, съ которыми, съ легкой руки «Patrie» и «Figaro» консерваторы требовали ареста Рана (Ranc), который былъ членомъ комуны въ первые дни ея существованія, пока не запятнана была соціальная програма движенія, и покинулъ его, лишь только замѣтилъ пагубный оборотъ, принимаемый имъ. Само правительство не сочло необходимымъ преслѣдовать Рана, пользующагося большой и почетною популярностью, и не воспрепятствовало избранію его въ члены парижскаго муниципальнаго совѣта. Эта рѣдкая въ настоящее время во Франціи терпимость исполнила яростью сердца защитниковъ порядка. Они не нашли лучшаго, какъ обратиться съ запросомъ о причинахъ безнаказанности Рана—не къ министру юстиціи, а къ военному министру. Генералъ Сиссе, въ виду всего національнаго собранія, не затруднился отвѣчать, что онъ передалъ всѣ бумаги, касающіяся Рана, въ коммисію военнаго суда; что если бумаги обнаружатъ его виновность, то онъ *прикажетъ арестовать* его; что вообще онъ точно также распорядится арестованіемъ всякаго члена комуны, если въ томъ окажется надобность!... Членъ парламента, взывающій къ военной власти о преслѣдованіи противника,—военный министръ, держащій судьбы гражданъ,—какое рѣдкое и поучительное зрѣлище! Консерваторы не пропускаютъ малѣйшаго случая для выраженія своей нена-

Digitized by Google

висти къ радикаламъ, которыхъ они заурядъ любятъ клеймить именемъ комунистовъ; стоитъ показать лишь тѣнь состраданія къ безчисленнымъ жертвамъ реакціи, захваченнымъ часто безъ всякаго основанія и томящимся въ ожиданіи суда, чтобы прослыть вреднымъ и опаснымъ человѣкомъ. Такая участь постигла одного изъ министровъ, Жюля-Симона, къ которому доставлены были просьбы тысячъ заключенныхъ на понтонахъ въ приморскихъ городахъ,—просьбы, громко вопіявшія противъ безчеловѣчнаго обращенія и содержанія. Что это не были преувеличенія, подтверждаютъ корреспонденціи «Times», изображающія въ ужасающихъ краскахъ то печальное состояніе, до котораго доведены были заключенные, запертые кучами, безъ различія половъ и возрастовъ, болѣзненные, зачахшіе, дошедшіе до полу-животнаго состоянія. Когда, съ согласія прочихъ членовъ министерства, Жюль-Симонъ отправился на слѣдствіе и обнаружилъ, что массы лицъ были захвачены безвинно, часто по созвучію фамилій, часто въ минуту фанатической схватки, безъ разбора, какъ попало, и вслѣдствіе этого распорядился освобожденіемъ ихъ,—консервативная печать громко протестовала противъ этого слабодушія, обзывая Жюля Симона то закоснѣлымъ комунистомъ, то плаксой (pleurnicheur), то героемъ понтоновъ. Нѣкоторыя газеты дошли до того, что сочинили цѣлую комунистскую демонстрацію въ Бельвильскомъ кварталѣ Парижа, пересказали, какъ толпы вооруженной черни бродили по улицамъ, провозглашая славу комунѣ и Жюлю Симону,—тогда какъ никакой подобной демонстраціи не было.

Такова дикая вакханалія реакціи, стремящейся повсюду, гдѣ только возможно, повернуть вспять народную жизнь. Однимъ изъ капитальнѣйшихъ проявленій этого стремленія были пренія въ національномъ собраніи по поводу петицій епископовъ, требовавшихъ содѣйствія папѣ къ возвращенію утраченной власти и могущества. Духовнымъ ораторамъ, естественно декламировавшимъ на всѣ лады о священномъ призваніи Франціи для возстановленія папскаго престола во всемъ его минувшемъ величіи, вторили свѣтскія лица, рѣчи которыхъ блистали ультрамонтанскимъ настроеніемъ во всей его первобытной, неподдѣльной чистотѣ; немедленное вмѣшательство, энергическое напряженіе силъ страны, едва вздохнувшей послѣ долгаго истощенія, требовалось отовсюду. Нужно было все умѣнье и обычную изворотливость Тьера, чтобы втолковать всей толпѣ клерикаловъ-политиковъ, что предлагаемыя ими мѣры могутъ лишь вовлечь Францію въ войну съ Италіей, къ чему она далеко не готова, что за новую, объединенную Италію стоитъ почти вся Европа, тогда какъ послѣднія требованія папы возбудили противъ него преданнѣйшія ему державы; Тьеръ обѣщалъ держаться тѣхъ отношеній къ папству, которыя предписаны Франціи конкордатомъ, и настаивать передъ Италіей на томъ, чтобы независимость дѣйствій папы не была никоимъ образомъ стѣсняема. Такимъ образомъ вопросъ съ возстановленія

Digitized by Google

стараго папства былъ искусно сведенъ къ простой заботливости о личной свободѣ и безопасности папы. Тѣмъ не менѣе впечатлѣніе, произведенное всѣми преніями на Италію было крайне тягостное; хотя общественное мнѣніе въ Италіи не могло не убѣдиться, что буря прошла мимо, не оставивъ серьезныхъ слѣдовъ; но настроеніе, обнаруженное представительствомъ соплеменной страны, настроеніе враждебное къ естественной союзницѣ Франціи и именно въ одномъ изъ важнѣйшихъ и жизненнѣйшихъ вопросовъ ея политики, отшатнуло отъ Франціи почти всѣ умы и возбудило реакцію въ пользу Германіи, которая вообще пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе симпатій въ Италіи.

Другимъ вопросомъ, которымъ реакціонная партія хочетъ парализовать зловредность либерализма, является вопросъ объ упраздненіи столицы въ Парижѣ и о перенесеніи ея въ Версаль; сколько усилій ни употребляютъ парижскіе депутаты, какія возраженія ни дѣлаетъ Тьеръ противъ этой декапитализаціи (какъ теперь говорятъ) Парижа, выдвигая и финансовыя затрудненія, громадное большинство требуетъ примѣрнаго урока Парижу, жестокаго наказанія за прошедшее. Эти люди опасаются, что буйная парижская чернь всегда будетъ въ состояніи повліять своими насиліями на ходъ дѣлъ въ національномъ собраніи, даже овладѣть имъ, закрыть его. Но имъ мало уничтоженія національной гвардіи, о которомъ уже идетъ рѣчь, они не могутъ найти достаточно предосторожностей, чтобъ оградить свою безопасность. Парижъ былъ всѣмъ для Франціи, гласитъ одна брошюра, изданная съ прямою цѣлью пропагандировать декапитализацію,—отнынѣ онъ долженъ утратить свое значеніе. Съ справедливостью перваго утвержденія нельзя не согласиться, но не такими же внѣшними средствами, грубо ломающими историческія и національныя симпатіи, можно ввести значеніе Парижа въ подобающія границы, не вредящія самостоятельности областей. Первымъ радикальнымъ средствомъ была бы полная и основанная на истинно демократическихъ началахъ де централизація.

Дѣйствительно, мы видимъ, что вслѣдъ за преніями о римскихъ дѣлахъ потянулись длинныя пренія о проектѣ децентралиціи. Обсуждены были уставы генеральныхъ совѣтовъ, учреждены особыя, постоянно засѣдающія департаментскія коммисіи съ выборнымъ предсѣдателемъ и съ представленіемъ лишь совѣщательнаго голоса префекту; безспорно, въ сравненіи съ прежнемъ порядкомъ, это шагъ впередъ, и въ принципѣ многое уже завоевано въ сферѣ областной автономіи, но при всемъ томъ реакціонныя стремленія сумѣли найти себѣ доступъ и въ подобную либеральную реформу. Какъ указали ораторы лѣвой стороны, многія незамѣтныя частности проекта обдуманно расчитаны такъ, чтобъ обезпечить аристократіи и крупнымъ собственникамъ возможность захватывать въ свои руки новыя земскія учрежденія и дѣлать ихъ послушными орудіями своей политики. Такъ, на примѣръ, отсутствіе избирательныхъ округовъ

Digitized by Google

при новой организаціи и раздробленіе выборовъ по мельчайшимъ населеніямъ облегчаетъ только мѣстнымъ тузамъ-консерваторамъ подкупъ, соблазнъ и всякія насильственныя дѣйствія для достиженія цѣли. Очевидно, что и въ этомъ случаѣ духъ партіи подавлялъ всѣ прочія соображенія. Не покидая ни одного дѣйствія господствующихъ нынѣ политиковъ, онъ застилаетъ передъ ними истинное пониманіе дѣлъ. Видя то или другое народное бѣдствіе, неурядицу, ненормальное явленіе, эти люди либо стремятся загладить ихъ палліативными мѣрами, обезпечивъ тщательно свои собственныя выгоды, какъ то было въ проектѣ децентрализаціи, либо они предпочитаютъ рубить съ плеча, плашмя, казнить, запрещать, подавлять, усмирять. Такъ министерство не нашло иного средства для борьбы противъ международной ассоціаціи рабочихъ, кромѣ внесенія суроваго законопроекта, постановляющаго, что всякій, чья принадлежность къ названной ассоціаціи будетъ доказана, будетъ лишенъ правъ французскаго гражданства. Но подобными мѣрами нельзя отвратить опасности, нельзя замазать пропасти, уже разверзшейся; тамъ, гдѣ нужны осмотрительность и мудрость, тамъ, гдѣ распространеніе просвѣщенія и серьезное желаніе облегчить положеніе рабочихъ могли бы одни принести дѣйствительную пользу, тамъ правительство Тьера умѣетъ лишь дѣйствовать страхомъ, казнями, запретами. «Siècle» справедливо напомнилъ господствующей партіи совѣтъ Монтескье въ его «Духѣ законовъ», гласящій, что въ наказаніи подавленнаго врага нужно быть умѣреннымъ и что лучше больше прощать, чѣмъ предаваться съ жаромъ карательнымъ мѣрамъ; излишнія казни скоро приведутъ къ выдѣленію опасной диктатуры или прямо къ тираніи.

То же самое можетъ быть приложено и къ образу дѣйствій относительно комунистовъ. Не разъ уже было говорено, что малѣйшая искренная попытка къ соглашенію предупредила бы и устранила всѣ ужасы междоусобія; теперь, по подавленіи его, никакое чувство милосердія не находитъ почти доступа въ вліятельныя французскія сферы. А въ то же время, чѣмъ далѣе развивается процесъ комуны, тѣмъ становится все яснѣе, что въ ней въ странной смѣси сходились люди по-своему благонамѣренные, съ опредѣленной програмой, во многомъ близкой къ програмѣ либеральныхъ оппозицій въ другихъ странахъ,—а рядомъ съ ними искатели приключеній, бродяги, мизерные представители парижской «Bohème», люди грубые, неразвитые, кровожадные и алчные; подтверждается, что въ то время, когда лица первой категоріи заботились о судьбѣ рабочихъ, или отстаивали церкви и священниковъ отъ насилій и грабежей, ихъ свирѣпые товарищи, взявшіе подъ конецъ господства комуны верхъ, не отступали ни передъ какимъ видомъ разрушенія. Придетъ время, и исторія произнесетъ свой неумытный судъ надъ движеніемъ, соединившимъ въ себѣ съ благими цѣлями, которыя признавали даже такіе люди, какъ Бисмаркъ, несправедливости, жестокости и злодѣйства. Но она осудитъ

Digitized by Google

также и тѣхъ неумолимыхъ стражей порядка, которые въ однѣхъ казняхъ и ссылкахъ безъ разбора видятъ возможность устранять народныя бѣдствія.

А бѣдствія эти не затихли еще; еще большая часть Франціи сноситъ еще присутствіе прусскихъ войскъ, становящееся съ каждымъ днемъ тягостнѣе. Читая безпрерывно приходящія вѣсти о насильственныхъ поступкахъ, которые позволяютъ себѣ прусаки въ занятыхъ ими мѣстностяхъ, начинаешь невольно вѣрить оригинальной догадкѣ французскихъ газетъ, будто бы всѣ эти дѣйствія суть слѣдствія даннаго внушенія. То извѣщаютъ о нападеніи прусскихъ солдатъ на двухъ безобидныхъ путешественниковъ, израненныхъ сабельными ударами, то офиціально сообщается въ засѣданіи одной изъ версальскихъ военно-судныхъ коммисій, что одинъ изъ членовъ ея, выѣхавшій изъ Парижа, чтобы посѣтить своего больного брата, подвергся нападенію баварскаго солдата и вслѣдствіе тяжкихъ ранъ долженъ быть замѣненъ другимъ офицеромъ. Вся страна громко требуетъ ускоренія уплаты контрибуціи, а министръ финансовъ, благодаря тяжкимъ пошлинамъ, наложеннымъ на ввозные товары первой необходимости, и финансовымъ сдѣлкамъ съ иностранными банкирами, предложилъ уже прусскому немедленную уплату третьяго полумилліарда, но на условіи одновременнаго очищенія войсками трехъ департаментовъ. Съ начальникомъ окупаціоннаго корпуса, генераломъ Мантейфелемъ, заключена уже была конвенція въ этомъ смыслѣ, но рафитикація ея въ Берлинѣ встрѣтила затрудненія, пока необъяснимыя, такъ какъ Франція исполняетъ свято условія предварительнаго мирнаго договора и требуетъ только законнаго. Въ то же время прошли слухи, что занятія смѣшанной коммисіи, засѣдающей во Франкфуртѣ для обсужденія различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ осуществленіемъ на дѣлѣ мирнаго трактата, пошли далеко неудовлетворительно,—и чужеземныя войска продолжаютъ еще свое гарцованье на французской землѣ, нарушая спокойствіе и благосостояніе провинцій, тогда какъ военное положеніе процвѣтаетъ въ Парижѣ и нѣкоторыхъ южныхъ городахъ, и всѣ слухи о близкомъ снятіи его, періодически повторяемые газетами, оказываются, къ сожалѣнію, ложными.

Возлѣ многострадальной Франціи мы видимъ другое старое государство, которое съ каждымъ годомъ обнаруживаетъ все разительнѣе свою старческую слабость и необходимость кореннаго возрожденія, если оно хочетъ удержать за собою значеніе въ міровой политикѣ. Это Англія. Сотни тысячъ голосовъ слышатся со всѣхъ сторонъ, протестуя противъ бездѣятельной роли, играемой правительствомъ по отношенію къ великимъ событіямъ на континентѣ. Безпомощность и рутинные пріемы въ вопросахъ внутренней политики, становящихся съ каждымъ годомъ все сложнѣе и грознѣе, отнимаетъ у народа старое довѣріе къ самому себѣ, къ силѣ своего государства. Ненормальность и устарѣлость многихъ

Digitized by Google

частностей самого парламентарнаго устройства побуждаютъ къ скорѣйшей реформѣ и въ этой области. Наконецъ, вѣчный раздоръ съ Ирландіей, разжигаемый высокомѣріемъ и упорствомъ правительства, поддерживаемаго въ этомъ случаѣ общественнымъ мнѣніемъ, составляетъ неизсякаемый источникъ заботъ и затрудненій, не мало содѣйствующихъ ослабленію государства. Въ отношеніяхъ къ ирландскому вопросу нельзя не замѣтить непослѣдовательности правительства; въ пору преній о введеніи тайной баллотировки, когда нѣкоторые ораторы выражали опасеніе, что при этой реформѣ въ парламентѣ могутъ легко пройти ирландскіе сепаратисты и феніанскіе агитаторы, представитель министерства отвѣчалъ: «Пускай приходятъ они сюда, пускай заявляютъ свои требованія,—они убѣдятся на дѣлѣ, какъ стоекъ и единодушенъ будетъ нашъ общій отпоръ имъ». Такимъ образомъ допускалась возможность и право людямъ другого образа мыслей открыто высказывать его въ палатѣ. Въ то же время достаточно въ Ирландіи сойтись незначительнѣйшему сборищу, чтобы схватка съ полицейскими, ведущая за собой кровопролитіе, аресты и тюремныя заключенія, положила предѣлъ демонстраціи. Въ Лондонѣ ошибочно думаютъ, что можно расположить въ свою пользу ирландцевъ такими невинными развлеченіями, каковы, на примѣръ, частныя поѣздки членовъ королевскаго дома въ Дублинъ. Послѣдняя поѣздка принца Уэльскаго доказала справедливость этого. Онъ прибылъ въ Дублинъ съ младшимъ братомъ, носящимъ не безъ умысла имя патрона Ирландіи, Патрика. Оба принца участвовали на разныхъ патріотическихъ обѣдахъ, оба произносили рѣчи приличнаго содержанія: принцъ Уэльскій говорилъ, какъ о фактѣ, не подлежащемъ сомнѣнію, о матеріальномъ благосостояніи Ирландіи; младшій братъ, зная, что находится въ странѣ картофеля, выражалъ въ своемъ спичѣ удовольствіе по поводу хорошаго урожая этого растенія,—а ирландцы все-таки остались при своемъ. Въ то самое время, когда королевскіе принцы произносили вышеупомянутыя примирительныя рѣчи, въ одномъ изъ парковъ у Дублина собрался митингъ, выразившій желаніе освобожденія заточенныхъ феніевъ. Полиція съ удвоеннымъ бѣшенствомъ, разжигаемымъ, по всей вѣроятности, сознаніемъ, что весь эффектъ высокаго посѣщенія испорченъ демагогами, бросилась разгонять толпу ударами кистеней и ружейными прикладами, вызвала на помощь войско и удалилась, оставивъ на мѣстѣ схватки нѣсколько убитыхъ и множество раненыхъ. Поведеніе полиціи возбудило ужасъ и негодованіе даже въ Лондонѣ; газеты, спеціально для того сошедшіеся митинги, ораторы въ палатѣ порицали эти поступки правительственныхъ агентовъ; правительство, уступая общественному мнѣнію, назначило строгое слѣдствіе по всему этому дѣлу, еще разъ обнаружившему, на какихъ ненормальныхъ началахъ зиждется англійская политика въ Ирландіи. Становится очевидно, что отвѣчать вѣчнымъ non possumus на требованія цѣлой страны и довольствоваться обзываніемъ противниковъ безумцами и ди-

Digitized by Google

карями не значитъ устранять существующее зло, на которое уже давно пора смотрѣть прямо и понять необходимость уступокъ. Уже раздраженіе противъ династіи дошло до того, что самое упоминаніе о королевѣ въ публичныхъ собраніяхъ возбуждаетъ неудовольствіе. На сихъ дняхъ Ирландію посѣтила небольшая французская депутація, явившаяся, чтобъ выразить благодарность Франціи за искреннее сочувствіе и помощь, оказанную ирландцами во время войны. Когда на почетномъ банкетѣ дублинскій лордъ-меръ нерѣшительнымъ и дрожащимъ голосомъ рѣшился продолжать обычный, лояльный тостъ за королеву, всеобщій ропотъ и шумъ заглушилъ его слова, и, по требованію присутствовавшихъ, исполненъ былъ національный ирландскій гимнъ.

Неудачи и недосмотры преслѣдуютъ англійскую политику повсюду. Когда чудовищность прусскихъ военныхъ силъ возбудила и въ Англіи справедливыя опасенія за безопасность страны при незначительности и нераціональномъ устройствѣ англійскаго войска, правительство не сумѣло отвѣчать на это настроеніе общества ничѣмъ инымъ, кромѣ частной реформы, уничтожающей лишь покупку офицерскихъ патентовъ. На пути этой реформы, принятой палатой общинъ, встрѣчено было неожиданное препятствіе со стороны палаты лордовъ, которая частью изъ консерватизма, частью изъ желанія сохранить для аристократической молодежи легкій доступъ къ чинамъ и почестямъ, дала отпоръ правительственному предложенію. Министерство на этотъ разъ прибѣгло непосредственно къ вмѣшательству короны и ввело реформу административнымъ путемъ. Понятно, что такая тактика не могла не возбудить цѣлой бури негодованія и упрековъ со стороны оскорбленной партіи; нѣтъ спору, что цѣль, достигнутая этимъ разсѣченіемъ Гордіева узла, благая, но средство, избранное для достиженія ея, хотя и допускаемое конституціей, слишкомъ радикально, должно бы быть употребляемо лишь въ крайнихъ случаяхъ и составляетъ опасный прецедентъ для будущаго. Легко можетъ быть, что въ слѣдующій разъ его придется испытать той самой палатѣ общинъ, которая нынѣ рукоплещетъ униженію аристократовъ, и неизвѣстно, столь ли либеральна будетъ цѣль, во имя которой будетъ произведенъ слѣдующій coup de main.

Вообще нельзя не сознаться, что не только внутренняя, но и внѣшняя политика Англіи начинаетъ обнаруживать признаки какого-то ослабленія; упадка силъ, тщетныхъ стремленій удержаться на прежней высотѣ. Это сознаютъ и сами англичане, это сказывается въ различныхъ памфлетахъ, осмѣивающихъ слабость правительства и рѣшающихся даже предрекать въ недалекомъ будущемъ гибель Англіи,—памфлетахъ, съ которыми мы надѣемся ближе познакомить читателей, въ постановленіяхъ различныхъ митинговъ, въ рѣчахъ и статьяхъ руководящихъ политическихъ дѣятелей. Такъ лордъ Россель въ вышедшей недавно брошюрѣ о внѣшней англійской политикѣ не скрываетъ опасеній за будущность Англіи, твердо предвидя политическое ослабленіе; но онъ видитъ опасность лишь въ чер-

Digitized by Google

номорскомъ вопросѣ и только возлагаетъ надежды на честность Россіи для избѣжанія пагубныхъ замѣшательствъ.

Но опасность для Англіи далеко не въ этомъ только вопросѣ; какъ для нея, такъ и для спокойствія всей Европы серьезнѣйшую опасность представляетъ алчная и властолюбивая прусская политика. Изъ Берлина нужно ждать толчка къ новымъ раздорамъ, къ новымъ народнымъ бедствіямъ. Совѣщанія обохъ императоровъ въ Гаштейнѣ, обставленныя всѣмъ дипломатическимъ аппаратомъ и окруженныя пока непроницаемой тайной, сулятъ въ будущемъ много недобраго. Офиціозныя газеты, желая до болѣе благопріятнаго времени отнять у этого совѣщанія опасный характеръ, пытаются объяснить его желаніемъ обоихъ государей согласиться насчетъ мѣръ, долженствующихъ быть принятыми для обезпеченія правъ нѣмецкихъ собственниковъ румынскихъ желѣзно-дорожныхъ облигацій,—правъ, нарушаемыхъ румынской палатой. Не подлежитъ сомнѣнію, что это объясненіе служитъ только весьма прозрачнымъ предлогомъ для возбужденія восточнаго вопроса. Достигнуть удовлетворенія отъ Румыніи для могущественной нѣмецкой имперіи было легко и безъ гаштейнскаго съѣзда; одной грозной ноты имперскаго канцлера было бы достаточно для устрашенія крохотной Румыніи. Но одно упоминаніе о ней даетъ намекъ на комбинацію, о которой давно уже ходили слухи въ политическомъ мірѣ; Румынію или по крайней мѣрѣ часть ея считаютъ вѣроятнымъ вознагражденіемъ Австріи за уступку цислейтанскихъ нѣмецкихъ земель. Быть можетъ, къ этой-то комбинаціи, не могущей не повлечь за собой вмѣшательства Россіи и Порты, и ведетъ настоящій съѣзъ. Правда, что даже для мнимаго вопроса о румынскихъ облигаціяхъ Пруссія желаетъ проектировать европейскій конгресъ, но кто не убѣдился изъ исторіи послѣднихъ лѣтъ, какъ мѣняется характеръ и направленіе подобныхъ конгресовъ и какъ часто они оказываются безсильными помочь въ искусно вызванномъ международномъ затрудненіи!

Гаштейнскій съѣздъ съ виду вызванъ Австріей, которая сама напросилась на него; австрійскія германофильскія газеты исполнились восторгомъ и ликованіемъ, когда пріобрѣли увѣренность, что съѣздъ этотъ состоится; въ то же время прусская печать, оставалась холодною и равнодушною къ этой экзальтаціи, и въ статьяхъ, посвященныхъ съѣзду, проскользала легкая насмѣшка и полупрезрѣніе къ радости австрійскихъ патріотовъ. Хотя такимъ образомъ съ виду починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Австріи, но несомнѣнно, что къ нему она была подготовлена и доведена прусской политикой; точно такъ же, какъ нахальное объявленіе послѣдней войны Наполеономъ оказалось въ послѣдствіи искуснымъ берлинскимъ маневромъ, въ которомъ грозный французскій императоръ игралъ роль послушной маріонетки.

Что касается славянской печати, то она естественно встрѣтила вѣсть

Digitized by Google

о съѣздѣ съ гнѣвомъ и опасеніями за будущность австрійскаго славянства. Сознаніе, что въ эту критическую минуту со стороны Россіи не подается ни признака поддержки и сочувствія, наполнило многія сердца отчаяніемъ и разочарованіемъ. Нѣкоторыя чешскія газеты, и въ особенности «Politik», отнеслись подъ этимъ впечатлѣніемъ къ новѣйшей русской политикѣ съ порицаніемъ и укоромъ. По отношенію же къ цислейтанскому правительству, продолжавшему во все это время переговоры съ чехами о соглашеніи, они заявляли печатно, что никакое соглашеніе невозможно въ виду сближенія вѣнскаго кабинета съ Берлиномъ; они требовали не частныхъ уступокъ, подобныхъ сдѣланнымъ для галицкихъ поляковъ (чѣмъ манило ихъ министерство Гогенварта), а возрожденія чешскаго историческаго права, возстановленія земель чешской короны во всемъ ихъ бываломъ составѣ, съ самостоятельнымъ и независимымъ сеймомъ. Только тогда они считали бы себя сколько нибудь обезпеченными отъ захвата Германіею. Что опасенія этого захвата были не безъ основанія, въ томъ убѣждалъ и тонъ многихъ нѣмецкихъ газетъ по отношенію къ Чехіи и прочимъ славянскимъ областямъ Цислейтаніи. Такъ напримѣръ «Zeitung für Norddeutschland» кичливо предрекала скорое присоединеніе Цислейтаніи къ новой нѣмецкой имперіи; на противодѣйствіе славянъ она не обращала даже никакого вниманія; «если мы сладили съ многочисленною французскою націей, говорила газета, то посмотримъ ли мы на противодѣйствіе какихъ нибудь чеховъ!....» Австрійскіе нѣмцы, съ своей стороны, напрягли всѣ силы, чтобъ отвѣчать достодолжными демонстраціями на братскій призывъ; въ Брюнѣ устроено было громадное нѣмецкое національное торжество подъ предлогомъ окружнаго гимнастическаго праздника (Kreisturnfest); оно должно было служить контръ-демонстраціею собранію моравскаго «Сокола», назначенному одновременно. Все, что можно было только набрать нѣмецкаго въ Чехіи и въ Моравіи, всѣ прикащики, конторщики, трактирщики, всѣ сотрудники еврейскихъ уличныхъ листковъ, распространяющихъ нѣмецкую цивилизацію между славянами, десятка два нѣмецкихъ чиновниковъ и фабрикантовъ, съ прибавленіемъ нѣсколько болѣе избраннаго контингента изъ чисто-нѣмецкихъ областей,—вся эта разношерстная и курьезная толпа сошлась на пиръ братства и любви, съ котораго понеслись рѣчи и тосты, полные германскаго патріотизма и ненависти къ славянамъ. Изъ различныхъ моравскихъ захолустій столь же достойные дѣятели прислали рядъ поздравительныхъ телеграмъ, а корреспонденты всевозможныхъ нѣмецкихъ газетъ превознесли происшедшее торжество, придавъ ему громадные размѣры и увѣряя, что славянская партія въ конецъ побѣждена въ Моравіи и что въ день нѣмецкаго митинга Брюнъ явно отрекся отъ приписываемаго ему недоброжелателями славянскаго оппозиціоннаго характера.

Послѣ всѣхъ подобныхъ не двусмысленныхъ демонстрацій, поощряе-

Digitized by Google

мыхъ съ виду правительствомъ, въ виду преслѣдованій, которымъ не переставала подвергаться славянская печать, всего менѣе можно было ожидать успѣха переговоровъ. Положеніе цислейтанской оппозиціи было все-таки во многомъ сноснѣе участи венгерскихъ славянъ и румыновъ, такъ что австрійскіе сербы могли даже не безъ основанія грозить мадьярамъ своимъ походомъ въ цислейтанскую половину имперіи. Газета «Сербскій Народъ» ставила даже прямо вопросъ: либо Венгрія дастъ всѣмъ сербскимъ областямъ Австріи, Воеводинѣ, Банату, Хорватіи, возможность объединенія съ особымъ генеральнымъ для всѣхъ ихъ сеймомъ,— либо сербы пошлютъ своихъ депутатовъ въ имперскую думу, что будетъ встрѣчено министерствомъ Гогенварта съ радостью и предупредительностью. Тѣмъ не менѣе, передъ увеличивавшимся день ото дня германофильствомъ вѣнскаго правительства, всѣ достигнутые уже результаты переговоровъ казались безвозвратно погибшими. Кабинетъ Гогенварта пытался правда до послѣдней минуты выгородить себя изъ солидарности съ германизаціоннымъ направленіемъ политики, оставляя все на отвѣтственности графа Бейста; самъ графъ Гогенвартъ отказался даже присутствовать въ Гаштейнѣ, съ тѣмъ, чтобъ этимъ подкрѣпить справедливость этого увѣренія. Но крупный недосмотръ, совершенный имъ въ то же время, снова отнялъ у положенія дѣлъ успокоивающій характеръ. Пущена была въ ходъ брошюра на нѣмецкомъ языкѣ о будущемъ Цислейтаніи; въ офиціозномъ происхожденіи этой брошюры почти никто не усомнился, и новый взрывъ неудовольствія встрѣтилъ ее. Обсуждая мѣры къ улаживанью внутренняго разлада, офиціозный авторъ ограничивался указаніемъ ничтожныхъ палліативныхъ средствъ, постоянно обнаруживая нѣкоторую робость и панику передъ нѣмецкой партіей и цѣпляясь при всѣхъ своихъ реформаторскихъ притязаніяхъ за существующую конституцію. Потребовался новый рядъ правительственныхъ опроверженій и успокоеній для устраненія непріятнаго и безтактнаго эпизода.

Принявъ въ соображеніе все это многосложное положеніе дѣлъ, дававшее всего менѣе надежды на радикальный поворотъ политики въ въ иномъ смыслѣ, кромѣ германофильскаго, можно легко понять то удивленіе, съ которымъ въ Европѣ узнали о совершенно противуположномъ фактѣ, совершившемся одновременно съ многознаменательнымъ гаштейнскимъ свиданіемъ. Выѣзжая навстрѣчу императору Вильгельму, австрійскій императоръ подписалъ декретъ, которымъ распускалась имперская дума и почти всѣ областные сеймы и назначались новые выборы. Этотъ декретъ составляетъ событіе въ исторіи послѣднихъ лѣтъ австрійской политики; каковы бы ни были побудительныя причины, которыя рано или поздно всплывутъ наружу,—тѣмъ не менѣе столь открытое удовлетвореніе одного изъ главнѣйшихъ требованій какъ славянской, такъ и тирольской оппозиціи имѣетъ громадное значеніе. Новѣйшія извѣстія изъ Австріи свидѣтельствуютъ, что нѣмецкая партія застигнута распущеніемъ

Digitized by Google

сеймовъ и думы врасплохъ и обнаруживаетъ всѣ признаки паники; опасаясь, что новые выборы, для направленія которыхъ въ анти-германскомъ духѣ оппозиція очевидно не пожалѣетъ никакихъ усилій, нѣмцы съ смѣлостью отчаянія кидаются въ эту послѣднюю, быть можетъ, для нихъ борьбу за преобладаніе.

Событіе, о которомъ мы говоримъ, еще такъ близко и происхожденіе этого coup d'état еще такъ покрыто мракомъ, что разъяснить всей цѣли его пока не представляется возможнымъ. Во всякомъ случаѣ, легко предположить, что оно можетъ составлять часть политическихъ плановъ, которые далеки отъ умиротворенія Европы. Каковы бы ни были общіе замыслы, которые куютъ нынѣ дипломаты въ Гаштейнѣ, исполненіе ихъ требуетъ отъ Австріи внутренняго спокойствія,—иначе, въ минуту воинственнаго напряженія, внутреннія смуты могутъ парализовать всѣ начинанія. Мы уже не разъ указывали, какъ нѣкоторая часть прусской печати, болѣе близкая къ правительственнымъ сферамъ, указывала Австріи на необходимость покончить миромъ свои дрязги съ оппозиціей, твердя косвенно, что безъ этого условія Австрія не можетъ быть надежной союзницей. И вотъ, когда давно проектированный союзъ въ ходу, употребляется магистральное средство для достиженія указанной цѣли, приносятся даже въ жертву интересы нѣмецкой части населенія и дается удовлетвореніе требованіямъ, которыя до сего времени настойчиво и рѣзко отвергались.

Но если Пруссія вправѣ была требовать отъ своей новой союзницы доказательствъ полнаго упроченія мира и спокойствія внутри, то въ сущности это требованіе могло бы съ такимъ же основаніемъ быть обращено и къ берлинскому кабинету, потому что до сего времени новая нѣмецкая имперія на дѣлѣ не представляетъ еще того единства, которое требуется прусскими государственными людьми. Рабочее движеніе, сильно возбужденное послѣдствіями войны, принимаетъ все большіе размѣры: въ Берлинѣ и многихъ городахъ сѣверной Пруссіи стачки рабочихъ охватываютъ собой десятки тысячъ человѣкъ. Стачки каменьщиковъ въ Берлинѣ, пріостановившихъ всѣ работы, даже постройку зданія для парламента и возведенія казармъ, грозитъ охватить постепенно всѣ прочія ремесла; войска, высылаемыя для усмиренія, часто братаются съ народомъ; солдаты, посылаемые работать на упомянутыхъ постройкамъ, убѣдившись изъ разговоровъ съ стакнувшимися рабочими, что послѣдніе имѣютъ лишь въ виду увеличеніе заработной платы и уменьшеніе чрезмѣрнаго рабочаго времени, сами уходятъ съ работъ и отказываются замѣнять собой притѣсняемыхъ патронами рабочихъ. Никакія репрессивныя мѣры до настоящей минуты не помогли. Въ то же время, какъ мы уже указывали, постепенно разоблачается масса фактовъ изъ только-что минувшей войны,—фактовъ, крайне невыгодныхъ для слишкомъ превознесеннаго и окруженнаго какъ-бы ореоломъ прусскаго военнаго устройства,—

Digitized by Google

и эти факты не мало способствуютъ возстановленію общественнаго мнѣнія противъ господствующей нынѣ военщины. По поводу предположенной дотаціи генерала Мантейфеля, нынѣшняго начальника германскихъ войскъ, стоящихъ во Франціи, газеты обнаружили рядъ скандальныхъ фактовъ, отличавшихъ управленіе этого достойнаго полководца. Онѣ расказали о той развращенности и изнѣженности, которая царила въ его главномъ штабѣ, всегда наполненномъ дамами полусвѣта и проводившемъ время въ кутежахъ; онѣ расказали подробно о курьезнѣйшей экспедиціи, предпринятой Мантейфелемъ противъ двухъ парижскихъ красавицъ, за которыми онъ, во главѣ отряда, гнался вплоть до Ламанша, утверждая для виду, будто эти дамы везутъ съ собой важныя дипломатическія депеши, что не помѣшало этимъ опаснымъ эмиссарамъ разъѣзжать потомъ по войскамъ вмѣстѣ съ генераломъ въ его коляскѣ; газеты расказали и о безпутномъ и почти продажномъ способѣ раздачи наградъ и крестовъ, творившемся въ арміи Мантейфеля, о забавныхъ до уродливости стратегическихъ маневрахъ, которые она исполняла во Франціи. Рядомъ съ подобнаго рода разоблаченіями поднялись еще болѣе грязныя, касавшіяся продовольствія войскъ, интендантствъ, подрядовъ. Благодаря разговору двухъ мелкихъ чиновниковъ, служившихъ по продовольственной части при нѣмецкихъ окупаціонныхъ войскахъ въ Нанси,—разговору, случайно подслушанному изъ другой комнаты, открыта колосальная система воровства и обмана при продовольственныхъ подрядахъ,—система, при которой мельчайшіе агенты, получая талеровъ по восьми въ мѣсяцъ, отсылали домой въ Германію свои *сбереженія* десятками тысячъ талеровъ. Присутсвіе во главѣ министерствъ различныхъ личностей, ненавистныхъ для общественнаго мнѣнія и уцѣлѣвшихъ еще изъ временъ знаменитой нѣкогда борьбы нынѣ боготворимаго Бисмарка съ прусскимъ сеймомъ, начинаетъ также возбуждать общее неудовольствіе. «Везерская Газета» служитъ въ этомъ отношеніи отголоскомъ недовольства значительной партіи, когда требуетъ, чтобъ составъ министерства и вообще всѣхъ руководящихъ лицъ администраціи былъ возобновленъ, и теперешніе дѣятели, какъ не соотвѣтствующіе болѣе требованіямъ новаго времени, были устранены. Названная газета указываетъ на трудность ладить съ этими людьми, на невозможность угадать тактику, которой слѣдуетъ съ ними держаться, и вспоминаетъ, сколько разъ она сама вовлекаема была въ столкновенія съ правительствомъ, хотя во всѣхъ случаяхъ оставалась сама на почвѣ строгой законности.

Оппозиція клерикаловъ въ Германіи не ослабѣваетъ, вызывая противъ себя болѣе или менѣе рѣшительныя мѣры правительствъ. Въ то время однако, когда въ Баваріи совершился даже министерскій кризисъ, и графъ Брай, отъявленный клерикалъ, принужденъ былъ удалиться отъ дѣлъ, прусское правительство остановилось на полудорогѣ и ограничилось упраздненіемъ особаго департамента, вѣдавшаго дѣла католическаго испо-

Digitized by Google

вѣданія, подчинивъ ихъ общему завѣдыванію духовными дѣлами въ государствѣ. Но чего не дѣлаетъ государство, за то берется частная инициатива, и дружный отпоръ противъ новаго католицизма составитъ честь современной Германіи. Дѣло Дёллингера и его друзей растетъ и крѣпнетъ; самъ онъ демонстративно избранъ въ ректоры мюнхенскаго университета, въ самомъ центрѣ этого ультрамонтанства. Въ то же время въ сѣверной и средней Германіи собираются съѣзды и митинги, выражающіе сочувствіе начавшемуся движенію. Такъ въ Гейдельбергѣ состоялся съѣздъ такъ называемыхъ старокатоликовъ подъ предсѣдательствомъ профессора Виндшейта; этотъ съѣздъ высказался за необходимость церковной реформы въ смыслѣ приближенія католической религіи къ основамъ первоначальной христіанской церкви, отъ ученія котораго она съ вѣками отдалилась.

Итакъ, рабочее движеніе, ростущій постепенно протестъ противъ милитаризма, недовольство безсмѣнностью и безнаказаннымъ властованіемъ устарѣлыхъ реакціонеровъ во главѣ правительственныхъ отраслей, борьба съ клерикалами и духовенствомъ, наконецъ противодѣйствіе снова поднимающей голову соціально-демократической партіи,—вотъ сколько елементовъ можно насчитать уже теперь, на другой день послѣ изліяній патріотизма и счастья,—елементовъ, тормозящихъ начатое дѣло унификаціи и умиротворенія. Чѣмъ дальше будутъ отходить дни военной славы, туманившей очи народа и заслонявшей отъ него старые недуги, тѣмъ все болѣе и болѣе будетъ всплывать наружу симптомовъ броженія, недовольства и жажды реформъ. Но реформъ-то именно, въ смыслѣ удовлетворенія справедливыхъ народныхъ требованій, не расположено производить правительство новой имперіи. Увлеченное разъ на заманчивую арену міровой политики и претендуя на руководящую въ ней роль, оно пренебрегаетъ внутренними вопросами, считая ихъ второстепенными, мелкими и легко сглаживаемыми крѣпкой и послѣдовательной системой отеческой опеки. Но и въ самой связи, соединяющей нынѣ Пруссію съ прочими нѣмецкими государствами, начинаютъ прокрадываться признаки непрочности и стремленіе вырваться изъ путъ, наложенныхъ необходимостью, фатальнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Конечно, не отъ мелкихъ владѣній идетъ это, пока глухое, противодѣйствіе нивеллирующему государственному соединенію съ Пруссіею; мелкимъ правительствамъ есть еще чѣмъ заниматься пока: такъ въ Гессенѣ, на примѣръ, еще недавно было издано распоряженіе, воспрещающее ношеніе бороды всѣмъ чиновникамъ, за нѣкоторыми впрочемъ исключеніями, при чемъ этимъ немногимъ счастливцамъ указана и форма разрѣшенныхъ волосяныхъ украшеній. Инициатива сепаратизма идетъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, отъ Баваріи, не могущей примириться съ второстепеннымъ положеніемъ, навязаннымъ ей войною. Молодой баварскій король, самоотверженіе котораго,—какъ извѣстно на дѣлѣ вынужденное,—донынѣ принято

Digitized by Google

въ Германіи восхвалять, показываетъ весьма ясно свое неудовольствіе и досаду, смѣнившую нынѣ у него показной патріотизмъ. Когда прусскій наслѣдный принцъ прибылъ въ Мюнхенъ для присутствія при торжественномъ вступленіи баварскихъ войскъ въ столицу, Людовикъ второй,— и послѣдній, какъ прибавляютъ баварскіе прусофилы,—не пропускалъ случая, чтобы выказать свою антипатію къ Пруссіи. Онъ не явился даже на торжественный банкетъ, данный городомъ, оставивъ прусскаго принца одного принимать всѣ изліянія патріотизма мюнхенскихъ градоначальниковъ. Не безъ вліянія правительства начались придирчивыя и мстительныя отношенія прокуратуры къ газетамъ прусскаго направленія. Такъ три клерикальныя баварскія газеты, отличавшіяся излишней преданностью нѣмецкой имперіи, подверглись одна за другой тяжкимъ преслѣдованіямъ, денежнымъ штрафамъ, аресту редакторовъ. Между окружающими короля и въ его арміи образовалась значительная партія, недовольная необходимостью произвести, сообразно съ заключенными трактатами, военную реформу на прусскій ладъ. Короля въ этомъ случаѣ поддерживаетъ его дядя, принцъ Луитпольдъ, и значительная часть старыхъ офицеровъ баварской арміи, въ которой лишь часть молодежи, группируясь около генерала фонъ-деръ-Танна, получившаго печальную извѣстность въ послѣднюю войну, обращаетъ взоры на Пруссію, ожидая себѣ за преданность и усердіе чиновъ, крестовъ и прочихъ благихъ милостей.

Довершеніемъ ясно высказывавшагося и безъ того нерасположенія баварскаго короля къ Пруссіи было выраженное имъ наотрѣзъ нежеланіе выѣзжать на встрѣчу къ императору во время его проѣзда въ Ишль и Гаштейнъ. Въ самую послѣднюю минуту король нехотя, какъ бы подчиняясь принужденію, измѣнилъ свое намѣреніе—свидѣться съ своимъ верховнымъ повелителемъ и, какъ замѣтили газеты, проѣхалъ съ нимъ нѣсколько станцій въ одномъ вагонѣ. Но кто же не знаетъ, какъ мало внутренняго значенія имѣютъ подобныя встрѣчи и съѣзды, вызванные условной любезностью и старымъ дипломатическимъ церемоніаломъ.

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Искренно сожалѣемъ, что во время отсутствія нашего, вынужденнаго домашними дѣлами, было помѣщено во «Внутреннемъ обозрѣніи», въ № VII «Бесѣды», на стр. 100 и 101, несправедливое, по нашему убѣжденію, обвиненіе гг. В. П. Безобразова и Ю. Ѳ. Самарина, которое мы вполнѣ отрицаемъ.

Въ редакціи полагали, что статья эта была нами разсмотрѣна и одобрена; но на дѣлѣ оказалось, что этой статьи мы вовсе не видали, и она была прочтена нами тогда уже, когда была напечатана.

Дѣятельность Ю. Ѳ. Самарина по крестьянскому вопросу такъ хорошо извѣстна, что всякое обвиненіе въ крѣпостничествѣ падаетъ само собою, и мы знаемъ, съ какимъ сочувствіемъ гг. Самаринъ и Безобразовъ печатно и на дѣлѣ относились къ уничтоженію крѣпостного права и крѣпостничества во всѣхъ его видахъ и какое горячее участіе они принимали и принимаютъ во всемъ относящемся къ нравственному и матеріальному благосостоянію крестьянъ; а потому мы не только не рѣшились бы заподозрить эти почтенныя личности въ «сохраненіи крѣпостническихъ традицій», но готовы всегда протестовать противъ подобныхъ нападеній на нихъ. Насчетъ удержанія, или отмѣны розогъ въ крестьянствѣ *по собственнымъ его приговорамъ* можно быть рознаго мнѣнія: мы думаемъ, что такая отмѣна необходима и возможна въ настоящее время, и гг. Самаринъ и Безобразовъ могутъ не соглашаться съ этимъ; но выводить отсюда какія нибудь заключенія насчетъ ихъ крѣпостническаго образа мыслей, по меньшей мѣрѣ, несправедливо и невозможно. И тѣмъ болѣе невозможно это, что, даже не зная ихъ дѣятельности по крестьянскому вопросу и ограничиваясь однѣми только рѣчами, произнесенными ими 19 іюня въ вечернемъ засѣданіи московскаго губернскаго земскаго собранія, нельзя прійти къ такому выводу относительно ихъ образа мыслей, а тѣмъ болѣе называть ихъ «адвокатами розогъ».

Digitized by Google

Глубоко сожалѣемъ также о сказанномъ насчетъ статьи князя Черкаскаго, помѣщенной въ «Сельскомъ благоустройствѣ» 1859-го года. Читатели этого журнала знаютъ, такъ же, какъ и мы, какимъ духомъ онъ былъ проникнутъ и какую пользу онъ принесъ крестьянскому дѣлу; извѣстна также и почтенная дѣятельность князя В. А. Черкаскаго по крестьянскому вопросу, а потому не могло прійти намъ и на мысль бросать грязью ни въ это изданіе, ни въ почтенныхъ его сотрудниковъ.

Дѣлая такое заявленіе, мы удовлетворяемъ требованіямъ нашей совѣсти, какъ бы ни было оно истолковано, и просимъ нашихъ читателей сказаннаго на стр. 100 и 101 «Внутренняго обозрѣнія» № VII «Бесѣды» отнюдь не относить къ мнѣніямъ ея редакціи, которая глубоко скорбитъ о томъ, что на ея страницахъ могли найти мѣсто такія нападки противъ лицъ, заслужившихъ общее уваженіе своею дѣятельностію по крестьянскому вопросу, и тѣмъ болѣе, что редакція поставила себѣ за правило спорить о мнѣніяхъ, совершенно устраняя все то, что можетъ быть оскорбительнаго для противника.

ПОПРАВКИ.

На стран. 147 стр. 5 сн. вмѣсто: *часто* слѣдуетъ читать частно; стран. 154 стр. 20 св. вмѣсто: *но тамъ ли они оказываются на дѣлѣ, гдѣ должны быть*, слѣдуетъ: но тѣмъ ли они оказываются на дѣлѣ, чѣмъ должны быть. Стран. 155 стр. 7, св. вм. *столоначальника отдѣленія*, слѣдуетъ: столоначальника, начальника отдѣленія. Стран. 172 стр. 12 сн. вм. *поверхностью*, слѣдуетъ: поверхностностью.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google